

В следующем выпуске
читайте:

Луи Буссенар
«Беглецы в Гвиане»

Морис Леблан
«Призрак замка Роборэй»

Говард Коль, Маргарита Коль
«Смерть миллионера»

МАЛЫЙ
АВАНТЮРНЫЙ
РОМАН

ДОРОГА НА ЭШАФОТ

ДОРОГА НА ЭШАФОТ

**ДОРОГА
НА ЭШАФОТ**

**МАЛЫЙ
АВАНТЮРНЫЙ
РОМАН**

МАЛЫЙ АВАНТЮРНЫЙ РОМАН

ЖАН ДЕЛАГИР
ДОРОГА НА ЭШАФОТ

ЖОРЖ ОНУ
СМЕРТЬ КОНСУЛУ

АРТУР КОНАН ДОЙЛЬ
В БУЛОНСКОМ
ЛАГЕРЕ

ЧАРЛЬЗ МАЙОР
В РАСЦВЕТЕ
РЫЦАРСТВА

МАЛЫЙ АВАНТЮРНЫЙ РОМАН

ДОРОГА НА ЭШАФОТ

Санкт-Петербург
Печатный Двор
1993

ББК 84.3(0)
Д69

Составители *Б. Герцензон, В. Косниченко*

Издание осуществлено совместно с АО
«Петрокон»

ISBN 5-7062-0042-4

© Составление Б. Герцензон, В. Косни-
ченко, 1993.
© Художник С. Маикова, 1993.
© Оформление «Печатный Двор»,
1993.

ЖАН ДЕЛАГИР

ДОРОГА
НА ЭШАФОТ

За последние дни в Париже только и говорили о дипломатических переговорах, касающихся брака будущего короля Людовика XVI с будущей королевой Марией Антуанеттой.

В Луврском дворце, в приемной личных апартаментов короля Людовика XV, предстоящий брак возбуждал всеобщее любопытство и служил предметом разговоров.

Накануне того дня, когда свита родовитых дворян и военных должна была выехать в Страсбург, чтобы ждать там молодую австрийскую эрцгерцогиню, которая должна была стать женой дофина Франции, приемная около четырех часов пополудни была заполнена блестящим обществом.

Здесь было много придворных, но еще более военных. Последние состояли из мушкетеров, часть которых находилась в этот день на дежурстве, и гвардейцев — соперников и даже врагов мушкетеров. Это собрание высшего дворянства и офицерства представляло собой блестящую картину роскошных мундиров и фраков, усеянных брильянтовыми звездами.

Вдруг одна из дверей приемной открылась и раздался громкий голос:

— Господин д'Эспирак!

Один из мушкетеров отделился от группы, быстро пробираясь между тройным рядом любопытных голов.

Господин д'Эспирак уже несколько лет исполнял ответственные обязанности капитана мушкетеров.

Это был высокий, живой гасконец, худощавый и нервный, обладавший храбростью и придворной сдержанностью; он умел так же хорошо владеть шпагой, как придворными хитростями и интригами, и был глубоко предан мадам Дюбарри, которая была тогда настоящей королевой Франции.

Выйдя за дверь, через которую его позвали, капи-

тан мушкетеров очутился во второй приемной, меньшей, чем первая, и пустой. В ней находился только один человек. Д'Эспирак узнал в нем Мартеля, любимого секретаря герцога Шуазеля, бывшего тогда премьер-министром.

— Меня требует герцог? — спросил д'Эспирак.

— Да, капитан.

— Герцог в своем кабинете?

— Нет, капитан, он в кабинете его величества.

— А его величество?

— Он в постели, но об этом не надо говорить.

— Прекрасно, я следую за вами.

И офицер пошел за секретарем. Пройдя два больших пустых зала, офицер отворил одну из дверей, отстранился и пропустил д'Эспирака, который, сделав три шага по кабинету, остановился.

Перед ним за столом, заваленным деловыми бумагами, сидел серьезный, задумчивый человек, положив одну руку на письмо, а другую прислонив к заметно озабоченному лбу. Это был герцог Шуазель.

С минуту длились ожидание и молчание, затем министр поднял голову и пристально взглянул в лицо капитану. Но гасконец не шелохнулся. Он видел и не таких людей.

Шуазель улыбнулся гордой и слегка дерзкой манере мушкетера держать себя и произнес с любезным жестом:

— Садитесь, пожалуйста, капитан.

Стул находился совсем близко от гасконца, он сел.

— Вы не догадываетесь, зачем я велел вас позвать? — спросил министр.

— Нет, герцог.

— Знаете ли вы, что на вас возложено управление эскортом, который будет сопровождать графа де Ноэля в Страсбург? Там граф де Ноэль будет ждать прибытия дофины.

— Дофины? — переспросил д'Эспирак.

— Да, — с улыбкой ответил герцог Шуазель. — В данную минуту Мария Антуанетта Австрийская — дофина Франции. Вы первый слышите об этом, после его величества, дофина, мадам Дюбарри и меня самого... Но я продолжаю. Граф де Ноэль будет ждать прибытия дофины. Вам, быть может, неизвестно, капитан, что мадам Дюбарри вовсе не в восторге от брака дофина?

— Я это знаю,— невозмутимо произнес капитан д'Эспирак.

— Мадам Дюбарри опасается соперницы при французском дворе,— продолжал министр.— У нее есть преданные друзья... и вы из их числа, господин д'Эспирак.

— Я действительно из их числа! — горячо проговорил гасконец.

— А я нет,— тем же тоном сказал Шуазель.— Так вот у меня там лежит полицейское донесение,— и министр указал пальцем на развернутое письмо,— из которого я узнал следующее: преданные друзья мадам Дюбарри решились воспрепятствовать даже посредством насилия въезду во Францию той, которая еще вчера была эрцгерцогиней Австрии.

Он умолк на минуту, затем, устремив свой пронизывающий взор в лицо д'Эспирака, произнес:

— Вы и это знали, капитан?

— Этого я не знал.

Это было сказано с такой твердостью и откровенностью, что Шуазель не колебался более: он поверил. На его лице отразилось удовольствие.

Он встал и, сделав два шага к подымавшемуся офицеру, спросил:

— Верите ли вы, капитан, что мадам Дюбарри участвует в этом заговоре?

— Нет, герцог, я этому не верю.

— Прекрасно... Теперь перейдем к тому, зачем я вас позвал. Во главе заговора стоит де Пресси-Шастель.

— Я с ним знаком,— проговорил д'Эспирак, едва сдерживая волнение.

Шуазель улыбнулся.

— По некоторым государственным соображениям я не хочу отдавать приказ об его аресте,— продолжал он.— По некоторым нравственным соображениям я не хочу, чтобы он был убит. А между тем, если он умрет, то заговор не будет существовать.

— Следовательно,— перебил гасконец,— надо его умертвить, не убивая.

— Вот именно...

— А для этого имеется только дуэль.

— Именно!

— А так как де Пресси-Шастель обладает самой меткой рукой в королевстве, то вы, герцог, подумали,

что капитан мушкетеров граф д'Эспирак, единственный человек, способный убить и не быть убитым, может драться с де Пресси-Шастелем?

— Именно...

— И вы мне отдаете этот приказ?

— Приказ? — воскликнул министр. — Нет, я выражаю только желание... от имени короля.

— От имени... — пролепетал д'Эспирак, бледнея.

— От имени короля! — твердо проговорил герцог Шуазель.

Эти два человека, не сводившие глаз друг с друга, пережили тяжелую минуту молчания. Какая же страшная тайна должна была таиться в этом загадочном разговоре для того, чтобы офицер вдруг так сильно побледнел, а премьер-министр по поводу такого простого полицейского донесения говорил от имени короля?

Низко склонивший голову д'Эспирак вдруг гордо поднял ее. Он уже хотел говорить, когда министр предупредил его:

— Капитан, я вот что взвесил: мадам Дюбарри ваш друг, а дофина, я в этом уверен, рано или поздно погубит мадам Дюбарри. Вы не знаете дофины, но дофина будет королевой Франции... Так вот, капитан, я это взвесил и говорю: в качестве капитана мушкетеров вы служите королю Франции. А теперь выбирайте между...

— У меня нет выбора, герцог, мне остается только повиноваться, — серьезно ответил д'Эспирак. — Но для этого недостаточно одного желания, даже самого его величества.

— Почему это? — с удивлением воскликнул герцог Шуазель.

— Ваша полиция, герцог, не все знает.

Министр подавил улыбку и, не ответив на эти слова, спросил:

— Если вам недостаточно желания короля, капитан, то чего же вы хотите?

— Приказа!

— Приказа?

— Да, герцог, приказа, написанного вами и подписанного собственной рукой его величества; приказа, в котором будет говориться, что граф д'Эспирак, капитан мушкетеров, должен убить на дуэли не господина де Пресси-Шастеля...

— А кого же, в таком случае? — с возрастающим удивлением спросил министр.

Капитан колебался несколько секунд, затем спокойно продолжал:

— Не господина де Пресси-Шастеля, но мадам Амалию Марию, незаконную дочь герцога Орлеанского и... мою любовницу!

При этом необычайном открытии герцог Шуазель тяжело опустился в кресло. Последовало несколько минут молчания, в течение которых министр понемногу пришел в себя от изумления.

Д'Эспирак продолжал:

— Амалия Мария, которую при рождении доверили моему старшему брату, дочь одной знатной принцессы, которую я не могу назвать; эта девочка была плодом ее мимолетной любви с герцогом Орлеанским. Мой старший брат воспитал девочку в нашем гасконском замке. Ему пришла фантазия сделать из нее женщину, более мужественную, чем мужчины. Восемнадцати лет Амалия Мария приехала в Париж под именем господина де Пресси-Шастеля; с этих пор она моя любовница, и во всем Париже только я да герцог Орлеанский знаем, что господин де Пресси-Шастель — женщина... Я принадлежу королю, герцог; моя жизнь и кровь принадлежат ему, и я убью даже мадам Дюбарри, если король этого пожелает, но для того, чтобы убить собственную любовницу, мне недостаточно одного желания, повторяю: мне нужен приказ.

И сказав это, граф д'Эспирак так же спокойно, как и раньше, сел на стул, потому что Шуазель сидел.

Министр сидел в той же задумчивой позе, в какой застал его капитан. Потом он встал, жестом предложил мушкетеру встать тоже и сказал просто:

— Очень хорошо, капитан, я вас извещу. Будьте любезны не покидать сегодня ночью дворца.

Граф д'Эспирак поклонился, повернулся по-военному на каблуках и, звеня шпорами, не оборачиваясь, вышел из кабинета.

.
У де Пресси-Шастеля, или, вернее, Амалии Марии, было назначено свидание с д'Эспираком у нее на квартире на улице Сен-Жак около девяти часов вечера. В восемь часов она вернулась домой; квартира ее

находилась на первом этаже старого уединенного дома.

Прислуживал Амалии Марии немой евнух-негр, которого она купила у одного богатого иностранца, проезжавшего через Париж. Этот негр, по имени Зизор, исполнял у нее обязанности повара и лакея.

— Зизор, — спросила она, входя, — мой женский костюм приготовлен?

Негр утвердительно качнул головой.

— Хорошо. Помоги мне одеться.

Несколько минут спустя военное платье, так прекрасно сидевшее на Амалии Марии, было аккуратно сложено на сундук, между тем, как молодая женщина стояла нагая перед венецианским зеркалом и расправляла свои полуженские, полумужские члены. Она обладала нервными ногами и крепкими руками молодого, сильного воина. Но прелестные очертания ее тела и девственная грудь, манившая к поцелую, выдавали в ней женщину. Ее любовные отношения с д'Эспираком начались с восемнадцати лет; теперь ей шел двадцать четвертый год.

Лицо ее по своей свежести напоминало лицо молодой девушки, а по характерным чертам — лицо молодого человека аристократического происхождения. Ее черные волосы были коротко подстрижены.

Нет сомнения, что в мужском костюме Амалия Мария была полным огня рыцарем, а без костюма — обаятельной женщиной.

Когда она достаточно налюбовалась собой, на ее пурпуровых губах появилась улыбка и в темных глазах сверкнул луч радости; потом, отвернувшись от зеркала, она дала Зизору накинуть на себя тонкую сорочку, а поверх нее широкий белый пеньюар, затканый розовыми цветами.

— Обед готов? — спросила она.

Негр утвердительно кивнул головой.

— Ну, так за стол! — воскликнула молодая женщина. — За стол, прежде чем лечь в постель. На эту ночь господин де Пресси-Шастель умер, а мой дорогой д'Эспирак увидит, что его огневая Амалия Мария полна жизни.

Но в ту минуту, когда возлюбленная капитана мушкетеров садилась за изящно и роскошно сервированный стол, у входной двери квартиры послышались три сильных удара и один легкий.

— Это частный секретарь Шуазеля,— прошептала Амалия Мария.— Что ему от меня надо?

Тотчас же появился негр, подавая на подносе конверт без надписи.

— Надо ответ?

Зизор отрицательно качнул головой.

— Хорошо. Можешь идти.

Оставшись одна, Амалия Мария распечатала конверт, развернула письмо и прочла:

«Граф д'Эспирак задержан во дворце. Будьте сегодня в одиннадцать часов на площади Пале-Рояля, в тени колонны. Будьте вооружены и не щадите никого, кто, подойдя к вам, не произнесет первым словом «Гаскония».

Ваш преданный слуга».

Подписи не было, и почерк, очевидно, был изменен.

— Мартель хорошо мне служит,— прошептала Амалия Мария.— Он, вероятно, подслушивал у дверей и узнал что-нибудь важное. Бедный мальчик, он рискует жизнью, изменяя ради меня своему повелителю, всемогущему герцогу Шуазелю. Но чего бы он ни сделал ради меня! А между тем я никогда ровно ничего для него не сделаю. Должно быть, любовь очень сложная вещь. Но как бы то ни было, а мой храбрый д'Эспирак на дежурстве, и Амалия Мария должна лишиться на эту ночь ласк, которые она так любит. Но, если верить предупреждению «будьте вооружены», то господин де Пресси-Шастель получит сегодня приятное развлечение. Моя жизнь далеко не банальна. А когда она перестанет занимать меня, о, тогда я выйду замуж за д'Эспирака.

Остановившись на этом решении, доказывавшем беспечный и счастливый характер, Амалия Мария села за стол, но далеко не с таким аппетитом, с каким поужинала бы без таинственного письма Мартеля, ближайшего секретаря герцога де Шуазеля, влюбленного в нее и союзника де Пресси-Шастеля.

В половине десятого молодая женщина встала из-за стола, велела Зизору переодеть себя в военный мундир, что он и исполнил без малейшего удивления этому постоянному переодеванию. Затем она заткнула за пояс два заряженных пистолета, пристегнула острую рапиру, надела на голову фетровую шляпу с пером,

накинула на плечи широкий черный плащ, и господин де Пресси-Шастель вышел из квартиры.

Ровно в одиннадцать часов он прислонился в тени к одной из колонн на площади Пале-Рояля. Левая рука его лежала на ручке пистолета, а правая слегка придерживала рукоять высунутой из ножен шпаги.

Де Пресси-Шастель стоял неподвижно минут пять, когда услышал позади себя сдержанные шаги. Он осторожно обогнул колонну и очутился лицом к лицу с человеком подозрительной наружности, который, пристально взглядываясь в него, низко поклонился и произнес:

— Вы не один ли из тех...

Он не успел закончить фразы. Де Пресси-Шастель помнил главный совет письма. Когда незнакомец заговорил, не произнеся первым словом «Гаскония», он быстро вынул шпагу и вонзил ее в горло говорившему, который умолк навеки.

— Готов! — сказал де Пресси-Шастель, когда труп тяжело опустился на ступени.

Ногой он оттолкнул его к стене, в более густую тень, и снова прислонился к колонне.

Почти в ту же минуту, но на этот раз уже со стороны площади, приблизился другой человек. Он, как и первый, взгляделся в де Пресси-Шастеля, поклонился и сказал:

— Я к вашим услугам...

— И я также, мой милый! — ответила любовница д'Эспирака, вонзая кинжал в грудь этого вежливого человека.

Он упал.

— И второй готов! — прошептал де Пресси-Шастель. — Но, черт меня побери, если я тут хоть что-нибудь понимаю! Мартель объяснит мне все это завтра, чтобы у меня не было хоть упреков совести. Надо стать за другую колонну, потому что соседство этих трупов несколько стесняет.

Но только де Пресси-Шастель успел опереться о ближайшую колонну, как появился третий человек, взгляделся в него и, не говоря ни слова, быстро обнажил шпагу.

— Ого, этот не так любезен, как два первых! — подумал де Пресси-Шастель и моментально вынул свою.

В то время, как шпаги скрестились он проговорил:

— Но кто же вы, наконец, милейший? Мне уже третьего приходится убивать.

— Два первых убиты? — произнес тот, шатаясь.

— И вы также, черт возьми! Три!

Говоря это, де Пресси-Шастель нанес удар в живот своему противнику; тот вскрикнул и упал.

Во время этой короткой дуэли подошел еще один человек. Он стоял в трех шагах от де Пресси-Шастеля.

— Гаскония!

— Наконец-то!

— Это я, сударыня.

— Мартель!

— Следуйте за мной, прошу вас, и как можно скорее.

Старательно вытерев шпагу и вложив ее в ножны, де Пресси-Шастель бросился за бежавшим Мартелем. На темной соседней улице ждала карета. По знаку Мартеля де Пресси-Шастель вошел в нее; секретарь премьер-министра сел рядом с молодой женщиной, спустил шторы и карета тронулась.

— Ну, Мартель, объясните мне, наконец, что-нибудь? — спросила Амалия Мария.

— Сию минуту объясню, сударыня, в нескольких словах, потому что мы сейчас приедем.

— Куда вы меня везете?

— К моей сестре, куда я послал лучшую лошадь из королевских конюшен.

— Для чего?

— Чтобы бежать.

— Значит, заговор открыт?

— Да.

— Говорите же!

Мартель торопливо передал разговор герцога Шуазеля с д'Эспираком. Он слышал его от начала до конца, спрятавшись за портьеру. После ухода капитана Шуазель прошел в комнату короля и вынес подписанный приказ, тот самый приказ, которого требовал д'Эспирак.

— И д'Эспирак видел эту бумагу? — спросила Амалия Мария.

— Нет, сударыня, ему передадут ее только утром. У вас впереди достаточно времени, чтобы доехать до Бретани, не опасаясь быть настигнутой. Там один мой друг, рыболов, уже предупрежден через курьера, которого я послал вперед. Барка будет вас ждать; вы пере-

правитесь на ней в Англию. Я расскажу все д'Эспираку, и он придет вам денег.

— Но неужели вы думаете, что мой возлюбленный будет драться со мной по приказу короля? — спросила Амалия Мария.

— Д'Эспирак, сударыня, послушный и преданный слуга его величества, — ответил Мартель. — Он повинуется, если вы останетесь во Франции.

— Полноте!

— Я в этом убежден, но только во Франции, так как король пощадил д'Эспирака, дав ему возможность не препятствовать вам бежать за границу. Это ясно сказано в приказе.

Амалия Мария задумалась, опустив голову. Она сильно любила д'Эспирака, но в ее чувстве не было никакой сентиментальности. Она понимала, что и капитан любит ее совершенно так же; в их любви политика и чувственность играли большую роль, чем нежность и преданность.

— Да, без сомнения, д'Эспирак стал бы со мной драться, — проговорила она. — Он убил бы меня, потому что я только его ученица в фехтовании.

Она снова задумалась. Мартель не прерывал молчание.

Вдруг она подняла голову.

— Мартель, а эти три человека, которых я убила, откуда они явились и зачем?

— Вы убили только трех?

— Только! — воскликнула с нервным смехом молодая женщина. — Разве этого мало в течение десяти минут?

— Должны были прийти пять человек, — сказал Мартель. — По приказу короля герцог де Шуазель поручил Брадинару, начальнику гвардии, выслать их. Они должны были по очереди соединиться с Брадинаром в Пале-Рояле к одиннадцати часам и затем схватить вас в вашей квартире. Мне удалось запереть Брадинара в одной из комнат и предупредить вас. Я был уверен, что когда эти негодяи появятся один за другим, то вы не задумаетесь отправить их на тот свет. Я пришел слишком рано и этим спас жизнь двум остальным.

— Понимаю, — проговорила Амалия Мария. — Третий обнажил шпагу не говоря ни слова, потому что видел, как я убила второго.

В карете опять воцарилось молчание.

Амалия Мария взяла за руку Мартеля.

— Друг мой, вы любите меня, не правда ли? — спросила она.

— О сударыня!..

— Ну, так вы мне нужны. Поедемте со мной в Англию.

— Я?

— Да, вы.

— Сударыня, у меня есть сестра, которая...

— Вы сомневаетесь?

Мартель несколько замедлил с ответом. Ему не суждено было никогда его произнести. В ту минуту, как он хотел заговорить, снаружи раздались два выстрела. Карета сразу остановилась. Мартель, откинутый толчком к окну, разбил его и порезал себе горло о стекло. В то же время занавеска открылась и прежде, чем Амалия Мария успела выстрелить из пистолетов, быстро выдернутых ею из-за пояса, ее схватили, вытащили из кареты, обезоружили, закутали в одеяло и бросили поперек лошади, управляемой опытным всадником, который помчался галопом.

Мартель умер, избегнув наказания, которое не миновало бы его, если бы дознались, что он способствовал бегству Амалии Марии. Он пал жертвой своей собственной хитрости, так как ровно в одиннадцать часов Брадинару удалось освободиться из комнаты, куда его запер Мартель. Он поскакал в Пале-Рояль, нашел там двух последних наемных убийц и видел, как отъехала карета. Предчувствуя истину, он помчался за каретой в сопровождении обоих союзников. Когда на одной из узких улиц карета поехала медленнее, трое преследовавших настигли ее. Одна пуля убила лошадь, другая кучера. Оставив своих соучастников делить добычу, Брадинар по особому приказу Людовика XV скрыл Амалию Марию в королевском павильоне Версаля, который назывался Олений парк.

Никогда больше не слышали о де Пресси-Шастеле, так как Брадинар был человек скромный.

Утром после этой полной событиями ночи, в восемь часов дверь приемной, где ждал взволнованный д'Эспирак, быстро отворилась и раздавшийся громкий голос произнес:

— Господин капитан мушкетеров!

Секретарь провел д'Эспирака в кабинет, где работал герцог де Шуазель. Утомленное лицо и покрасневшие

глаза премьер-министра доказывали, что он еще не ложился.

— Вы меня требовали, герцог, я здесь, — произнес д'Эспирак.

Министр поднял голову, склоненную над бумагами, и взглянул на гасконца, но спокойный вид мушкетера не имел в себе ничего подозрительного.

«Он ничего не знает», — подумал министр.

— Господин капитан, — сказал он, — вот приказ его величества относительно того, о чем я говорил вам вчера вечером.

д'Эспирак спокойно взял бумагу из рук герцога де Шуазеля, внимательно прочел ее и опустил в карман.

— Это решено, герцог, — произнес он холодно, но слегка бледнея. — Приказ короля будет выполнен сегодня же.

Герцог де Шуазель смотрел на этого человека, обладавшего такой сильной душой. Затем он встал и, подходя к нему, сказал:

— Вашу руку, господин капитан! Дайте мне вашу руку!

Гасконец, не понимая, протянул ему руку и ответил на его пожатие.

— Вы энергичный человек и верный слуга короля, капитан, — сказал герцог де Шуазель. — Но вам не придется выполнять такого тяжелого для вас приказа. Волей короля сегодня ночью де Пресси-Шастеля отправили в Бретань, откуда он проедет в Англию, и ему всю жизнь будут доставляться хорошие средства к существованию. А за потерю вашей оригинальной любовницы вот что вам жалуется король.

И, говоря это, премьер-министр снял со своей шеи орден Святого духа и надел его на шею д'Эспирака.

— Отправляйтесь же, капитан, выполнять возложенное на вас поручение, — сказал он. — Граф де Ноэль и его свита сегодня вечером выезжают в Страсбург. Вы будете командовать эскортом мушкетеров и гвардейцев. Отправляйтесь, король вас благодарит... И разорвите приказ, который лежит в вашем кармане.

д'Эспирак молча поднес бумагу к свече, горевшей на столе министра. Когда бумага превратилась в пепел, д'Эспирак поклонился, повернулся на каблуках и вышел, не произнеся ни слова.

Поняв намерение короля, гасконец никогда не справлялся о своей любовнице.

Никто не знал, утешил ли его в его потере орден Святого духа, но знали, что он заменил ее многими другими, менее оригинальными, но, быть может, столь же пылкими.

Таким образом, дофина могла приехать во Францию, так как в данное время ей не угрожал никакой серьезный заговор.

II

Брак Марии Антуанетты Жанны Лотарингской, эрцгерцогини австрийской, дочери Франциска I, императора Германии, и Марии Терезии, королевы Венгрии и Богемии, с дофином Франции Людовиком был совершен через представительство в Вене. Когда Мария Антуанетта проезжала через города Страсбург, Нанси, Шалон, Суассон, Компьен, дан был целый ряд пышных празднеств и народных увеселений. В среду, 16 мая 1770 года, в десять часов утра Мария Антуанетта прибыла в Версаль.

В Версале должен быть совершен настоящий брак. Король Людовик XV, дофин, тетки короля, его дочери, мадам Дюбарри, граф Клермонтский, принцесса Конти, словом, весь двор, Париж, Версаль и вся высшая, блестящая аристократия провинций собрались в версальской капелле.

Мало кто видел вблизи Марию Антуанетту. Любопытство было доведено до последней степени, когда в сопровождении высшего духовенства, церемониймейстера и короля дофин и дофина приблизились к алтарю.

Энтузиасты находили будущую королеву восхитительной, равнодушные — только приятной, а ревнивцы утверждали, что она обладает незначительной и «прискорбно легкомысленной» внешностью.

Говоря беспристрастно, дофина была красива. В роскошном венчальном платье пятнадцатилетняя принцесса имела уже в себе задатки того грациозного величия, которое она впоследствии показала на троне. У нее была высокая, стройная фигура, маленький, красиво очерченный рот, тонкий, орлиный нос, ее ясно-голубые, веселые глаза обрамляли дуги черных бровей. Лицо ее было овальной формы, с прямым

благородным лбом, а редкие по красоте оттенка белокурые волосы напоминали едва созревшие колосья. Цвет ее лица был так нежен и свеж, что не нуждался в косметике.

Но главная прелесть дофины заключалась в ее молодости, наивности, беспечности и скромности, выражавшейся во всех ее движениях. Она казалась богиней чистой любви, и венчальный обряд производил впечатление чего-то свежего, целомудренного и восхитительного, что было особенно резким контрастом посреди этого двора, где царили Людовик XV, прозванный развратником, и мадам Дюбарри.

Брачное благословение было дано архиепископом реймским, а епископы сенлисский и шартрский совершали богослужение.

Как только Мария Антуанетта действительно сделалась дофиной Франции, она приняла присягу от высших военных чинов, приветствия от посланников и иностранных министров; затем Омон передал ей ключ от шкатулки, которую король велел наполнить драгоценностями.

Но за таким великолепным и торжественным утром последовали мрачный день и вечер.

В три часа небо покрылось темными тучами, низко нависшими над версальским парком. Проливной дождь разразился над садами в ту минуту, когда двор вслед за дофиной и королевской семьей направлялся во дворец; раздались три страшных удара грома, и гроза вырвала с корнем огромное дерево.

Вебер, молочный брат Марии Антуанетты, приехавший с принцессой из Австрии во Францию, находился в эту минуту на крыльце главного входа вместе с графом д'Эспираком, капитаном мушкетеров. Они не были знакомы друг с другом, но переглянулись, и Вебер сказал:

— Верите ли вы в дурные предзнаменования, сударь?

— Нет, — ответил д'Эспирак, — я верю только в хо-рошие.

Вебер протянул руку мушкетеру, но тот не подал ему своей, вежливо поклонился и сказал:

— Я не знаю вас, сударь. По вашему акценту, я предполагаю, что вы иностранец. Вы преданы дофине, я — королю. Для того, чтобы быть друзьями, подождем, когда наши повелители будут ими.

Эта сцена заранее предсказала все царствование Людовика XVI и Марии Антуанетты.

Между тем мрачно и молча, под сильным ветром и дождем, толпа покидала сады, укрываясь во дворцах и домах Версаля.

Вечером во дворце был сервирован стол на двадцать два куверта для королевской семьи, принцев и принцесс крови. Во всем дворце шел веселый ужин. Только дофина была грустна. Она сказала Веберу, стоявшему за ее креслом:

— Меня испугал гром...

— А меня, сударыня, испугал королевский мушкетер, — ответил молодой человек.

Эти таинственные для дофины слова только усилили ее дурные предчувствия. Так как место совсем не подходило для объяснений, то Мария Антуанетта ушла в спальню, не узнав, что они означают.

Она перестала думать об этих словах только вследствие требований этикета. Она вынуждена была допустить раздеть себя согласно церемониям, установленным в первую брачную ночь для королей Франции. Герцогиня Шартрская подала ей сорочку, в то время как Людовик XV отдавал ее дофину.

И ночью Мария Антуанетта плакала не от любовной тоски, но от грусти и страха за будущее. К тому же дофин был совершенно спокоен и не особенно торопился иметь наследника.

Утро началось в Версале великолепными празднествами: парады, маскированные балы, большие и малые ужины, театры, иллюминации, фейерверк — все было налицо. Д'Эспирак заставил промаршировать своих мушкетеров при огромной иллюминации, составленной из десяти тысяч огненных залпов, тысячи ракет и двадцати четырех бомб, которые, разрываясь, сверкали искрами и солнцами; сквозь их огонь был виден весь залитый светом храм Гименея.

Но празднества, длившиеся несколько дней, закончились очень плохо. Из-за нераспорядительности городского мэра в Париже, на площади Людовика XV, не было никакого порядка. Вышло так, что толпа, прибывавшая по бульвару, давила толпу, стекавшуюся с Королевской улицы, а эта толпа, в свою очередь, давила ту, которая шла от набережной Тюильри и улицы Сент-Оноре.

От фейерверка загорелись устроенные для народа

места; приехали пожарные с тяжелыми машинами, затем мушкетеры на своих больших лошадях, потом стража Сартена с длинными алебардами. Начались толкотня, свалка, драка ради спасения собственной жизни; крики, плач, рев... Через два часа полиция очистила площадь, и насчитали пятьдесят три убитых и двести раненых...

На следующий день пятьдесят три человека были похоронены на кладбище Мадлен. Царствование Марии Антуанетты началось так, как оно должно было кончиться, — несчастьем и кровью.

.

Выйдя замуж и сделавшись дофиной Франции, Мария Антуанетта не сразу изменилась. В течение нескольких лет она еще оставалась шаловливой молодой девушкой, отказывавшейся носить корсет, забывавшей иногда почистить зубы, любившей только болтать, смеяться, проказничать и перешептываться с молодыми женщинами.

Единственный человек, который мог бы ей помочь избавиться от скуки этикета, был ее муж, дофин Людовик. Но для этого ему самому следовало быть мужчиной, он же по отношению к своей жене выказывал себя неопытным и застенчивым мальчиком.

При дворе стало известно, что Мария Антуанетта продолжает оставаться девушкой, и это послужило темой самых разнообразных сплетен. Людовик XV так не привык к невинности, что находил ее восхитительной, а мадам Дюбарри, наоборот, открыто высмеивала ее. Этого было достаточно, чтоб породить две враждебные партии, страшно возбужденные друг против друга.

Однажды д'Эспирак встретил в версальском саду Вебера. Вебер, как известно, был молочный брат Марии Антуанетты, а д'Эспирак сам признавал себя телохранителем мадам Дюбарри. Презрительно и холодно Вебер прошел мимо него, не поклонившись. Д'Эспирак почувствовал себя оскорбленным.

— Господин Вебер! — крикнул он.

Тот не обернулся.

— Черт побери! — пробурчал гасконец.

Он побежал вслед за австрийцем, догнал его и, опустив руку ему на плечо, спросил:

— Господин Вебер, это вы на вашей родине научились быть невежливым?

— Милостивый государь! — воскликнул Вебер, бледнея и сжимая кулаки.

— Ого! — ухмыльнулся гасконец. — Я не знал, что на севере люди так быстро воспаляются. Вы мой враг, а между тем мне нравитесь. Когда я увидел, что вы идете мне навстречу, мне захотелось дать вам один совет, который может быть очень полезен вашей маленькой королеве, дофине. Несмотря на ваш неприступный вид, я дам вам этот совет. — И, склонившись к молодому человеку, он прошептал: — После смерти его величества Людовика XV госпожа дофина будет королевой Франции, не правда ли? Мой долг служить моей королеве, теперь я делаю это заранее. Посоветуйте ей, сударь, не ожидать трона для того, чтобы сделаться женщиной, изучать и замечать все правила этикета, уметь держать себя серьезно и важно, словом, не пренебрегать тысячью приятных, светских вещей, необходимых королеве Франции. До свидания!

И, закрутив длинные усы привычным жестом, капитан д'Эспирак изящно повернулся по-военному на каблуках.

Этот разговор был передан. Оценили ум гасконца, и никто не стеснялся больше выражать свое мнение. Двор разделился на те две партии, которых даже сама революция не могла примирить. Постепенно эти партии будут увеличиваться с той и другой стороны. Со смертью Людовика XV они окрепнут в ненависти и страсти.

Доброта дофины в Версале, ее торжественный въезд в Париж, энтузиазм толпы к красивой, кроткой молодой девушке, все это в будущем станет предметом пересудов, клеветы, ненависти и ревности. Ее самые чистые чувства дружбы будут под подозрением, и когда король Людовик XV, очарованный, наконец, всеми прелестями своей жены, полюбит ее так, как до тех пор короли Франции любили только своих любовниц, двор вознегодует и будет ненавидеть королеву, «узурпировавшую» место фаворитки.

Прежде, чем перейти к рассказу о тяжелых годах при дворе, чередующихся со спокойными и веселыми праздниками в Трианоне, мы расскажем о трагическом происшествии, случившемся с дофиной, которое показывает, каким серьезным умом и добрым сердцем обла-

дала эта молодая женщина, считавшаяся легкомысленной.

Людовик XV охотился в Фонтенбло вместе со своим двором. Капитан д'Эспирак, маркиз де Роган-Шабо, принц де Субиз, герцог де Ларошфуко и граф Клермонтоннер, а за ними Людовик XV преследовали дикого оленя, уже пораженного несколькими ударами. Олень перескочил низкий забор одного небольшого сада в деревне Ашер, бросился на копавшего землю крестьянина и воткнул ему в живот рога.

Жена несчастного видела случившееся. Она в отчаянии начала кричать, звать на помощь и плакать. Весь двор прискакал галопом. Мария Антуанетта, проезжавшая мимо в коляске, услышала этот шум. Она спросила, в чем дело, и, узнав о несчастье, выпрыгнула из экипажа, побежала бегом через виноградник, не слыша, как мадам де Ламбаль и мадам Коссэ кричали ей:

— Сударыня, сударыня, вы упадете!

К великому негодованию мадам де Ноэль Мария Антуанетта все бежала вперед, подняв юбки, чтобы они ее не стесняли, подобно любой крестьянке. Очень ей нужно было в эту минуту думать об этикете!

Вся запыхавшись, добежала она до жены крестьянина; та лежала в обмороке.

— Скорей, скорей! Лекарство! — кричала дофина.

Побежали за лекарством. Де Коссэ принес флакон спирту. Бедная женщина, открыв глаза, увидела, что лежит в объятиях растрепавшейся от бега и плакавшей Марии Антуанетты.

Сама дофина, граф и графиня Прованские, все кавалеры и дамы, присутствовавшие при этой сцене, побросали свои полные золота кошельки на колени крестьянки. Мария Антуанетта усадила ее в свою коляску.

Вдруг подъехал Людовик XV. Ему доложили о том, что произошло.

— Какое несчастье, если этот человек умрет! — воскликнул король. — Как утешить вдову с ребенком?

— Ах, ваше величество, избавив их от нищеты, — ответила Мария Антуанетта. — Это, по крайней мере, смягчит их горькую участь.

Король обещал пенсию и приказал, чтоб его первый хирург ежедневно навещал раненого. Крестьянин выздоровел.

Его звали Шаню. Мария Антуанетта дала ему место

первого садовника в Версале. Жена его осталась с ним, но их сын, Пьер Шаню, воспитывался на средства дофины и, год спустя она взяла его к себе в качестве пажа. Это был красивый, высокий и сильный юноша, которому очень шел придворный костюм.

Он принадлежал впоследствии к тем людям, которые в несчастной королеве не забыли благодарений, добра и счастья, распространяемых молодой счастливой дофиной.

В тот самый вечер, когда случилось это происшествие в Ашере, капитан д'Эспирак вместе со своими лейтенантами находился близ казарм королевских мушкетеров в Версале. Тут были также Клермон-Тоннер, Коссэ-Бриссак, Роган-Шабо, маркиз де Сад, герцог де Бриссак, маркиз де Ларошфуко и Вебер.

Говорили о событиях дня. Роган-Шабо, принадлежавший к партии Аделаиды, дочери короля, интриговавшей против Марии Антуанетты, которую уже вслух называли «австриячкой», позволил себе очень дурного тона шутку по поводу приема дофиной ко двору молодого Шаню, сына простой крестьянки.

Д'Эспирак был очевидцем доброты и самоотвержения Марии Антуанетты в деревне Ашер; он был предан будущей королеве и, дерзко взглянув на Рогана-Шабо, сказал:

— Господин маркиз, человек вашего общества не должен оскорблять молодую девушку, которая, быть может, скоро будет королевой Франции.

— Это урок? — проговорил маркиз де Роган, бледнея от стыда и гнева.

— Да, маркиз, и предупреждение.

Этого было достаточно, чтобы разделить на две партии военных и штатских. С одной стороны находились Роган-Шабо и его друзья Клермон-Тоннер и Коссэ-Бриссак, с другой — д'Эспирак со своими товарищами по пирам и сраженьям; три его лейтенанта, маркиз де Сад, герцог де Бриссак, маркиз де Ларошфуко и Вебер, молочный брат Марии Антуанетты.

— Нас восемь человек, милостивые государи, вас только трое, — сказал д'Эспирак. — Партии не равны. Найдите пятерых из числа ваших друзей, и мы будем ждать вас завтра на рассвете на поляне, которая находится в глубине версальских садов. В такой ранний час нам никто не помешает.

Роган-Шабо и его друзья очень легко нашли в гости-

ных Версаля пять желающих драться. Они нашли даже тридцать и вынуждены были бросить жребий. Молодые дворяне, не различая партий и даже не спрашивая о предмете ссоры, охотно принимали участие в дуэлях, а настоящий поединок по своему многолюдству представлялся особенно желанным и редким.

Чтобы очистить доброе имя дофины Марии Антуанетты, на следующий день на заре шестнадцать кавалеров медленным шагом, как бы гуляя, явились на указанную поляну. Они были изящно, даже кокетливо одеты; их свежие утренние костюмы отличались мягкими тонами, были украшены золотом и драгоценностями.

Они разделились на две равные группы, построились одна против другой, раскланялись самым вежливым образом и, отдав свои шляпы и плащи слугам, сразу все вынули шпаги.

И дуэль началась.

От звуков стали, ударявшейся о сталь, птицы вспархивали на верхушки деревьев; восходящее солнце сверкало розовым светом по клинкам и лезвиям; подымался легкий ветерок. Для того, чтобы изящно умереть, — погода стояла восхитительная.

Первым упал граф де Куаньи, пронзенный насквозь лейтенантом мушкетеров, который, оставшись без противника, тотчас же вышел из ряда.

Затем наступила очередь второго лейтенанта, которому маркиз де Лис проколол грудь.

Потом Вебер ранил Коссэ-Бриссака, а маркиз де Сад, улыбаясь, кольнул графа Клермон-Тоннера.

Герцог де Бриссак разделался с бароном Пуймареном; оставались только капитан д'Эспирак и маркиз де Роган-Шабо.

Слуги перевязывали раны своих господ. Только второй лейтенант и граф де Куаньи скончались; у остальных были глубокие, но не опасные раны.

— Я ранен! — вскрикнул вдруг маркиз де Роган-Шабо и упал.

В ту же минуту раздался громкий женский крик, и все увидели бегущую Марию Антуанетту в сопровождении мадам де Ноэль и мадам Марсан, которые, запыхавшись, повторяли в ужасе:

— Сударыня! Сударыня! Что скажет король!

— Ах, оставьте меня в покое с вашим этикетом! — отвечала дофина. — Король скажет, что я права.

Но увидав столько кавалеров, лежащих на траве, и столько пролитой крови, она остановилась. Капитан д'Эспирак стоял один посреди поляны, остальные находились около раненых. Мария Антуанетта величественными шагами подошла к д'Эспираку и тоном, в котором уже чувствовалась королева, спросила:

— Господин капитан, что означает эта резня?

Д'Эспирак в смущении и нерешительности опустил голову.

— Сударыня, сударыня... я думал... — пролепетал он.

Но Вебер вывел его из затруднения. Он подошел к дофине и, почтительно раскланявшись, сказал тихо:

— Сударыня, у вас есть враги, они вас оскорбляют. Вам не надо знать, кто они, но необходимо, чтобы другие защитили вас. Умоляю вас немедленно уйти и хранить в тайне все случившееся. Дело касается вашего спокойствия на троне.

Мария Антуанетта опустила голову. Увы! Каково же должно быть это царствование, если заранее требует столько несчастий, ссор и крови! Слеза медленно скатилась по щеке дофины,

— Господин д'Эспирак, — произнесла она, — я прощаю и забываю. — И она ушла, утирая слезы.

Мадам де Ноэль и мадам де Марсан были вне себя. Они сочли необходимым сделать дофине строгий выговор. Мадам де Марсан подмигнула мадам де Ноэль, и та заговорила:

— Сударыня, что подумал бы король, если б увидел, что вы до восхода солнца бегаете по версальским садам! Двор...

Но вся красная от гнева, со сверкающими глазами и повелительным движением бровей, дофина обернулась и проговорила:

— Сударыня, замолчите. Этикет не существует, когда люди убивают друг друга в двух шагах от моих апартаментов. Слава Богу, что я не потратила времени на переодевание в парадный костюм, как вы этого желали. Придя в пеньюаре, я спасла двух человек...

Обе дамы опустили головы и, не говоря ни слова, последовали за молодой женщиной. Мария Антуанетта приобрела себе двух новых врагов.

.

— Черт возьми, милостивый государь, неужели снова придется дать вам урок! — воскликнул капитан д'Эспирак. — Я понимаю, что какие-нибудь жалкие провинциалы могут распевать эти скверные куплеты, но вы, маркиз де Роган-Шабо, придворный короля... фи!.. — И капитан повернулся на каблуках с самым презрительным видом, закручивая своим обычным жестом усы, в то время как маркиз де Роган-Шабо, желая избежать скандала, смешался с группой своих друзей, мысленно клянясь отомстить.

Сцена эта произошла в приемной короля в Версале два месяца спустя после той дуэли, на которую намекал д'Эспирак. Людовик XV скончался. Ему наследовал Людовик XVI, и маленькая дофина Мария Антуанетта сделалась королевой Франции.

С восшествием на трон той, которую все звали «австриячкой», интриги не прекратились. С одной стороны мадам Аделаида и ее сестры вместе с де Мореппа, де Вержен и де Муй, министры, маркиз де Роган-Шабо, его друзья и родственники, Клермон-Тоннер, Коссэ-Бриссак, все были настроены против королевы без всякой видимой причины. С другой стороны, капитан д'Эспирак и его лейтенанты, Вебер, маркиз де Ларошфуко, некоторые из дворян и молодых придворных дам стояли за Марию Антуанетту и не упускали случая защитить ее против оскорблений и клеветы.

Вышеприведенный выговор капитана д'Эспирака маркизу де Рогану-Шабо был сделан за то, что тот в приемной короля осмелился напевать первые строки шансонетки, распеваемой тогда на улицах Версаля и Парижа:

Королева в двадцать лет,
Вам не одобровать.
Королева в двадцать лет,
К людям в вас участия нет.
Вам не одобровать!

Маленькая королева навлекла на себя эту шансонетку не вследствие своей недоброжелательности или злобы, так как не была на это способна, а просто по беспечности, а главное, потому, что она была любима королем так, как до сих пор короли любили лишь своих любовниц. Она унаследовала всю ревность, возбуждаемую раньше мадам Помпадур и мадам Дюбарри.

Выходка д'Эспирака не осталась без последствий. Роган-Шабо постарался привлечь на свою сторону всю аристократию двора. Ларошфуко отклонились от кружка Марии Антуанетты и соединились с Морсанами, Субизами, привлекли на свою сторону Ноэлей, Криллонов и Монморанси. Около королевы остались лишь капитан мушкетеров со своими лейтенантами. Вебер, да несколько незначительных друзей.

Предвиделась ожесточенная борьба, и каждый день, каждую минуту она должна была иметь своим последствием торжество революции.

Заручившись всем, что было наиболее сильного при дворе, маркиз Роган-Шабо перестал скрывать свои намерения. Он держал себя так дерзко, что однажды, когда он прогуливался по версальским садам, к нему подошел капитан д'Эспирак и сказал:

— Милостивый государь, то, что вы делаете, достойно имени негодяя. О, не вынимайте вашу шпагу! Я не буду больше с вами драться. Несмотря на всю вашу неловкость, вы могли бы убить меня, или я вас убью, а ваш род достаточно силен, чтобы выхлопотать мое изгнание. В том и другом случае, я исчезну. Но я могу со временем быть полезным королеве и был бы в отчаянии, если б не мог ей служить. Но запомните хорошенько, милостивый государь, что король любит свою жену, что король уважает меня и что, хотя вы и очень высокий вельможа, может наступить момент, когда вы очутитесь внизу. До свидания, сударь! — И, оставив маркиза де Рогана выведенным из себя унижением и злобой, д'Эспирак отправился разыскивать Вебера.

— Друг мой, — сказал он ему, — мне необходимо видеть королеву и поговорить с ней лишь при тебе, без посторонних свидетелей.

— Это трудно, — ответил Вебер. — Ваш двор из этикета сделал настоящую тиранию. Королева Франции имеет гораздо менее свободы, чем последняя девушка с фермы.

— Это верно, но надо попытаться устроить это свидание. Когда наступит благоприятная минута, ты мне скажешь.

— Понимаю.

Они простились. Но благоприятная минута не наступила. А на вопрос справлявшегося д'Эспирака Вебер ответил:

— Послушай, почему бы тебе не написать королеве то, что ты хочешь сказать? Я передам письмо.

— Хорошо, — согласился д'Эспирак, — только пусть королева сожжет его после того, как прочтет, потому что, если его найдут, то им воспользуются не против такого ничтожества, как я, а против самой королевы.

— Я сам сожгу его.

— Хорошо.

На следующий день д'Эспирак передал Веберу бумагу, в которой очень ясно было изложено положение королевы при французском дворе. Капитан советовал быть осторожнее, и, если возможно, удалиться, то есть заняться чем-нибудь находящимся вне двора и государственных дел. Д'Эспирак извинялся, что дает советы ее величеству; он вынужден делать это ввиду грозящих ей несчастий, которых надо избежать во что бы то ни стало.

Когда Вебер подал ей это письмо, Мария Антуанетта сидела в своем будуаре вдвоем с мадам де Ламбаль, которая в последнее время считалась ее лучшей подругой.

Получение частного письма было до такой степени вне правил этикета, что пальцы королевы дрожали, когда она распечатывала его. Она его прочла, не останавливаясь, от начала до конца. Потом на ее глазах выступили слезы, и она протянула письмо принцессе де Ламбаль; та прочла его тоже. Потом Вебер взял письмо и бросил в камин. Бумага съезжилась, пожелтела, затем сразу загорелась, и ветер унес пепел в трубу.

Тогда обе молодые женщины переглянулись, и мадам де Ламбаль сказала:

— Этот человек прав.

— Да, — вздохнула королева.

Затем она что-то решила и позвонила. Приподнялась портьера, и вошел паж.

— Король в своем кабинете? — спросила Мария Антуанетта.

— Да, ваше величество.

— Доложите королю, что я хочу с ним говорить.

Несколько минут спустя паж вернулся и доложил, что король ожидает королеву.

— Но что же вы хотите делать? — в третий раз спросила мадам де Ламбаль задумавшуюся королеву.

— Просить Трианон, — с улыбкой ответила Мария Антуанетта и вышла.

.

Посоветовав Марии Антуанетте укрыться от гроз и интриг двора, капитан д'Эспирак напомнил ей совет, данный когда-то графом и графиней де Ноэль, — попросить у Людовика XVI Малый Трианон.

Еще задолго до получения письма д'Эспирака Мария Антуанетта вошла однажды утром к своему супругу с твердым намерением получить в свою полную собственность это прелестное поместье. Но король, любивший свою жену все нежнее и нежнее, не дал ей и коснуться этого предмета, стал расспрашивать о здоровье, о том, как она провела ночь.

По странному и необъяснимому слиянию мыслей, соединяющих два сердца гораздо крепче, чем торжественные клятвы, в этот день Людовик XVI проснулся с желанием предложить Марии Антуанетте Малый Трианон. Он очень ловко заговорил о хорошей погоде, прелести садов, освещенных веселым солнцем, об аромате цветов. Королева невинным тоном призналась, что всегда любила цветы. Людовик XVI встал, улыбнулся и веселым, взволнованным голосом сказал:

— Вы любите цветы? Прекрасно! Я могу подарить вам прелестный букет — Малый Трианон.

С непосредственностью, свойственной молодости, любви и радости, Мария Антуанетта бросилась на шею мужу, расцеловала его и убежала к себе в будуар, где ее ждала мадам де Ламбаль.

— Я получила! Я получила! — воскликнула она, хлопая в ладоши. — Я получила Малый Трианон!

Они обнялись и начали говорить о том, не будет ли это противоречить этикету, если они съездят посмотреть свое новое поместье. Все было обдуманно, посоветовались с мадам де Ноэль, и прогулка была решена.

Мария Антуанетта послала Вебера за графом д'Эспираком, и они выехали вчетвером.

В такой час весь аристократический Париж был во дворце или в постели. Никто не гулял в версальских садах; лишь садовники, поливавшие цветы, видя королеву, почтительно кланялись ей.

Проехали версальский парк, затем Большой Трианон и, наконец, очутились в Малом Трианоне.

Он представлял собой квадратный павильон римского стиля, стоявший в самой середине парка. Это был миниатюрный дворец, фасад которого едва достигал

двадцати трех метров. Он состоял из трех этажей, поднимавшихся между колонн и коринфских пилястров, великолепно украшенных и орнаментированных, с итальянской террасой наверху здания.

Малый Трианон был созданием архитектора Габриэля. Маркиз де Линар следил за его сооружением, а скульптор Жильбер разукрасил своим тонким резцом. Сюда в старости приезжал Людовик XV вместе с герцогом Айенским отдыхать от кутежей.

Королева, принцесса де Ламбаль, Вебер и д'Эспирак осмотрели дворец до мельчайших подробностей. Мария Антуанетта, горя нетерпением поскорее в нем поселиться, не хотела возвращаться в Версаль, не решив на месте всех изменений, которые необходимо сделать. Вебер взял записную книжку и карандашом записывал ее указания.

Со следующего же дня герцог де Караман был приглашен Марией Антуанеттой к руководству работами. Архитектор мифологического стиля Мак, изящный реставратор-художник Губерт Робер на глазах у королевы рисовали на бумаге планы такой деревни, о какой она мечтала. Деревья, река, скала, залы для театральных представлений, деревенский мост, бельведер, мельница, кустарники, остров, храм Амура, молочная ферма из белого мрамора, все было создано сразу. И всюду цветы, самые роскошные, самые ароматные, самые редкие цветы. Кампан пригласил Боннефуа, а тот, в свою очередь, Жюсье, который на глазах у королевы поливал ливанский кедр.

Через месяц мечта реализовалась. Ремонт и отделка Малого Трианона были закончены, и в нем поселилась королева, готовая на всякие игры, на смех, на всевозможные развлечения, чтобы только забыть торжественную скуку Версаля и все правила этикета.

В Малом Трианоне образовался небольшой двор, жизнь, приключения, увлечения и интриги которого читатель найдет на последующих страницах.

Д'Эспирак и Вебер стояли во главе двора. Мадам де Ламбаль была назначена управительницей деревенского дома королевы. Граф и графиня Прованские, граф д'Артуа, граф де Ферзень и несколько молодых аристократов самого избранного общества были первыми приняты при трианонском дворе.

Среди этого случайного двора Марии Антуанетте суждено было торжествовать во всем величии короле-

вы и красивой женщины. Она не была уже более хорошенькой, наивной девушкой с берегов Рейна; с течением времени она приобрела все то, что самые взыскательные мужчины требуют от женщин. Ее фигура, по выражению мадам де Полиньяк, была создана для трона; белокурые шелковистые волосы, прелестная шея, дивные округлые плечи, восхитительные руки, изящная, плавная походка; ко всему этому царственно-добродушная манера держать голову и ласковая улыбка, освещающая все лицо, — вот портрет Марии Антуанетты Австрийской, супруги Людовика XVI, владелицы и повелительницы Малого Трианона.

III

Через несколько дней после окончательного переселения в Трианон королева Мария Антуанетта начала разыгрывать роль фермерши.

Однажды утром она встала очень рано и вышла из дворца со своей ближайшей подругой принцессой де Ламбаль.

Обе молодые женщины были совершенно одинаково одеты в простые платья. Согласно новой моде: на них были польские юбки из полотна с мелкими голубыми и розовыми цветочками, украшенные оборками из той же материи. Корсажи, отделанные белой материей, открывали часть груди, плечи и шею. Их красивые головы были украшены белыми чепцами, из-под которых висели длинные букли. Обнаженные по локоть руки, короткие, едва достоящие до щиколотки юбки придавали им очаровательный вид деревенской простоты и фривольной, оригинальной кокетливости.

Мария Антуанетта и принцесса де Ламбаль направились к молочной, где их уже ждали графини Фиц-Джемс, Эстергази и де Саластрон, переодетые в фермерш. Они должны были раздавать красивые кружки с молоком всему двору Малого Трианона, когда он приходил сюда на ранний завтрак.

Обе подруги смеялись и болтали о том, какое удовольствие они себе сейчас доставят, когда из-за поворота одной аллеи появились двое мужчин, любезно раскланявшихся с фермершами.

Это были граф де Ферзен и его двоюродный брат, виконт де Лион, лейтенант мушкетеров.

— Как я благодарен счастливой случайности,— проговорил граф де Ферзен, обращаясь к Марии Антуанетте.

Но принцесса де Ламбаль улыбнулась. Она хорошо знала обоих двоюродных братьев, и уже несколько дней, слушая деревенские мадригалы виконта де Лиона, следила за маленькой интригой, завязывавшейся между графом де Ферзеном и Марией Антуанеттой. Поэтому она и не верила в «счастливую случайность».

С вызывающей улыбкой принцесса сказала виконту де Лиону:

— Подите сюда, виконт, мне надо вас хорошенько побранить.— И она увлекла своего поклонника за деревья, оставив Марию Антуанетту вдвоем с графом де Ферзеном.

Королева и граф с минуту смотрели друг на друга, и оба покраснели... Уже с месяц какая-то таинственная сила соединяла их. Теперь действительно они могли поговорить, имея свидетелями лишь деревья парка в это влажное, ароматное, раннее утро.

— Сударыня,— произнес дрожащим голосом граф,— окажите мне милость, выслушайте меня одну минуту...

В Малом Трианоне этикет отсутствовал, и Марию Антуанетту величали ее величеством только в сказках королей и фей, которые представляли по вечерам на сцене. Королева непременно желала, чтобы в повседневной жизни не было никаких церемоний и чтобы в Трианоне царил деревенский, а не придворный тон.

— Граф,— произнесла она,— хотя ум и говорит мне, что этого не надо, но сердце сильнее ума, и... я вас слушаю.— Она покраснела, опустила голову и стояла, как молоденькая девушка, застигнутая за легким проступком.

— Пройдемте в парк, если позволите,— предложил граф.

Они медленно углубились в узкую, темную, поперечную аллею. Молодой человек был в таком восторге от слов, сорвавшихся с губ королевы, что первое время молчал.

Граф де Ферзен, несомненно, был достоин быть замеченным глазами королевы и сердцем даже добродетельной супруги. Аксель де Ферзен, потомок старинной дворянской фамилии, двоюродный брат графини Левенгельм, рожденной Ферзен, и повелительницы

двора Густава III, был окружен ореолом легендарных подвигов, заслужил репутацию «чувствительного сердца», полного рыцарских порывов и сентиментальности.

Он влюбился в Марию Антуанетту еще при жизни Людовика XV, но любовь эта была чистого и бескорыстного характера. Сознывая, что чувство это преступно и безумно, он бежал от него, приняв участие в войне с Америкой под начальством Лафайета и Рошамбо. Но новые подвиги и битвы не исцелили его недуга; он вернулся уже настоящим мужчиной, похорошевшим, получившим уверенность в себе, и решил не сдерживать более порывов своего сердца.

Придворные дамы очень увивались за графом, но он был с ними сдержан. Когда Мария Антуанетта переселилась в Трианон и окружила себя аристократией, ему стало легко попасть к ее двору, а полуслова и намеки принцессы де Ламбаль помогли королеве остановить свои взгляды и мысли на графе.

Покорная своему мужу, Людовику XVI, но вовсе не влюбленная в него и чистая сердцем, как только что распустившаяся роза, Мария Антуанетта незаметно поддалась обаянию серьезного, скромного и рыцарского характера графа Ферзена. Вот почему она не могла устоять, когда он попросил позволения говорить о том, что до сих пор хранилось в тайне.

Некоторое время они шли молча. Потом граф де Ферзен взглянул на Марию Антуанетту, слегка побледнел и заговорил мягким, серьезным голосом:

— Сударыня, только потому, что я знаю, что вы убеждены в моем огромном уважении к вам, я осмеливаюсь высказать слова, которые в устах подданного кажутся королевам оскорблением. Сударыня, я много лет вас люблю... Ни удаление от двора, ни слава сражений, ни опасности, всегда грозящие жизни, ни долгое опасное путешествие, ничто на свете не дало мне возможности забыть вас, ничто не охладило моего сердца. Я люблю вас, сударыня, как в первый день, когда увидел вас молоденькой девушкой, приехавшей во Францию и окруженной австрийским двором. Я люблю вас такой любовью, которая кончится только вместе с моей жизнью.

Он на минуту умолк. Королева, бледная как белая материя на ее корсаже, сдерживала рукой биение своего сердца. Ее открытая грудь высоко поднималась и опускалась. Она едва подавляла слезы. Он с такой

нежностью взглянул на нее, что она вся вздрогнула, и продолжал:

— Сударыня, я собственноручно заколол бы себя шпагой, если бы та любовь, о которой я вам говорю, заставила меня забыть хоть на минуту, чем я обязан супруге моего короля. Для того, чтоб я был счастлив, я прошу у вас только одного взгляда... взгляда доброты... и позволение остаться вашим другом... одним из глубокоуважающих вас и самых преданных друзей.

Они остановились. Мария Антуанетта подняла на молодого человека свои большие голубые глаза. В них сверкали слезы. Она прошептала:

— Граф, вы мне клянетесь, что...

Он понял.

— Сударыня, — ответил он, — я хочу быть лишь самым верным подданным короля и самым покорным рабом вашего величества.

И он опустился на колени. Но королева приподняла его и, упав в его объятия, воскликнула:

— Теперь и я могу сказать: я вас люблю!..

Их губы слились в поцелуе. Но королева тотчас же опомнилась и, красная от смущения, отступила назад. Потом, медленно утирая глаза, она стала прежней величественной и кроткой королевой. Протянув руку своему возлюбленному, она сказала тоном гордой богини:

— Господин граф, проводите меня, пожалуйста, в молочную. Мой двор не замедлит туда прийти. Я должна принять его, как любезная фермерша, — прибавила она, смеясь. Потом, наклоняясь к уху молодого человека, Мария Антуанетта прошептала: — Друг мой, будем молча любить друг друга, не изменяя нашему долгу.

В конце аллеи они встретили виконта де Лиона и принцессу де Ламбаль, которые, завидя их, быстро разъединили свои руки и, сделав вид, что рвут маргаритки, отвернулись друг от друга.

При дворе ничто не может скраться. Несмотря на строгую тайну, хранимую графом де Ферзенем и Марией Антуанеттой, узнали историю их чистой любви. Каким образом? Хроникеры об этом умалчивают.

Как бы то ни было, но молодой принц де Субиз, уже давно влюбленный в королеву, желал сместить своего счастливого соперника. Он льстил себя надеж-

дой затмить его своей красотой, именем, связями. Но он ошибся. Его приятельница принцесса Шиме взялась поговорить с королевой о том, чтобы он был принят при трианонском дворе, но Мария Антуанетта категорически отказала.

— Ведь этот человек, — возразила королева, — за-всегда у де Шатильон, де Валентинуа, де Ронс, де Рошероль и де Розен, ведущих при дворе жизнь азартных картежниц и развратниц.

Принц Субиз принял это к сведению. Но так как ему не удалось сместить графа де Ферзена, то он поклялся отомстить ему и королеве. Сначала он распространял самые подлые слухи, и при версальском дворе стали поговаривать о том, что Мария Антуанетта разрешает своему поклоннику больше, чем одно целование руки.

Капитан д'Эспирак первый узнал о клевете, распространяемой принцем Субизом и его друзьями о Марии Антуанетте. Ему рассказал об этом лейтенант виконт де Лион, поклонник принцессы де Ламбаль.

Он отправился к Ферзену и сказал ему:

— Будьте осторожны, граф. Принц Субиз вас ненавидит, а у него очень сильные друзья.

— Пусть они явятся, мы померяемся! — ответил Ферзен, ударяя по шпаге.

— Это вне сомнения, граф, но они очень многочисленны, — возразил д'Эспирак. — Будьте осторожны.

И д'Эспирак приказал четверем своим мушкетерам переодеться так, чтобы их не узнали, и постоянно всюду сопровождать графа де Ферзена.

Между тем принц Субиз заручился несколькими друзьями, среди которых находились герцог де Ноэль, граф Грильон, герцог де Монморанси и герцог де Коссе-Бриссак. Однажды вечером, когда луна скрылась за тучами, восемь человек поджидали графа де Ферзена на узкой улице в Версале, по которой поклонник королевы должен был возвращаться из Малого Трианона.

Ночь была так темна, что ничего не было видно на расстоянии шага перед собой. Граф де Ферзен появился на конце улицы; позади него лакей нес зажженный фонарь. Дойдя до того места, где скрывался принц Субиз со своими друзьями, он почувствовал что кто-то дотронулся до его плеча; в то же время замаскированный человек вышел из тени и сказал ему:

— При вас есть шпага, господин де Ферзен, при мне тоже,— мы равны. Вы не должны завтра утром вернуться в Трианон.

Презрительно улыбаясь Ферзен обнажил шпагу. Его улыбка стала еще более презрительной, когда он увидел, что в кругу, освещенном фонарем, появилось еще семь человек.

— Однако это подлая западня,— сказал он.— Если я убью вас, прекрасная маска, то убийцы, стоящие за вами, конечно, отомстят мне за вас. Ну, что же — пусть! Выходите все разом. Я вас жду!

Он отскочил и прислонился спиной к стене дома чтобы на него не напали сзади, и стал ждать, подняв шпагу. Восемь замаскированных человек стали советовать друг с другом.

Но тот, который заговорил первым, подошел один и сказал:

— Господин де Ферзен, мы благородные люди и атакуем вас по очереди.

— Нет, черт возьми! — крикнул вдруг чей-то голос.— Выходите все сразу!

И капитан д'Эспирак появился по правую сторону графа Ферзена, в то время как четыре других человека выстроились по его левую сторону.

— Шесть солдат против восьми щеголей! — ухмыльнулся гасконец.— Партия не равная. Подите, поищите подкрепления, господа «благородные люди». Приходите двенадцать человек, два против одного, тогда мы примем ваш вызов!

Принц Субиз и его друзья бросились на шестерых. Но по приказанию д'Эспирака мушкетеры одновременно нагнулись и так сильно ударили головами в груди своих противников, что те упали и были моментально обезоружены. Капитан д'Эспирак сам проделал тот же маневр со своим противником и с противником графа де Ферзена. Потом, разбив ударом ноги фонарь, который все еще держал слуга, он увлек графа в темноту, а его мушкетеры скрылись в разные стороны.

Когда д'Эспирак и граф находились уже около отеля, где жил Ферзен, капитан сказал ему:

— Теперь, граф, ложитесь спать. И простите, что я помешал вам драться. Но дело в том, что напавшие на вас принадлежат к лучшим фамилиям Франции, а королева не желает, чтобы кровь дворян лилась иначе, как на службе короля и на поле сражения.

Однако принц Субиз не считал себя побежденным. Он понял, почему капитан д'Эспирак ограничился лишь тем, что обезоружил его и его друзей.

— Если шпага дворянина бессильна против Ферзена, — сказал он самому себе, — то ее заменит кинжал лакея.

И он подкупил одного слугу убить Ферзена, но на утро слуга найден был повешенным на дереве в Большом Трианоне.

Узнав об этой второй неудаче, принц Субиз пришел в бешенство. Неудовлетворенная любовь разжигала его злобу, и он подослал в дом графа Ферзена двух человек, которые должны были хитростью или силой убить его из пистолета.

Утром принцу Субизу доложили, что оба наемные убийцы найдены у дверей дома Ферзена мертвыми, с глубокими ранами шпагой на груди.

Тогда по совету Коссе-Бриссака принц Субиз изменил свою тактику. Он решил избавиться от своего соперника посредством яда. Коссе-Бриссак дал ему все необходимые указания.

— Послушай, слышал ли ты когда-нибудь про Зыбку? — спросил он его.

— Да, это женщина, которая слывет колдуньей и живет, кажется, на улице Святого Бенедикта.

— Да. Ее прозвали Зыбкой, потому что она страшно хромает на обе ноги и при ходьбе качается как корабль в море во время зыби. Ну, так вот, я знаю, что мадам Роншероль и маркиза де Флери посещают ее; первая потому, что она указывает ей игорные дома, а вторая потому, что она помогает ей в ее любовных делах. Понял теперь?

— Объясните яснее.

— Ах, какой ты! Ну, понимаешь, мадам Роншероль и маркиза де Флери могут устроить так, что за придворным ужином Ферзен будет сидеть между ними, и вольют ему яд, который приготовит Зыбка. Если завтра после полудня мы с тобой отправимся к колдунье, то встретим там обеих дам. Нам будет очень легко уговорить их.

— Прекрасно. Решено, — ответил принц.

И приятели расстались. До завтрашнего дня им нужно было посетить любовниц, представиться королю, написать мадригал официальной придворной протитутке мадам де Шатильон и составить эпиграмму по

адресу Марии Антуанетты, а о планируемом преступлении будет время подумать и завтра.

На следующий день в два часа принц Субиз и герцог де Коссе-Бриссак в скромных костюмах и с надвинутыми на глаза шляпами вошли в бедный низенький домик на улице Святого Бенедикта. Но внешность дома не соответствовала его внутреннему убранству, так как их встретила нарядная субретка и провела в роскошную и со вкусом меблированную гостиную. Затем она ненадолго оставила их одних и, вернувшись, пригласила в комнату Зыбкой.

Колдунья стояла перед печкой, полной разных горшочков. Эта женщина огромного роста, с фигурой, напоминающей купеческий корабль, повернула к ним свое широкое, угреватое лицо с маленькими сверкающими глазами. Она вовсе не была похожа на классическую колдунью из сказок Перро. Она приложила палец к губам, потом этим же пальцем указала на бесцветную жидкость, находившуюся в бутылке около печи.

Страшные микстуры, приготовленные Зыбкой, были совершенно неизвестны медицине. Ученые, лишаящие поэзии все поэтическое, находящие в любовном поцелуе бактерии ужасных болезней, а в ароматных лепестках чудной розы смертоносные микробы, утверждают, что отравительницы употребляли просто мышьяковые, сатурниальные и меркуриальные яды. Этим объясняется старинный таинственный способ мгновенных убийств.

Как бы то ни было, но после минутного молчаливого напряжения Зыбка снова обернулась к своим посетителям, указала каждому из них на стул, села сама в мягкое, удобное кресло и спросила чрезвычайно любезно:

— Чем могу служить, господа?

Бриссак ответил, не задумываясь:

— Продать нам бесцветный яд, убивающий человека в неделю, и устроить нам здесь свидание с мадам Роншероль и маркизой де Флери.

И, говоря это, он выложил туго набитый золотом кошелек.

В ту же минуту дверь отворилась и вошла субретка. Она сказала какое-то непонятное слово колдунье и ушла.

Тогда отравительница взяла с этажерки маленький флакон и, подавая его Коссе-Бриссаку, сказала:

— Вот яд, сударь, что же касается до дам, которых вы желаете видеть, то вот они.

Она приподняла драпировку, и посетители увидели мадам Роншероль и маркизу де Флери. Они сидели на диване и дружески беседовали. Зыбкая втолкнула посетителей в комнату и драпировка опустилась.

Не будем передавать, каким образом принцу Субизу и герцогу Коссе-Бриссаку удалось добиться соучастия дам, но результатом их свидания было то, что два часа спустя двое мужчин и две дамы прощались в гостиной Зыбкой такой фразой:

— До завтра в семь часов за королевским ужином.
Это был смертный приговор графу Ферзену.

.

По случаю болезни церемониймейстера капитан д'Эспирак распорядился порядками придворного ужина. Он был очень удивлен, увидев на листе расписания приглашенных, составленном де Морепа, что граф де Ферзен должен занять место между мадам Роншероль и маркизой де Флери, принадлежавших к партии, враждебной Марии Антуанетте. По своему личному усмотрению он изменил этот порядок и назначил место графу де Ферзену между графиней де Поластрон и графиней Дианой де Полиньяк; их еще мало знали при дворе, но они не раз выказывали свою преданность королеве.

У него возникли некоторые подозрения, поэтому он тотчас же поехал на квартиру маркизы де Флери.

Эта странная женщина была известна при дворе своими пороками, но о них старались умалчивать. Д'Эспирак знал об этом и решил подействовать на нее не объяснениями в любви, а угрозой.

— Мы одни, сударыня? — спросил он.

Удивленная этим сухим тоном, который капитан принимал обыкновенно, когда хотел заставить себя слушать, маркиза ответила холодно:

— Да, сударь, но почему...

Д'Эспирак осмотрел, хорошо ли закрыта дверь, затем, сев в кресло, сказал насмешливо:

— Не стойте, сударыня, потому что я намерен так вас взволновать, что вы можете упасть, а вам совсем не следует причинять боль такому красивому телу, которым любят не одни мужчины.

Маркиза побледнела.

— Но чего же вы от меня хотите?

Она села. Д'Эспирак взял ее руку, крепко сжал и, глядя прямо в глаза, спросил:

— Почему вас посадили рядом с графом де Ферзеном за придворным ужином? Отвечайте, я все знаю. Если вы солжете, я вас убью.

Маркизе де Флери стало страшно. Она поверила, что д'Эспирак все знает. Она, ничего не утаивая, рассказала о свидании у колдуньи с принцем Субизом и герцогом де Коссе-Бриссаком. Она призналась, что должна была влить яд в стакан графа де Ферзена и, рыдая, стала оправдываться, уверяя, что вынуждена была повиноваться герцогу де Коссе-Бриссаку, потому что он мог погубить ее. Чтобы заслужить прощение, она передала гасконцу флакон с бесцветной жидкостью.

— Хорошо, сударыня, — сказал д'Эспирак, — вы будете вознаграждены за вашу откровенность. Но смотрите, ни слова об этом вашим друзьям, иначе я запру вас в Бастилию, несмотря на всех принцев Субизов на свете; я имею на руках два подписанных смертных приговора, и пятьсот мушкетеров в моем распоряжении.

Он ушел и чуть не бегом направился к дому Зыбкой на улице Святого Бенедикта. Та, ничего не подозревая, очень любезно приняла его, но д'Эспирак грубо оттолкнул ее в угол ее адской лаборатории и, подавая флакон, который она продала герцогу де Коссе-Бриссаку, проговорил:

— Пейте!

— Но зачем?

— Пейте, или я вас убью.

И он вынул шпагу.

Отравительница прекрасно узнала флакон. Она подумала, что как только д'Эспирак уйдет, можно выпить противоядие и остаться в живых. Во всяком случае, в этом меньше опасности, чем в ударе шпаги. Она отказалась пить, но больше для виду, зная, что д'Эспирак не решится сразу заколоть ее. Наконец, она уступила его настоянию и с отвращением проглотила все содержимое флакона.

Капитан направился к двери, но вдруг остановился. Его внимание привлекла бутылка, на этикетке которой было написано: «Противоядие № 1».

— А ведь этой колдунье очень легко себя вылечить, — прошептал он.

Д'Эспирак вернулся, снова вынул шпагу и, не говоря ни слова, как будто выполнял самую простую вещь на свете, пронзил насквозь грудь отравительницы. Женщина вскрикнула и, обливаясь кровью, упала на пол.

Капитан старательно вытер шпагу, вложил ее в ножны, выбрал на этажерке маленький флакон с надписью: «Быстродействующий яд», положил его в карман и прошептал с усмешкой:

— Это может при случае пригодиться.

Затем он вышел из дому, насвистывая какой-то марш.

Его конь и мушкетер ожидали его в Пале-Рояле.

Он отослал домой мушкетера, вскочил на коня и помчался по направлению к Версалю.

Стоял чудный июньский день. Воздух был напоен ароматами. Птицы пели на деревьях, а по голубому небу плыли легкие облачка. Капитан мушкетеров находил жизнь прекрасной и пел полным голосом, как простой трубач, гасконскую песню.

Вдруг он вздрогнул. Он услышал, как кто-то злобно произнес его имя. Он обернулся. В четырех шагах от него верхом на лошади с глазами, сверкающими гневом, остановился принц Субиз.

— Граф, — крикнул принц, — с каких это пор простой капитан мушкетеров изменяет расписание ужина короля?

— С тех пор, как принцы сделались отравителями, — холодно ответил гасконец.

— Негодяй!

И принц со шпагой в руке двинул свою лошадь к лошади капитана. Д'Эспирак попятил свою лошадь назад и, быстро наклонившись вперед, нанес принцу страшный удар кулаком. Тот упал. Д'Эспирак соскочил на землю и стал старательно приводить принца в чувство, так как удар пришелся в самую грудь. Придя в себя, принц Субиз с минуту злобно смотрел на него, потом, протягивая руку, сказал:

— Я никогда не буду в числе ваших друзей, господин д'Эспирак, но я могу вам обещать, что не буду и в числе врагов.

— Прекрасно, принц, — сказал гасконец, пожимая протянутую ему руку, — но я предан королеве, а все

принцы королевства не стоят ее мизинца. Заключим мир, я очень этого хочу, но мир искренний, потому что, если вы будете против королевы, я всегда буду против вас.

— Будьте покойны, капитан, вы никогда не встретите меня больше на вашей дороге как врага; ваше поведение слишком храбро и благородно, чтобы я пытался отнять у кого бы то ни было такого защитника. Посадите меня, пожалуйста, на лошадь, я смогу доехать до Версаля.

— Я буду поддерживать вас, принц, — с уважением произнес капитан.

И два противника, почти обнявшись, доехали до замка в предместьи Версаля, где жил принц Субиз.

Об этом происшествии никто не узнал при дворе.

А вечером, за ужином, на котором отсутствовал принц Субиз, все восхищались блестящим умом Ферзена, удивлялись бледности мадам де Роншероль и маркизы де Флери, нервности графа де Коссе-Бриссака и детской веселости королевы, которой Вебер под великим секретом рассказал похождения капитана д'Эспирака.

Если Мария Антуанетта чувствовала себя в этот день счастливой, то не потому, что были посрамлены ее враги, а потому, что она сознавала, что у нее есть бескорыстный друг, храбрый и благородный защитник. Подобные люди так редки, что одно их присутствие уже составляет счастье.

Кроме того, королеве приходило в голову, что такая победа несколько смягчит предубеждение против нее, и она давала себе слово быть доброй, мягкой и ласковой, чтобы обезоружить всех своих врагов. Эти трогательные иллюзии время безжалостно уничтожило.

На следующий день по желанию Марии Антуанетты был назначен праздник в Трианоне. Вечером все аллеи были иллюминированы, исключая ту, куда Ферзен и королева уединились в самый разгар веселья, незамеченные гостями. Во второй раз граф заговорил о своей любви, и вновь Мария Антуанетта с полными слез глазами просила его держаться чистых отношений из уважения к ней и королю Франции, который не должен быть обманутым мужем.

Граф Ферзен поклялся исполнить ее желание. Но этот вечерний упоительный час, аромат цветов и ку-

старников, праздничное возбуждение — оказались сильнее всяких решений. Возлюбленные обменялись тысячу поцелуев и вздохов и, быть может, маленький бог с пылающими стрелами и довел бы их до сладкого греха, если бы в конце аллеи не появились принцесса де Ламбаль и виконт де Лион, которые тоже имели причину уединиться.

Граф Ферзен и королева быстро разошлись в разные стороны, так что никто не видел их вдвоем. Мария Антуанетта благославляла Бога, пославшего ей принцессу де Ламбаль и виконта де Лиона, но, сознавая, что подвергается огромной опасности, она дала себе слово не встречаться больше с графом де Ферзеном в темных аллеях Трианона.

.

Увлечение графа де Ферзена Марией Антуанеттой и ее взаимное к нему чувство, если и не было тайной для окружающих, то, во всяком случае, протекало спокойно. Впечатлительный ум молодой королевы не мог предаться исключительно и всецело платонической любви. Ей пришлось искать в ином направлении проявления своей деятельности, и одним из ее первых удовольствий стала игра.

Это не было новостью при дворе. В предшествующие царствования игра была в большой моде. Мадам де Монтеспан проигрывала по миллиону за вечер. Проигрыш в сто тысяч экю был для нее самой обыкновенной вещью; а однажды, в рождественский вечер, она проиграла семьсот тысяч экю. В царствование Людовика XV влечение к игре не уменьшилось, но при дворе играли в коммерческие игры и никогда не садились за игры азартные.

При Людовике XVI любовь к игре в Париже перешла в страсть, и королева первая подала этому пример. В Трианоне она начала играть в ландскнехт и в фараон с принцессами де Ламбаль и де Гемене.

Нововведение Марии Антуанетты стало известно при дворе и в городе. Всюду начали играть, и однажды Вебер во время партии ландскнехта сказал королеве:

— Сударыня, вас занимает игра, но было бы гораздо приятнее, если бы вы могли играть с людьми, которые могут проиграть или выиграть целое состояние.

— А вы знаете таких? — тотчас же спросила Мария Антуанетта.

— В городе только и говорят, что об одном иностранце по фамилии Смит, вернувшемся из Индии с сундуками, наполненными золотом, — ответил Вебер. — Он всюду разглашает, что имеет двести тысяч луидоров на проигрыш.

— Двести тысяч луидоров! — воскликнула принцесса де Ламбаль.

— И на проигрыш! — ахнула принцесса де Гемене.

— Позовите ко мне капитана д'Эспирака, — приказала Мария Антуанетта.

Капитан мушкетеров, всегда готовый выполнить приказания королевы, или оказать трудновыполнимую услугу, тотчас же явился. Ему дано было поручение разыскать Смита, а принцессе де Ламбаль — пригласить от имени королевы герцога Шартрского, графа д'Артуа, графа Прованского, герцога де Лозена, графа де Ферзена, герцога и герцогиню Фиц-Джемс, графа и графиню де Полиньяк. В этот же вечер должна была состояться крупная игра в большом зале Малого Трианона.

Напевая и весело смеясь со своими приятельницами и статс-дамами, Мария Антуанетта все приготовила к вечернему приему. Из Версаля привезли шкатулку с золотом и поставили на низенькую табуретку позади кресла, на котором должна была сидеть королева.

К девяти часам сады были расцвечены, все дамы переоделись в деревенские костюмы из легких материй, отделанных кружевами, и приглашенные стали съезжаться в Трианон.

Гости в ожидании игры собрались в большом зале. Король, ложившийся обыкновенно в одиннадцать часов, появился на минуту и удалился до начала игры.

Все сели вокруг стола; ждали только Смита. Принцесса де Ламбаль стояла позади Марии Антуанетты около табуретки со шкатулкой, чтобы передавать королеве золото во время игры.

Наконец ровно в десять часов доложили:

— Граф д'Эспирак и господин Смит!

Все обернулись к путешественнику, который проездом через Париж мог доставить себе удовольствие проиграть двести тысяч луидоров. Ожидали увидеть таинственного индуса в белом тюрбане, в шелковых шароварах, со жгучими черными глазами и орлиным

носом, с длинными руками, отягченными массивными кольцами. Однако всеобщие ожидания были обмануты.

Смит был человеком высокого роста, худой, красный, самого вульгарного типа, с огромными ногами и руками. Его жабо и костюм не отличались изяществом, хотя и были отделаны тонкими кружевами.

Он неуклюже поклонился и произнес по-английски грубым голосом:

— Здравствуйте.

Тогда все поняли, что он англичанин, и перестали удивляться его резким манерам.

Держал он себя с возмутительной бесцеремонностью. Сев в кресло, приготовленное ему напротив королевы, не стесняясь положил локти на стол и стал с любопытством рассматривать сидевших вокруг него принцев крови. Затем с ужасным акцентом произнес:

— Это ландскнехт. Начнем.

Он взял из рук стоявшего позади него лакея большой мешок, наполненный луидорами, положил его на стол, открыл, вынул горсть золота, и игра началась.

Около полуночи приехал граф Артур Дильон с портфелем, наполненным кредитными билетами. Заинтересованный адской игрой, он положил портфель на стул и подошел к столу.

Играли всю ночь. В пять часов утра капитан д'Эспирак, невозмутимо следивший за игрой, отметил в своей записной книжке, что Смит выиграл шестьсот тысяч шестьсот пятьдесят луидоров, из которых двести тысяч проиграла одна королева. Граф де Ферзен проиграл двести тысяч.

«Кому везет в любви, тому не везет в картах, — подумал д'Эспирак».

Занятый своими расчетами, капитан не обратил внимания на то, что лакей Смита часто выходил из зала с мешком, полным луидоров, и на его место приходил другой лакей с пустыми руками. Не обратил он внимания также и на то, что Смит, выйдя между двумя партиями из зала, «чтобы подышать минутку чистым воздухом», оставил на столе лишь несколько луидоров и взял с собой лакея.

Прошло пять минут, десять, Смит не возвращался. Через четверть часа королева попросила д'Эспирака сходить за ним, предполагая, что он, быть может, заблудился в аллеях парка. Прошло немало времени, а капитан и англичанин не появлялись.

Наконец д'Эспирак вошел в зал и с поклоном, слегка насмешливо, доложил королеве:

— Сударыня, в парке нет ни господина Смита, ни его кареты, ни его лакеев.

Руки поднялись к небу, раздались крики, жалобы на бессовестность проходимца. Но полчаса спустя, излив все негодование, немножко посмеявшись и даже немножко попев, решили пойти на ферму пить молоко.

Когда выходили, раздался громкий голос графа Дильона, спрашивавшего у слуг:

— Не видели ли вы мой портфель?

Слуги ответили, что не видели.

— Мой портфель! Мой портфель! — кричал граф Дильон.

Началась новая игра: стали искать портфель. Искали всюду, но нигде не нашли.

— А в нем было на пятьсот тысяч процентных бумаг! — воскликнул несчастный граф Дильон.

Невозмутимый д'Эспирак вычислил:

— Пятьсот тысяч, потом миллион шестьсот пятьдесят тысяч составят два миллиона сто пятьдесят тысяч. — Затем он поклонился и произнес: — Господин граф, я такого мнения, что для англичанина не пропала даром эта ночь.

Это происшествие послужило поводом к целому скандалу. Людовик XVI запретил игру при дворе. Игра велась лишь тайком, и вскоре к ней совсем охладели.

Карточная игра уступила место скачкам. Герцог Лозен, уже принимавший участие в скачках в Англии, руководил ими теперь во Франции. Он заинтересовал ими королеву и часть двора. Граф д'Артуа, герцог Шартрский, маркиз де Конфлам предавались скачкам с особенной страстью. Скачки происходили на Саблонских равнинах. Королева почти всегда присутствовала на них, король же, наоборот, не находил в этом удовольствия и никогда на них не показывался.

Это было время безумного веселья. Игра, скачки, наряды, кокетство, ради которого женщины носили на себе, в виде драгоценных камней, целые состояния, все земли и замки своих предков, — всему этому предавались всецело.

Особенно прославились маскированные балы в оперном театре. Несмотря на советы и предостережения, королева страстно предавалась всем развлечениям веселой, беспечной жизни. Чуть не ежедневно она

уезжала со своими приятельницами из Версаля и даже из своего любимого Трианона на маскированные балы в оперный театр. Она танцевала, веселилась, и ее острый ум изощрялся во всевозможных шутках, любезностях, которые не всегда служили ей на пользу.

Видя такую неосторожность, мать Марии Антуанетты, императрица Мария Терезия, послала во Францию своего сына Иосифа II, чтобы несколько образумить королеву.

Иосиф II полуинкогнито, под именем графа Фолькенштейна, прибыл в Париж в апреле 1777 года. Он побранил сестру, та возражала ему, но, признавая авторитет брата, обещала жить спокойнее. Этому помогло одно новое обстоятельство: Мария Антуанетта вскоре сделалась беременной. Мать должна была заметить молодую девушку и сгладить все недостатки девического воображения.

IV

В то время, когда Мария Антуанетта предавалась с увлечением карточной игре, скачкам, всевозможным празднествам, оставаясь верной супругой короля, маленький Трианон не был забыт; наоборот, он с каждым днем украшался все более и более и наполнялся новыми гостями; высшая аристократия двора почитала за честь быть принятой в Трианоне, потанцевать там, поиграть в театр, попить молока на ферме. На веселых лужайках пасли хорошеньких белых барашков, украшенных розовыми и голубыми лентами. Королева ежедневно в сопровождении принцессы де Ламбаль и еще нескольких дам отправлялась на ферму собственноручно доить коров.

Любовь и цветы одновременно расцветали в парке. Под сенью деревьев много благородных пастушков обнимало и целовало принцесс-пастушек. Все было свежо, весело, красиво, начиная с пестрых костюмов и кончая нежными объяснениями и ухаживаниями. Феокрыт воскресал под кружевными жабо и напудренными париками; Виргилий возрождался под кистью Фрагонара, и древний мир оживал вновь под таинственной сенью версальских деревьев.

Пели чувствительные романсы, говорили напыщенные стихи и напевали, паясы барашков:

Цветущие ваши уста
Любви ароматами дышат —
И наши сердца неспроста
Друг друга таинственно слышат!

Но и среди деревенских удовольствий таились ревность, интриги и придворное коварство.

Одна из знакомых графини д'Артуа, графиня Диана де Полиньяк, представила версальскому двору своего брата и невестку, новобрачных графа и графиню Жюли де Полиньяк. Графиня Жюли была скоро замечена королевой, охладевшей за последнее время к принцессе де Ламбаль.

Графиня Жюли была красива, обаятельна, полна естественности и простоты; ее единственным кокетством была, не лишенная пикантности, небрежная манера себя держать. Мария Антуанетта услышала, как она поет, любовалась, как она танцует, и полюбила ее. Она способствовала благосостоянию новобрачных, добившись для де Полиньяка места первого королевского конюшего, а графиню Жюли сделала управительницей своего двора вместо принцессы де Ламбаль.

Но все это совершилось не без больших трудностей и пикантных происшествий, долго занимавших двор, город и даже провинцию.

Как только графиня Жюли появилась при дворе, в нее влюбился герцог Люксембургский. Но так как его не особенно жаловали в Трианоне, то он приходил в отчаяние от того, что никак не может сблизиться с графиней де Полиньяк и сделать ее своей любовницей.

В один прекрасный день он открыл свое сердце маркизу де Роган-Шабо, который в то время был любовником принцессы де Ламбаль, порвавшей с виконтом де Лионом. Когда графиня де Полиньяк заняла около Марии Антуанетты место принцессы де Ламбаль, последняя пожаловалась на это маркизу де Роган-Шабо. Эта жалоба вполне совпадала с признанием герцога Люксембургского, и хитрый, изворотливый ум маркиза нашел средство отомстить за принцессу де Ламбаль и в то же время соединить графиню де Полиньяк с герцогом Люксембургским.

Несколько молодых аристократов, друзей де Мореппа и принцессы Шимэ, личного врага Полиньяков,

приняли участие в заговоре. Собрались у маркиза де Роган-Шабо, и тот, заперев все двери, изложил следующий проект:

— Через три дня в Трианоне будет дан маскированный бал. Будут танцы. Пользуясь ночной темнотой, нам легко будет проникнуть неузнанными в парк в маскарадных костюмах и масках. Мы похитим графиню де Полиньяк, передадим ее герцогу Люксембургскому, который может делать с ней все, что ему угодно, а королева будет вынуждена сделать снова принцессу де Ламбаль своей домоправительницей, так как и по красоте, и по рождению, и по уму никто не может заменить ее в этой должности.

— А как же граф де Полиньяк? — поинтересовалась принцесса де Шимэ.

— Граф? — усмехнулся герцог Люксембургский. — Он подождет, пока я верну ему его жену. Если она легко согласится быть моей, то это наступит очень скоро; если же нет, то... у меня есть приказ о заключении его в Бастилию.

Оставалось только все приготовить к успешному похищению. Было решено, что карета будет ждать в версальском парке, недалеко от Трианона. Отряд легкой кавалерии под командой подчиненного Рогану-Шабо офицера будет сопровождать карету до Турена, где у похитителя есть собственный замок. Герцог Люксембургский с завтрашнего же дня будет рассказывать о том, что должен неожиданно уехать, и скроется до дня похищения, чтобы не возбуждать никаких подозрений. Маркиз де Роган-Шабо и герцог Люксембургский сами понесут графиню де Полиньяк в карету.

Действительно, на следующий же день герцог Люксембургский попросил аудиенцию у короля, объявил ему, что экстренно уезжает в Турен и с помпой выехал из Версаля. Отъехав несколько миль, он велел своей свите продолжать путь до Турена, а сам вернулся в Париж. Через три дня за ним приехал Роган-Шабо. Они переоделись в простых мушкетеров, надели волчьи маски и отправились в Версаль, где их ожидали три молодых человека, которые должны были помочь им похитить графиню де Полиньяк.

Наступила ночь. В Трианоне зажгли иллюминацию. Сады скоро наполнились веселой толпой, одетой в самые разнообразные роскошные костюмы. Отряд мушкетеров находился на страже под командой виконта де

Лиона и капитана графа д'Эспирака. Мушкетеры смешались с веселой толпой.

Все пели, смеялись, танцевали. Рыдали скрипки, гремели оркестры, и скоро праздник достиг полного разгара.

Маркиз де Роган-Шабо, герцог Люксембургский и их три помощника пробрались на бал и старались приблизиться к тому месту, где графиня де Полиньяк сидела с Марией Антуанеттой и другими дамами под сенью деревьев, в глубине парка. Подойдя к дамам, Роган-Шабо поклонился и пригласил графиню де Полиньяк на танец. По знаку королевы, она приняла приглашение, и пара понеслась.

Танцуя, она столкнулась с капитаном д'Эспираком, танцевавшим с герцогиней де Гиш. Д'Эспирак обернулся и заметил, не придавая этому особого значения, что графиня де Полиньяк танцует с мушкетером, и его удивило, что фигура и манеры этого офицера ему совсем незнакомы.

Между тем ловким маневром четыре пары, составившиеся из герцога Люксембургского, его трех помощников и их дам, отталкивали Рогана-Шабо и графиню де Полиньяк к маленькой лужайке, находившейся в стороне от танцующих и вблизи очень темной аллеи. Опьяненная танцем молодая женщина не замечала, что ее кавалер постепенно увлекает ее в аллею.

Вдруг она почувствовала, что ее приподняли и что чья-то рука в перчатке зажала ей рот. Она начала биться, но ее охватили руками и понесли. Дорогой ей завязали глаза и заткнули рот ее легким шарфом, а четверть часа спустя карета герцога Люксембургского бешено мчалась по дороге в Шатору.

В Трианоне танцевали, смеялись, пели до тех пор, пока королева не выразила наконец удивления, что не видит своей приятельницы. Капитан д'Эспирак задавал себе вопрос, куда делся незнакомый ему мушкетер, и все стали звать графиню де Полиньяк. Начали искать и нигде не нашли. Д'Эспирак не сомневался более, что мушкетер, с которым он столкнулся, принадлежал к числу врагов и что графиню де Полиньяк увез или влюбленный, или завистник.

Праздник тотчас же был прекращен, и всю ночь во главе отряда виконт де Лион тщетно обыскивал окрестности Версаля.

Утром, когда виконт де Лион доложил королеве

о своих тщетных поисках, все казалось потерянным. Но час спустя принцесса де Ламбаль попросила свидания с Марией Антуанеттой, и та, взволнованная случившимся, не отказалась принять свою бывшую фаворитку.

Герцогиня де Ламбаль упала к ногам королевы и призналась ей в заговоре. Сама же она узнала о нем от мадам де Шимэ, которая, считая ее сторонницей маркиза де Роган-Шабо, рассказала о похищении графини де Полиньяк, желая оказать ей услугу. Волнение и негодование принцессы де Ламбаль, доброе сердце и благородство которой были всем известны, внушили ей подозрение, но мадам де Шимэ не хотела открыть места, куда увезли новую домоправительницу.

С другой стороны, несмотря на настояние Марии Антуанетты, принцесса де Ламбаль не решилась сказать, от кого она все это знает, так как не хотела изменять своей подруге — мадам де Шимэ.

Как бы то ни было, но тотчас же позвали капитана д'Эспирака и объяснили ему, что графиню Жюли похитил герцог Люксембургский. Теперь весь вопрос в том, куда они уехали.

«Так как три дня назад герцог уехал из Версаля в один из своих туренских замков, — соображал мушкетер, — то, очевидно, маркиз де Роган-Шабо один похитил графиню де Полиньяк. Он несомненно под верной охраной отослал ее к герцогу Люксембургскому, но в какой замок?»

Он побежал в казармы, и десять минут спустя отряд мушкетеров скакал по дороге в Турен, поднимая столбы пыли.

Замок Морель был пуст.

— В другой замок! — командовал д'Эспирак.

Вновь помчались. В замке Люань, вблизи Шатору, дворы и окна были заколочены. И здесь никого нет!

Между тем люди и лошади так устали, что пришлось устроить бивуак. Наступила ночь. Наскоро разбили палатки и легли, прикрывшись толстыми мушкетерскими шинелями.

Граф д'Эспирак, негодуя на то, что его облава не удастся, ходил около палаток. Вдруг он услышал шум мчавшейся кареты. У него явилось предчувствие.

— Черт побери! — прошептал он. — Карета едет медленнее всадников; мы прибудем первыми.

Он разбудил своих людей, выстроил их вдоль доро-

ги, а сам пошел вперед. При свете показавшейся из-за туч луны он увидел кавалерийскую лошадь. Теперь он уже не сомневался более: кавалерийские лошади были предоставлены к услугам врагов королевы.

Он быстро схватил лошадь за повод и позвал своих людей. Кавалерийские лошади были выпряжены, и карета осталась в руках мушкетеров, но когда д'Эспирак наклонился к стеклу дверцы, он увидел, что карета пуста: герцог Люксембургский и его пленница исчезли.

.

Со времени похищения графини де Полиньяк, новой приятельницы Марии Антуанетты, весь двор был взволнован. С тревогой ждали вестей от графа д'Эспирака, отправившегося с эскадроном мушкетеров на поиски похитителя и очаровательной пленницы. Принцесса де Ламбаль поражала всех своей грустью, так как очень боялась, что это похищение будет приписано ее интригам, как месть за то, что другая заменила ее в сердце и доме королевы.

Прошла неделя, и ни одна весточка не успокоила друзей графини де Полиньяк и не уменьшила торжества ее завистников. Муж графини выходил из себя; в надежде на то, что д'Эспирак отыщет его жену, он ограничивался лишь тем, что вызывал на дуэль всякого, у кого замечал улыбку на губах. Он дрался пятнадцать раз, ранил четырнадцать противников, а пятнадцатого убил, — он считался лучшим дуэлистом в городе. С этих пор никто при дворе в присутствии графа де Полиньяка уже не улыбался.

На девятый день графиня де Гюишэ получила от капитана д'Эспирака длиннейшее письмо, в котором он рассказывал ей о всех событиях. О письме сразу узнал и город, и двор, так как графиня не любила Полиньяков, но скрывала это и с самым искренним видом показала письмо сначала королеве, а потом всем своим друзьям и подругам.

Письмо было такого содержания:

«Милостивая Государыня!

Я мог бы вас известить догадками о пережитых мною приключениях в роли охотника на людей. Но я не хочу заставлять вас вздыхать, трепетать и умирать от любопытства, так как дорожу вашей жизнью и желаю ваших

вздохов лишь для меня одного; поэтому я расскажу вам все по порядку.

Прежде всего мои мушкетеры и я прискакали галопом к замку Морель в Турене, принадлежащему герцогу Люксембургскому. Двери заколочены, все пусто! В замке Люань, куда мы тотчас же направились, та же тишина, та же пустыня... Мы разбили бивуак. Вдруг едет карета, эскортируемая легкой кавалерией. Мои мушкетеры бегут, хватают лошадей, я бегу к карете, открываю дверцу... Ах, сударыня, вы думаете, что я нашел на мягких подушках любовно или с презрением глядящих друг на друга герцога Люксембургского и графиню де Полиньяк!.. Да, легко мне далась эта победа!.. Карета была пуста, как голова герцога де Коссе-Бриссака, и обнажена, как тело госпожи де Фрондевилль, когда она играет античную богиню у герцога де Ришелье.

Что бы вы сделали на моем месте? Я не потерял головы. Я сосчитал, сколько осталось в наших руках лошадей легкой кавалерии, бывших под нижними чинами и офицером. Люди были все налицо, а одной лошади недоставало. Не могло быть сомнения, что герцог Люксембургский посадил графиню де Полиньяк на крупе недостающей лошади или спереди и ускакал с ней. Днем шел дождь. Я увидел на только что вспаханном поле следы.

Граф де Ферзен рассказывал вам, как в Америке дикари охотятся на врагов и зверей. Я вспомнил рассказы графа де Ферзена и со всем моим эскадроном пошел по следам лошади, на которой должен был уехать похититель и графиня де Полиньяк.

Ах, черт побери, как они далеко уехали! На одной из ферм я нашел лошадь, но не всадников. По словам одного крестьянина, герцог оставил ее всю в поту, в полном изнеможении и пересел на свежую и сильную.

Ах, сударыня, почему я не обладаю адским умом Вольтера и в то же время нежно-прекрасной музой Беркена! От Вольтера я позаимствовал галоп, рысь, шаг, весь бег, который только в состоянии принять лошадь в погоне за беглецом. Реки сменялись холмами, поля — виноградниками, дороги — тропинками, горы — уступами. Следы все виднелись, потому что, когда лошадь несет двух человек, она очень глубоко вонзает копыта в землю, но не было видно ни герцога Люксембургского, ни графини де Полиньяк, ни их коня.

Я говорю «конь», но вы сейчас поймете, что это слово не вполне подходит.

Так путешествовали мы два дня, отдыхая лишь ночью, когда вдруг в окрестностях одной фермы, обвитой плющом, и с четырьмя разрушенными временем башнями, следы исчезли. Я в недоумении стал искать ключ к этой тайне. Несмотря на всю силу моего гасконского воображения, я не мог допустить, что лошадь герцога Люксембургского происходила от благородного Пегаса и приобрела крылья, которыми ее предок так плохо пользуется в поэтических произведениях Жана-Батиста Руссо. Необходимо было найти естественное объяснение этого странного явления. Нам помогла сама природа.

Кони моего эскадрона все одновременно вздрогнули и заржали.

«Ого! — подумал я. — Когда жеребец ржет — кобыла близко».

Я стал внимательно оглядываться вокруг и увидел за высокими густыми деревьями узкое каменное строение. Следы кончались именно в том месте, где это строение начиналось.

«Прекрасно, — подумал я, — беглецы здесь были, а так как мои кони ржут, то герцог Люксембургский, несомненно, ехал на кобыле, и эта кобыла здесь поблизости».

Я направил моего коня прямо к двери фермы.

Но, сударыня, здесь уже кончается Вольтер и начинается Беркен.

Я отворяю дверь, въезжаю в конюшню, оставляю в ней моего жеребца в беседе с кобылой. В сопровождении четырех мушкетеров я отворяю другую дверь, поднимаюсь по лестнице, прохожу по пустому коридору, по двум пустым комнатам. Затем отворяю третью дверь, и...

И то, что я вижу, сударыня, может быть сказано лишь накинув на слова густую вуаль, и может быть описано лишь иносказательно, с поэтическими оборотами и недомолвками. Я попробую описать всеми этими тремя способами.

Ах, несчастный Полиньяк, зачем ты всю жизнь не остался холостяком! А если судьба устроила так, что двор есть единственное место, где ты можешь жить, то почему ты не явился ко двору один! А если неумолимое Небо вынудило тебя обзавестись женой, то почему ты

не запер ее в комнате без окон, без дверей, без камина!

Что же сказать вам, сударыня? Таковыми, как Марс и Венера на Олимпе, когда они были застигнуты хрым Вулканом, как это рассказывает нам старый Гомер при посредстве строгого пера Дасье, — таковыми герцог Люксембургский и графиня де Полиньяк предстали моим глазам.

Любили ли они друг друга? Были ли искренны? Э, почем я знаю! По крайней мере, они имели счастливый вид. Но как только графиня де Полиньяк увидела меня, она принялась кричать, что ее взяли силой, что она этого так не оставит.

— Господин д'Эспирак! Господин капитан! Освободите меня! Освободите меня!

Вы, конечно, поймете, сударыня, что я ее освободил, но, как кажется, в очень приятную минуту...

Быстро поставил я графиню на ноги и, раскланиваясь перед герцогом Люксембургским, произнес тоном глубокого почтения:

— Герцог, простите солдата за то, что он исполняет данный ему приказ и слушается мольбы женщины. Если я похищаю у вашей светлости графиню де Полиньяк, то верьте, что действую лишь как верный слуга короля и что, если бы я все знал, я гораздо охотнее явился бы сюда часом позднее.

Герцог улыбнулся, поблагодарил меня, поцеловал ручку графини де Полиньяк, принявшей презрительный и надутый вид, и вышел из комнаты. Пять минут спустя я видел, как он ускакал на своей кобыле.

Что же касается меня, то, взяв под руку графиню де Полиньяк, я повел ее в комнату, где мы нашли старого господина и не менее старую дуэнью. Они приняли мою прелестную находку с этикетом двора его королевского величества Людовика Великого и пригласили нас к столу.

Из этой фермы, называемой замком Рок-Пеле, я посылаю вам, сударыня, сие послание и прошу вас сказать графу де Полиньяку, что я верну ему его жену живой и здоровой, и невинной — по крайней мере, она меня в этом уверяет, но я не решусь в этом поклясться.

Имею честь быть, сударыня, до гроба вашим почтительным и преданным слугой.

Капитан граф д'Эспирак»

Действительно, три дня спустя графиня де Полиньяк вернулась в Версаль. По просьбе графини де Гюишэ, не желавшей себя компрометировать, никто не показал вида, что знает эту историю. Тайна была так хорошо сохранена, что только один муж не знал о письме д'Эспирака. Королева побранила немножко свою новую приятельницу, и этим дело и кончилось.

Но при дворе эта скандальная история забылась не так скоро. Граф де Полиньяк вызвал герцога Люксембургского на дуэль. Это был первый случай, когда граф де Полиньяк не ранил своего противника, а сам получил такую серьезную рану, от которой два месяца пролежал в постели. Это было справедливым наказанием мужу, не понявшему, что такой вельможа, как герцог Люксембургский, может желать показать придворной даме свои туренские замки.

Постепенно все вошло в обычную колею. Король председательствовал в совете, королева играла в фермершу в Малом Трианоне; граф де Ферзен по-прежнему любил королеву; графиня де Гюишэ играла в любовь с графом д'Эспираком, а принцесса де Ламбаль порвала свои отношения с маркизом де Роган-Шабо.

Это были последние веселые события двора. Начались политические осложнения, министерские кризисы, клевета, ложь, наговоры, и разыгралась новая интрига, которая сделала знаменитым имя кардинала де Рогана и таинственную подоплеку которой мы сейчас узнаем.

V

Утомленная клеветой, распространяемой враждебными ей людьми, Мария Антуанетта была вынуждена окончательно расстаться с графом де Ферзеном. Он уехал из Парижа путешествовать. Герцог Лозен, угрожавший заменить его место в сердце королевы, был немедленно удален от двора за свои притязания и фатовство. И Мария Антуанетта, становясь все более и более сдержанной со своими поклонниками, всецело отдалась привязанности к своим приятельницам.

К тому же серьезные заботы отвлекли ее от развлечений Трианона и убивали в ней всякое желание веселиться.

19 сентября 1778 года около половины первого ночи, Мария Антуанетта почувствовала первые родовые схватки. Принцесса де Ламбаль и графиня де Полиньяк тотчас же поехали за акушером Вермоном, и при всем дворе, собравшемся в спальне согласно обычаю Франции, королева произвела на свет дочь.

Два часа спустя девочку крестили в версальской капелле Людовик де Роган, кардинал Гемене, великий каноник Франции, в присутствии Брокевилля, кюре прихода Верне. Назвали ее Марией Терезией Шарлоттой, с титулом ее высочества и дочери короля.

Три года спустя, 22 октября 1781 года, королева родила сына, к радости двора и всей Франции. Это был дофин Людовик. Наконец, 5 апреля 1785 года Мария Антуанетта родила второго сына, названного Людовиком и титулованного герцогом Нормандским.

Сделавшись матерью, королева отвыкла понемногу от своих свободных привычек. Она жила бы вполне счастливой жизнью, если бы два несчастья не нарушили ее спокойствия и не начали целую серию невзгод, которые привели ее к эшафоту.

Первым из этих несчастий была ссора королевы с графиней де Полиньяк. Дружба с Полиньяками была роковой. Без них Мария Антуанетта заменила бы плохого министра де Морепа Шуазелем. Но после смерти де Морепа Полиньяки хлопотали за де Колонна. К тому же они сделались крайне требовательными, и поведение графини де Полиньяк в некоторых случаях было так бесцеремонно, что королева отдалилась от нее и снова приблизила к себе принцессу де Ламбаль, с которой уже больше не разлучалась. Но она очень любила графиню Жюли, и разрыв с ней причинил ей много горя.

Вторым несчастьем была темная интрига, наделавшая столько шума, что о ней стоит рассказать подробно.

Кардинал де Роган был не любим королевой за его слишком пылкий, разнузданный характер, совсем не гармонировавший с мягкостью и смирением, необходимым прелату.

Однажды Вебер рассказал Марии Антуанетте, что кардинал де Роган в праздничное утро охотился в лесах своей епархии. Когда все охотившиеся гнались за оленем, они встретились со священной процессией. Кардинал не остановился. Он стегнул свою лошадь, и охотни-

ки вслед за ним проскакали через процессию. Многие из прихожан прелата были ранены, но на это никто не обратил внимания, а когда олень скрылся, кардинал воскликнул:

— Проклятая процессия! Из-за нее я упустил такого чудного оленя, какой не встречался мне целых три года!

С этих пор кардинал де Роган впал в немилость Марии Антуанетты.

Но Людовик де Роган, будучи великим каноником короля, воспыал к королеве, хотя и полной уважения, но очень пылкой любовью. Ему никак не удавалось приблизиться к королеве, потому что каждый раз, видя его, она оборачивалась к нему спиной.

Кардинал придумывал новые способы, чтобы расположить к себе королеву, но ничего не мог придумать. Он уже приходил в отчаяние от невозможности достигнуть чего-либо, когда вдруг к нему явилась дама под фамилией де Ламотт и заявила, что хочет сообщить ему нечто крайне важное.

Помимо того, что такое заявление возбуждало любопытство, Людовик де Роган любил женщин и никогда не упускал случая сблизиться с ними. Он был красив, богат, знатного происхождения, редкая женщина могла устоять перед ним. Он принял мадам де Ламотт.

Низкая интриганка, сумевшая, однако, приблизиться ко двору и быть принятой в высокопоставленных домах, мадам де Ламотт, уверявшая, что она незаконная внучка Генриха II, обладала пикантной, обаятельной, на первый взгляд, красотой. Маленькая, стройная и изящная, полная свободной грации в движениях, это была женщина с каштановыми волосами и красивыми, полными игры и выражения, голубыми глазами. У нее была прелестная ручка, прекрасно обутая ножка, а ее всегда открытая шейка так очаровательно выдавалась над низко вырезанным корсажем, что не было возможности удержаться от желания осыпать ее тысячами поцелуев.

Ее улыбка очаровала влюбчивого кардинала. Увидя эту молодую женщину, умевшую принять самый естественный, аристократический вид и благородную осанку, он встал, поклонился, попросил незнакомку сесть, сел сам и ждал, улыбаясь и пожирая ее глазами.

Тогда мадам де Ламотт заговорила мягким, приятным, ласкающим голосом:

— Монсиньор, то, что я хочу вам сообщить, так деликатно и щекотливо, что искупается лишь полной откровенностью. Вы любите королеву!

Кардинал подскочил и побледнел.

— Но, сударыня...

— Монсиньор, вы никому этого не говорили, но я это знаю. Я видела, как вы смотрели на королеву на последнем придворном балу, и догадалась. Я знаю также, что королева вас не любит и что вы дорого дали бы за то, чтобы заслужить ее расположение. Я пришла сюда, монсиньор, для того, чтоб предложить вам средство получить это расположение.

Кардинал оправился. Он понял, что имеет дело с интриганкой, и подумал, что она просто-напросто явилась выманить у него денег. Но мадам де Ламотт догадалась.

— Монсиньор,— произнесла она ласковым тоном,— я пришла вовсе не затем, чтобы предложить вам недостойный вас и меня торг. Мой поступок совершенно бескорыстен и...

Она опустила свои прекрасные глаза и покраснела. Кардинал был еще более взволнован, чем это казалось. Не в силах устоять перед этой незнакомой женщиной, он встал, подошел к ней, взял ее руку, а так как она ее не отнимала, то другой рукой обнял шейку мадам де Ламотт. Но та поднялась и с глазами полными слез произнесла негодующим голосом:

— Монсиньор!

Это было произнесено так резко и холодно, что кардинал опустился в кресло. Тогда, не говоря ни слова, мадам де Ламотт сделала низкий реверанс и так быстро вышла из комнаты, что кардинал не успел и подумать удержать ее.

Но весь остаток дня и всю ночь его волновала мысль о том, что можно заслужить расположение Марии Антуанетты, и на следующее утро он послал своего камердинера за мадам де Ламотт. Хитрая женщина поняла из этого, что ее проект близок к осуществлению, и отправилась к кардиналу.

Она видела его на следующий день и много дней подряд. Она держала себя так ловко, что приобрела полное влияние над Людовиком де Роганом, и тот не мог обойтись без мадам де Ламотт.

Он начал верить, что молодая женщина лишь из чувства расположения к нему хочет примирить его

с королевой, и с тех пор он с закрытыми глазами поддался интриге, задуманной мадам де Ламотт.

Эта интриганка очень любила удовольствия и всегда нуждалась в деньгах. Она узнала, что придворные поставщики, ювелиры Бемер и Боссанж предложили королю бриллиантовое ожерелье стоимостью в 1 600 000 фунтов, но королева отказалась от такого дорогого ожерелья. Бемер и Боссанж были в отчаянии и накануне разорения. Тогда мадам де Ламотт решила воспользоваться этой драгоценностью, устроить, чтобы ее купили за четверть цены от имени королевы, получить ее на некоторое время в свои руки, исчезнуть с ней, затем продать по частям и таким образом надолго обеспечить себе приятную жизнь.

Но нужен был посредник который поверил бы, что она, мадам де Ламотт, доверенная королевы, посредник, достаточно богатый для того, чтобы поручиться перед Бемером и Боссанжем и достаточно влюбленный для того, чтобы действовать с закрытыми глазами. Мадам де Ламотт выбрала для этой цели кардинала де Рогана: он делается доверчивым, когда влюбится и когда ему предложат удовлетворение его желаний; его имя, положение при дворе и состояние вполне подходят для поручительства; что же касается влюбленности, то, так как он любит красивых женщин, то мадам де Ламотт очень легко будет этого добиться.

И она, действительно, добилась. Письмами, подделанными под почерк Марии Антуанетты, она убедила кардинала, что она тайная доверенная королевы, которая через нее рассыпает свои милости.

— Королева вовсе не так сердита на вас, монсиньор, как вы думаете, — сказала она ему однажды.

И она показала ему письмо, подписанное королевой, в котором было несколько милостивых слов по его адресу. Когда он стал настойчиво выражать желание быть принятым королевой, мадам де Ламотт сочинила целую серию записок, в которых Мария Антуанетта отказывалась от своих предубеждений против прелата. В последней записке королева обещала ему особую аудиенцию, не назначая, однако, ни дня, ни часа.

Людвиг де Роган торжествовал. Отуманенный любовью к королеве не менее, чем прелестями мадам де Ламотт, он совсем потерял голову, верил всему, что эта женщина ему говорила, и готовился к свиданию, обещанному ему королевой.

Он не предвидел, в какую трагическую бездну вовлечет его мадам де Ламотт, и очертя голову окунулся в такую интригу, в которой люди менее сильные, чем он, нашли бы смерть или, по крайней мере, Бастилию.

.

Кардинал де Роган был уверен, что мадам де Ламотт все ему устроила. Он находился под таким сильным влиянием этой женщины, что очень обрадовался, когда она объявила ему, что Мария Антуанетта соглашается с ним увидеться, но всего лишь на одну минуту, ночью, в соседнем с дворцом лесу.

Днем мадам де Ламотт побывала у одной легкомысленной девушки по фамилии Олива, которая несколько напоминала королеву.

— Вот вам двадцать луидоров, — сказала ей интриганка, вкладывая в ее руку сверток золота. — Я одену вас в платье, совершенно одинаковое с одним из платьев, которое часто носит королева. Затем вы последуете за мной в Версаль, где сделаете то, что я вам прикажу.

— Но...

— Будьте спокойны, вам не грозит никакая опасность, и ваша роль продлится менее пяти минут.

Заинтригованная тайной и обрадованная двадцатью луидорами, Олива беспрепятственно дала себя причесать а ля Мария-Антуанетта и одеть в белое легкое платье, очень похожее на то, которое королева часто носила дома.

Карета, ждавшая у ворот, отвезла обеих женщин в Версаль. До наступления ночи время провели в доме мадам де Ламотт. Она послала кардиналу де Рогану записку с поддельной подписью: «Мария Антуанетта Французская». В этой записке назначался час свидания.

Вне себя от счастья, кардинал закутался в широкий плащ, надел мушкетерскую шляпу с широкими полями и отправился в лес.

Подождав минут пять, он увидел в конце аллеи двух женщин. Они быстро направлялись к нему. С сильно бьющимся сердцем он опустился на колени и зашептал слова благодарности и любви. Одна из женщин опередила другую и на мгновение остановилась.

— Сударыня! Сударыня! — пролепетал де Роган, узнав прическу и платье королевы.

Женщина подала ему увядшую розу и прошептала:
— Вы знаете, что это значит?

И она убежала.

Кардинал поднес розу к губам и услышал, как в это время мадам де Ламотт крикнула своей спутнице:

— Идите скорее, сударыня. Здесь графиня д'Артуа, она не должна нас видеть!

Людовик де Роган быстро поднялся, пробрался через парк и сел в карету, ожидавшую его на одной из соседних улиц. Он чувствовал себя наверху блаженства и именно в том состоянии, до которого мадам де Ламотт желала его довести: он верил, что она доверенное лицо Марии Антуанетты и хранительница ее тайн.

Интрига удалась; теперь мадам де Ламотт оставалось достать ожерелье, которого не пожелала иметь королева. Интриганка не теряла времени, и на следующий же день, 24 января 1785 года, отправилась к ювелирам Бемеру и Боссанжу. Она застала одного Бемера.

— Я де Ламотт, — сказала она.

Бемер поклонился. Интриганка так ловко сумела распуścić слухи о своей близости с Марией Антуанеттой, что они дошли и до него.

— Королева недовольна тем, что отказалась от ожерелья, которое вы ей предлагали, — продолжала она. — Королева решается его купить. Миллион шестьсот тысяч фунтов будут уплачены в четыре срока, по четыреста тысяч в каждый срок, через каждые три месяца, начиная с конца наступающего августа. Один знатный вельможа приедет за ожерельем и даст поручительство, но королева требует полной тайны.

— Я буду нем! — воскликнул в восторге Бемер.

Четверть часа спустя кардиналу де Рогану доложили о приезде мадам де Ламотт. Он тотчас же принял ее.

— Монсеньор, — сказала она, — королева вам посылает второе доказательство своего доверия и дружбы. Прочтите вот это.

Она подала ему бумагу, составленную одним из ее друзей, Рато де Вилером, в которой говорилось, что королева поручает кардиналу де Рогану взять от ее имени у ювелиров Бемера и Боссанжа ожерелье стоимостью в миллион шестьсот фунтов. Бумага была подписана: «Мария Антуанетта Французская».

— Дорогой друг! — воскликнул легковерный кардинал, — чем я смогу вас отблагодарить!

Он снял со своего пальца великолепное кольцо и надел его на палец мадам де Ламотт. Затем он приказал заложить карету и поторопился к ювелирам. Он взял ожерелье и со шкатулкой отправился прямо к мадам де Ламотт. Только он приехал, как позвонили. Господин, которого интриганка представила кардиналу, как посланного от королевы, подал ей письмо; она прочла его и передала ему ожерелье, только что привезенное де Роганом.

Это было концом первого акта. Кардинал был очень доволен и все ждал нового поручения и нового свидания с Марией Антуанеттой, а де Ламотт продала ожерелье частями и жила той веселой и беспечной жизнью, о которой мечтала.

Но удар грома не замедлил разразиться.

Однажды Мария Антуанетта получила от Бемера письмо, в котором он напоминал, что наступает срок первой уплаты. Но королева не поняла значения этого письма, несмотря на фразу ювелира: «Отныне самое красивое из существующих ожерелий украшает самую красивую из королев».

Заинтригованная Мария Антуанетта послала мадам де Мампан к Бемеру спросить, что значит это письмо. Изумленный, в свою очередь, Бемер рассказал всю историю мадам де Ламотт и кардинала де Рогана. Мадам де Мампан передала все королеве. Та, взволнованная и считая себя жертвой ужасной интриги, придуманной кардиналом де Роганом, чувствуя себя оскорбленной, как королева и женщина, открыла интригу Людовику XVI. Она настояла на том, чтобы кардинал де Роган был арестован в своем кардинальском облачении.

15 августа, выходя после обедни из капеллы версальского дворца в фиолетовой шелковой сутане и парадном облачении, он был приглашен де Бретейлем в кабинет короля. Король принял его стоя, красный от волнения.

— Кузен, разве эту покупку бриллиантового ожерелья вы сделали от имени королевы? — спросил он.

Людовик де Роган побледнел и взглянул на Марию Антуанетту, презрительно и гордо смотревшую на него. Какое ужасное разочарование! А он-то считал себя любимым!

— Ах, ваше величество, меня обманули! — простонал он.

Он задышался, его колени подгибались. Король заметил это и сказал:

— Останьтесь здесь и изложите письменно то, что вы имеете мне сказать.

И он вместе с королевой прошел в библиотеку.

Весь дрожа от волнения и горя, кардинал де Роган написал пятнадцать строк, в которых объяснял, что одна женщина, по фамилии Ламотт де Валуа, уверила его в том, что ожерелье покупается по желанию королевы, и тем ввела его в заблуждение.

Король вскоре вернулся, быстро прочел бумагу и спросил:

— Где эта женщина?

— Я не знаю, ваше величество.

— А ожерелье?

— Оно должно быть у нее, ваше величество.

Король взглянул на счет, наскоро составленный Бемером и привезенный мадам де Кампан.

— Где же эти расписки, подписанные королевой, которые вы показывали Бемеру?

— Они у меня, но они фальшивые.

— Еще бы им не быть фальшивыми! Возможно ли допустить, господин кардинал, что вы, с которым я не разговаривала целых восемь лет, могли поверить, что я захочу воспользоваться вашим посредничеством для приобретения этого ожерелья! — воскликнула королева.

Кардинал ничего не ответил, только две крупные слезы скатились по его щекам.

Тогда король встал и заговорил:

— Сударь, это такое темное дело, что я не могу оставить вас на свободе, пока оно не разъяснится. Имя королевы для меня священо. На него наброшена тень, и я ничем не должен пренебрегать. Я постараюсь утешить ваших родных. Я желаю, чтобы вы смогли оправдаться, но делаю то, что обязан сделать король и муж. Господин де Бретейль, — обратился король к присутствовавшему в комнате де Бретейлю, — позовите ко мне капитана д'Эспирака.

— Ваше величество, сегодня дежурный господин де Вильруа.

— Ну, так прикажите господину де Вильруа арестовать господина кардинала.

Бледный, но уже спокойный, Людовик де Роган вышел из кабинета в сопровождении де Бретейля,

который на пороге перед всеми собравшимися в приемной придворными, крикнул:

— Господин де Вильруа, потрудитесь арестовать господина кардинала!

Поднялся страшный шум, но тем не менее де Роган был арестован и отправлен в Бастилию, куда в тот же день были заключены мадам Ламотт де Валуа и мадам Олива.

Год спустя парламент оправдал Людовика де Рогана и мадам Оливу, а мадам де Ламотт палач высек обнаженную; затем ей заклеили плечи буквой «в» (воровка) и отправили на пожизненное заточение в Сальпетриер.

Так поступил суд, но народ продолжал подозревать королеву в темных интригах с кардиналом. Этому удару, нанесенному королеве, суждено было поколебать монархию.

Тогда, чувствуя, как грустно и опасно положение королевы и короля среди этого разгара страстей в народе и даже при дворе, приверженцы Марии Антуанетты, как бы по невысказанному таинственному предчувствию, сгруппировались в Версале.

Вернулся граф де Ферзен, но мало показывался в обществе. Большую часть дня он проводил с капитаном д'Эспираком, ставшим его близким другом. Вебер по-прежнему служил королеве, равно как и Шаню, сын крестьянки деревни Ашер, которого Мария Антуанетта приняла под свое королевское покровительство в первые годы своего приезда во Францию.

К интимной группе близких друзей примкнули мужчины и женщины, всегда остававшиеся преданными монархии и лицам королевского дома; среди них отличались наибольшей преданностью господин де Жарже и маркиза де Серан.

Эта свита, представлявшая собой как бы почетную гвардию, постепенно становилась многочисленнее. Она увеличилась придворными вельможами, понявшими, наконец, опасность своих политических заблуждений.

Но, увы, эти отдельные личности ничего не могли сделать против натиска целой нации и непреложной воли судьбы!

Вскоре после происшествия с ожерельем Мария Антуанетта, возмущенная придворными интригами, вернулась в Трианон. Однако нельзя же было обречь себя

на скуку, и королева вспомнила о маленьком реставрированном театре, но хотела, чтобы сам король разрешил представления.

Людвик XVI немедленно дал разрешение, и сначала ставили небольшие пьески. Король, королевские дети, приближенные дамы королевы, их сестры и дочери составляли публику. Ни один молодой человек, за исключением графа д'Артуа, не принимался сначала в труппу, состоявшую из Марии Антуанетты, принцессы де Ламбаль и нескольких дам королевского дома. Позднее, по мере того, как росли успех и интерес, вход в театр был разрешен офицерам, мушкетерам и гвардейским оруженосцам короля, и его братьям, и даже нескольким высокопоставленным придворным.

Тогда королева имела неосторожность поставить «Севильского цирюльника». 19 августа 1785 года состоялось первое представление. Королева играла Розину, граф д'Артуа — Фигаро, де Водрейль — Альмавиву, герцог де Гиш—Бартоло, а де Грюссоль—Базилио.

Это неосторожное легкомыслие увеличило сплетни, распространяемые о Марии Антуанетте. Дворяне, не получившие приглашения в Трианон, сделали врагами своих счастливых соперников и самой королевы. Умы постепенно озлоблялись, и недостойные слухи, начавшись при дворе, разрастались, переходя в уста народа, который делал свои добавления к ним и перекладывал в оскорбительные песни.

Таким образом, все дворянство танцевало на вулкане, воспламененном им же самим. Четыре года спустя оно опомнилось, но было уже поздно предотвратить несчастье. Тогда все или почти все должны были понять свои ошибки и соединиться вокруг королевы, чтобы защитить ее, но вся их храбрость уже была бессильна разрушить то, что создала их ревность.

4 мая 1789 года в Версале открылись заседания государственных чинов. 14 июля того же года революция разрушила Бастилию. Мы не будем перечислять здесь всех событий, изменивших тогда судьбы Франции: мы передадим лишь те, которые имели исключительное влияние на несчастную королеву.

Однажды в одном парижском салоне член Учредительного собрания воскликнул:

— Знатная дама должна уехать, если она не хочет худшего!

На другой день это повторяло все собрание. Герцо-

гиня де Линь предупредила об этом королеву. Мария Антуанетта ответила с негодованием:

— Я королева Франции и жена Людовика XVI: я не покину ни моего мужа, ни мою страну!

Тогда революция задумала сама освободиться от Марии Антуанетты. Среди членов наиболее нетерпимых клубов было решено, что ее убьют в разгар бунта. Нужных для этого людей подкупили, снабдили надлежащими наставлениями и вооружили. Но нужен был повод для выполнения этого намерения. Королева сама подала его своим присутствием на обеде, данном гвардией Фландрского полка в Версале в зале спектаклей. Там пели: «О, Ричард! О, мой король!» Это было услышано народом, который постарались возбудить распространением недостойных сплетен.

На другой же день из Парижа собралась огромная толпа, окружила замок и стала требовать хлеба и «драгоценностей королевы».

Это произвело страшный переполох в замке. Мария Антуанетта оставалась спокойной. На слова принцессы де Ламбаль, предупредившей ее об опасности, она ответила:

— Я знаю, что пришли из Парижа за моей головой, но я научилась от моей матери не бояться смерти и приму ее с твердостью.

Было два часа ночи. В приемной королевы находился на дежурстве капитан д'Эспирак со своим лейтенантом де Лионом и двумя мушкетерами: де Миомандром и дю Репером. В сущности, можно было не опасаться ничего серьезного, так как Лафайет отвечал за эту ночь своей армией. Король послал кавалергардов в Рамбулье.

В три часа ночи королева легла спать и уснула, приказав предварительно принцессе де Ламбаль и мадам де Гинье тоже ложиться. Но обе они позвали своих камеристок и остались в приемной королевы. К ним подошел капитан д'Эспирак, и через несколько минут четыре женщины и четыре мушкетера стали играть в карты в углу комнаты, наиболее отдаленном от двери в спальню королевы.

Игра длилась до рассвета. Капитан д'Эспирак встал и начал собирать карты, когда вдруг раздались ружейные выстрелы, яростные крики, призывы на помощь во дворе, находившемся под окнами апартаментов королевы.

— Черт возьми! — выругался д'Эспирак. — Эти негодяи хотят познакомиться с мушкетерами.

В то время, как де Лион и его два товарища заряжали пистолеты, капитан д'Эспирак открыл окно, чтобы узнать о положении вещей. В ту же минуту принцесса де Ламбаль побежала будить королеву. Мятежники уже стучали прикладами ружей в дверь приемной.

Все четыре женщины вошли к королеве, и четверо мушкетеров стали перед дверью приемной, которая вдруг слетела с петель.

Раздались четыре выстрела — четыре мятежника упали на пороге. Но среди страшного шума и рева, среди выстрелов, толпа мятежников ворвалась в приемную. Первым упал де Миомандр, пронзенный в живот длинной пикой. Капитан д'Эспирак схватил своими могучими руками большой, тяжелый стол и, прикрываясь им, двинулся на мятежников, не ожидавших такого нападения и в испуге отступивших от двери.

— К королеве! — крикнул д'Эспирак.

И, оставив истекающего кровью де Миомандра, капитан и лейтенант дю Репер бросились в комнату Марии Антуанетты и в одну минуту забаррикадировали дверь.

Между тем через узкий и длинный балкон, окружавший окна внутренних апартаментов, королева и три женщины побежали к апартаментам короля. Они проникли в уборную, где находилась дверь в его кабинет. Обыкновенно эта дверь запиралась только со стороны, ведущей в комнату королевы, но теперь, когда принцесса де Ламбаль хотела ее открыть, то она не открылась, так как была заперта с внутренней стороны.

А крики и звуки выстрелов приближались все ближе и ближе.

— Они, должно быть, проникли в вашу спальню, ваше величество! — вся дрожа, проговорила мадам де Гинье.

— А капитан д'Эспирак? — спросила королева.

— Он, быть может, убит!

А принцесса де Ламбаль, с глазами полными слез, отчаянно стучала в запертую дверь.

— Боже мой, вот они! — крикнула мадам де Гинье.

И, действительно, ревушая толпа показалась в конце балкона. Вертя в левой руке тяжелый стул, а правой размахивая саблей, капитан д'Эспирак один сдерживал толпу, но и он постепенно вынужден был отступить.

Толпа подходит, она уже близко, а дверь не открывается!

На одно мгновение капитан д'Эспирак обернулся назад и увидел женщин, тщетно стучавших в запертую дверь. С отчаянной решимостью он изо всех сил бросает стул в наступающих мятежников и бежит к женщинам с намерением выломать дверь. Но в эту самую минуту она раскрывается, женщины и д'Эспирак бегут в комнату короля, и дверь тотчас же запирается Вебером, который услышал, наконец, шум и прибежал на помощь.

Между тем мушкетеры, дежурившие в других местах дворца, увидев врывающихся мятежников, поднялись по внутренней лестнице и неожиданно атаковали их. Постепенно они очистили от них апартаменты королевы. Де Лион, де Миомандр и дю Репер были найдены мертвыми.

В комнате короля дети бросились в объятия Марии Антуанетты. Вскоре пришел король с принцессой Елизаветой. Все обнялись со слезами.

Потом придворные, находившиеся в Версале, собрались в кабинете Людовика XVI, куда все еще достигал гул народа, собравшегося вокруг замка.

Неккер, министры, депутаты дворянства в десять часов утра явились за приказаниями короля. Но король упал в кресло и не произносил ни слова.

Под окнами раздавались крики:

— В Париж! В Париж!

Тогда королева решила на отъезд и убедила короля. Послали сказать народу, что королевская семья в полдень уедет в Париж. Но народ отвечал на это, что желает видеть королеву на балконе.

Спокойная и гордая, Мария Антуанетта вытерла слезы и вышла на балкон, окруженная детьми.

— Без детей! — слышался крик многотысячной толпы.

Она хотела видеть одну королеву. Тогда Мария Антуанетта слегка оттолкнула детей обратно в комнату и сделала шаг вперед. И толпа убийц, еще запятнанная кровью убитой ночью стражи, подняла руки, вооруженные топорами и пиками, и крикнула, как один человек:

— Bravo! Да здравствует королева!

Эти события произошли ночью и утром 6 октября 1789 года.

После дней 5 и 6 октября революция пошла вперед гигантскими шагами. Дворянство эмигрировало целыми толпами, в то время как Учредительное собрание готовило реформы. 14 июля 1790 года, в годовщину взятия Бастилии, Париж справлял праздник федерации. Затем скончался Мирабо — последняя опора Марии Антуанетты. С его смертью революционные газеты осыпали королеву самыми возмутительными сплетнями.

Революция разгоралась: гражданский кодекс духовенства, бегство в Варен, законодательство, день 10 августа, королевская семья в Тампле, сентябрьские убийства, смерть короля — все это пылающие, ужасные главы истории. Это главы, на которых мы не будем останавливаться, так как наша задача заключается лишь в описании интересных и малоизвестных подробностей. В исторической жизни королевы Марии Антуанетты мы одинаково коснемся только романтической стороны. И наиболее романтическое — это ее троекратная попытка бегства из тюрьмы Тампле. К передаче этой именно истории мы сейчас и переходим.

23 января 1793 года, два дня спустя после смерти на эшафоте Людовика XVI, коммуна разрешила его вдове, сестре и детям надеть траур, о котором просила Мария Антуанетта.

И королева, прикрыв голову простым чепцом крестьянки поверх черного вуаля, спадающего на плечи, с белой косынкой на шее и в широком траурном платье, углубилась в свою скорбь и не выходила из тюрьмы даже в сад.

Но вне стен тюрьмы преданные слуги Марии Антуанетты поддерживали тайную корреспонденцию с некоторыми из ее сторожей и лелеяли проекты спасения.

Бывший квартирмейстер де Жарже и маркиз де Серан строили планы бегства королевы. Им помогали Вебер, де Ферзен, д'Эспирак и Шаню. Скоро они нашли сообщников в самой тюрьме. Тюржи, офицер прежнего двора, сумел устроить в Тампле одного из оруженосцев королевской семьи. Он привлек на свою сторону двух служащих в тюрьме, Кретьена и Маршана.

Каждый раз, когда кто-нибудь из этих людей выходил из Тампле, он вступал в отношения с капитаном д'Эспираком, превратившимся в штатского и ставшим союзником де Жарже и маркиза де Серан.

2 февраля 1793 года к господину де Жарже явился неизвестный человек и попросил, чтобы его немедленно приняли. Д'Эспирак вышел к нему в переднюю и провел его в кабинет де Жарже. Прежде, чем заговорить, человек взглянул на бывшего капитана мушкетеров. Де Жарже понял этот взгляд и сказал:

— Вы можете говорить: господин д'Эспирак из числа наших друзей.

— Хорошо, — ответил незнакомец. — Я Франсуа Адриен Тулан.

Де Жарже вскочил с места. Зачем явился к нему этот человек, член коммуны, комиссар секции Отель де Вилль, смотритель тюрьмы Тампле? Д'Эспирак подумал, что им изменили, и, решившись раздробить череп этому революционеру, если он сделает хоть одно подозрительное движение, положил руку на пистолеты, находившиеся у него за поясом. Но Тулан улыбнулся и не тронулся с места.

— Я очень счастлив, что вы меня знаете, — сказал он, — но успокойтесь и не ищите повода раздробить мне череп. Я пришел сюда не врагом, наоборот... Вот, прочтите.

И Тулан подал де Жарже записку, в которой тот узнал почерк Марии Антуанетты. Он прочел ее и, весь дрожа от радости и волнения, произнес:

— Ее величество повелевает мне относиться к вам с полным доверием. Господин д'Эспирак, я и все наши друзья к вашим услугам. Что вы можете предложить нам?

— Спасти королеву.

— Каким образом?

— Освободив ее из Тампле.

— Увы, мы целых два месяца тщетно бьемся над этой задачей.

Тулан улыбнулся.

— Не беспокойтесь более, сударь, я вам принес ее разрешение.

— В чем же оно заключается? — спросил д'Эспирак.

— Вот в чем. Слушайте внимательно мои объяснения. Я с моим товарищем Лепитром принесем в Тампле под шубами мужские костюмы, трехцветные шарфы и пропускные билеты. Это будет сделано в пять часов пополудни. В шесть я, как бы случайно, пройду мимо консьержа Тизона; он и его жена нюхают табак; я са-

мым естественным образом предложу им понюхать крепкого шпанского табаку, смешанного с сильным наркотическим средством. А в семь часов королева и принцесса Елизавета выйдут из тюрьмы вместе со мной и Лепитром.

— Этот план превосходен по смелости и простоте! — воскликнул де Жарже, — но дети...

— И это предусмотрено, — возразил Тулан. — Фонарщик, зажигающий фонари в башне Тампле, служба которого кончается в семь часов, приходит всегда с двумя детьми. Мы оденем дофина и его сестру так, как одеваются его дети, и в то время, как настоящий фонарщик будет в башне, другой, мой приятель Рикар, переодетый в фонарщика, возьмет дофина и его сестру и выведет их за ворота тюрьмы, громко возмущаясь против отцов, которым помогают такие маленькие дети. Таким образом, между без четверти семь и семью часами мы все выйдем из тюрьмы. Вы будете нас ждать на улице Кордери с тремя кабриолетами, запряженными хорошими лошадьми. Господин д'Эспирак позаботится о переезде до Гавра, где беглецов снабдят вполне законными паспортами, выхлопотанными Лепитром, на которого возложена эта обязанность. Затем они сядут на корабль и уедут в Англию. И королевская семья спасена!

Де Жарже бросился на шею Тулану и расцеловал его. Д'Эспирак крепко пожал ему руку и был вдвойне счастлив, когда Тулан сказал ему, что он тоже из Тулузы.

— Два гасконца! — смеясь, воскликнул де Жарже. — Это больше, чем нужно для успеха.

Тулан тотчас же вернулся в тюрьму Тампле и нашел случай сообщить Марии Антуанетте о своем разговоре с де Жарже и д'Эспираком.

— Надейтесь, сударыня, — сказал он в заключение, — даже эта тюрьма наполнена преданными вам сердцами.

Мария Антуанетта грациозно подала ему руку для поцелуя, но дверь вдруг отворилась, королева опустила руку, а Тулан произнес нарочито-грубым тоном.

— Нет, гражданин, тебе не дадут двойной порции хлеба, как ты ни проси об этом. Твои привычки слишком обеднили нацию, у нас нет больше хлеба для тиранов.

— Ай-ай-ай, австриячка хочет пополнить! — вос-

кликнул Тизон, появляясь на пороге. — Напрасный труд, матушка, полнота не помешает твоей шее войти в петлю.

— Этот Тизон всегда остроумен! — похвалил Тулан и вышел с ним из тюрьмы, чтобы осмотреть, в порядке ли решетки на окнах и замки в дверях.

Это было 2 февраля. Через месяц, 2 марта, благодаря энергии заговорщиков и деньгам, которые маркиза де Серан передала преданному, неутомимому д'Эспираку, путь от Парижа до Гавра был обеспечен и все готово к побегу. Но надо было подождать, пока дежурными на неделе солдатами и смотрителями тюрьмы будут Тюржи, Кретъен, Маршан и Рикар для того, чтобы они своим числом превышали число сторожей, которых из осторожности не хотели привлекать к заговору. Побег был назначен на 15 марта.

Какое волнение переживали заключенные! Мария Антуанетта и принцесса удвоили осторожность и благоразумие, чтобы не изменить себе в глазах стражи и членов коммуны, приходивших в тюрьму, чтобы не выдать своих надежд, опасений, волнений и тоски. Их жизнь текла однообразнее, чем когда-нибудь. Часы сна, обеда и ужина, молитвы, чтения, прогулок по двору и по саду, — все было тщательно урегулировано и строго соблюдено. Никто не мог ничего заподозрить.

Утром 15 марта Тулан и Лепитр пронесли одежду в камеру заключенных и спрятали ее под кровать Марии Антуанетты. Они вышли из тюрьмы, полные надежд, и встретились с фонарщиком башни, который сразу стал жаловаться Тулану на причиняемые ему неприятности.

— Гражданин, со мной поступают несправедливо, — сказал он ему.

— В чем дело? — спросил Тулан, у которого замерло сердце от предчувствия.

— Не позволяют мне больше приводить с собой детей помогать чистить тюремные фонари. Мне теперь стало вдвое больше работы. Пойми это, гражданин!

Тулан и Лепитр ничего не ответили, а поторопились к де Жарже, которому и рассказали о случившемся.

— Я уже заметил, — сказал Тулан, — что за тюрьмой стали особенно строго наблюдать с 7 марта, вследствие мятежа в квартале Тампле при получении известия об осаде Мейстриха и об эвакуации в Окс-ла-

Шапель. Но я ни в каком случае не мог предположить, что займутся детьми фонарщика.

Однако факт был налицо и против него ничего нельзя было поделывать. Тулану удалось провести целый час с королевой. Он объяснил, в чем дело.

— Уйти без моих детей! — вскричала Мария Антуанетта. — Никогда! Лучше смерть.

Принцесса Елизавета плакала. Тулан, понявший и одобрявший в глубине души эту материнскую любовь, преклонился перед решением королевы и передал от нее де Жарже следующее прелестное письмо:

«Мы лелеяли прекрасную мечту, вот и все; мы многое этим выиграли, так как имели новое доказательство вашей глубокой преданности мне. Я вам безгранично верю. Во всех случаях вы найдете во мне твердость и мужество, но мною руководит всецело желание блага моему сыну, и какое бы счастье ни ожидало меня за этими стенами, я не могу согласиться расстаться с ним. Я вижу вашу привязанность ко мне во всем, что вы мне передаете, верьте, что я понимаю ваши доводы в мою пользу, но я не смогу ничем утешиться, оставив моих детей. Эта мысль не оставляет во мне даже сожаления о неудавшемся побеге».

Итак, все рушилось, но друзья королевы не поддались отчаянию и снова придумывали средства ее спасения.

.

После неудавшейся попытки Тулана вырвать Марию Антуанетту из рук революции де Жарже почти потерял надежду на успех. Тулана заподозрили и отстранили от должности в Тампле, поручив ее страже. Таким образом, не оставалось никакой надежды, и друзья королевы не находили возможности для нового заговора.

Но однажды один человек подошел на улице к де Жарже и сказал ему тихо:

— Граф, следуйте за мной, прошу вас.

— Но, сударь...

— Я барон де Бац, — сказал незнакомец, как будто эта фамилия должна была уничтожить все сомнения.

И действительно, де Жарже поклонился и ответил просто:

— Ведите меня куда вам угодно, я следую за вами.

Дело в том, что барон де Бац был самым ярким из монархистов, оставшимся верным несчастной семье Людовика XVI. Он пытался освободить короля из кареты, когда коронованную жертву везли из Тампле на площадь Революции. Это ему не удалось. Бац исчез, и полиция коммуны не могла напасть на его следы. С фальшивыми паспортами, с фальшивыми пропускными билетами, с фальшивыми видами на жительство, пользуясь самыми разнообразными костюмами и зная различные ремесла, к тому же располагая большими средствами, помогавшими ему укрываться от преследований, барон де Бац укрылся от всех сыщиков, от всех патрулей. Комитет общественной безопасности оценил его голову в 300 000 фунтов, и все напрасно. Бац оставался невидим, недостижим, и в Париже о нем сложилось немало легенд.

Вот почему, как только де Жарже узнал, с кем имеет дело, он без колебаний последовал за бароном. Тот провел его в маленький скромный отель, находившийся в глубине темной улицы предместья Сент-Антуан. Как только они вошли в комнату третьего и последнего этажа, барон де Бац, осмотрев хорошо ли закрыты окна и дверь, усадил де Жарже посреди комнаты и сказал:

— Я очень рад видеть вас, граф, а так как время дорого, то позвольте мне ограничить этим всю любезность и сразу переговорить с вами о близком вашему сердцу деле. Здесь никто нас не увидит и не услышит.

— Прекрасно, барон, я вас слушаю.

— О, дело очень простое. Тулану не удалось освободить королеву, а мне, быть может, удастся. Вот мой план. Он вполне готов, и все соучастники в моем распоряжении. При помощи гражданина Кортэ, бакалейщика на улице Закона, капитана национальной гвардии, и при помощи гражданина Мишониса, смотрителя тюрем, я привлек к нашему делу восемь человек из стражи Тампле. В назначенную нами ночь, когда Мишонис и Кортэ будут на дежурстве, королева и принцесса Елизавета, уже предупрежденные Мишонисом, наденут широкое военное платье, фуражки, прицепят оружие, смешаются с патрулем, состоящим из преданных нам людей, окружают дофина и его сестру и пройдут мимо второй стражи, тоже преданной нам, чтобы спуститься

по большой лестнице. Тогда Корте подаст сигнал для обхода ночной стражи, и как только дверь будет открыта, беглецы сядут в кареты, где мы с вами будем их ждать.

— Восхитительно! — радостно воскликнул де Жарже. — Но не могу ли я еще чем-либо быть вам полезным?

— Можете, и вот чем: восьми человек подкупленной стражи мало, необходимо иметь, по крайней мере, еще столько же, а я не могу подыскать других соучастников. Вы должны их найти в самой тюрьме.

— Я берусь за это.

— Хорошо. Затем я прошу вас устроить все для переезда из Парижа в Гавр или в Дюнкирхен.

— Граф д'Эспирак однажды уже устроил это, он сумеет устроить и снова.

— В таком случае, нам остается только действовать. Вы меня найдете здесь каждый день в полдень или в полночь. Предупредите меня, прошу вас, когда будете уверены в восьми добавочных соучастниках и когда устроится переезд. Королева все знает и готовится.

— Непременно.

И они распрощались.

Через три дня д'Эспирак приготовил все нужное к отъезду, а де Жарже подыскал восемь соучастников. Таким образом, считая восемь человек тюремной стражи, шестнадцать заговорщиков должны были способствовать бегству Марии Антуанетты из Тампле.

Де Жарже имел новое свидание с бароном де Бацем, и побег был назначен ночью 15 июня 1793 года, когда Мишонис и Корте будут дежурными в тюрьме.

В шесть часов вечера Мишонис вошел в камеру королевы. Мария Антуанетта, бледная, с заплаканными глазами, дрожала от нетерпения, а принцессу Елизавету лихорадило от волнения.

— Успокойтесь, умоляю вас, — сказал им Мишонис. — Только ваше хладнокровие поможет успеху.

В половине одиннадцатого Корте пришел убедиться, все ли готовы. Он расставил на места стражу.

— Мишонис, — сказал он, — когда я крикну: «На караул!», попроси королеву и принцессу Елизавету накинуть плащи, которые спрятаны под матрацем. Две минуты спустя я пойду в обход с патрулем, и мы все выйдем в том порядке, который тебе известен.

В полутьме комнаты, еле освещенной коптящей лам-

пой, Мишонис, королева, принцесса Елизавета и дети ждали в смертельной тревоге. Минуты казались часами, и в тишине слышалось неровное дыхание заключенных. На ближайших часах медленно пробило одиннадцать ударов. Когда замер последний удар, коридоры огласились криком:

— На караул!

— Черт возьми! — выругался Мишонис сдавленным голосом. — Это голос не Кортэ!

Королева упала на колени, принцесса Елизавета заломила руки, а Мишонис побежал к двери.

— На караул! — слышалось снова.

— Но кто же заменил Кортэ? — в недоумении произнес Мишонис.

В коридоре раздались шаги, звуки запираемых замков, бряцанье оружия.

Вдруг дверь камеры отворилась, и вместо Кортэ появился гражданин Симон, член коммуны, с двенадцатью солдатами. Он подозрительно осмотрел камеру и, не обращая внимания на отчаяние, отразившееся на лицах Марии Антуанетты и принцессы Елизаветы, подошел к Мишонису и сказал ему самым естественным тоном:

— Гражданин, прошу тебя уступить мне на эту ночь дежурство. Я буду стеречь этих заключенных. Ты можешь идти отдохнуть.

Это было произнесено твердо, холодно, скорее, как приказание, чем просьба.

Когда дверь закрылась за Симоном, Мария Антуанетта и принцесса Елизавета, рыдая, бросились друг другу в объятия. Облегчив себя обильными слезами, королева снова стала мужественна и кротко произнесла:

— Не будем больше плакать. Бог не хочет, чтобы мы оставались на земле. Он скоро призовет нас к себе.

На следующий день в полночь де Жарже побежал к барону де Бацу. Он нашел его сидящим у стола в глубокой тоске. Горевший в комнате фонарь слабо освещал его расстроенное лицо.

— Друг мой, не известно ли вам, как случилось, что этот проклятый Симон явился так неожиданно? — спросил его де Жарже.

— Да, я все знаю, — ответил барон. — Переодевшись в костюм национальной стражи, я переходил от одной группы стражи к другой и вот что узнал. В два-

дцати метрах от Тампле вчера, в восемь часов вечера, один жандарм поднял анонимную записку без адреса. На ней было написано карандашом: «Сегодня ночью Мишонис изменит». Записку отнесли к Симону, он представил ее в коммуну, а коммуна дала Симону все полномочия.

— Но кто же написал записку?

Барон де Бац встал и произнес со значением:

— Я знаю — кто, и мы с вами накажем виновного. У вас есть с собой кинжал?

— Да.

— Со мной тоже. Пойдемте.

И они вышли из дому.

После двадцатиминутной ходьбы они подошли к дому, все этажи которого были освещены.

— Подождите меня здесь, в тени, — сказал барон де Жарже. — Приготовьте ваше оружие. Я скоро вернусь с человеком. Я представляю его вам со словами: «Уважаемый гражданин, вот Мартен». Человек поклонится, тогда мы оба пронзим ему грудь.

— Я жду вас.

Барон де Бац подошел к двери дома и три раза постучал. Ему отворили. Он остался на пороге и позвал:

— Мартен!

Один из солдат национальной стражи отделился от группы, игравшей в карты, и последовал за бароном де Бацем. Отведя его к тому месту, где ждал де Жарже, барон сказал ему:

— Если он тебя спросит, какой ты хочешь награды, проси, не стесняясь, галуны сержанта. Он тебе даст их.

— Вот это хорошо, гражданин, очень хорошо, — ответил тот. — Никто себе не враг.

Вдруг граф де Жарже выступил из тени. Барон де Бац остановился и, одной рукой указывая на человека, а другой вынимая кинжал, проговорил:

— Уважаемый гражданин, вы желали видеть сторожа тюрьмы Тампле, который, изменив обещанию, данному графу де Жарже, изменил королеве. Уважаемый гражданин, вот Мартен!

Прежде, чем солдат успел вскрикнуть, поднялись две руки, сверкнула сталь двух кинжалов, и он упал, пронзенный двумя ударами в сердце.

Граф де Жарже и барон де Бац бросили на его тело окровавленные кинжалы и скрылись во мраке ночи.

.

На другой день граф де Ферзен уехал в Брюссель, чтобы отвезти туда известие о том, что все потеряно, и присоединиться к массе эмигрантов, ждавших в изгнании конца революционных волнений. С ним уехали Вебер и Шаню. Только де Жарже и д'Эспирак все еще упорствовали и не хотели покидать королеву.

VI

Несколько дней спустя после второй неудачной попытки к бегству, ставшей известной народу выдачей некоторых заговорщиков и убийством изменника Мартена, попытки, заставившей скрываться друзей Марии Антуанетты, коммуна решила раз навсегда положить конец возможности бегства королевы. Прежде всего у нее отняли дофина. Слезы и мольбы несчастной матери были бессильны перед волей торжествующей революции.

А для того, чтобы эта разлука была прочнее, Марию Антуанетту перевели одну в тюрьму Консьержери в ночь с 1 на 2 августа 1793 года.

Мишонис в качестве начальника тюремной полиции мог часто видеть королеву в Консьержери. Он каждый раз приносил ей известия о ее детях и сестре. По совершенно необъяснимой снисходительности коммуна охотно разрешала иногда иностранцам сопровождать Мишониса; те же хотели видеть королеву из чувства симпатии к ней.

Так, однажды Мишонис вошел в камеру королевы в сопровождении человека, который очень пристально посмотрел на Марию Антуанетту, несколько раз моргнул глазами и таким образом привлек к себе ее внимание. Затем, в ту минуту, когда Мишонис повернулся спиной, незнакомец наклонился над королевой и прошептал едва слышно:

— Сударыня, я брошу два анютиных глазка в темный угол. Поднимите их, как только мы уйдем. Вы в них что-то найдете.

Мишонис, оставаясь преданным другом королевы, был убежден, что никакая новая попытка к бегству не может удалиться, и уже не строил планов ее освобожде-

ния. Он, однако, наблюдал за королевой в надежде, что другим удастся то, что он считал невозможным. Вследствие этого иностранец мог без особенных затруднений уронить за печку два анютиных глазка.

Едва они вышли из камеры, как Мария Антуанетта нагнулась, подняла цветы и стала с тревогой их рассматривать. В них, на первый взгляд, не было ничего необыкновенного; цветы были так свежи, как будто их срезали лишь несколько часов назад. Казалось невозможным, чтобы в них была спрятана самая крошечная записочка. Королева уже хотела презрительно отбросить их, считая это за злую шутку, когда заметила на стебле одного из цветков тонкую черную линию. Осторожно концом булавки приоткрыла она едва заметную линию и увидела бумажку, свернутую в тончайшую трубочку. Сделано это было так искусно, что королева изумилась тому терпению, с которым иностранец должен был открыть, вложить трубочку и снова закрыть стебель, не сломав его.

Мария Антуанетта вынула бумажку и с великим недоумением прочла следующее:

«Сударыня, я вас люблю самой пылкой любовью. Если вы хотите бежать со мной за границу, то я имею возможность освободить вас из тюрьмы. Я богат, мы уедем и присоединимся к дворянству, находящемуся в изгнании».

Бумажка была так мала, что иностранец не мог написать на ней больше. Внизу мельчайшими буквами было подписано: «Джон де Ружевиль».

В ответ на это признание и предложение Мария Антуанетта только пожала плечами. Бежать, без детей, с иностранцем, даже фамилия которого ей незнакома, — об этом нечего и думать. Она бросила в печку цветы и записку и стала молиться; она до такой степени была уверена в близкой смерти, что молилась, почти не переставая.

Несколько дней спустя Джон де Ружевиль снова пришел с Мишонисом. Он шепотом попросил у королевы ответа, но она презрительно улыбнулась и прошептала:

— Я остаюсь здесь.

Джон де Ружевиль побледнел, а когда Мишонис отошел в другой конец комнаты, он отрывочными фра-

зами стал шептать о своей преданности, могуществе, любви, на что Мария Антуанетта ответила ему гордо:

— В переживаемых нами несчастных обстоятельствах королеве не говорят о преступной любви; ее спасают или умирают за нее.

Подошел Мишонис, и Джон де Ружевиль не мог ответить. Но на следующий день ему удалось снова навестить заключенную и снова передать ей бумажку, почти такого же содержания, как и первая, только несколько пространнее. Королева, утомленная этим упорством, провела целых четверть часа за выкалыванием на клочке бумаги слова «нет».

Она расположила буквы в разных местах так, что только тот, кому они были адресованы, мог их разобрать и сложить в одно слово. Но три дня спустя Мишонис заметил эту бумажку в руках королевы и почтительно попросил взглянуть на нее. Мария Антуанетта, не раздумывая показала ему, и он ее спрятал, не придавая ей существенного значения.

По доносу жандарма, случайно подметившего эту интригу, Мишонис был арестован. Вслед за ним арестовали Тулана и Корте. Всех троих предали суду, осудили на смерть и казнили вместе с пятьюдесятью двумя другими «соучастниками», одев их предварительно по приказанию Фукье-Тенвиля в позорные красные рубашки за то, что они «принимали участие в заговорах против представителей народа».

Искали и Джона де Ружевилья, но он эмигрировал за границу.

Между тем близился роковой час Марии Антуанетты. Одинокó томилась она в тюрьме Консьержери, в мрачной подземной камере, похожей на могилу, где вода текла по стенам, где королеву изводили холодом и голодом. Большие крысы, возбуждавшие в ней ужас, постоянно окружали ее и доходили даже до того, что вырывали из ее рук хлеб, приносимый тюремщиком два раза в день.

Это одиночество было еще ужаснее тем, что было только кажущееся. День и ночь в дыры, просверленные гвоздями в стенах, и в замочные скважины жандармы следили за каждым движением королевы, придавали дурное значение ее самым невинным жестам. Коммуна бесцеремонно распространяла слух о том, что если у королевы отняли детей, то лишь потому, что она

внушала им преступные привычки. И к довершению ужаса эту клевету довели до сведения матери!

Наконец, 12 октября 1793 года, в грустный осенний день, начался процесс. Вследствие подтасовки, самых постыдных обвинений процессу этому суждено было навеки остаться стыдом торжествующей революции, той революции, которая по виду руководствовалась самыми благородными принципами и которой суждено было, несмотря на все, иметь такие достославные последствия. Облитая целыми потоками бесконечно изливаемой на нее грязи, Мария Антуанетта осталась такой же спокойной, гордой и величественной, какой была всегда.

Мы не будем передавать подробности этого процесса. Это дело истории, и рассказчик должен скромно и почтительно остановиться перед такими важными событиями. Самое большее, что мы можем себе позволить, это восхищаться характером королевы и отметить подробности ее конца.

Утром, 16 октября, в четыре часа с несколькими минутами после долгих дней бурных прений был составлен приговор.

Накануне, на заре, Марию Антуанетту привели в мрачный, душный зал, где заседал революционный суд. В течение этих двадцати четырех часов ей дали всего лишь несколько ложек бульона. Несмотря на тревогу об участи детей и сестры, она сохранила обычное присутствие духа, мужество и твердость. Невозмутимая, в черном заштопанном платье и во вдовьем креповом чепце, не выдавая ни малейшего волнения, выслушала она оскорбительный, несправедливый приговор.

Когда было произнесено торжественное слово «смерть», в зале суда воцарилось страшное по своему значению молчание. Тогда, медленно обернувшись к одному из своих защитников, Трансону-Дюкудре, королева сняла с пальца два обручальных кольца, вынула из-за корсажа прядь своих поседевших волос и сказала спокойно и мягко:

— Вот, сударь, если Бог поможет вам встретить когда-нибудь моего друга мадам де Жарже, то прошу вас, передайте ей эти кольца и эти волосы на память.

Затем, с величием королевы, спускающейся со своего трона, она сошла со скамьи подсудимых среди гробового молчания и неподвижности всех присутство-

вавших. Она открыла решетку и в сопровождении своих защитников и двенадцати человек национальной стражи вышла из зала твердыми шагами, высоко держа голову, глядя спокойно вперед и улыбаясь доброй улыбкой.

И когда она проходила широкими коридорами между двумя рядами любопытных, одна простая женщина воскликнула:

— Ишь, какая гордая эта мадам Антуанетта!

В пять часов утра 16 октября 1793 года во всех кварталах Парижа раздался призывный барабанный бой. Кордегарии и казармы проснулись, построились, и вооруженная сила залила все улицы города. В семь часов, среди сильного утреннего тумана, с шумом задвигались заряженные пушки и загородили мосты и переулки от Пале-де-Жюстис до площади Революции.

В это самое время в Консьержери в камеру королевы вошел человек. Мария Антуанетта, лежавшая на постели, но не спавшая, поднялась и ждала.

— Сударыня, — сказал вошедший, — я аббат Жирар, кюре прихода Сент-Ландри.

С минуту он в волнении помолчал, потом произнес с почтительным поклоном:

— Мне поручено исповедать вас, если вы этого желаете.

— Благодарю вас, — мягко произнесла королева.

Затем она прибавила с твердостью:

— Я признаю посланниками Бога только священников, не принявших присяги.

Жирар снова поклонился и не возражал.

Мария Антуанетта встала с постели, на которой лежала одетая. Она задрожала. В камере, едва освещенной коптящей лампочкой, было сыро и холодно. Она быстро заходила от стены к стене, желая согреть ноги.

— Сударыня, — сказал Жирар, — если бы вы поставили ноги на подушку, вам было бы не так холодно.

— Благодарю вас.

Она последовала совету и скоро почувствовала себя лучше. Несколько минут длилось молчание. Жирар прервал его:

— Вы позволите мне, сударыня, сопровождать вас до эшафота?

— Поступайте как вам угодно, сударь, — ответила королева. — Но я прошу вас исполнить одну просьбу.

— Какую? — встрепенулся аббат.

Мария Антуанетта взяла письмо, лежавшее на столе, и, подавая его аббату, сказала:

— Это письмо к моей невестке. Я попрошу вас передать его принцессе Елизавете, как только вы меня оставите. Это мое последнее прости ей и моим бедным детям.

Жиран с поклоном взял письмо.

Скоро пробило восемь часов. Дверь тюрьмы отворилась, и вошла Розалия Ламорльер в сопровождении жандармского офицера, остановившегося у двери с саблей наголо.

Мария Антуанетта попросила Розалию Ламорльер помочь ей остричь волосы, чтобы до них не дотрагивался палач. Со времени первых же испытаний, причиненных несчастной королеве революцией, эти чудные волосы почти совсем поседели.

Затем, пожелав переменить в последний раз белье, Мария Антуанетта обернулась к жандармскому офицеру и сказала ему с большой мягкостью:

— Во имя чести, позвольте мне, сударь, переменить белье без свидетелей.

— Полученный мной приказ неизменен, — грубо ответил офицер, — я должен видеть каждое ваше движение.

Королева вздохнула и попросила Розалию стать перед ней с развернутым одеялом, чтобы ее последний туалет мог укрыться от мужских глаз.

Она не одела того траурного платья, в котором предстала перед судьями, но выбрала широкий пеньюар из белого пике и повязала грудь большим шерстяным платком. Когда королева переоделась, Розалия Ламорльер ушла с глазами полными слез и даже не простилась с ней, чтобы не разрыдаться.

Было около девяти часов. Звуки шагов, голосов и бряцанье оружия раздались в коридоре. Дверь резко отворилась и появился комиссар коммуны в сопровождении палача Сансона и нескольких сторожей. Комиссар прочел приговор, который королева выслушала стоя, спокойная и полная достоинства. Затем Сансон схватил бледные, холодные руки осужденной и скрутил их за спиной.

По знаку комиссара, стража окружила Марию Антуанетту, и все вышли из камеры.

Решетка тюрьмы открылась, и толпа увидела строй-

ную, гордую королеву в белом платье. Толпа, сжатая двойной линией солдат, не издала ни звука.

Мария Антуанетта спустилась с нескольких ступенек лестницы и очутилась перед подножкой телеги, которая должна была отвезти ее на эшафот. Она отказалась от услуг Сансона, хотевшего ее посадить, взошла сама и села лицом вперед, но помощники палача попросили ее повернуться, что она послушно и исполнила.

Аббат Жиран в светском платье сел рядом с королевой, а Сансон и его помощники, с обнаженными головами, вскочили на задок телеги.

Единственная лошадь повезла эту печальную процессию посредине двойного ряда тридцати тысяч вооруженных солдат. Из толпы не раздавалось ни одного возгласа. Но когда увидели, что бледная Мария Антуанетта спокойно и прямо сидит в телеге, сохраняя свое королевское достоинство, разные оборванцы стали позволять себе оскорбления, а за ними и толпа, бежавшая до самого эшафота, начала осыпать королеву грубыми ругательствами.

Но королева не думала об этом. Она знала, что в одном широко открытом окне близ Оратории увидит патера. Когда процессия поравнялась с означенным домом, Мария Антуанетта увидела в окне человека с непокрытой головой, поднявшего правую руку. Она наклонилась и приняла последнее благословение. Подняв голову, она увидела, как женщина из толпы поднимала вверх своего ребенка, и этот ребенок посылал ручкой поцелуи королеве.

Эта сцена так расстроила Марию Антуанетту, что мужество покинуло ее, и она почувствовала, что слезы текут по ее щекам. Но она оправилась, не желая выставлять свое горе на посмеяние врагов. И слезы остановились.

В эту именно минуту художник Давид, взобравшись на складную лестницу, позади линии солдат, набросал на бумаге холодный и сухой портрет женщины, ехавшей умирать.

Телега доехала до Пале Эгалите. Как бы для того, чтобы яснее напомнить королеве ее самые лучшие и самые несчастные дни, толпа начала бешено реветь, хлопать в ладоши, и тогда в первый раз за все время своей пытки Мария Антуанетта сделала негодующий жест.

Двигались вперед крайне медленно. Толпа с каждой минутой все прибывала, зрители торопились на спектакль, прорывая линию вооруженных солдат. Актер Грамон, которому когда-то королева оказывала благодеяния, скакал верхом перед телегой и кричал, что было силы:

— Вот она, подлая Антуанетта! — И прибавлял самую неприличную брань.

Его крики были встречены бурными возгласами толпы, между тем, как королева, очень страдая от веревок, до крови резавших ей руки, кротко попросила Жирара немножко ослабить их. Аббат весь дрожал и не в силах был распутать их. Тогда Сансон развязал веревки.

Был полдень, когда остановились на площади Революции. Солнце наконец рассеяло туман и прорвалось сквозь тучи. Наступал мягкий осенний день, и гильотина выделялась черным пятном на ясно-голубом небе.

Когда телега остановилась, толпа заревела еще сильнее и послышалась такая неприличная, такая ужасная брань по адресу королевы, что бедная Мария Антуанетта покраснела. Аббат Жирар показал ей распятие из слоновой кости. Она улыбнулась, и с той минуты спокойствие уже не изменяло ей.

Огромные отряды жандармов и национальной стражи окружали гильотину. Королева вышла из телеги среди гробового молчания, так как толпа, наконец, поняла инстинктивно всю низость и подлость своих оскорблений.

Твердым шагом, отказавшись от всякой помощи, королева поднялась по ступенькам эшафота. Нечаянно она наступила на ногу Сансона. Она обернулась и с замечательной кротостью сказала палачу:

— Извините меня, пожалуйста.

Палач поклонился, сконфуженный таким присутствием духа и хладнокровием.

Но толпой снова овладели животные инстинкты, ее раздражали эти замедления.

— Смерть, смерть австриячке! — раздалось со всех сторон.

А солнце серебрило дула ружей, острия пик и висящий под перекладной гильотины нож.

Королева быстро подошла к плахе. Она уже начинала ослабевать. Эти два дня отняли у нее так много энергии. Она сама движением всего тела опустила

голову на наклонную доску. В мгновение ока помощники палача привязали ее, доска качнулась, нож сверкнул, опустился...

— Да здравствует республика! — раздалось из тысячи уст в то время, как Сансон поднял в воздух красивую окровавленную голову, а жандарм Меньо торопливо подставил платок, на который потекла кровь, как бы из сжатой руки палача.

Так умерла 16 октября 1793 года, в полдень, Мария Антуанетта Австрийская, королева Франции.

Вечером того же дня де Жарже и д'Эспирак уехали в Бельгию.

ЖОРЖ ОНУ

СМЕРТЬ
КОНСУЛУ

Море сильно шумело, разбиваясь о камни, которые образуют полукруглую бухту около нормандской деревушки Вервилл. Почерневшее небо, по которому бежали тяжелые облака, раскинулось над землей и над волнами, которые все чаще и чаще освещались молнией: со стороны Англии шла сильная гроза. Падал крупный и холодный дождь вперемешку с градом, хлеставшим как камни.

Человек, которого едва можно было различить, быстро шел по тропинке вдоль берега моря. Вдруг он остановился, ослепленный прорезавшим темноту зигзагом молнии. На мгновение стало все видно. Вдали в открытом море показалось небольшое судно, ловко лавировавшее на парусах. Осветило и человека на берегу. Это был крепкий мужчина в костюме крестьянина, в вязаной нахлобученной на уши шапке. За плечами у него висел короткоствольный карабин.

Затем все опять потемнело. Незнакомец спустился к камням на берегу и начал выбивать огниво. Через минуту у него в руках затлеел трут. Он наклонился к земле. Послышался треск вспыхнувшей травы, мало-помалу загорелся заранее припасенный хворост. Очевидно, это был сигнал, так как в ту же минуту и на судне показался яркий свет и до берега донесся звук выстрела. Тогда незнакомец, не заботясь более об огне, вскинул на плечо карабин и по извивавшейся между камнями тропинке стал спускаться к морю.

После нескольких минут весьма опасного пути он очутился на груде мелких камней, которые лизала морская пена. Он подошел к торчавшему из земли четырехугольному камню и сел. Положив свой карабин у ног и прислонившись спиной к камню, он весь ушел в ожидание.

Прошел по крайней мере час. Вдруг ветер донес глухой, едва слышный звук. Он становился все яснее

и яснее. Наконец, по ритму стало слышно, что идет на веслах лодка. Почти в то же время из темноты выдвинулась какая-то черная масса, и по стуку дерева о валуны можно было догадаться, что это причалила лодка. Не поднимаясь с места, незнакомец ощупал свой карабин. Послышался сухой звук взведенного курка. В ту же минуту раздался тихий свист с особенным переливом, обычным среди моряков. Незнакомец вышел из своего укрытия и двинулся к тому месту, где причалила лодка. В темноте раздался голос:

— Это вы, Паркэн?

— Да, это я. Пассажиры с вами?

— Да.

— Они могут высаживаться. Путь свободен, но нельзя мешкать. С минуты на минуту сюда могут нагрянуть жандармы.

— В таком случае, вот и мы.

Один из пассажиров проворно прыгнул на песок. Другой вылез из лодки с некоторыми предосторожностями. Третьего снесли на берег матросы.

— Черт возьми! Будет ли этому конец? — сухо промолвил тот, который высадился первым.

— Ну, Жорж, торопиться незачем, — отвечал тот, которого снесли на берег матросы. — Ведь, может быть, мы идем на смерть.

— Нечего бояться, что ваш парик потеряет пудру, — угрюмо возразил тот, кого назвали Жоржем.

— Ну, когда дойдет до дела, вы увидите, что я не отстану от других. А теперь вся задача в том, чтобы не промочить ног в море.

Хозяин судна снес на берег несколько небольших свертков, принадлежавших пассажирам. Паркэн связал их веревкой и взвалил на плечо. Тот, с кем разговаривал Жорж, обернулся к хозяину судна и сказал по-английски:

— Благодарю вас за то, что без всяких приключений доставили нас на берег. Вот вам и вашим людям.

И он передал ему кошелек. Затем, не дожидаясь благодарности, он догнал своих спутников, которые под предводительством Паркэна взбирались уже по крутой тропинке между камней. Через четверть часа эти четыре человека почувствовали под ногами скудную траву.

Паркэн остановился и сказал:

— Если бы ночь не была так темна, можно было бы отсюда видеть ферму Бивиль. Через поле до нее будет не больше четверти лье.

— В таком случае, тронемся в путь,— сказал Жорж.— Здесь страшный холод. К тому же я умираю с голоду. Вы собрались с силами, Сан-Режан? — спросил он четвертого из пассажиров, который все время шел молча.

— Я к вашим услугам,— отвечал тот тихо.

Скоро путники достигли обширной ограды, которую образовала насыпь, засаженная вековыми буковыми деревьями! Лай собак дал знать о приближении маленькой компании. Кто-то открыл дверь, через которую хлынул на листья деревьев поток яркого света. Внутри дома хлопотали двое мужчин и женщина. Когда новоприбывшие вошли в кухню фермы, около камина, сидя на скамейке спиной к ним, грелся какой-то человек. Когда дверь захлопнулась, он повернулся вместе со скамейкой, предоставив камину греть его спину. Лицо его было гладко выбрито. Длинные черные волосы свешивались ему на воротник камзола. На голове была широкая черная шляпа, а на ногах кожаные гетры, доходившие до грубых башмаков.

— Пожалуйте сюда, господа, ночь холодна и приятно будет погреться у огня,— промолвил он вежливо.

С этими словами он поднялся и жестом, плохо шедшим к его бедному одеянию, предложил новоприбывшим свою скамейку.

— Черт возьми! Да это господин де Фротте,— сказал Жорж, протягивая руку крестьянину.— Неужели вы сами явились к нам навстречу? С нас было бы довольно и вашего Паркэна.

— Я так и думал,— отвечал главарь шуанов.— Но вы едете из Лондона, где виделись с принцами, и я хотел слышать прямо от вас инструкции, которые они мне посылают. Но прежде всего познакомьте меня с вашими спутниками.

— Ги де Невиль, секретарь его величества,— почтительно поклонившись, начал Жорж,— кавалер де Сан-Режан. Оба имеют важные поручения для наших парижских друзей. Маркиз де Фротте, главнокомандующий армией в Нормандии,— продолжал Жорж, указывая на крестьянина.

Все раскланялись между собой.

Фротте бросил взгляд на хозяев фермы, и они сейчас же вышли. Когда четыре роялиста остались одни, главарь шуанов спросил:

— Вы принесли нам какие-нибудь приказания?

— Его величество желает, чтобы враждебные действия были прекращены, пока мы не исполним данных нам поручений, — отвечал Жорж.

— Напрасно. Следовало бы навести страху на окрестности столицы, что мы уже начали делать. Сжечь четыре фермы — в смысле нравственного воздействия — все равно, что выиграть сражение. Кроме того, задержание курьера, который вез казенные деньги... Вот что поражает воображение! Бонапарт даже заболел от ярости.

— Король хочет сделать последнюю попытку к примирению.

— И это поручение дано вам, Кадудаль? Я считал, что вы гораздо больше годитесь для битвы, чем для переговоров.

— Надо повиноваться, — отвечал предводитель вандейцев. — И я подаю пример, хотя это поручение мне совсем не по душе.

— Когда же вы думаете отправиться в Париж? — спросил Фротте.

— Завтра, до рассвета. С этими господами я имею возможность добраться до Парижа без особых затруднений.

— Отлично, — насмешливо сказал Фротте. — По эту сторону Луары, кажется, развелось немало этих примирившихся. Но ваш Морбиган еще упорствует, Жорж. Генерал Гедувиль не скоро примирится с вашими товарищами.

— Что делать! Нельзя скрывать от себя, что консулы значительно ослабили наше сопротивление, успокоив умы. Население нашей Бретани, так восстававшее против принудительного займа, очень чувствительно отнеслось к уменьшению налогов. Бонапарт больше всего сделал для умиротворения тем, что внес порядок в страну.

— Ах, если бы только граф д'Артуа решился появиться в Бретани, мы были бы теперь хозяевами положения! — воскликнул Фротте.

— Нечего говорить об этом, — серьезно заметил Кадудаль. — Не исполняя просьбы роялистов, принц, очевидно, имел свои причины и, конечно, очень важ-

ные. Впрочем, принцы скучают за границей, и война была бы для них развлечением.

— Но тогда пришлось бы расстаться с мадам Пола-строн... Агнессы Сорель не любят отпускать Карлов на войну, а Жанны д'Арк на этот раз не имеется.

— Жанны д'Арк теперь превратились в чулочниц и продают свой товар только якобинцам!

Все засмеялись.

— Итак, завтра, чтобы не возбудить подозрений, каждый переоденется и пойдет своей дорогой. Жорж как будто поедет за мукой, а Сан-Режан за модными товарами! Третий наш товарищ превратится в торговца водкой.

— Отлично, — сказал Фротте. — Спокойной ночи. Меня ждут в Каэне. Нужно отправляться. Я ведь днем не езжу.

— До свидания, маркиз, и будем надеяться на лучшие дни.

Они пожали друг другу руки. Фротте открыл дверь, чтобы впустить Паркэна и хозяев, и, набросив на плечи тяжелый плащ, вышел.

— Господа, вероятно, не прочь будут отдохнуть, — обратился Паркэн к оставшимся. — Хозяин, покажите комнаты.

— Они все на нижнем этаже и стоит только открыть окно, как вы на дворе. Советую господам не раздеваться. От полиции Фуше не знаешь, чего можно ожидать.

— Желаю вам приятных сновидений, — сказал Жорж.

— Да приснится вам, что Бонапарту пришлось познакомиться с ядром и что Францией управляет Лебрэн или Камбасарес.

Смеясь, они пожали друг другу руки и под предводительством фермера разошлись по своим комнатам.

С того времени, как революция рядом последовательных сотрясений разрушила в стране всякую власть, никогда еще французское общество не наслаждалось так спокойствием, как теперь. Когда Бонапарт сделался консулом, стала восстанавливаться торговля, развивалась промышленность, появилась даже роскошь. Безопасность была восстановлена в городах. Но на юго-западе шуаны еще свирепствовали. Дороги Бретани и Нормандии кишели разбойниками, которые останавливали дилижансы под тем предлогом, что они

хотят отобрать казенные деньги, причем захватывали и деньги пассажиров. Шайки эти грабили даже окрестности Парижа и, не боясь полиции, появились не далее десяти лье от столицы.

Бо Франсуа наводил ужас на долину Шевреза и на окрестности Шартра и Версаля, совершая преступления, которые оставались безнаказанными. Жандармы с ног сбились, и первый консул напрасно пробирал своего министра полиции за постоянные грабежи, которые становились все смелее и смелее. Бонапарт и Фуше были различного мнения относительно виновников этих преступлений. Фуше подозревал, что все эти беспорядки производят роялисты для того, чтобы создать правительству затруднения и дискредитировать режим, которым страна была довольна. Бонапарт же был убежден, что тут тайный заговор якобинцев, которые не могли ему простить 18 брюмера.

Вот в это то время и встретились на ферме комиссары партии примирения и партии насильственных действий. Если Ги де Невилль надеялся опутать первого консула благодаря сочувствию, которое он встречал у Жозефины, то Кадуваль и Сан-Режан решили убить его, если он не исполнит их требований. Им приходилось ждать результатов переговоров. Поэтому оба они направлялись теперь в Париж с решимостью не уезжать оттуда, пока не достигнут благоприятных для их дела результатов.

Жорж, закалившийся в партизанской войне против войск республики, боялся только одного — как бы не наступило затишье. Сан-Режан также горел желанием отличиться. Происходя из знатной семьи, он отличался утонченностью и элегантностью, и ему хотелось бы сражаться в шелку и в кружевах. Молодой человек обладал красивым лицом, нежным голосом и привлекал к себе взоры женщин. Кадуваль, одаренный атлетической силой, с бычьей шеей, был земледельцем перед тем, как стать предводителем шуанов, и его друзья дали ему выразительную кличку Круглая голова.

Предводители роялистов, отправляя к Бонапарту Невилля и Кадуваля, рассчитывали поразить его, показав ему наиболее типичных представителей своих сторонников. Невилль в качестве дипломата должен был напевать Бонапарту всякие соблазнительные обещания и льстивые похвалы, которые могли склонить его к примирению. Кадувалю предстояло демонстрировать

перед генералом мощь и упрямство шуанов и таким образом дать ему понять, как опасно бороться с ними.

Жозефина, постоянно выказывавшая особую симпатию к роялистским семьям и хлопотавшая для них о разрешении вернуться во Францию, была всецело на стороне проекта, который везли в Париж Кадудаль и Невилль. Она бралась устроить им свидание с консулом.

Фуше не получал от своих ловких шпионов никаких известий о прибытии в Нормандию роялистских эмиссаров, которые таким образом могли спать спокойно до тех пор, пока солнце не озарит верхушки буковых деревьев, которые окружали ферму.

Среди деревенской тишины раздалось пение петуха. Паркэн сейчас же постучал в дверь Сан-Режана и Кадудалья. Бретонец уже встал. Он переменял свою одежду на более грубую. Рыжая борода, обрамлявшая его лицо, красное от постоянного пребывания на воздухе, делала его неузнаваемым. В руках у него была толстая палка. Не говоря ни слова, он двинулся за Паркэном. Во дворе его ожидала крепкая лошаденка, привязанная к железному кольцу. Кадудаль осмотрел ее с видом знатока, пожал руку Паркэну, вскочил в седло и тронулся мелкой рысью. Для сибаритов Невилля и Сан-Режана был приготовлен кабриолет на огромных колесах.

— Вам нужно будет остановиться в Иветоте в гостинице «Черная лошадь», — сказал Паркэн. — Если вы пожелаете ехать дальше в Руан, хозяин даст вам лучших лошадей и укажет гостиницу, где можно остановиться. Надеюсь, что кто-нибудь из вас умеет править.

Невилль взял свертки, которые Паркэн перенес на берег, и бережно положил их в кабриолет.

— Прощайте, товарищ, — сказал он, протягивая Паркэну руку.

Сан-Режан был уже в экипаже. Паркэн отпустил повод и сказал:

— Счастливого пути! Первый поворот налево, а там все прямо...

Кабриолет, которым правил Невилль, выехал на луг, миновал границу фермы и покатил по указанной Паркэном дороге.

Гостиница «Черная лошадь» была полна посетителями, когда Невилль и Сан-Режан вышли во двор из экипажа. День был базарный, и все крупные земледельцы ехали в город. Обед только что начался. Когда путники вошли в гостиницу, служанка накрыла для них столик в углу и принесла им кушанья. Сан-Режан принялся за еду, а Невилль решил прежде всего осмотреться.

Первым привлек его внимание невысокий человек с острыми глазами, одетый в зеленый каррик¹ с металлическими пуговицами. Он так и сыпал словами, обращаясь главным образом к добродушного вида человеку в коричневом плаще и в суконных гетрах. Остальные были фермеры, лошадиные барышники, приказчики из города. На почетном месте сидел жандармский унтер-офицер, которому служанки прислуживали с особой почтительностью.

— Вы, может быть, не поверите мне, но я проехал всю Францию и нигде не было так спокойно, как в Нормандии, — говорил человек в зеленом плаще. — Тут может ехать даже женщина, не опасаясь дурных встреч.

— Женщина? Может быть, — возразил один из фермеров. — Эти господа с лилиями уже чересчур любезны к женщинам...

— Разве вы не слышали, что еще вчера четыре человека в масках остановили дилижанс около Малонэ, — вмешался жандарм. — Ограбили на 50 тысяч франков, которые везли из Диеппа.

— И все драгоценные вещи, принадлежавшие пассажирам, — добавил фермер.

— Черт возьми! — воскликнул человек в зеленом камзоле. — Неужели эти трусы не защищались?

— Они стреляли из пистолетов, по крайней мере, те, которые были внутри дилижанса, — возразил незнакомец в плаще. — Но их пистолеты были, очевидно, разряжены кондуктором.

— Вот так история! Но что же сделали грабители?

— Они раскрыли чемоданы. Опорожнив их и карманы, они приказали кондуктору сесть на козлы и ехать дальше.

¹ Сюртук английского фасона.

— Вы, гражданин, были, очевидно, из тех, которые защищались. Вы не испытывали никаких неприятностей оттого, что стреляли в разбойников?

— Никаких. Они вежливо поклонились мне и посоветовали другой раз не затруднять себя перевозкой огнестрельного оружия, которое на больших дорогах иной раз бывает совершенно бесполезно. Затем они дали шпоры лошадям и исчезли. А самое-то драгоценное было у меня спрятано в гетрах...

— Гражданин,— перебил его жандарм.— Будет благоразумнее не рассказывать о таких вещах. Если бы между присутствующими нашелся товарищ тех разбойников, это могло бы обойтись вам дорого еще сегодня вечером.

— Нет, они не решатся остановить второй раз дилижанс на той же самой дороге. Вероятно, они перенеслись теперь на другой конец Нормандии.

— Опаснее всего между Руаном и Парижем,— возразил человек в коричневом плаще.— Вы можете считать себя в безопасности только тогда, когда доберетесь до Версаля.

— Вы пугаете меня,— сказал проезжий в коричневом плаще, бледнея.— Я возьму для себя отдельную карету. Отдельный проезжий рискует меньше навлечь на себя внимание грабителей, чем омнибус.

— Стало быть, вы везете с собой крупную сумму? — спросил, посмеиваясь, человек в каррике.

— Нет, только... некоторые товары...

И проезжий вдруг замолчал. Но человек в каррике, по-видимому, решил принудить проезжего к дальнейшим разъяснениям.

— Дело, должно быть, идет о драгоценных камнях... В таком случае, послушайте меня — возьмите провожатых, иначе вы сильно рискуете.

— В этом нет надобности,— вдруг сказал Сан-Режан.— Я и мой спутник также едем в Руан в экипаже, и я могу подвезти вас, гражданин.

Проезжий поднял глаза на Сан-Режана и, успокоенный его приятной наружностью, отвечал с жаром:

— С благодарностью принимаю ваше предложение. Но, может быть, я стесню вас?

— Мы немножко потеснимся. И так как ваши сокровища занимают немного места...

— Вам я могу сказать...

— Ни слова! Позвольте мне остаться в неведении.

Может быть, вы везете контрабанду, и это нас поссо-рило бы с правительством.

— Правительству страшна не контрабанда, а заго-воры шуанов и якобинцев,— сказал жандарм.— Они хотят свергнуть или убить генерала Бонапарта. Но это не удастся! Я видел его в Арколе, где мы все могли оставить свои шкуры в руках австрийцев...

— А вы, значит, служили в итальянской армии? — спросил Невилль, нарушая свое молчание.

— Да, гражданин. И, стоя рядом с генералом, я получил здоровый удар штыком. После этого я по-просился в жандармерию.

Обед кончился, и все вышли из-за стола. Человек в зеленом каррике, оставшись с жандармом наедине, мигнул ему на Невилля и Сан-Режана и прошептал:

— Потребуйте у них их бумаги.

— Надо еще доказать, что вы имеете право давать мне приказания,— недовольно отвечал жандарм.

Незнакомец вынул из-под полы бумажник, достал оттуда билет и сунул его под нос жандарму. На билете стояло: «Министерство полиции», и выдан он был за подписью Фуше на имя некоего Браконно.

Жандарм сделал под козырек:

— Виноват... не признал... Слушаюсь.

Между тем Сан-Режан во дворе распоряжался за-кладкой экипажа. Жандарм хлопнул его по плечу и сказал:

— Я полагаю, что проезжий, которому так не хо-чется ссориться с правительством, исполнил все фор-мальности, как следует.

— Вы хотите взглянуть на мой паспорт? Вот же! Он к вашим услугам...

Он порылся в своем плаще, достал оттуда бумагу, сложенную вчетверо, и передал ее бригадиру: «Виктор Леклер, торговец шелковыми товарами, проживающий в Париже, по улице Прувер, № 7». Бригадир взглянул на подпись: все было как следует.

— Хотите также видеть паспорт моего спутника? — спросил Сан-Режан.— Я сейчас его позову.

— Нет надобности. У вас все в порядке.

— Пока мы добрались до Фекона, у нас требовали паспорта по крайней мере раз десять...

— Это все из-за этого проклятого Фротте. К сча-стью, дня два тому назад он удалился из этой местно-сти и теперь, говорят, он в окрестностях Аргентана.

Жандарм пересек двор и подошел к незнакомцу в каррике, который стоял, заложив руки в карманы.

— Вы напрасно их подозреваете, — сказал он. — Это купец. Его имя Виктор Леклер, и он возвращается в Париж.

— Ну, платье еще не делает монаха.

И он громко свистнул. Из конюшни появился мальчик, ведя оседланную лошадь. Незнакомец ловко вскочил на нее, бросил мальчику монету и, жестом попрощавшись с хозяином, поехал сначала шагом, а затем рысью.

Сан-Режан, рассчитавшись с хозяином, хотел было сесть в кабриолет, как вдруг тот, потянув его за полу, тихо шепнул ему на ухо:

— Заметили вы человека в зеленом каррике? Жандарм мне сказал, что это полицейский и что он подозревает вас. В Руане остановитесь в гостинице «Великий олень». Хозяин признает мою лошадь и не потребует от вас никаких объяснений.

— Спасибо.

Сан-Режан вскочил в кабриолет, где уже сидели два его спутника, и экипаж тронулся в путь.

В Руане хозяин принял их с распростертыми объятиями. Только тут Невилль узнал, что взятый ими с собой пассажир был торговец модными товарами из Парижа и назывался Франсуа Лербур.

Проведя спокойно ночь, спутники рано утром позавтракали и сели в экипаж, запряженный сильной черной лошадью.

— Вы остановитесь в Эвре, — шепнул им хозяин, — у почтмейстера. Он знает мою лошадь. Поклонитесь ему от меня и передайте, что я жду его на днях. Счастливого пути.

Между Руаном и Эвре переезд был без всяких приключений. Деревни были спокойны, крестьяне работали в полях. Гражданин Лербур, освободившись от угнетавшего его страха, пустился в разговоры, и скоро путники узнали все подробности его жизни. Ему было 42 года, он был женат на молодой женщине из хорошей семьи, разорившейся вследствие революции. Оставшись одна на белом свете без всяких средств, Эмилия поступила к Лербуру в услужение, а потом и согласилась выйти за него замуж. Благодаря жене, дела его пошли хорошо, и он открыл модный магазин. В данное время он ездил за драгоценными кружевами из Англии, кото-

рые в темную ночь вывезли на берег контрабандисты. К сожалению, шуаны были не так снисходительны, как агенты полиции, и испортили все дело. Лербуру, однако, удалось спрятать самые лучшие вещи, предоставив грабителям забрать более ходкие товары. Кружева эти предназначены для мадам Бонапарт, его лучшей покупательницы, которая сильно поддерживает парижскую торговлю.

Услышав эти слова, Сан-Режан и Невилль, обменялись значительным взглядом. Такое знакомство было им как раз кстати.

Добравшись до Рамбулье, они остановились у фермера, рекомендованного им почтмейстером, и были приняты с такой же сердечностью, как и в Эвре. Ферма стояла совершенно уединенно, и им приходилось спрашивать дорогу, чтобы до нее добраться.

Наступала ночь и надвигалась гроза, когда они сошли с экипажа. Старик фермер сам прислуживал им за ужином, так как слуги уже разошлись на ночь. Он говорил мало, казалось, был чем-то очень озабочен и с такой тщательностью запирали двери и ставни, что Невилль не мог удержаться и спросил его:

— Вы, кажется, боитесь воров? Нас сегодня здесь много.

Старик покачал головой:

— Непокойно у нас. Бродят разбойники,— произнес он, понижая от страха голос.— Неделю назад они побывали на ферме у Бюиссере, убили там человека, унесли все ценное, подожгли ригу и разрушили дом.

— В Париже говорят,— заметил Лербур,— что это грабят шуаны.

— Не думаю,— отвечал фермер.— Образ их действий показывает, что это злодеи, а не партизаны. Кроме того, если бы это были шуаны...

Он хотел сказать, очевидно, нечто неудобное, ибо Невилль вдруг прижал палец к губам. Старик очень удивился и круто переменял разговор.

— Позвольте отвести вас в ваши комнаты... Вы, вероятно, очень устали.

Лербур первым поднялся по лестнице во второй этаж.

Сан-Режан и Ги де Невилль остались одни. Когда хозяин вернулся, Ги сказал ему:

— Я перебил вас, потому что, сказать по правде,

мы не совсем уверены в нашем спутнике. Он, очевидно, не нашего прихода и мне не хотелось бы объяснять ему, кто мы такие...

Скоро вся ферма погрузилась в сон. Ночь была очень темная. Время от времени слышны были удары грома, и багровая молния прорезала темноту. Прошло около двух часов. Вдруг страшный крик нарушил тишину и показались огни. К дому приближалась толпа человек в двадцать в солдатских разношерстных мундирах. Пастух, которого волокли два человека, кричал не своим голосом, но сильный удар прикладом заставил его смолкнуть. Настала опять тишина, и слышен был лишь топот массы людей, столпившихся перед воротами фермы.

Сан-Режан, Невилль, Лербур и хозяин быстро собрались в нижней комнате. Невилль и Сан-Режан хладнокровно осмотрели свои пистолеты, Лербур дрожащими руками вынул свои, фермер зарядил двухствольное ружье и положил на столе топор и саблю. Работники вооружились серпами.

Послышался сильный удар в дверь и крик:

— Отворяйте!

— Кто здесь? — спросил фермер.

— Отворите, тогда узнаете.

— Я не могу отворять ночью кому попало...

Дверь затрещала от сильного удара, от второго удара выскочил замок, от третьего дверь упала, и нападавшие с криком ринулись в комнату.

Человек высокого роста в сером суконном платье с трехцветным колпаком вышел вперед и сказал:

— Спротивляться бесполезно! Я мельник из Лимура. Давайте ключи от денежного шкапа! В пользу короля!

При этих словах Сан-Режан подошел к человеку, смерил его взглядом и властно сказал:

— Если ты собираешь на армию короля, то у тебя должен быть лист. Покажи.

— Вот он! — крикнул мельник, выхватывая из-за пояса пистолет. — Дай-ка ему ответ.

Сан-Режан быстро толкнул пистолет, который дал промах и, схватив со стола саблю, нанес ею удар мельнику по лицу. В то же время выстрелили Невилль и фермер. Залп со стороны нападающих наполнил комнату дымом. Преследуемые по пятам, они очистили комнату; пять убитых и четверо раненых лежали на

полу. Фермер был смертельно ранен в живот. Мельник и один из разбойников корчились на полу и стонали. Шайка убралась во двор. Невилль со спутниками и другой работник остались невредимы и снова зарядили пистолеты и ружье.

— Их осталось еще около дюжины, — сказал Сан-Режан, выглядывая в окно.

— Да, но их предводитель теперь в нашей власти. Забаррикадируем скорее дверь и обдумаем, что делать дальше.

Дверь была загорожена большим шкапом. Сан-Режан толкнул ногой стонавшего мельника с окровавленным лицом.

— Теперь отвечай нам и не заставляй нас прибегать к крайним средствам. Вы убили хозяина этой фермы. Зато и твоя шайка поуменьшилась, да и сам ты поплатился. Мы проезжие, и нам все равно, что вы наводите ужас на всю округу. Если ты прикажешь своим людям удалиться, то мы сию минуту тоже отсюда уедем, да и вы можете отправляться по своим делам. Идет, что ли?

— Что я должен делать?

— Приказать шайке удалиться отсюда.

— Поднесите меня к окну.

Сан-Режан сделал знак работнику, чтобы тот поднял мельника. Шатаясь и оставляя на стене следы окровавленных рук, мельник крикнул хриплым голосом:

— Грэль, где ты? Здесь нечего больше делать. Фермер убит и не может уже сказать нам, где его деньги. Идите к четырем дорогам и ждите меня там. Здесь со мной Птиколэн, который поможет мне идти. Понял?

— Да, горе тому, кто осмелился вас поразить!

— Горе тебе, негодяй, если ты сию минуту не исполнишь приказа! — твердым голосом крикнул Сан-Режан.

Послышался какой-то шум, потом отчаянный крик и глухой звук, как будто мешок упал в воду. Потом опять водворилась тишина. Приказ мельника, очевидно, был исполнен. Невилль выглянул на двор. Освещаемая заревом пожара, кучка людей быстро удалялась от фермы.

— А что они сделали с пастухом, которого схватили при нападении? — спросил Сан-Режан.

Вдруг им бросилась в глаза темная масса, барахтавшаяся в пруду, который находился посреди двора.

— Негодяи! Они его утопили! Живо, несите багры и вилы!

Работники быстро бросились в воду и притянули к берегу несчастного. Голова его была рассечена, и он тотчас же умер.

Сан-Режан сказал работникам:

— Здесь нам нечего делать. Спасайте, что можно, и бегите за помощью в Рамбулье. А мы сейчас уезжаем.

Они подняли фермера и положили его поодаль, в сарай. Потом, заложив отдохнувшую лошадь, они двинулись дальше, к Парижу.

III

Магазин кружев и модных товаров Лербура под вывеской «Bonnet bleu» находился в улице Сент-Оноре, недалеко от церкви святого Рока. Он занимал обширное помещение — внизу для розничной продажи, а сверху для примерки готовых вещей. Старинные поставщики двора. Лербуры составили себе хорошее состояние, которое перешло по наследству к Франсуа Лербуру, крестнику графа д'Артуа. Во время революции Лербуру пришлось пережить несколько трудных моментов. Ему пришлось доказывать искренность своего патриотизма путем подписок и принудительных займов. Желая приобрести себе благосклонность, Лербур поспешил завести у себя кисейные галстуки для Колло д'Эрбуа и пикейные жилеты для Талльена. Покровительство этих двух якобинцев спасло его от гильотины, но не примирило с их режимом. Появление Директории и возвращение франтовства привело Лербура в восторг. Баррас был для него желанным человеком; но еще большие надежды он возлагал на Бонапарта. Военная слава и восстановление церкви дало парижской буржуазии уверенность в безопасности, которой она давно уже не имела. Лохмотья санкюлотов уступили место шелку и кружевам «невероятных».

Окна магазина Лербура представляли весьма соблазнительное зрелище. Полки были завалены запрещенными когда-то товарами.

Лербур наняла десять приказчиц и десять приказчи-

ков, и скоро магазин в улице Сент-Оноре сделался тем, чем он был при старом режиме: местом для встречи всех модников и франтих нового общества. Лербур не совсем одобрительно смотрел на перемену этого общества, но надо было торговать: знать была за границей и приходилось довольствоваться буржуа и чиновниками.

Мадам Лербур пользовалась очень строгой репутацией, хотя была моложе мужа на двадцать лет, и офицеры итальянской армии напрасно бряцали перед нею шпорами. Лербур вполне верил своей жене и по всему было видно, что она заслуживала этого доверия.

Добравшись до Парижа, торговец модными товарами без всякой задней мысли пригласил зайти к нему Сан-Режана, к которому он почувствовал особенную дружбу. Холодная учтивость Невилля заставляла его держаться в некотором отдалении.

Когда они прибыли в улицу Сент-Оноре и остановились около дверей его магазина, Лербур взял с своего спутника слово, что он навестит его не дальше, как на другой же день. Сан-Режан, разумеется, решился не пропустить этого случая.

Остановившись вместе с Невиллем в скромной гостинице «Красный лев», хозяин которой был предан королю, они нашли там Жоржа, который приехал накануне без всяких приключений. Главарь шуанов, одетый в элегантный костюм, был неузнаваем. Прическа на манер собачьих ушей скрадывала его огромную голову, а кисейный галстук скрывал толстую шею. С утра он уже обежал Париж и кое-кому успел дать знать о своем прибытии. Он всячески побуждал Сан-Режана не бросать завязавшегося с купцом знакомства, советуя ему приударить за его женой.

— Мы будем снабжать товарами этого Лербура, какими только он пожелает. Мы знаем, как их провезти под носом у таможенной стражи. Было бы великолепно, если бы вы спелись с этим малым и вошли в его дом. Там вы будете в безопасности и можете действовать в пользу нашего дела, как найдете удобным.

— Это будет зависеть от обстоятельств,— отвечал Сан-Режан.— Я, конечно, буду пользоваться всяким удобным случаем.

И, взяв палку, он отправился в улицу Сент-Оноре. Перейдя площадь, он прошел мимо церкви святого Рока, которой не видел с того страшного дня, когда две

пушки генерала Бонапарта расстреливали его друзей из клуба Клиши на самой паперти церкви. Скоро он дошел до старинного дома, на первом этаже которого помещался магазин Лербура. Всего год тому назад его революционная вывеска «Красная шляпа» была замазана и переделана в «Синюю шляпу» — робкая попытка возвратиться к первоначальной «Белой шляпе».

Сан-Режан отворил дверь. Раздался звонок, — на встречу показалась приказчица и с любезным видом спросила:

— Что угодно гражданину?

— Я желаю видеть гражданина Лербура.

— Потрудитесь подняться на второй этаж.

Сан-Режан поднялся по внутренней лестнице с двенадцатью ступенями, покрытыми зеленым ковром, и очутился в отделении готовых вещей. Здесь хозяин объяснял что-то двум дамам, выбиравшим ленты и кружева. При виде молодого человека, он вскрикнул от удовольствия и, извинившись, оторвался от своих покупательниц.

— Садитесь, пожалуйста. Я сейчас буду к вашим услугам. Только отправлю этих дам.

— Пожалуйста, не торопитесь. Я могу подождать.

Одна из дам, красивая блондинка, уже направила свой лорнет на молодого человека. Сан-Режан сел на табурет и принялся рассматривать магазин. Столы и прилавки черного дуба были покрыты разными дорогими товарами. Стулья для отдыха покупателей, крытые зеленым бархатом, были во вкусе Людовика XVI; под потолком висела бронзовая люстра.

— Итак, гражданин Лербур, — сказала, вставая, та из дам, которая была помоложе, — я остановилась вот на этом. Пришлите все это мне на выбор. Генерал выскажет свое мнение и сам будет выбирать.

— Генерал такой же знаток изящных нарядов, как и военного искусства? — с улыбкой спрашивал торговец, хлопотавший около покупательниц.

Он проводил их до лестницы и, отвесив несколько поклонов, вернулся к Сан-Режану.

— А, друг мой, вот и я, наконец. Извините меня! Я не мог оставить этих дам. Та, которая помоложе, это мадам Мюрат, сестра первого консула. Другая мадам Жюно...

— Мадам Мюрат очень красива, — заметил Сан-Режан.

— Да. Зато мадам Жюно очень умна. Теперь место принцесс заняли эти дамы. Ну, как вы поживаете с тех пор, как мы расстались?

— Очень хорошо. Мой товарищ уехал по делам в провинцию, а я, как обещал, пришел вас навестить.

— Вы не откажетесь пообедать у меня? Моя жена будет очень рада познакомиться с вами. Она вам очень благодарна за услуги, которые вы мне оказали. Представьте себе, когда она узнала о том, как мы доехали, она пришла к убеждению, что мы находились под каким-то особым покровительством. Она убеждена, что вы и ваш товарищ не те, за кого вы себя выдаете...

— Тем лучше,— отвечал со смехом Сан-Режан.— Это будет в мою пользу.

— Правда? В таком случае, скажите мне откровенно: ваши дела идут плохо? Кошелек отощал?

— В настоящее время я не испытываю никакого недостатка. Скажу вам одно, что если бы мне удалось получить местечко в Париже, я перестал бы ездить по дорогам, что, как вы знаете сами, не лишено опасности.

— Отлично. Будем за вас хлопотать. Чем вы занимались прежде?

— Я поставлял шелковые вещи и бархат в торговые дома Лиона. Но, как вы знаете, теперь больше говорят о ткацком способе, изобретенном каким-то Жакаром. Рабочие, говорят, хотели уничтожить станок, который их разоряет. Вследствие всего этого виды на будущее у меня довольно неопределенны...

— А вы умеете продавать?

— Говорят, умею.

— Посмотрим, что можно будет сделать для вас. А вот и моя жена...

Мадам Лербур только что вошла, приподняв зеленую драпировку внутренней двери. Сан-Режан замер на месте и почти потерял способность владеть собою при виде этого прекрасного существа.

Эмили было двадцать пять лет. Пропорциональность ее фигуры придавала ей особую прелесть. Она казалась выше своего роста. Ее несколько бледное лицо с тонкими и подвижными чертами озарялось голубыми глазами и обрамлялось короной густых каштановых волос. При каждой улыбке видны были великопные белые зубы.

— Это гражданин Виктор Леклер, торговец шелко-

выми тканями, о котором я уже рассказывал тебе. Именно он спас мне жизнь, когда я ехал обратно.

— Вы преувеличиваете, гражданин Лербур, — возразил Сан-Режан. — Во всяком случае, я был очень рад, что мне пришлось стать вашим спутником.

— Я очень признательна вам за помощь, которую вы оказали моему мужу, — сказала молодая женщина.

— Гражданин Леклер будет обедать с нами, дорогая моя, и мы будем хлопотать о том, чтобы найти ему место. Ему, как и многим другим молодым людям, живется трудно.

Мадам Лербур быстро оглядела Сан-Режана и сказала:

— Странно, что гражданин Леклер не в рядах армии. Каким образом вам удалось избежать набора?

— Я был за границей, — отвечал Сан-Режан, невольно краснея. — Если бы я был на службе, то, вероятно, дослужился бы до высоких чинов.

— А может быть, были бы убиты в этих немецких или итальянских гекатомбах! — прервал Лербур. — Сколько вам лет?

— Тридцать два года.

— Самое время, чтобы обзавестись своим домиком. Надо будет похлопотать за вас. Дела оживляются, общество успокаивается, стало быть, можно будет заработать деньги.

Пока Лербур изливался в своем сочувствии к мнимому Леклеру, молодая женщина не проронила ни слова и даже не смотрела на Сан-Режана. Можно было подумать, что она не одобряет планов своего мужа, который с такой сердечной простотой строил планы насчет его службы.

— А что стало с вашим товарищем? — спросил Лербур. — Вот хладнокровный человек! Мне кажется, что он не на своем месте.

— Он уехал на юг, в Шаранту за винами. Его семья разорилась во время революции, но он оправится. Я не боюсь за него.

— Тем лучше! А ваши родители живы?

— У меня нет никого, кроме дальних родственников. Они живут в Бретани, и я даже незнаком с ними.

— А где вы поселились в Париже?

— В одной из средних гостиниц, где все, однако, очень дорого.

— А денег-то у вас не так много! А что, Эмилия, не

предложить ли нам гостю одну из комнат на втором этаже. Они совершенно свободны. Не сдавать же нам их первому встречному. Если б только гражданин Леклер мог устроиться...

Он вдруг остановился, увидев, что жена его нахмурилась, и удивленно махнул рукой. Но Сан-Режан поспешил сам на выручку и сказал:

— Мне было бы очень неприятно затруднять вас. Я предполагаю уехать из Парижа в конце этой недели. Некоторое время я буду в отсутствии и, стало быть, не стоит устраиваться. Очень вам благодарен за ваше любезное приглашение, но я не могу его принять.

Молодая женщина вздохнула, как будто в знак облегчения. Ее лицо приняло более приветливое выражение, а через минуту стало даже веселым.

— Неужели мы не можем выразить нашу благодарность как-нибудь иначе? — лукаво спросила она.

— Ты сама из Бретани и потому тебе должно быть это особенно досадно.

— Как? вы моя землячка?

— Да, моя жена родом из Племера.

При этих словах Сан-Режан не мог скрыть своего изумления.

— Не жили ли вы когда-нибудь в замке Кермадио, недалеко от Орей?

— Там я провела мое детство. Там скончались мой отец и мать. Республиканцы сожгли Кермалию и увезли меня в Ван. Я отчетливо помню всех, кто бывал у моего отца и принимал участие в партии роялистов.

Сан-Режан вдруг стал серьезен и не продолжал разговора. Он тряхнул головой, как будто отгоняя мрачные мысли, и стал рассеяно смотреть вокруг. Лербур, перебирая кучу золотых монет, заговорил опять:

— Должен вам сказать по секрету, что моя жена когда-то водила знакомство с отчаянными разбойниками.

Эмилия снова нахмурилась и обменялась с Леклером недовольным взглядом. Между ними как-то невольно устанавливалось молчаливое согласие. Не замечая ничего, Лербур, развертывая материи, продолжал свою болтовню:

— А теперь я их всех принимаю, как лучших покупателей, хотя с них и трудно что-нибудь получить. Вот, например, за мадам Богарне прежде, когда она еще не была женой генерала Бонапарта, числился большой

долг, который она, впрочем, теперь еще увеличила. Но теперь уж это деньги верные, и я готов продать ей в кредит весь мой магазин, если она пожелает.

— Господин Лербур, пожалуйста сюда,— раздался голос внизу на лестнице.— Пришли за перчатками, которые заказывал генерал Ланн.

— Иду. Позвольте оставить вас с женой, гражданин. Я сейчас возвращусь.

Оставшись наедине с молодой женщиной, Сан-Режан приготовился вести обычный разговор. Но она вдруг задала ему вопрос:

— Господин Сан-Режан, почему вы скрываетесь под вымышленным именем и зачем вы явились в Париж?

Сан-Режан не мог скрыть изумления. Тем не менее он отвечал спокойно:

— Прошу вас верить, что причины, заставившие меня переменить имя, не имеют ничего предосудительного. Я не преступник. А скрываюсь потому, что моя жизнь была бы в опасности, если бы полиция открыла меня.

— Все заговоры, вечно шуаны?

— Пока король не вернется на свой трон, мы будем сражаться с его врагами и будем считать за честь подвергаться за него опасностям. А мадам де Племер, выйдя замуж за господина Лербура, стала якобинкой?

— Я никогда не изменяла своим чувствам и осталась роялисткой, как и мой муж, который питает отвращение к революционной партии. Но я должна вам сказать, что он предан правительству консулов. Он ждет от них восстановления порядка.

— Я постараюсь запомнить лишь то, что вы мне сказали относительно ваших личных чувств. С меня этого довольно.

— Не думайте, что я могу одобрять насилие, если вы его замышляете.

— Вовсе нет. Наши планы самые мирные. Мы хотим дойти до первого консула, чтобы столкнуться с ним. Мы его совсем не знаем. Каковы его намерения и мечты? Честолюбив ли он? Желает ли он счастья Франции? Вот что нам хотелось бы услышать из его уст. Когда все это выяснится, тогда мы будем действовать, смотря по обстоятельствам.

— Но каким образом вы рассчитываете добраться до него?

— Мы приехали в Париж только для того, чтобы завязать знакомство с кем-нибудь из окружающих его. Нам известно, что генерал Бонапарт настолько же интересуется нашими планами, насколько мы его намерениями. Его политика в данное время колеблется между якобинцами и роялистами. Оппозицию правительству он приписывает якобинцам, а Фуше, наоборот, обвиняет в этом роялистов. Свидание между нами и первым консулом поможет рассеять недоразумения и будет способствовать общему умиротворению.

— Дай Бог! Если нужно только довести сведения о вас первому консулу, то я могу это устроить.

— О, вы оказали бы нам огромную услугу.

— Но нужно быть уверенной, что вы сказали только правду.

— Неужели вы считаете меня способным злоупотреблять вашим доверием?

Эмилия взглянула на молодого человека. Он имел достойный вид. Тем не менее она решилась держаться осторожно.

— Я имею сношения с мадам Бонапарт и бываю в Тюильри, когда хочу, благодаря ее камеристкам. Мне ничего не стоит сообщить ей о ваших проектах. Она имеет склонность и, вероятно, свои расчеты покровительствовать старинной знати и уже добилась от мужа разрешения вернуть некоторых эмигрантов. Кажется, теперь она хлопочет о восстановлении религии во Франции, хотя сама и не очень набожна. Если хотите, я могу попросить ее оказать содействие вашему свиданию с генералом Бонапартом.

— Позвольте мне сначала посоветоваться. Нужно, чтобы никто из окружающих генерала не знал, кто мы. Достаточно, если Фуше только пронюхает о нас, как мы будем арестованы прежде, чем увидимся с генералом Бонапартом.

— Отлично. Посоветуйтесь с вашими друзьями и когда вы решитесь на что-нибудь, то положитесь на мое уменье. А пока ни слова об этом. Вот идет мой муж...

— Генерал Ланн, — начал простодушно появившийся Лербур, — запутался в своих делах. Он очень гордится своими солдатами. Не дав себе труда получить нужный кредит, он заказал для всей гвардии новые мундиры, и взбешенный генерал Бонапарт объявил, что заставит его заплатить из своего жалованья, и теперь

он просил отсрочить ему платеж за галуны и вышивки, которые мы поставляли. Но, конечно, все это уладится. Собратьям по оружию незачем ссориться.

— Однако, говорят, Бонапарт был неумолим к генералу Массена.

— Да, но это потому, что тот слишком уж широко... грел руки в Италии. Бонапарт заставил его вернуть... И этот любимец победы даже плакал. Он любит денежки! Удивительная судьба всех этих людей. Мюрат был служителем в гостинице, Ожеро — учителем фехтования, Массена — контрабандистом, Ней — бочаром. Сам Бонапарт...

— Тише, друг мой, — с улыбкой перебила его мадам Лербур. — Он гений, а это освящает все!

— Женщины за него, гражданин Леклер. Берегитесь нападать на него в их присутствии. А, вот нас зовут уже к обеду.

На пороге той самой двери, через которую вошла мадам Лербур, появилась служанка. Молодой человек, предложив руку Эмили, направился в комнаты торговца в сопровождении мужа, следовавшего за ними.

В те времена по французскому обычаю обедали в полдень. В столовой Лербуrow была уже заметна роскошь, уничтоженная было революцией. Серебро было извлечено из тайников и свидетельствовало о зажиточности, которой не боялась уже богатая буржуазия.

— Садитесь, дорогой мой, — сказал Лербур, указывая Сан-Режану место между собой и женой. — У меня найдется такое вино, что заставит вас забыть все гостиницы. Выпьем за наш союз. Жаль, что нет здесь вашего товарища, он славный человек. Если он привезет из Шаронты какой-нибудь старой водки, то пусть поделится со мной.

— Я ему скажу.

— А пока мы сделаем честь моему бургундскому. Вот шамбертен. Такой же, какой пьет первый консул. Все оказалось возможным перевернуть во Франции, только вино нельзя было испортить, а это уже много!

Сидя за столом торговца, Сан-Режан с интересом слушал признания, в которых рассыпался Лербур. Он понимал, что в его словах отражались чувства парижан среднего состояния, которые ему важно было знать. Это являлось довольно точным указанием для Гартвельского двора, мечтавшего о реставрации. Он пони-

мал, что с желаниями и стремлениями масс нужно считаться. Пережив террор, пожелает ли возрождающееся французское общество переменить систему и вернуться к монархии? И теперь ему стало ясно, что Бонапарт произвел на буржуазию впечатление силы и власти, без которых не может держаться порядок.

— Нам, изволите ли видеть, гражданин Леклер, важнее всего устойчивость учреждений. Невозможно работать с уверенностью, если правительство будет меняться каждый год. А нет уверенности, нет и дел. Десять лет нельзя было рассчитывать даже на завтрашний день. Каждый день какая-нибудь неожиданность, какая-нибудь катастрофа. То принудительный заем, то девальвация ценностей, то еще что-нибудь. Всячески старались разорить эту несчастную страну. А теперь мы начинаем дышать свободно. Водворяется спокойствие, завязываются сношения. Теперь уж нечего дрожать за свою жизнь. Теперь мы смеем думать и говорить, начинаются приемы, а за ними идет и роскошь. А роскошь — это, извольте видеть, жизнь Парижа. Как вы будете продавать ваши шелковые товары, если портным не придется шить платьев для франтих? Теперь, слава Богу, наступило спокойствие и санкюлотизм отжил свой век. Теперь пудрятся вместо того, чтобы носить красный колпак. Эмигранты, гражданин Леклер, возвращаются каждый Божий день!

— Мадам Бонапарт, говорят, относится к ним весьма благосклонно...

— Еще бы! Она не может забыть, что носила титул графини Богарне. Да, кроме того, она по природе очень кротка. Она добрый человек.

— А как первый консул?

— А кто может его знать? Это замечательная личность. Но чего он хочет, куда он идет и для кого он старается?

Тут Лербур понизил голос.

— Некоторые говорят — для Бурбонов, которым он готовит возвращение. В таком случае он будет принцем, как Монк после возведения на престол сына Карла Стюарта. Но кто может за него поручиться? Он очень молчалив и сосредоточен. У такого человека, несомненно, должны быть свои планы, но какие? Он теперь хозяин. Почему бы ему и не удержать власть за собой?

— Ему? Корсиканскому дворянчику? Случайному выскочке?

— Победителю при пирамидах, герою Маренго! Он сам себе всем обязан, а не предкам.

— Неужели вы одобрите, если он возьмет на себя диктатуру?

— Да он уже ее взял! Камбасарес и Лебрэн только статисты. Между ним и троном только его воля.

— Но он рискует получить удар кинжала, как Цезарь.

Мадам Лербур бросила на Сан-Режана недовольный взгляд. Видимо, ей было неприятно, что молодой человек заставляет ее мужа выбалтывать лишнее.

— Конечно,— продолжал Лербур,— мы, торговцы, могли бы скоро приспособиться к восстановлению монархии, но мы не считаем ее возможной в настоящее время. Теперь Франция всецело во власти армии и нам есть за что благодарить людей, которые вот уже десять лет победоносно бьются против всей Европы. Вы можете ввести опять лилии, если это не будет стоить новой революции. Но если Бонапарт провозгласит себя императором, как предполагают некоторые, то я и этому не буду противиться. Ибо для нашего брата нужно прежде всего спокойствие, чтобы можно было работать. За ваше здоровье, гражданин.

Собеседники чокнулись стаканами, в которых искрился шамбертен, и принялись за десерт.

IV

Дверь в кабинет Бонапарта приоткрылась, и в ней показалась голова Бурьенна. Первый консул, ходивший взад и вперед в раздумье, остановился и, недовольно взглянув на своего секретаря, спросил:

— Один?

Бурьенн приблизился к своему начальнику и доложил:

— Мадам Бонапарт не пожелала выйти. Она сильно плакала. Она выйдет только к обеду.

— Она дала, по крайней мере, какие-нибудь счета?

— Очень неясные. Приблизительные цифры, но счетов нет. Кажется, поставщики злоупотребляют...

— Они грабят ее! Это очевидно. Женщина им не платит, а между тем в их руки переходят огромные деньги.

Он овладел собой, бросил на секретаря холодный взгляд и переменял разговор.

— Приехал Фуше?

— Он ждет в зале флигель-адъютантов.

— Попросите его.

И Бонапарт опять принялся ходить вдоль своего кабинета, пока не услышал, что дверь открылась. Он поднял голову и, увидев перед собой бледное лицо бывшего уличного оратора, слегка кивнул ему головой, указал на кресло и сел сам.

— Кто из нас был прав, гражданин Фуше, — сказал он, — когда вы ссылались на заговор роялистов там, где я видел лишь происки якобинцев.

— Мы были правы оба, гражданин консул. Якобинцы волнуются, а роялисты куют заговор; и те, и другие одинаково опасны. Впрочем, если бы я боялся покушения, я принял бы меры предосторожности против роялистов. Они лучше организованы и смелее якобинцев.

— С 18 фруктидора, — заметил Бонапарт с легкой усмешкой.

Фуше сделал гримасу. Он не любил, чтобы ему напоминали о его предательстве, от которого пострадали даже некоторые его друзья.

— 18 фруктидора уничтожило партию якобинцев, — глухо промолвил он.

— Однако это не помешало ей подстрекнуть Арена и Шевалье, которые пытались меня убить.

— Нужно всего бояться и со стороны роялистов.

— Я хочу покончить и с теми, и с другими. Недопустимо, чтобы у самых ворот столицы дороги были заняты шайками разбойников, которые нападают на фермы, останавливают дилижансы и требуют выкупа с пассажиров.

— Эти грабители — детища маркиза де Фротте, а их главарь — Брюслар. Три дня тому назад он был здесь, в Париже. Он выехал отсюда в кабриолете и направился в Версаль.

— Неужели мне придется выслать целую колонну под предводительством какого-нибудь генерала, чтобы образумить этих злодеев? Вы мне доносите о них, а между тем они ускользают от вас.

Фуше улыбнулся молча.

— Дайте мне приказ арестовать их, и в двадцать четыре часа я разгромлю их всех.

Бонапарт нахмурился.

— Только не теперь. Через несколько дней.

— Вы надеетесь, что ваши переговоры увенчаются успехом?

Первый консул сделал жест изумления.

— Какие переговоры?

— Которые вы ведете с претендентом через посредство аббата Бернье. Вы думаете, я об этом не знаю? — Помолчав немного, он прибавил сухим тоном: — Это вам не удастся.

— А почему?

— А потому, что вы имеете дело с людьми, которые хотят только воспользоваться вами. Ваше требование отказаться от трона вызовет прежде всего встречное требование, чтобы вы реставрировали законного короля! Если вы согласитесь, король осыплет вас золотом. Если вы отвергнете, постараются вас убить. Это совершенно ясно. Люди, которым поручено повидаться с вами и передать предложения роялистов, находятся уже в Париже.

— Каким образом вы знаете об этом?

— Я знаю все — это мое ремесло.

— Мне еще ничего не известно об их планах. Кого же мне прислали?

— Секретаря претендента Ги де Невилля и генерала Кадудаля.

— Знаменитого Жоржа?

— Да, Круглоголового.

— Каким образом вы узнали об их приезде?

— Я сначала узнал об их отъезде. С этого момента мои люди уже не теряли их из виду. Места для остановок были приготовлены для них заранее. Это дело поставлено очень хорошо через всю Нормандию, вплоть до Лондона. К несчастью для роялистов, оно организовано мной, так что в один прекрасный день, когда я захочу, я могу захватить и их самих, и их корреспонденцию.

— И вы знаете, где остановились Невилль и Кадуваль и можете привести их ко мне?

— Да, гражданин консул. Впрочем, они придут сами. Мне вмешиваться здесь неудобно, ибо у них есть пропуск, подписанный вами.

— Кто же им его дал?

— Мадам Бонапарт.

Первый консул с минуту подумал.

— Да, — начал он медленно. — Жозефина всегда имела связи с роялистами. В глубине души она чувствует благосклонность к принцам. Якобинцам это известно, и вот откуда, между прочим, их ненависть против меня. Но я сломаю и монтаньяров, и шуанов, но я не хочу и монархии!

— Бурбонов? — с тонкой улыбкой спросил Фуше.

— Ничьей! После того, как утверждено право народа, во Франции не должно быть божественного права. Но я должен выслушать предложения претендента.

— Следовательно, что бы ни случилось, я должен пока оставаться в бездействии?

— До получения подробных сведений.

Фуше понял, что разговор кончился, и встал. В эту минуту лакей внес круглый столик, на котором консул обыкновенно завтракал в своем кабинете. Черное лицо Руста на мелькнуло в соседней комнате, около двери засуетились лакеи. Приближалась мадам Бонапарт. Она тщательно выбрала свой туалет. Стройная и изящная, она шла с полузакрытыми глазами и улыбающимся лицом. Физиономия первого консула, ожидавшего слез и бурных сцен, прояснилась.

Он снисходительно посмотрел на жену и, показывая ей место, сказал:

— Садись, Жозефина.

Удостоверившись, что они одни, он дал волю своему неудовольствию.

— У тебя опять долги? Опять мотовство? Опять твои дела в беспорядке? Я этого терпеть не могу. Поощрять роскошь — это так. Это моя политика. Но плати за то, что ты покупаешь. У тебя вкус к тряпкам. Покупай драгоценные камни, золотые вещи. Но соломенные изделия или стекло! У тебя вкус негров, твоих родичей! От всего этого остается только пыль да счета. Я этого больше не хочу.

— Как ты сердит сегодня!

— Потому что ты даешь дурной пример, которому следуют окружающие меня. Вот Ланн, не попросив ни разрешения, ни кредита, сделал новые мундиры для консульской гвардии. Кто будет платить за это? Я приказал взыскать с него. Вследствие своего скверного характера, он теперь дует на меня и не разговаривает со мной. Могу я распоряжаться или нет?

Жозефина поднесла платок к глазам. Это было у нее обычным средством. Бонапарт, быстро съеда

каждое кушанье, которые подавались на стол разом, стал смягчаться.

— Ну, не плачь! Я заплачу. Но не делай этого другой раз. Подражай в скромности и послушании твоему сыну. Евгений может служить примером. Мне ни разу не пришлось сделать ему замечания. Он порядочный малый и лучший солдат моей армии.

— Он знает, чем он обязан тебе.

— Другие тоже это знают: Жюно, Мюрат, Ожеро...

Он встал и бросил салфетку на стол. Завтрак продолжался не более четверти часа. Подали кофе. Подойдя к жене, Бонапарт посмотрел на нее с нежностью.

— Не печалься, Жозефина. Только не будь расточительницей! Мне говорили, что у тебя есть секретные фонды и что Фуше платит тебе оброк с азартных игр. Берегись, если когда-нибудь я в этом удостоверюсь!

Он поцеловал ее и стал ласкать. Несмотря на все разочарования, которые она ему доставляла, он положительно чувствовал к ней нежность. Она воспользовалась этим случаем, чтобы дать его мыслям желательное направление, и заговорила о политике.

— Я получила еще прошение о разрешении вернуться. От одной провансальской благородной фамилии, от Сент-Эстранжелов. Они принадлежат к высшей знати своего круга. Ты знаешь, южане — ревностные приверженцы короля. Милость могла бы сослужить в данном случае хорошую службу.

— Передай их прошение Камбасаресу.

— Кроме того, есть еще прошение от семьи Шаро. Мне говорила о них мадам Бернадотт. Просить тебя самого она не хочет.

Бонапарт сжал губы. Он не любил, когда ему напоминали об этой даме, которую он когда-то любил, но потом бросил, чтобы жениться на Жозефине, принесшей в приданое главное начальство над итальянской армией.

— Отлично, — продолжал он. — Отдай Камбасаресу. Послушать тебя, так скоро вся Франция будет наводнена одними эмигрантами, которых опять придется расстреливать, как тогда у церкви святого Рока. Эти люди любят волноваться и, может быть, просто глупо обращаться с ними великодушно. Держаться строгости было бы, пожалуй, лучше для общественного порядка. Это избавляло бы от необходимости показать строгий пример, если интриги принцев будут продолжаться.

— Кто знает, Бонапарт, не лучше ли тебе вернуть их?

— Ты с ума сошла, Жозефина. Не для них же я рисковал своей жизнью при Арколе и Маренго!

— Однако они рассчитывают на тебя. Об этом они мне сказали не далее, как два дня тому назад. В настоящее время в Париже находятся их уполномоченные, которым поручено предупредить тебя.

— Откуда ты все это знаешь?

— В конце концов все хлопоты роялистов о том, чтобы завязать с тобой сношения, направляются на меня.

— Кто же эти посланцы?

— Невилль и Кадуваль.

— Я знаю об этом, — сказал Бонапарт, наклонив голову. — Фуше меня об этом предупреждал. Но каким образом ты узнала о них?

— Не спрашивай. Если ты будешь нескромен, я навлеку на себя подозрения и уж больше ничего не узнаю.

— Но чем же гарантируют эти господа мою безопасность?

— Своей собственной персоной.

— Шансы не равны. Ко мне могут подослать двух фанатиков, которые, рискуя собственной жизнью, убьют меня! А что значит их жизнь в сравнении с моей?

— Ты можешь принять какие угодно предосторожности. Поставь на страже в соседних комнатах Мюрата и Раппа, Жюно и Рустана около кабинета. Можно, наконец, предварительно обыскать и удостовериться, что при них нет оружия.

Бонапарт задумчиво ходил по кабинету. Его худая голова с сухими волосами упала на грудь. Он остановился около камина, сел и несколько минут не произносил ни слова. Наконец, вскинув на Жозефину свои серые глаза, он сказал:

— Хорошо! Я встречу с ними завтра вечером, после обеда. Скажи, чтобы они явились к тебе. Только благодаря тебе они и будут допущены ко мне.

Вечером в тот же день, только Ги де Невилль вернулся в гостиницу и поднялся в третий этаж к себе в комнату, которую он занимал между Кадувалем и Сан-Режаном, как этот последний вошел к нему, не постучавшись.

— Я слышал, как вы вернулись. Здесь стены так

тонки, словно они из бумаги. Невозможно разговаривать ни у меня, ни у Жоржа: соседи все слышат. В вашей комнате, по крайней мере, безопасно.

Он сел в соломенное кресло и, покачивая ногой, затянутой в шелковый чулок, сказал:

— У меня есть новость для вас. Я сейчас видел мою прелестную землячку. Дело насчет свидания улажено. Первый консул примет вас и Жоржа завтра вечером.

— Какой быстрый успех! — сказал Невилль, смеясь. — Это дело ваших рук. Нужно быть только красивым малым, и тогда все двери откроются сами собой.

— Оказывается, жена нашего милейшего Лербура ярая роялистка и состоит поставщицей мадам Бонапарт. Само собой разумеется, что она и явилась посредницей между женой первого консула и нами. И нужно сознаться, она быстро и ловко справилась со своей задачей. Таким образом, мы войдем в Тюильри при некотором покровительстве, нагруженные всякими модными товарами, которые мадам Лербур посылает своей покупательнице. А уж раз мы будем на месте, мадам Бонапарт, несомненно, устроит нам свидание с мужем.

— А муж в курсе всего этого?

— Муж, — отвечал, смеясь, Сан-Режан, — ни о чем не догадывается.

— Но куда девался Жорж?

— Разве можно когда-нибудь это знать? Он постригся, побрился и, вырядившись щеголем, гуляет, рискуя быть узанным, где-нибудь в Пале-Рояле, если не играет. Признаюсь, он мне больше нравится в британской деревне, чем на парижской мостовой. Тем более, что с его телосложением и огромной головой трудно остаться незамеченным.

В эту самую минуту на лестнице раздались отчетливые шаги и послышался веселый свист.

— А, это он возвращается.

Дверь открылась и вошел Жорж. В руке у него была витая палка толщиной в его кулак. Его широкое лицо, ушедшее в огромный кисейный галстук, как будто было вставлено в рамку, благодаря напудренному парикку с локонами. Кадуля не зная было узнать, хотя Ги де Невилль и предупреждал об этом. Он сбросил свое пальто и шляпу на диван и, обращаясь к друзьям, сказал:

- Я принес новость.
- У нас также есть новость.
- Я виделся с нашими друзьями.
- А завтра мы увидимся с первым консулом.
- Они готовы выступить по первому знаку.
- Наши планы будут зависеть от свидания с Бонапартом.

— Черт побери корсиканца! Лучше было бы устранить его с дороги, чем вступать с ним в разговоры. Вся эта болтовня только усыпляет совесть, ослабляет решения.

— Нужно повиноваться приказу принцев.

— Да, да, вашего принца д'Артуа. Вот уж не герой-то! Если бы он высадился в Вандее и пошел во главе нас, Париж давно был бы в нашей власти, а король был бы в своем дворце. Но, помилуйте, что скажет мадам де Поластрон, если ее повелитель рискнет хоть одним волоском! Эх, черт возьми! Нам бы нужно было Генриха IV, а у нас только бездельничающие принцы!

— Жорж!

— Вы знаете, я человек грубый.

— Послушайте, не следует повторять это так часто: кончится тем, что все станут этому верить.

Кадудаль расхохотался.

— Где дело идет о споре, там вы меня всегда побьете, милейший Невилль. Но когда дело дойдет до драки...

— Теперь вы начинаете сомневаться в моей храбрости! Но я вас прощаю. Лучше скажите, где вы были сегодня?

— Да, заключим мир и поговорим лучше о делах. Я видел Ривьера, Пастора, Жиненвилля и Ларивьера. Мы условились встретиться опять послезавтра на балу в Павильоне Ганновера. Там мы найдем всех наших и таким образом войдем в общество парижских роялистов.

— Вы надеетесь найти среди них много союзников?

— Должен сознаться, нет. Этим эмигрантам не понравилось за границей, они вернулись назад и склонны теперь примириться с новым порядком вещей. Конечно, они это делают не с легким сердцем. Они фрондируют в салонах, но от этого еще очень далеко до действий на улице или в открытом поле. Чтобы заставить их двинуться с места, нужен какой-нибудь сильный удар. Вот этот-то удар я и попытаюсь нанести, если наши дипло-

матические переговоры, в чем я уверен, не приведут ни к чему.

Сан-Режан с того самого дня, как Лербур представил его своей жене и как он обменялся с ней неожиданными признаниями, установившими между ними тайную связь, побывал в магазине на улице Сент-Оноре еще два раза. Первый раз он принес Лербуру образцы шелковой материи, которые он раздобыл с величайшим трудом. Ему хотелось сохранить в глазах торговца ту роль, которую он принял и которая помогала ему сохранять инкогнито.

Они условились, что эти образцы, действительно великолепные, будут отобраны для мадам Бонапарт. Мадам Лербур, смело открывшаяся Жозефине, условилась с женой первого консула, что материи вместе с ней принесут Невилль, Кадудаль и Сан-Режан, которым и будет доставлена возможность видеть первого консула.

Во второй раз Сан-Режан отправился в магазин Лербура, чтобы условиться о том, когда им зайти за ней. Было условлено, что Сан-Режан подъедет в карете вместе с супругами Лербур, а Жорж и Невилль будут ждать их на углу, около гостиницы «Нант». Лербур, оставаясь в полном неведении относительно интриги, которую плела его жена, был в полной уверенности, что тут дело чисто торговое и что добрая часть тех новостей, которые они везут с собой, останется в Тюильри.

Во второй его визит Лербура не было дома, и его приняла Эмилия. Сан-Режан воспользовался этим обстоятельством, чтобы вспомнить прошлое, когда молодая девушка, оставшись после смерти родителей одна-одинешенька, испытывала тысячи превратностей судьбы среди восстаний шуанов, преследований роялистов, среди убийств и пожаров. К счастью, она встретила в Нанте с Лербуром, который приехал туда к разгрузке контрабандного судна, пропущенного благодаря взятке, данной Каррьеру. Судно это прямо из Ливерпуля везло значительное количество мадаполаму и вязаных вещей. Эмилия, поступив к Лербуру приказчицей, скоро обратила на себя внимание хозяина своей красотой и манерами. Под именем Эмилии Бурдэн она скоро прославилась, как отличная кружевница. Особенно она отличалась в выделке аргентанских кружев. Лербуру показалось, что она очень бы годилась для его магази-

на, но когда он заикнулся об этом другим приказчицам, те приняли столь сосредоточенный вид, что Лербур сейчас же возымел сильные сомнения насчет добродетели мадмуазель Бурдэн. Не обманываясь насчет своих чувств, Лербур не без удовольствия узнал, что Эмилия благородного происхождения и, вероятно, сочтет для себя невозможным вступить с ним в брак. Лербур решился, однако, объясниться прямо с Эмилией. Не считаясь с опасностью, которая могла грозить ей в городе, терроризованном Каррьером, молодая девушка рассказала торговцу о своем происхождении, открыла ему свое имя, чем дала этому человеку полную возможность погубить ее, если бы в его сердце оказалась хоть капля низости или злобы. Когда Лербур заговорил, что в Париже ее, быть может, ожидает другая, чем в Нанте, судьба, не имеющая ничего общего с необеспеченным положением приказчицы, где ее могли узнать, то Эмилия попросила времени подумать. По совету других приказчиц и в полном убеждении, что у нее уже нет будущего, мадмуазель Бурдэн согласилась выйти за этого добряка, которому всю жизнь предстояло быть ее верным слугой, и покатила с ним в Париж.

В кругу посетителей магазина она сейчас же произвела сильное впечатление. Робеспьер, отличавшийся франтовством, сам покупал здесь для себя огромные кисейные галстуки, чтобы, как говорили, скрыть свою золотуху. Фабр д'Эглантин сочинял стихи в честь прекрасной хозяйки магазина, Бурра постоянно вертелся около нее. Но молодая женщина была недоступна ухаживанию людей, которых она считала убийцами. Мало-помалу она привила свои идеи мужу и сделала его сторонником партии умеренных. Но привлечь его к партии роялистов ей не удалось. Консульство удовлетворяло его, а когда стала оживляться торговля, то большего он и не требовал.

Он принял с живейшим удовольствием Сан-Режана, когда тот подъехал к магазину. При помощи мнимого Леклера он уложил в карету образцы материи и, когда настало время ехать, позвал жену. Та вышла в прелестном шелковом платье, перехваченном выше талии, с открытой шеей. Когда она садилась в карету, видна была ее чудная ножка в котурнах, завязанных на шиколотке.

Лербур усадил Леклера на переднюю скамейку, сам

разместился на задней, рядом со своими свертками, и крикнул кучеру:

— В Тюильри!

V

После резкой выходки первого консула Фуше спокойно обдумывал в своем кабинете сделанные им наблюдения и свои отношения с главой государства. Прежний агитатор был не из числа тех людей, которые горячатся понапрасну, и считал бесполезными слова, которые не могут быть подкреплены действием. Действие — вот о чем стоит подумать. Если бы Бонапарт приказал ему арестовать и выслать всех, кто еще оставался у якобинцев в Париже, это могло бы привести его в движение. Но ведь Бонапарт ограничился только жалобами. Фуше не беспокоило неудовольствие первого консула, однако нужно все-таки этому неудовольствию положить конец. Вот о чем думал он теперь, сидя в своем обширном кабинете министерства полиции.

Бонапарта нужно натравить на роялистов, а не на якобинцев, прежних союзников самого Фуше. Уж сколько раз он твердил генералу, что грабежи производились шуанами, эмиссарами нормандской армии, поставщиками Фротте. Но все отдельные факты как-то не складывались еще в картину, которая могла бы захватить генерала и принудить общественное мнение сказать: вот виновники — роялисты, и их-то и следует разгромить.

Фуше совсем погрузился в свои мысли, как вдруг послышалось легкое царапанье в дверь. Министр не успел даже сказать: войдите. Это было, очевидно, близкое к нему лицо. Пришедший сам отворил дверь и вошел.

Это был невысокий человек с прической в виде голубиных крыльев, напудренный и несколько не похожий на того сыщика в зеленом сюртуке, который требовал на дворе гостиницы «Черная лошадь», чтобы жандарм осмотрел паспорта проезжающих. А между тем это был он.

— Вот от Дюбуа? — спросил Фуше. — Что он говорит?

— Он утверждает, гражданин министр, что фила-

дельфы волнуются и что нужно сделать попытку, чтобы вывести консулов из бездействия.

— Он с ума сошел!

— Отчасти он прав в своих намеках. Прежние клубы преобразуются в тайные общества. Но опасность не в этом. Жорж, как только приехал в Париж, сейчас же вошел в сношения с главарями роялистов, и правительство, к сожалению, допустило сделать это безнаказанно.

— Этого желал первый консул. Где живет Жорж?

— Он живет в гостинице «Сухое дерево». Там же остановились Невилль и Сан-Режан.

— Вы лично удостоверились в точности этих сведений?

— Да, гражданин министр. Я снял в той же гостинице комнату под именем кавалера де Лаверньера. Сан-Режана и Невилля я уже встретил несколько дней назад по дороге из Нормандии. Сан-Режан путешествует под именем Виктора Леклера. По дороге я потерял их из виду, но теперь я их опять поймал.

— Что вам известно относительно их?

— Невилль почти не выходит из гостиницы. Сан-Режан, напротив, делает много визитов и, между прочим, бывает у герцога де Ривьера, маркиза Вирие и торговца модными товарами Лербурга с улицы Сент-Оноре.

— Какие у него дела с этим Лербургом?

— Он привез его из Нормандии на своем кабриолете.

— Они были знакомы?

— Совсем нет. Они впервые встретились за обеденным столом в гостинице, и Сан-Режан предложил ему место в кабриолете, чтобы несколько успокоить его: он смертельно боялся разбойников. А затем, насколько я знаю, у него другие причины поддерживать это знакомство.

— Какие же?

— У гражданина Лербурга молодая и красивая жена.

— Какого образа мыслей этот Лербург?

— О, самого лучшего. Он состоит поставщиком мадам Бонапарт и всего высшего общества. Тальен и Рекамье, генеральша Жюно — его постоянные покупательницы. Он занимается политикой лишь для того, чтобы поддерживать правительство консулов.

— Знает ли он, кто его дорожный товарищ?

— Нет. Если б он знал, что тот явился к нему под чужим именем, он бы его не принял.

— А жена его?

— Жена другое дело. Я повыспросил о ней у приказчиц. Она из благородной семьи, из Бретани. Несколько лет назад вышла замуж за Лербура, который безумно в нее влюбился. Она слывет благоразумной, хотя...

— Женщина всегда благоразумна, пока ее не покинет благоразумие. Сан-Режан тоже из Бретани. Может быть, они были знакомы раньше. Надо установить наблюдение. Перейдем к Жоржу. Он что поделяет?

— Он не покидает Пале-Рояля. Он или на галереях с девицами, или в № 113 за игрой. Его так легко узнать, что десять моих агентов сразу указали мне на него. Не следует ли его арестовать?

— Остерегайтесь этого. Невилль, явившийся из Англии, и Жорж, пожаловавший из Бретани, — знаменательное совпадение. Готовится важное событие. До сего времени его скрывали от меня, но теперь я знаю, в чем дело.

— Итак, я буду заниматься Сан-Режаном?

— Да, но не упускайте из виду и этих филладельфов. Первый консул убежден, что власти грозят якобинцы. Хотя я и не разделяю этих страхов, но не хочу, чтобы меня потом упрекали. Если с этой стороны образуется заговор, я должен быть в силах его распутать. Этот простофиля Дюбуа ничего не видит и ничего не знает.

— Нужно добиться от первого консула, чтобы он его сменил.

— Ну, нет. Он может попасть на способного человека, а с глупыми управляться легче.

Фуше едва улыбнулся углом рта и сделал жест, приглашавший агента удалиться. Тот поклонился почтительно и исчез так же бесшумно, как и пришел.

Гражданин Браконно, искусный сыщик, во время революции был правой рукой Мальяра, принимал участие в сентябрьских убийствах, а во время террора выдвинулся среди самых свирепых гебертистов. Термидор заставил его помогать Жальену, а это привело его на службу к Фуше. Там он почувствовал себя в своей сфере. Это был сыщик до мозга костей, отдававшийся

со страстью своему ремеслу. Он был строг и аккуратен в своей профессии.

Он сам следил за тем, что делается у Лербуров, и, замечая некоторое волнение, охватившее прелестную Эмилию, понимал, что прибытие Сан-Режана внесло в этот дом кое-что новое.

Сидя в магазине перед прилавком, заваленным галстуками и перчатками, Браконно улыбался приказнице и расточал любезности во вкусе старого режима.

— А, прелестная Германсия, если б вы только захотели обратить внимание, чего я не сделал бы, чтобы привлечь его!

— Если вас послушать, — отвечала продавщица, — глаз не хватит, чтобы потом выплакать все слезы. Мои товарки уверяют, что вы обманщик. Да и хозяйка постоянно предостерегает нас от таких людей, как вы.

— А разве сама она принимает меры предосторожности, которые советует вам? Разве около нее не вертится петушок с черной головкой, который так ухаживает за ее мужем...

— Ах, вы намекаете на Леклера? Он тут по делам. Он приходит сюда только за поручениями. Сегодня вечером он должен ехать вместе с хозяином везти шелковые материи для жены первого консула.

— Каким образом вы знаете об этом, божество мое?

— Очень просто. Мне было поручено завернуть образцы, и при этом хозяин сказал: «Если гражданка Бонапарт введет в моду эти лионские ткани, это даст нам целое состояние».

— О, я знаю, что гражданка Бонапарт желала бы создать настоящий двор. Но не скоро создашь аристократию из бывших торговок фруктами и прачек, которые наполняют теперь залы Тюильри.

— Вы относитесь чересчур презрительно к этим дамам. Мадам Ланн очень недурна собой, мадам Мюрат — красавица, а что касается восхитительной сестры первого консула...

— Ну, она не в счет. Это настоящая красавица. Но, конечно, никому из них не сравняться с вами.

Он встал, и от этого движения с его парика посыпалась душистая пудра.

— Прикажете доставить к вам ваши покупки, гражданин кавалер?

— Нет, прелесть моя, в двух шагах отсюда, у церк-

ви святого Рока меня ждет моя карета. Я возьму эти легкие пакеты с собой.

Он приветливо простился с продавщицей и вышел из магазина.

«Ходу, Браконно, ходу, — думал он. — Прежде всего переменим прическу и костюм. С шести часов вечера нельзя не упускать из виду «Bonnet bleu». Если Сан-Режан отправляется в Тюильри, то, конечно, не затем, чтобы показывать Жозефине образцы шелковых материй. Но я буду настороже, что бы он ни замышлял».

Повернув в улицу Сурдиер, сыщик пошел быстрее. Он свернул на Мельничную Горку и направился к домику, имевшему весьма дряхлый вид. Через полчаса он вышел оттуда в узких панталонах и в камзоле с длинными фалдами. От прежнего старичка в шелковой одежде не осталось ничего.

Когда мальчик магазина Лербура окончил около семи часов укладку шелковых материй в карету, на крыльце показалась Эмилия в сопровождении мужа и Сан-Режана.

— Ну, гражданин, садитесь с моей женой, — сказал Лербур, дружески похлопывая его по плечу.

Сан-Режан разместился на передней скамейке.

— А, вы не хотите меня слушать, — сказал Лербур. — Хорошо. Ехать недолго. В Тюильри.

В карете Сан-Режан осторожно взял руку Эмилии и тихонько ее пожал. Ручка молодой женщины попробовала было сопротивляться, но затем решила покориться, и Сан-Режан почувствовал, как жар этой нежной ручки охватывает его сердце. Лербур принялся болтать, но они не слушали его, занятые самими собой и всецело поглощенные новыми сильными впечатлениями.

— Вот мы и приехали, — вдруг сказал торговец.

Обе руки разъединились. Молодые люди обменялись взглядом. Они вышли из кареты перед гренадером консульской гвардии, стоявшим на часах.

— Гражданин Леклер, передайте мне эти материи. Эмилия, дитя мое, выходи. Захвати кружева. Кучер, дожидайтесь нас здесь.

Они прошли во двор и вступили в вестибюль. Внизу их встретил дежурный офицер. Лербур важно спросил его:

— Можно видеть генеральшу Бонапарт?

— Потрудитесь подняться на первый этаж. Там вы скажете...

Когда они поднялись, им навстречу поднялся лакей.

— Я гражданин Лербур. Мадам Бонапарт, вероятно, уже ждет меня.

— Мне приказано провести вас, — отвечал с поклоном лакей. — Соблаговолите следовать за мной.

Через галерею Лербур и его спутники прошли в частные апартаменты жены первого консула и остановились в небольшой гостиной, обитой зеленой материей и уставленной легкими канапе и низкими креслами с выгнутыми ножками во вкусе XVIII века. Издалека к ним долетали звуки разговора, шум нескольких женских голосов, среди которых выдавался иногда голос, похожий более на мужской. Вдруг дверь быстро открылась, и вошла Жозефина, веселая и приветливая. Ее сопровождали Гортензия Богарне и мадам Мюрат.

На Жозефине было надето белое кисейное платье с чудными кружевами. Смелый вырез открывал почти всю ее красивую грудь; руки были обнажены по локоть. Юбка была так узка, что при каждом движении ясно обрисовывались формы гибкой креолки. Светлые волосы были подобраны кверху и лишь на висках падали локонами. Если бы не зубы, она могла бы поспорить в красоте с сестрой консула и даже с самой Гортензией. Грациозным жестом она пригласила обеих молодых женщин садиться. Она указала на табурет и мадам Лербур и, обращаясь к торговцу, весело спросила:

— Ну, покажите нам ваши новинки...

В то же время она с любопытством разглядывала Сан-Режана. Она сразу заметила смуглый цвет его лица, красивый профиль, обрамленный каштановыми волосами, и аристократические особенности его фигуры. По его губам скользнула улыбка.

— Этот господин, — спросила она, — приехал из Лиона и привез материи, которые вы хотите мне показать?

— Да, сударыня, — сказал мнимый Леклер, отвешивая почтительный поклон.

— Отлично. Кладите их сюда на стол.

— У нас есть также чудные кружева из Англии и превосходные индийские ткани, — заметил Лербур.

И на зеленом диване он разложил великолепные кружева ручной работы, которые вызвали изумление

Гортензии и мадам Мюрат. Жозефина более интересовалась материями, которые ей показывал Сан-Режан, и перебирала тонкой, белой рукой шелковые лионские ткани.

— Эта отрасль промышленности, вероятно, нуждается в покровительстве? — спросила она.

— Да, сударыня, — тихо отвечал Сан-Режан. — Город еще не оправился после репрессий 93 года. Кроме того, явился гениальный человек, по имени Жакар, который изобрел станок, исполняющий с удивительной точностью работу человека. Промышленность Лиона оживет, если ее поддержать. Достаточно первому консулу ввести в моду шелковые одежды, чтобы фабрики заработали по-прежнему.

— Вы очень толково объясняете. Нужно, чтобы Бонапарт мог слышать вас сам. Я узнаю, можно ли это.

Она поднялась и вышла из гостиной. Эмилия, занятая с Гортензией и женой Мюрата, едва могла следить за беседой мнимого Леклера. Но Лербур отлично понял, куда клонилось дело. Он быстро мигнул своему другу.

— Послушайте. Если первому консулу понравится ваша мысль, не забывайте меня.

— Будьте покойны. Мы не затем сюда пришли, чтобы уходить с пустыми руками.

— Я беру этот волан и эту шаль, — сказала мадам Мюрат. — Рисунок, действительно, великолепный. — Оставьте это платье из английских кружев для моей матери.

— Первый консул желает вас видеть, — сказала возвратившаяся Жозефина. — Оставайтесь здесь, а гражданин Лербур с супругой пусть унесут ткани. Меньше соблазна для моей свояченицы.

Молодая женщина и ее муж поклонились. Лербур собрал в одну связку все свои материи и кружева. Эмилия с удивлением взглянула на Сан-Режана. Он был так же спокоен, как в магазине «Bonnet bleu» и, казалось, находил совершенно естественной такую внезапную благосклонность. К ее изумлению примешивалась и доля страха. Инстинкт говорил ей, что она вступила на очень опасную почву.

Ее муж уже собрался ехать. Она сделала реверанс Жозефине. Сан-Режан успел бросить на нее полный нежности взгляд, доказывавший, что у него нет от нее секретов. Он обернулся к Лербуру и сказал ему, оче-

видно, чтобы сохранить за собой вид делового коммерсанта.

— Мы еще поговорим с вами завтра утром в магазине.

И он остался один с Жозефиной. Гортензия и мадам Мюрат, словно по приказу, исчезли в одну минуту. Жена первого консула села в кресло и с улыбкой спросила молодого человека.

— Вы господин Сан-Режан?

— Да, сударыня, — отвечал с поклоном роялистский посланец.

— Господин Лербур не догадывается о том, кто вы такой?

— Совершенно. Мне казалось, что будет лучше оставить его в полном неведении относительно моих намерений?

— Верно. Эта Лербур отлично справилась со своим поручением. Она очень ловка. Я ее очень люблю. Но вы должны были явиться сюда сегодня вечером вместе с другими. Где же ваши спутники?

— Ги де Невилль и Кадудаль ждут на углу, около гостиницы «Нант», пока к ним не подойдет человек, который махнет белым платком и скажет только одно слово: «Людовик!»

— Я сейчас прикажу послать за ними и предупреджу генерала. Подождите здесь.

Прислонившись к камину, Сан-Режан прислушивался к тишине дворца, стараясь уловить в ней какой-нибудь звук. Но слышен был только отдаленный стук экипажей и размеренный шаг часового, расхаживавшего по внутреннему двору.

Прошло около четверти часа. Но Сан-Режан был спокоен как за себя, так и за своих спутников. Все сообщения, которые должны были рекомендовать его Жозефине, были, очевидно, ей переданы точно. Сильное влияние в пользу принцев, которое замечалось вокруг первого консула, действительно существовало, и Жозефина, без сомнения, им покровительствовала. Окажется ли Бонапарт склонным к восстановлению короля? Что будет вернее — расчет ли Невилля, или сомнения Кадудала? Затем подвижное воображение Сан-Режана направилось в другую сторону — к образу Эмилии. Ему казалось, что он еще чувствует теплое пожатие ее руки, которым они обменялись в карете. Увлеченный своими мечтами влюбленного, Сан-Режан

забыл, где он, зачем сюда пришел и кого ему предстояло сейчас увидеть. Вдруг дверь отворилась и в сопровождении офицера появились Жорж и Ги де Невиль. Пожав с улыбкой руку Сан-Режана, они стали возле него.

— Я обязан, граждане, удостовериться, — официальным тоном сказал офицер, — что при вас нет никакого оружия.

Жорж весело распахнул свой камзол, расстегнул жилет и сказал:

— Ни пистолета, ни кинжала, как видите. Впрочем, я разрешаю вам обыскать меня, если это требуется.

Ги и Сан-Режан сделали то же самое. Офицер поклонился и вышел в соседнюю комнату. Через минуту дверь отворилась, и вошел победитель на Аркольском мосту. Лицо его было озабочено. Кивком головы он поздоровался с посетителями.

Его сопровождал адъютант в гусарской форме, который скромно отошел в сторону.

— Можете удалиться, полковник Рапп, — сказал Бонапарт.

Рапп сделал гримасу и, взявшись за саблю, с недовольным видом сказал, выходя из комнаты:

— Я останусь здесь за дверью. Стоит сказать слово, и я здесь.

— Удалитесь и закройте за собой дверь.

— Нет надобности в этом, генерал. Будьте покойны, я не услышу ни слова.

Он вышел, оставив дверь полуоткрытой.

Бонапарт свысока осмотрел трех эмиссаров и устремил пристальный взгляд на крупную фигуру Жоржа. Улыбнувшись, он сел возле камина и рукой пригласил посетителей сесть.

— Вас хорошо охраняют, генерал, — сказал Ги де Невиль, щелкнув по своему кружевному жабо.

— К этому меня принуждают ваши принцы, — тихо возразил Бонапарт. — Но что вы имеете передать мне от них?

— Не находите ли вы, генерал, — начал Ги де Невиль, — что Франция достаточно настрадалась от революции и что настало время восстановить порядок?

— Этим я и занят с помощью всех благонамеренных граждан. Но вы, господа, создаете большие препятствия делу, которое мы предприняли. Усмирение Вандеи и недавно подписанное перемирие дало стране

возможность вздохнуть свободно. Но шайки в Нормандии еще не усмирены, и партизаны господина Фротте еще рыщут по полям. Что нужно сделать, чтобы обеспечить мир? Вы знаете, что я не привык просить помощи за границей.

— Вы великий полководец, и мы преклоняемся перед вашей славой, генерал. Но наши принцы принадлежат к знаменитому роду, который собрал, увеличил и прославил Францию. Что же вы намерены сделать для них?

— Чего они желают?

Кадудаль, молчавший до сего времени, вдруг выпрямился во весь свой могучий рост и, глядя прямо на первого консула, просто сказал:

— Своего трона.

— А, генерал Кадудаль, вы действуете без подходов и идете прямо к цели,— сказал с улыбкой Бонапарт.— Я люблю эту манеру. Но вы чересчур требовательны. Их трона? Во Франции больше нет трона. Вам это, конечно, известно.

— Можно восстановить его. Кромвель низверг трон Карла I, а Монк восстановил престол Карла II. Монк также был победоносным генералом.

— Он был рожден для того, чтобы быть подчиненным, раз он соглашался навязать себе хозяина.

Трое роялистов переглянулись.

— Должны ли мы,— серьезным тоном спросил Ги де Невилль,— видеть в ваших словах выражение вашего тайного стремления? Итак, вы сохраняете для себя трон, который мы требуем у вас для Бурбонов?

Бонапарт вздрогнул. Он посмотрел на Ги с удивлением, как будто он был поражен тем, что тот так хорошо его понял. Он тряхнул головой. На его гладком и белом как мрамор лбу лежало спокойствие. Он закрыл глаза, как бы желая скрыть свой взор от собеседников, и твердо произнес:

— Для чего же трон? Разве я уже не господин и так? Разве все в этой стране не подвластно мне? Вы хорошо это знаете. Я, конечно, могу восстановить для Людовика XVIII трон, низвергнутый революцией. Но для чего? Разве не придется тогда на другой же день снова начинать борьбу со старым режимом? Разве король не явится опять со всеми своими придворными и фаворитами, которых Франция изгнала от себя и которых она не желает больше видеть. Разве, приобрета

опять власть, он не восстановит все привилегии и злоупотребления, которые удалось искоренить только после десятилетней борьбы, среди моря крови? Мы победили Австрию и Россию, сражались с Англией, покорили Египет и пронесли наше победоносное трехцветное знамя через сотни битв. Неужели вы думаете, что все это только для того, чтобы предложить все эти завоевания революции, свободу народа и величие его будущности выродившимся наследникам Людовика XVI? Надеюсь, что вы, господа, понимаете, что эта мечта неосуществима и не за этим же вы явились сюда.

— Наоборот, нам кажется, что это единственно возможное разрешение кризиса, в котором бьется теперь Франция, — твердо отвечал Ги де Невилль. — Вы утверждаете, что вы теперь хозяин. Но добрая треть провинций вне вашей власти. Вся местность за Лаурой не принадлежит вам. Большая часть юга сильно волнуется. В Нормандии, вы сейчас сами это сказали, продолжается вооруженная борьба, и дороги, не далее, как в десяти лье от Парижа, настолько небезопасны, что почту останавливают чуть не каждый день. Шайки грабителей заходят даже в крупные поселения, грабят фермы и замки, и ваши подвижные колонны не в состоянии справиться с ними. Кроме того, везде, где нет вашей армии, царствует беспорядок и неуверенность. Правосудие не обеспечено, религии не существует, сохранение собственности в будущем сомнительно, семья расшатана благодаря вашим законам. Только традиционный порядок, установленный монархией, мог бы восстановить мир в этой несчастной стране, едва оправившейся от террора и еще трепещущей перед ужасами революции. И вот этот мир мы и просим вас восстановить. Вне принципа наследственной монархии не может быть ничего прочного, и вы это хорошо знаете. Если б в громе одной из ваших битв вы были уничтожены, то что сделалось бы завтра с правительством, которое вы учредили? Образумленные вами якобинцы силой овладеют властью, и сколько времени может продолжаться их господство? Роялисты, как вы знаете, тоже не сложат оружия. Мы явились сюда, так как дело идет или о заключении мира, или о возобновлении войны. Решайте сами.

Бонапарт улыбнулся и, устремив на Невилля взгляд, блеск которого едва можно было выносить, ласково спросил:

— Какие же условия вы мне предлагаете?

— Вы явитесь в Шербург с корпусом, который вами будет выбран, и со всем вашим штабом навстречу графу Прованскому, как законному королю, который будет носить имя Людовика XVIII. В награду его величество дарует вам Шамбор, титул принца и шпагу коннетабля...

— Шпагу Бурбонов, которая продала Францию?

— Нет, шпагу Дюгесклэна, которая ее спасла.

Бонапарт нахмурился и сказал:

— С меня достаточно шпаги Маренго.

— А! — воскликнул Сан-Режан. — Если бы не подошел Дезо...

— Дезо должен был подоспеть. Так ему было приказано.

— Генерал, — продолжал молодой человек, — вы еще в таком возрасте, когда счастье улыбается. Берегитесь, наступит день, когда генерал, которого вы ждете, не подоспеет!

Тень легла на лицо Бонапарта. Его взор потух, как будто в далеком будущем он видел уже катастрофу. Но это настроение быстро рассеялось, и он заговорил опять с таким спокойствием, которое поразило его собеседников.

— Я уверен в правильности своего пути. Моя звезда, которую я не теряю из виду, ведет меня к моей цели. Велика и славна эта цель. Все, что я до сих пор сделал, ничто в сравнении с тем, что я сделаю. Я дам Франции честную администрацию, беспристрастное правосудие, я верну ей религию. Я хочу, чтобы она была обширна, могущественна и велика. Могут ли сделать это ваши принцы? Если да, то я дам им корону. Но если они хотят сесть на трон, чтобы повторять Людовика XVI, то это значило бы идти навстречу новым катастрофам. Довольно того, что ради свободы свалилась с плеч одна королевская голова.

Трое роялистов поднялись. Они поняли, что это были решающие слова. Бонапарт серьезно поглядел на них и покачал головой.

— Очень жаль, что такая энергия и такой талант, как у вас, господа, употребляются на такие ничтожные дела. Возвращайтесь к принцам, дайте им отчет о том, как вы исполнили их поручение, и если в вас бьется французское сердце, проститесь с ними. Возвращайтесь тогда ко мне, и я дам вам возможность отличить-

ся: вам, гражданин Кадудаль, в армии, вам, гражданин Невилль и Сан-Режан, в государственном совете. Бросьте шуанов, господа. Надо служить Франции.

— Служить Франции — значит служить королю. Прощайте, генерал.

И они поклонились, готовясь уйти.

— Рапп! — крикнул Наполеон.

Полковник явился немедленно.

— Проводите этих господ, — произнес первый консул.

Он кивнул им головой и вышел из комнаты.

— Я к вашим услугам, господа, — сказал Рапп.

— Мы упустили единственный случай, — прошептал Кадудаль, наклоняясь к уху Сан-Режана. — Этот человек — наш непримиримый враг. Мне бы нужно было схватить его за горло и задушить.

VI

На другой день мадам Лербур, спустившись в магазин, услышала обрывки разговора, который вели между собой две приказчицы. Германсия укладывала в коробки кисейные галстуки, а Зоя подсчитывала билеты в кассе. Обе болтали.

— Что касается меня, — говорила Германсия, — то мне нравится лейтенант де Канувиль. Как он красив...

— Ну, с этими военными нельзя быть уверенной ни в чем. Затрубили трубы, и вот твой воин уже где-нибудь в Германии или в Италии. Вернется ли он оттуда? А если вернется, то, может быть, без руки или без ноги. Нет! Я предпочитаю коммерцию. Например, красивый малый вроде Леклера...

— Ну, это не для тебя, милая...

Разговор прервался, так как обе заметили Эмилию.

— Гражданина Лербура еще нет? — спросила она.

— Он в своем кабинете с гражданином Леклером, — отвечала Германсия.

Хозяйка «Bonnet bleu» прошла по магазину, отворила стеклянную дверь и очутилась в уединенной комнате, выходившей окнами во двор. Здесь Лербур хранил свои книги, модные журналы и образцы материй. Около конторки, заваленной лентами и кусками бархата, стоял Сан-Режан.

Лербур с озабоченным видом толковал своему собеседнику о ценах.

— Когда вы будете в Лионе, займитесь этими сортами бархата. Закончив, воспользуйтесь вашим пребыванием в этой местности и съездите в Сент-Этьенн за лентами. Можно сделать хорошее дело. На платья теперь начинают ставить много лент. Зимой это будет модой. Нужно закупить большие партии теперь же, пока торговля лентами еще в упадке. Забирайте все, что можно, да приценитесь к обшивкам. Генерал Бонапарт хочет сделать мундиры армии более красивыми. Он ничего вам не говорил об этом во время аудиенции?

Сан-Режан поклонился вошедшей мадам Лербур и сказал, обращаясь к торговцу.

— Нет, ничего. Он спрашивал о лионской шелковой промышленности, которая его очень интересует. Он хочет приказать всем чиновникам империи носить шелка и бархат, чтобы обеспечить сбыт для второго по величине города Франции.

— Великий человек! Он спускается с высоты политики, чтобы заняться делами торговли! Удивительный ум, гражданин Леклер, достойный царствовать во Франции!

— Царствовать! Вот вы как к этому относитесь, гражданин Лербур,— смеясь, сказал Сан-Режан.— Неужели мы для того уничтожили королевскую власть, чтобы покоряться случайному повелителю?

— О, да! — воскликнул Лербур.— Его назначили пожизненным консулом. И его-то нам и нужно, чтобы быть счастливыми!

— Ты отклонился от шелка и лент,— осторожно заметила Эмилия.— Твоя политика едва ли может нравиться гражданину Леклеру.

— Ты права, ты права, как всегда. Но мы уже решили обо всем, что было срочного. И так как гражданин Леклер едет завтра...

— Как! Вы едете! — воскликнула Эмилия.

— Так нужно,— отвечал молодой человек.— Неотложные дела требуют моего присутствия в Лионе. Я остался только для того, чтобы сделать удовольствие вашему мужу. А теперь нужно нагонять потерянное время. Я взял себе билет до Шалона, откуда поеду в Лион уже по воде.

— Но пока что он позавтракает с нами.

— К величайшему моему сожалению, это невозможно, меня ждут.

— Как? Неужели мы больше не увидимся?

— Но почему бы гражданину Леклеру не отправиться сегодня в павильон Ганновера на бал, на который ты едешь. Там вы увидите самых красивых наших дам. Должен сознаться, что мы ездим туда, чтобы следить за модами. Ну, также для того, чтобы поддерживать связи. Мадам Гамелин появляется там довольно часто, да и гражданин Барра не гнушается бывать там.

— Вы будете? — тихо спросила Сан-Режана Эмилия.

— Конечно. Не премину быть. Итак, до вечера.

В тот же самый час к Фуше приехал гражданин Браконно и, не докладывая о себе, вошел в его частные апартаменты. Бывший краснобай в халате читал доклады в то время, как его слуга надевал ему сапоги. Его лицо было бледно, глаза окаймлены красноватыми кругами. Он был бесстрастен, как будто уже умер. Он не поднял головы, узнав своего агента по походке.

— Это вы, Браконно?

— Да, гражданин-министр. Есть новости.

Фуше молча указал лакею на дверь, в которую тот и исчез.

— Первый консул принимал вчера вечером в частной аудиенции Жоржа, Ги де Невилля и кавалера де Сан-Режана.

— Ага! Кто же устроил это дело?

— Жозефина!

— Говорите всегда: мадам Бонапарт, Браконно. Теперь ведь не термидор. Мы пережили уже брюмер.

— Вы ее еще очень щадите, несмотря на то, что она вам успела сделать. Она изменяет вам. Разве она не должна была сообщить вам об этой интриге?

— Верно, Браконно. Но я предпочитаю иметь о ней сведения от вас, Браконно. Итак, вчера вечером, они были приняты в Тюильри...

— В желтой гостиной, на первом этаже.

— Кто их туда провел?

— Сан-Режан приехал с супругами Лербур.

— Я знаю их. Это мои поставщики. Прекрасная Эмилия тоже участвовала? Не замешалась ли в это дело любовь?

— Об этом я еще не имею сведений. Что касается

Жоржа и Невилля, то они дожидались во дворце. За ними был послан полковник Рапп.

— Стало быть, первый консул был заранее предупрежден. В котором часу они вышли?

— Супруги Лербур уехали со своими образцами в девять часов. Трое эмиссаров отправились домой в одиннадцать. Что произошло между ними и первым консулом...

— Это я знаю... Они явились, чтобы просить его восстановить Бурбонов и...

Фуше остановился и засмеялся.

— Они очень наивны, если думают, что он станет работать для других, а не для себя.

— В таком случае...

— В таком случае, Браконно, они еще раз постараются убить его, как уже пытались несколько раз. Кто знает? На этот раз им может удастся... Это было бы весьма печально для меня и для всех, кто меня окружает, ибо тогда властью овладела бы партия Люсьена Бонапарта или партия Жозефа. В таком случае всего можно было бы ожидать...

— А вы сильно надеетесь на первого консула?

— Нет. Если он останется консулом, то... Ну, а если он сделается императором, то я ему буду очень и очень нужен. В этом случае против него поднялись бы и якобинцы, и роялисты. И не с дворцовой полицией справиться с ними...

— А на что вы можете рассчитывать со стороны роялистов?

— Относительно меня они будут руководствоваться собственными интересами.

— А со стороны якобинцев?

— Тут меня ждет эшафот. Эти никогда не простят мне.

Начальник и его подчиненный на минуту замолчали.

— Продолжайте следить за действиями этих трех лиц, — начал Фуше, устремляя на Браконно свой тяжелый взгляд. — Займитесь тем, кто вам покажется наиболее деятельным, а за другими прикажите наблюдать вашим людям и сообщайте мне.

Выйдя из кабинета начальника, Браконно направился к Новому мосту. Там на набережной Золотых дел мастеров он вошел в небольшой домик, быстро поднялся на второй этаж и стукнул в дверь три раза с особы-

ми промежутками. Его впустила старуха, которую он отрывисто спросил:

— Есть письма? Был кто-нибудь?

— Да, заходил Лерибье, сегодня вечером. Он сказал, что зайдет еще раз. Тебе нужно что-нибудь передать ему?

— Там посмотрим. Виктория, давай живее теплой воды и помоги мне одеться.

Служанка отправилась на кухню, взяла с плиты котелок и вошла в комнату, где на деревянных болванках надето было около дюжины париков разной формы и разных цветов. В шкафах висело множество всякого рода одежды. На туалетном столе стояли баночки с румянами и белилами, лежали щетки, щипчики и другие туалетные принадлежности. Все это напоминало уборную какого-нибудь актера.

Браконно вошел в эту комнату в костюме буржуа, с красноватым лицом, жесткой бородой и рыжеватыми вьющимися волосами, а вышел из нее франтом, одетым по последней моде, выбритым и напудренным. На голове у него красовалась складная шляпа, а в руках трость, не уступавшая целой дубине. Он сделал распоряжение своей служанке и, бросив на себя испытующий взгляд, вышел на набережную. Подпрыгивающей походкой, которая соответствовала его костюму, он направился на улицу Сухого дерева, к гостинице «Красный лев».

Было уже около одиннадцати часов, и в обеденном зале многочисленные посетители кончали свой завтрак. Браконно прошел мимо двери и направился к маленькой конторке, где хозяйка вела свои записи. Он дружески поклонился ей.

— А, гражданин кавалер,— фамильярно отвечала та.— Вы не были у нас целую вечность.

— Мадам Бригар, я совершил маленькое путешествие. Но я только что вернулся и, как видите... Аббат де Валори здесь?

— Тсс! Какой там аббат!.. — тихо сказала хозяйка.

— Да! Правда! Капитан де Валори! Капитан у вас?

— Я сейчас пошлю ему сказать, что вы его спрашиваете.

— Какие, однако, предосторожности! Разве он держится настороже?

— Нужно, кажется, удвоить осторожность. Полиция так и рыщет.

— Черт бы ее побрал, мадам Бригар. Неужели от нее нельзя иметь покоя?

— Ах, гражданин кавалер, этот Фуше — сущий дьявол!

— Провались он пропадом! А, вот и дорогой друг...

К посетителю приближался молодой, красиво сложенный человек, с живыми глазами и улыбающимся лицом. На нем была одежда военного покроя, из синего драпа. Его ненапудренные волосы были прикрыты треуголкой военного фасона.

— А, дорогой Лаверньер! — вскричал он звучным голосом. — Как дела? Везет ли вам в фараоне? А как насчет прекрасных богинь?

— Так себе, капитан, — со смехом отвечал Браконно. — Ну, мы тут только вдвоем и нечего нам продолжать игру.

Валори осмотрелся кругом и сказал, отводя собеседника в сторону:

— Выйдем лучше на улицу. Вы хотите поговорить со мной?

— Я хотел повидаться с вами, чтобы узнать, нет ли чего-нибудь нового.

И они направились по улице Сухого дерева вдоль набережной.

— Я собираюсь уехать из Парижа и возвратиться в Нормандию, — сказал Валори. — Здесь мне больше делать нечего. Бернье дал мне поручение насчет графства Кан. Все занимаются умиротворением...

— А я ожидал большего от наших начальников. Разве их попытка у Бонапарта потерпела крушение и они впали в отчаяние?

— Кто вам сообщил об этой попытке?

— Вчера еще Фуше хвастался, что она не удастся. Вам ведь неизвестно, что через вдову Богарнэ можно разузнать все, что хочешь. А потом Бурьен продает ему, — разумеется, за хорошие деньги, — и остальные секреты политики первого консула. Что касается меня, то я много могу слышать от самого министра полиции.

— Это правда, Лаверньер. Вы оказали нам большие услуги. Три раза я избег ареста только благодаря вам. Вы дали возможность освободить нашего друга Косте де Сан-Виктора, который попался так глупо. Тем не менее, я не скрою от вас, что у некоторых из наших сотоварищей существует против вас предубеждение, которое я едва могу рассеять. «Каким образом он

располагает такими сведениями,— говорят они,— если он не служит в лагере наших врагов?» «Нужно же ему где-нибудь добывать сведения,— возражаю я.— Пусть добывает, где хочет, лишь бы только нам от этого была польза!» Но они продолжают относиться к вам недоверчиво. Это настоящие стреляные лисицы, привычные к выслеживанию засад и западней. Они не хотят, чтобы я свел вас с ними.

— Неужели? — вскричал с отчаянием Браконно, он же Лаверньер.— И это после того, как я дал столько доказательств своей преданности! Что же теперь делать?

Они дошли до самого берега и остановились под высокими осинами, которые росли почти в самой воде. Они были одни. На сто шагов, по крайней мере, не было видно ни одного прохожего. Валори наклонился к своему спутнику и с печальным выражением лица сказал:

— Что делать? Отправляться со мной в Нормандию и таким образом дать доказательство вашего усердия и искренности. Там вам дадут дело. Когда вы остановите несколько раз почту, везущую пошлину с соли, и произведете несколько нападений на жандармские патрули, тогда вас будут считать своим. Но если вы по-прежнему будете вертеться вокруг наших друзей в Париже, то с вами случится некоторое неприятное приключение... Сегодня мне поручили привести вас сюда к реке и всадить вам здесь пулю в голову.

С этими словами капитан выхватил из кармана пистолет и взглянул на Браконно с таким грозным видом, что тот весь побледнел.

— Что за шутки, Валори! — вскричал он.— Вы, конечно, шутите!

Говоря это, агент Фуше не терял из вида дуло пистолета, блестящее в двух шагах от его головы, и принялся рыться в своем кармане, как бы, в свою очередь, желая выхватить пистолет.

— Если бы я должен был убить вас, Лаверньер, то вы были бы уже на том свете. Я вас предупредил, следовательно, я хотел вас пощадить. Но, если у вас есть голова на плечах, не вертитесь около нас. Вам известно, где найти меня в случае, если вам нужно будет что-нибудь мне сообщить. Будьте осторожны и не воображайте, будто за вами никто не следит. Если вы сыщик, как многие думают, то вы погибли, если

вздумаете заниматься роялистами. Каждому жизнь дорога. Поэтому займитесь лучше якобинцами. Прощайте, Лаверньер. Простите, что я вас так напугал.

— Но я не прощу вам ваших подозрений. Я так любил вас!

— Благодарю вас. Лучше любите меня издали.

С этими словами Валори большими шагами пошел назад по набережной. Браконно в задумчивости следил за ним глазами, потом покачал головой и сказал:

— Ну, теперь мне надо устроить наблюдение в магазине «Bonnet bleu». Займемся прекрасным Сан-Режаном. С другими, очевидно, делать нечего.

Те, кого хотелось подловить Браконно, сидели в это время в маленькой комнате, находившейся сзади конторы хозяина гостиницы «Красный лев». Она освещалась только фонарем сверху. Пять человек сидели вокруг стола, заваленного бумагами, и тихо говорили между собой. Тут был прежде всего Жорж, который ради большей свободы снял с себя камзол и мог таким образом расправить свои широкие плечи, затем Ги де Невилль, Сан-Режан и, наконец, маркиз де Полиньяк и Косте де Сан-Виктор. Аббат Валори, не стуча в дверь, нажал потайную пружину в стене, и дверь бесшумно открылась.

— Ну? — спросил его Невилль.

— Он удрал совершенно перепуганный. Не думаю, чтобы он вернулся. Конечно, лучше было бы пробить ему голову. Но Сан-Виктор не хотел этого. Нужно непременно найти для себя другое помещение. После обеда Фуше будет уже знать, что здесь произошло, и подойдет к нам другого агента. Я знаю небольшой дом на улице Дракона, в квартале Августинцев. Там живет одна модистка по имени Виргия Грандо. Она всецело нам предана. В ее квартире, в простенке за кухней сделан тайник футов в девять. Его и не отыщешь. Даже обитатели этого дома не подозревают о его существовании. В нем жили в течение шести месяцев аббат Эджеворт, духовник короля-мученика, и епископ Карбоньерский. И вышли оттуда целы и невредимы. Я предлагаю Жоржу, Ги и Сан-Режану с сегодняшнего дня переселиться туда.

— Мы об этом поговорим потом, — грубовато сказал Жорж. — Нужно прежде всего на что-нибудь решиться. Бонапарт очень решительно конфисковал Францию в свою пользу. Все наши надежды на соглаше-

ние рухнули. Нужно, стало быть, действовать. Что же мы предпримем?

— Решить вопрос можно только одним способом, — отвечал Сан-Режан. — Нужно отделаться от первого консула.

— То есть убить его, — добавил Полиньяк.

Водворилось молчание. Дело шло ни больше, ни меньше, как о победителе при Риволи, Арколе и при пирамидах. Несмотря на свою энергию, заговорщики невольно были подавлены этим человеком. Но Жорж был неробкого десятка. Он нахмурил густые брови и сказал:

— Каким же образом вы хотите его убить? Есть несколько способов действовать. Один из нас может напасть на него с пистолетом или с кинжалом и убить его. Откровенно говоря, я вовсе не стою за этот способ. В этом акте есть что-то жалкое. Он не производит сильного впечатления казни; в нем нет благородства борьбы. Наконец, можно ведь и промахнуться. И тогда наступит катастрофа. Лучше не делать ничего такого, что связано с риском неудачи. Как было бы досадно, если б он был только ранен! Популярность его от этого только увеличится. Нет! На него нужно напасть, обеспечив себе все шансы победы над ним и над его сторонниками. Я хотел бы стать сам во главе предприятия.

— Послушайте, Жорж. Каким образом вы взялись бы за дело? — спросил Ги де Невилль, облачиваясь на стол, как бы для того, чтобы слушать его еще внимательнее.

— А вот как. Я выпишу из Бретани в Париж небольшими отрядами человек тридцать моих королевских стрелков. Они придут разными дорогами под видом разносчиков, рабочих, извозчиков. В это время я успею заpastись мундирами консульской гвардии. Под предлогом ремонта для версальского гарнизона я закуплю лошадей в достаточном числе и буду держать их у верного человека недалеко от Парижа, положим, в Монруже. Затем я дождусь поездки первого консула в Сен-Клу и устрою ему засаду. Карету Бонапарта сопровождают всегда не более двенадцати человек. Я заеду вперед и буду ждать на большой дороге. Благодаря мундирам, я могу на них напасть и дать по ним залп прежде, чем они успеют опомниться. С саблей в руке я вызову Бонапарта. И пусть Бог

решает между нами! Уверен, что его жизнь будет в моих руках!

— Это очень рыцарский план, — сказал Косте. — Но с таким человеком нужно послать к черту всякое рыцарство. Ему так везет, Жорж, что он наверное ускользнет от вас. Может быть, около него окажется его зять Мюрат, который схватится с вами, и черт знает, кто тут уцелеет. Этот повеса обменивался в Египте ударами с самыми знаменитыми мамелюками, и их ятаганы оказались не так остры, как его сабля. Нет! Нужно придумать что-нибудь более практичное и более верное. Стычка или единичное нападение слишком мало обеспечивают успех. Вас могут выдать. Наконец, вместо взвода карету может сопровождать целый эскадрон. Вас могут окружить жандармами прежде, чем вы об этом догадаетесь. Между тридцатью, которые будут участвовать в нападении, всегда может найтись один неловкий или даже изменник...

— Я отвечаю за своих людей! — воскликнул Каду-даль.

— Когда они в Бретани и дерутся в открытом бою. Но в Париже, в роли заговорщиков, где столько соблазнов — женщины, игра... Лучше ручайтесь за себя, Жорж, а не за других.

— В таком случае, что же делать?

— Я знаю, что делать, — сказал Сан-Режан. — Мне известен один снаряд, очень любопытный и вместе с тем очень простой. Он состоит из маленького бочонка, наполненного сотней фунтов пороху и двумя сотнями фунтов дроби и пуль. Снаряд помещают на ручную тележку, чтобы установить его там, где нужно. В отверстие бочонка вставляется ружейное дуло, и, если нажать на собачку, произойдет взрыв. Если в это время генерал Бонапарт будет проезжать мимо в карете или верхом, он исчезнет так, как и подобает такого рода герою — в громе и молнии, среди треска и блеска!

— Недурно задумано, — улыбаясь сказал Ги де Невиль. — Наш друг Сан-Режан — весьма изобретательный фейерверкер.

— Каждому свое, господа, — сказал молодой человек. — Это не мое изобретение. Его сделал некий Шевале. В текущем месяце узнала об этом и полиция. Вышеупомянутый революционер Шевалье гниет теперь где-то в застенке, но его бочонок с порохом к услугам каждого, кто пожелает им воспользоваться.

— И кто пожелает рискнуть своей жизнью, — ворчливо добавил Жорж.

— Поэтому я попрошу вас поручить исполнение этого плана мне, — сказал Сан-Режан.

Кадудаль задрожал. Щеки его тряслись. Он сжал кулаки и упер их в свои массивные бока.

— Клянусь святой Анной, товарищ! — воскликнул он. — Вы славный малый. Мне не нравится ваша манера действовать, но, признаюсь, вы храбрец из храбрецов. Итак, господа, вот два предложения, которые нам нужно обсудить — мое и Сан-Режана. Которое вам больше нравится?

— Предложение Сан-Режана, — решительно объявил Косте. — Тут такие шансы на успех, что нечего и колебаться!

Ги, Полиньяк и Валори кивком головы выразили свое согласие.

— Итак, господа, предложение принято, — сказал Полиньяк. — Чтобы облегчить дело нашему другу, нам остается только демонстративно выехать из Парижа.

— Вы, Жорж, отправитесь в Бретань, вы, Ги — в Англию, к принцам, а вы, Валори, поедете в Германию. Сам я должен быть в Руане, где у меня есть дела. Увидев, что мы разъехались, полиция успокоится, ослабит свой надзор, и тогда Сан-Режан получит возможность действовать свободнее. Как же вы думаете приняться за дело, Сан-Режан?

— Господа, я прошу вас предоставить мне полную свободу действий. Мне понадобятся два или три помощника. Но они до последнего момента не будут знать, в чем дело. Я могу быть уверен только в той тайне, которую хранишь про себя. В настоящее время я думаю также уехать из Парижа. Я возвращусь, когда настанет время.

— Как же мы будем получать сведения о вас?

— Вы не будете их получать вовсе. Вы услышите только грохот взрыва, который и даст вам знать обо мне.

— Поцелуемся, — сказал Кадудаль. — Сомнительно, чтобы нам пришлось еще увидаться. Поручите себя Богу, а я поручу вашу судьбу королю.

Он прижал молодого человека к своей широкой груди и обнял его. Потом все шестеро пожали друг другу руку и один за другим вышли из потайной комнаты гостиницы «Красный лев».

Ганноверский павильон является одним из красивейших зданий в стиле XVIII века. Построенный маршалом Ришелье по окончании войны с Германией, этот павильон получил в народе название Ганноверского, которое было дано ему в насмешку. Подозревали, что герцог построил его на деньги, награбленные им во время войны в Ганновере. Несмотря на то, что дворец Ришелье был разрушен по постановлению конвента, круглый павильон уцелел и с тех пор стал отдаваться внаймы устроителям общественных балов. После термидора в этом Ганноверском павильоне собиралось все парижское общество, которое слишком долго было лишено всяких удовольствий. Там устраивались так называемые балы жертв. Дети лиц, погибших на эшафоте или просто убитых, являлись на бал с изображением тех ран, от которых скончались их родители. У высокой дамы, родители которой были гильотинированы, вокруг шеи виднелась узкая красная полоска. Франт, отец которого был убит в Вандее пулей или штыком, изображал на своей одежде кровавое отверстие, пробитое свинцом или сталью. Многие являлись в жилетах из человеческой кожи, которая сохраняла еще следы полученных ран. Это был жестокий способ возбудить реакцию и вызвать мщение, который привел в конце концов к страшной бойне у церкви святого Рока. Но во время консульского правления, после нескольких лет затишья, парижское общество думало уже только о развлечениях без всяких задних мыслей и об удовольствиях без всяких принуждений.

Балы в Ганноверском павильоне особенно привлекали буржуазию, которая отдыхала здесь после стольких превратностей судьбы. «Невероятные» соперничали здесь в щегольстве и галантности с офицерами победоносной армии. Молодые люди высшего полета не брезговали ухаживать здесь изо всех сил.

Около десяти часов вечера супруги Лербур вошли в галерею нижнего этажа. Великолепное платье Эмилии из индийской кисеи было подхвачено выше талии шелковым синим поясом. На ее обнаженной шее красовалось ожерелье из камней, прелестная головка была причесана наподобие гречанки. Ее появление произвело сенсацию в толпе, через которую ей нужно было

пройти. Ее муж в голубом камзоле и белом жилете с довольным видом шел сзади нее.

Танцевали очень оживленно. Эмилия сразу заметила группу женщин, среди которых были и ее знакомые. Она направилась к ним и стала искать два места, которые ей сейчас же уступили два франта. В этой группе царила мадам Летурнер, муж которой соперничал с Бьеннэ, золотых дел мастером, поставлявшим вещи первому консулу. Тут же находились мадам Лемелле, жена крупного интендантского поставщика, и Бенсарид, муж которой служил главным казначеем армии. Целый штаб молодых людей увивался около мадам Жюно, отличавшейся столько же красивым лицом и белокурыми волосами, сколько острым и насмешливым умом. Появилась наконец и креолка — мадам Гамелен, которую вел под руку блестящий Монтрон. На одно мгновение во время перерыва танцев мелькнуло развевающееся платье и беломраморные плечи мадам Тальен, окруженной тучей поклонников.

Но толпа танцующих снова хлынула в зал, и «богородица термидора» скрылась из глаз, увлекая за собой своих кавалеров.

Едва Эмилия успела сесть, как Лербур радостно вскричал:

— А, вот и гражданин Леклер!

Блестя молодостью, Сан-Режан с улыбкой двигался к Эмилии, чтобы поздороваться с ней. Вместе с ним шел какой-то господин довольно заурядной наружности, но одетый очень богато, который обращался с ним довольно фамильярно.

— Представь меня, Леклер, твоим друзьям, — сказал он угрюмо.

— Сан-Режан, пожав руку Эмилии и Лербуру, дал пройти вперед своему спутнику.

— Гражданин Лимоэлан... мой земляк... я его встретил здесь в зале, где совсем не ожидал найти, ибо он охотнее занимается игрой, чем танцами.

— Я здесь случайно... Но я чрезвычайно рад, что пришел сюда, так как имел удовольствие познакомиться с вами. — Отвесив поклон Эмилии, он обернулся к ее мужу. — У меня здесь назначено свидание с этим плутом Фену, правительственным комиссаром, который сумел так ловко ограбить Неаполитанское королевство после его завоевания. У него со мной счеты... И сам черт его не заставит свести их со мною.

— Деньги легче брать, чем отдавать, — смеясь, заметил Лербур.

Оркестр заиграл какой-то танец. Сан-Режан предложил руку Эмилии, и оба присоединились к танцующим.

— Черт возьми, гражданин, — сказал Лимоэлан, — тут такая толпа. Пойдемте лучше в буфет. Там не так жарко и можно освежиться на свободе.

Эмилия и Сан-Режан, танцуя, оказались на другом конце зала. На пороге длинной галереи, превращенной в зимний сад, они остановились. Там разбросанными группами сидели франты со своими дамами, которые, удалившись от шума праздника, могли спокойно предаваться здесь кокетству. Сюда уединились и парочки, под ветви экзотических деревьев, в свежую атмосферу растений, в глубину беседок из кустов, которые скрывали их от непрошеного любопытства.

Сан-Режан и его дама медленно вошли в сад и, не давая себе труда оглядеться, направились к маленькой круглой беседке около мраморного бассейна, в который бежала вода, струившаяся из пасти дельфина.

Их отделяла от других непроницаемая зеленая стена.

Увидя, что совершенно одни, они сели. Сан-Режан взял Эмилию за руку, которую она не отнимала, и поднес ее к губам. Лицо молодой женщины было грустно. Она спросила, как бы подчиняясь овладевшей ею мысли:

— Это правда, что вы завтра едете?

— Да, так нужно. Мои дела требуют этого.

— Ваши дела? У вас действительно есть какие-нибудь дела?

— Конечно. Необходимо следить за ними внимательно. Но я уеду ненадолго.

— На сколько?

— На неделю.

Улыбка снова появилась на губах мадам Лербур.

— И вы опять приедете и поселитесь в Париже?

— Да.

— И мы будем видаться в «Bonnet bleu»?

— Непременно. Я ведь должен отдать отчет вашему мужу относительно поручений, которые он мне дал.

Она с неудовольствием покачала головой.

— Не смейте обращаться со мной, как с глупенькой, которая не понимает того, что видит. Неужели вы

надеетесь убедить меня, что вы действительно торговец шелком и бархатом? Вы — кавалер де Сан-Режан...

— Нет, я Виктор Леклер, друг господина Лербура. Ваш муж не допустил бы к своему столу Сан-Режана. Ему оказал услугу странствующий торговец, который и в будущем может быть ему полезен. Он никогда не узнает, что Виктор Леклер...

— Но ведь я-то знаю Сан-Режана и вовсе не уверена в его намерениях после того, как он переоделся в буржуа. Это наводит на мысль о политике. Ради Бога дайте мне слово, что вы не будете рисковать жизнью в какой-нибудь политической аванюре.

— Какая вы странная! — сказал Сан-Режан, глядя на нее с такой нежностью, что она невольно опустила глаза. — Я надел другую личину, конечно, только для того, чтобы проникнуть к вам. Вы одна заставили меня это сделать.

— А это странное вмешательство мадам Бонапарт в тот вечер, когда она отпустила меня и мужа, а вас оставила, чтобы представить первому консулу... Это не было условлено заранее?

— Не могу отрицать, что у меня есть связи с правительством и что Бонапарт иногда входит со мной в сношения. Но это должно только успокоить вас. Если я являюсь доверенным лицом у первого консула... то мне нечего бояться. Наоборот!

— Все это очень неясно для меня. Простая женщина, как я, едва ли может все это понять. И если вы меня обманываете...

— Могу ли я вас обманывать, Эмилия! Что же вы думаете обо мне? Когда я говорю, что люблю вас, то каждое слово идет прямо от сердца...

— Когда вы это говорите, я считаю вас чистосердечным. Ни ваш голос, ни ваш взгляд не могут лгать. Но не то было минуту назад. Тут уже заметна хитрость, уклончивость, которая меня испугала.

— Прошу вас, не мучьте себя понапрасну, Эмилия. Не старайтесь допытаться до того, что составляет тайну моей жизни. Между нами должен быть только вопрос о любви. Ничто не может отвлечь моего сердца от вас. Довольствуйтесь тем наилучшим, что я могу вам отдать, и уделите мне за это хоть немного сочувствия.

Глаза Эмилии наполнились слезами.

— Неблагодарный! Разве вы не замечаете, что я и

так слишком слаба с вами. Вашими союзниками в борьбе со мной служат воспоминания молодости. Когда я вас увидела, мне показалось, что я опять в моей родной Бретани с моими родителями, среди друзей, которых я потеряла. Вы привязали меня к себе цепью моих собственных мыслей. Если я теперь слушаю ваши слова, то не думайте, что я пуста и легкомысленна. До сего времени я была равнодушна к ухаживаниям и ни за что на свете не согласилась бы, чтобы на моего мужа пала какая-нибудь тень. Но судьба толкнула вас мне навстречу, и во мне поднялось доселе незнакомое чувство — приятное и мучительное одновременно. Что теперь со мной будет? Порой мне кажется, что я уже не принадлежу себе самой и отдана вам. Прошу вас, сжальтесь надо мной, не заставляйте меня страдать.

— Великий Боже! — воскликнул Сан-Режан. — Не бойтесь меня. Каждое биение моего сердца принадлежит вам.

— Я уверена, что вы не заставите меня страдать нарочно. Я уверена в вас. Но события, в которых вы замешаны, удручают меня. Вот чего я боюсь.

— Нет, вы знаете только Виктора Леклера. Если Сан-Режан будет в чем-либо замешан, он не скомпрометирует и не впутает вас.

— Но за вас я боюсь больше, чем за себя.

Сан-Режан наклонился к ней. Сидя под платаном, ветки которого склонялись почти до земли, они были укрыты от посторонних глаз. Из зала чуть слышно доносилась музыка. Сан-Режан тихо привлек к себе Эмилию, и они обменялись поцелуем.

Молодая женщина первая пришла в себя и вырвалась из объятий Сан-Режана.

— Мы с ума сошли! Нужно вернуться в зал. Наше отсутствие, может быть, уже замечено.

Они поднялись. На другом конце зимнего сада раздался громкий смех. То были молодые офицеры, окружавшие мадам Гамелан, которая слушала их, играя своим веером, в центре которого было приделано зеркальце. Сан-Режан и его спутница тихо прошли под руку мимо них и, выйдя в зал, смешались с толпой танцующих.

Лербур сидел и разговаривал со своими знакомыми. Увидя жену, он улыбнулся и спросил весело:

— Хорошо танцевали?

— Мы только прошлись по залам, — отвечала Эмилия.

Сан-Режан поклонился ей и отошел в сторону. Он смотрел на нее в опьянении от ее красоты и изящества. Какая разница между мрачными, кровавыми мыслями, которые носились в его уме, и мечтой любви, которая только что зародилась! Как будто для того, чтобы еще более подчеркнуть эту разницу, к нему подошел тот самый человек, которого он представил под именем Лимозлана. Была минута, когда он оказался между своей прелестной возлюбленной и этим подозрительным знакомцем. Пораженный этим контрастом, он провел рукой по лбу. Но решимость его не поколебалась и, поклонившись еще раз Эмилии, он взял Лимозлана под руку и отошел с ним в сторону.

В буфете почти никого не было. Они уселись за круглым столиком с мраморной доской и попросили себе мороженого. Продавщица за конторкой была совершенно поглощена разговорами с маленьким старичком, тем самым, к которому Германсия и Зоя из «*Vopnet bleu*» относились с таким вниманием. Он, по видимому, не заметил появления новых посетителей. Он повернулся к ним спиной и продолжал любезничать с кассиршей.

— Я отправил сегодня вечером Жоржа, — тихо сказал Лимозлан, наклонившись к самому уху Сан-Режана. — Мы с Пико проводили его до Монружа. Там уже ждала его смена лошадей. Через четыре дня он будет уже в Ванне. Здесь он оставил только меня и Карбона для исполнения твоих приказаний. Ты нам скажешь, что ты будешь делать?

— Теперь пока нет. Нам нужно исчезнуть и скрыться с глаз. Полиция гоняется за нами по пятам. Лаверньер, который пытался пробраться в наш секретный комитет при помощи Косте, изобличен Валори. Это агент Фуше, который, впрочем, точит зубы на полицию, первого консула и на чиновников Дюбуа. Под личиною Лаверньера удалось открыть Ферюссака, того самого, который занимался шпионством на юге, выслеживая членов общества Еху. Если бы хорошенько порыться, то вместо Ферюссака оказался какой-нибудь другой агент полиции. Нужно остерегаться всех и никогда не посылать друг другу писем даже под условными кличками.

— Ты говоришь великолепно, — сказал Лимозлан. —

Нужно остерегаться не одной полиции, но и любовных увлечений. Женщины, извольте ли видеть, бывают не менее опасны, чем сыщики! И ты хорошо сделаешь, если воспользуешься моим советом.

— На что ты намекаешь?

— Очень просто. Берегись прелестной гражданки, около которой я тебя сейчас видел.

— Это бретонка из знатной семьи. Она не способна на измену.

— Вот как губят себя люди! Недоверие — это первая статья в кодексе заговорщиков. В особенности следует беречься женщин. Первая же женщина и погубила первого человека. По злобе, или так, но женщины были причиной того, что падали головы всех вождей партий, которые поддавались на их соблазны. Послушай, друг мой, отойди от этой красивой женщины, или же откажись от политики и живи исключительно для любви.

— Ну, успокой свои страхи! Впрочем, завтра я уезжаю из Парижа и мне будет, значит, не до любви. У меня есть поручения от принцев для роялистских комитетов юга. Кроме того, я хочу попутешествовать по провинции. Никому другому, кроме тебя, неизвестно, зачем я отправляюсь. Лербур уверен, что я еду за шелками и бархатом, и поручил мне сделать для него закупки в Лионе. Впрочем, во время моего пребывания в Лионе даже самый искусный сыщик не заметит за мной ничего подозрительного; я буду видаться только с фабрикантами. Ну, а теперь идем отсюда. Мне нужно еще повидаться с Карбоном у меня в гостинице.

С этими словами он встал. Лимозлан постучал о стол серебряной монетой и потребовал счет.

— Я пойду с тобой до гостиницы «Красный лев».

— Как хочешь. Я только прощусь с мадам Лербур и затем к твоим услугам.

Они прошли через зал для танцев и приблизились к группе, где царила Эмилия. За нею ухаживал красавец полковник Дорсен, один из наиболее блестящих офицеров армии, но лицо молодой женщины было озабочено. Возвращение Сан-Режана прогнало это выражение. Молодой человек издали смотрел на ту, которую так любил. Увидев настойчивое ухаживание военных, он только улыбнулся. Она надула губки, как бы говоря: «Видите, какой назойливости вы предоставляете меня». Насмешливым взглядом он указал ей на ее

мужа, сидевшего рядом с ней. Мадам Лербур только слегка пожала своими белыми плечами. В ее взгляде выразилось пренебрежение: простак! разве он может что-нибудь заметить?

Сан-Режан решил подойти. Дорсен смерял с ног до головы выскочку, который осмеливался мешать ему, но встретил в ответ такой твердый и смелый взгляд, что невольно поубавил своей развязности.

— Желаю вам весело провести вечер, гражданин Лербур,— сказал Сан-Режан.— А с вами, гражданка, я на некоторое время прощусь,— прибавил он, наклоняясь к Эмилии.— Как только вернусь, сейчас же постараюсь побывать у вас. Мне нужно будет отдать отчет вашему мужу относительно поручений.

— Как приедете в Лион, сейчас же напишите мне и сообщите ваш адрес,— сказал Лербур.— Может быть, мне понадобится навести там кое-какие справки, а может быть, и дать вам еще какое-нибудь поручение.

— Конечно, конечно.

Он пожал руку мужу и поцеловал ручку жены с манерами настоящего аристократа и, поклонившись еще раз, вышел из зала.

— Эти приказчики — удивительный народ! — начал Дорсен ядовито.— Они напускают на себя такой вид, который напоминает о прежнем режиме!

— Что прикажете делать, полковник,— добродушно сказал Лербур.— Теперь все пошло наыворот. Маленькие люди имеют вид больших сеньоров, а люди наиболее значительные кажутся ничтожеством. Надо к этому привыкать.

— Мы покажем всем им свое место! — вскричал полковник, встряхивая своими завитыми, как у женщин, локонами.— Блеском своих побед армия затмит все и займет первое место. Видите ли, гражданин Лербур,— первый консул это, конечно, хорошо, но этого еще недостаточно. Нам нужно пожизненного консула, а то и императора.

— Тихе, тихе, полковник! — боязливо зашептал Лербур.— Что, если бы нас услышали!

— Кто осмелится нам противиться? Якобинец Моро или роялист Пишегрю? Нас в армии, по крайней мере, тридцать тысяч таких, как я, и все мы готовы прокричать громко то же, что я вам только что сказал. Брюмер показал, что мы больше не позволим водить себя за нос разным адвокатам. Черт бы взял всех этих идеоло-

гов! Нам больше незачем ломать голову: у нас есть Бонапарт!

Он ловко повернулся на каблуках и наклонился к Эмили.

— Не соблаговолите ли пройти со мною тур контрданса?

— Благодарю вас, полковник, но я устала, и мы сейчас уезжаем.

— Еще бы! Франт-то уж уехал! — проворчал сквозь зубы полковник. — Ей теперь тут нечего делать, а муж и не подозревает.

Он поклонился мадам Лербур и присоединился к другой группе.

Сан-Режан и Лимоэлан шли вместе по улице Порт-Масон. Дойдя до улицы Святого Августина, они углубились в извилистые переулки Бютт де Мулэн. Вдруг Сан-Режан, беспрестанно оглядывавшийся, на минуту остановился и сказал своему спутнику.

— За нами следят. Сделай вид, что ты этого не замечаешь, и пойдем скорее.

Они оба были молоды и проворны. Сделав сотню быстрых шагов, они скрылись из глаз преследователей и, повернув на улицу Святой Анны, исчезли в темноте больших ворот. Через несколько секунд сзади послышались осторожные шаги, и какой-то человек, не замечая их, быстро прошел мимо и исчез в сумраке.

— Не худо, по-моему, принять некоторые предосторожности, — сказал Лимоэлан. — Ты поступишь благоразумнее, если не покажешься больше в гостинице «Красный лев». За нами гонится полиция. Но какая?

— Конечно, полиция этого проклятого Фуше. Он ведет тайные сношения не только с нашими друзьями, но даже и с принцами. Он так хорошо умеет притворяться изменником, что каждый воображает, что он готов изменить в его пользу. На самом же деле этот каналья работает только для самого себя. Удивительно, если он не будет когда-нибудь расстрелян и не погибнет, получив двенадцать пуль в живот. Первый консул ненавидит его.

— Это ренегат, цареубийца, самый гнусный из всех людей.

— Отвратительная личность. Но за него все.

— Его даже любят.

— Не все коту масленица.

Они дошли до дворца Тюильри.

— Заметь эту местность,— сказал Сан-Режан своему спутнику.— Когда Бонапарт выезжает из дворца, он всегда пересекает эту площадь. Решительному человеку очень легко, скрывшись за угол улицы Роган, выстрелить в карету первого консула в упор, если б у него пистолет был заряжен хорошей порцией пуль. Что ты об этом скажешь?

— Мысль недурна.

— Мы еще поговорим об этом, когда я возвращусь из предстоящего путешествия, друг мой. С этого дня не худо будет, если ты иной раз пройдешь по площади. Надо измерить расстояние, изучить окрестность. Следует также присмотреться к близлежащим лавкам и навести справки насчет их хозяев. Надо все предвидеть и все рассчитать, когда рискуешь жизнью, стремясь уничтожить столь опасного врага.

— Ладно,— отвечал Лимоэлан, бросив на него твердый взгляд.— Ты можешь вполне положиться на меня. А теперь расстанемся. Тебе незачем давать больше мне какие-либо указания.

Они пожали друг другу руку. Сан-Режан пошел по направлению к Пале-Роялю, а Лимоэлан исчез в темноте мелких переулков.

Едва успели они разойтись, как в темноте показалась из-за угла тень, которая подвигалась вперед с большой осторожностью. То был старый франт, мелькавший на балу в Ганноверском павильоне и ухаживавший за Германсией и Зоей в магазине «Bonnet bleu». Теперь свет фонаря осветил его фигуру. Он смотрел вслед удалявшемуся Сан-Режану и бормотал про себя:

— О чем они говорили, оглядывая эту площадь? Ах, если б я мог их слышать!

И он снова пустился в дорогу, держась от Сан-Режана шагов на сто. Следить за ним было легко, молодой человек не скрывался и шел прямо к себе на улицу Сухого дерева.

Было уже около двух часов ночи, когда он добрался до гостиницы «Красный лев». В доме царили мрак и безмолвие. Сан-Режан вошел в будку сторожа, который спал с сжатыми кулаками. Наполовину потухшая лампа стояла на столе. Не будя его, Сан-Режан взял свой ключ, свечку и поднялся к себе.

Сыщик, вполне уверенный в том, что теперь он легко может захватить его завтра утром, пошел дальше по улице Сухого дерева и, достигнув площади Дофина,

вошел в дом, принадлежавший некоему Браконно. Поднявшись по лестнице, он открыл дверь, вошел в свою комнату и, сняв свой костюм, сел верхом на стул, снял парик, вытер на лице краски и предстал в своем настоящем виде. Затем он прошел в столовую, порылся в буфете, отыскал там кусок телятины, хлеб и бутылку вина. Усевшись спокойно за стол, он принялся ужинать, словно истый буржуа, вернувшийся из театра.

Он ел очень медленно и, казалось, был погружен в глубокие думы. Затем, насытившись, закурил трубку и уселся в кресло. Выкурив трубку, он сказал:

— Ну, на сегодня довольно. Завтра видно будет.

И вскоре отправился в спальню и лег спать.

При первых проблесках дня гражданин Браконно уже проснулся. Он имел способность просыпаться тогда, когда хотел. Он вскочил с постели и открыл ставни. Свежий утренний ветерок пахнул в его худое смуглое лицо с коротко остриженными волосами. Это была его настоящая физиономия, которую знали лишь очень немногие. Затем он прошел в свой кабинет и через четверть часа вышел оттуда в образе краснощекого буржуа, которого мы уже видели у министра полиции. Он прошел через столовую и прихожую и через отверстие, незаметно проделанное во входной двери, осмотрел лестницу, желая удостовериться, не караулит ли его кто-нибудь на лестнице.

Все было тихо и пустынно. Он вышел и быстрыми шагами направился к гостинице «Красный лев». Войдя в контору, он спросил с сильным провансальским акцентом:

— Гражданин Леклер дома?

— Гражданин Леклер не живет здесь,— отвечал хозяин гостиницы.

— С которых же пор?

— Со вчерашнего дня.

— Переехал?

— Нет, совсем уехал из Парижа.

— Куда?

— В Лион по своим делам.

— А когда он вернется?

— Он этого не говорил. Но, вероятно, не скоро, так как он расплатился совсем и забрал все свои вещи.

— В таком случае, где же мне его найти?

— Пишите ему сюда. Мы перешлем ему письмо в Лион.

— А, значит, у вас есть его адрес?

— Да, только он просил нас не сообщать его никому, скрываясь от кредиторов.

— А, плутяга!

— Что прикажете делать, гражданин. Человек он молодой, любитель всяких удовольствий, ну, вот и тратит больше, чем у него в кошельке. Приходится прибегать к займам.

— Скверная привычка!

— Конечно, но адреса своего он нас просил не сообщать.

— Хорошо, в таком случае, я ему напишу. До свидания, гражданин.

Он отправился дальше. Он был сбит с толку. Быстрота, с которою Сан-Режан скрылся от его преследования, являлась в его глазах доказательством того, что преследуемый принимал тоже меры предосторожности и держался настороже. Очевидно, Валори предупредил его, чтобы он не очень доверял ему. Но если роялисты знали Лаверньера, то Браконно был им неизвестен. В своем новом виде агент Фуше не боялся, что его узнают. Он шел по улицам, думая о своей неудаче и возлагая, как истый полицейский, все надежды на счастливый случай.

Словно увлекаемый каким-то тайным инстинктом, он очутился перед транспортной конторой, носившей название Большой конторы. Нагруженный дилижанс уже готовился тронуться в путь. Багаж был уложен, а пассажиры, столпившись около распорядителя, раздававшего номера мест, прощались с родственниками и друзьями, пришедшими их проводить.

— Гражданин Леклер! — громко выкрикнул распорядитель.

Так как ответа не было, он крикнул опять:

— Гражданин Леклер здесь?

— Он уже сидит, — отвечал голос из глубины дилижанса.

— Хорошо, — проворчал распорядитель. — Но садиться раньше переключки нельзя. Места могут выбрать те, кто записался раньше.

— Но никто не жалуется! — отвечал тот же голос.

Распорядитель, обратившись к кондуктору, принял ся пересчитывать вещи, сданные в багаж. Вдруг он почувствовал, что кто-то дернул его за рукав. Обернувшись, он увидел перед собою краснощекого человека.

— Что вам угодно, гражданин?

— Место наверху, если можно.

— Куда вы едете?

— Шалон.

— Есть место рядом с кучером?

— Запишите его за мной.

— На чье имя?

— На имя Эвариста Немулэна, торговца винами, живущего в доме № 17 по улице Сан-Виктор.

— Садитесь. Багажа с вами нет?

— Багаж будет отправлен после.

Полицейский быстро вспрыгнул наверх, успев бросить взгляд внутрь кареты и заметил Сан-Режана, который сидел в углу у входной двери. Благословляя судьбу, которая навела его на потерянный было след, он схватил рог и, притворяясь, будто не умеет с ним обращаться, издал звук, которым обыкновенно дается знать о том, что дилижанс отправляется.

— Вот чудак-то! — заливаясь смехом, сказал кучер.

Приставив рог к губам, он, словно эхо, ответил Эваристу Немулэну. Тяжелый экипаж зашевелился и тронулся по мостовой.

Сан-Режан, сидевший рядом с пожилой дамой и напротив пехотного офицера, не узнал в только что прибывшем пассажире агента, приставленного к нему Фуше.

Погрузившись в дремоту, он видел перед собой Эмилию. Ему было грустно, что приходится уезжать в то время, когда он был бы счастлив остаться возле той, которую так любил. Сначала он сблизился с ней с целями чисто политическими. Но теперь их заменила искренняя, все возраставшая страсть. Теперь он уже не был только политическим заговорщиком, который пользовался домашним очагом Лербуров для того, чтобы удобнее было скрывать свои интриги. Теперь это был влюбленный, для которого все счастье — быть около любимой женщины.

Она овладела им благодаря своей красоте и властному голосу их общего происхождения. Как и он, она происходила из знатной семьи. Она разделяла его идеи и стремления. Революционный режим, исправленный вмешательством Бонапарта и державшийся благодаря общей усталости, казался ей в сравнении с монархией чем-то недостаточным. Она не могла забыть жестокостей Карье в Нанте; массовых расстрелов, по-

топлений. В ее памяти звучали еще воинственные крики шуанов Стоффе и де ла Рошжаклена, страшным потоком наводнивших площадь Буффе. Она помнила, при каких жестоких обстоятельствах согласилась выйти замуж за Лербура. И разделяя чувства своего земляка, которого судьба послала ей навстречу, она стала разделять и его любовь. Она не могла скрыть этого от него. И в этот ранний час, двигаясь по дороге в Лион в дилижансе, он знал, что Эмилия в своей комнате на улице Сент-Оноре думает о нем.

До самого Вильева Сан-Режан ехал в каком-то забытьи. Там, по длинному и крутому берегу, дилижанс стал двигаться медленнее. Чтобы облегчить лошадей, кучер слез с козел. Эварист Немулэн последовал его примеру. Пассажиры, сидевшие внутри дилижанса, выразили желание поразмять ноги. Воспользовавшись тем, что лошади остановились, чтобы немного передохнуть, Сан-Режан и офицер вышли из дилижанса на пыльную дорогу.

Стояла чудная, свежая погода. По ясному небу, словно стадо барашков, бежали облака. Идти по траве было очень приятно. Путники тронулись. К ним присоединился и мнимый торговец винами.

— Нужно будет позавтракать на этом холме,— начал он.— У меня еще маковой росинки во рту не было. Я думаю, вы не отказались бы проглотить чашку кофе с тартинками, пока будут перепрягать лошадей, а?

— В вашем распоряжении будет четверть часа.

— Если хорошенько распорядиться, этого будет довольно! — А к обеду мы будем в Мелоне, надеюсь? — И с заискивающим видом он посмотрел на Сан-Режана, который продолжал держаться с ним холодно.— Но прежде, чем попасть в Мелон,— начал опять мнимый виноторговец,— нужно еще проехать Льерсент, где недели две тому назад ограбили почту, шедшую из Лиона.

— Не бойтесь ничего! — сказал офицер.— Если негодяи, ограбившие почту, только осмелятся показаться, то им будет с кем иметь дело. Мои пистолеты со мной.

— Ой, ой! Надеюсь, они не заряжены? — вскричал Немулэн, притворяясь испуганным.— Нет ничего опаснее для соседей и ничего безвреднее для грабителей, чем эти пистолеты!

— Что ж, вы сомневаетесь в моей храбрости? — вскричал офицер, вращая глазами.

— Вовсе нет! Боже, меня сохрани! Но когда стреляют из пистолетов, пули летят, куда им вздумается... И чаще всего в сторону, а не вперед. Впрочем, если господам грабителям вздумается напасть на дилижанс в Сенарском лесу, то нам придется только улыбаться им.

— Нужно защищаться не на живот, а на смерть.

— Кондуктор! — вскричал Немулэн. — Отберите сию минуту оружие у этого господина. Он нас всех погубит! Защищаться! Неужели вы говорите это серьезно? Судите сами, господа!

Говоря так, он обратился прямо к Сан-Режану, так что тому не было никакой возможности уклониться от ответа.

— Я полагаю, что господин офицер говорил, как полагается храброму человеку. Во всяком случае, я разделяю высказанное им мнение, — отвечал Сан-Режан.

— Вы хотите, кажется, сказать, что я не принадлежу к храбрым людям? — возразил мнимый виноторговец, поднимаясь на кончики носков.

— Я ничего не желаю этим сказать, сударь, — равнодушно отвечал Сан-Режан. — Вы спрашиваете меня, а я отвечаю. Бросим этот разговор! Он меня не интересует.

— Позвольте узнать, с кем я имею дело?

— Это не секрет. Кондуктор может вам сообщить это. Мое имя внесено в список пассажиров. Впрочем, я могу вам сообщить его сам: Виктор Леклер, торговец шелковыми товарами и бархатом.

— А, как это кстати! — воскликнул Немулэн, на лице которого выразилось полное удовольствие. — Мы с вами, так сказать, соратники! Я торговец вином. Вот вам моя рука, пожмите ее, гражданин, и пусть воцарится согласие между нами! Я несколько суетлив, но у меня доброе сердце.

С этими словами он протянул Сан-Режану свою широкую руку, в которую тот с отвращением вложил свои пальцы.

— Вот так! Теперь пора садиться в дилижанс. Лошади уже отдохнули. Ну, кучер, отпусти вожжи и поскокнем!

И он на губах изобразил рожок кондуктора. Во

время перемены лошадей в Вильневе он чрезвычайно ухаживал за дамами и предложил угостить их бриошами. Хотя он казался несколько навязчивым, но тем не менее все с ним перезнакомились. Он все уговаривал Сан-Режана пересесть к нему и занять место возле кучера.

— Оттуда великолепный вид, вот увидите.

Но молодой человек, вежливо извиняясь, отклонил его предложение под тем предлогом, что во время переезда ему надо будет пересмотреть свою записную книжку с поручениями и что, таким образом, до самого Монтора он будет занят.

В Мелоне во время ужина чересчур сангвинический темперамент торговца вином сделал его всеобщим посмешищем. Когда наступила ночь, пассажиры предложили Немулэну потесниться и уделить ему местечко внутри омнибуса, чтобы он мог укрыться в нем от ночного холода. Тот охотно принял предложение и втиснулся между старой дамой и Сан-Режаном, благо оба они были худощавы.

Дальнейшее путешествие прошло без всяких приключений. Из Шалона Немулэн и Сан-Режан двинулись дальше по воде. Когда они прибыли в Лион, можно было подумать, что это самые близкие друзья.

VIII

На самом деле Сан-Режан и не подумал отказываться от своей сдержанности. Он не позволял своему спутнику проникнуть в свои тайны и больше, чем когда-либо, играл роль Виктора Леклера, торговца шелковыми товарами. Напрасно Немулэн делал разные подходы: Сан-Режан начал уже подозревать его настоящую роль.

Как только они прибыли в Фонтбло, явился полицейский комиссар, чтобы осмотреть багаж дилижанса. Ему донесли, что под видом багажа пересылается на юг транспорт оружия. Он потребовал у всех пассажиров паспорта. Пока производился этот осмотр, Немулэн как будто случайно находился на дворе гостиницы. Только комиссар вышел, как Немулэн появился в комнате, разразился бранью по его адресу, так как, по его словам, тот крайне грубо потребовал от него на дворе

предъявить ему свои бумаги. Но у него есть средства осадить этого господина: консул Камбасарес — его земляк!

Очень трудно было его успокоить, так что хозяину пришлось даже выставить ему бутылочку бордо, чтобы вызвать опять улыбку на его скривившиеся от раздражения губы.

Сан-Режан, наблюдавший издали ссору торговца с комиссаром, заметил, что напротив, между ними все обошлось очень мирно. Комиссар, казалось, больше отвечал, чем спрашивал. С этого момента Немулэн окончательно стал ему подозрительным, несмотря на то, что всю дорогу продавал вина и на каждой станции предлагал содержателям свои услуги.

По приезде в Лион Немулэн сказал своему спутнику:

— Если вы не знаете, где остановиться, то я могу вам рекомендовать гостиницу «Единорог» на площади Бротто. Это как раз в центре города. Я там всегда останавливаюсь, когда бываю в Лионе. Там меня принимают с особенным вниманием.

Сан-Режану захотелось посмотреть, до чего может дойти наглость Немулэна, и так как ему было все равно, где остановиться, то он решил последовать данному совету.

К величайшему своему удивлению, он увидел, что Немулэн сказал правду, что его, действительно, хорошо знали в гостинице «Единорог» и что он поставлял туда вино, которое не переставал расхваливать. Недоварие его стало понемногу ослабевать. Но он был родом из Бретани и нелегко менялся в своих чувствах. Он продолжал наблюдать на Немулэном, который становился все оживленнее, и стал прислушиваться к излияниям своего дорожного товарища. Этот последний неожиданно изменил тон и пустился в такие откровенности, которые глубоко изумили Сан-Режана.

— Послушайте, Леклер, — в первый же вечер сказал Немулэн, когда они пообедали и пили кофе. — Мы теперь одни с вами, и меня мучит совесть за то, что я был с вами недостаточно откровенен. Я упрекаю себя, зачем завез вас в эту гостиницу «Единорог». Я имел в виду удовольствие, которое мне доставляет ваше присутствие, и совершенно упустил из виду вас самого. А между тем это может вас скомпрометировать.

— Как? Что такое? — вскричал Сан-Режан.

— Это, знаете, вещь очень щекотливая, и мне трудно вам это высказать. Не спрашивайте меня. Будьте довольны тем, что я с вами так откровенен. Забирайте свои вещи и переезжайте скорее в гостиницу где-нибудь на другом конце города. Лучше будет, если вас не будут видеть со мной.

— Но почему же?

— Нет, нет! Не спрашивайте! Сделайте то, что я вам советую. Этим советом я дал вам доказательство моей преданности.

— Я очень этим тронут, но тем не менее не понимаю ничего. Что вы банкрот, что ли, или фальшивомонетчик?

— Нет, нет! Мое доброе имя не запачкано ничем!

— Уж не принимаете ли вы участие в каком-нибудь заговоре?

Немулэн молчал, устремив на Сан-Режана испытующий взгляд. Он видел, что тот удивлен.

— А если бы и так? — сказал он, внезапно заволновавшись. — Что ж, неужели бы вы стали избегать меня? Какого вы образа мыслей, Леклер? Вы за революцию, которая воплотилась в этом проклятом Бонапарте? Или, быть может, вы желаете принцев?

При этих словах Сан-Режан застыл в бесстрастии. Теперь он мог сказать уверенно: его дорожный товарищ не что иное, как провокатор, который играет с ним опасную игру. Все поведение, выходки и разглагольствования Немулэна теперь стали для него ясны. Он понял, однако, что если его оставит сейчас же, или будет принимать против него меры предосторожности, то он только укрепит в провокаторе подозрения, которых, быть может, у него пока еще нет. Поэтому он ответил с притворным ужасом:

— О чем вы говорите? Какого я образа мыслей? У меня один образ мыслей: заработать побольше денег, перебраться в Париж и поскорее опериться самому. Конечно, революция и происки революционеров мне не по сердцу, так как они тормозят дело. Но когда приходится высказываться за ту или другую партию, тут я очень осторожен. Но, гражданин Немулэн, каким образом вы могли впутаться в политические авантюры? Я убежден теперь, что вы плетете какую-то интригу против правительства.

— Тише! — шепнул Немулэн. — Ну да, я приехал,

чтобы повидаться с роялистами юга. Я начну с Лиона, где у меня есть надежные друзья среди простого народа. С большими господами вроде Поммадеров, Керси, Сан-Оранов мне дело иметь не приходится.

Сан-Режан вздрогнул. Немулэн назвал ему как раз трех главарей роялистов, к которым ему были даны поручения из Парижа.

— Я работаю здесь между ткачами, — продолжал мнимый Немулэн. — Это хороший материал для восстания. Подготавливая его, я рискую своей шкурой. Но я не хотел бы рисковать вашей... если только у вас у самого нет причины.

И он снова посмотрел на Сан-Режана, как бы вызывая его на полную откровенность, но тот сделал вид, что не понимает этого.

— Очень советую вам, — продолжал Сан-Режан, — образумьтесь, пока не поздно. Вы погубите себя! Какие у вас могут быть надежды! Борьба против правительства первого консула, который опирается на свои двадцать побед и всеобщее удивление? Об этом нечего и думать! Лучше продавайте свое вино и не впутывайтесь в другие дела... Никто вас не поблагодарит за вашу самоотверженность. Принцы — народ очень благодарный.

— Нет! Я поклялся умереть за них! Прощайте, Леклер! Я не хочу завлекать вас в мои замыслы. Если вы отсюда не переедете, то я перееду. Я хочу дать вам доказательство своей дружбы и честности.

Несколько минут он продолжал еще говорить на эту тему. Немулэн пустился опять в откровенности, из которых Сан-Режан убедился, что если он знает отдельных роялистов, то организация партии ему неизвестна. Сведения относительно видных роялистских деятелей в Лионе, которыми он располагал, он мог почерпнуть от местной полиции. Видимо, это был человек очень опасный, который вел большую игру. Расстаться с ним сразу значило бы развязать ему руки и дать возможность шпионить без всяких помех. Лучше будет придерживаться прежнего образа действий, играть простака и быть настороже. С таким спутником нужно бояться всего. Сан-Режан всегда носил при себе оружие, а его сила и ловкость служили для него достаточной защитой против внезапного нападения.

Самым аккуратным образом он начал посещать все шелковые фабрики. Поручения, которые ему дал Лер-

бур, были теперь весьма кстати. Они давали ему возможность возвращаться в гостиницу с кучей всяких образцов и рассказывать о впечатлениях, вынесенных за день.

Немулэн, знавший точно, с кем имеет дело, удивлялся его хладнокровию, выдержке и ловкости. Он даже почувствовал к молодому человеку настоящее уважение. Ему было приятно, что он нашел себе достойного партнера. Ему было также неловко, что в этой игре на его стороне столько преимуществ: он видел игру насквозь, но воображал, что Сан-Режан еще не подозревает о том, что он такой в действительности.

Чтобы иметь возможность действовать наверняка, Немулэн по приезде в Лион немедленно дал знать о себе главному полицейскому комиссару. В гостиницу был командирован особый агент, который под видом служителя был всегда к его услугам. Таким образом, Сан-Режан не мог сделать ни одного шага без того, чтобы за ним не следили.

Наступил уже третий день после приезда, но в его поведении не было решительно ничего подозрительного. Он рано вставал и рано ложился.

Но вот однажды вечером он оделся гораздо наряднее, чем обыкновенно. Немулэн, с которым он обедал, был очень удивлен этой переменой. Тогда молодой человек с некоторым смущением объявил, что у него назначено свидание с одной очень красивой купчихой, муж которой был в отсутствии.

— А, злодей! — вскричал его собеседник. — А вы не боитесь каких-нибудь неприятных встреч? Хотите, я буду вас сопровождать? Это далеко отсюда?

— Я не могу вам ничего сказать. Извините. Это очень щекотливый вопрос.

— Правда, правда. Идите, Фоблаз, и наставьте фабриканту рога, которых он заслуживает. А я завалюсь спать и буду ждать с нетерпением завтрашнего дня, когда, надеюсь, вы расскажете мне о ваших приключениях.

Они еще болтали до девяти часов, потом Немулэн отправился по лестнице в свою комнату, а Сан-Режан вышел на площадь Бротто.

Ночь была очень темная. Едва молодой человек успел сделать сотню шагов, как от угла дома отделилась какая-то фигура и, прижимаясь к стенам, приня-

лась за ним следить. Через минуту по его следам шел уже и сам Немулэн, переодевшийся рабочим.

Сан-Режан, действительно, шел к купцу, но, конечно, не ради любовных приключений. В этот вечер должно было состояться собрание роялистских вожаков. Это собрание было организовано с величайшей осторожностью ввиду бдительного надзора, предметом которого был Сан-Режан. Муж дамы, о которой упоминал Сан-Режан, действительно, уехал из Лиона, чтобы сбить с толку полицию, а жена в его отсутствие должна была принять Сан-Режана и его сообщников. Чтобы обмануть полицию, купец согласился рискнуть своей репутацией и прослыть обманутым.

Когда хозяйка дома ввела к себе Сан-Режана, у нее в комнате позади магазина уже сидели в полумраке маркиз де Сант-Оран, граф де Поммадер и кавалер де Керси.

Наскоро поздоровавшись, все четверо обменялись новостями и сообщили друг другу сведения о настроении населения. Видя, что они в курсе всех решений парижского комитета, Сан-Режан просил их быть наготове на случай необходимости поднять восстание в провинции и захватить общественную власть.

— Когда вы услышите, что тиран пал,— сказал он,— вы должны немедленно провозгласить короля и выкинуть белое знамя. Вы, Керси, явитесь к войску в качестве наместника короля. Вот вам поручение. Вы, Поммадер, должны овладеть префектурой. Сан-Оран займет казначейство. Таков приказ.

— Но нельзя ли узнать теперь же, что предполагается произвести? — спросил де Керси.

— Невозможно! До последнего мгновения движение должно совершаться в тайне, и о нем будут знать только те, кто примет в нем участие. Весть упадет, как снег на голову. Будьте наготове и действуйте осторожно. Вам нужно войти в сношение с нашими друзьями в Авиньоне и Марселе. Они должны выступить одновременно с нами.

— Этим займусь я,— сказал Сан-Оран.

— У вас есть средства на необходимые расходы?

— Мы их раздобудем, когда понадобится. Молодцы наши работают на больших дорогах. В данное время они около Дижона и Гренобля. Они грабят казенную почту и загребают казенные денежки. Но все эти деньги идут в Бретань, на уплату солдатам Жоржа.

— Недавно, кажется, остановили господина Сан-Эрмина?

— Да, скверное дело. наших друзей выдали, и они теперь под караулом. Но мы не теряем надежды их освободить. Гильотина устроена не для них.

— Те из нас, которым пришлось взойти на эшафот, облагородили его! — сказал Сан-Режан. — Неважно, если мы сложим свои головы, лишь бы раздавить революцию. Бонапарт сам по себе гораздо опаснее, чем весь конвент. В нем сосредоточена разрушительная сила Дантона, Робеспьера и Марата. Мы с Ги и Жоржем видели его вблизи на аудиенции, которую он нам соизволил дать! Его гложет страшное честолюбие. Чтобы осуществить свою мечту, он готов растоптать все человечество. Если он восторжествует, я предвижу бойню и всеобщее разорение. Кровь потечет ручьями.

— Лучше, чтобы потекла его!

Едва раздалась эти слова, как вбежала хозяйка, перепуганная и почти лишившаяся голоса. Они принялись осыпать ее вопросами. Она объяснила, что все выходы из дома заняты какими-то людьми и что сейчас, без сомнения, сюда явится полиция.

— Не тревожьтесь, — сказал маркиз де Сан-Оран. — Мы выйдем через потайной ход, который выходит в сарай вашего соседа, а оттуда на набережную в ста шагах отсюда. Невероятно, что кто-нибудь стал следить за этим выходом. Он известен только нам одним. Сан-Режан останется с вами и через час выйдет отсюда через дверь лавки.

Быстро пожав руку молодому человеку, трое собеседников бесшумно исчезли через потайной выход и, пройдя до соседнего двора, вышли из сарая и вошли в полутемную пивную лавку, а отсюда, тщательно осмотревшись кругом, незаметно выбрались на улицу. Здесь они расстались и быстро исчезли в темноте.

Оставшись с женой торговца, Сан-Режан старался ее успокоить. Он объяснил ей, что единственная опасность, которой она подвергалась, был бы одновременный арест у нее его самого, Сан-Орана, Керси и Поммадера. Но если даже полиция и явится теперь, то обыск не даст никаких результатов и не навлечет никакой опасности ни на нее, ни на ее мужа. Ее могут только заподозрить в близких отношениях к комиссионеру ее мужа, Леклеру. «Вы так красивы», — галантно прибавил при этом Сан-Режан, что такое объяснение

могло бы показаться весьма правдоподобным. Он взял ее за руку, которая была холодна, как лед, и понял, что она не слушает его и что ее внимание поглощено шумом, доносившимся снаружи.

Таким образом прошел почти целый час. Казалось, страхи бедной женщины не оправдаются. Сан-Оран, Поммадер и Керси, без сомнения, лежали уже у себя в постели, когда Сан-Режан решил наконец выйти. Но те, которые наблюдали на улице, очевидно, также потеряли терпение: в дверь два раза сильно постучали и какой-то голос крикнул:

— Отворите!

— Будьте осторожны! — сказал Сан-Режан. — Теперь-то нам и нужно сыграть каждому свою роль. Вы должны показать вид, будто думаете, что внезапно вернулся ваш муж. Минуту поговорите через дверь, а потом откройте. А я выскочу в окно.

— Вы ушибетесь!

— Нет. Положитесь на меня. Поднимемся в мезонин.

Пока с улицы несли шум и крик, они вошли в спальню дамы. И жена купца громко спросила оттуда:

— Кто там? Это ты, мой друг?

— Да, — смело ответил стучавший.

— Я сейчас сойду. Потерпи минутку. Я совершенно не ожидала, что ты вернешься.

— Догадываюсь, — отвечал стучавший снизу.

Минуту спустя засовы были отодвинуты, дверь открылась и в комнату быстро вошел какой-то человек. Свет лампы, которую держала хозяйка, падал прямо на него.

— Это не муж! — крикнула она и быстро потушила лампу.

В этот момент Сан-Режан, держась руками за решетку балкона, прыгнул на улицу. Только он поднялся, как три человека бросились на него с криком.

— Вот он, вяжите его!

— Нельзя ли потише! — сказал Сан-Режан, нанося ближайшему удар прямо в лицо. Тот крикнул «ах!» и упал. Два других выхватили пистолеты и прицелились в молодого человека. Он стремительно бросился на них, крича:

— Черт возьми! Я не знал, что в Лионе по ночам грабят.

Оба выстрела не попали в него. Он вырвался от

нападающих, нанес одному из них сильный удар ногой в живот и прежде, чем оба успели прийти в себя от неожиданности, Сан-Режан был уже далеко от них.

«Черт возьми! Неужели это штука Немулэна? — спрашивал он себя, продолжая бежать. — Я ему одному сказал, что уйду сегодня вечером. Но ведь он не знал, куда я иду. Положим, он мог идти за мной. Ну, если ты сыграл со мной эту штуку, то я, милый мой, расплачусь с тобой. Неужели он принимал участие в сегодняшней экспедиции? Если это так, то я не найду его дома и его комната будет пуста. Но, может быть, он устроил все это при помощи здешних агентов? Впрочем, мы это скоро увидим».

Вернувшись в гостиницу «Единорог», он вошел прямо в комнату хозяина, взял ключ от своей комнаты и с беспечным видом сказал:

— Прекрасная ночь! А гражданин Немулэн вернулся?

— Что вы! Он уже десятый сон теперь видит!

«Отлично, — подумал про себя Сан-Режан. — Хозяин, очевидно, с ним заодно. Но я хочу посмотреть сам».

— Спокойной ночи, гражданин. У меня просто глаза слипаются.

Поднявшись на второй этаж, он остановился перед дверью Немулэна и постучал. Ответа не было. Он постучал вторично.

— Кто тут? — раздался голос спросонок. — Что надо? Который час?

— Это я, Виктор Леклер. Одиннадцать часов. Мне надо с вами поговорить.

Послышалось какое-то восклицание и топот ног. Потом дверь открылась, и перед Сан-Режаном предстал гражданин Немулэн в одной рубашке, в ночном колпаке, наполовину скрывавшем его лицо, и со свечкой в руках.

— Войдите, сосед. С вами случилось что-нибудь? Вы не обидитесь, если я опять лягу?

С этими словами он поставил свечку на камин, подальше от кровати, так что его лицо оставалось в тени, и, забившись под одеяло, спросил:

— Свидание не состоялось?

— Наоборот! Но вообразите себе, вернулся муж!

— Муж?

— Да. В самый интересный момент это чучело ста-

до стучать в дверь. Жена, конечно, потеряла голову. Она спустилась вниз, а я тем временем успел одеться.

— Как, вы уж были в постели?

— Представьте себе! Только я приготовился спуститься с балкона, как муж вошел в лавку. Я приноровился, спрыгнул на улицу и хотел было пуститься бежать, как вдруг на меня бросились три человека, которых расставил на улице муж.

— Ловушка, стало быть?

— Похоже на то! К счастью, мне удалось вырваться из когтей этих разбойников. Они стреляли в меня два раза.

— И вы ответили тем же?

— Вовсе нет! Мне не хотелось привлекать внимание полиции, которая забрала бы меня и этих разбойников. Я отбилсЯ ударами кулака, вот и все. Что вы на это скажете?

— Черт возьми! А вы уверены, что это действительно был муж?

— А кто же, как не он?

— А если это была полиция?

— Полиция? Да зачем же она здесь? Какое ей дело до меня?

— Вы помните, что я вам сказал вчера. Уж не являетесь ли вы в данном случае жертвой нашей дружбы? Нужно отсюда убираться завтра же утром. Мы, очевидно, не можем рассчитывать здесь на безопасность. Вам уже устроили ловушку. Муж, если только это был он, действовал, очевидно, в согласии с полицейским комиссаром. Бежим, Леклер, пока еще не поздно!

— Черт возьми! Бегите сами, Немулэн, если вам это нравится. Мне нечего бояться. Я еще не кончил всех своих дел и останусь здесь. Если вы беспокоитесь, то уезжайте.

— Да, я уеду, завтра же утром уеду. Прощайте, друг мой, будьте уверены, что я вас не забуду. Когда вернетесь в Париж и, может быть, захотите повидаться со мной, то всегда найдете меня в пять часов в ресторане «Турецкий диван».

— До свидания. Желаю вам счастливого пути.

Они пожали друг другу руки. Сан-Режан отправился в свою комнату, быстро улегся и заснул. Он обладал неустрашимым сердцем и относился ко всему со свойственной молодости беззаботностью.

А в это время Немулэн, облокотившись на изголовье, думал:

«Этот человек очень силен и ловок, и нам нелегко будет управиться с ним. Я готов даже усомниться в том, действительно ли он приехал сюда с целью заговора, или же просто по своим делам. У меня нет никаких указаний, никаких доказательств. Нет никаких оснований утверждать, что он виновен. Но зато против него есть предположения, и еще какие! Он носит чужое имя, причастен к партии принцев и вместе с Ги и Жоржем был их посланцем к первому консулу. Почему он называет себя Виктором Леклером? Не замешана ли тут любовь? Может быть, все это он делает только для того, чтобы снискать доверие Лербура, чтобы иметь возможность у него на глазах поддерживать связь с его женой? В обычное время это было бы вполне вероятно, но теперь, когда настало царство интриг и заговоров, этого не может быть. Сан-Режан, очевидно, участвует в заговоре и явился сюда для того, чтобы сговориться с вожаками роялистов на юге. Поэтому мне нужно отдалиться от него. Он мне, очевидно, не доверяет. Рассказ о своей неудаче, с которым он явился ко мне, конечно, рассчитан на то, чтобы отвести мне глаза. А, может быть, он не прочь был бы узнать, не принимал ли я сам участие в этой экспедиции. Этот молодой человек наделен всеми качествами вождя заговорщиков. Он не теряет головы. И не вернись я из предосторожности пораньше, он накрыл бы меня, так сказать, на месте преступления. С таким блестящим противником приятно сыграть партию. Ну, а теперь будем спать!»

Он запер дверь, улегся опять в постель и потушил свечку. В шесть часов утра, расплатившись по счету, он уже уехал из гостиницы «Единорог». Но, выехав из гостиницы утром в качестве проезжего, он в тот же вечер вернулся в нее обратно в качестве слуги. Как раз кстати хозяин поссорился с одним из служителей, который и был уволен, а на его место взят другой — неуклюжий нормандец с тяжелой походкой и медленной речью, которому было поручено убирать комнаты.

С этого дня Сан-Режан и новый служитель, которого звали Ипполитом, постоянно сталкивались. Не доверяя никому столько же по принципу, сколько в силу необходимости, молодой человек украдкой наблюдал за новым слугой, который тщательно, но неторопливо

мел пол в коридоре. То был грузный малый с копной белокурых волос на голове, с загнившими от сидра зубами. В ушах у него росли волосы.

Сан-Режан пробовал заговаривать с ним, но он давал на чистейшем нормандском диалекте весьма уклончивые ответы. Он казался довольно дурашливым и, во всяком случае, был так непохож на Немулэна, что невозможно было и предположить, что это одно и то же лицо. Новый слуга был вершка на четыре выше Немулэна, и голос у него был совсем другой.

Впрочем, Сан-Режан решил заниматься только торговыми делами и, чувствуя себя безопаснее, чем когда-либо, принялся в качестве Виктора Леклера бегать по фабрикам и магазинам и набирать образцов, которыми скоро завалил всю свою комнату.

Он написал Лербуру письмо, которое сам передал Ипполиту с просьбой снести его на почту. Несмотря на приложенную сургучную печать, письмо было, конечно, вскрыто этим верным служителем и оказалось совершенно невинного содержания. Леклер хвалился некоторыми выгодными закупками, которые ему удалось сделать, сообщал о том, что шелковая промышленность мало-помалу начинает опять оживать, и писал, что на следующей неделе он вернется в Париж. Если б только Ипполит мог освободиться от данного ему поручения, не вызывая подозрений Сан-Режана, он давно бы был уже в Париже. Он чувствовал себя бесполезным в Лионе, где за Сан-Режаном могли в достаточной мере наблюдать и местные агенты. Но чувство долга взяло в нем верх, и он продолжал скучать под личиной Ипполита с его рыжеватым париком и в башмаках с каблуками в четверть аршина.

Он обыкновенно проводил свое время в мечтах о том, как захватит Сан-Режана на месте преступления. Но для того, чтобы выследить его, приходилось дожидаться, пока тот вернется в Париж. Он был непоколебимо убежден, что бретонец исподтишка ведет политическую интригу, и его охватывала холодная ярость при мысли о том, что, несмотря на все средства, которыми он располагает, несмотря на то, что личность противника и его сообщники ему отлично известны, этот противник все-таки остается неразгаданным. От этого страдало его профессиональное самолюбие. Ведь с самой первой их встречи в гостинице «Черный конь», едва вступив в пределы Франции, Сан-Режан, словно

шутя, не переставал дразнить ищейку, который шел по его следам.

Невольно Браконно задавал сам себе вопрос, какие сведения он может сообщить Фуше, когда, приехав в Париж, явится к своему начальнику. Он знал, что тот отличается грубостью, что он эгоист, от которого нечего ждать снисходительности, что он способен без всякого сожаления пожертвовать агентом, которому не удалось исполнить его поручения. А пожертвовать агентом в данном случае значило на всю жизнь бросить его в самые низины жизни или же подставить его под выстрел во время какого-нибудь обыска. С сыщиками не церемонились, о них не беспокоились и их не искали. Это был социальный сор, исчезновение которого решительно никого не беспокоило.

Работа его подходила уже к концу, так как Леклер писал о скором возвращении, и Браконно возымел надежду, что какой-нибудь счастливый случай разом вознаградит его за все неудачи.

На имя Сан-Режана пришло письмо. Вскрыв его, Ипполит увидел, что оно было от Лербура. Торговец рассыпался в советах и указаниях, давал новые поручения и уверял в своей дружбе. Все это не имело никакого значения, но внизу письма стояло несколько строк, написанных мелким красивым почерком. Очевидно, письмо было передано Эмилии для того, чтобы его запечатать. В этих-то строках оказалась ценная находка.

С неподдельной радостью сыщик прочел следующее: «Я не перестаю думать о вас со времени вашего ответа. К этому меня принуждает мой муж, который только и говорит, что о вашей поездке и о тех результатах, которых он от нее ожидает. Меня же больше всего интересует ваше возвращение. Не откладывайте его слишком долго, если хоть что-нибудь чувствуете к вашей Эмилии».

— Ага! — воскликнул мнимый Ипполит.— Вот слабое место нашего молодца. Он любит и любим. Аксиома такая: влюбленный заговорщик равен погибшему человеку. Теперь я буду держать его в руках при помощи прекрасной мадам Лербур. Если только еще я не стал глупцом, мой патрон будет получать новости, как только состоится это столь желаемое возвращение.

И, подогрев сургуч, он снова запечатал письмо и,

положив его на стол в комнате Сан-Режана, отправился по своим делам.

Два дня спустя гражданин Леклер взял себе место в дилижансе, отходившем в Сен-Этьенн, уложил свои вещи и приказал Ипполиту отвезти их на тележке к конторе омнибусов, за что наградил его монетой в двадцать су. Расплатившись затем с хозяином, Сан-Режан весело покинул гостиницу «Единорог» и прекрасный город Лион.

Ипполит, после его отъезда снова превратившийся в Браконно, решил на отчаянное средство. Быстрым шагом направился он к дому маркиза де Поммадер и попросил принять его. Его пригласили в зал, отделанный старинным дубом, где хозяин имел обыкновенные принимать тех, кто желает его видеть. Браконно принялся осматривать фамильные портреты.

Из созерцания его вывел маркиз, изумленный этим визитом. Обернувшись на его покашливания, посетитель отвесил ему низкий поклон с видом глубокого уважения.

— Позвольте вам представиться, господин маркиз. Меня послал к вам Виктор Леклер.

Де Поммадер поднял глаза к потолку, как бы стараясь что-то припомнить.

— Виктор Леклер? — удивленно спросил он. — Не знаю такого. Кто это такой?

— Может быть, господин маркиз скорее вспомнит, если я скажу, что Виктор Леклер это Сан-Режан?

— Сан-Режан? Позвольте. Это Сан-Режан из Бретани? Старинный дворянский род. Но и Виктора Леклера и Сан-Режана я совершенно не знаю. Где он?

— Он был на этих днях в Лионе и поручил мне передать вам, господин маркиз, что он очень сожалеет о том, что должен был уехать из города, не повидавшись еще раз с вами. Виной этому приключение в тот вечер...

— Милостивый государь, — возразил маркиз, — все, что вы мне рассказываете, какая-то абракадабра для меня. Я ничего не понимаю. Я ничего не знаю ни о приключении, о котором вы упомянули, ни о его герое. Вы уверены, что кто-нибудь не сыграл с вами шутку?

— Уверен.

— В таком случае, может быть, вам самому вздумалось позабавиться на мой счет?

— Я этого никогда не посмел бы, господин маркиз!

— Советую вам этого и не делать, ибо не в моем характере терпеть подобные вещи.

С этими словами маркиз, выпрямившись и пристально глядя на Браконно, двинулся на него с таким грозным видом, что агент Фуше поспешил ретироваться. В передней он заметил лакея шести футов ростом. Такие старые служаки, когда обращаются к их преданности, бывают очень грубы с посторонними.

— Господин маркиз,— стал извиняться Браконно,— мне очень прискорбно, что я доставил вам неприятность. Поверьте, что я очень чту...

— До свидания! И если вы встретите этого Леклера, то пришлите его ко мне: я его отделаю!

И он быстро захлопнул дверь за Браконно.

«Вот смелые люди,— размышлял дорогой обескураженный сыщик.— Тут так и бьет в нос заговором. Ну-с, установим наблюдение за этим очагом реакции, а сами возвратимся поскорее в Париж. Мой патрон сумеет заставить маркиза снять свою личину!»

Он вернулся к себе в гостиницу, а на другой день уже ехал в Шалон.

IX

Виктор Леклер, держа в руках образцы, рассказывал Лербуру о своей поездке в его кабинете при магазине «Bonnetbleu». Эмилия сидела тут же на турецком диване, слегка откинувшись на мягкие бархатные подушки. Полузакрыв глаза, как будто деловые разговоры обоих собеседников действовали на нее усыпляюще, она из-под полуопущенных век глядела на молодого человека, которого любила. Ей не было ни малейшей надобности стесняться. Ее муж сидел около своей конторки спиной к ней. Виктор Леклер, стоя около камина, беспрестанно заглядывал в лист, испещренный записями и цифрами. Он как будто занимался только Лербуром, а между тем его взгляд был устремлен на Эмилию. Он приехал только накануне и явился к Лербуру сюрпризом. С самого утра он говорил только о разных шелковых изделиях, не переставая бросать на Эмилию пламенные взгляды.

— Да вы драгоценный человек,— сказал хозяин.— Закупки, которые вы сделали для меня, чрезвычайно

выгодны. У вас столько же вкуса, сколько ловкости. Просто прелесть, что вы закупили украшения для мундиров. Генерал Мюрат все жалуется на бедность кавалерийской формы. Теперь он подпрыгнет от радости. Знаете, Леклер, вы заработали хорошие деньги на этих поручениях.

Тень легла на лицо молодого человека. Ему, видимо, было крайне неприятно брать деньги от мужа Эмилии.

— Мы сочтемся с вами потом, гражданин Лербур,— сказал он.— Надеюсь, это для вас безразлично. У меня теперь денег довольно. Так как я веду кочующий образ жизни, то даже не знаю, куда мне девать то, что вы хотите мне теперь дать.

— Пусть будет по вашему, мой друг, но расчет дружбы не портит. Я рассчитаю, сколько вам придется за комиссию, и вся сумма будет храниться у меня до вашего востребования.

— Великолепно! Я собираюсь опять уехать на несколько недель. Мы сосчитаемся, когда я вернусь.

— Как? Вы собираетесь уезжать? — спросила мадам Лербур.

— Да, гражданка, — ответил Леклер.— Это мое занятие — кататься по всем дорогам Франции. Только приехал с юга, поезжай на север. Теперь мне придется съездить во Фландрию за кружевами.

— И долго вы будете отсутствовать?

— Не могу вам точно сказать... Из Фландрии, может быть, проеду в Кельн и Майнц. Вследствие войны Германия давно была закрыта для нас, а там, наверное, можно делать дела.

— Как вы энергичны! — со вздохом промолвила Эмилиа.

— Он прав! В его годы молодой человек должен работать как следует. Он составит себе состояние, и мы женим его на какой-нибудь хорошенькой девице, которая принесет ему в приданое благоустроенный дом. У меня есть знакомые, которые непрочь бы иметь зятя такого славного характера и красивой наружности, как Леклер.

— Что ты вмешиваешься не в свое дело? — заметила его жена изменившимся голосом.— Тебе нужно было бы сначала расспросить гражданина Леклера, что он сам намерен делать, а ты хочешь располагать им по-своему.

— Да я вовсе не думаю еще жениться! — смеясь, сказал молодой человек. — У меня нет для этого времени.

— А, может быть, завелась какая-нибудь любовишка, которая мешает вам это сделать?

— Да ведь я вечно в разъездах! Каким же образом я мог бы привязаться к кому-нибудь? Нет, гражданин Лербур, я свободен, как воздух, и женщина, которой я скажу: я вас люблю, — может этому вполне поверить.

При этом ясном намеке Эмилия улыбнулась и спрятала свое вспыхнувшее лицо. Лербур, по-прежнему занятый только своими коммерческими соображениями, собрал образцы, разбросанные на столе и стульях, и, повернувшись к молодому человеку, сказал:

— Скажите, Леклер, вы можете подождать четверть часа? Я хочу сделать список моих заказов и передать его вам. Было бы хорошо, если бы вы отправили письмо в Лион сегодня же.

— Хорошо. Я пошлю письмо и подожду здесь, пока вы не кончите.

— Моя жена составит вам компанию, — прибавил Лербур с видом такой добродушной доверчивости, что Эмилия не могла удержаться от улыбки.

Сан-Режан и бровью не повел, Лербур тяжелыми шагами уже спускался по витой лестнице, которая вела в магазин. Едва он скрылся из глаз, Сан-Режан бросился к Эмилии и, став перед ней на колени, взял ее руку и с жаром поцеловал.

Полулежа на оттоманке, молодая женщина с чувством тайного удовлетворения смотрела на молодого человека, склонившегося у ее ног и не выпускавшего ее руки. Наконец она вздохнула и стала ласкать кончиками своих тонких пальцев щеку, уши и волосы того, кого любила.

— Будьте благоразумны! — произнесла она, поднимаясь. — Я не отнимала у вас руки, чтобы вознаградить вас за долгую разлуку, но ничем не следует злоупотреблять.

— Эмилия! Вы жестоки, — сказал Сан-Режан, вставая. — Ваш муж великодушнее вас: он хочет заплатить мне за мои труды.

Она не ответила на этот упрек и, глядя на молодого человека, сказала с беспокойством, которого и не старалась скрыть:

— Это правда, что вы опять уезжаете?

— Нет, нет! Я остаюсь здесь. Но ваш муж не должен меня видеть в течение некоторого времени. Если он будет знать, что я в Париже, то будет удивляться, почему я не являюсь к вам. Необходимо, чтобы он был уверен, будто я уехал.

— А как же я увижусь с вами?

— Это зависит от вас.

— Каким образом?

— С будущей недели я буду жить в очень укромном уголке, где мне нечего бояться нескромностей и шпионства. Вы можете прийти туда.

Эмилия с ужасом махнула рукой.

— Неужели вы этого хотите?

Он улыбнулся и тихо сказал:

— Я только и мечтаю об этом. Со времени моего отъезда из Лиона я только и жду того часа, когда можно будет остаться с вами вдвоем.

— Позвольте, час, которого вы так страстно ждали, теперь наступил для вас.

— Да, но сколько стеснений! За нами следит весь персонал ваших служащих, которые не дальше соседней комнаты и которые могут ежеминутно нас захватить врасплох. Наконец, ваш муж ушел не более, как на четверть часа, и его отделяет от нас только один этаж. Нет, Эмилия, не в такой обстановке мечтал я вас увидеть вновь. Эта холодная встреча, когда я едва могу обнаружить свою нежность, не тот час, за который я готов рискнуть своей жизнью.

— Замолчите,— сказала Эмилия, закрывая ему рот своей белой ручкой.— Вы в бреду!

— Да, я брежу, когда думаю о вас. Да и как мне быть спокойным, когда я говорю с вами? Я принадлежу вам всецело, а вы остаетесь холодны, как лед, около меня.

— Вы так думаете? — не без кокетства возразила она.— Какого же приема вы ждете от меня? Неужели вы воображаете, что я брошусь вам на шею? За кого же вы меня принимаете?

— Эмилия, я не могу больше выносить этого, если вы не будете принадлежать мне всецело. Не заставляйте меня страдать, если вы меня любите. Мне, может быть, остается жить около вас всего несколько часов. Не отнимайте же у меня счастья?

— Что вы этим хотите сказать? — спросила молодая женщина, бледнея.— Боже мой! Я так и знала, что

вы опять пустились в какую-нибудь опасную авантюру. Вы утверждаете, что любите меня, а между тем ваши заботы направлены на что-то другое: вы все занимаетесь вашей ужасной политикой. Неужели я должна уступить место этой сопернице? Нет, сударь, вы не добьетесь ничего от меня также, как и я не могла добиться от вас обещания не рисковать своей жизнью в какой-нибудь преступной затее!

— Неужели бретонка может говорить таким образом? Да притом еще роялистка! Неужели вы забыли доблесть ваших родных? Все ваши умерли за то, во что они верили, а вы хотите, чтобы я отказался от их дела? Но вы должны любить меня уже за одно то, что я хочу отомстить за них.

— Но вы затеваете безумную борьбу! Борьба с Бонапартом! Но ведь это значило бы бороться с судьбой. Разве вы не видите, что сам бог войны руководит этим человеком! Он уничтожит вас, как уничтожил всех, кто осмеливался нападать на него.

— Так как он силен, то нужно, следовательно, гнуть перед ним спину? Не вечно же ему будет везти. Это чудовище следует уничтожить, пока еще он не успел истребить все человечество!

Он провел рукой по своему побледневшему лбу и, тряхнув головой, сказал с улыбкой:

— Какая нелепость! Нам остается только несколько секунд, чтобы перемолвиться несколькими словами о своей любви, а мы тратим их на разговоры об этом корсиканце. Я мог бы упрекнуть вас, Эмилия, в том...

— Садитесь около меня.

Он сел рядом на оттоманку. Они были так близко друг к другу, что тонкие духи, которыми было надушено платье Эмилии, покрыли Сан-Режана, как облаком. Тихонько он обнял ее рукой за тонкую талию и быстро стал целовать.

— Ты придешь? — трепещущим голосом спросил Сан-Режан.

Она не отвечала, но по глазам видно было, что она согласна.

— Мы можем укрыться у одной модистки, которая живет на улице Дракона. Ее квартира так устроена, что для нас нет никакой опасности. Я дам вам точный адрес и сообщу пароль. Я перееду туда через три дня. Для вида мне нужно будет исчезнуть из Парижа, но я вернусь обратно переодетым и неузнаваемым.

— Как я боюсь всего этого! Но как же я могу прийти к вам? Меня узнают, за мной будут следить и таким образом откроют и вас!

— Все будет тщательно подготовлено заранее! Вы не подвергнетесь никакой опасности, положитесь на меня.

Лестница загудела от тяжелых шагов Лербура, и они быстро отскочили друг от друга. Лербур появился с листом в руке.

— Вот список вещей, которые мне нужны, и цены. Смотрите, не потеряйте.

Сан-Режан, не посмотрев, сложил бумажку и сунул ее в свой внутренний карман. Взяв шляпу и палку, которые он при входе положил на стол, он поклонился мадам Лербур и сказал:

— Извините, гражданка. Я должен вас покинуть. У меня сегодня еще много дел, а завтра я уже опять двинусь в путь. Обещаю прислать гражданину Лербуру кружева, если только найду достойные вас, и прошу его поднести вам их от меня.

— Ну, Леклер, без глупостей! — с добродушным ворчанием заметил Лербур. — Молодой человек должен быть экономным. Не забудьте, пожалуйста, относительно фризских сукон. Это вещь солидная. А в особенности пишите нам о себе.

— Это не так легко. Впрочем, я постараюсь, чтобы сделать вам удовольствие.

Поклонившись еще раз Эмилии, он вместе с Лербуром спустился в магазин.

Там уже сидел старинный покупатель Германсии и Зои, рассматривая галстуки и перчатки и обмениваясь с продавщицами старомодными любезностями.

Сан-Режан прошел мимо него, разговаривая с Лербуром:

— Не рассчитывайте получить от меня письмо из Германии раньше, как через две недели. Я вернусь через Страсбург и Эльзас. Если вам нужна будет бутылка-другая киршвассеру, то я могу вам их прислать.

— Великолепно! Мы разопьем их вместе! До свидания!

Они пожали друг другу руки, и Сан-Режан спокойно направился по улице Сент-Оноре. Дойдя до улицы Сухого дерева, он вошел в гостиницу «Красный лев», где отважно остановился, вернувшись в Париж.

Браконно был так сбит с толку этим отсутствием предосторожностей, что на него напало даже сомнение, и он стал себя спрашивать, уж не отказался ли действительно молодой человек от своих планов, решив наслаждаться любовью прекрасной Эмилии вместо того, чтобы злоумышлять против первого консула.

Но затем, подумав хорошенько, он сказал себе, что эта видимая невинность не что иное, как самая тонкая хитрость. После этого он с большим вниманием принялся следить за мнимым Виктором Леклером. Фуше, которому он доложил о своих похождениях, по-видимому, был не совсем доволен его образом действий относительно маркиза де Поммадера.

— Вы надаете мне неприятностей во дворце,— сказал он.— Бонапарт больше чем когда-либо ухаживает теперь за знатью. Дня не проходит, чтобы она не вернула какого-нибудь знатного эмигранта, который возвращается во Францию для того, чтобы усилить брожение, вести интриги и фрондировать против правительства. Сен-Жерменское предместье появилось опять: вернулись Монморанси, Нарбонны, Мортмары... Уверяю вас, что если бы сам граф д'Артуа попросил разрешения вернуться под тем предлогом, что он не является наследником престола, то ему немедленно вернули бы его Багателль и просили бы не стесняться и завести там свой собственный двор... Этот Поммадер, конечно, будет жаловаться, и Бонапарт грубо объявит, что мне лучше заниматься филладельфами и происками генерала Моро, чем аристократами.

— Но, гражданин министр, генерал Моро, хотя и не принимает участие в заговорах, однако в сильной оппозиции к правительству консулов. У него есть партия в сенате. Да и половина армии ему предана.

— Ну, разве это повод для того, чтобы подозревать его в заговоре против правительства! Человек, столь доблестный, как он... Но он просто бельмо в глазу первого консула.

— И особенно Жозефины...

— Черт бы их всех побрал! И с мужчинами-то трудно управляться, но если ввяжутся женщины!

— В ваши намерения, я полагаю, не входит, чтобы я прекратил свои наблюдения за Сан-Режаном?

— Конечно, не входит! Это агент Жоржа в Париже. Это правая рука шуанов в данное время. Сан-Виктор уехал в Англию... ну, и пусть он там остается. Это

тоже очень опасный человек. Но не спускайте глаз с Сан-Режана и его друзей.

— А как насчет Лербура?

Фуше перелистал дело, лежавшее перед ним на столе.

— Нет, Лербура оставьте в покое. Это простака, который думает только о своих торговых делах. Но есть еще некий Лимозлан, которого не раз видали с Сан-Режаном и о котором я имею некоторые сведения. Он, по-видимому, исчез из Парижа. Его нужно разыскать. Его последнее имя было Бюскапль.

— Хорошо, я справлюсь на почте и предупрежу насчет него черный кабинет.

— Ах, вот еще что. Хорошо, что вспомнил. Вы зайдете в № 113 Пале-Рояля и предупредите Лекюйе, что если у него еще раз повторится такой скандал, как вчера, то я прикажу закрыть его заведение. Шайка мошенников потушила люстры в зале, где играли в фараон, и в темноте отобрала деньги банка и игроков. До денег банка мне дела нет, но деньги игроков должны быть в безопасности. Эти люди пришли в Пале-Рояль для того, чтобы играть, а вовсе не для того, чтобы быть ограбленными.

— Но Лекюйе возместил все... даже в большей мере, чем было взято грабителями.

— Это так. Но нельзя мириться с тем, что для игроков есть опасность.

— Гражданин министр, в двадцать четыре часа я могу арестовать людей, которые выкинули эту штуку.

— Вам они известны?

— Их пять. Двое погасили люстры. Это некие Сержан и Вильпуа, оба они из полиции Тюильрийского дворца. Трое других профессиональные игроки, проигравшиеся в настоящее время. Это кавалер де ля Руллер и некие Лебук и де Фори. Не следует ли отправить их в тюрьму?

Глаза Фуше совсем ушли под красные, мигающие веки. Тонкая улыбка скользнула по его губам.

— Трех последних оставьте в покое. Но сцапайте двух первых, которые составляют специальную полицию первого консула, и пришлите мне рапорт.

— Все будет исполнено сегодня же вечером.

Фуше выдвинул ящик, достал оттуда горсть золота и, подавая Браконно, сказал:

— Вот вам на расходы.

Он отпустил его кивком головы и погрузился опять в свои дела.

Сан-Режан вернулся в гостиницу «Красный лев» только для того, чтобы удовлетворить любопытство полицейских, которые — он это чувствовал — окружали его со всех сторон. В ожидании момента, когда можно будет воспользоваться удачным случаем для того, чтобы переменить свое жилище, он все время сидел в своей комнате. Лежа на диване, он весь уходил в мечты. О чем он мечтал? Отчасти о страшном деле, которое ему предстояло исполнить, но главным образом об Эмилии, поцелуи которой еще горели на его губах. Он любил впервые в жизни и любил очень страстно.

В полузабытьи он видел молодую женщину, сидевшую на оттоманке, и нежно улыбался ей. Она любила его больше, чем он мог требовать, и ее взгляд говорил больше, чем слова.

Как в смутном сне показался ему образ Эмилии, которая улыбалась, словно желая его ободрить. Вдруг в его воображении предстал тяжелый силуэт Жоржа. С карабином на плече он вел свои отряды в атаку против летучих колонн, которыми была усеяна Бретань. То были последние борцы против революции, после смерти которых дело короля погибнет окончательно. Преследуемые по пятам, встречая всюду измену, почти не имея оружия, они сражались один против ста, ведя партизанскую войну, устраивая засады на опушках леса, словно разбойники.

И этих-то последних бойцов он готовится оставить! Нет, нет! Это невозможно! Он сразу пришел в себя и, устыдившись малодушия, которому позволил увлечь себя в мечтах, решил отдать на службу соратникам все свое мужество и преданность.

В эту минуту кто-то постучал три раза в дверь, делая условные промежутки. Сан-Режан открыл дверь. Перед ним стоял Лимоэлан, переодетый рабочим. Лицо его было выпачкано известкой.

Он вошел в комнату, опустился на стул и, увидев на камине стакан с водой, дотянулся до него рукой и залпом выпил.

— Ух! Вот славно! Минуту назад, чтобы не выдать себя, я был принужден выпить с товарищами вина, которое обожгло мне горло. Ну, друг мой, вы вернулись? Как наши дела?

— Нам предстоит исполнить наш замысел. Час настал.

— Ну, тогда нечего сомневаться. Вам нужно переехать из этой гостиницы. Через некоторое время вы должны исчезнуть отсюда.

— Но я не могу показаться на улице. За мной сейчас же вырастает сыщик.

— Я втерся в число рабочих, которые покрывают черепицей крышу гостиницы, и таким образом имею возможность входить сюда и выходить обратно. Я пил с агентами Фуше. Они засели в кофейне, которая находится на углу этой улицы.

— Отлично. Мы сделаем вот что. Принесите мне завтра, около этого же времени, рабочее платье, совершенно такое же, какое носят ваши товарищи. Я его надену сверх своего. Вы дадите мне также колпак, который поможет мне скрыть лицо, и ящик с известью. Таким образом, я могу выйти отсюда совершенно спокойно и больше сюда не вернусь.

— Вы отправитесь прямо на улицу Дракона к модистке Грандо, которая примет вас, как только вы скажете два слова: «Прованс и Артуа». Но знаете что? Зачем нам ждать до завтра? Отправляйтесь сейчас же. Мы с вами одинакового роста. Я дам вам панталоны, куртку и колпак. Ящик с известкой в двух шагах отсюда. Замажете себе лицо, чтобы вас могли принять за меня, и...

— А как же вы?

— Я займу ваше место и переоденусь Сан-Режаном. Я выйду первым, чтобы увлечь за собой свору ищеек. А вы, пользуясь этим, выйдете без всякой опасности и отправитесь, куда нужно. Через час будет уже совершенно темно. Вы спуститесь к берегу Сены и пойдете по Новому мосту. Ящик и одежду вы можете бросить в реку и, превратившись опять в гражданина Леклера, спокойно доберетесь до нашего убежища на улице Дракона. Завтра мы с вами там увидимся. Ну, идет?

— Вот действительно прекрасный случай! Надо им воспользоваться.

Они обменялись костюмами. Сан-Режан натянул сверх своего платья блузу и панталоны Лимоэлана и надел на ноги его грубые, грязные башмаки. Свои ботинки он положил в карман, а складную шляпу скрыл под жилетом. Затем одним движением руки он

всклопочил себе волосы и мазнул лицо свежей известью. Выйдя в коридор, он выскочил через окно на подмости и взвалил на плечи дюжину пустых мешков, поставив при этом на голову ящик с известью. По лесенке он спустился на улицу, остановился около тележки с материалами и, бросив свои мешки и ящик, с усталым видом присел на нее, потягиваясь с таким видом, как будто хотел немного отдохнуть. Потом вдруг вскочил, будто что-то вспомнив, и сделал шагов двадцать по направлению к набережной. Там он остановился и осмотрелся: погони не было. Успокоенный, он сейчас же тронулся в дальнейший путь и скоро исчез из виду.

А в это время полицейские агенты, увлекшись игрой в карты, не следили даже за Лимоэланом, так что оба сообщника без всяких помех удалились каждый в свою сторону.

На Новом мосту Сан-Режан связал в узел свое рабочее платье и понес его с собой, рассчитывая, что оно может еще пригодиться. Дойдя до улицы Дракона, он остановился и стал рассматривать дом под № 35. Он был в два этажа. В нижнем этаже на окнах виднелись аптекарские склянки, на втором висела вывеска: «*Виргиния Грандо. Моды и наряды*». Еще выше были мансарды. Распашные ворота, запиравшиеся и на день на засов, вели в полутемный, довольно вонючий двор. Сан-Режан толкнул ворота. Раздался звонок, на который, однако, никто не вышел. Он вошел во двор, нашел ощупью узкую лестницу, слабо освещенную светом, падавшим сверху на первые ступеньки. Медленно поднявшись на второй этаж, он остановился около коричневой двери, на которой было написано тоже, что и на вывеске: «*Виргиния Грандо. Моды и платья*», и позвонил.

За дверьми послышались медленные шаги. Наконец дверь отворилась, и показалась женщина в чепце и синем переднике.

— Что угодно гражданину? — спросила она с удивленным видом.

— Я желал бы видеть гражданку Грандо.

— Насчет шляпы?

— Да, — отвечал с улыбкой Сан-Режан, — насчет шляпы.

Старуха пробормотала несколько невнятных слов, заперла за Сан-Режаном дверь и ввела его в небольшую

комнату, которая была заставлена столами с красовавшимися на них моделями.

Через минуту вошла худая и бледная женщина лет тридцати и чрезвычайно внимательно посмотрела на Сан-Режана.

— Имею честь говорить с гражданкой Грандо? — спросил молодой человек.

— Да, гражданин.

— В таком случае мне поручено сказать вам: Прованс и Артуа.

При этих словах выражение лица модистки переменялось и потеряло свою замкнутость.

— А, так это вас я ожидаю уже целую неделю. Очень хорошо, что вы пришли поздно вечером. Мои мастерицы уже разошлись и не будут знать о вашем присутствии. Что же касается старухи Матюрэн, то вы вполне можете положиться на ее преданность. Я вас сейчас познакомлю. Матюрэн, пойди сюда.

Старуха появилась снова. Она сделала гримасу и сказала, ворча себе под нос:

— Что ж вы будете делать шляпу этому господину, что ли?

— Мы должны его скрыть.

— Это, значит, один из наших господ?

— Да, Матюрэн. Его прислал к нам Жорж.

— В таком случае, добро пожаловать, — почтительно сказала старуха. — Но для того, чтобы наши мастерицы ничего не проведали, господин должен согласиться сидеть целый день в тайнике, где был епископ.

— О, обо мне не беспокойтесь, — сказал Сан-Режан. — Я привык прятаться. Наконец, на войне все приходилось терпеть.

— Вам не придется терпеть лишения, — возразила Виргиния. — Нужно будет только оставаться взаперти целый день. Пойдемте, я покажу вам ваше убежище.

С этими словами содержательница модной мастерской направилась по коридору в кухню. Там она открыла стенной шкаф, на полках которого красовались посуда и провизия: кофе, сахар, мука. Около одной полки она надавила пальцем на стену. Послышался скрип, и задняя часть шкафа перевернулась. За ним открылся вход в потайную комнату футов шести в длину и девяти в ширину. Там стояла кровать, шкаф, стол и два кресла. Свет проникал через узкое оконце, выходящее на внутренний дворик, откуда казалось, будто

оно выходит в кухню. Только глаз опытного архитектора мог бы заметить, что оно пробито в самой толстой части стены. Самый тайник находился не в квартире Грандо, а представлял собою выступ, захватывающий часть соседнего дома. Это хитроумное приспособление, которое можно было устроить только благодаря тому, что оба дома принадлежали одному хозяину, сослужило роялистам хорошую службу во время террора. Первым жил здесь монсиньор де Карбоньер. С этого времени тайник и стал называться «тайником епископа». Впоследствии он видел в своих стенах немало лиц, приговоренных к изгнанию, и ни разу не навлек на квартиру каких-либо подозрений.

— У вас тут будут книги и бумага. Словом, будет чем развлекаться. Не следует только с шумом ходить. Хотя стена достаточна толста, но все-таки соседи могут, пожалуй, услышать. Моей кухни вам бояться нечего. Вы будете запираетесь здесь на день, а ночью, если вам нужно, можете выходить.

— И если кто-нибудь ко мне придет...

— Тогда пусть скажет мне пароль, и я все устрою, что нужно.

— Могу я уведомить одно лицо, что я в полной безопасности?

— Матюрэн или я отнесем письмо, если вы позволите.

— Не знаю, как вас и благодарить!

Сан-Режан пустился благодарить модистку с таким жаром, что та даже рассмеялась.

— Ах, вы повеса, — сказала она, грозя ему пальцем. — Уж, конечно, не мужчину вы спешите предупредить. А вы еще хотите, чтобы мы вас укрывали!

— Из-за этой особы не может быть ни малейшей опасности! — с живостью вскричал Сан-Режан. — Она скорее погибнет, чем навлечет на нас подозрение. Наконец, разве она не может прийти в модную мастерскую? Да и вы сами разве не можете отправиться к ней купить у нее лент, шелковых материй и бархата?

Виргиния Грандо стала опять серьезной и твердо сказала:

— Хорошо, на одно свидание я согласна. Но не на два, прошу вас. Мы не должны приносить в жертву нашим прихотям интересы партии. Я уже оказала большие услуги нашим друзьям и хотела бы оказывать их и в будущем. А для этого единственное средство не

выдавать существования нашего тайника и не подводить под арест ни себя, ни меня. Итак, вы должны сообразоваться с нашими советами, или же оставить нас в покое. Поняли?

— Понял.

— Отлично. Вы, вероятно, еще не ужинали. Тогда позвольте познакомиться с вами поближе за столом.

Виргиния Грандо была родом из Бретани. Ее отец, правая рука Шаретта, был взят в плен в Шаботери и вместе с главой шуанов расстрелян. Услуги, которые эта особа оказала роялистской партии, были неисчислимы. Граф Прованский сам писал ей из Митавы, благодаря ее за ее преданность, и поручил Ги де Невиллю лично передать ей его слова: «Если бы я мог жаловать титул герцогини, как я жалую титул герцога, то, конечно, достойнейшей была бы мадам Грандо».

Полиция знала, что в Париже есть агент принцев, который является связующим звеном между Англией, Вандеей и югом. Но ей никак не удавалось разыскать этого агента. Тайна модной мастерской на улице Дракона хранилась крепко, и о ней знали только люди вполне благонадежные.

Лимозлан приходился родственником Виргинии и был посвящен в ее сношения с эмигрантами. Не будь этого дальнего родства, подобной фигуры никогда не было бы около Виргинии Грандо.

Лимозлан явился на улицу Дракона на другой же день. На этот раз он был неузнаваем: он переделался так, что даже самый опытный глаз не мог узнать его. У него была физиономия настоящего пьяницы, красная и помятая, глаза слезились, из всех пор словно просачивался алкоголь. Одетый в весьма заношенную куртку красного бархата, он тащил инструменты для набивки тюфяков, а на плече раму, на которую натягиваются для чистки кружева и тюль. Месяца два назад он поселился в мансарде рядом с мастерской, которую под самой крышей занимала Матюрэн. В околотке, где ему уже пришлось поправить матрасов сорок, он стал известен среди мальчишек под именем дяди Жюля. Он притворялся вечно выпившим и говорил с сильным пикардийским акцентом. Сначала полиция следила за ним. Но дядя Жюль казался таким глупым, что подозрения против него были усыплены, и агент Дюбуа даже помогал ему добираться до дому, когда он уже чересчур шатался и колотился об стены. У него был

только один друг — Франсуа, привратник одной женской общины. Перебивая в общине матрасы и потом пользуясь свободным доступом туда, дядя Жюль каждый вечер отправлялся на час или два к нему в контору с разрешения начальницы общины мадам Сисэ.

Община, служившая убежищем дамам и девицам благородного происхождения, раскрывала также свои двери и монахиням из провинции, которым случалось проезжать через Париж. Не проходило дня, чтобы комнаты для проезжающих не были заняты.

На самом же деле вот что происходило среди молчаливых стен этого убежища. Все проезжавшие монахини были роялистскими агентами, которые передавали инструкции во все отделы своей партии. Привратник Франсуа был не кто иной, как Жан Карбон, шуан, который отказался подчиниться соглашению 1796 года и, поселившись в Париже, продолжал служить делу короля, поддерживая при помощи Лимоэлана сношения с Виргинией Грандо и вожаками партии.

Таким образом, все приказания, шедшие из Англии, всякие посылки, направлявшиеся через Бретань на юг, — все они стекались в общину Нотр Дам де Шан. Дядя Жюль и Франсуа были агентами, на обязанности которых лежало передавать новости, шедшие из разных очагов восстания.

В тот самый день, когда Сан-Режан переселился на улицу Дракона, дядя Жюль и Франсуа, сидя в обычной комнатке за стаканами вина, до которого они, впрочем, не дотрагивались, вели тихий разговор.

— Настал наконец час, — говорил Лимоэлан, — когда можно будет привести в исполнение план, который Сан-Режан предложил комитету и который был им принят. В общем, он чрезвычайно прост. Нужно раздобыть тележку и лошадь, бочонок с порохом и старое ружье. Тележку и лошадь должен добыть ты, чтобы некоторое время они не пропадали даром.

— У меня есть и то, и другое под рукой. На этой тележке каждую неделю ездят в Шевилльи за овощами в огород, который принадлежит нашей общине.

— Ты не обдумал дела, как следует, — возразил Лимоэлан. — Что если тележку и лошадь узнают? Полиция нагрянет сюда и арестует всех сестер общины, как соучастниц. Тут такое дело, что и головы можно лишиться. Мы не имеем никакого права впутывать в это столь опасное предприятие этих благородных дам. На-

до раздобыть такую тележку, которую нельзя было бы признать, если даже от нее останется большой кусок. В крайнем случае, можно обойтись без лошади. Неужели мы не в состоянии вдвоем отвезти эту тележку на указанное место?

— Нет, так будет опасно. Я знаю, у одного садовника из Вожирара есть тележка и старая лошадь, которые я попрошу продать мне. За хорошую плату он, без сомнения, согласится, и мы их возьмем от него, когда явится надобность. Этот человек нас не выдаст. Я уверен в нем. Таким образом, ничто не может нас скомпрометировать. За двадцать эку будет устроено все.

— Что касается бочонка с порохом и ружья, то об этом позаботится Сан-Режан. Снаряд будет изготовлен им. Останется только положить его на тележку...

— А когда же будем действовать?

— Нужно будет подождать удобного случая. Сан-Режан подготовит благоприятный момент и предупредит нас, когда настанет время.

Таким образом, эти три человека серьезно готовились уничтожить героя, на которого Франция возлагала все свои надежды. Пока дворцовая полиция и агенты Дюбуа, желая снискать благоволение первого консула, не спускали глаз с якобинцев, которые держались спокойно и сыпали доносами на филладельфов, расплывавшихся в бесконечных теоретических словопрениях, те, которых только и боялся Фуше, были накануне своего страшного покушения.

Напрасно прождав целых два дня у гостиницы «Красный лев», Браконно, тщетно поджидавший выхода Сан-Режана, должен был сознаться, что агенты полиции, которых он приставил следить за юным роялистом, остались в дураках и что ему нужно начинать с другого конца, с магазина под вывеской «Bonnet bleu», чтобы снова поймать оборвавшуюся нить. Браконно был уверен, что если он станет следовать по пятам за Эмилией Лербур, то таким путем дойдет до Сан-Режана.

Чтобы обеспечить себе верный успех, Браконно поселился на улице Сент-Оноре, в трех шагах от вывески «Bonnet bleu», и, злобствуя на Сан-Режана, думал о расплате с ним, которая неминуемо должна наступить.

На третий день после того, как Сан-Режан прибыл

на улицу Дракона, в магазин Лербура вошла около четырех часов дня какая-то женщина с картоном, который обыкновенно носят модистки, продевая руку через ремень верхней крышки. В магазине ее направили на второй этаж. Здесь молодая женщина деятельно раскладывала вместе с мужем разные шелковые ткани, чтобы предоставить покупателям богатый выбор. Лербур подошел к покупательнице и спросил, чем он может ей служить.

— Гражданин, я зашла сюда на всякий случай предложить вашей жене, не выберет ли она у меня кружева. Это распродажа по случаю, недорого, для такого дома, как ваш, это будет сушая безделица.

— Ну, посмотрим,— сказал Лербур, которому польстили последние слова.— Но позвольте, ведь это кружева со священнических стихарей. Черт возьми! Великолепная вещь! Вот покровы с престола... Откуда это у вас?

— Я не могу вам этого сказать. Все продается за две тысячи четыреста ливров. Если вам подойдет, то берите, а мне дайте деньги. Это крайняя цена, и я даже не беру за комиссию.

— Какой же вам интерес в этой продаже?

— Я хочу оказать услугу владельцам этих кружев и купить подешевле лент, которые мне нужны для моей мастерской. Конечно, вы не захотите остаться в долгу передо мной?

— С удовольствием,— отвечал Лербур. Быстро осмотрев товар, который ему предлагали, он убедился, что кружева стоили по крайней мере вчетверо дороже.— Я сейчас принесу вам деньги из своей кассы. Нашим продавщицам незачем знать об этой покупке.

Он спустился вниз, оставив Эмилию вдвоем с продавщицей. Быстро выхватив из-за лифа плотно сложенный кусочек бумаги, последняя протянула ее молодой женщине, говоря:

— Прочтите, когда вы будете одна. От Виктора Леклера.

Эмилия сильно покраснела. Один момент она даже колебалась. Но послышались шаги поднимавшегося по лестнице мужа, и она быстро спрятала письмо в карман.

— Вот вам деньги, гражданка,— сказал Лербур.— Счета вам, конечно, не нужно. Если у вас опять будет случай вроде этого, то не забудьте обо мне.

Модистка взяла мешочек с золотом, который ей протягивал Лербур, и положила в свой ридикуль. Затем она поклонилась мадам Лербур и сказала:

— А теперь покажите, что у вас есть самого модного из лент.

— Пожалуйста вниз, гражданка, я сам проведу вас в отделение лент и шелковых товаров.

Они сошли вниз по узенькой лестнице, и Эмилия осталась одна.

Ей очень хотелось прочесть скорее письмо, которое она ощупывала в кармане кончиками пальцев. Разве можно противиться желанию поскорее узнать, что подельывает Сан-Режан, где он и есть ли надежда увидеться с ним.

Письмо было не длинно:

«Если вы меня любите и хотите видеть, приходите на другой день на улицу Дракона, дом № 35, к содержательнице модной мастерской Виргинии Грандо, которая передаст вам это письмо. Вам нечего бояться. Вы можете меня осчастливить.

Виктор».

Прочтя это письмо, Эмилия сделала то, что должна была бы сделать сначала: сожгла бумажку на свече и пепел бросила в камин. После этого она погрузилась в думы. И эта женщина, которая приносила кружева, была хозяйкой Сан-Режана. Она старалась припомнить ее лицо. Ей было лет сорок, если не больше, она была очень некрасива и, без сомнения, не могла быть соперницей. Это обстоятельство расположило к ней Эмилию. Отправиться на улицу Дракона и зайти там в модную мастерскую — было делом самым естественным, которое никак не могло навлечь на Эмилию каких-либо подозрений. Что касается до нее, то выбор убежища был очень практичен и остроумен. Оставалось узнать, где и каким образом они могут увидеться.

Она решила попытаться увидеть Сан-Режана на другой же день. Со времени его исчезновения Эмилия Лербур выходила из дому всего только раз, чтобы подышать чистым воздухом Тюильрийского парка на террасе Фейльянов.

Браконно начинал приходить в отчаяние, видя, что его выслеживание остается без результата. Вот отчего полицейский агент вздохнул с облегчением, когда Эми-

лия на другой день около трех часов появилась на пороге своего магазина.

Молодая женщина направилась к Пале-Роялю. Там она взяла извозчика, который быстро покатил по направлению к Сене. Браконно должен был ускорить шаг, чтобы не потерять из виду экипаж среди запутанного лабиринта улиц и переулков. Около монетного двора он действительно потерял было его из глаз, но вдруг заметил опять на набережной Гран-Огюстен. Когда Эмилия вышла из экипажа на улице Дракона, Браконно едва мог перевести дух.

К удивлению своему, он увидел, что Эмилия вошла в один из дворов, приказав своему извозчику ее ждать. Он внимательно осмотрел дом, но не нашел в нем ничего особенного. Вывеска модной мастерской навела его на мысль, что он гнался, быть может, совершенно напрасно, но, подумав немного, он нашел странным, что мадам Лербур едет в мастерскую, которая находится так далеко и отличается весьма скромным видом. Имея обширные торговые связи, она могла бы в этом случае пользоваться услугами лучших парижских фирм. Он постоянно твердил себе, что в полицейском деле всегда нужно прицепляться к тому, что представляется невероятным.

Он решил хорошенько разузнать, какие дела есть у мадам Лербур в доме № 35 по улице Дракона, и, вооружившись терпением, стал ждать.

Поднявшись на второй этаж, Эмилия позвонила у дверей Виргинии Грандо. Ее встретила старуха Матюрэн и провела в комнату, где примеривались шляпы. Там ее встретила Виргиния. Из мастерской, отделявшейся от этой комнаты только тонкой перегородкой, слышны были голоса мастериц. Виргиния позвала старшую из них и сказала, чтобы она померила на мнимой заказчице шляпу, которую заканчивала. Модистка предложила еще несколько моделей и после обсуждения, продолжавшегося четверть часа, выбор заказчицы остановился на прелестной шляпе, которую она пожелала взять с собой.

Едва мастерица вернулась в мастерскую, как Виргиния повлекла свою покупательницу по темному коридору в кухню, отворила шкаф и толкнула молодую женщину в тайник, говоря:

— Я вам разрешаю остаться здесь только четверть часа. Остаться дольше было бы опасно.

Она отворила дверь, и влюбленные остались с глазу на глаз. Они были как бы отделены от всего мира. Это обстоятельство вместо того, чтобы подбодрить Сан-Режана, заставило его, наоборот, оробеть. Он подошел к Эмили, взял ее за руку и, подведя к одному из двух стульев, составлявших меблировку тайника, сел около нее.

— Так вот где вы живете теперь, — печально сказала Эмилия.

— Мне знакомы убежища еще менее приятные и спокойные. Подземные тайники Морбигана, где мы прятались, словно кролики, часто не имея пищи, не смея зажечь огня, были не лучше. Это уж такова обстановка войны. Если мы возьмем верх, наша жалкая участь переменится.

— Если вы возьмете верх! Ах, Сан-Режан, ваша затея безрассудна! Как вы надеетесь ее осуществить, один, затерянный в этом Париже, преследуемый и угрожаемый. И против кого же? Против этого победоносного Бонапарта!

— Не будем говорить о моих затеях, дорогая Эмилия! Не будем отравлять этой жестокой политикой те несколько минут, которые нам остается провести вместе. Вы не забыли бедного Сан-Режана, вы ангел! Я затерян, как вы сейчас сказали, в этом огромном Париже, и вам стоило только перестать думать обо мне, чтобы быть опять спокойной и обрести чистую совесть. Я причиняю вам беспокойство. Простите меня за это и осветите вашей улыбкой это печальное убежище.

— Это очень неблагоприятно с моей стороны, что я пришла сюда. Но я слишком страдала, не видя вас и не зная, где вы и что вы делаете. Вы приобрели какое-то странное влияние на мою волю, так что я могу теперь желать только того, чего желаете вы. При мысли, что вам угрожает какая-нибудь опасность, я вся дрожу.

Взгляд Сан-Режана стал еще ласковее, рука нежно пожимала руку Эмили. Наклонившись к самому ее уху, он прошептал:

— Если вы желаете только того, чего желаю и я, то оставьте мне чудное воспоминание, которое будет скрашивать мое одиночество.

Она покраснела и стала защищаться.

— Я могу провести с вами всего несколько минут,

будьте довольны тем, что вы можете получить сегодня. Наконец, сейчас может вернуться эта женщина. Она может нас застать. О, Сан-Режан!

Он схватил ее в свои объятия. Охвативший его пыл молодости делал его неотразимым. Она уже готова была уступить его желаниям, как вдруг за дверью послышался легкий стук, быстро вернувший ее к действительности. Она вырвалась из объятий Сан-Режана и, дрожа от желаний и страха, стала умолять его.

— О, нет, нет! Только не теперь, другой раз... умоляю вас...

— А если раньше схватят или убьют?

С криком боли она бросилась опять в его объятия. Он мог теперь убедиться, насколько она его любила. Она уже не колебалась, когда ей приходилось выбирать между своим счастьем и счастьем любовника. Радость охватила Сан-Режана. И, успокаивая Эмилию, он говорил:

— Не бойтесь за меня. Я здесь в полной безопасности. Вы можете опять прийти сюда, чтобы оценить мою преданность. Я хочу быть вашим послушным рабом. Вы можете наградить меня, когда вам будет угодно.

За благодарумие она дала ему в награду долгий поцелуй. Бледные, не отводя глаз, смотрели они друг на друга.

— Вы даете мне такую награду, которая заставляет вас торжествовать надо мной,— со вздохом сказал молодой человек и, быстро проведя рукой по лбу, продолжал.— Скажите, Эмилия, каким образом вы пришли сюда? Не заметили вы ничего подозрительного около этого дома? За вами никто не следил?

— Кто же мог за мной следить? Мой муж ни о чем не догадывается, а я пришла к модистке. Извозчик, который меня привез сюда, дожидается у ворот. Я повезу с собой шляпу. Как нарочно, ее нужно будет кое-где поправить, и через два дня я сама привезу ее опять.

— Через два дня! — радостно вскричал Сан-Режан.

— Я останусь здесь дольше, и чтобы мой визит не показался очень продолжительным тем, кто вздумал бы следить за мной, я приду сюда пешком, как бы совершая прогулку. Теперь я знаю, куда идти, и все это будет очень просто.

— О, Эмилия! Вы так самоотвержены!

— Так неблагоразумна! Но разве это было бы существование, если б мы хоть капельку не были неблагора-

зумны? Такое безрадостное и плоское существование не стоило бы и влечь. Ну, а теперь расстанемся до скорого свидания.

И в тиши маленькой комнатки они поцеловались еще раз. Сан-Режан стукнул в замаскированную дверь. Через минуту она открылась, и Виргиния, не промолвив ни слова, увела мадам Лербур.

Последняя отыскала на улице свой экипаж и велела извозчику, дремавшему на козлах, ехать в Пале-Рояль, к тому самому месту, откуда она наняла его.

Браконно, стоявший на другой стороне улицы и как будто рассматривавший крышу дома, старался не упустить ни одного слова, ни одного жеста Эмилии. Он видел, что она вышла совершенно спокойно, держа в руках картонку со шляпой. Для всякого другого было бы очевидно, что молодая женщина была здесь по самому обыкновенному для женщины делу. Но Браконно, потеряв из виду Сан-Режана, принципиально решил, что все передвижения молодой женщины непременно должны клониться к тому, чтобы искать сближения с ее любовником. Он понимал, что в этом посещении улицы Дракона был замешан Сан-Режан и что с этого времени необходимо установить наблюдение за этим домом и за самой Виргинией Грандо.

Прежде всего следовало разузнать все об аптекаре, жившем на первом этаже. Было девяносто шансов из ста, что это окажется ненужным. Но сыщик знал, что он имеет дело с противником весьма серьезным и чрезвычайно ловким, и потому не хотел пренебрегать ничем.

Он вошел в аптеку и принялся изучать аптекаря, который вышел к нему. То был невысокого роста человек, лет пятидесяти, лысый, грязный и, видимо, болезненный. Браконно потребовал унцию александрийского листа. Аптекарь улыбнулся и сказал:

— Слабительное — прекрасное предохранительное средство во все времена года, особенно весной. Александрийский лист сильное средство, и оно действует гораздо лучше, чем, например, ревень.

Пока он отвешивал листья в небольшой бумажный пакет, Браконно с беспечным видом мерил глазами стены, рассчитывал про себя их толщину, успел бросить взгляд в аптечную лабораторию, которая выходила на двор и была очень скудно освещена.

— Мышей у вас не водится? — спросил он аптекаря.

— Ну, извините. Они просто измучили нас, меня и жену.

— А, вы женаты? А где же вы живете?

— На третьем этаже у нас три комнаты, окнами на улицу. Это почти мансарды, но очень удобные. В этом этаже живет только матрасник, дядя Жюль, а внизу гражданка Грандо. Но мыши...

— А, гражданка Грандо! Это модистка со второго этажа? Красивая особа, у которой есть любовник, красивый смуглый и ловкий малый... Он вернулся из поездки дня два тому назад.

При этих словах на лице аптекаря появилось выражение крайнего изумления.

— Гражданка Грандо — красивая особа? Гражданка Грандо и любовник? Вы шутите, гражданин... Или, может быть, вы путаете ее с одной из ее мастериц. Там есть две-три смазливые девчонки, у которых, возможно, нет недостатка в поклонниках. Но никогда, положительно никогда не осмелились бы они привести сюда своих любовников. Госпожа Грандо немедленно вышвырнула бы их за дверь!

— Но неужели же Виргиния Грандо такой дракон добродетели, что ни один мужчина не решится перешагнуть через ее порог?

— Не говорите глупостей, — возразил аптекарь. — Она, конечно, принимает своих заказчиков и примет и вас, если вы захотите что-нибудь заказать у нее. Но она решительно не позволит, чтобы к ней приходили для каких-нибудь иных целей. Нет! Вот вам александрийский лист, гражданин. Пять су. А насчет мышей, если вам нужно средство против них, я могу рекомендовать «Смерть мышам» Дюваллона. Это средство у меня действительно изумительно. Это мышьяк с фосфором...

— Хорошо, я посмотрю, — сказал Браконно, подавая аптекарю монету в пять су. Он уже знал все, что хотел, и теперь старался поскорее уйти отсюда. А между тем аптекарь, увлекшись истреблением мышей, никак не хотел отпустить своего слушателя.

— Приходите взглянуть, — продолжал он, — как я действую этой приманкой в моих чуланах.

Браконно, восхищенный тем, что ему представляется случай осмотреть квартиру во всех подробностях,

последовал за аптекарем в комнату сзади аптеки, в которой на потолке висело несколько связок лекарственных трав. Он заглянул даже на дворик, который отделял соседний дом. Он долго смотрел на его фасад. Глаза его остановились как раз на том месте, где находился тайник Сан-Режана. Из окна второго этажа кто-то весело спрашивал:

— Ну, дядя Висмут, как здоровье? Вы еще не отравились вашими товарами?

— А, плутовка! Приходите покупать у меня травы, когда простудитесь, — смеясь, отвечал аптекарь. — Это одна из мастериц гражданки Грандо, — прибавил он. — Они зовут меня дядей Висмутом. Это никому не вредит, а их забавляет.

С каждым мгновением подозрение Браконно делалось слабее и слабее. Этот уголок провинции в Париже не годился бы для смелого бойца, который, по подозрениям Браконно, скрывался здесь. Но что же, однако, делала здесь мадам Лербур? Он решил не уходить отсюда сейчас же, а продолжать свои наблюдения.

Простившись с аптекарем и заметив одного из своих агентов, который ходил перед винной лавкой, он подошел к себе и дал ему самые точные указания, как следить за этим домом. Он рассуждал так: если Сан-Режан скрывается на улице Дракона, то гражданка Лербур явится сюда еще раз. «На этот раз я уже не буду колебаться, — думал Браконно. — Я отправлю кого-либо из агентов на ближайший полицейский пост, оцеплю дом и произведу самый тщательный обыск. Тогда я застаю Эмилию Лербур или у Виргинии Грандо, или же в убежище Сан-Режана. Так или иначе, но я должен что-нибудь раскрыть».

Вечером Сан-Режан выходил дважды: ему хотелось повидаться с Лимозланом у привратника общины. Агенты Браконно не узнали его, хотя следили за ним самым добросовестным образом. Он имел вид служителя из мастерской Грандо. Но Браконно, получив об этом сведения и зная, что других мужчин, кроме аптекаря и дяди Жюля, в доме нет, сейчас же заподозрил, что это вышел Сан-Режан. Он стал следить сам, проводил своего ночного гуляку, который показался ему толще и выше Сан-Режана, до самой общины и стал ждать. Но Лимозлан заметил его и узнал.

— За тобой гонится сыщик, дорогой мой, — сказал шуан. — Или я ошибаюсь, или это пресловутый Ла-

верньер, которому не удалось, благодаря вмешательству Валори, проникнуть на заседание комитета в гостинице «Красный лев».

— Если это Лаверньер, то это также и Немулэн, который сопровождал меня все время, пока я был в разъездах на юге, и который создал для меня большие затруднения в Лионе. Нужно, во что бы то ни стало отделаться от него, так как он чрезвычайно опасен.

— А как ты примешься за него?

— Самым простым образом. Простившись с тобой, я пойду по глухим местам, которые тянутся к Вожира-ру. Если он отстанет от меня, я вернусь в свое убежище. Если же он будет идти за мной, я обернусь, подойду к нему, и мы объяснимся. Мои пистолеты со мной.

— Ты его убьешь?

— В честном бою. Убивать из-за угла я не умею. Если у него есть оружие, а оно должно у него быть, то шансы у нас будут равные. Если же у него оружия нет, то я дам ему один из моих пистолетов и прикажу защищаться.

— Напрасные церемонии,— промолвил Лимоэлан, усмехнувшись.— Завтра с твоим бочонком пороха ты рискуешь убить, может быть, двадцать жандармов или телохранителей Бонапарта, а теперь боишься казнить шпиона, который готов, к величайшей своей радости, подвести тебя под топор.

— В самом деле, это довольно глупо,— сказал Сан-Режан.— Но нельзя себя переделать. Воспламеняя снаряд, я буду знать, что подвергаю опасности и свою жизнь. В этом случае, как на войне. Но хладнокровно застрелить человека, даже не предостерегая его... Нет, так не годится.

— Будь ты на месте Брута, ты не убил бы Цезаря.

— Я предпочел бы убить его при Фарсале.

— Отлично. Когда же мы решимся нанести удар?

— Можешь ты раздобыть тележку?

— Через час она у меня будет.

— Бочонок с порохом и заряженное ружье находятся в гостинице «Красный лев».

— Остается, стало быть, найти удобный случай.

— Он скоро представится. В газетах объявлено, что 3 нивоza, то есть послезавтра, в театре Оперы состоится торжественное исполнение новой оратории Гайдна «Сотворение мира». Говорят, что будут присут-

ствовать первый консул, мадам Бонапарт и весь маленький двор Тюильри!

— Следовательно...

— Путь Бонапарта до самой оперы — известен. Он поедет по улице Сан-Никез, а затем по улице де ла Луа. Наш снаряд надо поставить на улице Сан-Никез, за углом налево. Карета должна проехать мимо. Невозможно, чтобы ее не разнесло вдребезги...— Я тоже буду стоять за углом улицы Сан-Никез. Тут разрушительное действие взрыва будет меньше, чем на улице де ла Луа, где может столпиться много зевак.

— Да, и кроме того полиция, без всякого сомнения, не даст нам поставить тут бочонок.

— Конечно. Что же должны делать мы, Карбон и я?

— Привезти мне тележку к гостинице «Красный лев». Там мы зарядим, как следует, бочонок и поедем на улицу Сан-Никез. Дело будет к ночи, и темнота будет нам на руку.

— А пока тебе нужно освободиться от этого шпиона.

— Это я сделаю сегодня же ночью. Обо всем мы переговорили?

— Да, кажется.

— Тележку привезите ко мне послезавтра к пяти часам. И если меня не будет там,— надо все предвидеть,— то спросите ящик и ружье у хозяина гостиницы и действуйте вместо меня.

— Как, тебя не будет там?

— Но меня ведь могут убить или арестовать.

— Хорошо.

Сан-Режан поднялся и, вынув из кармана пару пистолетов, тщательно осмотрел у них затравку. Затем, пожав руку своему другу, он вышел на двор, а оттуда на улицу. Браконно шел за ним по пятам. Он был несколько удивлен, увидя, что человек, за которым он следил и которого, несмотря на несходную внешность, он принимал за Сан-Режана, повернулся спиной к Парижу и пошел по полям, по направлению к Вожиару. Он отличался храбростью и не поколебался пойти за этим человеком следом. Он только отпустил его на несколько шагов вперед, ибо так было легче прятаться как на пустырях, так и в извилистых переулках города. Впрочем, принятые им меры предосторожности оказались излишними. Через четверть часа преследуемый, несомненно, должен был заметить, что за ним следят.

Однако он, видимо, не придавал этому обстоятельству никакого значения и шел по дороге все прямо, не останавливаясь. В том месте, где пустыри были огорожены со всех сторон задворками и где не было видно уже ни одной хижины огородника, он вдруг повернулся в сторону и, сделав несколько шагов по дороге к Монружу, остановился, сел на землю и стал ждать.

Полицейскому не хотелось отставать в храбрости. Он продолжал идти прямо на человека, который сидел на земле. Подойдя к нему, он снял шляпу и сказал:

— Здравствуйте, господин Сан-Режан.

— Мое почтение, господин Немулэн,— ответил ро-
ялист.

— Вот это ловко! Это я люблю!

— Ловко, что касается меня,— промолвил Сан-Режан.— Но для вас это вовсе не так ловко. Вы тот самый Немулэн, который был со мною в Лионе. Для аббата Валори вы Лаверньер. Без сомнения, вы воплощаете еще много лиц, но настоящего имени и настоящей физиономии вашей мы не знаем. Что касается имени, то едва ли я когда-нибудь его узнаю, а вот настоящую физиономию, несмотря на белила, румяна, несмотря на парик и гуттаперчевые шарики за щеками, я постараюсь рассмотреть хорошенько.

— Это каким же образом?

— Убив вас, господин Немулэн.

Полицейский отшагнул назад и стал подальше. Сан-Режан медленно поднялся с земли, стал посредине дороги и, вынимая из кармана пистолеты, сказал:

— Я водил хлеб-соль с Немулэном. Хотя вы и малопочтенный человек, занимаясь таким ремеслом, тем не менее я неспособен прямо пустить вам пулю в голову, не предоставив возможности защищаться. Поэтому отсчитайте столько шагов, сколько найдете нужным, и по знаку, который я дам, идите на меня и стреляйте. Не щадите меня. Это было бы глупо. Я стреляю отлично и постараюсь вас убить.

— Господин Сан-Режан, вы ставите меня в очень трудное положение. Я вовсе не намерен не только убить вас, но даже ранить. Я должен сделать не это. Мне нужно только удостовериться в вашей личности.

— Вот поэтому-то я и отошел подальше от Парижа, где у вас на каждом шагу помощники. Но каким образом вы можете арестовать меня здесь?

— Господин Сан-Режан, я сделаю все, что от меня

зависит, чтобы добиться этого. Вы уже не пойдете спать сегодня к гражданке Грандо. Я должен, кроме того, знать, что такое вы замышляете с привратником знакомой вам обители? Вероятно, вы не откажетесь объяснить это гражданину Фуше?

— Ого, да вы знаете слишком много,— сказал Сан-Режан с холодной решимостью.— Вы слишком неосторожны со мной. Берите один из пистолетов и защищайтесь, или же, клянусь Богом, я застрелю вас, как бешеную собаку.

— Прежде, чем сердиться, лучше выслушайте меня, господин Сан-Режан. Я не хочу вам зла, это я уже вам доказал. Я мог бы очень побеспокоить гражданку Лербур, но я этого не сделал. Мне прискорбно видеть, что такой милый молодой человек вдался в такую жизнь, связался с Жоржем и его шайкой. Бросьте все это, уезжайте отсюда, и даю вам слово, я буду помогать вашему бегству.

— А за моей спиной вы арестуете других, и я окажусь изменником того дела, которому дал клятву служить до тех пор, пока оно не восторжествует. Довольно! Вы оскорбляете меня! Вы попали в безвыходное положение, Немулэн, и можете из него выйти, лишь убив меня.

— Вы принуждаете меня к этому. Делаю это с большой неохотой.

Он вынул из кармана пистолет и тщательно зарядил его. Затем отмерил расстояние в тридцать шагов между собой и Сан-Режаном.

Зимняя ночь была очень темна. Начинался мелкий дождик. Стоя посреди дороги лицом к лицу, они едва могли разглядеть друг друга.

— Берегитесь, Немулэн! — вскричал Сан-Режан, и, подняв пистолет, он решительно пошел на полицейского, который стоял неподвижно посреди дороги. Сан-Режан подошел к нему почти на десять шагов. Немулэн надеялся, что он выстрелит и промахнется, и тогда можно будет его арестовать. Но Сан-Режан, очевидно, не желал поддаваться такой тактике. Он остановился и хладнокровно прицелился в Немулэна. Тогда тот, в свою очередь, решился предупредить противника и выстрелил. Пуля пробила воротник камзола Сан-Режана.

Немедленно раздался и выстрел роялиста. Немулэн, пораженный прямо в грудь, упал ничком на дорогу.

— Ты сам этого хотел! — сказал Сан-Режан.

Он подошел к сыщику, который барахтался в луже крови, перевернул его на спину и, сорвав парик, увидел, что его настоящее лицо было почти то, которое он видел у него в роли Немулэна. Не желая, чтобы его раздавили телеги огородников, которые целую ночь тянулись по дороге, подвозя пищу Парижу, он оттащил его на край дороги. Разряженный пистолет сыщика он положил около него. Убедившись, что тот мертв, он промолвил:

— Мир праху твоему.

И бодрым шагом пошел по направлению к Парижу.

Х

Фуше был углублен в чтение утренних донесений, как вдруг вошел, даже не постучав в дверь, юный Виллье, один из его секретарей, и таинственно сказал своему патрону.

— Агент номер семь желает видеть гражданина-министра по делу чрезвычайной важности.

Фуше, не отрываясь от бумаг, отвечал глухим голосом, в котором звучало равнодушие:

— Пусть войдет.

Агент вошел. Это был мужчина колоссального роста, с лицом, заросшим черными волосами чуть не до самых бровей. Это был тип агентов-исполнителей. Для переодевания и выслеживания он не годился, так как его крупная фигура и резкие черты лица выдали бы его тотчас же. Его делом было выломать дверь, избить зачинщиков. Словом, то был настоящий сторожевой пес, дикий и свирепый.

Фуше, взглянув на него, разом оценил его мощную мускулатуру и спросил:

— В чем дело, Суффлар?

Подобно Бонапарту, Фуше обладал памятью на лица и имена, которая позволяла ему всегда узнавать всех своих подчиненных.

— Гражданин министр, сегодня ночью убили Браконно.

— Где?

— Около Вожирара.

— Каким образом?

— У него пуля в груди.

— Кто?

— Неизвестно. Он отправился один для важных наблюдений и дал только приказ: наблюдать за домом номер тридцать пять по улице Дракона и за всеми, кто из этого дома выходит.

— Он умер уже?

— Нет еще. Но он уже при смерти. В сознание не приходил.

— Где он?

— В больнице Милосердия.

— Кто около него?

— Клеман.

— Пусть не отходит от него и сейчас же даст мне знать, если он придет в себя и можно будет с ним объясниться, хотя бы знаками. Я приеду к нему. Кто его привез туда?

— Его нашли рабочие каменоломни из Монружа. Прислали за мной, и я прибежал сейчас же вместе с Клеманом.

— И таким образом оставили свой наблюдательный пункт?

— Совершенно верно, гражданин министр.

— Нужно было идти туда одному и оставить Клемана на улице Дракона. Успел вам Браконно объяснить, в чем дело?

— Да, гражданин министр. Он подозревал, что один из соучастников Жоржа, некий Сан-Режан, скрывается у модистки в означенном доме.

— Только подозревал?

— Для Браконно подозрение и уверенность одно и то же.

— Да. Если он умрет, я потеряю в нем полезного агента.

— Очень может быть, что его и убил этот Сан-Режан. Браконно расстался с нами, очевидно, только для того, чтобы выследить этого проклятого роялиста.

-- Имеете еще что-нибудь сообщить мне особенное?

— Больше ничего, гражданин министр.

— Хорошо. Впредь до нового приказания оставьте в покое дом номер тридцать пять по улице Дракона.

— Слушаю, гражданин министр.

— Можете уходить.

Расспрашивая Суффлара, Фуше пришел к убеждению, что Браконно, не особенно полагаясь на профес-

сиональную ловкость своих агентов, не сообщил им подробных сведений о деле, которым был занят. Дело, очевидно, шло о заговоре роялистов. Но как разобраться во мраке всяких интриг, когда нет налицо того, кто держал в руках путеводную нить? Фуше думал так: «Так как этот дурак Дюбуа уверен, что все это волнуются якобинцы, то мы еще посмотрим, каким образом его полиция возместит теперь потерю, которую понесла моя. Если Сан-Режан, отделившись от Браконно, скрывается в доме номер тридцать пять по улице Дракона, то, не чувствуя теперь никого сзади себя, он вернется туда и выдаст себя, и мне ничего не будет стоить схватить его, когда это мне понадобится».

Таким образом, благодаря соперничеству обеих полиций, вызванному предвзятой мыслью Бонапарта о поисках якобинцев, в поисках Сан-Режана наступило некоторое ослабление и как раз в тот самый момент, когда следовало бы усилить наблюдение.

Фуше, которого столько раз обвиняли в том, что он не раз изменял Бонапарту и принимал участие в заговорах против его врагов, подверг консула в течение этих двух дней первого и второго нивоза такой опасности, какой он еще никогда не подвергался. План Сан-Режана и Лимозлана, чрезвычайно трудно осуществимый, когда Браконно и его агенты не отходили от дома номер тридцать пять по улице Дракона, теперь можно было выполнить очень легко, так как оба единомышленника, которым помогал еще Карбон, имели полную свободу действий.

Вернувшись около полуночи в Париж, Сан-Режан осторожно направился на улицу Дракона. Сначала он прошел улицу Юшетт и, прислонившись к угловому дому, внимательно осмотрел дом номер тридцать пять. Там отчетливо видна была огромная фигура Суффлара, который сидел на тумбочке около виноторговли.

«Что мне делать? — говорил сам себе Сан-Режан. — Вернуться домой и там ждать, какое действие произведет исчезновение Немулэна, или же лучше отложить свое возвращение, когда вся организация шпионства будет расстроена его смертью? Пойду лучше в гостиницу «Красный лев», где меня не будут искать».

Он перешел Сену и направился по улице Сухого дерева. Хозяин гостиницы сейчас же узнал его и ввел в ту самую маленькую комнатку, где происходило

собрание роялистов. Там Сан-Режан бросился в кресло и заснул крепким сном.

Браконно был найден спустя три часа после поединка с Сан-Режаном рабочими, которые шли в каменоломни, примыкавшие со стороны Монружа к парижским катакомбам. Испуганные зрелищем лежащего в луже крови человека, они побежали на ближайший полицейский пост около заставы, принесли оттуда носилки и взвалили на него убитого. Когда его обыскали, то по бумагам оказалось, что это агент полиции. Сейчас же был отправлен нарочный в министерство, но по дороге, по несчастной случайности, он встретил Клемана, одного из двух подчиненных Браконно, который только что сменился с дежурства. Тот побежал предупредить Суффлара. Затем оба в волнении бросились бежать к Вожирару, где около заставы и нашли своего начальника. Браконно был еще жив.

Если бы Сан-Режан вместо того, чтобы переносить Браконно на откос дороги, хладнокровно выстрелил бы ему еще раз в ухо, то устранил бы на время всякую опасность для себя и своих соучастников. Но Сан-Режан был солдат и не мог прикончить раненого.

Это была первая ошибка. Вторая заключалась в том, что он не похитил у него его бумаги и таким образом отнял у себя возможность выиграть время, которое пошло бы на установление личности убитого. Правда, то обстоятельство, что Суффлар и Клеман оба перестали следить за квартирой Виргинии Грандо уравнивало эти ошибки. Кроме того, решение, которое принял Фуше — оставить в покое Сан-Режана, чтобы внушить ему мысль, будто за ним не следят, давало заговорщикам огромное преимущество.

Пойдя на другой день утром на улицу Дракона, Сан-Режан заметил, что на тротуаре никого не было и вход был свободен. Ни одного сыщика не было видно. Он поднялся к Виргинии Грандо, которая находилась в сильном беспокойстве. Он постарался успокоить ее, но не сказал ни слова о том, что произошло с ним ночью. Плотно позавтракав, он бросился в постель, чтобы хорошенько отдохнуть от усталости.

Вечером он пошел в общину и рассказал Лимоэлану о своей встрече с Браконно. Он дал ему слово, что покушение должно произойти непременно завтра, и сказал, что около пяти часов будет ждать его на углу возле Французского института. Карбон должен был

помочь Лимоэлану отвезти тележку. За снарягом, который хранился в погребе гостиницы «Красный лев», они должны были отправиться все втроем.

Они расстались. Сан-Режан возвратился с видом фланера на улицу Дракона и, улегшись в кровать, стал думать о завтрашнем дне, когда к нему должна приехать Эмилия.

Хотя Сан-Режан и Лимоэлан принимали все возможные предосторожности, а их замысел хранился в полной тайне, так как только они двое и знали, что предстояло делать, так что даже третий их сообщник, Карбон, был не в курсе дела, тем не менее среди лиц, окружавших первого консула, стали распространяться тревожные слухи.

Шевалье, изобредший снаряд, которым воспользовался Сан-Режан, был заключен в тюрьму. Его судили и, конечно, признали виновным. Но все говорили, что образовался новый заговор, который должен разразиться третьего нивоза в зале театра Оперы. Некоторые утверждали, что театр будет взорван. Обеспокоенная Жозефина просила Бонапарта никуда не выходить в этот день. Первый консул чувствовал себя переутомленным от множества работы. Он внял доводам жены и с утра объявил, что ораторию могут исполнить и без него. Да и музыка Гайдна нагоняла на него усиленную скуку. Поэтому Бонапарт решил, что в этот вечер останется дома, и велел позвать к себе генералов Бессьера и Ланна, чтобы поговорить с первым о ремонте кавалерии, а со вторым о формировании армейских корпусов, которые он хотел изменить.

Фуше, которого также позвали в Тюильрийский дворец, был принят очень сухо.

— Ваши якобинцы продолжают волноваться. Говорят о каком-то заговоре. Они уже хотели меня убить при помощи Аренье. Теперь опять принимаются за старое.

— Генерал, могу вас уверить, что вы плохо осведомлены. Причиной всеобщего беспокойства являются соучастники Жоржа. Их замыслы несомненны. Они только что убили одного из лучших моих агентов, который гнался за ними по следам. Но след будет найден сегодня же, и мы уже не потеряем его.

— А я вам говорю, что мне угрожают приверженцы террора. Вы их защищаете, конечно, ибо это ваши старые друзья. Может быть, вы даже их боитесь.

Фуше улыбнулся едва заметно. Он закрыл свои тусклые глаза и возразил глухим голосом:

— Генерал, у меня нет друзей среди людей, которые грозят разрушить безопасность государства. Я боюсь только одного — как бы вас не прогневать.

Бонапарт одобрительно кивнул головой и отпустил своего министра полиции. Но он не принял во внимание каприза сестры Каролины и Гортензии Богарне. Они обе явились днем и стали жаловаться на то, что он отменил вечер в опере. Гортензия, сама прекрасная музыкантша, надулась на зятя.

Бонапарт, чрезвычайно благодушный в кругу своей семьи, уступил и, ущипнув за ухо свояченицу, сказал:

— Ну, хорошо. Неужели вам так досадно, что вы не услышите этой важной оратории? Заранее предсказываю вам обеим, что будет очень скучно.

— Тогда вы можете уехать, не дожидаясь конца, а мы останемся в ложе с моей матерью и мадам Мюрат.

— Хорошо, посмотрим. Я не могу обещать вам ничего до вечера.

— Ну, слава Богу. По крайней мере, вы теперь уже не отказываетесь.

В это самое время Сан-Режан с нетерпением дождался приезда Эмилии Лербур. Он долго думал ночью. Он знал, что идет на смерть и что только чудом может от нее спастись. Это свидание было для него тем дорожкой, что оно было последним.

Когда послышался глухой шум, которым сопровождалось отодвигание двери в тайнике, сердце молодого человека забилося до того, что он почти задышался. В отверстии двери мелькнула какая-то фигура, зашелестело шелковое платье и пахнуло духами. Затем дверь закрылась, и любовники упали в объятия друг друга. Они молча застыли в этой позе. Потом Эмилия быстро сбросила шляпу на стол, сняла перчатки и повлекла Сан-Режана к маленькому окну, как бы для того, чтобы лучше рассмотреть на его лице выражение радости и вместе с тем тоски.

Он снова привлек ее к себе. В этом опьянении прошло около часа.

— Боже мой! — вдруг вскрикнула Эмилия. — Я должна уже уезжать. Что-то готовит нам завтрашний день?

— Я так счастлив, что опять полон надеждами. Я счастливо избегну опасностей, которым подвергнусь,

и мы еще увидимся. Небо не захочет разлучить нас навсегда.

— Послушай! Мне кажется, я чувствовала бы себя спокойнее, если бы знала, что ты затеваешь. Скажи мне.

— Нет, это невозможно. Но, ради Бога, не выходи никуда сегодня вечером, когда станет темнеть.

— Но темнеть начинает уже с пяти часов. Неужели в Париже будут беспорядки. Неужели будут сражаться?

— Не спрашивай меня! Запрись в своей комнате и, чтобы тебе ни слышалось, не выходи.

— Не могу ли я тебе помочь чем-нибудь? Если ты подвергаешься опасности, а я могу помочь тебе ее избежать...

— Не думай об этом.

— Вспомни, что у нас в доме под нашими комнатами есть помещения, из которых одно не занято. Там ты мог бы укрыться на целый месяц и никто бы не узнал.

— Никогда! Я мог бы таким образом выдать себя.

— Но если это необходимо! Если ты попал в беду...

— Всегда можно выпутаться из нее, покончив с собой.

— Не говори этого! Ты приводишь меня в отчаяние! Что я сделала, за что я так страдаю?

— Ты страдаешь не более, чем наши сторонники, павшие жертвой в течение этих десяти лет. Не удивляйся, что я рискую своей жизнью, не плачь, если я ею жертвую. Но сохрани нежную память о том, кого ты любила. И чтобы я ни сделал, какое бы обвинение ни воздвигали против меня, в каких бы преступлениях ни обвиняли меня, что, несмотря на все это, мою память, ибо ты можешь быть уверена, что я действовал, только защищая Бога и короля.

При этих словах, похожих на предсмертную молитву и на последнее завещание Сан-Режана, Эмилия залилась слезами. Она не могла примириться с мыслью, что ей придется потерять своего возлюбленного. Она крепко прижалась к нему и ощупывала его трепещущими руками, как бы пробуя угадать, куда его поразит роковой удар. Он тихонько уговаривал ее, словно ребенка, и целовал, как бы желая успокоить этой лаской.

— Ну, поцелуй меня еще раз и уходи.

Они обнялись, и Сан-Режан, отворив дверь тайника, выпустил ее от себя.

Было уже около половины пятого. Он немного подождал, но затем, удостоверившись, что она удалась, надел на себя костюм рабочего и стал неузнаваем. Рыжеватая борода скрывала нижнюю часть его лица. На голове появился колпак из кроликовой шкуры. Он засунул свои пистолеты в жилет и с обычными предосторожностями вышел в кухню Виргинии Грандо. Через минуту он был уже на улице и быстро шел к тому месту, где условился встретиться с Лимоэланом и Карбоном.

Было уже очень темно. Он пошел вдоль набережной, перешел Сену через Новый мост и, убедившись, что за ним никто не следит, спокойно дошел до гостиницы «Красный лев».

Карбон и Лимоэлан были уже там. Перед дверью гостиницы стояла тележка, запряженная белой лошадейкой. В ней лежал Карбон, положив под голову пустые мешки. Лимоэлан, сидя на краю тротуара, спокойно курил свою трубку. И того, и другого нельзя было узнать.

— Франсуа, вино еще не положено на тележку? — хриплым голосом спросил Сан-Режан. — Чего же ты зеваешь, мой милый? Ну, живо! Нас ждут!

Лимоэлан встал с тротуара, хлопнул Карбона по ноге и вскричал:

— Эй, ты, соня! Посмотри за тележкой, я пойду в подвал за бочонком.

При этих словах на другой стороне улицы какой-то человек отделился от стены и с видом ротозея стал ходить около повозки. Сан-Режан узнал Суффлара по его громадной фигуре.

— Мне кажется, что будет дождик, — смело заговорил он с ним. — Вино, пожалуй, подмочит, а хозяин будет говорить, что я нарочно подлил в него воды.

Он громко захохотал и посмотрел на агента, который качал головой. Потом он подошел к Лимоэлану и сказал:

— Тут кругом сыщики. При первой же попытке этого гиганта вмешаться в наше дело я разможу ему голову.

— Позволь мне устроить все. Надо сначала попытаться провести его. Если другого средства не будет, тогда мы убьем его. Но это надо будет сделать в гостинице, чтобы не было шума. Дело-то уж наше хорошо задумано, и было бы жаль от него отказаться.

Они спустились в небольшой погреб, где среди бочек с вином и водкой стоял и бочонок с порохом. Сан-Режан, которому хозяин дал ключ, открыл дверь и смело зажег восковую свечу. Он осмотрел бочонок, узнал его и подкатил к лестнице. Затем он облюбовал другой бочонок с вином и тоже вынес его из погреба.

— Что ты хочешь с ним делать? — спросил Лимозлан.

— А вот увидишь. Помоги поднять этот бочонок с вином. С большими усилиями они выкатили на лестницу сначала бочонок с вином, а потом с порохом. Затем взяли каждый в тележку и вывезли на улицу.

— Вот винцо! — сказал Сан-Режан своим хриплым голосом. — А что если б его попробовать?

Говоря так, он взглянул на Карбона.

— С моей стороны отказа не будет. И я попросил бы стаканчик.

— Это придаст нам жизни! При помощи буравчика мы живо это устроим и угостим себя на славу!

— Ну, валяй! Поднимай бочки на тележку!

И он взялся с Лимозланом за бочонок с порохом. Карбон обратился к Суффлару, который, видимо, был заинтересован происходившим, и сказал:

— Помоги-ка, товарищ!

Геркулес взял бочонок обеими руками и положил его на повозку, позади бочонка с порохом.

— Ладно будет терпеть! — промолвил он с грубым смехом.

— Зато вы не откажетесь, товарищ, выпить с нами.

При помощи ножа он отломил на краю бочонка кусок стенки, потом сделал дырку около края и, придерживая вино пальцем, сказал:

— Кушайте на здоровье, гражданин.

Суффлар нагнулся. Вино полилось ему прямо в рот. Уверившись в содержании бочонка, он думал теперь только о том, как бы полакомиться. Отпив порядочное количество, он уступил свое место Лимозлану и Карбону. Сан-Режан отказался от своей очереди и вернулся в гостиницу, чтобы захватить ружейный ствол, при помощи которого он должен был взорвать бочонок. Ствол он спрятал в прорезанный карман панталон. Пожав руку хозяину и обменявшись с ним несколькими словами, он вышел на улицу.

Карбон и Лимозлан дружески болтали с Суффларом.

«Если б Немулэн не был вчера убит мною,— подумал Сан-Режан,— и если б он был здесь вместо этого дурака, мы попались бы все трое. Но, слава Богу, мы отделались от этого Немулэна».

Он ударил по плечу Лимоэлана и сказал:

— Ну, заделали опять бочонок? Отлично. Теперь едем к Бастилии.

— А вы направляетесь к Бастилии? — спросил Суффлар.

— Да, к одному мебельному торговцу из Сант-Антуанского предместья. Ну, ребята, едем.

Он ударил хлыстом по тощей лошаденке, и повозка, на которой восседал Карбон, тронулась по направлению к Бастилии. Сан-Режан и Лимоэлан шли рядом с ней. Суффлар посмотрел ей вслед довольно равнодушно и опять принялся следить за гостиницей «Красный лев». В конце улицы «Сухого дерева» повозка вместо того, чтобы свернуть налево, направилась к Пале-Роялю. Вечер был темный, а фонари светили плохо, и полицейский агент не заметил ничего.

Между тем первый консул, проработав целый день с Камбасаресом, принял на четверть часа архитектора Висконти.

За час до обеда явились Жозефина и Гортензия осведомиться относительно его намерений. Он принял их очень добродушно:

— Итак, вы едете на представление? Приходится подчиниться вашему желанию. Женщинами гораздо труднее управлять, чем мужчинами. Прикажите приготовить парадные кареты. Я поеду с Ланном и Бессьером, которых пригласил сегодня вечером к себе. Они будут в восторге.

Таким образом, настойчивые просьбы домашних Бонапарта обеспечивали успех покушения, подготовлявшегося роялистами. В тот самый момент, когда первый консул окончательно решил ехать в театр, повозка Сан-Режана выезжала на улицу Сан-Никез. Тут каждый закоулок был уже тщательно изучен его сообщниками, и успех казался обеспеченным. Путь от Тюильри до оперы шел от площади Каруселей через улицы Сан-Никез, Шартр, де ла Луа. На углу улицы Шартр находился небольшой ресторан, в котором было удобно скрыть повозку. Здесь Сан-Режан по знаку Лимоэлана, стоявшего на углу улицы Сан-Никез со стороны площади Каруселей, имел возможность приго-

товить свой снаряд как раз в тот момент, когда карета первого консула выезжала в улицу Шартр.

Казалось невозможным, чтобы на таком близком расстоянии карета, лошади и конвой не были разнесены взрывом. Сан-Режан сам жертвовал жизнью. У него оставалась только одна очень слабая, почти несбыточная надежда уцелеть от взрыва: в десяти шагах от повозки находилась на нижнем этаже какая-то лавка, вроде подвала. Если Сан-Режан одним прыжком очутится около этой лавки и влетит в открытую дверь, то, может быть, он и избегнет смерти. И Сан-Режан точно взвесил этот единственный шанс. Стремясь спастись от гибели, он думал не о себе, а об Эмилии.

Он наскоро сообщил Лимоэлану свой план. Было уже семь часов. На улицах почти никого. В этот темный и холодный декабрьский вечер жители Парижа рано забрались к себе и грелись у огня, в ожидании ужина.

Лимоэлан, соблюдая предосторожности, встал на углу улицы Сан-Никез. Карбон наблюдал за площадью Каруселей. Сан-Режан остановил свою повозку на углу улицы Шартр, покрыл свою белую лошадь пустым мешком и пропустил ружейный ствол в бочонок с порохом. Чтобы произвести взрыв, ему нужно было только спустить курок. С полным хладнокровием он сел на тумбу и стал ждать. Он слышал, как в лавке сзади него пел какой-то ребенок.

Было уже четверть девятого, когда послышался топот лошадей. По улице Сан-Никез промчался рысью, направляясь к Тюильри, взвод кавалерии. На шум вышло из дома несколько человек. Певший песенку ребенок, оказавшийся дочкой лавочника, также появился, остановился около повозки, осматривая с любопытством белую лошадь. Но ее позвали, и она опять скрылась в лавке.

Прошло еще с четверть часа. Несколько прохожих остановились у повозки. Один из них спросил Сан-Режана:

— Едет первый консул? Это его конвой проехал здесь несколько минут тому назад? В газетах было напечатано сегодня утром, что он поедет в оперу.

— Не знаю, — отвечал Сан-Режан, который готов был отдать все на свете, лишь бы улица была пуста.

— Отсюда будет хорошо видно, как он поедет.

— На площади Каруселей будет еще виднее.

— Вы правы, гражданин. Ну, идем на площадь Каруселей.

Сан-Режан вздохнул с облегчением. Но оставалось еще несколько любопытных и маленькая девочка, которая снова вышла из лавки. Став около лошади, она тихонько ласкала ее.

— Уходи отсюда, — сказал Сан-Режан. — Не трогай лошадь, она кусается.

— Неправда, она меня лизнула, — смеясь, отвечала девочка.

— Все равно уходи. Тебе тут не место.

— А вам разве место? — возразил ребенок.

В это время послышался стук колес, и Лимоэлан махнул рукою, давая знать, как было условлено, что кортеж двинулся в путь.

— Да уйдешь ли ты отсюда? — яростно вскричал Сан-Режан, желая отогнать девочку, но та, испугавшись его свирепого вида, не трогалась с места. Он подбежал к ней и хотел ее отбросить, но девочка вырвалась у него и стала кричать: «Мама, мама!»

На улице Шартр уже показались два всадника консульского конвоя, ехавшие впереди кареты.

— Ну, если тебе хочется умереть, так умирай! — сказал про себя Сан-Режан.

Карета приближалась довольно быстро. Сан-Режан нажал на спуск курка и быстро отскочил в сторону. От страшного взрыва дрогнула вся окрестность. Стекла посыпались на мостовую из всех окон. В дыму и пламени с жалобными криками барахтались на земле человек двадцать прохожих. Около кареты лежали под лошадьми два конвоира. От повозки, белой лошади и маленькой девочки остались только бесформенные куски.

Драма разыгралась в течение одной минуты.

Карета первого консула только выезжала на улицу Шартр. У окна ее показалось энергичное лицо генерала Ланна. Его сверкающий взор быстро оценил положение. Громким голосом, как в битве, он приказал кучеру:

— Галопом!

Кучер пустил лошадей, конвой плотнее сомкнулся около кареты, и все исчезло.

Сохраняя полное спокойствие, как при Маренго, Бонапарт спросил:

— Что случилось, Ланн?

— Генерал, стреляли из пушки в вашу карету.

— Едва ли. Я бы услышал свист картечи.

— Во всяком случае, хотели вас убить.

Нисколько не волнуясь за себя, Бонапарт сказал:

— Будьте добры, взгляните, не случилось ли чего с моей женой.

Бессьер высунулся из окна и со своим гасконским акцентом сказал:

— Карета мадам Бонапарт следует вполне благополучно.

— Едем в оперу. Там узнаем подробности.

Сан-Режан, успевший отпрыгнуть в лавку, через несколько минут пришел в себя. Оглушенный взрывом, он сначала лежал на ступеньках лестницы, ведущей в подвальное помещение. Встав на ноги, он почувствовал боль в правой руке. Глаза его были красны и распухли от ядовитых газов, появившихся при взрыве. Он осмотрел свою руку. Рукав камзола был оторван. Сквозь разорванную рубашку видна была рана, в глубине которой виднелась обнажившаяся кость. Кровь лилась ручьем. Он остановил ее, перевязав руку платком повыше локтя.

Затем он встал, осмотрелся. В лавке не уцелело ни одного окна. Вся мебель была разбита вдребезги. Лавочник с оторванной головой лежал в луже крови. Его жена осталась на стуле в сидячем положении, но она также была мертва.

Сан-Режан в ужасе, едва держась на дрожавших ногах, поднялся на несколько ступеней, которые спасли его. С ужасом смотрел он на несчастных, которые корчились на мостовой, прося помощи. Полиция была уже здесь. Прибежавшие из Тюильри гвардейцы оказывали раненым первую помощь. Через несколько минут все, что осталось на месте покушения, будет предметом судебного следствия.

Сан-Режан, поддерживая левой рукой правую, бросился на улицу Сан-Никез, почти бегом добежал до улицы Сент-Оноре и здесь, чувствуя себя в безопасности, укрылся в какие-то ворота, чтобы обдумать свое положение.

Что теперь ему делать? Тяжело раненный, истекая кровью, найдет ли он в себе силы добраться до улицы Дракона и укрыться у самоотверженной Виргинии Грандо? Он чувствовал, что по дороге упадет. Может быть, он и умрет здесь? Нет, рана его не была смер-

тельна. Очевидно, его подберут прохожие и отправят в полицию, там все обнаружится, и его будут судить за содеянное преступление. Разве взять извозчика, который отвез бы его на улицу Дракона? Но что сказать извозчику, который, конечно, из сострадания к раненому примется расспрашивать его, а завтра передаст о всех этих разговорах другим и наведет полицию на след? Нет, нечего и думать добраться до убежища таким путем. Оставался дом Лербуров. Конечно, и этот план был сопряжен с опасностями, но все-таки он устранял много трудностей. Во-первых, не нужно было далеко ехать. Сан-Режан был в ста шагах от дверей магазина Лербура. Хороший прием был здесь обеспечен. Там можно будет провести несколько дней, пока не уляжется шум и явится возможность добраться до Бретани, где он будет в безопасности. Но среди всех этих забот его особенно угнетала одна мысль: каков был результат его покушения? Погиб ли первый консул в огнедышащем вулкане, который он развел у него под ногами? На месте не было никаких следов кареты. Были только убитые лошади и солдаты, барахтавшиеся между их трупами.

У Сан-Режана не было времени осмотреть последствия взрыва. И вот, стоя под воротами в темноте, он смотрел, как мало-помалу на площади, покрытой трупами, рассеивался едкий дым. Он слышал, как со всех сторон раздавались крики призыва, и невольно задавал себе вопрос: «Достиг ли я своей цели? Удалось ли мне его убить?»

Ответ дали двое прохожих, которые быстро шли от церкви святого Рока.

— Он чудом спасся от смерти, — сказал один из них.

— Я видел, как он прибыл в оперу. Его карета вся изрешечена. У Бессьера платье в крови.

— Ну, идем скорее. На улицах теперь нечего делать. Начали арестовывать решительно всех.

Мысли Сан-Режана словно заволокло туманом, и у него в голове засело только одно: начали арестовывать всех. Надо было прежде всего найти себе где-нибудь убежище. Он направился к магазину «Bonnetbleu».

Было около девяти часов, когда он постучал в ворота, ведущие на двор.

— Кого вам? — спросил вышедший на стук привратник.

— Гражданина Лербура.

Несмотря на темноту, привратник узнал его и сказал:

— А, это вы, гражданин Леклер. Пожалуйста. Хозяин только что вышел. Но гражданка Лербур дома. Вы знаете, что произошло?

— Да. Покушались убить первого консула.

— Разбойники! Это все детища террора! Их надо истребить с корнем!

Сан-Режан уже поднимался по лестнице, которая вела в квартиру Лербуров. У двери он позвонил. Она тотчас отворилась и в полуосвещенной передней он увидел Эмилию. Он глубоко вздохнул, поднял руки, как бы благославляя, и, почти теряя сознание, опустился на кушетку.

Эмилия закрыла дверь, охватила его руками и быстро заговорила:

— Я здесь одна. Я услала мужа, чтобы разузнать о происшествии. У меня была тайная надежда, что ты вернешься, и я тебя увижу еще раз. Боже мой, как это ужасно! Ты весь в крови. Несчастный, что ты наделал? Весь этот шум, крики! Ты всему причина. Ты едва не погубил самого себя. Не оставайся здесь. Иди на нижний этаж. Там нет никого. Служитель при магазине отпущен в гости до послезавтра. Не смотри на меня так. Можно подумать, что ты совсем умираешь.

Сан-Режан терял сознание. Она обняла его, прошептала:

— Прежде всего надо подняться в комнату, где ты проведешь ночь. Здесь тебя не будут искать. За ночь ты можешь отдохнуть. А завтра мы увидим... О, как я рада, что ты уцелел среди таких страшных опасностей. Но иди скорее. Мой муж того и гляди вернется.

Она тихо и осторожно повела его в мансарду, где он будет в полной безопасности.

XI

Прибыв в оперу, первый консул, даже не взглянул на свою карету, прошел через вестибюль прямо в свою ложу. Ланн и Бессьер следовали за ним. В коридорах не было никого — оратория уже началась. Гара и мадам Барбье-Вальбонн, певшие главные партии, были

уже на сцене. Бонапарт остановился в глубине ложи и, глядя на обоих генералов, в первый раз высказал свое мнение относительно покушения:

— Эти негодяи хотели убить меня.

Затем обернувшись к Бессьеру, он прибавил:

— Пожалуйста, принесите мне либретто оратории.

В это время в ложу вошла испуганная, бледная Жозефина. Ее платье было в крови. За ней появились Гортензия, слегка раненная в лицо осколком стекла, и Каролина Мюрат, оставшаяся невредимой.

Жозефина бросилась к мужу и схватила его за плечи.

— Ты не убит? Какое чудо! Мы видели, что твоя карета была вся в пламени. Мы ехали сзади шагах в двадцати, и у нашей кареты разлетелись вдребезги все стекла.

— Ты очень испугалась?

— Только за тебя. Гортензия закричала от боли. У нее поранено лицо. Мадам Мюрат показала себя таким же храбрецом, как и ее муж. Впрочем, полковник Рапп сказал нам, что если с первого раза нас не убило, то больше опасности нет.

— Это террористы устроили,— сказал Бонапарт.

В этот момент среди публики произошло движение, и в зале поднялся шум от разговоров. Известие о покушении распространилось, и публика гораздо более интересовалась тем, что рассказывали вновь прибывающие, чем ораторией.

Бонапарт понял все, что происходило. Как бы для того, чтобы окончательно объяснить происходившее волнение, Бессьер, подавая программу, сказал:

— Генерал, разнесся слух, что вы ранены. Вам нужно показаться в зале.

Первый консул сделал шага три и подошел к барьеру своей ложи. Его красивая властная голова резко выделялась на темном фоне бархатной драпировки. От партера до галереи поднялись неистовые крики. Все стояли, крича: «Да здравствует Бонапарт!»

Женщины аплодировали. Музыка смолкла. Первый консул приветствовал зрителей поклоном, дал жестом понять, что он благодарит всех, и сел. Возле него сели Жозефина, Гортензия и Каролина. Представление продолжалось. Как только опустили занавес, в коридорах театра началась давка, все ходили вперед и назад, образовывались отдельные группы.

На представление явилось немало лиц, занимавших официальное положение. Реаль, Тибодо и Лербен бросились к консульской ложе. Камбасарес, сидя в своей ложе в бельэтаже, разносил префекта полиции Дюбуа, испуганного последствиями, которые это покушение будет иметь и для него лично. Не было только Фуше, и Реаль не без ехидства обратил внимание консула на это обстоятельство.

— Министр полиции настолько не подозревал всего, что случилось, что, по всей вероятности, мирно почивает в своей постели.

Первый консул сделал вид, что не слышал этих слов.

Но его бледное лицо сделалось серым, губы сжались так плотно, что почти совсем исчезли. Весьма кстати вошел Камбасарес с несчастным Дюбуа, который съезжился как только мог, чтобы не навлечь на себя взгляда первого консула.

— Ну, Камбасарес, — сказал Бонапарт, — вы едва не сделались первым консулом!

— Провидение, видимо, пощадило Францию в вашем лице, генерал.

Несмотря на свою религиозную окраску, фраза Камбасареса до такой степени соответствовала мыслям всех окружающих, что со всех сторон послышались одобрения. Жозефина сложила молитвенно руки и отважно сказала:

— Бог совершил чудо для нас.

Тут было с полдюжины прежних якобинцев, которые голосовали за казнь короля и не раз отправляли священников на гильотину. Ни один из них не отозвался. Только Ланн в своем углу пробормотал:

— Подождите еще, посмотрим дальше, что сделает Бог.

Бессьер, более приспособленный ко двору, толкнул локтем товарища.

— Вы останетесь до конца представления, генерал? — начал опять Камбасарес.

— Нет, я хочу вернуться в Тюильри. Вы поедете со мной, Камбасарес. Пошлите за гражданином Фуше. Жозефина, ты можешь остаться здесь с дамами, если хочешь. Я оставляю с тобой Бессьера и Раппа.

— Нет. Для меня нет никакого удовольствия слушать теперь музыку. Кроме того, надо сделать перевязку Гортензии. Мне страшно самой себя, когда я ви-

жу кровь на платье. Наконец, я не хочу оставлять тебя...

— Ну, хорошо. Тогда едем.

И он направился по коридорам театра, идя впереди своей семьи, своих генералов и чиновников. При его приближении все снимали шляпы и приветствовали его криками. А он шел спокойно и просто в своем мундире почти без всяких нашивок, составлявшем такой контраст с блестящими мундирами его свиты. Он улыбнулся только гвардейскому солдату, который в вестибюле радостно отдал ему честь.

Но, приехав в Тюильри, консул разразился гневом. Там он не считал нужным сдерживать себя и, быстро ходя по комнатам нижнего этажа, как бы чувствуя потребность в физических движениях, которые всегда сопровождают сильные потрясения, кричал:

— Я дам хороший урок! Надо наконец, чтобы около меня было безопасно, и чтобы сотням людей, которые являются приветствовать меня на улицах Парижа, не приходилось рисковать жизнью за это. Я не говорю о себе. Принимая власть, я вместе с ней подверг себя и всем опасностям. Я знаю очень хорошо, что революционеры ненавидят меня также, как и разбойники. Своими порядками я стесняю и тех, и других. А те еще злятся на меня за то, что им не удастся привезти сюда своего короля. Но я их всех раздавлю, белых и красных. И наказание будет такое, что у всех пропадет охота браться за то же.

Он остановился, чтобы перевести дух. Тяжелое молчание водворилось в комнате. Никто не решался возражать ему, а между тем тут были все первые лица государства.

— В течение года уже четвертый раз покушаются меня убить, — заговорил опять Бонапарт, принимаясь ожесточенно ходить. — Но это будет последний. Я знаю, тут виноваты приверженцы террора. Я еще на днях говорил об этом Фуше, он не верит этому. У него свои соображения. Все те, которые виновны, его прежние соучастники, а многие остались с ним даже в дружеских отношениях.

Дверь полуотворилась. На всех напал какой-то столбняк. Даже сам первый консул остановился и смолк.

Вошел тот, кого он только что обвинял. Бледно-зеленый, худой, с тусклыми, устремленными в про-

странство глазами, Фуше направился к первому консулу. Не доходя шагов десяти, он сделал низкий поклон и стал дожидаться, пока тот заговорит с ним.

Бонапарт, закрыв глаза, казалось, собирался с мыслями. Несколько секунд он стоял совершенно неподвижно, потом вдруг сделал резкий жест, от которого кровь прилила ему к лицу, и, взяв Фуше под руку, пошел в конец зала, как бы не желая, чтобы присутствующие слышали, что он будет говорить.

— Ну-с, видите, как близко было то, чего я боялся. Мои сведения оказались более точными, чем ваши. И вы чуть не допустили, чтобы меня убили. Можете поздравить себя с тем, что я спасся только благодаря счастливой случайности. Если б я был убит, народ разорвал бы вас на куски.

Фуше сделал гримасу, которая рассердила Бонапарта. Он отошел от министра и снова начал ходить по комнатам.

— Ваша полиция нелепа, она не лучше полиции при старых порядках. На днях я заменю вас одним из моих жандармов. И тогда вы увидите, что дело пойдет иначе. После десятилетних волнений и безумной экзальтации наша страна нуждается в спокойствии, и она рассчитывает в этом случае на меня. Я не премину исполнить задачу, которую она на меня возлагает. Всякие интриганы и агитаторы будут преследоваться беспощадно. Я не потерплю, чтобы вели торг о цене общественной безопасности, и подвергну ответственности за нерадение или даже измену всех, которые не умеют ничего разузнать и предупредить.

При этих словах, означавших, что министр полиции впал в немилость, вокруг него быстро образовалась пустота. Но он стоял совершенно спокойно и, казалось, не слышал угрозы первого консула. Он прислонился к камину и ждал, пока буря пройдет.

Бонапарт заговорил спокойнее. Видно было, что выражения его стали более обдуманно и гнев постепенно утихал.

— На этот раз меня не удастся более провести, — заговорил он. — Для меня нет сомнений, что тут не шуаны, не эмигранты, не бывшие дворяне и не бывшие попы. Я знаю виновников этого покушения и сумею до них добраться.

И, говоря так, пристально посмотрел на Фуше. Бывший член конвента поджал губы и покачал головой.

Бонапарт ринулся прямо на него и, пожирая его своими огненными глазами, спросил в упор:

— Вы не согласны со мной? Вам что-нибудь известно? Объясните.

Они стояли в конце обширной комнаты. Оба были предметом живейшего любопытства, но в то же время вполне защищены от него. Фуше решил ответить:

— Я знаю, кто виновники покушения. До истечения этой же недели они все будут у меня в руках. Не будь одного обстоятельства, как это часто случается с людьми, они были бы схвачены раньше, чем им удалось исполнить их злодейский умысел.

— Все роялисты, товарищи Жоржа?

— Последние события подтвердят, что мои сведения совершенно верны.

Берегитесь, Фуше, если вы играете со мной! На этот раз вы отправитесь, подобно другим, в Синнамари.

— Генерал, относительно себя лично мне нечего бояться. Я уверен в том, что говорю. Но я тем не менее не премину собрать сведения о тех, кого вы подозреваете. Из революционеров еще остался кое-кто, они вечно кипят и угрожают общественному порядку...

— Ага, вот видите! Каким же образом эти люди могут собираться и совещаться безнаказанно? Они собираются в масонских ложах. Вам это известно. Все эти злодеи будут отправлены в ссылку, подальше от Франции. Государственный совет завтра же издаст указ. Я не хочу, чтобы опять воздвигались эшафоты. Но необходимо истребить, совершенно истребить это отродье.

В эту минуту, когда приезжали и уезжали высшие чиновники, дипломатические представители, военные, явившиеся засвидетельствовать первому консулу свою преданность, вошел префект полиции Дюбуа. Фуше терпеть не мог этого человека. Насмешливым жестом он показал на него Бонапарту.

Резким голосом первый консул стал расспрашивать несчастного, который напрасно старался бормотать какие-то несвязные извинения.

— Не от вас зависело помешать успеху этих разбойников? Каким образом они могли получить порох, которого было достаточно, чтобы взорвать целый квартал? Гражданин Дюбуа, если б я был префектом полиции и со мной случилась такая история, я умер бы от стыда.

С этими словами он повернулся к нему спиной. Дюбуа стоял как громом пораженный.

Бонапарт, излив наконец весь свой гнев, сказал Фуше:

— С сегодняшнего же вечера займитесь этим делом. Население Парижа должно немедленно получить безопасность. Помните, что только успех будет для меня доказательством вашей преданности.

Фуше поклонился и, пробравшись через толпу придворных, которые расступились, чтобы пропустить его, вышел в вестибюль. Там он нашел дожидавшегося его секретаря Виллье и, опираясь на руку молодого человека, спокойно, как будто он в полной милости у своего начальства, уселся в карету.

Когда они тронулись в путь, Фуше сказал своему спутнику:

— Один момент я думал, что он разорвет меня. Если бы я стал ему противоречить, он арестовал бы меня. Да и теперь еще...

Виллье показал ему пару пистолетов, которые всегда носил под пальто, и сказал:

— Я это предвидел. Вас не схватили бы без сопротивления.

На мрачном лице Фуше скользнула улыбка. Он благосклонно покачал головой.

— Вы так преданы мне, Виллье?

— Да, гражданин министр.

Улыбка исчезла с лица Фуше.

— Да, я еще министр.

Он погрузился в свои мысли. Потом дернул за веревку, привязанную к руке кучера, и приказал ему остановиться.

— Поезжайте сию минуту в больницу Милосердия, — сказал он Виллье. — Действуйте от моего имени. Спросите, в каком положении находится там некий Браконно, получивший огнестрельную рану в грудь. Если он еще не умер, сейчас же возвращайтесь ко мне обратно. Я тогда поеду сам завтра утром, чтобы лично его допросить. Передайте директору больницы, что необходимо принять все меры, чтобы этот больной мог мне отвечать.

Секретарь вышел из кареты, а Фуше вернулся к себе и лег спать.

Пока эти события разыгрывались в Тюильри, гражданин Лербур, встревоженный всем тем, что ему при-

шлось услышать дорогой, и испуганный зрелищем на Шартрской улице, поспешно вернулся к себе в магазин «Bonnet bleu», чтобы поскорее рассказать жене, какая ужасная бойня произошла при проезде первого консула. Эмилия приняла его с таинственным видом. На его возгласы она отвечала предостерегающим «ш-ш!..», а затем, видя его недоумение, повлекла к себе в комнату. Уверившись, что здесь ее никто не слышит, кроме мужа, она сказала:

— В твоё отсутствие случилось нечто ужасное.

— Что такое?

— К нашей двери подошел Виктор Леклер, весь в крови и едва дыша.

— А, несчастный! Он был ранен при этой ужасной катастрофе. А ты позвала доктора?

— Это невозможно!

— Почему?

— Вот в чём весь ужас положения, Виктор Леклер замешан в этом деле, и если его присутствие будет открыто, то это создаст для него большую опасность, а на нас навлечет огромные неприятности.

— Но моя благонамеренность достаточно известна! — вскричал Лербур.

— Тише! — испуганно прервала его Эмилия. — Тут дело идет об его голове.

— Боже великий! Неужели этот серьезный малый принимал участие в заговоре?

— Он был вовлечен в него, поддался гибельным влияниям. Словом, теперь уже поздно рассуждать о том, что совершилось: он замешан в этом преступлении.

— Он! Такой кроткий и любезный человек! Как он нас обманул! Но это покушение чудовищно. Там груды убитых. Ранены женщины, дети... Кто бы мог подумать, что это Леклер.

— Дело очень просто. Если мы отправим его отсюда, он погиб. Он не успеет дойти до угла улицы, как полиция уже схватит его. Патрули ходят по всему кварталу.

— Кто говорит о том, чтобы его отправить отсюда? Я могу проклинать его проклятое дело. Но от этого до выдачи еще далеко.

— Однако он не может же оставаться здесь. Завтра его присутствие будет открыто. Жером, служитель при нашем магазине, к счастью, не ночует сегодня в своей

комнате. Но, вернувшись, он конечно, заметит, что у него есть сосед. Он станет любопытствовать, начнет говорить, и все обнаружится. Нужно завтра же утром отправить Леклера.

— Но куда?

— В надежный дом, до которого он не сможет добраться сегодня. Но завтра утром ты можешь сам отвезти его туда.

— Каким же образом?

— Я куда-нибудь пошлю Жерома часов в восемь, а предварительно велю ему привезти к заднему крыльцу нашу магазинную повозку. Мы вынесем Виктора Леклера и усадим его в повозку. В это время наши мастерицы еще не приходят, мы можем действовать свободно. Ты сядешь на козлы и поедешь на улицу Дракона. Там на углу улицы Юшетт Виктор Леклер выйдет из кареты и тебе останется только вернуться обратно.

— А если меня арестуют по дороге?

— Здесь тебя хорошо знают и не сделают этого! А раз ты будешь далеко от места покушения, то кому придет это в голову? Наконец, надо рискнуть, чтобы так или иначе выйти из положения, в которое мы попали.

— Это верно. Черт бы побрал этого Виктора Леклера! Кто мог думать! Он был кроток, как барышня. Казалось, что это все устроили террористы. Разве он из них?

— Нет! Он роялист! Он мне все рассказал. Они хотели уничтожить Бонапарта, чтобы вернуть короля.

— Какая глупость! Стало быть, Людовику XVI не из-за чего было отрубить голову? Больше короля во Франции не будет. Нам достаточно первого консула. Как мне досадно, что я ошибся насчет Виктора Леклера. Я считал его деловым малым. А он заговорщик... Вот и доверяй тут людям.

— Хочешь его видеть?

— Да, конечно.

— Хорошо. Поднимемся потихоньку. Я уже перевязала его, но у него лихорадка.

— Он серьезно ранен?

— У него почти оторвало руку.

— Бедный малый.

Таким образом, начав бичевать злодейский поступок Виктора Леклера, Лербур, по свойственной людям

переменчивости, кончил тем, что стал скорбеть о ране, которую тот получил при этом самом поступке.

Супруги поднялись в мансарду, где на матрасе лежал Виктор Леклер, бледный, как смерть, от потери крови. Увидя входившего Лербура, молодой человек хотел приподняться. Все лицо его исказилось от страшной боли. Эмилия схватила его за плечи и опять положила в постель.

— Не двигайтесь. Вы должны лежать неподвижно, чтобы не разбередить рану. Вот мой муж хочет вас побранить.

— Потом, не теперь! — прервал ее Лербур, расстрогавшийся при виде раненого. — Когда он будет в состоянии меня слушать... А теперь нужно быть спокойным. Какое несчастье, что мы не можем лечить его здесь! Недели через две он бы совсем поправился. Но это невозможно! Ах, Леклер, Леклер! Вы пускаетесь в безумное и преступное предприятие! А я вам так верил! Теперь уже нельзя больше никому верить!

— Послушай, друг мой! — прервала его мадам Лербур.

— Да, ты права! Я увлекся. Но он так виноват... Мы постараемся его выгородить как-нибудь. До завтра. Постарайтесь заснуть.

— Я останусь около него. Иди вниз один, — сказала Эмилия мужу. — Я сейчас к тебе возвращусь.

Еще раз рассыпавшись в дружеских уверениях, Лербур сошел в свою комнату, а Эмилия села около раненого и, взяв его руку в свои, старалась успокоить, ободрить, вдохнуть в него мужество. От ее прикосновения, словно под таинственным влиянием любви, возбуждение, в котором находился Сан-Режан, стало затихать, нервы успокоились, кровь была уже не так горяча. Раненый чувствовал общее изнеможение и задремал. Эмилия видела, как дрожали его ресницы, как закрылись его глаза. Дыхание стало медленнее, и благодетельный сон, уничтожающий все страдания, принес ему забвение всех его страхов.

Проснувшись, как обыкновенно, в шесть часов утра, Лербур пошел в мансарду, в которой он вчера видел Сан-Режана. Он застал там свою жену, которая перевязывала раненого. Молодой человек чувствовал себя много лучше и не сомневался, что у него хватит сил выдержать переезд. Он стал извиняться перед Лербуром за опасности, которые на него навлек.

— Эта опасность была бы еще больше, если бы вы оставались здесь, — сказал торговец с простотой, походившей на мужество. — Но, Леклер, вы должны дать мне честное слово в том, что если благополучно выберетесь из этого дела, то уж никогда более не предпримете чего-нибудь подобного!

— Клянусь вам, — сказал роялист с печальной улыбкой. — Когда имеешь несчастье напрасно пролить столько крови, то остается только исчезнуть куда-нибудь или умереть. Пусть будет со мной, что угодно Провидению. Но я проклинаю самого себя и хотел бы искупить свою вину. А это могу сделать только молитвой или своей смертью.

— Ну, не падайте духом, Леклер. В вашем возрасте люди не уходят в монастырь, чтобы предаваться раскаянию и размышлениям. Люди жертвуют собой за общее благо и совершают какой-нибудь самоотверженный подвиг и таким образом снова возвращают уважение к самому себе. Но теперь все дело в том, чтобы как-нибудь спастись. Вы должны пойти...

— Особенно для того, чтобы не навлечь опасности на вас, дорогой Лербур. Я был бы в отчаянии, если бы моя гибель увлекла за собой и вас. Доброта, которую вы мне оказываете, переполняет мое сердце благодарностью.

— Не будем говорить больше! Мы поговорим об этом потом, если Бог приведет увидеться. Я оставляю с вами мою жену, а сам пойду вниз, чтобы приготовить все к вашему отъезду.

И с наивной доверчивостью добряк оставил Эмилию с молодым человеком.

От тоски, угрызения совести, слез и бессоницы ее лицо носило следы глубоких страданий. Сан-Режан сам страдал от этого, но не мог ни утешать ее, ни оправдывать себя. Страдания, в которых билась молодая женщина, были искуплением их преступного счастья. Она помогла Сан-Режану встать и одеться. Они были одни, но им и в голову не приходило поцеловать друг друга. Казалось, что-то стало между ними и что с этого времени любовь уже не будет доставлять им удовольствия. Сан-Режан с мрачной тоской посмотрел на Эмилию.

— Разве не лучше было бы для меня, если б я сам погиб вместе с моими жертвами? Посмотрите, какова теперь моя жизнь, если даже вы с затаенным ужасом стараетесь отдалиться от меня? Послушайте, дайте мне

пистолет, я выйду на улицу, чтобы не навлечь на вас подозрений, и в ста шагах отсюда пущу себе пулю в лоб.

— Несчастный! Как можете вы быть столь жестоким и обращаться ко мне с подобной просьбой! — воскликнула Эмилия с горечью. — Я только и думаю о том, чтобы вас спасти. А вы отчаиваетесь во всем... Дайте мне, по крайней мере, время, чтобы оправиться от столь ужасного потрясения. Я принадлежу вам, увы! Вы знаете отлично, что я буду разделять с вами все опасности, будь что будет. Я боюсь только за своего мужа. За что заставляю рисковать этого доброго, благородного человека!

— Да, вы правы. Во чтобы то ни стало мы должны выгородить его. Рискнем всем, чтобы спасти его.

И он протянул ей руку с видом примирения.

— Вот это так. Вот каким я хотела бы вас видеть. Теперь пора ехать. Простимся. Быть может, мы уже больше не увидимся.

И они с жаром обнялись, как будто это был действительно их последний поцелуй. Затем Эмилия повела Сан-Режана и, спускаясь впереди его по лестнице, свела его на второй этаж. Здесь она сказала ему:

— Подождите здесь одну минуту. Я посмотрю, где мой муж.

Она быстро спустилась на полутемный первый этаж. Через секунду она снова показалась на половине лестницы и сделала ему знак идти за ней. На дворе уже стояла магазинная повозка Лербура, вся заваленная кусками материй. Сан-Режан с трудом уселся между ними.

Последний взгляд Эмилии, последнее пожатие руки Лербура, и занавеска повозки спустилась. Лербур сел на козлы и шагом выехал на улицу Сент-Оноре. Прохожие уже сновали по ней во все стороны — приказчики, направляющиеся в свои магазины, рабочие, идущие в мастерские. Торговцы уже снимали ставни со своих окон. Торговка зеленью, укладывая груды капусты, картофеля и моркови, крикнула Лербуру:

— Уже в путь, гражданин Лербур? О, вы, как все труженики, встаете спозаранку.

— Я еду в контору почтовых дилижансов, соседка. Они ведь не будут меня ждать.

— Ага, вот и жандармы, которые делают обыск!

Отряд жандармов подъезжал к церкви святого Ро-

ка. Лербур шагом направился к Пале-Роялю, заговаривая на каждом шагу с местными обывателями. Он слышал, как обойщик Санваль сказал жандармскому офицеру:

— Это гражданин Лербур, хозяин магазина «Bonnet bleu». Если его подозревать, то тогда нужно арестовать всех. Это лучший из всех благонамеренных людей.

Благодаря такому отзыву, Лербур избег осмотра своей повозки. Холодный пот лился у него по спине, когда он ехал среди жандармов. Он вздохнул свободно лишь тогда, когда был уже на набережной. Там он сильно хлестнул лошадь и через несколько минут был на углу улицы Дракона. Тут он остановился, просунул голову внутрь повозки и сказал:

— Леклер, мы приехали. Можете ли вы выйти?

— Я думаю, что могу. Посмотрите, не следит ли кто-нибудь за нами.

Лербур спрыгнул с козел на набережную. Ничего подозрительного не было.

— Момент благоприятный, — сказал он. — Выходите.

Занавеска, скрывавшая спереди внутренность повозки, открылась, и Сан-Режан осторожно спустился на землю. Он обернулся к Лербуру и с волнением, от которого дрожал голос, сказал:

— Прощайте! Моя жизнь принадлежит вам, благородный человек. Вы рисковали собой из-за моего спасения. Поезжайте. Не оставайтесь здесь более ни одной минуты.

И он пошел по улице. Лербур был потрясен этой разлукой. Он боялся того, что из всего этого выйдет, и обвинял себя в том, что недостаточно сделал для этого человека, которого любил, как родного сына. Твердость шагов Сан-Режана успокоила Лербура. Он подавил вздох и, увидев издали, что молодой человек без всяких приключений вошел в дом № 35, сел на козлы, стегнул лошадь и по набережной, Елисейским полям и площади Революции вернулся домой, жив и невредим.

Юный Виллье с примерной быстротой и аккуратностью исполнил поручение, которое ему дал Фуше. Он взял извозчика и приказал ему ехать в больницу Милосердия. Приходилось переезжать страшный в те времена квартал Мобер, где легко могли остановить экипаж и ограбить пассажира.

Доехав благополучно до ворот этой старинной больницы, построенной еще при Людовике XIII сзади Ботанического сада, Виллье от имени министра полиции приказал разбудить директора. Он в нескольких словах посвятил его в историю покушения, которая была здесь еще неизвестна. Директор сейчас же позвал дежурного врача. Гражданина Виллье повели по длинным, бесконечным коридорам в палату, где лежал бледный, умирающий Браконю.

— Плохо дело этого бедного малого! — сказал секретарь Фуше.

— Удивительно еще, что он не умер в течение этих дней. Пуля пробила его навывлет и задела спинной хребет. Поэтому раненый не подает ни малейших проблесков сознания.

— Скажите, можно ли при помощи каких-нибудь сильных средств вдохнуть в него на несколько минут жизнь?

— Доктор Дюпутрэн — очень искусный врач. Мы объясним ему положение дела.

— Хорошо было бы предупредить его до завтрашнего утра. Тут дело государственной важности, которое не терпит отлагательства.

Виллье уехал.

Казалось, все благоприятствовало спасению Сан-Режана. Карбон после взрыва спокойно вернулся в свою общину. Что касается Лимоэлана, то он немедленно вышел из Парижа и отошел от столицы по крайней мере двадцать лье. Он уже скоро должен был достичь Бретани, чтобы там дать отчет Жоржу обо всем, что произошло. Он был убежден, что Сан-Режан убит, и не беспокоился больше о нем. Гибель одного человека мало значила для этого грубого человека, привыкшего к массовым избиениям. По дороге он узнал, что Бонапарт спасся от гибели. Для него дело было теперь ясно: приходилось начинать все с начала.

Итак, обстоятельства, при которых было совершено покушение, а также и виновные в нем были покрыты мраком неизвестности. От повозки остались одни щепки. Бочонок и ружейный ствол превратились в порошок.

Агенты Дюбуа перерыли всю местность, но все было напрасно. Полиция Фуше не трогалась с места, ожидая приказаний. Единственное средство раскрыть происшествие было установить тщательное наблюдение за домом № 35 по улице Дракона. Но Суфлар и Клеман продолжал торчать перед гостиницей «Красный лев».

Впрочем, эта темная история стала мало-помалу разъясняться. Один из агентов, рассказывая Суффлару подробности покушения, заметил между прочим, что лошадь, которая была запряжена в тележку, была белой масти. При этих словах гигант ударил себя по лбу с такой силой, что убил бы быка. Он выругался и покраснел, как пион.

— Ах, каналы! Это они и есть! Как они нас одурачили.

И, не пускаясь в дальнейшие объяснения, он оставил на посту Клемана, а сам бросился к секретарю Фуше.

Было около десяти часов утра. Бонапарт уже прислал за новостями полковника Раппа. Приходилось сознаться, что пока еще ничего не выяснено. Адьютант принял это известие с таким насмешливым видом, что не оставалось ни малейшего сомнения в том, что Фуше впал в немилость. Полковник передал также, что первый консул ждет Фуше и будет говорить с ним перед началом заседания государственного совета. Мрачный и хладнокровный, как будто дело шло не о его положении, а, пожалуй, и свободе, Фуше отвечал, что он не преминет явиться. Он не знал, куда ему обратиться и как поймать случай — это провидение полиции, когда Виллье ввел к нему в кабинет гиганта Суффлара.

— Гражданин министр, этот агент хочет сделать важное указание. Нам, может быть, удастся схватить конец нити. Повозка, которая разбита вдребезги на углу улицы Шартр, была запряжена белой лошастью, и, очевидно, на ней везли один или несколько бочонков. Вчера вечером три человека явились к гостинице «Красный лев», которая давно известна, как место сборища роялистов, и здесь положили на тележку, запряженную белой клячей, два бочонка.

— В одном из бочонков было вино, — сказал Суффлар. — Мы пили его после того, как я помог положить бочонки в повозку.

— Ах, вы помогли положить? — сказал Фуше. — Стало быть, вы говорили с ними? Какого они были вида? Высокого или невысокого роста, одеты хорошо или плохо?

— Они были похожи на рабочих. Ни в одежде, ни в манерах не было ничего, что бросалось бы в глаза. Они говорили, что должны доставить вино в Сан-Антуанское предместье.

— Это было вино?

— В одной из бочек, по крайней мере.

— А в другой?

— А в другой что было, я не знал.

— Виллье, напишите приказ об обыске и идите с ним. Переройте в этой гостинице все сверху донизу и арестуйте всех, кто вам покажется подозрительным. Во всяком случае, хозяина гостиницы доставьте ко мне. Да поугайте его хорошенько, чтобы он здесь отвечал как следует. Вы, Суффлар, отправляйтесь опять на улицу Дракона и наблюдайте за домом, который Браконно считал подозрительным.

Он позвонил.

— Позовите ко мне инспектора, который собирал обломки на месте взрыва. И пусть немедленно по всему Парижу наведут справки, не пропала ли у кого-нибудь тележка, запряженная белой лошастью. Идите.

Вошел служитель, доложивший с таинственным видом, что прибыл директор больницы Милосердия и желает переговорить с гражданином министром. Лицо Фуше оживилось. Не меняя прежнего тона, он приказал вести директора.

Виллье и Суффлар ушли, и Фуше остался один. Он встал из-за стола и перед зеркалом пригладил пряди своих волос. Хладнокровие этого человека было изумительно.

— Здравствуйте, гражданин директор, — сказал он, поворачиваясь к посетителю. — Как дела? Успели ли добиться успеха ваши врачи?

— Да, гражданин министр, хотя успех очень небольшой. Но все же не без результата. Молодой доктор Дюпутрэн и доктор Бруссе напрягли все свои силы и знания, чтобы вырвать из агонии этого несчастного. Бруссе пустил кровь Браконно...

— Еще пустили кровь? Да у этого несчастного уже не осталось крови в жилах.

— Доктор Дюпутрэн сделал ему прижигание у основания черепа. Браконно ожил...

— Скорее, идемте к нему.

— Бесполезно, гражданин министр, он опять впал в бессознательное состояние. Но в течение нескольких минут, пока он был в памяти, я рассказал ему о покушении на улице Шартр! Он весь оживился и, несмотря на то, что Бруссе только что пустил ему кровь, стал весь красный и вскричал: «Сан-Режан! Я уверен, что это он».

— Вы были одни около него, когда он говорил? — спросил Фуше.

— С двумя врачами. Но будьте покойны, гражданин министр. Для них так же, как и для меня, это профессиональная тайна.

— А потом?

— Мы вспрыснули умирающему эфир. Он опять оживился и сказал мне: «Запишите для гражданина Фуше». И с усилием он продиктовал мне три строки, которые я могу вам передать. Надеюсь, что вы их можете понять. Для меня они совершенно бессвязны и кажутся бредом.

С этими словами он протянул Фуше кусок бумаги, на котором было написано: «Bonnet bleu»... знают... Сан-Режан... Виктор Леклер... гражданка Лербур... улица Дракона...»

Прочитав этот набор слов, похожий на какой-то ребус, Фуше положил бумажку на стол и стал благодарить директора больницы за его усердие. Оставшись затем один, он стал думать о таинственном смысле, заключенном в этих бессвязных словах. Восклицание умирающего агента: «Сан-Режан! Я уверен, что это он!», которое он издал, когда директор больницы рассказал ему о покушении на улице Шартр, было совершенно ясно. Браконно не сомневался, что покушение было совершено Сан-Режаном. В самом деле, тут не было ничего невероятного. Этот вандеец прибыл в Париж в сопровождении Ги де Невилля и Жоржа. Оба последние после свидания с первым консулом уехали, а он, очевидно, остался для исполнения приказаний роялистского комитета.

Фуше взял бумажку и снова ее перечитал. «Bonnet bleu»... знают...» Что это за магазин «Bonnet bleu»?

И память министра, неистощимая и неослабная, сейчас же дала ему все нужные сведения. Хозяин этого магазина был некто Лербур, человек преданный правительству, поставщик мадам Бонапарт и всего консульского двора. Его невозможно заподозрить, но нет ли чего-нибудь подозрительного около него? Фуше не находил ничего. Слова «Bonnet bleu» становились неясны... Фуше никак не удавалось проникнуть в их смысл, увидеть, что скрывается за ними. Но в них, очевидно, вся тайна, которую Браконно изложил. Слова эти, правда, бессвязны, но они должны были объяснить все дело.

Фуше опять взял бумажку и прочел ее еще раз, тщательно обдумывая каждое слово. Минуты две он сидел молча, затем вдруг ударил рукой по бумажке и тихонько стал смеяться.

То был победный и страшный смех. Фуше нашел отгадку. Теперь он знал наверняка, что головы виновных в его руках.

Сопоставление двух слов: Сан-Режан и Виктор Леклер, как молнией, озарило потемки, в которых он блуждал. Он вспомнил, как Браконно докладывал ему о встрече Лербура с Виктором Леклером и особенно о симпатиях, которые гражданка Лербур, уроженка Вандеи, питала к своему земляку Сан-Режану.

Теперь все стало ясно. В магазине «Bonnet bleu» знали все, над чем ломал голову себе Фуше: где находится Сан-Режан, как было совершено преступление, кем оно было совершено и в каком верном убежище скрылись злодеи. Чтобы все это узнать, нужно было только арестовать весь персонал этого магазина.

Министр уже поднял руку, чтобы дернуть за шнурок и позвонить, как вдруг, его остановило одно соображение. Кого же именно арестовать в магазине «Bonnet bleu»? Кто был соучастником преступления и сколько этих соучастников? Конечно, надо арестовать Лербура и его жену. Но оставлять ли на свободе приказчиков, приказниц и магазинных служителей? Разве между ними не может оказаться преданного человека, который поспешит предупредить Сан-Режана?

Фуше опять взял бумажку и стал ее перечитывать. Брови его вдруг нахмурились: он поймал сам себя. Как мог он с его хладнокровием и рассудительностью по-

ступить так опрометчиво и оставить без внимания эти два решительные слова: «гражданка Лербур!»

«Гражданка Лербур и улица Дракона» — вот место, где скрывается Сан-Режан.

«Если эта Лербур любовница Сан-Режана, — думал Фуше, — то я в самом центре дела. Но не будем спешить, а лучше взвесим все другие комбинации. За улицей Дракона уже установлено наблюдение. «Bonnet bleu» не уйдет от нас. Теперь нити заговора в моих руках. Теперь я в состоянии поспорить с первым консулом. Он ждет меня до начала заседания государственного совета. Поеду к нему не без удовольствия. У него нет соперников на поле битвы. Ну, а у меня нет соперников по части полиции. Мы будем говорить, как равный с равным.

Фуше приказал подать себе в кабинет завтрак на круглый столик, а своему секретарю Виллье велел к четырем часам отправляться с каретой в магазин «Bonnet bleu» и привезти к нему гражданку Лербур.

— Если она будет спрашивать вас, в чем дело, — скажите, что я лично хочу сделать ей один заказ. Примите веселый вид и не напугайте ее. Если она будет беспокоиться, постарайтесь уверить ее, что полиция здесь ни при чем. Но ни одной минуты не теряйте ее из виду, следите внимательно, как бы она не проглотила чего-нибудь и не вздумала отравиться!.. Если бы в это дело случайно вмешается сам гражданин Лербур и станет предлагать поехать вместо нее, постарайтесь отговорить его от этого. Наконец, если вы встретите какое-нибудь сопротивление со стороны мужа или жены, то можете их арестовать, и в таком случае к каждой двери приставьте агента, так чтобы никто, не исключая и самого привратника, не мог выйти оттуда без разрешения. Вы поняли меня? Отлично. Скажите, чтобы мне подали экипаж. Я еду в Тюильри.

Было около часу, когда Фуше вошел в приемную, находившуюся перед кабинетом первого консула.

Его приняли немедленно. Бонапарт совещался с Реалем, Тибодо, Дефермоном и адмиралом Трюге. Все они были преданы ему, но каждый по-своему. Дефермон и Трюге сохранили свою манеру говорить то, что думали. Оба остальные, бывшие якобинцы, успели уже сделаться совершенными придворными.

Бонапарт в знак приветствия кивнул головой Фуше и продолжал говорить, как будто министр полиции уже

слышал все то, о чем они говорили до его прихода:

— Я думаю не о себе, а об общественном порядке, который должен охранять. Я до такой степени убежден в необходимости принять репрессивные меры, что, если нужно будет, готов сам стать судьей и судить этих изменников, которых необходимо немедленно наказать. Нужно засудить человек пятнадцать или двадцать этих злодеев и сослать человек двести... После этого все будет спокойно.

Среди водворившегося молчания только адмирал Трюге имел мужество возразить Бонапарту.

— Вы говорите о необходимости уничтожить злодеев, но ведь злодеи есть всякого рода. Не одни только революционеры. Есть еще эмигранты, которые возвращаются массами и грозят скупить все национальное имущество. Есть шуаны, не складывающие оружия и продолжающие вести войну на пустырях Бретани. Есть, наконец, священники, которые опять появились и возбуждают умы на юге, готовя контрреволюцию...

— Послушайте, гражданин Трюге,— прервал его первый консул.— Неужели вы думаете, что несколько старцев, вернувшихся из ссылки и которые желают только одного — жить в мире,— неужели вы думаете, что эти повывлезшие из своих убежищ несколько священников грозят общественному порядку? Неужели ради них придется объявить отечество в опасности? Нет, опасность грозит со стороны сентябрьских убийц и притом не только мне, но и всем вам. Неужели вы не понимаете, что эти люди ненавидят вас? Они ходят и всюду кричат, что вы изменники. Вы все слывете роялистами. Не следует ли мне отправить вас всех в Мадагаскар, а назавтра образовать правительство во вкусе Бабефа? Меня обмануть не удастся, и я знаю, куда нужно направить удар.

При этих словах Фуше сделал столь резкий жест протеста, что Бонапарт на минуту остановился. Он пристально посмотрел на министра полиции, очевидно, ожидая от него объяснения. Но Фуше молчал, опустив глаза, и, казалось, решил строго хранить про себя свою тайну.

— Граждане,— начал опять первый консул, обращаясь к своим слушателям,— я рассчитываю, что вы поможете мне принять меры, какие окажутся необходимыми. Ждите меня в государственном совете. Через несколько минут я буду там.

Все вышли.

Бонапарт подошел к Фуше, который продолжал сохранять свой таинственный вид.

— Что означает эта пантомима, гражданин министр? — спросил он.

— Она означает, генерал, что я хотел остановить вас в ту самую минуту, когда вы готовы были взять на себя обязательства, которые не в состоянии исполнить.

— Это почему?

— Потому что все ваши предположения опровергаются событиями.

— Виновники покушения вам известны?

— Мне известен главный из них. Соучастники также будут скоро открыты.

— Кто же этот негодяй?

— Сан-Режан.

— Товарищ Жоржа и Ги де Невилля?

— Он самый.

Бонапарт мысленно представил себе, как этот юный вандеец, гордый и сильный, рассуждал с ним здесь в залах Тюильри о будущности Франции и защищал права короля.

— Вы его схватили уже? — резким тоном спросил Бонапарт.

— Пока нет. Но это вопрос нескольких часов. К завтрашнему дню он будет в моей власти. Я знаю, где его искать и как его захватить.

— А подстрекатели? Все эти Жоржи, Ривьеры, Полиньяки, наконец, принцы, которые приказывают совершать все эти убийства, — они-то ускользают от нас? Но, пусть они берегутся! В один прекрасный день я не выдержу, и, если нужно будет, перейду границу и захвачу кого-нибудь из этих Бурбонов. Я заставлю его судить военным судом и тут же после заседания расстреляю!

В пароксизме гнева он схватил свою шляпу, лежавшую на столе, и бросил ее на пол. Затем ударом ноги отбросил ее в угол кабинета и принялся ходить большими шагами, как бы желая этим успокоить расходившиеся нервы.

В это время к первому консулу явился с портфелем его секретарь Бурьен. Увидев брошенную на пол шляпу, он поднял ее, расправил и сказал Бонапарту:

— Генерал, государственный совет уже собрался и ждет вас.

— Хорошо. Гражданин Фуше, — уже спокойно заговорил Бонапарт, — действуйте, не теряйте времени и сообщайте мне все, что вам удастся открыть. Это дело интересует меня больше всего.

Он взял с письменного стола табакерку и, отпуская Фуше, вышел вместе со своим секретарем.

День, начатый так удачно перевозкой Сан-Режана, проходил в «Bonnet bleu» в обычных занятиях, столь не подходивших теперь для встревоженного состояния хозяев магазина. Лербур не смел заговорить с женой о Викторе Леклере. Ему казалось опасным даже произнести это имя. Ему мерещилось, что вокруг его дома и даже в среде близких ему людей создалась атмосфера подозрительности, как будто заговорщик оставил позади себя запах пороха и крови. Лербуру казалось, все покупатели имели какой-то особенный вид. Всюду видел он шпионов.

В два часа Лербур вышел из дому не по делам, как это он делал ежедневно, а чтобы послушать, что говорят, порасспросить, поговорить. Он вошел в кафе Ламблэн, где встретил некоторых знакомых. Все негодовали против виновников покушения. В особенности ужасала всех смерть дочери лавочника.

— Только подумайте, какая жестокость, — заставил девочку держать лошадь, зная отлично, что ее разорвет на куски! Этих разбойников положительно следует искоренить. Имея дело с такими чудовищами, невольно иной раз пожалеешь, что нет более старинных пыток!

А между тем слабость Сан-Режана, заставившая оттянуть минуту взрыва, чтобы дать этой девочке время спастись, и спасла жизнь Бонапарта. И за это общество теперь проклинали Сан-Режана. Лербур, слышавший, как Сан-Режан оплакивал гибель ребенка и плакал, говоря о нем, с тоской слушал, как его друзья требовали самого жестокого наказания для убийцы.

Пока озабоченный Лербур всюду выслушивал негодующие разговоры парижан, его жена в лихорадочном жару заперлась у себя в комнате. Ей хотелось вдали от всех предаться своему горю. Уже больше часа лежала она на диване, как вдруг кто-то громко постучал в дверь.

Вошла служанка.

— Какой-то господин желает переговорить с вами по делу.

— Направьте его к кому-нибудь из приказчиц.

— Он хочет видеть вас лично.

Эмилия поднялась с испугом.

— Кто он такой?

— Молодой человек, очень красивый и элегантный.

— Проведите его в кабинет моего мужа.

Она поправила ленту в волосах и с тяжелым чувством направилась в соседнюю комнату. Там ее ждал Виллье. Вид у него был спокойный и любезный.

— Прошу вас извинить меня, гражданка,— начал он,— в том, что я непременно хотел видеть вас лично. Мне поручено гражданином Фуше просить вас пожаловать к нему.

— К министру полиции? — воскликнула Эмилия.

— Нет, гражданка,— вежливо поправил ее Виллье,— не к министру полиции, а к гражданину Фуше. Я к вам являюсь не по служебным делам, а в качестве частного лица. Я догадываюсь, что тут дело идет насчет ваших товаров. Гражданин Фуше сам объяснит вам.

— Я должна ехать сейчас же?

— Пожалуйста.

— Но мой муж уехал. Я одна дома...

— Через час вы уже будете опять у себя. Карета ждет нас у подъезда.

— Следовательно, я должна ехать с вами?

— Так будет для вас удобнее. Я уполномочен проехать без задержки мимо всех часовых, которые могли бы задержать нас.

— Могу я написать несколько слов моему мужу?

— Но для чего же? Ведь вы вернетесь домой раньше его.

— Гражданин, сознайтесь, что вы арестуете меня?

— Полноте! Разве за вами есть какая-нибудь вина?

Эмилия поняла, что она погибла, если будет пугаться и продолжать разговор в таком тоне.

Лицо ее стало бледным. Прекрасные глаза ушли куда-то вглубь под черные брови и стали темнее.

— Позвольте мне только взять шляпу и пальто.

— Велите вашей служанке принести их сюда.

Она уже не решилась противоречить, позвонила и отдала соответствующее приказание.

— Если мой муж вернется раньше меня, скажите ему, что я уехала на короткое время.

Она повернулась к Виллье и, вспомнив о Сан-Режа-

не, которого надо было спасать, и о своем муже, которого надо было выгородить, твердо сказала:

— Едем. Незачем идти через магазин. Мы выйдем по нашей лестнице.

В это время в винной лавке около Вожирарской заставы один из агентов, переодетый простым обывателем и пивший там кофе, слышал, как один огородник сказал другому, с которым сидел за бутылкой вина:

— Кажется, я знаю, откуда взялась белая лошадь и повозка, оказавшиеся на улице Шартр.

— А, неужели?

— Да. Если у этой лошади на левой передней ноге есть расщеп копыта и подсед сзади бабки, то это и есть она...

Как раз именно этот агент и подобрал остатки тележки и обе передние ноги лошади и присутствовал при их осмотре. У белой лошади действительно были и расщеп, и подсед.

Как только огородник вышел из лавки, агент очутился около него. Без всяких проволочек огородника посадили в карету и доставили к министру полиции. Там его порядочно припугнули, и на допросе он показал все, что ему было известно.

А то, что ему было известно, было чрезвычайно важно. Некий Франсуа, служивший привратником в такой-то общине, купил у некоего Поливо, набивщика мягкой мебели, за сто пятьдесят ливров старую тележку и хромую лошадь с тем условием, чтобы покупатель мог их взять, когда они ему понадобятся. Свою покупку Франсуа взял как раз накануне покушения.

Немедленно после этого показания в Вожираре был послан агент с приказанием арестовать этого Поливо. Другой агент полетел в общину милосердных женщин, чтобы захватить привратника Франсуа.

Таким образом, с самого начала у Фуше оказались шансы быстро добраться до тайны и выяснить, как произошло все это дело.

XIII

— Пожалуйста, гражданка,— сказал Виллье Эмили, отворяя дверь в кабинет Фуше.— Министр ждет вас. Не дрожите так, словно вы совершили преступление.

Эмилия бросила на молодого человека вопросительный взгляд. Он улыбнулся и имел самый приветливый вид, не покидавший его все время, пока они ехали в карете. Она снова овладела собой и вошла в кабинет.

Фуше сидел за большим письменным столом, заваленным бумагами, которые он внимательно читал. Не поднимая головы и не отрываясь от чтения, он спросил:

— Гражданка Лербур?

— Да, гражданин министр,— отвечал Виллье.

— Хорошо. Садитесь, гражданка. Я сейчас буду к вашим услугам.

Виллье вышел.

Эмилия села в кресло и, робко повернувшись к этому страшному человеку, от которого зависела теперь участь Сан-Режана, принялась рассматривать его украдкой. Его угловатая голова, желтое лицо, облысевший череп и в особенности угрюмые красные глаза без ресниц внушали ей ужас. «Лицо этого человека выдает всю его жизнь,— подумала она.— Такое безобразие требовало немало крови. Он мстит человечеству за свое физическое безобразие. И до последнего своего часа этому человеку будет доставлять удовольствие делать зло. Он гордится своей жестокостью. Это чудовище».

Чудовище подняло свои глаза, как будто не замечавшие молодой женщины, и спокойным голосом сказал:

— Мадам Лербур, где теперь находится Сан-Режан?

При этом страшном вопросе Эмилия почувствовала, что покраснела до корня волос. Она вздрогнула, ее глаза замигали.

— Гражданин министр, я не знаю, о ком вы говорите,— храбро отвечала она, не выдавая своего волнения.

— Я говорю вам о Сан-Режане, который бывал у вас под именем Виктора Леклера и который ездил с разными поручениями от магазина «Bonnet bleu».

— Я действительно знаю Виктора Леклера, который ездил в Лион по поручению моего мужа. Но я не знаю никакого Сан-Режана.

Фуше едва заметно улыбнулся и качнул головой.

— Мадам Лербур,— заметил он,— Сан-Режан и Виктор Леклер одно и то же лицо.

— Если вы мне это говорите, то, конечно, это так, гражданин-министр. Но я этого не знала.

— Отлично. Но Виктор Леклер был вам известен.

— Разве меня привезли сюда для того, чтобы допрашивать относительно комиссионера нашего магазина? — спросила Эмилия, стараясь отделаться от вопросов Фуше.— Ваш посланный сказал мне...

— Моему посланному было приказано избегать всякого скандала, который мог бы повредить вам. Заметьте, сударыня, что относительно вас я принял все меры, которых вы могли желать. Прибавлю при этом, что если вы дадите мне удовлетворительные разъяснения, которых я вправе от вас ожидать, то я выражу вам свою благодарность в самой полной мере. Я хотел бы точно представить вам ваше положение для того, чтобы вы могли избежать всяких неприятностей. Я хотел бы в настоящее время знать только одно: где теперь находится Виктор Леклер, если вы знаете только одного Виктора Леклера. Дайте мне удовлетворительный ответ на этот вопрос, и все остальное вас не касается. Я позову моего секретаря, прикажу ему подать вам руку, и через четверть часа вы будете у себя дома. Прибавлю при этом, что вы будете совершенно в стороне от всего, что произойдет потом. Я забуду о вас совершенно, как будто никогда вас и не знал. То, что произошло между нами, будет предано полному забвению!

Все это он проговорил совершенно спокойным голосом, не подчеркивая ни одного слова и не пытаясь запугать ее. В этой ровности сквозила такая сила и властность, что Эмилия не так испугалась бы, если бы ей стали грозить открыто. У нее закружилась голова и явилось такое ощущение, как будто она стоит над пропастью, заглядывая в ее бездонную глубину.

Но она была неробкого десятка. Обмороков с ней не бывало. И, напрягая до крайности свои нервы, она продолжала бороться.

— Я не имею никакой возможности, гражданин министр, сообщить вам те сведения, которые вы от меня требуете. Я не понимаю, какое право вы имеете обращаться за ними ко мне. Я простая женщина, занимаюсь своей торговлей и ничем больше, а тем более доставлением сведений полиции.

— Вы, очевидно, желаете, чтобы я разъяснил вам вашу ответственность. Хорошо, я удовлетворю ваше любопытство. Но прежде всего считаю нужным со-

общить вам, в чем обвиняется Виктор Леклер. Он обвиняется в том, что при помощи соучастников пытался вчера вечером убить посредством адской машины первого консула.

— Он. Какой вздор! Он такой порядочный и мирный человек! С его кротостью, которая не обидит даже ребенка.

— Может быть, Виктор Леклер действительно таков, каким вы его изображаете. Но Сан-Режан убил двадцать человек и ранил пятьдесят. Этому кроткому человеку ничего не стоило разнести в куски несчастную маленькую девочку, которая держала его лошадь в момент взрыва. Хороша доброта! Впрочем, не будем спорить об этом. Виктор Леклер и Сан-Режан одно и то же лицо и под тем или другим именем это ваш любовник!

— Милостивый государь,— возразила Эмилия,— если вы рассчитываете запугать меня подобными приемами, то жестоко ошибаетесь. У Виктора Леклера торговые дела с моим мужем. Я его видела раз пять или шесть не больше, и он никогда не был моим любовником.

— В таком случае, что же вы делали на улице Дракона? — спросил Фуше с насмешливой улыбкой.— Может быть, вы передавали ему поручения вашего мужа, являясь в тот дом, где он скрывался?

Видя, что Фуше так близок от истины, Эмилия задрожала. Как! он знал даже о доме на улице Дракона, он знал, что она бывала там у него! Следовательно, ему остается только протянуть руки и схватить несчастного. Но, очевидно, он еще не был вполне уверен, если задавал ей вопрос.

— Я была там раза два у моей модистки,— отвечала Эмилия,— и купила там шляпу, которую вы можете видеть на мне.

— Отлично! Установлено, стало быть, что Виктор Леклер скрывается у модистки. Это расчищает почву.

Эмилия в досаде махнула рукой и гневно посмотрела на Фуше.

— Я не буду больше отвечать вам. По крайней мере, вы не будете тогда ложно истолковывать мои слова.

— В таком случае, сударыня,— холодно сказал Фуше,— так как мне с вами нечего терять времени, то я отправляю вас домой. А вместо вас велю доставить вашего мужа.

Эмилия вскочила и, почти грозя, крикнула Фуше:

— И вы посмеете?

— О, я всегда посмею. Я полагаю, что гражданин Лербур будет благоразумнее. Когда он увидит, что ему грозит обвинение в соучастии в столь чудовищном преступлении, то уверен, он будет возмущен и даст нам все сведения, которые находятся в его распоряжении. Я поставлю ему, например, вопрос о том, что он думает о превращении Виктора Леклера в Сан-Режана и наоборот. Не будет ли он изумлен открытием, что вы посещали улицу Дракона? Тут, конечно, у него могут явиться самые горькие подозрения...

— Как это бесчестно! — вне себя вскричала Эмилия.

На этот раз Фуше поднялся и, приблизившись к Эмилии, в упор посмотрел на нее своими красными, тусклыми, как у мертвеца, глазами и погрозил ей пальцем.

— Послушайте! Нам пора заканчивать. Я пытался действовать на вас убеждением, но не убедил. Кротость также ни к чему не привела. Довольно! Если через пять минут Сан-Режан не будет выдан, я отправлю вас в тюрьму и велю арестовать вашего мужа. Вам больше не удастся играть со мной!

— Я ничего не знаю!

— Вы лжете! Вы все знаете! И вы должны сказать все, слышите, несчастная женщина. Иначе вы пойдете на эшафот. Вы и все ваши близкие, — без всякого послабления и милосердия!

— Хорошо! Убейте меня, но я вам ничего не скажу!

— В таком случае, я велю привезти сюда Лербура и дам ему доказательство, что вы любовница Леклера! Когда он узнает о вашей неверности, то заговорит, о, я в этом уверен. Он с радостью выдаст и Виктора Леклера и впридачу всех его соучастников. Но это вас не спасет. Тогда уже будет поздно!

Он подошел к звонку и протянул руку.

— Посылать за вашим мужем?

— Нет! — вне себя от горя крикнула Эмилия.

— Итак, вы покоряетесь?

— Что я должна сделать?

— Вы должны сделать выбор. Тот или другой. Вы мне отдадите Сан-Режана, или же я велю привезти вашего мужа и объясню ему все.

— Вы чудовище!

— Хорошо. Вы можете меня бранить, сколько угодно. Я не очень чувствителен. Но говорите прямо. Конечно, нет ничего легче, как перерыть весь дом и, если понадобится, сломать до основания. Но мне не хочется пускать в ход полицейскую силу и производить шум. Сан-Режан, сидя в своем убежище, несомненно, имеет при себе оружие. Наверное, у него под рукой есть пара хороших пистолетов. Конечно, ему захочется пустить их в ход против агентов полиции. Это ничего, на то они пойдут. Но все это будет очень тяжело для него самого. Он будет слышать, как стучат в стены, взламывают пол! Он может потерять голову и пустить себе пулю в лоб. И тогда мы разыщем только труп, а это не входит в мои расчеты.

По расстроенному и дергавшемуся лицу Эмилии он видел, какое действие произвели его слова. Он нарочно выбирал их все сильнее и сильнее, чтобы мучить бедную женщину. Он заметил, как она содрогнулась от страха и чуть не упала в обморок от ужаса при мысли, что в тайнике на улице Дракона Сан-Режан будет найден мертвым. Он чувствовал, что он укротил и овладел наконец этой энергичной душой, и поспешил воспользоваться угнетенным состоянием Эмилии.

— Вы уже открыли его секреты! Пусть Небо будет свидетелем, что я отдала бы свою жизнь, лишь бы только не выдать его. Кто этот подлый изменник, сообщивший вам все эти сведения?

— Человек, который ради исполнения долга пожертвовал своею жизнью и который в моих глазах — герой.

— Один из ваших агентов?

— Да. Он убит Сан-Режаном, но перед смертью сказал все.

Она снова разразилась слезами, протягивая руки, как бы умоляя о пощаде.

— О, сжальтесь над нами! Сжальтесь над нами!

— Успокойтесь! Я уже сказал вам: вам бояться нечего. Но если вы не скажете мне, как войти в тайник, то вы его убьете. Итак, как войти в тайник? Дело идет о его жизни. Помните, о его жизни!

Эмилия упала на колени и в полуобмороке билась головой о кресло. Наклонившись над ней, Фуше гипнотизировал ее своими глазами и усыплял ровным, однотонным голосом.

— Через шкаф? Да? Есть там пружина? Надо на что-нибудь нажать?

— В третьей доске направо, — простионала Эмилия. Фуше быстро выпрямился.

— Ну, сударыня, теперь вам надо вернуться домой. Все кончено. Вам нечего бояться. Забудьте этот злой час, как кошмар, и поздравьте себя с тем, что вы так легко уходите отсюда.

— Ценою подлости! — мрачно сказала она.

— Не всегда люди бывают подлы, если приходится жертвовать собой, чтобы не вовлечь вашего мужа в историю, последствия которой еще неизвестны и которая кончится эшафотом.

— Я предала Сан-Режана.

— Для того, чтобы спасти Лербура! Будьте осторожны и не говорите ни слова о деле Сан-Режана. Вы теперь вне опасности. Не вмешивайтесь опять в дело, которое может погубить вас. Второй раз мне уже не удастся вас выгородить.

Он позвонил. Явился Виллье.

— Гражданин Виллье, вы отвезете домой гражданку Лербур в той же самой карете, в которой ее привезли. Если гражданка Лербур пожелает выйти раньше, то вы поступите согласно ее желанию. Она свободна и может поступать, как ей угодно.

Он подошел к Эмилии, которая стояла неподвижно, словно в каком-то столбняке, и, слегка тронув ее за плечо пальцами, тихо сказал:

— Нужно ехать. Приведите в порядок ваше лицо. Помните, сударыня, что я вам очень обязан и что я к вашим услугам, если могу быть чем-нибудь вам полезен.

Она провела рукой по лбу, тяжело вздохнула и, увидев ожидавшегося ее секретаря, прошла мимо него и вышла в другую комнату.

Фуше потер руки, скривив свои фиолетовые губы в безмолвную улыбку. Он расхаживал по комнате маленькими шажками, склонив голову и как будто обдумывая приятное решение. Затем он дернул за шнурок звонка и сказал вошедшему курьеру:

— Попросите ко мне в кабинет гражданина Фудра.

Полицейский комиссар Фудра, который был доверенным лицом Фуше, был смелым исполнителем всевозможных распоряжений.

Осторожно постучав в дверь, комиссар вошел в ка-

бинет. То был человек лет тридцати пяти, среднего роста, нервный и смуглый, как южанин. Он неслышно приблизился к министру. Зрачки его были словно бархатные.

— Вы требовали меня, гражданин министр?

— Да. Я хочу дать вам одно поручение, не очень хорошее, оно требует большой расторопности. Нужно отправиться на улицу Дракона к модистке Грандо и арестовать там некоего Сан-Режана, который у нее скрывается.

— Он будет защищаться?

— По всей вероятности.

— Сколько людей я могу взять с собой?

— Возможно меньше, чтобы не вызвать недоверия.

Но достаточное количество для того, чтобы дело удалось. Когда все будет кончено, доложите мне.

Фудра поклонился и, не говоря больше ни слова, вышел от министра. Он спустился вниз в канцелярию, прошел в комнату, куда приходили полицейские комиссары, и осведомился, кто из них здесь. Он выбрал троих: Прюво, Советра и Барбада — людей ловких и сильных, расторопность и сила которых ему были известны.

Перед воротами дома № 35 по улице Дракона они вышли и взяли с собой Суффлара, который не спускал глаз с выхода из дома с тех пор, как Фуше поручил ему наблюдать за этим местом. Гиганта поставили в проходе, который шел к лестнице. Барбад должен был стоять на лестнице второго этажа. Фудра, сопровождаемый Советром и Прюво, тихонько позвонил.

Дверь открыла старуха-служанка. Прюво моментально заткнул ей рот платком и вытащил из квартиры. В это время Фудра и Советр проникли в переднюю. Рядом с ней, отделенные всего одной стеной, щебетали мастерицы Виргинии Грандо, убирая шляпы перьями и лентами. Фудра на цыпочках пробрался в коридор, а оттуда в кухню. Его спутник шел за ним. Быстрым взглядом окинул он помещение — печь, стол, шкаф. Он сразу открыл его, нашел третью полку направо, которая была вся заставлена посудой. Он потащил полку к себе и дно шкафа со скрипом повернулось, обнаружив вход в тайник.

Сан-Режан не ждал Эмилии, которая знала, что к нему можно пройти только в те часы, когда нет мастериц, и лежал одетый на кровати. Услышав скрип

шкафа, он обернулся и, увидев Фудра, быстро вскочил на пол. На столе лежал заряженный двуствольный пистолет. Он схватил его и, не говоря ни слова, прицелился в комиссара.

— Сдавайтесь! — неустрашимо крикнул Фудра. — Сан-Режан, со мной здесь десять человек, чтобы вас арестовать.

Сан-Режан был отличный стрелок, и Браконно испытал это на себе. Не отводя пистолета от Фудра, он сказал:

— Хорошо сделали, что привели с собой десять человек. Вы, милейший, убиты!

Раздался выстрел. Комната наполнилась дымом. Но пуля попала не в Фудра, который успел броситься на пол, а в Советра. Он крикнул и как сноп свалился на своего начальника. Одним прыжком Сан-Режан выскочил в коридор, среди криков и восклицаний испуганных мастериц, бросился на Прюво, который занимал площадку лестницы, и с такой силой ударил по голове рукояткой пистолета, что тот упал на колени. Несмотря на раненую руку, которая беспомощно висела вдоль тела, Сан-Режан мчался вниз как ураган. Барбад, карауливший у входа, загородил ему дорогу. Но у него остался еще один выстрел. Не останавливаясь, почти на бегу, он свалил Барбада, но у ворот его встретил Суффлар, которому он пустил в голову разряженный пистолет. Не будь он так ослаблен потерей крови, то, может быть, оказал бы более успешное сопротивление колоссу. Но Суффлар схватил его за раненую руку, дернул ее и причинил ему такую боль, что он почти упал в обморок. Суффлар немедленно схватил его в охапку и отнес в карету.

В эту минуту подоспел Фудра. Увидев, что Сан-Режан, весь бледный, скорчился в глубине кареты, он сказал Суффлару, стоявшему около экипажа.

— Ты не убил его, надеюсь?

— Нет, я только немножко помял его. Но он невредим!

— Отлично! Какой бешеный! Убил Барбада и Советра и так треснул Прюво, что у того искры из глаз посыпались. Кучер, в Консьержери!

Сан-Режан, сидя в глубине кареты, не проронил ни слова. Он закрыл глаза и как будто спал.

Бонапарт вместе с Жозефиной заканчивал свой завтрак, когда ему доложили о приезде Фуше. Горя

нетерпением узнать, какие новости сообщит ему министр полиции, первый консул приказал немедленно привести его сюда, хотя в этот час приемов не полагалось.

— Ну-с, гражданин Фуше, — спросил он, как только министр полиции появился в дверях, — что нового вы нам сообщите?

— То, о чем я вам уже ранее говорил, генерал. Сан-Режан схвачен. Точно также схвачен один из его соучастников. Третьему удалось ускользнуть.

— Расскажите мне все подробно.

— Я получил сведение, что покушение было совершено тремя лицами, которые сопровождали повозку, запряженную белой лошастью. Их видели в гостинице «Красный лев», которая находится на улице Сухого дерева. Здесь они наполнили порохом бочонок, с помощью которого и был произведен взрыв на улице Шартр. Лошадь была опознана. Затем было разыскано лицо, у которого была куплена повозка. Покупатель, некий Франсуа, или только выдающий себя за Франсуа и состоящий привратником в общине милосердных женщин, также разыскан и арестован. В то же время опознан некий Сан-Режан, скрывавшийся на улице Дракона. За ним стали следить и арестовали его. При этом он убил двоих...

— Разбойник! Еще две жертвы! Они дорого заплатят за пролитую кровь!

Он снова овладел собой и, обращаясь с насмешливым видом к своей жене, сказал:

— Ну, Жозефина, вот твои роялисты и эмигранты. Будешь ли ты теперь приходить ко мне с просьбами внести их в списки примирившихся и позволить беспрепятственно вернуться из-за границы. Вот что они творят в благодарность за снисходительность, которую мы к ним проявляем.

— Друг мой! Революционеры не лучше...

— О, я убежден в этом. Но они идут против меня, может быть, заодно с роялистами. И те, и другие одинаково меня ненавидят. Следует проследить внимательно все разветвления этого дела, гражданин Фуше, необходимо разобраться, нет ли тут связей между шуанами и филадельфами.

— Я исполню свой долг, генерал.

В глазах Бонапарта блеснул огонек.

— Ну, пусть они берегутся там, по другую сторону

пролива. Если они доведут меня до крайности своими вызывающими действиями, то в один прекрасный день я найду их и на самом их острове. Мы знаем, как это устроил Вильгельм Завоеватель. То, что он сделал, может опять повториться. — Он встал из-за стола и стал ходить в задумчивости. Потом, обращаясь опять к Фуше, сказал: — Проститесь с дамами и пойдите со мной в мой кабинет.

Министр полиции поклонился Жозефине и Гортензии и пошел за первым консулом.

В кабинете Бонапарт, прислонившись к камину и не предлагая Фуше сесть, заговорил опять:

— Вы мне говорили сейчас об общине, в которой один из соучастников был привратником. Что это за община?

— Эта община состоит из дам благородного происхождения. Они живут в улице Нотр Дам де Шан и славятся своим благочестием.

— Не оказывать им никаких поблажек. Арестуйте настоятельницу и, если будет нужно, захватите все ее стадо. Я не намерен щадить святош, которые, укрываясь за алтарем, готовят мне смерть.

— Хозяин гостиницы «Красный лев» также, несомненно, причастен к этому делу. С некоторого времени у него в гостинице происходили собрания роялистов. У него же останавливались Жорж и Ги де Невилль в свой последний приезд в Париж.

Бонапарт сделал недовольную гримасу: Фуше напомнил ему о посещении его тремя роялистами, предъявившими столь необыкновенные требования.

— Отлично. Можете арестовать хозяина гостиницы. Что касается Жоржа, то пошлите в Бристоль ваших лучших агентов и прикажите разыскать его. Ах, если бы вы могли доставить его мне! Что касается Сан-Режана, то я распорядюсь, чтобы над ним назначили суд. Нужно, чтобы наказание следовало быстро за преступлением, как гром следует за молнией. Если станут думать, что я обезоружен, то для меня исчезнет всякая безопасность. И тогда моя задача не будет исполнена.

Его бледное лицо вдруг смягчилось, на губах появилась обворожительная улыбка.

— Я доволен вами, Фуше, — сказал он, благосклонно глядя на министра полиции. — Вы оказали мне большую услугу. Я этого не забуду.

— Генерал, моей заслуги нет в том, что я оказал вам услугу. Я умею разбираться в людях, и я знаю, что мир будет принадлежать вам.

XIV

Вернувшись к себе, мадам Лербур упала на постель и перепугала мужа первым припадком, во время которого несчастную женщину можно было принять за сумасшедшую. С ней сделался страшный жар, и в течение двух недель она была между жизнью и смертью.

Таким образом, до нее не дошли вести о суде над Сан-Режаном, аресте Карбона, сестер общины, хозяина гостиницы «Красный лев», Виргинии Грандо и ее старой служанки.

На допросе Сан-Режан ничем не выдал себя и ни в чем не облегчил задачу правосудия, раздражая судей своей холодной и спокойной неустрашимостью.

Оправившийся Браконно был доставлен на очную ставку с Сан-Режаном. Это был главный свидетель обвинения. У него одного были точные сведения о том, какую роль играл в этом деле юный роялист.

Их встреча была чрезвычайно интересна. Браконно, еще с трудом державшегося на ногах, ввели Суффлар и Винсент. Увидев его, Сан-Режан улыбнулся и кивнул ему головой, как старому знакомому.

Когда свидетеля спросили, узнает ли он подсудимого, он отвечал:

— Как не узнать. У меня в желудке до сих пор сидит пуля, которую две недели назад он всадил мне на Вожирарской дороге.

— Я очень рад, господин Нэмулен, — вежливо сказал подсудимый, — что вижу вас поправившимся или, по крайней мере, на дороге к выздоровлению. Вы знаете, что я защищал себя в честном поединке.

— Это верно. Другие на вашем месте, гражданин Сан-Режан, непременно пустили бы мне пулю в ухо.

— Если бы я сделал то же из предосторожности, то, несомненно, теперь не сидел бы здесь.

Сан-Режан не хотел говорить ничего. Ни в кабинете следователя, ни на публичном заседании суда нельзя было вырвать от него ни одного признания.

Мадам Лербур, поправившись, стала уже спускаться

ся в магазин и заниматься делами, как вдруг ей пришлось услышать о суде над Сан-Режаном и о его осуждении. Лербур сделал все для того, чтобы до его жены не дошли слухи об участи несчастного молодого человека, которого они пытались спасти. Он сам до такой степени чувствовал себя потрясенным, что легко мог представить себе, какое волнение охватило бы Эмилию при вести, что человеку, которого она продолжала называть Виктором Леклером, остается жить всего несколько дней и что голова его должна пасть на эшафоте. Он не отходил от Эмилии, стараясь помешать всякому с ней разговору, который мог бы открыть ей правду. Он удалил от нее все газеты, которые она и сама, впрочем, читала неохотно.

В один прекрасный день в магазин «Bonnet bleu» явилась прекрасная Реньо де Сан-Жандо. Усевшись около прилавка с газовыми вещами и рассеянно перебирая товары, которые ей показывала Германсия, она болтала с продавщицей:

— Я хочу закрыть себе лицо, чтобы никто меня не узнал. Мы задумали с некоторыми другими дамами пойти посмотреть, как будут казнить двух чудовищ: Сан-Режана и Карбона...

Едва она успела произнести эти слова, как Германсия громко вскрикнула: хозяйка магазина страшно побледнела и, не удержавшись за прилавок, упала в обморок. Все засуетились вокруг нее. Ее подняли и перенесли в комнату, где за ней был устроен самый внимательный уход. В этот момент появился Лербур. Оставшись наедине с женой, он стал с беспокойством расспрашивать ее, что с нею случилось.

— Ты не сказал мне, — отвечала она дрожащим голосом, — что этот несчастный осужден на смерть.

— Я боялся растревожить тебя. Но каким образом ты могла узнать об этом?

— Сейчас мадам Реньо, разговаривая с Германсией...

— Черт бы ее побрал! — проворчал Лербур. — Ну, уж если ты об этом знаешь, то нечего скрывать о тебя!

Видя, что она лежит без движения, Лербур подумал, что она уснула, и на цыпочках вышел из комнаты.

Едва он удалился, Эмилия спрыгнула с кровати и стала одеваться. Ею овладело непреодолимое желание еще раз видеть Сан-Режана прежде, чем голова его падет на эшафоте.

Взволнованная, потерявшая способность сопротивляться охватившему ее желанию, она спешила.

В ее просветлевшей памяти раздавались слова Фуше, которые он сказал при их свидании в тот момент, когда она уезжала от него: «Помните, что вы оказали мне услугу и что если я могу быть вам чем-нибудь полезен, я всегда буду к вашим услугам».

С этого момента Эмилия знала, что ей делать: ехать в министерство полиции, вызвать там Виллье и через него добраться до самого министра.

Сидя около своей постели с нахмуренным лбом и опущенной головой, она думала о том, как было бы хорошо избавить Сан-Режана от эшафота и умереть вместе с ним, в его объятиях. Она подошла к своему туалету, выдвинула ящик, где хранилась склянка с дигиталисом, и взяла ее. То была бесцветная жидкость, без всякого запаха, в тонком флаконе, плотно закрывавшемся пробкой. Эмилия спрятала его на груди с твердой решимостью, надела шаль и шляпу и вышла по лестнице, выходявшей во двор.

Фуше в этот день был в очень угрюмом настроении. Скорчив свое худое тело в глубине кресла, он читал газеты, в которых его секретари отмечали все статьи, касавшиеся его должности.

Вдруг в кабинет вошел Виллье.

— Что такое? — спросил Фуше, бледное лицо которого стало опять бесстрастным.

— Гражданин министр, в данную минуту у меня в канцелярии сидит гражданка Лербур, которая просит вас принять ее на одну минуту.

Тонкие губы Фуше сжались. Он вспомнил свой разговор с Бонапартом по поводу разоблачений, которые мог бы сделать Сан-Режан. Он качнул головой и сказал:

— Все приходит к тому, кто умеет ждать. Запомните это, Виллье. Гражданка Лербур приехала вовремя. Приведите ее ко мне.

Фуше встал. Одетый в серый костюм, он был похож на обыкновенного буржуа.

Фуше придал себе мягкий и доброжелательный вид.

— А, мадам Лербур! Чем я обязан удовольствию вас видеть?

Она подняла на него полные слез глаза и с глубокой горечью повторила:

— Удовольствию!

Фуше, несмотря на всю свою нечувствительность, покраснел при этом упреке. Он подошел к Эмилии, усадил ее и начал говорить, стараясь выказать ей как можно больше сочувствия:

— Послушайте! Могу ли я, не нарушая долга, сделать какое-нибудь одолжение для вас?

— Вы сказали, что вы не откажете мне в этом, если я попрошу вас...

— Стало быть, вы теперь просите меня? В чем же дело?

— Умоляю вас, позвольте мне увидеть Сан-Режана.

— А вы не боитесь, что ваше посещение тюрьмы станет известно?

— Теперь, когда ему предстоит умереть так скоро, я не боюсь ничего.

Фуше помолчал с минуту, потом подошел к молодой женщине и, наклонившись над ней, сказал глухим голосом:

— Хотите, он останется в живых?

Ее глаза вспыхнули надеждой.

— Неужели это возможно?

— Это зависит от него самого.

— Что же он должен сделать для этого?

— Ему нужно заслужить снисхождение и милосердие того, кого он покушался убить. Он должен сделать разоблачения.

— Но на это он никогда не согласится!

Фуше внимательно наблюдал за мадам Лербур. Он видел, что она страшно возбуждена его словами и вся дрожит от зародившейся надежды.

— Первый консул готов даровать Сан-Режану жизнь и вернуть ему свободу,— удвоил свои усилия Фуше.— Он может отправиться в Америку. На это путешествие ему будет отпущено сто тысяч ливров. А вы... Кто может помешать вам ехать вместе с ним? Вы оба так еще молоды. Новый Свет обеспечит для вас блестящую будущность. И что же нужно, чтобы достичь такого счастья? Минуту благоразумия. Только минуту благоразумия...

Она взглянула на него с отвращением.

— Не пытайтесь меня обманывать. Ведь вы работаете только для себя.

— Хотя бы и так. Меня можете не благодарить. Но постарайтесь вырвать у палачей его голову. В этом ведь все дело.

Эмилия молчала. Он позвонил, и на пороге кабинета появился Виллье. Не глядя на искусителя, не сказав на прощанье ни одного слова, Эмилия двинулась в тюрьму.

Сидя на табурете в своей камере со связанными руками, Сан-Режан спокойно разговаривал со сторожем, не отлучавшимся от него ни днем, ни ночью.

В камере неожиданно появился начальник тюремной стражи, за которым шел Виллье.

— К арестанту пришли, — сказал он угрюмо.

Сан-Режан с удивлением встал и старался разглядеть через полуоткрытую дверь, кто пришел к нему и стоял в коридоре. Но в темноте он мог заметить только какую-то неясную фигуру.

Виллье вошел в камеру и сделал сторожу знак, чтобы их оставили наедине.

— Вам разрешено, гражданин Сан-Режан, принять вопреки установленному порядку без свидетелей лицо, желающее вас видеть. Это лицо мы тщательно обыскали, чтобы оно не могло передать вам оружие или какой-нибудь другой опасный предмет. Но, кроме того, вы должны дать мне слово, что вы не примете от него ничего, что могло ускользнуть от нашего внимания.

— Даю вам, сударь, честное слово. Вы можете быть совершенно спокойны.

Виллье подошел к двери и пропустил вперед Эмилию. Затем он вышел из камеры и затворил за собой дверь.

Встретившись лицом к лицу в этой камере в преддверии эшафота, оба любовника несколько минут оставались в молчании, подавленные и испуганные. Придя, наконец, в себя, они бросились друг другу в объятия. Эмилия прижимала к себе Сан-Режана, который уже не мог обнять своими скованными руками женщину, которую любил. Глаза Эмилии, расширившиеся от скорби, наполнились слезами, и светлые горькие капли покатались по ее щеке на шею осужденного.

— К чему плакать? — с улыбкой сказал Сан-Режан. — Разве это не радость, что мы снова видим друг друга. Я не верил в это счастье. Кто бы ни дал мне его, пусть будет он благословен. Даже тот, кто хочет меня убить!

— Меня послал сюда со своим секретарем министр полиции Фуше. Ах, бедный мой друг, если бы ты только знал!

— Я знаю, что вижу тебя, и с меня этого довольно! Как удалось тебе добиться разрешения посетить камеру осужденного чудовища, который хотел убить самого Бонапарта?

— А я добилась большего! — вскричала Эмилия, имея больше сил сдерживаться. — Если ты хочешь, то можешь сохранить жизнь без всяких обязательств.

Сан-Режан тихонько отстранил от себя молодую женщину и посмотрел на нее пристально.

— Они хотят, чтобы ты сделал то, чего ты никогда не хотел сделать, — умоляюще сказала молодая женщина. — Если не ради страха смерти, то хоть ради нашей любви. Это пустяки, и ты получишь свободу, и я поеду с тобой, куда только ты пожелаешь.

Услыша эти слова, Сан-Режан испустил крик негодования.

— Какое утонченное варварство! Предлагать мне жизнь вдвоем с тобой! Они отлично знали, какому жестокому испытанию меня подвергают, делая тебя посредницей в этом торге моей совестью! Они знают, что от меня самого им ждать нечего, но рассчитывают достичь этого через тебя, Эмилия, понимаешь ли ты весь ужас их расчета? Дорогая моя, тебе следовало бы молчать передо мной и не предлагать мне счастья — жить около тебя. Это для меня все равно, что умереть два раза — отказаться от своей жизни и отказаться от счастья с тобой!

И, плача, он опустил на свою тюремную табуретку. В эту минуту этот человек, непоколебимый в своих решениях, казался слабым как ребенок. Грудь его поднималась от рыданий, слезы текли по щекам и падали на скованные руки. Напрасно старался он скрыть свое лицо.

Эмилия тихонько подошла к Сан-Режану, вытерла его слезы своим тонким батистовым платком, стала возле него на колени и, приблизив свое лицо к его уху, шептала:

— Разве это так ужасно то, чего требуют от тебя? Чем рискуют те, о ком ты будешь говорить? А разве они щадили тебя? Разве они все не покинули тебя? Эти неблагодарные принцы, которые толкают храбрецов на борьбу, а сами остаются в надежном убежище? Эти эмигранты, шатающиеся за границей и оттуда устраивающие массовые побоища? Чем ты им обязан? Если ты назовешь их, то что в сущности узнает консульская

администрация? Разве и без того она их не знает? От тебя требуют пустой формальности.

— Как ничего больше! — вскричал Сан-Режан. — Но ведь это мой позор! И это чудовище решается требовать этого от меня твоими устами! Никогда! Никогда! Лучше умереть сто раз!

— В таком случае, смерть постигнет нас обоих, — сказала, вставая Эмилия. — Я не переживу тебя и пришла сюда для того, чтобы следовать за тобой, куда бы ты ни пошел. Чтобы ты получил свободу, я отдам честь свою, если уж ты так горячо защищаешь свою!

— Несчастная! Какой еще торг ты предлагаешь мне?

— Честь за честь! Повторяю тебе: мою честь замужней женщины за твою честь приверженца короля. Мы можем удалиться куда-нибудь в неизвестную сторону за море и там забыть обо всем.

— А сзади весь народ будет кричать: Сан-Режан предатель, он предал своих владык и соратников! Ради любви к женщине он выдал тайны своей партии! И ты думаешь, что до меня не будут доходить эти оскорбительные крики? А если я их буду слышать, то неужели ты думаешь, что я хоть один час могу пережить мой позор! Нет! Это самообман! В ту самую минуту, как я совершу предательство, нужно будет задушить мою совесть, выбросить свою душу! Нет, это невозможно! Даже в могиле я буду слышать крики презрения. Предоставь же меня моей судьбе и откажись от надежды спасти меня. Я не могу и не хочу избежать смерти... Ибо смерть — явится необходимым искуплением. Я убил невинных. Нужно, чтобы они были отомщены. И я расплачусь с ними через палача.

Помрачневшая Эмилия минуту стояла молча. Она чувствовала, что дело проиграно и что ее любимый теперь уже не сдастся на ее просьбы, как бы горячи они ни были.

— У меня не хватит сил вернуться к себе домой, а тебя оставить у подножия этого долга! Продолжать свое существование с сердцем, постоянно переполненным горечью и сожалением! Наложить на свое лицо маску равнодушия, когда у меня не будет хватать слез, чтобы выплакать мое горе! Наконец, играть эту жестокую комедию, как ты мне советуешь! Нет, я неспособна на это.

С этими словами она вынула из-за лифа спрятанный

там флакон. Несмотря на обыск, которому она подверглась в канцелярии прежде, чем ей позволили войти в карету, флакон этот не был у нее найден.

— Видишь, я приняла свои меры. Тут хватит для того, чтобы убить нас обоих. Так как ты непременно хочешь умереть, то умрем оба.

И она протянула ему склянку. С тихой улыбкой он оттолкнул ее руку.

— Нет, не так я должен умереть — на руках у женщины, во мраке тюремной камеры. Моя смерть должна быть одновременно и примером и расплатой. Я должен идти на казнь с поднятой головой, не как преступник, а как побежденный. Все должны видеть, что я умер гордо на том самом месте, где за Бога и короля умерло столько наших. Если меня найдут в этой камере отравившимся, то будут говорить, что я испугался гильотины. Я хочу взойти на эшафот, чтобы моя голова пала под ее ударом. После Людовика XVI и Марии Антуанетты это будет для меня большая честь.

Эмилия спрятала склянку за корсаж.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда это пригодится мне одной.

— Дорогая моя, — с невозмутимой ясностью сказал Сан-Режан, — будем думать только о том, чтобы насладиться счастьем этого последнего часа. Пусть на наших устах будут только слова любви.

И он протянул к Эмилии свои закованные в кандалы руки. Она бросилась к нему, ища в поцелуях опьянения, которое заставляет забывать все.

Ставни магазина «Bonnet bleu» были только что сняты, и рано проснувшийся Лербур наслаждался свежим воздухом, сидя на ступеньках у двери. Было около восьми часов, и улица Сент-Оноре уже оживлялась.

Прошел газетчик, крича охрипшим голосом:

— Купите газету, подробности казни Сан-Режана.

Торговец побледнел. Он подозвал газетчика и купил газету. На первой странице жирным шрифтом было напечатано: «Сегодня утром в пять часов была совершена казнь Сан-Режана и Карбона. Оба преступника умерли цинично, не выразив ни раскаяния, ни сожаления о погибших невинных жертвах их покушения. Карбон, впрочем, ослабел в последнюю минуту и его пришлось вести на эшафот. Что же касается Сан-Режана, то он встретил смерть с необыкновенным хладнокровием».

Видя около десяти часов, что жена не показывается, Лербур решил войти к ней в комнату и взглянуть, не заболела ли она. Им овладело какое-то смутное беспокойство. У дверей спальни он стал прислушиваться, но, не слыша никакого шума, подумал, что Эмилия заснула, и пошел в свой кабинет проверить счета.

Прошло около часа. Подходил уже обеденный час, и Лербур решился войти в спальню. Ставни в ней были закрыты, занавески спущены, так что в комнате было почти совсем темно. Лербур подошел к кровати и позвал Эмилию. Ответа не было. Охваченный внезапным страхом, он бросился к шнурам занавески, раскрыл окно, открыл ставни. В комнату хлынул поток света. Лербур опять подошел к кровати.

Страшный крик вырвался из его горла. Бледная, с остановившимися глазами и открытым ртом, лежала на постели Эмилия. Обезумевший Лербур бросился к ней, схватил за руку, которая была уже холодна как лед, и попытался приподнять ее, согреть, оживить. Все было напрасно. Неподвижная голова упала на подушку, прекрасные волосы разметались. Встав на колени возле постели, Лербур зарыдал. Вдруг взгляд его упал на раскрытую склянку, которую, молодая женщина, очевидно, выпила ночью. Он схватил ее, стал рассматривать и на пробке прочел надпись: «Дигиталис». Лербур так задрожал, что уронил склянку.

«Яд! Эмилия умерла добровольно! Она отравилась!»

Слезы перестали течь из покрасневших глаз Лербура. Он опустил голову на руки и стал думать. Его поразило одно совпадение — одновременная смерть Сан-Режана и его жены. И тут его охватил какой-то тайный страх. Страх этот увеличивался, все более и более овладел им, так что он не мог больше противиться ему. Он встал и подошел к умершей, как будто для того, чтобы выведать у нее тайну. Но ее глаза уже не видели, губы молчали — одно молчание и мрак.

Вдруг Лербур сделал быстрое движение. Между пальцев рук, сложенных на груди, как бы для последней молитвы, ему показался клочок бумаги. Он подошел поближе и вынул записку, в которой Сан-Режан назначал Эмилии свидание. Наклонив голову, прочел муж нежные слова любовника. Вся кровь бросилась ему в голову. Он испустил глухой крик и с проклинающим жестом упал без чувств у кровати.

АРТУР
КОНАН ДОЙЛЬ

В БУЛОНСКОМ
ЛАГЕРЕ

На французском берегу

Уже перечел письмо моего дяди бесконечное число раз и почти знал его наизусть; но все-таки, сидя на скамейке под парусом бота, я вынул его из кармана и внимательно прочел, словно нечто новое. Письмо было писано четким, старательным почерком, как и следовало ожидать от человека, начавшего свою карьеру сельским стряпчим, и было адресовано Вильяму Гаргреву, держателю трактира «Зеленый человек», в Ашфорд в графстве Кент, для передачи Луи де Лавалю. Этот трактирщик получал немало бочонков беспошлинного французского коньяку с нормандского берега, и письмо пришло тем же путем.

«Любезный племянник Луи,— говорилось в письме,— так как ваш отец умер, и вы остались одни на свете, то, я уверен, вы не захотите продолжать вражду между двумя половинами нашей семьи. Во времена революции ваш отец принял сторону короля, а я — народа, и дело кончилось тем, как вам известно, что ему пришлось бежать из отечества, а я сделался владельцем Гробуа. Конечно, вам тяжело очутиться в ином положении, чем то, в котором находились ваши предки, но я уверен, что вы предпочли бы видеть ваше поместье в руках родственника и Бернака, чем чужого. Вы можете быть уверены, что брат вашей матери всегда окажет вам сочувствие и внимание.

А теперь позвольте мне дать вам совет. Вы знаете, что я всегда был республиканцем, но с судьбой нельзя бороться, и сила Наполеона так велика, что ее ничем не пошатнуть. На этом основании и придерживаясь пословицы, что надо выть с волками, я стал служить Наполеону, и мне удалось оказать ему столько услуг, что мы с ним теперь большие друзья. Он мне ни в чем не может отказать. Вы, вероятно, слышали, что в настоящее время он находится в Булони, в нескольких милях

от Гробуа. Если вы тотчас явитесь сюда, то он, без сомнения, забудет ради услуг дяди о враждебном отношении к нему вашего отца. Правда, ваше имя все еще находится в числе опальных эмигрантов, но... благодаря моему влиянию на императора, все устроится. Поэтому приезжайте скорее и с полным доверием.

Ваш дядя Бернак».

Но внешность письма меня еще более удивила, чем его содержание. На нем было две сургучных печати, на которых виднелись следы перстня дяди. Над одной из них была очень мелкая и, очевидно, поспешно сделанная надпись на английском языке: «Не приезжайте».

Кто прибавил эти два таинственные слова, было неизвестно и даже нельзя было разобрать, мужской это или женский почерк. Дядя не мог написать этих слов, так как, если он переменил свое намерение, то вовсе не послал бы письма. Значит, кто-нибудь другой советовал мне не принимать приглашения дяди. Загадочность этой надписи увеличивалась еще тем, что она была английская, а письмо было написано по-французски. Неужели это предостережение было прибавлено в Англии? Нет, это невозможно, печати были целы, и никто не мог знать в Англии о содержании письма.

Размышляя таким образом и окруженный со всех сторон синевою моря, я стал вспоминать все, что знал об этом дяде. Мой отец, представитель одного из самых древних и гордых исторических родов Франции, искал в своей жене не аристократического происхождения, а красоты и добродетели. Всю свою жизнь он никогда не раскаивался в этом выборе, но брат моей матери, сельский стряпчий, оскорблял его подобострастием в счастливые дни и жестокой враждой в грустные минуты. Он обращался самым безжалостным образом с поселянами до того момента, как моя семья должна была искать спасения в бегстве, а потом принял сторону Робеспьера, за что получил наш замок и поместье в Гробуа. После падения Робеспьера он примазался к Баррасу и при каждой новой перемене правительства устраивал дело так, что наше родовое имение укреплялось за ним. Теперь, судя по письму, и французский император покровительствовал ему, хотя я никак не мог понять, какие услуги мог оказать ему мой республиканский дядя.

Если меня спросят, зачем же я принял приглашение от человека, которого мой отец всегда называл подлецом и узурпатором, то я должен ответить на это несколько пространно. Дело в том, что молодому поколению становилось очень тяжело и неприятно поддерживать распри своих отцов. Для старых эмигрантов часы остановились на 1792 году, и они продолжали жить по-прежнему, храня в своем сердце старые идеи, любовь, ненависть. Но мы выросли на чужой стороне и понимали, что мир двигается вперед, что народились новые мысли, новые интересы. Для нас Франция не представлялась страной бесшабашных убийств и гильотины, а родиной, покрытой славой, мужественно отбившей бесчисленных врагов и потом быстро завоевавшей страну за страной. К этой славной родине, постоянно звавшей к себе на помощь всех своих сынов, рвались наши юные сердца. И этот зов скорее, чем письмо дяди, побудил меня пуститься в путь по морю.

Уже давно моя душа билась в унисон с душой Франции, но, пока мой отец был жив, я не смел признаться ему в этом, так как он, некогда сражавшийся под начальством Конде и принимавший участие в битве под Квибероном, счел бы это черной изменой. Но после его смерти я уже не имел никакой причины оставаться вдали от отечества, тем более, что моя пламенная любовь, моя Евгения, разделяла мои мысли. Она принадлежала к знаменитой семье Шуазель, которая хранила еще более моего отца аристократические предрасудки. Они не подозревали, что делалось в уме их детей. Часто, пока наши родители оплакивали в гостиных французские победы, мы в саду прыгали от радости. Я рассказывал ей о своих честолюбивых мечтах, а она нежно поддерживала их. Таким образом, почва к моему возвращению во Францию была совершенно подготовлена.

Наконец, была еще причина, побудившая меня принять приглашение дяди. В Ашфорде мне уже становилось невозможно долее оставаться. Вообще англичане обращались с французскими эмигрантами очень любезно и радушно. Но во всякой стране бывают дерзкие забияки, и в мирном Ашфорде был такой экземпляр. Молодой кентский сквайр по фамилии Фарлей славился своим нахальством и грубостью. Встречаясь с эмигрантами, он постоянно бранил не только императорское правительство, что было бы простительно для

англичанина, но вообще Францию и французов. Долго мы терпели его обидные выходки, но, наконец, я решился дать ему урок.

Однажды вечером несколько эмигрантов сидели в трактире «Зеленый человек», как вдруг вошел Фарлей и стал по обыкновению поносить французов. Недовольствуясь этим, он подошел ко мне и, фамильярно хлопнув по плечу, сказал:

— Ну, господин де Лаваль, выпьем за здоровье Нельсона, рука которого поразит французов.

— Хорошо, — отвечал я, — но потом вы выпьете за мой тост.

— Согласен, — произнес он.

Мы опорожнили стаканы и снова их наполнили.

— Выпьем за то ядро, которое оторвало руку у вашего Нельсона.

В ту же минуту я почувствовал, что мое лицо облито вином, а спустя час мы дрались с ним на пистолетах. Я ранил его в плечо, и в тот же вечер моя милая Евгения увенчала меня лавровым венком. Хотя меня не преследовали судебным порядком, но мое положение в городе сделалось нестерпимым, и вот почему я с удовольствием схватился за предложение дяди.

Среди этих размышлений я вдруг услышал голос шкипера:

— Ну, господин, пора бы вам сойти в лодку.

Я удивился этим словам и ответил, что еще далеко до берега.

— Как хотите, — отвечал грубый моряк, — а я ближе к берегу не пойду, и вам придется добраться до него или в лодке, или вплавь.

Я тщетно доказывал ему, что он получил вперед деньги, хотя не прибавил, что эти деньги были добыты под заклад золотых часов, принадлежавших трем поколениям Лавалей.

— Ваше дело, но я не пойду далее ни шагу, — произнес еще более резким тоном шкипер, — поднимается буря, и я не намерен рисковать своим судном. Или сходите в лодку, или возвращайтесь в Дувр. Эй, Джим, спускай лодку!

— Делать нечего, я сяду в лодку.

— Да, я за это поручусь, — сказал шкипер с такой оскорбительной улыбкой, что я едва удержался, чтобы не ударить его.

Но в моем положении приходилось все сносить,

и я молча спустился в лодку. Туда же бросили мой небольшой узел, и через несколько минут два дюжих гребца взялись за весла.

Все, действительно предвещало бурную ночь. Черные тучи заволокли небо. Ветер поднялся, и седые валы перебрасывали лодку из стороны в сторону. Спустя несколько времени перед нами, в темноте, показались какие-то огоньки, и я спросил у одного из гребцов, что это такое.

— К северу Булон, а к югу Этапль,— отвечал он очень учтиво.

Булон! Этапль! Эти слова заставили вздрогнуть мое сердце. В Булони мы не раз, детьми, купались в море, а из Этапля бежали в Англию, преследуемые разъяренной толпой. А между этими двумя, дорогими мне по воспоминаниям местностями, находилось наше поместье Гробуа, где мои предки жили задолго до Вильгельма Завоевателя, которого сопровождали в Англию некоторые из них. Я напрягал зрение, надеясь увидеть в темноте наш старый замок, но, конечно, тщетно.

— Да,— продолжал моряк,— тут берег уединенный, и не раз высаживал я на него птицу вашего полета.

— За кого же вы меня принимаете?

— Хотя это не мое дело, но есть такие ремесла, которых лучше не называть.

— Вы думаете, что я заговорщик?

— Да, коли вы сами себя так называли.

— Честное слово, я не заговорщик.

— Ну, так вы беглый арестант.

— И в этом вы ошибаетесь.

Моряк пристально взглянул на меня и резко произнес:

— Если вы бонапартовский шпион...

— Я шпион!

И мой голос был так выразителен, что английский моряк успокоился.

— Будь я проклят, если знаю, кто вы такой! Но если бы вы были шпионом, то я не высадил бы вас на берег, как бы ни сердился на это шкипер.

— А я так ничего не имею против Бонапарта,— произнес другой гребец густым басом,— он друг бедным морякам.

Эти слова меня очень удивили, так как все в Англии, от аристократов до поселян, глубоко ненавидели ново-

го французского императора. Но мой собеседник тотчас объяснил подоплеку своей странной политики.

— Если бедные моряки таскают во Францию кофе и сахар, а из Франции шелк и коньяк, то это благодаря Бонапарту. Прежде вели торговлю купцы, а теперь — мы.

Действительно, я тут вспомнил, что Бонапарт пользовался значительной популярностью среди контрабандистов, что и было совершенно понятно, так как он своей континентальной системой совершенно передал в их руки всю торговлю на Ла-Манше.

— А вот и сам Бонапарт! — вдруг воскликнул моряк, продолжая грести одной рукой и указывая другой на свинцовые волны.

Трудно себе представить, в какое волнение я пришел от этих слов. Только десять лет назад, впервые услышали мы это странное итальянское имя, и в это короткое время он из простого офицера сделался могущественным императором. Он не только прошел победителем по всей Европе, но усмирил тех самых французских республиканцев, которые стерли с лица земли свою старинную монархию и дали отпор всем европейским армиям. Неудивительно, что после всех его подвигов мы считали его какой-то сверхъестественной, чудовищной фигурой, затмевавшей Францию и грозившей Европе; поэтому, когда матрос сказал: «А вот и сам Бонапарт!», то я инстинктивно уставил глаза в пространство, ожидая увидеть над седыми валами какой-то гигантский, мрачный, хаотический образ.

Конечно, моим глазам представилось нечто совершенно иное: к северу от нас тянулась длинная коса, освещенная каким-то странным заревом. При моих глупых мыслях и расстроенном воображении, она казалась раскаленным лезвием громадной шпаги, обращенной к Англии.

— Что это такое? — воскликнул я.

— Это один из лагерей бонапартовской армии, а зарево — от бивуачных огней. Таких лагерей около дюжины по всему берегу до Остенде, а тут сам Бонапарт. Он достаточно смел, этот маленький человек, чтобы переправиться через Ла-Манш, если бы только ему удалось нагнать сон на никогда недремлющего Нельсона. Но этому не бывать, и он это знает.

— Но как же Нельсону известно обо всех его движениях?

Моряк обернулся и указал рукой назад: вдали в темноте виднелось три маленьких огонька.

— Вон сторожевая собака, — сказал он.

— «Андромеда», сорокадвухпушечный корабль, — объяснил его товарищ.

Между тем земля выступала перед нами все яснее и волны громко разбивались о песчаный берег. Неожиданно недалеко от нас показалась большая лодка, направляющаяся в нашу сторону.

— Таможенный катер! — воскликнул один из гребцов.

— Ну, попались, Биль, — отвечал другой и стал торопливо прятать что-то в голенище сапога.

Но, увидев нас, лодка повернула в сторону и стала удаляться с быстротой восьми дружных весел.

Мои товарищи с любопытством поглядели им вслед, и каждый вытер рукой выступивший на лбу пот.

— Вероятно, совесть у этой лодки не чище нашей, — сказал один из них.

— По-видимому, не вас одного ждут на берегу в эту ночь, — произнес другой, обращаясь ко мне.

— Черт бы ее совсем побрал, — продолжал первый, — задала же она мне страху, и я поспешил спрятать в сапог сверток тринидатского табаку. Я ведь попробовал французской тюрьмы и не хочу повторять этого удовольствия. Ну, Биль, гребь сильнее; пора покончить с нашим делом.

Через несколько минут лодка ударилась о песчаный берег, матросы выбросили мой узел, я выпрыгнул на землю, и они быстро удалились. Я оглянулся; меня окружал ночной мрак, а лицо мне резали сильные порывы ветра и морские брызги.

Таким образом, весной 1805 года, в холодную, темную ночь, я, Луи де Лаваль, двадцати одного года от роду, вернулся из тринадцатилетнего изгнания на родину, где мои предки в течение многих столетий были опорой престола и красой двора. Эта родина поступила с нами дурно и уплатила за наши долговременные услуги унижением, изгнанием и конфискацией. Но все это теперь было забыто, и я, единственный Лаваль юного поколения, бросился на колени и припал губами к священной земле дорогого отечества.

В болоте

Поднявшись на ноги, я прежде всего спрятал свой кошелек во внутренний карман сюртука. Я вынул его, чтобы дать серебряную монету моряку, который высадил меня на берег, но потом посовестился и дал ему золотой, так что у меня осталось всего девять золотых. Упрятав свое богатство, я сел на камень. Я ощущал и холод, и голод, но на сердце у меня было легко, так как я более не пользовался милостыней врагов моей родины. Что мне было делать? Замок Гробуа, насколько я помню, находился от берега, по крайней мере, в десяти милях, и я достиг бы его только в совершенно неудобный час ночи и в самом невзрачном виде. Не только мой дядя, но и его слуги могли искося посмотреть на такое неприличное посещение, и потому я решил где-нибудь провести ночь, а утром явиться в замок в возможно приличном виде. Но где было мне укрыться от холода, мрака и бури? Отправиться в Булон или Эгабль было невозможно по той же причине, по которой я тайно вернулся на родину. Так как мое имя находилось еще в списке изгнанников, то, посетив приморский город, я рисковал попасть в руки жандармов, которые следили за всеми прибывавшими из Англии. Одно было явиться добровольно к императору с просьбой о принятии на военную службу, а совершенно другое — подвергнуться полицейскому преследованию с первого шага в отечестве.

На основании всех этих причин, я решил углубиться внутрь страны и поискать где-нибудь пустой житницы или сарая, где безопасно провести ночь, а на следующее утро, уже набравшись сил, явиться к дяде, а затем через него просить аудиенции у императора.

Взяв свой узел, я побрел куда глаза глядели по песчаным дюнам, среди мрака и все более и более усиливавшейся бури. Долго я шел по этим дюнам, и мне казалось, что они никогда не кончатся, но когда они кончились, то я пожалел об этом, потому что очутился в бесконечном болоте, образованном обширной морской заводью. Эта местность и днем была одинока, пустынна и неудобна для пешеходов, но ночью она могла внушить беспредельный ужас. Сначала почва

была только мягкая, и я на каждом шагу скользил, но потом ноги мои стали вязнуть в грязи все более и более, так что я с трудом вытаскивал одну ногу и погружался другой выше щиколотки. Мне становилось так страшно, что я хотел вернуться назад, но я положительно не знал, в которую сторону идти, так как среди бушевавшего ветра шум моря достигал до меня со всех сторон. Я слышал, что заблудившиеся путники руководствуются звездами, но я не имел понятия о звездах, и к тому же небо было покрыто тучами; поэтому мне пришлось идти наудачу, каждую минуту погружаясь все более и более в топкую грязь.

Я впал в такое отчаяние, что мысленно стал считать себя погибшим, и моя первая ночь во Франции уже казалась мне последней в моей жизни. Должно быть, я прошел много миль, беспомощно странствуя в темноте, как вдруг почва стала потверже, и, чтобы убедиться в этом, я вынул огниво и высек огонь, однако, к моему ужасу, увидел, что, действительно, стоял на твердой почве, но передо мной ясно виднелись мои собственные следы. Значит, я все это время кружился и пришел к тому месту, с которого началось мое несчастное странствие по болоту. В отчаянии я поднял глаза к небу и впервые заметил кое-что, давшее мне возможность выйти из моего затруднительного положения.

В сущности я увидел только проблеск луны между двумя тучами, но этот луч света пересекал темный двигавшийся треугольник. Я тотчас понял, что это была стая диких уток, а я не раз наблюдал в Кенте, что эти птицы во время бури всегда летят внутрь страны, поэтому мне следовало идти по тому направлению, куда они летели, и я, по всей вероятности, скоро выберусь из болота, образованного морской заводью.

Я так и сделал. Прошел еще час, и я все шагал, стараясь держаться того пути, который мне указывали утки. Почва была по-прежнему топкая, но я не унывал. Наконец, мое мужество нашло свою награду, и я увидел вдали огонек. Это значило приют и спасение от холода и голода. Я ускорил шаги, не сомневаясь, что ценой одной из моих золотых, смогу найти убежище в этом скромном жилище рыбака или поселянина, в котором мое неожиданное посещение вряд ли возбуждает какое-нибудь подозрение.

Но чем ближе я приближался к светившемуся вдали огоньку, тем страннее казалось, чтобы в этом уеди-

ненном и странном жилище кто-нибудь обитал. Вокруг низенькой, мрачной хижины, из окна которой светится огонек, тянулись большие лужи воды, и почва перед ней была еще более топкая, чем на всем болоте, по которому я блуждал в эту роковую ночь. Но едва я приблизился к окну, как темная человеческая голова заслонила свет. Было что-то странное и опасливое в движениях этой головы, очевидно, поджидавшей кого-то или что-то.

Несмотря на желание проникнуть в убежище, я из осторожности решил прежде поближе познакомиться с этим необыкновенным сторожем и его жилищем, чем выдать себя. Я тихо подкрался к маленькому окну хижины, которая была в таком разрушенном виде, что свет пробивался сквозь ее стены. Заглянув в комнату, я значительно успокоился. Вместо страшного контрабандиста, каким я воображал обитателя хижины, я увидел, что перед огнем, пылавшим в камине, сидел красивый молодой человек и читал толстую книгу. У него было овальное, бледное лицо, окаймленное длинными, черными волосами, и что-то во всех его тонких чертах обнаруживало в нем поэта или художника. Я так засмотрелся на него, что не успел отскочить от окна, когда он неожиданно встал и подошел к нему. Заметив мою фигуру в темноте, он произнес что-то и приветливо махнул рукой. Через минуту он распахнул дверь и произнес, устремляя свои глаза в темноту:

— Милые друзья, что вы так запоздали? Я уж думал, что вы не придете. Я жду вас более двух часов.

Вместо ответа, я подошел к нему и встал так, что свет падал мне прямо в лицо.

— Я боюсь,— начал я, но он не дал мне кончить моей фразы, оттолкнул меня обеими руками и, убежав в хижину, захлопнул за собой дверь.

Я не мог прийти в себя от изумления, но вслед за тем случилось нечто еще более необыкновенное: я увидел сквозь большую щель в двери, что молодой человек подбежал к камину, вытащил что-то из-за пазухи и влез под выдающийся колпак камина, так что остались видными только его ноги. Через минуту он опустился вниз и, снова отворив дверь, произнес взволнованным голосом:

— Кто вы такой?

— Я путешественник, сбившийся с дороги.

Наступило молчание, словно он недоумевал, что мне ответить.

— Вы найдете тут плохой приют,— произнес он, наконец.

— Я очень устал, и вы, вероятно, не откажете мне в пристанище? Я несколько часов блуждал по болоту.

— И вы никого не встречали?

— Никого.

Он пристально оглядел меня с головы до ног и потом спросил:

— Как вас зовут?

— Луи Лаваль,— отвечал я, полагая, что безопаснее придать своей фамилии плебейскую форму.

— Куда вы направляетесь?

— Я ищу пристанища.

— Вы приехали из Англии?

— Я иду с берега.

Он покачал головой. Очевидно, мои ответы его не успокоили.

— Вы не можете здесь остаться,— сказал он после минутного молчания.

— Но...

— Это невозможно.

— Так укажите мне дорогу, по которой я мог бы выбраться из болота.

— Это нетрудно. Вы уже почти на границе болота; сделайте несколько сотен шагов по тому направлению, по которому шли с берега, и вы очутитесь в соседней деревне.

Он вышел из двери и указал мне, куда следовало идти, и потом вернулся в хижину, а я уже сделал несколько шагов от этого негостеприимного жилища, как вдруг услышал голос незнакомца:

— Нет, господин Лаваль, я не могу отпустить вас так в бурную ночь. Зайдите в хижину, погрейтесь у огня, выпейте стакан водки, а затем продолжайте свой путь.

Эти слова были произнесены совершенно иным, приветливым голосом, и хотя происшедшая в нем перемена меня очень удивила, но я поспешил воспользоваться его предложением.

— Очень вам обязан за вашу любезность,— сказал я и поспешил за ним в хижину.

Полуразрушенная хижина

Отрадно было перейти от холода, мрака и бури к светлому пылающему огню камина; но мое любопытство было так затронуто странным незнакомцем и его необыкновенным жилищем, что я теперь более думал о нем, чем о своем собственном спокойствии. В особенности меня поразили его замечательная наружность, факт ожидания им гостей в такое позднее время и в таком неподобающем месте, наконец, непонятный эпизод его исчезновения в камине; кроме того, меня приводила в изумление и быстрая перемена в нем, так как он то безжалостно гнал меня из хижины, то любезно предлагал мне приют. Все это требовало выяснения, и я жаждал открыть мучившую меня тайну. Однако я из осторожности скрыл свои чувства и принял вид человека, находящего все естественным и заботящегося только о своих собственных нуждах.

Одного взгляда на внутренность хижины было достаточно, чтобы подтвердить произведенное ею впечатление: очевидно, эта хижина не была предназначена для жилья, и незнакомец явился сюда лишь для свидания с кем-нибудь. От долговременной сырости штукатурка обвалилась со стен, а каменный пол местами покрылся мхом. Всюду были видны следы запустения. Единственная большая комната была почти пуста, и в ней находились только стол на трех ножках, три деревянных ящика, заменявших сиденья, и груда старых изорванных сетей в углу. Рядом с этой грудой лежали топор и обломки четвертого ящика, который, очевидно, пошел на разведение огня в камине. Но мой взгляд быстро промелькнул по всем этим предметам и сосредоточился на столе, где рядом с лампой и книгой стояла корзина, из которой торчали окорок, длинный хлеб и бутылка.

Если в первую минуту нашего знакомства молодой человек отличался холодной подозрительностью, то теперь он старался загладить свое прежнее негостеприимство такой чрезмерной любезностью, что она невольно возбуждала во мне удивление. Он пододвинул мне один из деревянных ящиков и подал кусок хлеба с ветчиной. Однако я не мог не заметить, что хотя его губы

улыбались, но прекрасные черные глаза зорко следили за каждым моим движением, как бы спрашивая, зачем я сюда явился.

— Что касается меня, — сказал он с искусственным чистосердечием, — то вы можете легко понять, что купцы в настоящее время должны добывать свой товар, как умеют, и если император, да благословит его Господь, нашел нужным уничтожить всякую торговлю, то приходится получать в таких неподходящих местах кофе и табак. Будьте уверены, что в Тюильри нет недостатка ни в том, ни в другом, и сам император пьет ежедневно до десяти чашек настоящего мокко, не спрашивая, откуда он берется, хотя ему хорошо известно, что кофе не растет в пределах Франции. Растительное царство — одно из тех немногих царств, которых еще не покорил Наполеон, и если бы торговцы ценой большого риска не доставили необходимый товар, то плохо пришлось бы жить во Франции. Но вы, полагаю, не моряк и не торговец?

Я отвечал утвердительно, и моя сдержанная лаконичность еще более подстрекнула его любопытство. Относительно же его рассказа о самом себе, могу сказать, что глаза прямо противоречили его словам. Пользуясь светом лампы и огня, я теперь мог вполне рассмотреть его лицо, которое было еще красивее, чем оно мне показалось с первого взгляда. Но его красота не была мне по вкусу: все его черты были так тонки, что граничили с женской изнеженностью, а чрезмерная их правильность не достигала полной красоты благодаря отвислым губам. У него было умное лицо, но оно выражало слабость и бесхарактерность.

— Вы простите меня, господин Лаваль, за мою холодность в первую минуту, но с тех пор, как император поселился на этом берегу, здесь столько полицейских агентов, что купцу, торгующему контрабандой, надо опасаться всех и каждого. А вы должны сознаться, что ваша внешность и неожиданное появление могли возбудить во мне подозрение.

— Уверяю вас, — отвечал я, — что я, действительно, путешественник, сбившийся с дороги. Теперь, отдохнув и подкрепив свои силы, я не буду более злоупотреблять вашим гостеприимством и попрошу вас только указать мне путь в ближайшее селение.

— Нет, вам лучше остаться здесь, а то буря все усиливается.

Действительно, в эту самую минуту ветер так сильно загудел в трубе, что мне показалось, будто крыша валится вниз. Незнакомец подошел к окну и пристально посмотрел в него.

— К тому же, господин Лаваль,— прибавил он, возвращаясь ко мне,— вы можете оказать мне большую услугу, если останетесь здесь еще на полчаса.

— Какую услугу? — спросил я, теряясь в догадках.

— Чтобы быть с вами откровенным,— произнес он, хотя в эту минуту его лицо выражало все, что угодно, кроме откровенности,— я жду людей, с которыми веду дела, но они почему-то не явились, и мне бы хотелось поискать их на болоте, где они могли так же, как вы, сбиться с дороги. Но мне неловко отсюда уйти, потому что, если они придут сюда без меня, то подумают, что я совсем удалился. Я был бы вам очень благодарен, если бы вы остались здесь на полчаса, и в случае их прихода сказали бы, что я тотчас вернусь.

Его просьба показалась мне вполне благообразной, хотя что-то в его взгляде говорило, что это был ложный предлог. Кроме того, оставшись один в хижине, я мог выяснить причину его таинственного исчезновения в камине, а потому отвечал, что согласен.

— В таком случае,— произнес он, надевая черную шляпу с широкими полями и быстро подходя к двери,— я не буду терять времени и отправлюсь.

Он поспешно захлопнул за собой дверь, и вскоре его шаги замерли в свирепствовавшей буре.

Я остался один в таинственной хижине. Прежде всего я взял со стола книгу и посмотрел на заглавный лист. Это было сочинение Руссо «Социальный контракт», и как ни была интересна эта книга, но трудно было предположить, чтобы торговец читал ее, поджидая контрабандистов. На заглавном листе находилась надпись: «Люсьен Лесаж», а над ней было написано женским почерком: «Люсьену от Сабинны». Значит, моего красивого нового знакомца звали Лесажем, и мне оставалось только разведать тайну камин.

Это был большой и очень широкий, старомодный камин с обширным колпаком, и мне стоило только подойти под него, чтобы понять странное поведение Лесажа. В стороне, противоположной огню, было отверстие в колпаке, и в нем виднелся маленький узел. Очевидно, этот узел был спрятан Лесажем, и я, поднявшись на руках, подобно ему, легко достал таинствен-

ный предмет. В узле оказалось несколько писем и одна большая свернутая бумага. Письма были адресованы гражданину Талейрану, гражданину Фуше, гражданину Сульту, гражданину Макдональду, гражданину Бертье и некоторым другим знаменитым столпам новой империи. Но что мог этот торговец писать всем этим именитым людям, да еще называть их, по республиканскому обычаю, гражданами? По всей вероятности, сложенная бумага могла выяснить мне эту тайну, а потому, положив обратно письма в отверстие, я развернул бумагу, и вот как она начиналась:

«Сограждане французы, сегодняшнее событие доказало, что даже среди своих войск тиран не может избежать справедливой народной мести. Комитет трех, временно действуя именем республики, подверг Бонапарта той же судьбе, которая сделалась уделом Людовика Капета. Отомстив за позор 18 брюмера...»

Не успел я прочесть последнее слово, как почувствовал, что меня схватили две железные руки, и я услышал грозный голос:

— На этот раз, голубчик, ты попался!

IV

Герои ночи

Я не успел прийти в себя, как меня вытащили из-под колпака камина, повалили на пол, и кто-то стал меня так крепко душить, что голова у меня закружилась.

— Не дави его, Туссак, узнаем прежде, кто он такой,— произнес чей-то голос.

— Все равно, кто бы он ни был, я его разом отправлю к черту,— отвечал прежний грозный голос.

— Не надо, не надо, Туссак! Я видел однажды, как вы двумя пальцами задушили человека, и это зрелище долго не давало мне спать по ночам.

Мое горло было так сжато, что глаза едва не выскочили, и я не мог видеть ни своего палача, ни неожиданного защитника, я должен был неподвижно лежать и слушать роковую беседу о моей судьбе.

— Однако, любезный Шарль, — произнес третий голос, в котором я узнал Лесажа, — этот человек знает нашу тайну, и кто-нибудь из нас должен умереть. Но торопиться нечего. Дайте ему вздохнуть, Туссак, ведь убежать он не может.

Какая-то неведомая сила приподняла меня сзади и посадила. Тут я впервые получил возможность увидеть, в чьих находился руках; в комнате было три человека — мой новый приятель и два незнакомца. Лесаж стоял у стола, держа в руках свою книгу и смотря на меня тем торжествующим взглядом, которым отличается игрок в шахматы, сделавший мат своему сопернику. Возле него на деревянном ящике сидел человек лет пятидесяти, с желтоватым аскетическим лицом, впалыми глазами, тонкими губами, выдающимся подбородком и многочисленными морщинами на щеках. Одежда на нем была темно-коричневого цвета, а уморительно тонкие ноги были в коротких штанах, чулках и башмаках. Он смотрел на меня, грустно качая головой, но я не мог найти для себя утешения в его безжалостных серых глазах. Но всего более возбудил во мне страх тот, которого называли Туссаком. Это был колосс с ужасно развитыми мускулами. Его большие ноги были изогнуты колесом, как у обезьяны, и вообще было что-то зверское во всей фигуре: лицо его было покрыто волосами, а рука, державшая меня за горло, скорее походила на лапу. Его большие черные глаза грозно перебегали от меня на товарищей. Если они были моими судьями, то, очевидно, ему предстояло быть палачом.

— Откуда он взялся? Зачем он здесь? Как он узнал о нашем секретном убежище? — спросил худощавый человек.

— Впервые увидев его в темноте, я подумал, что это вы, — отвечал Лесаж. — Убедившись в своей ошибке, я запер дверь и спрятал бумаги в камине, но я забыл, что он может подсмотреть, что я делал, в щель двери. Когда, прогнав его, я случайно увидел эту щель, то понял свою ошибку и позвал его в хижину, чтобы обдумать, как с ним поступить.

— Черт возьми! — произнес Туссак, — два, три удара топора, да покойное ложе в болоте, — вот и все.

— Конечно, добрый Туссак, но я не привык так грубо действовать, как вы, а потому прибегаю к хитрости.

— Ну, что же вы сделали?

— Прежде всего мне надо было узнать, видел ли этот человек, называвший себя Лавалем...

— Как вы называли его? — воскликнул худощавый господин.

— Он сам назвал себя Лавалем, а я хотел прежде всего узнать, видел ли он, как я спрятал бумаги. Поэтому, когда я услышал ваши шаги, то оставил его одного в хижине и через окна следил за его движениями. Он немедленно полез в камин, и тогда мы вошли, а вы Туссак, по моей просьбе, повалили его на пол.

Молодой человек торжествующим взглядом обвел присутствующих, как бы ожидая похвалы, а худощавый господин захлопал в ладоши, не спуская с меня глаз.

— Любезный Лесаж, — сказал он, — вы сегодня превзошли себя, и когда нашей новой республике понадобится министр полиции, то у нас будет готовый кандидат. Признаюсь, даже я, человек бывалый и опытный, не понял, в чем дело, увидев торчавшие из-под колпака камина ноги. Зато добрый Туссак сейчас же схватился за них.

— Довольно болтать вздор, — произнесла борода-тая фигура. — Благодаря тому, что мы много болтаем, а мало действуем, Бонапарт надел корону на свою голову и сохранил ее на своих плечах. Покончим прежде с этим молодцом, а затем примемся за дело.

Я взглянул на Лесажа, но он холодно и равнодушно смотрел на меня.

— Туссак прав, — сказал он, — мы подвергаем себя опасности, если отпустим его на свободу, так как он знает нашу тайну.

— Кому дело до нашей безопасности, — воскликнул Туссак, — мы рискуем проиграть дело, — это гораздо важнее!

— Важно и то, и другое, — заметил Лесаж, — правило 13 устава нашего тайного общества говорит, что следует делать в подобном случае, и ответственность падает не на нас, а на составителя устава.

Сердце у меня екнуло при этих словах, но надежда во мне снова возродилась, когда неожиданно мою сторону принял худощавый господин, который до тех пор упорно молчал и пристально на меня посматривал.

— Любезный Люсьен, — сказал он своим мягким голосом, — мы, философы и мыслители, должны уважать человеческую жизнь. Мы ведь не раз соглашались с тем, что крайности, до которых доходит Марат...

— Я очень уважаю ваше мнение, Шарль, — перебил Лесаж, — и вы должны признать, что я был до сих пор вашим послушным и верным учеником, но в этом деле замешана наша личная безопасность, и я не вижу другого исхода. Я враг ненужной жестокости, но, право, не понимаю, почему вы так заступаетесь за этого человека, когда несколько месяцев назад вы первый предложили Туссаку покончить с английским полицейским агентом. И, надо отдать ему справедливость, он так живо распорядился с ним, что нам было страшнее, чем ему.

— Нет, нет, Туссак, погоди! — воскликнул худощавый господин, видя, что рука чудовищного великана снова сжала мне горло, — послушайте, Люсьен, воздержимся от этого кровавого дела, если не по нравственным, то чисто по практическим причинам. Подумайте только, что если мы когда-нибудь попадемся, то это убийство уничтожит всякую надежду на наше помилование.

Молодой человек побледнел и задумался, но спустя минуту отвечал:

— Нет, Шарль, нас никогда не помилуют, и нам остается только исполнить 13 правило устава.

— Но мы можем истолковать его по-своему; ведь мы члены распорядительного комитета.

— Положим, но чтобы истолковать по-новому устав, необходимо большинство двух третей комитета, а нас гораздо меньше.

Пока он говорил, я почувствовал, что снова голова у меня кружится и глаза выходят из орбит, — так сжал мне горло Туссак. Я уже произносил безмолвную молитву, как вдруг Шарль бросился на Туссака и стал энергично отнимать его руки от моего горла.

— Я не дам вам убить его! — воскликнул он гневно. — Отпустите его, Туссак. Слышите, я этого не хочу, и вы не имеете права действовать наперекор мне.

Бесчеловечный колосс не обращал на него никакого внимания, и он снова обратился к Лесажу, но уже умоляющим голосом:

— Послушайте, Люсьен, нечего торопиться, дайте мне допросить его как следует, и если он окажется действительно шпионом, то даю вам слово, что я не стану более его защищать. Делайте тогда с ним, что хотите, но если он, невинный путешественник, сбившийся с дороги, случайно попал в эту хижину и по

глупому любопытству вмешался в наше дело,— то вы его отдадите мне.

За все это время я не произнес ни одного слова, так как защищать себя против двух злодеев, жаждавших моей крови, было вполне излишне, а их товарищ сам защищал меня. Поэтому я только беспомощно смотрел на моих судей, ожидая каждую минуту смерти.

— А правило 13, правило 13? — повторил Лесаж.

— Я беру на себя всю ответственность за его нарушение.

— А вы знаете, что есть другое правило, кроме 13,— произнес Туссак своим грубым голосом,— по которому за укрывательство наказывают так же строго, как за преступление.

— Вы прекрасный исполнитель чужих распоряжений, Туссак,— отвечал очень спокойно Шарль,— но предоставьте более умным головам указать вам, что делать.

Это хладнокровное сознание превосходства над ним подействовало на Туссака, и он молча пожал плечами.

— Что же касается вас, Люсьен,— продолжал Шарль,— то меня очень удивляет, что вы, желая породниться с моей семьей, позволяете себе идти против моих желаний. К тому же, если вы принадлежите к небольшому числу людей, понимающих всю святость свободы и никогда не изменивших республике, то кому вы этим обязаны?

— Вы совершенно правы, Шарль,— отвечал молодой человек в смущении,— и я никогда не стал бы вам перечить, если бы не полагал, что в этом случае вы можете своей добротой навлечь на всех нас большую опасность; но, во всяком случае, вы можете его допросить, хотя, я уверен, это нисколько не изменит дела.

Я вполне разделял его мнение, но был очень рад, когда почувствовал, хотя временно, освобождение от зверских рук Туссака.

— Откуда вы? — спросил Шарль, приступая к моему допросу.

— Из Англии.

— Но вы француз?

— Да.

— Когда вы прибыли?

— Сегодня ночью.

— Каким путем?

— На судне из Дувра.

— Он говорит правду, — произнес Туссак. — Я должен засвидетельствовать, что он говорит правду. Мы видели это судно, и как кого-то спустили в лодку.

Я вспомнил, что действительно, подходя к французскому берегу, мы увидели какую-то лодку, которая быстро исчезла из наших глаз.

Затем мой защитник стал задавать мне вопросы, один глупее и бессмысленнее другого, и при этом он нарочно тянул допрос, что возбуждало неудовольствие Туссака. Он, очевидно, хотел выиграть время, но с какой целью?

Наконец, Туссак не выдержал и положил конец этой пустой болтовне.

— Довольно! — воскликнул он, — я не для того рисковал своей головой и приехал из Лондона, чтобы слушать такие пустяки. Довольно болтать. Приступим к делу.

— Хорошо, — отвечал Шарль, — посадим его вон в этот шкаф и займемся делом, с ним мы всегда успеем покончить.

— А он все услышит из шкафа, — заметил Лесаж.

— Я решительно не понимаю, что с вами сделалось, — произнес Туссак, подозрительно поглядывая на моего защитника, — вы никогда прежде не выказывали такой слабыхарактерности. Этот человек знает нашу тайну, и он должен умереть, иначе он нас выдаст. Пора свернуть ему шею и покончить болтовню.

Он снова протянул ко мне свои гигантские руки, но в эту минуту Лесаж соскочил со своего места и, бледный, стал к чему-то прислушиваться.

— Я что-то слышу, — промолвил он шепотом.

— И я также, — подтвердил Шарль.

— Что вы слышите? — спросил Туссак.

— Тише, тише.

С минуту мы все прислушивались к завыванию ветра, и потом Лесаж произнес с нервным смехом:

— Нет ничего. Это мне только показалось. Ветер шумит.

— Я ничего не слышу, — произнес Туссак.

— Вон, вон опять, — промолвил Лесаж, дрожа всем телом.

На этот раз среди завываний ветра ясно послышался пронзительный лай.

— Собаки!

— Нас преследуют!

Лесаж бросился к камину, выхватил из отверстия бумаги и бросил их в огонь.

Туссак спокойно взял в руки топор и прислонился к стене, а мой защитник, отстранив валявшиеся в углу сети, открыл потайную дверь и втокнул меня в небольшое отверстие в стене.

— Стой тут тихо, — произнес он шепотом.

Затем он объяснил своим товарищам, что я буду находиться у них под арестом в этом убежище и что они будут в состоянии покончить со мной, когда минует опасность.

V

Именем императора

Чулан, или скорее шкаф, в котором я очутился, был низенький, узенький, наполненный корзинками. Свет проникал в него только через щели в двери, но эти щели были так велики и многочисленны, что благодаря им я мог видеть все, что делалось в комнате. Хотя я все еще находился под тяжелым впечатлением грозившей мне опасности, но сцена, разыгравшаяся передо мной, невольно сосредоточивала на себе все мое внимание.

Мой худощавый друг все с тем же суровым выражением своего истощенного лица снова уселся на ящик. Обеими руками он облокотился на колени и медленно покачивался со стороны на сторону. Возле него стоял Лесаж: на его бледном лбу выступал холодный пот, а нижняя губа дрожала от страха. Что касается Туссакка, то он принял величественную позу, держа в руках топор, и вся его фигура выражала гордый вызов. Он не говорил ни слова, но он весь, с головы до ног, дышал решительностью дорого отдать свою жизнь. Когда же лай собаки усилился и стал приближаться, то он подбежал к двери и широко ее открыл.

— Нет, не впускайте сюда собаку! — воскликнул Лесаж, дрожа всем телом.

— Дурак! Убить собаку — наше единственное спасение.

— Но она на привязи.

— Тогда мы пропали. Но если она на свободе, как я думаю, то мы еще можем спастись.

Лесаж трусливо спрятался за стол и не спускал глаз с двери. Мой друг продолжал покачиваться на ящике, и на лице его играла странная улыбка. Одной рукой он ощупывал жабо на своей рубашке, и я предположил, что у него там было скрыто оружие. Как я ни боялся и как ни питал ненависти к Туссаку, но не мог не прийти в восторг от его гордой, отважной позы. Что касается меня самого, то я так был поглощен происшедшей передо мной драмой, что вовсе не думал о своем собственном положении. Я притаил дыхание и с нетерпением ждал, чем все это кончится.

Неожиданно я понял по их лицам, что они увидели нечто, скрытое от меня. Туссак замахнулся топором; Лесаж присел на пол и закрыл лицо руками, а мой друг перестал покачиваться и сидел неподвижно. Послышались мягкие шаги, и в комнату вбежала собака, но в ту же секунду Туссак вонзил в ее шею топор с такой силой, что сам пошатнулся и упал на окровавленное животное. Собака жалобно взвизгнула и растянулась на полу, а Туссак вскочил и выбежал из хижины с громким криком:

— Спасайтесь!

— Да, да, нам надо бежать,— произнес Лесаж, скрывшийся в угол комнаты во время борьбы Туссака с собакой,— ищейка опередила полицию, и мы можем еще спастись.

Мой друг спокойно встал и запер дверь.

— Я думаю, друг Люсьен,— сказал он спокойно,— что вам лучше остаться здесь.

Лесаж взглянул на него с изумлением и промолвил:

— Вы, кажется, не понимаете, в чем дело, Шарль?

— Нет, понимаю,— отвечал последний с улыбкой.

— Полиция будет здесь через несколько минут, так как во всем околотке нет другого человеческого лица.

— Это верно.

— Так нам надо бежать. Мы можем еще спастись благодаря темноте.

— Нет, мы останемся здесь.

— Сумасшедший! Вы можете жертвовать своей жизнью, но не моей. Оставайтесь, если хотите, а я уйду отсюда.

Он бросился к двери, но худощавый товарищ загородил ему дорогу.

— Глупая, глупая жертва! — промолвил мой друг.

Лесаж остановился: ноги его подкашивались, и я никогда не видывал на человеческом лице такого трусливого выражения страха, как тот, который обнаруживали все его черты.

— Вы, Шарль, вы предали нас,— пробормотал он едва слышно.

— Да, я.

— Вы полицейский агент! Вы — душа нашего тайного общества! Этого не может быть! Вы шутите! Пропустите меня, умоляю вас, я уже слышу их шаги.

Суровое лицо его товарища не дрогнуло.

— Отчего же отпустили Туссака, а хотите выдать меня?

— Если бы собака одолела его, то я выдал бы вас обоих, а теперь, Люсьен, вы один должны быть моим трофеем.

— Полицейский агент! Шарль, полицейский агент! — повторял Лесаж, ударяя себя рукой по лбу, как бы желая убедиться, наяву ли он видит происходящее.

— Да. Я был уверен, что это вас очень удивит.

— Вы были всегда самым ярким республиканцем среди нас и упрекали всех других в недостаточном рвении. Сколько раз мы с уважением слушали ваши пламенные речи! Ну, а Сибилла? Ведь она же не может быть полицейским агентом. Нет, Шарль, вы шутите. Скажите, что вы шутите.

Выражение лица моего друга смягчилось, и он весело произнес:

— Ваше удивление чрезвычайно лестно для меня, хотя я всегда был уверен, что хорошо играю свою роль. Я не виноват, что эти дураки спустили с привязи собаку и тем дали возможность убежать самому главному заговорщику. Но все-таки к моей чести будет служить поимка такого опасного республиканца, как вы. Император умеет награждать своих друзей и наказывать врагов,— прибавил он, вынимая из-за пазухи пистолет.— Вы видите, что должны остаться в хижине живой или мертвый.

Лесаж закрыл лицо руками и горько зарыдал.

— Вы были хуже нас всех, Шарль,— бормотал он сквозь слезы.— Вы побудили Туссака убить английского полицейского агента. Вы собственноручно подожгли дом на улице Нижнего Укрепления, а теперь вы поднимаете руку против нас.

— Я так поступал для того, чтобы выдать вас всех в удобную минуту.

— Хорошо, Шарль, но ведь я все это объясню публично в своей защитительной речи. Что же вы тогда скажете вашему императору? Не лучше ли вам отпустить меня? А то ведь я вас не пожалею!

— Может быть, вы и правы, друг мой, — сказал он, взводя курок пистолета, — может быть, вы и скажете про меня что-нибудь лишнее, а так как все равно, выдам ли я вас живым или мертвым, то мне лучше вас убить.

Страшно было видеть, как Туссак боролся с собакой, но это зрелище не произвело на меня такого отталкивающего впечатления, как то, что произошло перед моими глазами. Несчастный юноша упал на колени и, объятый ужасом, стал ползать перед моим другом, который безжалостно смотрел на него и собирался спустить курок. В эту минуту я забыл, что юноша хотел принести меня в жертву, и, ударив изо всей силы по двери чулана, выскочил в комнату. Но в эту самую минуту снаружи послышался шум голосов и бряцание сабли.

— Именем императора! — произнес какой-то могучий голос, и от сильного удара наружная дверь слетела с петель.

За порогом виднелся целый отряд всадников в касках, а в комнату вошел гусарский офицер, очевидно, высокого звания, судя по его блестящему мундиру и по величественной осанке. Красивый, молодой, с черными усами, в голубом, шитом серебром, ментике, он хладнокровно обвел глазами всю комнату и спокойно спросил:

— Ну, что?

— Вот Люсьен Лесаж, — отвечал мой друг, спрятав за пазуху пистолет и указывая на несчастную фигуру своего товарища.

— Хорош заговорщик! — произнес гусар с презрительной улыбкой. — Вставай, негодяй. Жерар, арестуйте его и отвезите в лагерь.

Более юный офицер с двумя солдатами вошел в хижину и почти вынес на руках Лесажа, который едва не лишился чувств от страха.

— А где другой, где Туссак? — спросил старший офицер.

— Он убил собаку и убежал, — ответил мой друг. —

Лесаж также убежал бы, но я его удержал. Если бы вы, полковник Ласаль, не спустили собаки с привязи, то мы поймали бы их обоих. Во всяком случае, вы можете меня поздравить с большим успехом.

И он протянул руку, но гусар презрительно от него отвернулся и, быстро подойдя к двери, крикнул:

— Слышите, генерал Савари, Туссак скрылся.

В ту же минуту в хижину вошел красивый брюнет, также молодой и, по-видимому, очень взволнованный словами полковника.

— Где Туссак? — произнес он.

— Его уже нет здесь с четверть часа, — отвечал мой приятель.

— Это самый опасный человек из всей компании. Император взбесится. В какую сторону он бежал?

— Вероятно, внутрь страны.

— А это кто? — прибавил Савари, указывая на меня. — По вашему донесению, мы могли застать здесь только двух заговорщиков, господин...

— Я бы не желал, чтобы мое имя произносилось, — перебил генерала мой приятель.

— Я это понимаю, — ответил Савари с презрительной улыбкой.

— Во всяком случае, я ни в чем не виноват, — продолжал его собеседник спокойно. — Я вам указал на верное средство поймать Туссака, но вы спустили собаку и испортили все дело, так что не мне, а вам придется отвечать перед императором.

— Это не ваше дело, — произнес суровым тоном Савари, — но извольте мне сейчас сказать, что это за человек?

Так как у меня в кармане было письмо, которое неминуемо обнаружило бы мое имя, то я не нашел нужным скрываться и гордо сказал:

— Меня зовут Луи де Лаваль.

Мое громкое, аристократическое имя несколько не подействовало на молодого генерала, и он спокойно занес его в свою записную книжку.

— Господин де Лаваль не принимал никакого участия в этом деле, — сказал мой приятель, очевидно, бывший шпионом. — Он случайно попал сюда, и я вам отвечаю, что он явится, если бы понадобилось его показание.

— Конечно, оно понадобится, но так как мне нужны все мои солдаты для погони за Туссаком, то я

оставлю его на ваше попечение с тем, что вы доставите его по первому требованию.

— Когда угодно.

— Есть какие-нибудь документы в хижине?

— Все сожжены.

— Жаль.

— У меня дубликаты.

— Прекрасно.

— Пойдемте, Ласаль. Каждая минута дорога. Пусть люди разойдутся по всем направлениям: мы, еще, пожалуй, поймаем Туссака.

Через минуту снаружи послышалось бряцание оружия и топот лошадей. Мой приятель выглянул в дверь, и когда пропал в темноте последний след всадников, он повернулся ко мне и сказал со своей обычной иронической улыбкой:

— Ну, молодой человек, мы разыграли для вашей забавы трагикомедию, и вы мне обязаны за это зрелище.

— Я много обязан вам, и не знаю, как благодарить вас, — отвечал я, хотя в сердце моем боролись противоположные чувства признательности и отвращения к нему.

— Вам представится впоследствии случай отблагодарить меня, — произнес он, бросая на меня странный взгляд, — а теперь извольте следовать за мной, так как я отвечаю за вас и должен найти вам безопасное убежище на эту ночь.

VI

Потаенный ход

Огонь уже давно погас в камине, а, выходя из хижины, мой приятель погасил лампу, и потому не успели мы сделать несколько шагов за порог хижины, как она уже исчезла из наших глаз. Ветер стих, но моросил мелкий, холодный дождь. Мой товарищ шел твердой решительной поступью, очевидно, прекрасно зная дорогу. Я же следовал с ним, молча понуриив голову и размышляя о всем происшедшем.

Несмотря на мою молодость, я много слышал поли-

тических разговоров между пожилыми людьми, и положение дел во Франции мне было хорошо известно. Я знал, что недавнее восшествие Бонапарта на императорский престол привело в ярость небольшую, но сильную партию якобинцев и крайних республиканцев, которые с отчаянием видели, что все их усилия свергнуть монархию, привели только к превращению ее в империю. С другой стороны, приверженцы Бурбонов, в среде которых я провел свою юность, были разочарованы одобрением восстановления порядка на их родине большинством населения страны. По различным мотивам, но с одинаковым пылом обе партии ненавидели Наполеона и готовы были всеми средствами отделаться от него. Поэтому происходили частые заговоры, главная квартира которых находилась в Англии, а потому Фуше и Савари, на которых лежала ответственность за безопасность императора, содержали многочисленных шпионов. По странной случайности я высадился на берег Франции в одно время с опасными заговорщиками, против которых императорская полиция приняла искусные меры. Переживая мысленно все, что произошло после моего возвращения на родину, я не мог не признать, что находился в очень странном, затруднительном положении.

Главной моей заботой теперь было определить, в каких отношениях я должен был находиться с опасным человеком, в руки которого случайно попал. Все, что я видел и слышал, отталкивало меня от него. Мне ненавистны были его измена товарищам, лицемерие, хитрость и жестокость, но в то же время я не мог отвергать, что он меня спас и спас вдвойне: во-первых, от кровожадного Туссака, а во-вторых, от императорской полиции, которой он легко мог выдать меня за опасного заговорщика. Конечно, я не принимал никакого участия в заговоре, но мне было бы трудно доказать это. Во всяком случае, его поведение со мной настолько противоречило его отношению к другим людям, что, пройдя молча мили две, я не вытерпел и спросил у него, почему он так поступил со мной.

— Извините, но вы презабавный человек, господин... господин... я забыл, как вы себя назвали,— отвечал он.

— Де Лаваль.

— Так, так, господин де Лаваль. Вы отличаетесь искренностью и наивностью юноши. Вы желаете знать,

что находится внутри камина, и вы прямо лезете туда. Вам хочется знать, почему я поступил так, а не иначе, и вы прямо меня об этом спрашиваете. Признаюсь, это очень забавно, тем более, что я привык жить с людьми, которые старательно скрывают свои мысли.

— Каковы бы ни были мотивы вашего поведения относительно меня, вы все-таки спасли мне жизнь, и я очень обязан вам.

— Я не нуждаюсь в вашей признательности, — отвечал он холодно, — и я уверен, что если бы не оказал вам значительной услуги, то вы не протянули бы мне руки, как этот щенок Ласаль. Он полагает, что благородно служить императору на поле брани, но не благородно подвергаться тем опасностям, среди которых я постоянно вращаюсь. Моя деятельность требует гораздо более мужества и смелости, чем безумные кавалерийские атаки. А что касается императора, то я оказал ему гораздо более услуг, чем все маршалы вместе. Но, вероятно, и вы не смотрите на меня с этой точки зрения, господин... господин... де Лаваль?

— Да, да, де Лаваль.

— Странно, как я не могу запомнить это имя. Вы, вероятно, господин Лаваль, разделяете мнение полковника Ласалья?

— Я не могу ответить на этот вопрос, — отвечал я, — и знаю только, что обязан вам жизнью.

Он не успел мне возразить, как вдали послышались пистолетные выстрелы. Мы остановились и стали прислушиваться; но снова водворилась безмолвная тишина.

— Они, вероятно, напали на след Туссака, — сказал мой товарищ, — но он слишком силен и хитер, чтобы им удалось его поймать. Я не знаю, какое он произвел на вас впечатление, но верьте мне, что трудно найти другого такого опасного человека.

Я отвечал, что не желал бы более встречаться с ним без средств самозащиты.

— Вы правы. Но он честнейший человек, а в наши дни это большая редкость. Он принадлежит к числу немногих людей, которые с самого начала революции посвятили себя ее делу. Он на слово верил всему, что писали и говорили об идеальных целях революции, которая, по его мнению, должна была после неизбежных беспорядков и строгих мер водворить не только во Франции, но и во всем мире общий мир и братскую

любовь. Большинство людей с подобными идеями сложили головы под гильотиной, но Туссак пережил их, а когда оказалось, что вместо мира водворилась вечная война и вместо республики создана империя, то он пришел в ярость и поклялся смертью всем, кто стоял между ним и его идеалом. Я уверен, что если мы когда-нибудь с ним встретимся, то он убьет меня, как собаку, за мое поведение сегодня.

Он произнес эти слова самым спокойным образом, и я не мог мысленно не признать, что действительно для его отвратительного ремесла требовалось более смелости и мужества, чем для подвигов рубаки Ласяля.

— Да, — продолжал он, словно говоря про себя, — я дал маху: мне следовало застрелить его в ту минуту, когда он боролся с собакой. Но ведь если бы я его только ранил, то он растерзал бы меня на куски, так что, в сущности, я хорошо сделал, что оставил его в покое.

Между тем, мы уже давно вышли из болотистой местности и мало-помалу поднимались по откосам небольших холмов, тянувшихся вдоль морского берега. Несмотря на темноту, мой товарищ продолжал идти твердыми, уверенными шагами, а я следовал за ним в слепой надежде, что он приведет меня к желанному убежищу. Вскоре мы замолчали, и я шел машинально, как бы во сне. Неожиданно он остановился перед большим, белевшим перед нами, пространством. Дождь прекратился, и хотя луны не было видно, но небо прояснилось; я отчетливо увидел перед собой заброшенную, меловую ломку, полузаросшую кустарником. Мой товарищ оглянулся во все стороны и пошел вдоль меловой стены. Через некоторое время он снова остановился, раздвинул ветви заграждавшего нам путь куста и обнаружил четырехугольное, черное отверстие в белой, меловой стене.

— Проход сначала узкий, а потом будет шире, — сказал он, обращаясь ко мне. — Идите вперед, а я последую за вами.

Я невольно колебался. Куда вел меня этот странный человек? Неужели он жил в пещере как дикий зверь, или он заманивал меня в западню? В эту минуту луна выглянула из-за облаков, и, заметив нерешительность, ясно выразившуюся на моем лице, он сказал:

— Вы слишком долго шли со мной, чтобы теперь

вернуться назад. Вы должны мне верить вполне, или вовсе не доверять.

— Я в вашем распоряжении.

— Так идите вперед, а я следую за вами.

Я ползком пролез сквозь отверстие и, сделав несколько шагов, оглянулся: худощавая фигура моего нового товарища заслонила отверстие, и я слышал, как он следовал за мной, также ползком.

— Продолжайте так двигаться до первой ступеньки вниз,— произнес его голос,— там будет больше места и мы зажжем огонь.

Проход, по которому мы ползли, был такой низкий, что, выгнув спину, я мог дотронуться до потолка, а локти мои касались обеих стенок. Но в те времена я был очень худощав и потому без особого затруднения продвигался вперед. Наконец, через каких-нибудь сто шагов я ощупал руками под собою впадину и, опустившись туда, почувствовал, что воздух был значительно чище, а, следовательно, проход стал больше. За мной послышался треск огнива, и мой товарищ зажег факел. Сначала он осветил только лицо моего покровителя, а затем и окружающие предметы приняли более ясные очертания.

Мы находились в подземном туннеле, который, по видимому, продолжался бесконечно, до недр земли. Он был так высок, что я мог вытянуться во весь рост, а заросшие мхом камни доказывали его древность. На том самом месте, где мы стояли, туннель был заделан, и в закрывшей его стене совсем недавно был пробит тот узкий выход, по которому мы должны были ползком проложить себе дорогу. Это обстоятельство доказывалось тем, что на земле валялись обломки стены и даже орудия, с помощью которых был пробит проход. Теперь мой товарищ, высоко держа факел, пошел вперед по туннелю, а я последовал за ним.

— Ну,— сказал он, сделав несколько шагов и смотря на меня через плечо,— видали ли вы что-нибудь подобное в Англии?

— Никогда,— отвечал я.

— Этот потаенный ход устроен в давние времена, а теперь, когда снова наступили бурные дни, подобные предосторожности очень полезны для лиц, которым они известны.

— Куда же ведет это подземелье?

— Вот куда,— произнес мой проводник, останавли-

ваясь перед большой старинной дверью, окованной железом.

Он что-то сделал рукой, но что именно — я не заметил, и тяжелая дверь медленно повернулась на своих петлях. За ней предстал ряд старых, заросших мхом, крутых ступеней. Он махнул мне рукой, чтобы я следовал за ним, и затворил за собой дверь. Наверху лестницы была такая же дверь, которая открылась столь же таинственным образом.

Пройдя вторую дверь, мы очутились в длинном коридоре со сводами и каменным полом; в конце его мерцала лампа, а окна с железными перекладинами доказывали, что мы вернулись на поверхность земли. Из этого коридора мы проникли в новый ряд узких проходов и наконец, поднявшись по лестнице, остановились перед отворенной дверью, за которой виднелась маленькая, но имеющая все удобства спальня.

— Я надеюсь, что вы недурно проведете здесь ночь, — промолвил мой покровитель.

Я с удовольствием бы бросился в своей мокрой, грязной одежде на белоснежную постель, но любопытство взяло верх над моей усталостью.

— Я вам очень благодарен за вашу любезность, — сказал я, — но, быть может, вы окажете мне еще одну милость и объясните, где я нахожусь?

— Вы у меня в доме, и этого теперь для вас довольно, а завтра утром я вам все объясню.

Он позвонил, и когда явился слуга, спросил:

— Барышня спит?

— Да. Она уже ушла в свою комнату часа два назад.

— Хорошо. Ну, спокойной ночи, — сказал он, обращаясь ко мне, — я сам приду к вам завтра утром.

Он удалился, и я, бросившись на кровать, тотчас заснул крепким сном.

VII

Владелец Гробуа

Мой хозяин сдержал свое слово, и когда я на следующее утро открыл глаза, то увидел его перед собой. Но в теперешнем его виде трудно было узнать в нем стран-

ного и презренного героя драмы, разыгравшейся накануне. При свете ясного солнечного утра он казался каким-то педантом-учителем, а на лице его играла добродушная улыбка. Несмотря на эту улыбку, я невольно чувствовал отвращение к нему и мысленно решил, как можно скорее освободиться от его дружбы, которую он, очевидно, навязывал мне. Он держал в руках грудку одежды и, бросив ее на стул у моей кровати, любезно сказал:

— Судя по тому, что вы говорили мне вчера ночью, ваш гардероб в настоящее время не особенно богат. Я боюсь, что вы гораздо выше всех обитателей нашего дома, но я все-таки захватил с собой несколько костюмов, из которых, надеюсь, найдется что-нибудь вам впору. Я также принес бритву, мыло и пудру. Я вернусь через полчаса, а вы к тому времени, конечно, закончите ваш туалет.

Осмотрев принесенные мне вещи, я выбрал только рубашку с жабо и черный атласный галстук, а свою одежду привел в порядок и старательно вычистил щеткой. Одевшись, я подошел к окну, но только стал смотреть в него, как в комнату вошел хозяин и критически оглядел меня с головы до ног.

— Хорошо, очень хорошо,— сказал он, одобрительно кивая головой,— в наше время считается очень приличным и даже модным, если одежда носит след путешествия или занятий. Ну, теперь неужгодно ли вам следовать за мной?

Мы прошли через коридор в большой зал, который показался мне как-то странно знакомым, а когда я увидел в конце его портрет моего отца во весь рост, то остановился в изумлении.

— Вы, кажется, удивлены, господин де Лаваль? — спросил хозяин.

— Ради Бога,— отвечал я,— не мучьте меня больше и скажите мне прямо: кто вы и где я нахожусь?

Вместо ответа он взял меня за руку и провел в соседнюю комнату, где за хорошо сервированным столом сидела молодая девушка с книгой в руках. Она встала, и я сразу увидел, что она была высокого роста, статная, с черными волосами и такими же глазами, а также резкими чертами лица. Она быстро взглянула на меня, и ее взгляд поразил меня враждебным выражением.

— Сибилла,— сказал хозяин,— это твой двоюродный брат, приехавший из Англии, Луи де Лаваль.

А это, милый племянник, моя единственная дочь Сибилла Бернак.

— Значит, вы...

— Я брат вашей матери, Шарль Бернак.

— Вы дядя Бернак! — воскликнул я, широко раскрыв глаза. — Отчего же вы не сказали мне этого с самого начала?

— Я хотел прежде спокойно убедиться, как повлияло на моего племянника английское воспитание. Кроме того, мне было бы гораздо труднее оказать вам покровительство, если бы мои товарищи узнали, что вы мой родственник. Но теперь позвольте мне от всего сердца приветствовать ваше возвращение во Францию и пожалеть, что ваш первый шаг на родине был столь неприятный. Я надеюсь, что Сибилла поможет мне заставить вас забыть об этом.

Он бросил на свою дочь значительный взгляд, но ее лицо оставалось холодным и неподвижным.

Я огляделся, и в памяти моей смутно восстало воспоминание обо всем, что теперь окружало меня. Я действительно находился в нашем старом замке Гробуа, а странный господин в коричневом сюртуке и с худощавым, похожим на мертвеца, лицом, был тот самый человек, которого мой отец так часто проклинал за то, что он овладел нашим родовым имуществом. Вместе с тем я не мог забыть, что он спас меня накануне ночью, рискуя своей жизнью, и снова моя душа разрывалась противоположными чувствами к нему — благодарности и отвращения.

Мы уселись за стол, и мой вновь отыскавшийся дядя поспешил объяснить то, что мне еще оставалось непонятным во всем, что случилось со мной.

— С первой минуты, как я увидел вас, я заподозрил, кто вы такой, — произнес он. — Я достаточно стар, чтобы помнить вашего отца в юности, а вы настоящий его двойник, хотя, быть может, еще красивее его. К тому же я вас ждал, а на нашем берегу не часто бродят молодые аристократы. Но меня очень удивило, что вы не признали вчера ночью потаенного хода в Гробуа. Неужели никогда о нем не слышали?

Действительно, я припомнил, что в детстве мне не раз рассказывали о подземном туннеле, но всегда прибавляли, что потолок в нем обрушился, и потому им нельзя было пользоваться.

— Это верно, — продолжал дядя, когда я передал

ему свои воспоминания, — потому, как только замок перешел в мои руки, я приказал прорубить новое отверстие в древнем подземелье, предчувствуя, что оно могло понадобиться в такое бурное время. Если бы это было произведено ранее, то бегство ваших родителей могло бы состояться при более удобных обстоятельствах.

Его слова напоминали мне те тяжелые дни, когда мои родители должны были бежать из своего родового замка, преследуемые расвирепевшей толпой, которую поджигал этот самый человек. Он, вероятно, понял, какие мысли пробегали в моей голове, и любезно сказал:

— Что прошло, то прошло. Не будем воскрешать распрей прежних поколений: вы и Сибилла принадлежите к новому. Скажи ему, дочка, что насколько это касается тебя все семейные недоразумения окончены.

— Вам хорошо так толковать, отец, — отвечала молодая девушка, продолжая смотреть на меня недружелюбно, — но в зале висит не ваш портрет, и на замке красуется не ваш герб. Правда, замок и земля находятся в ваших руках, но наследнику Лавалей остается еще сказать, доволен ли он этим.

— Ты не любезно встречаешь своего двоюродного брата, — перебил ее отец. — Его наследство случайно перешло в наши руки, но не нам напоминать ему об этом.

— Ему нечего об этом напоминать, — произнесла молодая девушка, бросая на меня уже не только враждебный, но прямо вызывающий, презрительный взгляд.

— Вы очень несправедливы ко мне! — воскликнул я, пораженный до глубины души оскорбительным тоном Сибиллы. — Конечно, я не могу забыть, что этот замок и земля принадлежали моим предкам, но вы ошибаетесь, полагая, что я питаю к вам враждебные чувства. Я мечтаю только о том, чтобы сделать себе карьеру своей шпагой.

— И никогда нельзя этого сделать так легко, как теперь, — заметил дядя. — Свет накануне великих событий, и если вы поступите ко двору императора, то можете быть их свидетелем. Не правда ли, вы желаете служить ему?

— Я желаю служить родине.

— Служа императору, вы служите ей, потому что без императора в ней снова водворится хаос.

— По всему, что мы слышим, это служба нелегкая,— заметила Сибилла,— и вам было бы гораздо спокойнее и безопаснее оставаться в Англии.

Каждое слово молодой девушки как бы намеренно оскорбляло меня, хотя я никак не мог понять, чем и когда мог ее обидеть. Ее обращение со мной было тем страннее, что она также враждебно смотрела на отца, который, в свою очередь, бросал на нее гневные взгляды. Никогда я не встречал женщины, которую бы так искренно и быстро возненавидел.

— Твой двоюродный брат храбрый человек, а я этого не могу сказать кое о ком.

— О ком именно? — спросила Сибилла.

— Все равно,— ответил он резко и выбежал из комнаты, как бы боясь поддаться гневной вспышке.

Молодая девушка была поражена словами старика и встала, намереваясь последовать за ним, но, сделав два шага, остановилась и со смехом покачала головой.

— Вы никогда прежде не видели вашего дядю? — спросила она после некоторого молчания.

— Никогда,— отвечал я.

— Ну, а как он вам нравится?

Такой вопрос со стороны дочери заставил меня с ужасом предположить, что дядя Бернак был худшим человеком, чем я думал.

— Ваше молчание красноречивее всякого ответа,— продолжала она, видя, что я не решаюсь произнести ни слова.— Не знаю, где вы виделись прошлой ночью с отцом, и что произошло между вами, так как мы с ним не в очень хороших отношениях. Во всяком случае, я вижу по выражению вашего лица, что вы верно его поняли. Отвечайте же откровенно на мой вопрос. Вы получили в Англии от него письмо с приглашением приехать сюда?

— Получил.

— А на конверте вы ничего не заметили?

Я тотчас вспомнил о словах, написанных на конверте, и которые привели меня в такое изумление.

— Так это вы советовали мне не принимать приглашения дяди?

— Я. Не было другого способа вас предупредить.

— Но зачем вы это сделали?

— Потому что я не желала, чтобы вы приехали сюда.

— Вы боялись за себя?

— Нет, я боялась за вас.

— Вы думаете, что мне грозит опасность?

— Я в этом убеждена.

— И вы мне советуете уехать?

— Как можно скорее.

— От кого мне грозит опасность?

— От отца.

— Зачем ему вредить мне?

— Догадайтесь сами.

— В этом отношении вы совершенно ошибаетесь.

Он мне вчера ночью спас жизнь.

— А кто грозил вам опасностью?

— Два заговорщика, планы которых я совершенно случайно открыл.

— Он спас вас от заговорщиков? — повторила она с изумлением.

— Да, они убили бы меня, если бы он не помешал.

— Это ничего не значит. В его интересах, чтобы вы прибыли в замок Гробуа. Я с вами очень откровенна, а потому и вы не скрываете ничего от меня. Вы любили кого-нибудь в Англии?

Все в этой молодой девушке было очень странное, но последний ее вопрос поставил меня в тупик. Однако откровенность порождает откровенность, и я прямо ответил:

— Я любил и люблю лучшую молодую девушку на свете, Евгению Шуазель, племянницу старого герцога. Она осталась в Англии.

Мой ответ, казалось, пришелся по сердцу Сибилле, и черные глаза ее радостно заблестели.

— Вы очень ее любите?

— Да, и не могу быть счастлив вдали от нее.

— Вы ни за что не откажетесь от нее?

— Видит Бог, ни за что!

— А если ценой отказа будет замок Гробуа?

— Все равно!

Молодая девушка протянула мне руку и сказала с прелестной улыбкой:

— Простите все мои грубые выходки. Я вижу, что мы будем не врагами, а друзьями и союзниками.

Я крепко пожал ее руку, но в это мгновение вернулся дядя.

Сибилла Бернак

По лицу старика я видел, что он удивлен и обрадован нашим неожиданным примирением. И хотя он заговорил с ней самым добродушным, любезным тоном, она продолжала смотреть на него с вызывающим недоверием.

— Мне надо заняться важным делом,— сказал он,— и мне придется на часок оставить нашего гостя. Я уверен, что он с удовольствием осмотрел бы старый замок, а ему трудно найти лучшего проводника, чем ты, Сибилла.

Она не возражала, а я был очень рад случаю ближе познакомиться с этой странной родственницей. Почему она предупредила меня об опасности поездки во Францию и так интересовалась моей любовью? Выяснить эти два вопроса было для меня не только интересно, но вполне необходимо.

Мы отправились прежде всего в парк, и она мне показала его во всех подробностях. При этом не раз извинялась за себя и отца, считая несправедливым, что я был гостем, а они хозяевами моего родового замка.

— Я так резко говорила с вами,— сказала она между прочим,— потому что сердилась на себя и отца, а вовсе не на вас. Мы овладели чужим гнездом, и отец еще вздумал приглашать вас гостем в ваш собственный дом.

— Быть может, мы слишком долго зажились в этом доме,— отвечал я,— и для нашей пользы мы должны свить себе новое гнездо, как я твердо намерен.

— Вы хотите поступить на службу к императору?

— Да.

— Вы знаете, что он стоит лагерем по соседству?

— Я слышал.

— Но ведь ваша семья все еще в изгнании.

— Я лично ничего не сделал против него и буду прямо просить, чтобы он принял меня на службу.

— Многие называют его узурпатором и желают ему вечного зла, но что касается меня, то я никогда не слышала ничего дурного о нем. Все его слова и поступки велики и благородны. Признаюсь, я думала, что вы приедете сюда с совершенно другими намерениями, что

у вас карманы будут полны золотом Питта, а сердце — изменой.

— Я очень благодарен Англии за ее гостеприимство, но душой я оставался всегда французом.

— Однако ваш отец сражался против нас под Квибероном.

— Пусть каждое поколение кончает свои распри. Я в этом отношении вполне согласен с вашим отцом.

— Судите о моем отце не по его словам, а по его действиям, — сказала Сибилла серьезным тоном, — а главное, если не желаете моей смерти, то никогда не говорите ему, что я вас предупреждала против него.

— Что вы! Неужели он поднял бы руку на вас?

— Ему это нипочем. Он убил мою мать. Конечно, он не зарезал ее собственными руками, но разбил ее сердце своей холодной жестокостью. Теперь вы понимаете; почему я так говорю о нем.

Ее прекрасные глаза сверкнули накопившейся в ее сердце ненавистью к отцу.

— Вы, вероятно, находите, что я слишком свободно говорю с вами, хотя увидела вас впервые только несколько часов назад?

— Но с кем же вам говорить свободно, как не с своим родственником?

— Это правда. Однако я не думала, что мы будем с вами друзьями, а, напротив, со страхом и горем ожидала вашего прибытия. Вы, конечно, поняли мои чувства к вам в первые минуты нашей встречи?

— Да, я видел, что мое присутствие было вам неприятно.

— Очень неприятно ради вас и ради себя. В первом отношении я боялась, чтобы отец не сделал вам чего дурного, а относительно меня...

— Что же относительно вас? — спросил я, видя с удивлением, что она колеблется закончить фразу.

— Вы мне сказали, что любите, и я вам признаюсь в том же. Я уже отдала свою руку и сердце.

— Я желаю вам всякого счастья, но не понимаю, что тут общего с моим приездом?

— Английский туман, по-видимому, дурно на вас подействовал, если вы этого не можете понять. Дело в том, что мой отец решил выдать меня замуж за вас и тем обеспечить в своей семье владение замком Гробуа. При такой комбинации, что бы ни случилось и кто

бы ни царил во Франции, Бонапарт или Бурбоны, его положение было бы тверже скалы.

— Я думаю, вы правы! — воскликнул я, припоминая, как дядя заботился о моей внешности, как он был недоволен ее холодностью со мной и как обрадовался нашему примирению.

— Еще бы. Я всегда права. Посмотрите, как он наблюдает за нами.

Действительно, в окне, на которое она указала рукой, стоял дядя и приветливо мне улыбался.

— Теперь вы понимаете, почему он спас вам жизнь, если как вы говорите, он действительно спас ее, — сказала Сибилла. — Ему выгодно женить вас на своей дочери, и поэтому он сохранил вам жизнь. Но когда он узнает, что подобный брак немыслим, то, бедный Луи, будьте уверены, что он не остановится ни перед какими средствами для обеспечения своих прав на замок Гробуа.

Я не мог не согласиться с этой точкой зрения Сибиллы, так как, с одной стороны, имел основание считать ее отца жестоким, безжалостным человеком, а с другой — никто во Франции не мог интересоваться мной и помешать ему в его замыслах против меня.

— Но он должен знать, что ваше сердце отдано другому?

— Конечно, он знает, и это меня более всего тревожит. Я боюсь за вас, за себя, а более всего за Люсьена.

Это имя Люсьена неожиданно осветило мне все, что казалось еще темным. Я вспомнил, что на книжке, которую читал молодой заговорщик накануне ночью, было написано «Люсьену от Сибиллы» и что дядя говорил ему о его намерениях относительно молодой девушки. Неужели эта молодая девушка любила презренного труса?

— Люсьен очень горяч и легко увлекается, — продолжала Сибилла. — В последнее время мой отец часто бывает в его обществе. Они часами сидят, запершись в комнате, и Люсьен не говорит мне, о чем они беседуют. Я боюсь, что это не кончится добром. Люсьен скорее мыслитель, чем практический человек, и у него очень определенные политические убеждения.

Я решительно не знал, что делать и как сказать ей о том, что случилось с ее любимым человеком.

— Вы что-то знаете о нем! — воскликнула она, поняв по выражению моего лица, что меня терзала нере-

шительность. — Он уехал вчера в Париж. Ради Бога, не скрывайте от меня ничего!

— Его зовут Лесаж?

— Да, Люсьен Лесаж.

— Я его видел.

— Вы его видели? А вы только вчера прибыли во Францию! Где вы его видели? Что с ним случилось?

Жестоко было сказать ей всю правду, но молчать — еще хуже. Я оглянулся, подыскивая помощь, чтобы выйти из этого затруднительного положения, как неожиданно на дорожке, по которой мы шли, показались дядя Бернак и тот самый молодой гусар, который накануне ночью увел арестованного Лесажа. Сибилла не колебалась ни минуты и бросилась к ним.

— Отец! — воскликнула она. — Что вы сделали с Люсьеном?

Он вздрогнул при виде того необычайного презрения и ненависти, которыми дышало лицо молодой девушки.

— Мы поговорим об этом потом, — отвечал он.

— Нет, говорите здесь и при всех! Что вы с ним сделали? — воскликнула Сибилла вне себя.

— Господа, — произнес дядя, обращаясь ко мне и к гусарскому офицеру, — я очень сожалею, что вы должны быть поневоле свидетелями неприятной семейной сцены. Дело в том, что ваш узник, поручик, большой друг моей дочери, но никакие семейные соображения не могут остановить меня в исполнении моего долга относительно императора.

— Мне очень жаль, что был вынужден сделать вам неприятность, — сказал офицер, почтительно кланяясь молодой девушке.

— Вы его арестовали? — спросила Сибилла, обращаясь к нему.

— Да, это был мой долг.

— Вы, конечно, скажете мне всю правду. Куда вы его отвели?

— В лагерь императора.

— А за что?

— Я не вмешиваюсь в политику. Мое дело скакать на лихом коне, владеть саблей и слепо исполнять приказания. Эти господа могут засвидетельствовать, что полковник Ласаль приказал мне арестовать молодого человека.

— По какому обвинению?

— Довольно, довольно, дитя мое! — воскликнул дядя. — Если ты непременно хочешь знать, в чем дело, то изволь, я тебе все скажу: Люсьен Лесаж арестован за участие в заговоре против жизни императора, и я имел счастье уличить его.

— Вы уличили его! — воскликнула Сибилла. — Вы, негодяй, вовлекли его в этот заговор, а потом предали. О Боже мой, Боже мой! За какие грехи мои или моих предков судьба дала мне такого отца!

Дядя пожал плечами, как бы говоря, что нечего делать с женщиной, у которой расходились нервы, а я и гусарский офицер хотели отойти в сторону, чтобы не присутствовать далее при неприятной семейной сцене. Но Сибилла нас остановила и потребовала, чтобы мы были свидетелями против старика. Я никогда не видывал в человеческих глазах такой дикой злобы, как та, которой дышало все ее существо.

— Вы можете обманывать других, но никогда не обманете меня. Я знаю вас вдоль и поперек. Вы можете убить меня, как убили мою мать, но никогда не заставите меня быть вашей сообщницей. Вы надели на себя маску республиканца, чтобы овладеть чужим поместьем, а теперь хотите сделаться другом Бонапарта, выдавая своих старых товарищей, которые вам доверяют. Вы предали Люсьена смерти, но я знаю ваши планы, и мой двоюродный брат знает их также. Ни он, ни я никогда не согласимся исполнить ваше желание. Я скорее лягу живая в могилу, чем пойду замуж за кого-нибудь, кроме Люсьена!

— Если бы ты видела, какой он трус, то не сказала бы этого, — отвечал холодно дядя. — Ты теперь не в своем уме, а когда придешь в себя, то пожалеешь, что обнаружила при всех свою слабость к этому недостойному юноше. Однако, поручик, вы явились сюда по делу.

— У меня есть поручение к вам, господин де Лаваль, — сказал офицер, презрительно отворачиваясь от дяди. — Император прислал за вами и требует немедленно в Булонский лагерь.

— Я с удовольствием последую за вами! — воскликнул я, радуясь случаю вырваться из когтей дяди.

— Вас ждет у ворот лошадь и экипаж.

— Поедемте.

— Вам нечего торопиться, — сказал дядя. — Я надеюсь, что вы позавтракаете у нас, поручик Жерар.

— Так не исполняют приказаний императора,— отвечал офицер резким тоном.— Я и так потерял много времени, и мы должны немедленно отправиться в путь.

Дядя взял меня за руку и повел к воротам, за которыми уже исчезла Сибилла.

— Прежде чем вы уедете, мне надо сказать вам два слова,— произнес он.— У меня времени мало, и я прямо приступлю к делу без всякого предисловия. Вы видели вашу двоюродную сестру Сибиллу, и уверяю вас, что она очень милая девушка, хотя и вела себя сегодня очень странно. Из ее слов видно, что она уже объяснила вам мои намерения относительно вас обоих. По-моему, нет лучше средства, как подобным браком покончить все семейные распри насчет замка Гробуа.

— Это невозможно!

— Почему?

— Потому что ваша дочь отдала свою руку другому.

— О, об этом не беспокойтесь! — сказал дядя с ядовитой улыбкой.— Я устрою дело так, что он никогда не предъявит своих прав.

— Но я также отдал свое сердце другой, а, по-моему, брак без любви немислим.

— Подумайте, что вы делаете, Луи,— произнес дядя, насупив брови.— Вы идете против меня, а это никому не проходит даром.

— Что же делать: я не свободен.

Старик схватил меня за руку и воскликнул:

— Посмотрите на этот парк, на поля, на леса, посмотрите на старый замок, в котором ваши предки жили восемьсот лет. Вам стоит сказать одно слово, и все будет ваше.

Я невольно закрыл глаза, и передо мной восстал маленький кирпичный домик, в одном из окон которого виднелось прелестное лицо моей Евгении.

— Это невозможно,— промолвил я.

— Если бы я только это предвидел, то не помешал бы вчера убийцам покончить с вами,— сказал дядя, бросая на меня грозный взгляд.

— Я очень рад, что вы мне это говорите,— отвечал я.— В таком случае, вы мне развязываете руки: с этой минуты я вам ничем больше не обязан и пойду своей дорогой, не обращая на вас никакого внимания.

— Хорошо. Идите своей дорогой, а я пойду своей: увидим, чья окажется лучше.

Я молча удалился в свою комнату, взял вещи и отправился к ожидавшим меня у ворот гусарам. Но по дороге мне пришла в голову ужасная мысль: Сибилла оставалась одна и могла в любое время стать жертвой жестокого отца. Я остановился в нерешительности, но в ту же минуту послышался шелест женского платья, и ко мне подбежала Сибилла.

— Прощайте, Луи! — сказала она, протягивая мне обе руки.

— Я только что думал о вас, — отвечал я. — Мы поссорились с вашим отцом и расстались навсегда.

— Слава Богу! — воскликнула она. — Ваш единственный путь к спасению был покинуть этот дом. Но, берегитесь, отец всячески будет вредить вам.

— Я не боюсь его. Но как оставить вас в его власти?

— Не беспокойтесь обо мне. Он более опасается меня, чем я его. Но вас зовут, прощайте, Христос с вами.

IX

Императорский лагерь

Мой дядя стоял у ворот замка, когда я вышел во двор и сел на ожидавшего меня серого коня. Он мне не поклонился, а пристально посмотрел на меня своими холодными, враждебными глазами. Я так же не послал ему поклона и с неподдельной радостью, что расстался с ним, быстро поскакал с окружающими меня гусарами. Когда же в последний раз оглянулся на некогда принадлежавший моим предкам замок, я увидел в одном из окон развевавшийся белый платок. Очевидно, это со мной прощалась Сибилла, и я невольно пожалел, что вынужден был оставить ее беззащитной в руках злодея.

Но печаль быстро улетучивается из молодого сердца, особенно при такой обстановке, которая меня теперь окружала. Блестевшая на солнце дорога вела чрез обширную равнину, которая тянулась от видневшегося вдали моря и того болота, в котором накануне ночью я странствовал. Мне показалось даже, что я могу отличить на горизонте черную точку, означавшую ро-

ковую хижину, в которой произошла недавняя катастрофа. В разных местах были раскинуты Этапль, Амблетер и другие рыбацьи селения, а то, что ночью мне казалось раскаленным лезвием громадной шпаги, теперь приняло вид громадного лагеря с белыми полотнами.

Окружавшие меня гусары составляли скорее стражу, чем эскорт, но я не обращал на это внимания, и так как это были первые наполеоновские солдаты, которых я видел, то стал с любопытством осматривать воинов, прославивших себя во всем свете. Внешний их вид не поражал великолепием, но поношенные мундиры и бодрые лошади показывали, что передо мной боевая сила, а не парадная гвардия. Солдаты были небольшого роста, с загорелыми лицами, с большими усами и бакенбардами, а у некоторых виднелись в ушах серьги. Я удивился, что даже самый юный из них обладал большой растительностью на щеках, но, присмотревшись ближе, увидел, что у этого юноши вместо бакенбард были наклеены черные куски воска.

— Да, да, это фальшивые баки,— сказал офицер, заметив, что я с удивлением смотрю на щеки юноши.— У семнадцатилетнего мальчика не может быть настоящих, а мы не хотим испортить общего вида полка на параде, допустив среди нас безволосых щек.

— Плохо то, поручик, что воск тает в такую теплую погоду,— заметил молодой солдат с той обычной свободой выражения, которая царила в наполеоновских войсках.

— Ну, ну, Каспар,— отвечал офицер,— через два или три года ты обойдешься и без воска.

— Кто знает,— заметил старый сержант,— быть может, к тому времени он обойдется и без головы.

Все солдаты громко рассмеялись.

Меня также очень удивил чужеземный акцент, с которым говорили солдаты, и я спросил у ехавшего рядом офицера, откуда они родом?

— Смотрите, чтобы они этого не слышали,— отвечал офицер,— а то просто вас зарубят. Мы — первый полк французской кавалерии, гусары Бершени, и хотя наши солдаты все родом из Эльзаса и большинство их говорит исключительно по-немецки, но они настоящие французы, подобно их соотечественникам Келлерману и Клеберу. Наши офицеры — такие же молодцы,— прибавил он, крутя свои маленькие усы.

Его самодовольство было так добродушно, что я невольно улыбнулся и с удовольствием посмотрел на его открытое, смелое, внушавшее доверие лицо. Он со своей стороны так же пристально поглядел на меня и, любезно ударив меня рукой по коленке, произнес:

— Я надеюсь, что император отнесется к вам милостиво.

— Не думаю, чтобы он мог иначе отнестись ко мне,— отвечал я.— Ведь я приехал из Англии добровольно, чтобы предложить свои услуги.

— Услышав вчера ночью о вашем присутствии в берлоге злодеев, он выразил желание увидеть вас сегодня утром. Быть может, он желает взять вас в проводники по Англии: ведь вы должны знать этот остров вдоль и поперек.

Я старался объяснить, что Англия была такой же большой страной, как и Франция, и что ее трудно было пройти вдоль и поперек, но он перебил меня:

— Это все равно, мы скоро познакомимся с вашей Англией. Мы ее покорим на днях, и уже в лагере говорят, что мы вступим в Лондон в среду или в четверг. Нам дадут этот город на разграбление в продолжение недели, а затем нашу армию разделят на два отряда, и один займет Шотландию, а другой Ирландию.

— Но почему вы думаете, что все это вам удастся? — спросил я с улыбкой.

— О,— отвечал он,— император все устроил.

— Но англичане имеют армию и хорошо подготовлены к отпору. Они храбрые люди и будут мужественно сражаться.

— Все это напрасно, ведь император будет с нами,— сказал офицер, и его слова дышали таким слепым доверием, что я впервые понял, как абсолютно полагалась французская армия на своего полководца.

Чувство, питаемое к нему солдатами, офицерами и генералами, было настоящим религиозным фанатизмом, и никогда Магомет не умел внушить своим последователям большее презрение к смерти и физическим страданиям, чем этот маленький человечек в сером сюртуке и треугольной шляпе. Если бы он вздумал, и не раз он был очень близок к этому, объявить, что он — существо сверхъестественное, то миллионы людей ему поверили бы.

— Вы там долго жили? — спросил офицер, указывая рукой на скрытый туманом берег Англии.

— Да, я там провел всю свою жизнь.

— Отчего вы там оставались, когда можно было так славно служить во французской армии?

— Мой отец был вынужден удалиться из Франции, как аристократ, и только после его смерти я получил возможность поступить на службу к императору.

— Вы потеряли много удобных случаев отличиться, но все-таки и теперь нам предстоит еще немало хороших войн. Так вы думаете, что англичане будут с нами сражаться?

— Без всякого сомнения.

— А мы боялись, что, узнав о решимости императора предводительствовать своей армией, они сложат оружие. А, говорят, там красивые женщины?

— Да, они очень хороши.

— Главное, чтобы они не спаслись со своего острова на лодках,— произнес офицер, упорно представлявший себе Англию маленьким островком.— Если бы они только увидели нас, то, конечно, остались бы. Про наших гусар сложена поговорка, что женщины бегут к нам, а мужчины от нас. Вы, конечно, заметили, что мы все молодцы, хотя, разумеется, начальство уступает молодежи.

Несмотря на всю самоуверенность этого офицера, он казался не старше меня, а потому я спросил его, бывал ли он под огнем.

Глаза его засверкали, и он гордо произнес:

— Я участвовал в девяти сражениях и сорока стычках. Я дрался на дуэли много раз и всегда готов померяться силами с кем угодно, даже со статским.

Я поспешил поздравить его со счастливой звездой, которая дозволила ему побывать так часто на поле брани, и он мгновенно успокоился.

— Я служил у Моро под Гогенлинденом,— продолжал он добродушно,— а с Наполеоном перешел через Альпы и сражался при Маренго. Когда вы поступите в нашу армию, то вскоре узнаете, что имя Этьена Жерара небезызвестно. Про меня рассказывают солдаты у бивуачных огней не одну легенду. Так, говорят, что я дрался на поединке с шестью учителями фехтования и что я один бросился в атаку на австрийских гусар и отнял у них серебряные литавры. Вот и вчера я не случайно попал в вашу историю, а полковник Ласаль непременно желал, чтобы я принял в деле участие, так как необходимо арестовать опасных заговорщиков. По

несчастью, достался только один трусишка, которого я передал судебной власти.

— А Туссак?

— О, это был человек иного закала; я очень бы желал сразиться с ним, но он исчез, и хотя ему вслед пустили не одну пулю, но все тщетно.

— А что будет с вашим узником?

— Мне очень жаль вашу двоюродную сестру, — отвечал Жерар, пожимая плечами, — но прелестной молодой девушке не следовало бы любить такого труса, когда есть столько достойных ее любви храбрецов. Я слышал, что императору надоели бесконечные заговоры, и что он хочет подвергнуть этого юношу показательному наказанию.

Разговаривая таким образом, мы приблизились к лагерю, который теперь лежал перед нами, как на ладони, с его бесконечными холщовыми палатками, коновязями, артиллерийскими парками и толпами солдат. В центре находилось обширное пустое пространство, на котором виднелись одна большая палатка и несколько низеньких деревянных домиков, над которыми развевался трехцветный флаг.

— Это императорская квартира, — сказал Жерар, — и штаб генерала Нея. Вы понимаете, что этот корпус составляет один из многих корпусов, расположенных от Дюнкирхена на север, до нашей позиции; на юге император посещает то один, то другой, но наш корпус — главный центр, и он состоит из самых отборных войск. Мы его видим чаще всех, особенно с тех пор, как императрица и двор прибыли сюда. Он и теперь здесь, — прибавил офицер, понижая голос и указывая рукой на большую белую палатку в центре.

Дорога в лагерь тянулась по обширной равнине, покрытой отрядами кавалерии и пехоты, производившими учения. Мы в Англии наслышались столько чудес о наполеоновских войсках, что в моем воображении они представляли сонм героев. Теперь же оказалось, что пехота состояла из обыкновенных людей в синих мундирах и белых панталонах, далеко не имевших геройского вида. Однако, несмотря на их невзрачные фигуры, они отличались таким пылом и выносливостью, что рекруты в какие-нибудь полтора года делались закаленными воинами. Между простыми рядовыми было много ветеранов, все унтер-офицеры прошли славную школу, а офицеры и генералы были лучшие на

свете. Таким образом, Англии грозил очень опасный враг, и если бы Питту не удалось поставить между двумя берегами лучший в тогдашнее время флот, то европейская история приняла бы совершенно иной оборот.

Видя, что я с любопытством смотрю на маневрирующие войска, поручик Жерар стал любезно сообщать мне сведения о различных частях армии:

— Вот те молодцы на вороных лошадях с синими вальтрапами — кирасиры. Они так тяжелы на подъем, что во время атаки за ними всегда ставят гусар или конных гренадер для преследования врага.

— А какой это статский их инспектирует? — спросил я.

— Это не статский, а генерал Сен-Сир. Он принадлежит к так называемым рейнским спартанцам, которые считают простоту в жизни необходимым условием храброго воина и отвергают всякий мундир, кроме простого синего костюма. Он прекрасный офицер, но не популярен, потому что редко говорит с кем бы то ни было и часто целыми днями играет на скрипке в своей палатке. Но я полагаю, что офицеру не мешает одеваться красиво и пить вино; по крайней мере, я люблю то и другое, а в службе не промах. Вы видите вон там налево пехоту?

— Да, с желтыми лацканами?

— Именно. Это — знаменитые гренадеры Удино. А другие гренадеры, с красными эполетами и в меховых шапках — императорская гвардия, заменившая старую консульскую гвардию, одержавшую победу под Маренго. Вот подальше пятьдесят седьмой линейный полк, известный под названием «страшного», а рядом седьмой пехотный полк, только что вернувшийся из Пиренеев. Это величайшие разбойники на свете. Легкая кавалерия, в зеленом — гвардейские гренадеры, которых, говорят, император любит более всех войск, что большая ошибка и несправедливость к гусарам Бершени. Ну, господин Лаваль, вот мы у ворот Булонского лагеря, и я должен прямо доставить вас на императорскую квартиру.

В приемной

В то время в Булонском лагере стояло сто пятьдесят тысяч пехоты и пятьдесят тысяч кавалерии, так что по населенности он уступал только одному городу во Франции — Парижу. Расположен он был в ширину на милю, а в длину по берегу — до семи миль. Он разделялся на четыре отдельные лагеря: правый, левый, Амблетерский и Винерекский. С суши он был не защищен, а с моря его окружали земляные укрепления с громадными мортирами и пушками еще невиданных размеров. Эти батареи были расположены на высоких утесах, и из их орудий можно было обстреливать английские суда в Ла-Манше.

Весь лагерь был очень живописен, так как он существовал уже целый год, и солдаты, насколько возможно, украсили свои палатки. Перед большинством из них были расположены маленькие садики, и забавно было смотреть, как загорелые ветераны без мундиров поливали цветы. Другие, сидя у палаток, чистили амуницию или завязывали друг другу косички, не обращая на нас никакого внимания, так как кавалерийские патрули постоянно разъезжали по лагерю. Между бесконечными рядами палаток тянулись улицы под различными названиями; тут были улицы и Аркольская, и Клеберская, и Египетская, и Артиллерийская.

Наконец, мы добрались до центрального сквера, в котором была расположена императорская квартира. Сам Наполеон проводил ночи в селении Пон-де-Брин, отстоявшем в четырех милях от лагеря, но днем он постоянно находился среди своих войск, а в главной квартире происходили частые военные советы. Тут же собирались министры и начальники корпусов, разбросанных вдоль всего берега, для представления докладов и получения приказаний. Для их помещения был построен небольшой деревянный дом, состоявший из одной большой комнаты, трех маленьких и крытого балкона, служившего приемной, в которой дожидались лица, вызванные императором. У двери этого балкона остановился мой проводник и, соскочив с лошади, предложил мне сделать то же.

Пройдя мимо караула, стоявшего у дверей, Жерар

назвал меня по имени дежурному офицеру, который быстро ушел и через минуту вернулся с генералом Дюроком, худощавым человеком лет сорока.

— Вы господин Луи де Лаваль? — спросил он сухим тоном, подозрительно смотря на меня.

Я молча поклонился.

— Император ждет вас с нетерпением. А вы, поручик, больше не нужны.

— Извините, генерал, мне приказано лично доставить господина де Лаваль.

— Хорошо. Вы можете войти.

И мы последовали за ним в крытый балкон, или, скорее, палатку, уставленную по сторонам простыми деревянными скамейками, на которых сидело значительное число военных и моряков, разговаривавших между собой вполголоса. В задней стене палатки была дверь, выходящая в императорский кабинет. Время от времени к этой двери подходила какая-нибудь личность в блестящем мундире и тихонько стучала в нее; дверь тотчас отворялась, и личность исчезала за ней. Все, очевидно, ждали аудиенции императора, и вообще тут царил скорее придворная, чем лагерная атмосфера. Каждый из присутствующих находился под влиянием какого-то непреодолимого страха и религиозного поклонения перед кумиром. Император издали казался мне чем-то могучим, но теперь вблизи его величие, обаяние еще более увеличивались.

— Вы не бойтесь, господин де Лаваль, — сказал Жерар, — вас ожидает очень любезный прием.

— Почему вы знаете?

— По обращению генерала Дюрока. Вы заметили, что генерал хотя и был холоден с вами, как со всеми, но заметно улыбался, а в этой проклятой придворной атмосфере все, начиная от генерала до лакея, улыбаются только, когда видят улыбку у императора. Напротив, когда император насупит брови, то же сделают все, до последнего поваренка на кухне. И что хуже всего, если вы простак, то никогда не отгадаете, чем вы заслужили, что вам улыбаются или на вас дуются. Вот почему я предпочитаю быть простым гусарским поручиком, чем министром Талейраном, получающим до ста тысяч в год.

В эту минуту ко мне подошел молодой человек в блестящем мундире, и, несмотря на перемену в его костюме, я узнал в нем генерала Савари.

— Ну, господин де Лаваль,— сказал он, любезно пожимая мне руку,— вы слышали, что Туссак скрылся? Он в сущности единственный человек, которого нам нужно было схватить, а другой юноша — просто жертва заговора и какой-то странный мечтатель. Впрочем, мы еще поймаем Туссака, так как он опасный человек.

— Да, он опасный человек — подтвердил я, вспоминая, как он едва не задушил меня накануне ночью.

— Император вас сейчас примет,— продолжал Савари,— он очень занят сегодня утром, но сказал мне, что не отложит нашей аудиенции.

И он прошел в кабинет с любезной улыбкой на лице.

— Решительно вам везет,— произнес шепотом Жерар,— многие дорого бы дали, чтобы Савари поговорил с ними, как с вами. Вероятно, император хочет сделать для вас что-нибудь. Но, смотрите, к нам подходит сам Талейран.

Действительно, к нам приближалась странная личность: это был человек лет пятидесяти, очень коренастый, с широкими плечами и выдающейся грудью, но сутуловатый и хромавший на одну ногу. Он шел тихо, опираясь на палку с серебряным набалдашником, а его скромная черная одежда представляла резкий контраст с окружавшими мундирами. Но, несмотря на эту внешнюю простоту, его умное, хитрое лицо дышало такой силой, что все вставали перед ним и кланялись.

— Вы господин Луи де Лаваль? — спросил он, останавливаясь перед нами и осматривая меня с головы до ног своими живыми, серыми глазами.

Я молча поклонился, но с некоторой холодностью, так как наследовал от отца его презрение к этому гнусному изменнику и расстриге.

— Я знал хорошо вашего двоюродного брата Рогана,— сказал он,— мы с ним играли мальчишками, когда свет не был еще таким серьезным, как теперь. Вы, если не ошибаюсь, также родственник другому старому моему другу, кардиналу Монморанси де Лавалю. Я слышал, что вы хотите поступить на службу к императору?

— Я приехал для этого из Англии.

— И с первой же минуты попали в неприятную историю. Я слышал о вчерашнем случае с двумя якобинцами. Но это ничего, вы сразу увидели, каким опасностям подвергается император, и потому будете ревностнее ему служить. А где ваш дядя Бернак?

— В замке Гробуа.

— Вы хорошо его знаете?

— Я никогда не видел его до вчерашней ночи.

— Он очень полезный слуга императора, но... но..., конечно, для вас найдется более достойная служба.

Последние слова он произнес вполголоса, любезно поклонился и продолжал свой путь в кабинет императора.

— Ну, поздравляю, любезный друг,— сказал Жерар,— вас ожидает блестящая будущность: Талейран даром не тратит своих улыбок и поклонов. Он всегда знает, откуда дует ветер, и я уж вижу, что мне придется просить вашей протекции для получения капитанского чина. Ну, вот и кончился военный совет.

Дверь отворилась, и из нее вышли несколько лиц в маршальских мундирах. Все они, кроме одного, едва достигли средних лет, и во всякой другой армии были бы счастливы командовать полком. Но во французском войске со времени революции достоинства, а не выслуга, давали маршальский жезл. Сделав несколько шагов, они остановились и, составив небольшой кружок, завели между собой оживленный разговор.

— Вы, кажется, древнего рода? — спросил меня Жерар.

— Да, во мне течет та же кровь, как и в жилах Роганов и Монморанси.

— Я так и думал. Поэтому вам будет странно узнать, что вот эти четыре маршала, которые после императора первые люди в стране: Мюрат, Массена, Ней и Ланн,— начали жизнь один трактирным слугой, другой — контрабандистом, третий — бочаром, а четвертый — маляром.

Несмотря на весь мой аристократизм, я с восторгом посмотрел на этих славных героев и попросил, чтобы Жерар указал мне на каждого из них в отдельности.

— Хорошо,— отвечал он,— правее всех стоит Ней,— пояснил он, указывая на рослого человека с широким лицом, как у английских боксеров, и коротко подстриженными, рыжими волосами,— мы его называем Красным Петром или Красным Львом. Его считают храбрейшим из храбрейших, хотя я не могу признать, чтобы никто в нашей армии не был таким же храбрым, как он. Во всяком случае, он прекрасный полководец.

— А кто стоит рядом с ним и почему он держит голову набок?

— Это Ланн, а держит он голову набок потому, что

ранен в шею при осаде Сен-Жан-д'Акра. Он такой же гасконец, как и я, и очень любит болтать. Но он славный герой, хотя, быть может, слишком увлекается своей храбростью. По другую его сторону стоит Ожеро.

Я с любопытством взглянул на героя битвы под Кастильоном, который взял начальство над армией в тот единственный во всей жизни Наполеона момент, когда он потерял голову. По внешности он был старше всех и казался, несмотря на маршальский мундир, загорелым капралом с обычной солдатской физиономией и грубыми манерами.

— Да, да, он простоват, — отвечал Жерар, когда я высказал впечатление, произведенное на меня этим маршалом. — Его, Раппа и Лefевра император не раз предупреждал, что можно оставаться старыми рубаками в армии, но не при дворе. Вон тот смуглый генерал, Вандан, также бедовый человек. Беда будет английскому городу или деревне, в которых ему отведут квартиру. Вы, вероятно, слышали, что он сломал челюсть одному вестфальскому патеру за то, что тот не дал ему второй бутылки токайского вина.

— А это, вероятно, Мюрат?

— Да, вон тот брjнет с толстыми, красными губами, черными бакенбардами и загорелым лицом. Таких людей я люблю, и вы не можете себе представить, как он выглядит во главе кавалерийской атаки, с саблей наголо и развевающимися перьями. Я видывал не раз, как целые каре пехоты обращались в бегство при виде его. В Египте император даже ревновал его и не давал ему ходу, потому что арабы не хотели и смотреть на маленького человека в сером сюртуке рядом с блестящим героем. По моему мнению, Ласаль лучший кавалерист, но ни за кем солдаты так охотно не идут в бой, как за Мюратом.

— А кто этот человек с суровым выражением лица, который стоит, облокотившись на восточную саблю?

— Это Сульт. Он самый упрямый человек на свете, спорит даже с императором. Рядом с ним красавец Жюно, по другую сторону стоит Бернадотт.

Я с интересом взглянул на этого необыкновенного авантюриста, который, начав свою карьеру простым солдатом, впоследствии не довольствовался маршальским жезлом и приобрел королевскую корону. О нем одно можно сказать, что он попал в короли не благода-

ря Наполеону, а помимо его. Смотри на решительные черты лица Бернадотта, на его большой горбатый нос и сверкающие черные глаза, свидетельствующие о его испанской крови, легко было предвидеть, что его ожидала славная судьба, а потому неудивительно, что император смотрел с большим недоверием на его самолюбивые стремления.

Пока я с любопытством рассматривал всех этих энергичных и дышавших могучей силой людей, которые, по словам Ожеро, не боялись ни Бога, ни черта, они вдруг притихли, как школьники при появлении учителя. Я тотчас понял, что явился их повелитель, и действительно в дверях стоял сам Наполеон. Его бледное, словно изваянное из слоновой кости лицо сияло каким-то особым светом, и, несмотря на простую одежду, он сразу приковывал к себе внимание среди окружавшей его блестящей свиты. С трудом верилось, что Наполеон — этот маленький, толстенький человек с сутуловатыми плечами, в темнозеленом мундире, с красными лацканами и воротником, белых штиблетах и при шпаге с золотым эфесом. Обнаженная голова его отличалась короткими рыжевато-каштановыми волосами. Под левой рукой он держал свою историческую треуголку с трехцветной кокардой, а в правой у него виднелся маленький хлыст с металлическим набалдашником.

Постояв с минуту на пороге, он сделал несколько медленных шагов и, неподвижно устремив глаза в пространство, произнес:

— Адмирал Брюэ!

Я никогда не слышал такого грозного, страшного и рокового голоса. Вместе с тем светло-голубые глаза Наполеона сверкали как угли.

— Я здесь, ваше величество, — отвечал человек средних лет, с седоватыми волосами, в морском мундире.

Наполеон быстро подошел к нему с таким угрожающим видом, что моряк побледнел и оглянулся, как бы подыскивая помощь.

— Как смели вы, адмирал, — воскликнул император прежним страшным голосом, — ослушаться моих приказаний вчера ночью?

— Я предвидел, что с запада наступает буря, и если бы суда, — начал несчастный адмирал в сильном волнении, но император его перебил гневно:

— Какое право вы имеете предвидеть? Как смеете не исполнять моих приказаний!

— Но в морском деле...

— Все равно!

— Но, ваше величество, ведь буря разразилась...

— Как! Вы еще смеете со мной спорить?

— Да, ведь я был прав...

Все присутствующие притаили дыхание. Лицо императора невольно внушало ужас. Щеки его позеленели, и на лбу налились жилы. Он поднял хлыст и подошел еще ближе к адмиралу.

— Дерзкий негодяй! — прошипел он сквозь зубы. Сказанное им бранное слово было итальянское, и вообще, чем он больше выходил из себя, тем с большим иностранным акцентом говорил по-французски.

Одно мгновение казалось, что он ударит моряка хлыстом по лицу, и тот, отскочив на шаг, схватился рукой за эфес шпаги.

— Остерегитесь, ваше величество, — промолвил он дрожащим голосом.

Прошло несколько секунд напряженного молчания. Потом Наполеон ударил концом хлыста себя по левой руке и быстро прибавил:

— Вице-адмирал Магон, вы будете получать теперь все приказания по флоту, а вы, адмирал Брюэ, оставьте Булон в двадцать четыре часа и удалитесь в Голландию. Где поручик гусарского полка Бершени, Жерар?

Мой проводник вышел вперед и приложил руку к козырьку.

— Я приказал вам доставить сюда Луи де Лавалья из замка Гробуа.

— Он здесь, ваше величество.

— Хорошо. Можете идти.

Поручик отдал честь, повернулся на каблуках, а император устремил на меня свои голубые глаза, которые положительно пронизали насквозь. Но они уже не сверкали гневом, а отличались мягким добродушием.

— Вы желаете служить у меня, господин де Лаваль?

— Да, ваше величество.

— Вы однако долго собирались.

— До сих пор, ваше величество, я не зависел от себя.

— Ваш отец был аристократ?

— Точно так, ваше величество.

— И приверженец Бурбонов?

— Точно так, ваше величество.

— Вы найдете, что теперь во Франции нет ни аристократов, ни якобинцев, но что мы все французы и дружно работаем на славу нашей родины. Вы видели Людовика Бурбона?

— Один раз, ваше величество.

— Он невзрачный человек, не правда ли?

— Нет ваше величество, он показался мне очень видным.

На минуту глаза его насупились, но потом он протянул руку и, по своей обычной привычке, ущипнул меня за ухо.

— Однако вы, господин де Лаваль, не рождены царедворцем, — произнес он. — Ну, да все равно, Людовику не возвратить себе престола, подписывая прокламации в Лондоне. Я нашел французскую корону, валяющуюся в грязи, и поднял ее концом своей шпаги.

— Вы, ваше величество, и возвысили Францию концом своей шпаги, — прибавил громко Талейран, подходя к императору.

Наполеон бросил подозрительный взгляд на министра и, обратившись к своему секретарю, Меневалю, сказал:

— Я оставляю господина де Лавалья на вашем попечении и желаю поговорить с ним в кабинете по возвращении с артиллерийского смотра.

XI

Секретарь императора

Наполеон, генералы и весь придворный штат быстро удалились, и я остался один с очень приятным на взгляд господином с большими глазами, в черном фраке с белым жабо. Он представился мне и назвал себя Меневалем, личным секретарем императора.

— Прежде всего позаботимся о пище, господин де Лаваль, — сказал он. — Если вам суждено иметь какие-нибудь сношения с императором, то помните, что надо пользоваться каждой свободной минутой, чтобы поест. Проходит много часов, когда он вспомнит о еде,

и если вы находитесь в его присутствии, то и вам приходится поститься. Я вас уверяю, что едва стою на ногах от голода и жажды.

— Но как же он делает? — спросил я, чувствуя себя совершенно, как дома, в присутствии этого доброго человека.

— О, господин де Лаваль, это железный человек. Я не раз видывал, как он работал восемнадцать часов без отдыха, и за все это время только выпивал чашку или две кофе. Он изводит всех вокруг себя. Даже солдаты не могут за ним угнаться. Уверяю вас, что я считаю за величайшую честь быть его секретарем, но по временам мне изменяют силы. Часто до одиннадцати часов вечера он диктует мне, и вы не знаете, что это за работа: просто голова трещит! Он ведь, собственно говоря, не диктует, а просто говорит и то очень быстро, да при том не повторяет ни одного слова. Вот такую каторжную работу он вдруг приостанавливает, говоря: «Ну, Меневаль, остановимся тут и уснем хорошенько на всю ночь». А когда я на радостях спешу уйти, то он прибавляет: «Завтра в три часа утра мы будем продолжать диктовку». Вот что он называет хорошенько уснуть.

— А разве у него нет определенных часов для еды? — спросил я, выходя из палатки с бедным секретарем.

— Конечно, есть, но он их не соблюдает. Вот и теперь уже давно прошло время обеда, а он отправился на смотр. После осмотра он займется чем-нибудь другим, а там третьим... А когда, неожиданно вспомнит, что ничего не ел, то крикнет: «Эй, Констан, скорее обедать!» И бедный Констан должен распорядиться о немедленной сервировке обеда.

— Но ведь обед тогда не будет никуда годиться.

Секретарь засмеялся и ничего не ответил, а только указал рукой на большую палатку, стоявшую близ императорской квартиры, и мимо которой мы теперь проходили.

— Вот императорская кухня, — сказал он, — а в дверях стоит второй повар, Борель. Ну, сколько, Борель, вы сегодня жарите пулярок?

— Ох, господин Меневаль, это просто наказание, — отвечал повар. — Посмотрите, вот уж я отставил семь и жарю теперь восьмую, а говорят, что император поехал на смотр, значит, готовь девятую.

— Вот как готовят ему обед, — сказал секретарь, отходя со мной от кухни. — Однажды император потребовал себе обед в одиннадцать часов вечера, и мне достоверно известно, что ему подали двадцать третью пулярку. Он мало заботится о том, что ест и пьет, но он совсем не любит ждать. Ему достаточно маленькой рыбки или пулярки да бутылки Шамбертена. Но не надо ставить на стол заранее пирожных и всбитых сливок, а то он съест сладкое прежде жаркого.

В эту минуту перед нами проскакал конюх на прекрасной арабской лошади, и когда он поравнялся с нами, то стоявший у соседней палатки гренадер бросил живого поросенка под ноги лошади, которая не обратила на это никакого внимания и не переменяла своего аллюра.

— Что это значит? — спросил я.

— Это Жарден, старший конюх императора, обьезжает для него лошадь. Прежде всего ее обстреливают со всех сторон из пушек, потом на нее бросают разные тяжелые предметы и, наконец, подвергают тому искусу, который вы только что видели. Император не очень крепко сидит в седле и часто, сидя на лошади, задумывается, а потому ему необходима очень спокойная лошадь. А вон у палатки сидит молодой человек и мирно спит; вам, вероятно, и в голову не придет, что он в эту минуту служит императору?

— Во всяком случае, его служба легкая.

— Да, я желал бы, чтобы у нас всех была служба не труднее его. Это Жозеф Линден; у него ноги одинаковые с ногами императора, и вся его служба заключается в том, чтобы обносить в течение трех дней сапоги и башмаки для императора. Вот и теперь вы видите на нем императорские башмаки с золотыми пряжками. А, генерал Коленкур, не пообедаете ли вы с нами в моей палатке?

— Редко можно вас видеть не за делом, господин де Меневаль, — отвечал красивый человек высокого роста, в блестящем мундире. — У меня также немало забот по министерству двора, но все-таки я пользуюсь большим свободным временем, чем вы. Но успеем ли мы пообедать до возвращения императора?

— Конечно, вот моя палатка, и все готово. Мы увидим издали, когда вернется император, и добежим до его кабинета раньше, чем он там очутится. Милости

просим, господин де Лаваль, уж извините, угощение бивачное.

Что касается меня, то я с большим аппетитом съел телячьи котлеты и салат, из которых состоял обед, но еще более пищи мне понравился разговор моих новых приятелей, так как я очень интересовался всем, что касалось необыкновенного человека, который в короткое время и благодаря только своему гению занял первое место в свете. Коленкур в особенности свободно отзывался о нем.

— А что говорят об императоре в Англии? — спросил он, обращаясь ко мне.

— Мало хорошего.

— Я так и думал, судя по газетам. Чтение этих газет сводит с ума императора, и однако он все-таки упорно их читает. Я уверен, что первым его делом по взятии Лондона будет посылка кавалерийских патрулей в газетные типографии для ареста редакторов.

— А что будет его вторым делом?

— Напечатание длинной прокламации, которая торжественно заявит, что мы покорили Англию для пользы англичан и помимо своего собственного желания, а затем, — прибавил со смехом Коленкур, — будет выражено, что если англичане настаивают на том, чтобы их повелитель был непременно протестант, то император не найдет в этом затруднения, так как он во многом не согласен с католической церковью.

— Ну, уж вы слишком злы, — промолвил Меневаль, которому, очевидно, нравилось остроумие Коленкура, но который вместе с тем боялся его чрезмерной смелости. — Нет сомнения, что он по государственным соображениям ухаживал за магометанами и, вероятно, так же охотно присутствовал бы при церковной службе в соборе св. Павла, как и в каирской мечети. Но ведь государю и не подобает быть ханжой. Впрочем, это дело не наше, а императора.

— Вот то-то и беда, что все его дело, а не наше, — произнес Коленкур серьезно. — Он за всю Францию думает один, а мы все ничего не думаем. Вы знаете, Меневаль, лучше меня, как это вредно.

— Конечно, конечно, — отвечал секретарь, — он не поощряет самобытности и оригинальности в окружающих его лицах. Я не раз слышал от него, что он предпочитает людей посредственных, что плохой комплимент для нас.

— Умному человеку при дворе надо прикидываться дураком, чтобы сохранить свое место, — заметил Коленкур с горечью.

— И однако, при императорском дворе много замечательных людей, — сказал я.

— Да, но эти люди должны прятать в карман свой ум и гордость. Министры императора — простые секретари, а генералы — адъютанты. Попросту говоря, он один человек, а мы все вокруг только зеркала, отражающие его с различных сторон: в первом зеркале он отражается как финансист, и тогда его называют Лебрен, во втором — как жандарм, и тогда ему кличка Савари или Фуше, а в третьем — как дипломат, и в этом случае он — Талейран. Вы видите различные фигуры, но это все один человек. Вот, например, есть генерал Коленкур, и говорят, что он заведует двором, а в сущности, он не может прогнать ни одного лакея без разрешения императора. Ведь право, Меневаль, нам надо сознаться, что мы все — марионетки, которых он приводит в движение. И хитро же он с нами поступает, вечно восстанавливая одних против других. Вон Даву ненавидит Бернадотта, Ланн — Бесьера, а Ней — Массена. Кроме того, он знает все наши слабые стороны: корыстолюбие Савари, самолюбие Камбареса, гнусность Бертье, вспыльчивость Дюрока, грубость Маре и жадность Талейрана. Вот какая у меня слабость — я, право, не знаю, но уверен, что императору это известно, и он пользуется ею, как нельзя лучше.

— Но как же он должен работать, если все делает один! — воскликнул я.

— Да, уж можно сказать, что он работает, как никто, — отвечал Меневаль. — Бывают времена, когда он целыми неделями работает по восемнадцать часов в сутки. Не раз он доводил членов законодательного собрания до обморока продолжительными заседаниями, а что касается меня, то он уморит так же, как уморил Бурьена; но я не жалею и умру за работой, ибо знаю, что он и себя не жалеет.

— Да, нечего сказать, такого человека и надо Франции, — заметил Коленкур. — Это удивительный гений порядка, системы и дисциплины. Когда вспомнишь, в каком хаосе находилась наша бедная страна после революции, то невольно поймешь, что только Наполеон мог спасти нас. Мы все жаждали найти какой-нибудь устой, и в этот момент наткнулись на такую гранитную

скалу. И что это был за человек в те дни, вы не можете себе представить, Лаваль. Теперь он успокоился и добился всего, чего хотел. Он часто добродушен и мил, а тогда он казался волком и пугал всех своими блестящими, жадными глазами. Тогда у него не было толстого брюшка, а был он сухощавым, маленьким человечком с впалыми, бледными щеками и ястребиным взглядом. Да, поручик Бонапарт, выйдя из Бриенской школы, был такой поразительной личностью, что, увидев его впервые, я сказал себе: «Этот молодчик кончит на престоле или на эшафоте». Вот видите, как я был прав.

— И все это произошло за десять лет! — воскликнул я.

— Да, за десять лет он дошел из казармы до Тюильри. Но он рожден был для этого. Никто не мог бы его удержать от судьбы. Бурьен мне рассказывал, что еще мальчишкой в Бриене Наполеон отличался теми же императорскими замашками, как теперь; так же величественно улыбался, так же грозно насуплял брови. А вы видели когда-нибудь его мать, господин де Лаваль? Это настоящая трагическая царица, и неудивительно, что он унаследовал от нее свою величественную осанку.

— Однако, господин де Лаваль, — заметил Меневаль, которому, по-видимому, не очень нравилась откровенность Коленкура, — вы должны заключить по нашему разговору, что наш повелитель не такой тиран, каким его изображают, а то мы не стали бы говорить открыто такие вещи. Дело в том, что он выслушал бы с удовольствием все наши отзывы и вряд ли стал возражать. Конечно, у него есть мелкие слабости, иначе он не был бы человеком, но возьмите его целиком, и вы признаете, что ни у одного народа не было такого повелителя. Он работает больше всех своих подданных, он не знает праздников и всегда готов трудиться. Солдаты и слуги его обожают. Во всем Тюильри нет человека более воздержанного на еду и питье, чем Наполеон. Будучи еще бедным молодым человеком, он воспитал своих братьев, а, достигнув величия, не забыл ни одного из своих родственников. Если судить по лондонским газетам о принце Уэльском, то его нельзя и сравнить с нашим императором.

Я невольно вспомнил о лондонских, брайтонских и ньюмарненских скандалах, в которых было замешано

имя принца, а потому не нашел возможным заступиться за него.

— Насколько мне известно, — заметил я, — англичане нападают на императора не за частную жизнь, а за его самолюбивые стремления.

— Дело в том, — отвечал Коленкур, — что император и мы все знаем, что Франции и Англии тесно жить на свете. Одной или другой стране надо первенствовать. Если бы мы могли наказать Англию, то заключили бы надежный мир. Италия наша, Австрию мы можем снова сокрушить, когда угодно. Германия гибнет от междоусобиц. России можно предоставить свободно распространяться на юг и на восток. Америка нам не опасна: мы всегда можем справиться с ней, взяв предлогом Луизиану или Канаду. В наших руках всесветная империя, если бы нам только не мешало вон то.

И он указал рукой на туманный берег Англии, видневшийся вдали по ту сторону Ла-Манша.

XII

За делом

Палатка Меневаля стояла на таком возвышении, что из нее была видна, как на ладони, императорская квартира, но потому ли, что мы слишком занялись разговором, или император вернулся другим путем, — неожиданно явился гвардейский офицер и заявил, что Наполеон дожидается своего секретаря. Бедный Менаваль побледнел и вскочил с места в сильном волнении.

— Вот несчастье! — воскликнул он. — Мне надо было ждать его в кабинете. Извините, генерал Коленкур, но мне надо поспешить туда с господином де Лавалем.

По тому страху, который объял Меневаля, и по объяснению Наполеона с адмиралом Брюэ, я мог заключить о влиянии императора на окружающих. Они никогда не были уверены в своей безопасности, а постоянно ждали катастрофы, но все претерпеваемые ими неприятности не мешали им любить своего повелителя и служить ему так, как редко выпадало на долю других государей.

— Не лучше ли мне остаться здесь? — сказал я, когда мы очутились в приемной императора, где по-прежнему было много народа.

— Нет, нет, — отвечал он поспешно, — я отвечаю за вас и должен лично представить вас императору. Надеюсь, что он не рассердился на мое отсутствие, но, право, я не понимаю, как он незаметно проскользнул мимо нас.

Меневаль подошел к двери кабинета, тихонько дотронулся до нее, и дверь тотчас отворил изнутри мамелюк Рустем. Комната, в которую вы вошли, была большая, но очень просто меблированная. Обои были серебристо-серые, а на голубом фоне потолка виднелся громадный золотой императорский орел с молниями в когтях. Несмотря на теплую погоду, в камине пылал огонь; в комнате было душно. Посредине стоял большой овальный стол, покрытый зеленым сукном и заваленный бумагами. Несколько сановников стояли поодаль, но император, сидевший в кресле у стола, не обращал на них никакого внимания. Он молча резал перочинным ножом одну из деревянных ручек кресла, а когда мы вошли, взглянул на Меневаля и холодно покачал головой.

— Я вас ждал, господин Меневаль, — сказал он, — а я не помню, чтобы когда-нибудь ждал моего покойного секретаря Бурьена. Довольно. Никаких извинений. Возьмите вот эту бумагу, которую я написал в ваше отсутствие, и перепишите.

Бедный Меневаль взял дрожащей рукой протянутую ему бумагу и сел за маленький столик, который был поставлен в стороне нарочно для него. Наполеон встал и начал медленно ходить взад и вперед по комнате, заложив руки за спину и немного опустив голову. Я не мог не подумать, что действительно ему было трудно обходиться без секретаря, так как, сам написав одну маленькую бумагу, он забрызгал чернилами весь свой стол и, очевидно, не раз обтирал перо о свои белые штiblеты. Что касается меня, то я спокойно стоял у двери рядом с Рустемом, и Наполеон не обращал на меня никакого внимания.

— Ну, — произнес наконец Наполеон, — готово, Меневаль? У меня еще есть дело для вас.

— Простите, ваше величество, — начал секретарь еще с большим волнением.

— Ну, что там еще?

— Простите, ваше величество, я не могу разобрать всех ваших слов.

— Пустяки. О чем же говорится в этой бумаге?

— О фураже для кавалерии.

Император улыбнулся, и лицо его приняло по-детски веселое выражение.

— Вы напоминаете мне Камбареса, который принял мое письмо о битве под Маренго за план этого сражения. Право, не понимаю, отчего вы не можете разобрать моего почерка? Знайте, что этот документ говорит не о фураже для лошадей, а о концентрировании французского флота адмиралом Вильневым с целью господства над Ла-Маншем. Дайте мне бумагу, и я вам прочту ее.

Он быстро выхватил из рук Меневалья мелко испанский лист, несколько минут пристально смотрел на него, а потом нетерпеливо скомкал и бросил на пол.

— Нет, я лучше сам вам продиктую, — произнес он и начал ходить взад и вперед по комнате, быстро произнося одно слово за другим, так что Мeneваль с трудом успевал набросать их на бумагу.

Чем более он говорил, тем пламеннее увлекался своими идеями, тем быстрее шагал, и тем резче раздавался его голос. При этом пальцами правой руки он нервно комкал рукав от рубашки. Но его мысли и планы излагались так ясно, так логично, что я, ничего не понимавший в морском деле, с интересом следил за каждым его словом. В особенности же меня поражало его знание во всех подробностях положений не только французского, но и английского флотов. Он не только упоминал имена, вооружение и вместимость всех судов, стоявших в Фероле, Рошфоре, Кадиксе, Картагене и в Бресте, но высчитывал по пальцам и силу каждого выставленного против них английского судна. Подобные сведения делали бы честь опытному старому моряку, а для императора все это знать было тем изумительнее, что он был занят не одним морским делом, а, быть может, сотней столь же важных вопросов. По-видимому, он не обращал на меня никакого внимания, а в сущности, не терял меня из вида, что доказали его первые слова по окончании диктовки.

— Ну, господин де Лаваль, — сказал он, обращаясь ко мне, — вы, может быть, удивляетесь, что я делаю распоряжения по флоту, не прибегая к помощи военного министра, но я поставил себе за правило знать все

и все делать. Быть может, если бы хорошие Бурбоны имели эту привычку, то они не прозябали бы теперь в туманной Англии.

— Но необходимо для этого иметь память вашего величества,— заметил я.

— Нет. Надо иметь систему. У меня в голове точно ряд особых ящиков и, открывая один из них, я тотчас закрываю все остальные, а потому редко бывает, чтобы открытый ящик оказался пустым. У меня плохая память насчет имен и годов, но прекрасная в отношении фактов и лиц. Вот когда я диктовал Меневалю, то открыл тот ящик моего ума, в котором собраны сведения о кораблях, а другой ящик переполнен данными об укреплениях на суше, так что недавно я поправил военного министра, который, докладывая о береговых фортах, ошибся на два орудия на одной батарее близ Остенде. Есть еще у меня и третий ящик для всех полков. Что вы скажете, маршал Бертье, этот ящик у меня в порядке?

Чисто выбритый человек в военном мундире, молча стоявший до тех пор у окна и кусавший ногти, низко поклонился и произнес:

— Я часто думаю, что вам известен каждый рядовой по имени.

— Во всяком случае, я знаю по именам моих старых египетских ворчунов,— отвечал Наполеон.— Наконец, господин де Лаваль, многие другие ящики моего ума отведены для внутренней администрации, путей сообщения, финансов, судебной части, Италии, Голландии и так далее. В настоящее время Франция требует от своего повелителя не только одного умения достойно носить порфиру и охотиться за оленями в Фонтенбло.

Я невольно вспомнил о беспомощном, слабыхарактерном и сановитом Людовике, к которому меня однажды возил отец, и подумал в глубине своего сердца, что действительно Франции после всего пережитого был необходим более могучий правитель.

— Вы со мной согласны, господин де Лаваль? — спросил император, останавливаясь у камина и поворачивая носком своего лакированного башмака горевшие поленья.

— Точно так, ваше величество.

— Очень рад, тем более, что вы уже давно придерживаетесь этого мнения и однажды защитили меня

против нападков какого-то пьяного англичанина, который предлагал тост за мою гибель.

Я припомнил этот факт, но никак не мог понять, как он дошел до императора.

— Что заставило вас так поступить?

— Я тогда увлекся, ваше величество.

— Увлекся, — произнес с презрительной улыбкой Наполеон. — Я не понимаю увлечения. Сумасшедшие люди могут увлекаться, а люди в здравом уме должны поступать всегда обдуманно. Отчего вы рисковали своей жизнью ради меня в то время, когда не могли ничего от меня ожидать?

— Меня побудила к этому мысль, что вы, ваше величество, представляете собой Францию.

— Вы правы, мой друг, — сказал император, которому, видимо, понравился мой ответ, и подойдя ко мне, он взял меня за ухо и крепко ущипнул. — Я, действительно, представляю Францию, как Фридрих Великий представлял Пруссию. Я сделал нашу страну первой державой в мире, и все государи будут вынуждены являться в Париж на поклонение. Но для кого все это я делаю? — прибавил он неожиданно, изменившись в лице и понижая голос до шепота. — Боже мой, кто будут мои наследники?

И он стал снова ходить взад и вперед по комнате, вынимая по временам из кармана черепаховую табакерку и опуская в нее свои пальцы, которые, однако, не доносили табак до его носа, а рассыпали его по одежде и по полу.

— А очень боятся в Англии моего нашествия? — вдруг произнес он. — Вы часто слышали выражения страха при мысли о моей высадке?

— Английская армия опасается только, чтобы вы не отложили своей экспедиции, — отвечал я. — Она завидует флоту, что ему только удастся померяться силой с Францией.

— Но у англичан очень мало солдат.

— Да, и то они почти все волонтеры.

— Фу, ректуры! — воскликнул он, махая рукой. — Я высажу в Кенте или Суссексе сто тысяч человек. Дам генеральное сражение, в котором потеряю десять тысяч, но одержу победу, и на третий день буду в Лондоне. Там я арестую всех банкиров, купцов и журналистов, наложу контрибуцию в сто миллионов фунтов и, жертвуя богатыми в пользу бедных, составлю себе

многочисленную партию. Я освобожу Шотландию и Ирландию, дам им самостоятельную конституцию и возвышу их над Англией. Наконец, я соглашусь покинуть остров, посеяв всюду раздор и потребовав в виде выкупа флот и колонии. Таким образом, я обеспечу Франции господство над всем светом по крайней мере на сто лет.

В этих словах ясно проявился весь Наполеон с его способностью составить гигантский план и предусмотреть все его практические подробности, чтобы придать ему реальный характер. В нем соединялись душа поэта и ум делового человека.

Время шло, а император быстро переходил от одного предмета к другому, и мне, наконец, показалось что он нарочно заставляет меня присутствовать при той колоссальной работе, которую исполнял ежедневно, с целью, чтобы я передал об этом другим эмигрантам и побудил их поступить на его службу. Серьезно обсудив вопрос о зимней стоянке двухсоттысячной армии, он перешел к сокращению расходов на придворные экипажи.

— Я хочу быть экономным дома, чтобы блеснуть за границей, — произнес он. — Что касается меня лично, то я, поручиком, жил очень хорошо на тысячу двести франков, и теперь мне хватило бы этих денег на мои личные расходы. Вот, например, — прибавил он, обращаясь к Коленкуру, — я вижу по вашим счетам, что в день выпивается сто пятьдесят пять чашек кофе, по франку за чашку, а ведь кофе стоит пять франков фунт, а сахар четыре франка. Вот так же и счета по конюшням слишком велики; совершенно достаточно при теперешней цене фуража по восьми франков на каждую из моих двухсот лошадей. Я не хочу, чтобы в Тюильри бросались даром деньги.

И переходя таким образом от миллиардов к сантимам и от управления империей к распорядку в конюшнях, он по временам бросал на меня взгляды, как бы спрашивавшие, что я думаю об его удивительной разнообразной деятельности. Тогда меня удивляло, зачем ему требовалось мое одобрение, но потом, когда оказалось, что моему примеру последовало много аристократической молодежи, увеличивая ряды его сторонников, я понял, что он был гораздо дальновиднее меня.

— Ну, господин де Лаваль, — сказал он неожидан-

но,— вы видели теперь, как я работаю, и все-таки желаете поступить на мою службу?

— Да, ваше величество.

— Я, когда хочу, могу быть очень неприятен для служащих,— продолжал он с улыбкой.— Вы присутствовали при моем разговоре с адмиралом Брюэ. Мы все обязаны исполнять свой долг, и дисциплина так же необходима наверху, как внизу. Но гнев у меня никогда не пойдет выше этого,— прибавил он, указывая на горло.— Я никогда не позволю ему отуманить мой ум. Вот доктор Карвизар может засвидетельствовать, что у меня пульс бьется тише, чем у всех его пациентов.

— И что вы едите скорее всех,— заметил господин с широким добродушным лицом, разговаривавший шепотом с маршалом Бертье.

— Ах вы, негодяй, вы всегда против меня. Доктор не может простить мне, что когда я болен, то говорю, что предпочитаю умереть от болезни, чем от лекарств. Если я и ем слишком скоро, то виновато в этом государство, заботы о котором не дают мне свободной минуты для еды. Это напоминает мне, что, кажется, Констан, обеденное время уже давно прошло.

— Да, ваше величество, вы уже просрочили на четыре часа.

— Ну, так подавайте скорее.

— Слушаюсь, ваше величество. Но господин Изабей ждет со своими куклами.

— Хорошо. Я тотчас взгляну на них. Позовите его.

Через минуту в комнату вошел человек, очевидно, только что вернувшийся из долговременного путешествия. Под правой рукой он держал большую корзину.

— Вот уже два дня, как я послал за вами, господин Изабей.

— Курьер прибыл в Париж только вчера, и с тех пор я в дороге.

— Вы привезли модели?

— Да, ваше величество.

— Так расставьте их здесь на столе.

Я сначала не мог понять, в чем дело, и с удивлением смотрел на вынутую господином Изабеем из корзины массу кукол в фут высотой в самых роскошных нарядах. Но при более подробном их осмотре я пришел к заключению, что император, регулировавший сам все при дворе до мельчайших подробностей, приказал жи-

вописцу приготовить модели новых торжественных костюмов для высших сановников.

— Это кто? — спросил император, указывая на куклу в блестящем зеленом кафтане.

— Это обер-егермейстер.

— Значит, это вы, Бертье. Ну, как вам нравится ваш новый костюм? А это кто, весь в красном?

— Канцлер.

— А лиловый господин?

— Обер-камергер.

Императора забавляли, как ребенка, эти куклы, и он весело расставлял на столе, группируя их различным образом; наконец, он бросил их в корзину и воскликнул:

— Хорошо. Вы, Изабей, отлично исполнили свое дело с Давидом. Отдайте эти модели придворным поставщикам и поручите им составить расчет издержкам. Скажите Ленорман, что если она посмеет еще подать такой счет, как прошедший, то я запрячу ее в Бастилию. Ведь не правда ли, господин де Лаваль, вы не сочли бы правильным израсходовать пять тысяч франков даже на платье для Евгении Шуазель?

Откуда мог этот кудесник знать о предмете моей любви? Я посмотрел на него с удивлением и страхом, а его глаза, теперь светло-голубые, улыбались с детским добродушием.

— Вы изумились, когда я напоминал вам о вашей ссоре в английской таверне, — сказал он, — а теперь вас еще более удивляют мои слова об одной известной вам молодой девушке. Но ведь плохо бы исполняли свой долг мои агенты в Англии, если бы они не уведомили меня о таких важных делах.

— Я не понимаю, зачем доводят до сведения вашего величества о таких мелочах, и к чему вы их запоминаете?

— Вы очень скромный юноша, и я надеюсь, что при моем дворе вы не потеряете этого почтенного качества. Так вы думаете, что ваши личные дела не могут меня интересовать?

— Конечно, ваше величество.

— Как зовут вашего дядю?

— Кардинал Лаваль де Монморанси.

— Да, да, где он?

— В Германии.

— В Германии, а не в Соборе Парижской Богомате-

ри, где бы я видел его с удовольствием. А вашего двоюродного брата как зовут?

— Герцог Роган.

— А он где?

— В Лондоне.

— В Лондоне, а не в Тюильри, где он мог бы занимать любое место. Я часто сомневаюсь, были ли бы мои сторонники так же верны мне, как слуги Бурбонов, и в случае моего падения стали ли бы они в изгнании терпеливо ждать моего возвращения? Послушайте, Бертье,— прибавил он, подходя к своему любимцу и взяв его за ухо,— скажите откровенно, могу я на вас рассчитывать, негодяй?

— Я вас не понимаю, ваше величество,— отвечал маршал.

— Если б я был в изгнании, то вы последовали бы за мной?

— Нет, ваше величество.

— Черт возьми, по крайней мере, вы искренни.

— Я не мог бы отправиться в изгнание.

— Отчего?

— Потому что меня не было бы в живых.

— А еще есть люди, уверяющие, что мой Бертье туповат,— произнес со смехом Наполеон.— Ну, я думаю, что в вас, Бертье, я могу быть уверен, так как вы никому не нужны, хотя я вами дорожу по известным мне причинам. Но я не скажу того о вас, Талейран. Вы живо бы перешли к новому повелителю, как уже однажды сделали. Вы отличаетесь гением подделываться к обстоятельствам.

Император очень любил так шутить над своими приближенными и ставить их в неловкое положение. Глаза всех присутствующих обратились на знаменитого дипломата; он стоял, облокотившись на свою палку из черного дерева, и спокойно улыбался, точно император сказал ему самый приятный комплимент. Одним из немногих хороших его качеств была привычка никогда не уступать Наполеону и держаться равно.

— Вы думаете, ваше величество, что я перешел бы на сторону ваших врагов, если бы они предложили мне более того, что я получил от вас?

— Я в этом вполне уверен.

— А я не могу за себя поручиться, не зная, что мне предложат, но во всяком случае куш должен быть велик. Я теперь пользуюсь не только прекрасным до-

мом на улице Сен-Флорентен и содержанием в двести тысяч, но и славой первого министра в Европе. Я, право, не знаю, как еще можно возвысить мое положение, разве мне предложат корону.

— Ну, пожалуй, я могу быть довольно безопасным и относительно вас, — сказал Наполеон, пристально смотря на него, — но, кстати, Талейран — вы должны жениться на мадам Гран или расстаться с ней; я не могу терпеть такого скандала при дворе.

Меня удивляло подобное публичное обсуждение вопросов частной жизни, но и это обстоятельство было характерной чертой Наполеона, который считал, что деликатность и приличный тон были ненужными узлами для гения. Этот тридцатилетний победитель считал себя вправе затрагивать и разрешать все вопросы частной жизни своих приверженцев, начиная от брака и до разрыва с любовницей.

Талейран отвечал с притворно-добродушной улыбкой.

— Я чувствую инстинктивную ненависть к браку, это, вероятно, происходит от моего духовного прошлого.

Наполеон рассмеялся.

— Я всегда забываю, — сказал он, — что имею дело с епископом Отенским. Впрочем, я имею довольно влияния у папы, чтобы добиться от него снисхождения для вас в этом деле. Она умная женщина, эта госпожа Гран, и я не раз замечал, что она умеет слушать.

— Ум не всегда желателен в женщине, — отвечал Талейран, пожимая плечами. — Умная женщина компрометирует мужа, а глупая только себя.

— Умная женщина та, которая умеет скрыть ум, — заметил Наполеон. — Женщины во Франции всегда были опаснее, потому что они умнее мужчин. Они никак не могут понять, что нам нужно их сердце, а не голова. Когда женщины имели влияние на королей, то они их безусловно губили. Возьмите пример Генриха IV и Людовика XIV. Все женщины — идеологи, мечтатели, полные чувств и энергии, но без логики и дальновидности. Посмотрите на проклятую госпожу Сталь и на салоны Сен-Жерменского предместья. Их бесконечная болтовня более тревожит, чем английский флот. Им было бы лучше нянчить детей, вязать чулки. Но вы, вероятно, господин де Лаваль, со мной не согласны и считаете мои мнения невозможными?

На этот вопрос было трудно ответить, и я предпочел умолчать.

— Вы еще молоды, — продолжал Наполеон, — и когда постареете, то станете практичным и согласитесь, что я прав. Ведь и я был таким же сентиментальным юношей в то время, когда парижане считали, что вдова известного генерала Богарне сделала глупость, выходя замуж за никому неизвестного Бонапарта. А хорошо тогда жилось! Например, из Милана в Мантую надо проехать день, и на дороге девять гостиниц; вот я писал жене по письму из каждой гостиницы. Подумайте только, девять писем в день! Ну, с тех пор я и постарел, и поразочаровался. Делать нечего, надо мириться со многим.

Лицо его внезапно омрачилось, и я невольно подумал, что эти девять писем, написанные в один день, принесли ему намного больше счастья, чем все его победы.

— А что, Евгения Шуазель — племянница герцога Шуазеля? — неожиданно спросил он, принимая свой прежний добродушный тон.

— Да, ваше величество.

— Вы помолвлены с ней?

— Точно так, ваше величество.

— Если вы желаете скорого повышения при моем дворе, — сказал император, качая головой, — то должны предоставить мне заботу о вашей судьбе. Быть может, мне не нравится брак между моими врагами-эмигрантами.

— Она одинакового со мной мнения, ваше величество.

— Пустяки, в ее годы еще нет мнения. В ее жилах течет эмигрантская кровь, которая рано или поздно даст себя знать. Нет, господин де Лаваль, я сам вас женю. Приезжайте к нам в Пон-де-Брик, и я вас представлю императрице... Что там, Констан?

— Какая-то дама желает вас видеть, — отвечал камердинер. — Прикажете ей прийти попозже?

— Дама! — воскликнул с улыбкой император, — здесь, в лагере, женское лицо в диковинку. Кто она такая? Что ей надо?

— Ее зовут Сибилла Бернак.

— Что? Это, должно быть, дочь старого Бернака, владельца замка Гробуа. Да, кстати, господин де Лаваль, он вам дядя по матери?

Я, вероятно, покраснел от стыда, потому что Наполеон произнес:

— Ну, ну, я понимаю. Его ремесло не очень чистое, но оно мне необходимо. Ведь этот дядя владеет поместьями, которые в сущности должны принадлежать вам?

— Да, ваше величество.

— Я надеюсь, что вы поступаете ко мне на службу не в надежде вернуть ваши поместья? — спросил император, подозрительно смотря на меня.

— Нет, ваше величество. Я хочу сам сделать себе карьеру.

— Это благородно. Во всяком случае, я не мог бы возвратить вам ваши поместья, так как подобное дело нарушило бы общее доверие ко мне. Мои самые пламенные сторонники — люди, владеющие землей, которая им не принадлежит. Но что надо этой молодой девушке? Проси ее, Констан.

Спустя минуту в комнату вошла Сибилла. Ее лицо осунулось и было бледным, но глаза блестели решительно, и держалась она гордо.

— Ну, девица Бернак, зачем вы пожаловали? Что вам угодно? — сказал император тем резким тоном, с которым всегда обращался к женщинам, даже нравившимся ему.

Сибилла обвела глазами всю комнату и, увидев меня, заметно ободрилась.

— Ваше величество, — отвечала она, пристально смотря на императора, — у меня большая просьба к вам.

— Дочь такого отца всегда может рассчитывать на мою милость. В чем дело?

— Я обращаюсь к вам с просьбой не от имени отца, а от моего собственного. Я умоляю вас помиловать Люсьена Лесажа, арестованного вчера по обвинению в заговоре. Он ученый юноша и мечтатель, живущий далеко от света и ставший жертвой хитрых людей.

— Мечтатель! — воскликнул грубо император. — Этого сорта люди самые опасные.

Потом он взглянул на кипу бумаг, лежавшую на столе, перевернул несколько страниц и прибавил с саркастической улыбкой.

— Вы его любите?

Молодая девушка ничего ему не ответила и, покраснев, опустила глаза.

— Вот здесь протокол его допроса, и, признаюсь, он, кажется, недостоин вашей любви.

— Умоляю вас, помилуйте его.

— Это невозможно. Против меня постоянно составляют заговоры: с одной стороны Бурбоны, а с другой — якобинцы. Я долго был слишком мягок, но монархистам задал страху, и они присмирели после казни Кадудая и герцога Энгийенского. Теперь надо дать урок и противному лагерю.

Лицо Сибиллы совершенно побелело, и глаза отуманились слезами, которые дрожали на ее бледных щеках как росинки на лепестках лилии.

— Ради Бога, пощадите его. Ради вашей матери помилуйте его! — воскликнула она, бросаясь на колени.— Я отвечаю, что он никогда более не пойдет против вас.

— Не надо, не надо,— произнес Наполеон гневно и начал быстро шагать взад и вперед по комнате,— я вам уже сказал, что это невозможно. Я не могу дозволить, чтобы в государственные дела вмешивались женщины. Якобинцы в последнее время подняли голову, и если не сделать примера, то предместье святого Антуана живо восстанет.

Несмотря на решительное, грозное лицо императора, Сибилла продолжала его умолять.

— Он не может принести вам никакого вреда.

— Все равно. Его смерть напугает других.

— Помилуйте его, и я ручаюсь, что он будет вашим верным слугой.

— Нет, нет!

Констан и я подняли молодую девушку.

— Это хорошо,— сказал император, обращаясь ко мне.— Дальнейший разговор ни к чему не поведет. Проводите вашу двоюродную сестру.

Но она снова бросила на него умоляющий взгляд и воскликнула:

— Ваше величество, вы говорите, что необходим пример. Так казните Туссака.

— О, если б я мог только поймать его.

— Вот он опасный враг. Туссак и мой отец вовлекли Люсьена в заговор. Если и надо кого-нибудь казнить, то виновника заговора, а не его жертву.

— Они оба виноваты, и к тому же он один в наших руках.

— А если я его найду?

Наполеон на минуту задумался.

— Если вы это сделаете, то Лесаж будет помилован.

— Но я не могу найти Туссака в один день.

— А сколько вам надо времени?

— По крайней мере, неделю.

— Хорошо, я отсрочу его казнь на неделю. Если вы в этот срок найдете Туссака, то Лесаж будет свободен. Если нет, то на восьмой день его казнят. Довольно. Господин де Лаваль, проводите вашу родственницу. У меня есть дела поважнее. Я жду вас в Пон-де-Брик, когда вы будете готовы представиться императрице.

XIII

Мечты

Проводив Сибиллу в приемную, я с удовольствием увидел там молодого гусарского офицера, доставившего меня из замка в Булонский лагерь.

— Ну, каков результат? — воскликнул он, быстро подходя к молодой девушке.

Она молча покачала головой.

— Я этого боялся, — продолжал Жерар, — император — ужасный человек. Я скорее готов атаковать один целое каре пехоты, чем просить что-нибудь у него.

И его детские голубые глаза заволоклись слезами.

— Поручик случайно меня встретил и проводил сюда через весь лагерь, — объяснила Сибилла. — Он был очень любезен и внимателен.

— Еще бы! — воскликнул я. — Вы достойны всякого сочувствия и вели себя с императором как ангел. Счастлив тот человек, которого вы любите, если он только того достоин.

— Я его знаю лучше вас и императора, — отвечала она холодным, гордым тоном. — Он сердцем и душой поэт и слишком благороден, чтобы затевать интриги, жертвой которых стал сам. Но что касается Туссака, то я его нисколько не жалею; это действительно убийца: он извел множество людей, и не будет во Франции спокойствия, пока его не захватят. Вы мой двоюродный

брат, Луи, — прибавила она, меняя тон, — и я уверена, что вы поможете мне в этом полезном деле.

— Надеюсь, что и мне вы позволите помочь вам в этом! — воскликнул гусарский офицер, с восхищением смотря на молодую девушку.

— Может быть, вы оба будете мне нужны, и я с удовольствием воспользуюсь вашими услугами. Проводите меня до конца лагеря, а оттуда я доеду домой одна.

Эти слова она произнесла повелительным тоном, и мы оба молча повиновались. Она вскочила на свою лошадь, дожидавшуюся ее у главной квартиры, и мы последовали за ней. При выезде из лагеря она остановилась и сказала:

— Ну, теперь довольно. Вы можете вернуться. Значит, я могу рассчитывать на вас?

— Совершенно, — отвечал я.

— До гроба, — прибавил Жерар.

— Хорошо, что я нашла таких верных друзей, — произнесла она с улыбкой и поскакала в ту сторону, где виднелся Гробуа.

Я несколько минут смотрел ей вслед и думал, какой она могла составить план для поимки Туссака? Хотя женская хитрость, подстрекаемая любовью, могла одержать успех в таком деле, где вся ловкость Фуше и Савари была безуспешна. Жерар также не спускал глаз с исчезающей вдали фигуры и бормотал вслух:

— Вот эта женщина для тебя, Этьен! Какие глаза! Какая улыбка! Как она ездит верхом! И не боится императора! Вот, Этьен, достойная тебя жена!

Наконец, поборов свое волнение, он обратился ко мне:

— Вы ее двоюродный брат, и мы оба должны ей помочь в чем-то. Я не знаю, что это за дело, но готов сложить за нее голову.

— Надо найти Туссака и арестовать его.

— Отлично.

— Это необходимо, чтобы спасти жизнь ее жениха.

— Черт возьми! — воскликнул юноша, побагровев, но тотчас его природная доброта взяла верх, и он прибавил, пожимая мне руку. — Все равно, я готов на все, лишь бы она была счастлива. Гусары Бершени стоят вот там, за коновязью, и вы когда угодно можете прислать за поручиком Этьеном Жераром: он всегда

к вашим услугам. До свидания! Я жду от вас весточки, и чем скорее, тем лучше.

И он поскакал, картинно рисуясь на своем коне.

Прошло четыре дня, и я ничего не слышал ни о Сибилле, ни о ее отце. Что касается меня, то я отправился в город Булон и нанял там маленькую комнатку над булочной Видкля на улице Ветров. Затем я послал в Гробуа за своей котомкой с вещами, которую привез из Англии. Наконец, я воспользовался распространившимися слухами о милостивом приеме меня императором, чтобы составить себе приличный гардероб, без которого в те времена нельзя было явиться ко двору.

На пятый день я получил от Дюрока повестку, извещавшую меня, что я должен явиться к императору на главную квартиру, а оттуда следовать в придворном экипаже в Пон-де-Брик для представления императрице. Не успел я войти в приемную палатку, как ко мне подошел Констан и повел в кабинет императора.

Наполеон стоял у камина, грея себе спину; а возле него находились Талейран и Бертье. Меневаль сидел по обыкновению за письменным столом.

— А, господин де Лаваль! — сказал император, дружески кивая мне головой. — Знаете вы что-нибудь новое о вашей двоюродной сестре?

— Ничего, ваше величество.

— Я боюсь, что ее усилия будут беспредельны, хотя желаю ей успеха, тем более, что я нисколько не боюсь ее презренного поэтишки, а признаю, что Туссак опасный враг. Но делать нечего, нужен пример.

Уже темнело, и Констан вошел с фитилем, чтобы зажечь свечи, но император приказал ему удалиться.

— Я люблю сумерки, и, вероятно, вы, господин де Лаваль, разделяете мой вкус, так как привыкли к лондонским туманам. Благодаря этим туманам и головы у англичан отупели, судя по их проклятым газетам.

Говоря это, он быстро схватил какой-то номер английской газеты, гневно скомкал его и бросил в камин.

— Редактор газеты, — произнес он резко, — какой-то грязный писака, рассуждает, точно он сила в Европе. Довольно я терпел эту свободу печати. Находятся люди, которые хотят таких же порядков в Париже, и между прочим, вы, Талейран. А по-моему совсем не нужно газет, кроме «Монитора», в котором правительство сообщает о своих распоряжениях.

— А по-моему мнению, ваше величество, — отвечал министр, — лучше иметь открытых врагов, чем тайных, и менее опасно проливать чернила, чем кровь. Какое вам дело, что ваши враги поносят вас в нескольких парижских газетах, если в ваших руках армия в пятьсот тысяч человек.

— Пустяки! — воскликнул император с нетерпением. — Вы говорите, словно я получил корону от отца. Даже и тогда было бы нестерпимо царить при господстве газет. Бурбоны позволяли писакам себя критиковать, а что же из этого вышло? Если бы они пустили в ход своих швейцарских гвардейцев, как я гренадеров 18 брюмера, то национальное собрание исчезло бы. Было время, когда все дело можно было устроить ударом штыка в Мирабо, а потом пришлось пожертвовать королем, королевой и сотней тысяч людей.

Он сел у камина и протянул свои ноги на решетку. Яркое пламя поленьев освещало его бледное лицо, которое скорее напоминало образ поэта или философа, чем безжалостного диктатора. Я слыхивал не раз, что не было двух схожих портретов Наполеона, и это происходило не от вины художников, а по той причине, что с переменой настроения он становился совершенно иным человеком. При этом я не могу не засвидетельствовать, что за всю мою долгую жизнь я никогда не видел более красивого лица, чем лицо Наполеона в лучшие годы его жизни, прежде чем он начал толстеть.

— Вам недоступны, Талейран, ни мечты, ни иллюзии, — продолжал император, — вы всегда остаетесь практическим холодным циником, а у меня в сумерки или при плеске морских волн разыгрывается воображение. Также влияет на меня и музыка, особенно часто повторяющиеся мотивы, как у Пазаньелло. В эти минуты я начинаю поэтизировать, как Оссиан. В моей голове развиваются великие идеи и масштабные планы. Я тогда обыкновенно переносюсь на восток — колыбель человеческой расы, где только и можно быть истинно великим. Во мне воскресают мечты 1798 года, и я начинаю считать возможным составить колоссальную армию из народов востока и двинуть ее на Европу. Если бы я покорил Сирию, то сделал бы нечто подобное. Судьбы мира были решены под Акром. Подчинив себе Египет, я уже видел себя у ворот Индии, на слоне, держа в руках новый коран, написанный мной. Я ро-

дился слишком поздно, чтобы человека признали все-светным победителем; он должен заявить себя божеством. Александр приказал считать себя сыном Юпитера, и никто ему не возражал. А теперь мир постарел, и исчез в нем всякий энтузиазм. Что бы сказали мои современники, если бы я вздумал назвать себя богом? Вот Талейран стал бы смеяться в кулак, горожане испещряли бы стены домов остроумными каламбурами.

Наполеон, по-видимому, не обращался ни к кому из нас, а громко высказывал свои мысли, давая простор своему воображению. Меневаль потом рассказывал мне, что иногда он так рассуждал сам с собой около часу ввиду безмолвной толпы царедворцов, терпеливо ожидавшей, пока он из мечтателя снова станет практичным, деловым человеком.

— Руководитель мира, — продолжал он, — должен иметь в своей руке и силу религии, и силу оружия, важнее повелевать душой, чем телом человека. Вот, например, султан — глава и религии, и армии. Таково было положение и римских императоров. А вот моя власть не полна. В настоящую минуту в тридцати департаментах Франции папа могущественнее меня. Только всемирным господством можно добиться надежного общего мира. Лишь когда во всей Европе будет одна воля и та сосредоточена в Париже, а все короли будут подчинены этой воле, — наступит царство вечного мира. Существование многих, равных по силе держав, ведет к постоянной борьбе, пока одна из них не добьется первенства. По своему центральному положению, по своему богатству и истории Франция призвана быть этой первенствующей державой. Германия слишком расчленена, Россия слишком варварская страна, а Англия — остров. Значит, и остается одна Франция.

Он замолчал, выпил несколько глотков черного кофе, чашка с которым стояла возле него на круглом столе. Затем он откинулся на спинку кресла и, задумчиво устремив глаза в огонь, продолжал:

— Если настанет такое время, то все короли Европы будут собираться в Париже для поклонения императору; у каждого из них будет свой дворец в Париже, и этот город так разрастется, что дойдет до Версаля. Вот о чем я мечтаю для Парижа, если только он окажется достойным моих мечтаний. Впрочем, я не люблю парижан, и они меня не любят. Они никак не могут

забыть, что я однажды навел на них пушки и готов сделать то же всегда в случае надобности. Я заставил их восторгаться мной и бояться меня; но они не питают ко мне ни малейшей любви. А подумайте только, что я для них сделал! Где все богатства Генуи и все картины, и статуи Венеции и Рима? В Лувре. Плоды моих побед украсили Париж, но все-таки парижане волнуются и болтают. Они приветствуют меня теперь радостными криками, но попробуй я не дать им постоянного предмета для удивления и разговоров, так они станут грозить мне кулаками. Людовик XIV тешил их войнами, Людовик XV — придворными скандалами, а Людовик XVI вздумал ничем их не тешить, вот они и отрубили ему голову. Вы, Талейран, ведь содействовали его казни?

— Нет, ваше величество, я всегда был умеренным человеком.

— По крайней мере, вы не сожалели о его смерти?

— Как же я мог сожалеть о ней, когда вашему величеству суждено было заменить короля.

— Ну, моей-то судьбы ничем нельзя было удержать, Талейран. Я рожден, чтобы повелевать людьми. Я помню, что во время переговоров в Кампо-Формио, когда был молодым генералом, я однажды увидел в палатке австрийских комиссаров, неизвестно для чего приготовленный императорский трон и немедленно уселся на него, так как не мог допустить мысли, чтобы кто-нибудь был выше меня. Я никогда не сомневался в своей судьбе; даже в те дни, когда с братом Люсьеном жил на чердаке и имел каких-нибудь пять франков в неделю, я прекрасно знал, что достигну престола. А ведь, по правде сказать, не было никаких причин мне надеяться на счастье в жизни. В школе я был сорок вторым из пятидесяти восьми учеников и хотя отличался способностью к математике, но во всем остальном был плох. Что касается моего наследства, то я от отца получил только расстройство желудка. Однажды в молодости я был в Париже с отцом и сестрой Каролиной; как-то раз мы встретили на улице короля в золоченой карете, и тогда я подумал, что эта карета должна принадлежать мне. Ну, что там, Констан?

В эту минуту камердинер подошел к императору и что-то шепнул ему на ухо.

— Конечно, — промолвил император, — я ей назначил час и совсем забыл. Она здесь?

— Да, ваше величество.

— В боковой комнате?

— Да, ваше величество.

Талейран и Бертье переглянулись, а первый из них стал пятиться к двери.

— Нет, нет, вы можете остаться, — сказал император, — зажгите лампы, Констан, и прикажите подавать экипаж через полчаса. А пока, Талейран, пробегите черновую моего письма к австрийскому императору, а потом скажите свое мнение, а вы, Меневаль, возьмите вон тот доклад о новом доке в Бресте и приготовьте мне выписку из него завтра к пяти часам утра. Бертье, завтра в семь часов сделайте примерную посадку всей армии на лодки. Я хочу видеть, можно ли это сделать в три часа. Господин де Лаваль, ждите меня, и мы поедем вместе в Пон-де-Брик.

С этими словами он направился маленькими шагами к внутренней двери и быстро исчез за портьерой. В ту минуту, как портьеры распахнулись, я увидел, что за ними промелькнуло розовое платье. Бертье стал молча грызть ногти, Талейран посматривал на него исподлобья, а Меневаль стал прибирать бумаги.

— Это которая? — спросил шепотом министр.

— Певица из оперы, — отвечал Бертье.

— А маленькая испанка в опале?

— Не думаю, она была здесь вчера.

— А графиня?

— Она живет в Амблетезе.

— Нельзя терпеть скандала при дворе, — заметил Талейран, повторяя недавние слова императора о его отношениях к мадам Гран. — Ну, господин де Лаваль, — прибавил он, отводя меня в сторону, — я желал бы иметь от вас сведения о бурбонской партии в Англии. Что они все еще рассчитывают на успех?

И в продолжение десяти минут он забрасывал меня вопросами, которые ясно доказывали, что этот хитрый дипломат, как верно предполагал император, решил быть всегда на стороне победителя. Среди нашего разговора в комнату вошел Констан и с беспокойством воскликнул:

— Боже мой! Вот несчастье! Кто бы мог предвидеть...

— Что случилось, Констан? — спросил Талейран.

— Беда! Я не смею войти к императору, а... а... императрица приехала.

Жозефина

При этом известии Талейран и Бертье молча посмотрели друг на друга. Вечно холодное, неподвижное лицо хитрого дипломата выразило нечто, скорее похожее на саркастическое удовольствие, чем на сожаление или страх. Но Бертье, искренно любивший Наполеона и Жозефину, бросился к дверям с целью остановить императрицу. В ту же минуту Констан подбежал к портьеру, закрывавшей вход в комнату императора, но не посмел пойти далее и вернулся к Талейрану за советом. Было уже, однако, поздно, и Рустем широко отворил дверь. В комнату вошли две дамы. Первая из них была высокого роста, с улыбающимся лицом и грациозной осанкой. На ней было черное бархатное платье с белыми кружевами, а на голове черная шляпа с белым пером.

Вторая дама была меньше ростом, и ее лицо было бы очень неказистым, если бы ему не придавали особой прелести живые черные глаза. Маленькая черная собачка следовала за ними, но на пороге первая дама передала цепочку, на которой вела собачку, Рустему и сказала приятным, мелодичным голосом:

— Подержите ее снаружи. Император не любит собак, а если мы нарушаем его уединение, то должны приноравливаться к его вкусам. Доброго вечера, господин де Талейран. Мы с госпожой Ремюзан катались по берегу и заехали узнать, скоро ли приедет император в Пон-де-Брик. Но, может быть, он уже уехал? Я надеялась застать его здесь.

— Его величество был недавно здесь,— отвечал Талейран, кланяясь и потирая руки.

— Сегодня у меня вечер в Пон-де-Брик, то есть насколько можно в Пон-де-Брик устроить вечер, и император обещал осчастливить мой салон своим присутствием. Он довольно работает, не правда ли, господин де Талейран, и ему надо иногда отдохнуть? Правда, у него железная натура! Но следует и побереечь себя. В последнее время его нервные припадки стали повторяться чаще. Он все хочет делать сам: это очень благородно, но для чего же быть мучеником? Ведь и теперь, вероятно... но вы мне не сказали, где он?

— Мы ждем его каждую минуту, ваше величество.

— В таком случае, мы также его подождем. А, господин де Меневаль! Как я вас жалею, вы вечно возитесь со своими бумагами. Я считала большой потерей удаление Бурьена, но вы более чем заменили его. Садитесь к огню, мадам де Ремюзан, вам, должно быть, холодно. Констан, положите коврик под ноги мадам де Ремюзан.

Подобным вниманием в мелочах и постоянной любезностью Жозефина снискала себе общую любовь, и у нее не было врагов даже среди лиц, ненавидящих ее мужа. Как императрица, а равно, как покинутая, разведенная жена, уныло кончавшая свою жизнь в Мальмезоне, она одинаково заслужила уважение и сочувствие всех, знавших ее. Поэтому из всех жертв, принесенных императором своему самолюбию, развод с женой стоил ему наиболее дорого и вызывал до конца чувство горького сожаления.

Пока она таким образом сидела у камина, я имел случай подробно рассмотреть эту женщину, которая из жены неведомого артиллерийского офицера сделалась первой особой своего пола в Европе. Она была старше Наполеона на шесть лет, но хотя ей пошел уже сорок второй год, казалась не старше тридцати. Ее высокая, изящная фигура поражала детской живостью в движениях и утонченной грацией тропической уроженки. Черты ее лица были тонкие, и в юности она была очень хороша собой, но, как все креолки, рано поблекла. Все-таки она мужественно боролась со временем и с помощью искусства косметики казалась еще красивой женщиной. Но в маленькой комнате, или при большом свете белила и румяна, которыми она старалась скрыть свои впалые щеки, выдавали ее тайну. Но особенно привлекали внимание именно глаза — большие, черные, выразительные. Ее рот также отличался приятными очертаниями, и на ее губах всегда играла улыбка, хотя она очень редко смеялась, чтобы не видели ее зубов. Что касается ее удивительной осанки, то если бы эта креолка происходила по прямой линии от Карла Великого, то она не могла бы отличаться большим достоинством. Ее походка, манеры, взгляды, жесты дышали женственностью и царственным величием. Я смотрел на нее с восхищением и следил с восторгом, как она отламывала кусочки ароматического дерева и бросала их в камин.

— Наполеон любит запах алоэ, — говорила она, — у него удивительно нежное чутье.

— Да, у императора удивительное чутье во многих отношениях, — заметил Талейран, — в этом не раз убеждались поставщики.

— Да, господин де Талейран, с ним беда, когда дело дойдет до счетов. Он ничего не пропустит и все заметит. Но кто этот молодой человек? Он, кажется, не был мне представлен.

Министр объяснил в нескольких словах, что император принял меня недавно на службу и назначил состоять при своей особе. Жозефина поздравила меня очень любезно и прибавила:

— Я всегда рада, когда он окружает себя благородными и храбрыми людьми. Со времени адской машины я всегда со страхом расстаюсь с ним, хотя бы на короткое время. Право, всего безопаснее во время войны, так как только тогда он вдали от ненавидящих его убийц. Я слышала, что на днях открыт новый якобинский заговор.

— Господин де Лаваль присутствовал при поимке заговорщиков, — объяснил Талейран.

Императрица забросала меня вопросами, не дожидаясь ответа.

— А страшный Туссак все еще не найден! — воскликнула она. — Говорят, что одна молодая девушка взялась его отыскать, и за это ей обещана свобода жениха.

— Это моя двоюродная сестра, ваше императорское величество, — отвечал я. — Ее зовут Сибилла Бернак.

— Вы лишь несколько дней назад прибыли во Францию, — сказала с улыбкой Жозефина, — а уже являетесь центром, вокруг которого вращаются важные государственные дела. Император говорит, что ваша двоюродная сестра очень хорошенькая, так представьте ее ко двору. Госпожа де Ремюзан запишет ее имя.

Говоря это, императрица случайно взглянула на ковер и вздрогнула, увидев упавшую со стола трубку императора.

— Что это значит, Талейран? — воскликнула она, и глаза ее засверкали гневным подозрением. — Вы сказали, что императора здесь нет, а вот его шляпа.

— Виноват, ваше величество, я этого не сказал.

— Что же вы сказали?

- Что он был здесь недавно.
- Вы что-то от меня скрываете?
- Уверяю вас, я говорю все, что знаю.

Императрица быстро обвела взглядом всех присутствующих.

— Маршал Бертье, — произнесла она наконец, — я требую, чтобы вы мне сказали, где император и что он делает?

— Я знаю не более Талейрана, — промолвил маршал в большом волнении. — Император недавно ушел отсюда.

— В какую дверь?

— Право, не могу сказать, — произнес Бертье с еще большим смущением.

Гневный взгляд Жозефины случайно остановился на мне, и я с ужасом подумал, что мне ответить, если она задаст мне щекотливый вопрос. Но, к счастью, глаза ее быстро перебежали на портьеру, скрывавшую дверь во внутреннюю комнату.

— Хорошо, — сказала она, — если вы не желаете объяснить мне, где император, то я сама его найду. Пойдемте, госпожа де Ремюзан.

Придворная дама неохотно последовала за ней, так как с одной стороны, частые измены Наполеона и ревность Жозефины — с другой не раз ставили придворных в неловкое положение. Талейран отвернулся, приложив палец к губам, а Бертье стал беспомощно комкать свою шляпу. Только один Констан дерзнул остановить императрицу.

— Если ваше величество займете свое прежнее место у камина, то я доложу императору, что вы здесь, — сказал он, становясь у самой портьеры.

— А, значит он там! — воскликнула она вне себя от гнева. — Я все понимаю. Я уличу его в измене перед всеми. Пустите меня, Констан; как вы смеете заграждать мне дорогу!

— Позвольте мне, ваше величество, доложить о вашем приезде.

— Я сама доложу о себе.

Она оттолкнула Констана и быстро исчезла за портьерой.

Мы с ужасом ждали, чем все это кончится, и через минуту пылавшая ревностью женщина уже вернулась, но пораженная страхом и преследуемая по пятам Наполеоном, который вне себя от бешенства осыпал ее

казарменной бранью. Она так была перепугана, что бросилась к камину и беспомощно упала на стул. Император остановился среди комнаты и, топая ногами, воскликнул:

— Констан, так-то вы мне служите! Так-то вы меня охраняете! Все могут делать, что хотят, я один не могу быть на свободе, хоть несколько минут, от женского шпионства. Ну, Жозефина, я долго терпел, но теперь все кончено между нами!

Мы все, а в особенности я, с удовольствием улизнули бы от этой скандальной сцены, но император обращал мало внимания на нас. Напротив, он любил разыгрывать подобные сцены при публике, так как знал, что этим усиливал впечатление, производимое его выходками на избранных им жертв.

Начиная с его жены до последнего конюшего, каждое из окружающих его лиц было постоянно в страхе, чтобы император не подверг его публичному осмеянию или позору.

Что касается Жозефины, то она вскоре закрыла лицо руками и стала горько плакать, а госпожа Ремюзан сочувственно ей вторила. По временам императрица, собравшись с силами, отвечала на его грубые выходки и мягко упрекала за постоянные измены, но каждое ее слово только усиливало гнев Наполеона. Наконец, он бросил на пол свою табакерку и грозно воскликнул:

— Нравственность не создана для меня, и я не создан для нравственности. Я человек особенный и не признаю никаких ограничений. Сколько раз я тебе говорил, Жозефина, что узы нравственности могут сдерживать только людей посредственных, но не великих. Я никогда не подчинюсь светским правилам.

— Неужели у тебя нет никакого человеческого чувства? — промолвила императрица, рыдая.

— Великому человеку не до чувств. Он делает, что хочет, и никто не должен ему мешать. Ты должна, Жозефина, не только подчиняться всем моим фантазиям, но и терпеть от меня все.

После первой вспышки Наполеон прибегнул к своему обычному средству: как на войне, так и в семейной жизни, всегда атаковать врага.

— Да, кстати, — произнес он, — я просмотрел твои счета, Жозефина, и знаешь ли ты, сколько у тебя было в прошедшем году платьев? Сто сорок, а некоторые из

них стоили по двадцать пять тысяч ливров. Говорят, что в твоём гардеробе до шестисот платьев, из которых многие ты никогда не носила. Госпожа Ремюзан знает, что это правда, и не может оспорить моих слов.

— Но ты любишь, чтобы я хорошо одевалась, Наполеон.

— Я не могу допустить таких безумных расходов, и на эти деньги можно было бы сформировать два полка кирасир или целую эскадру. Потом, Жозефина, кто тебе позволил взять у Лефевра браслет из бриллиантов и сапфиров? Он прислал мне счет, но я отказался уплатить, а если он повторит свое требование, то я посажу его в тюрьму, но чтобы ему не было скучно — посажу твоего советчика.

Вообще гневные вспышки императора продолжались недолго, и теперь вскоре он стих, его руки перестали дрожать, и он подошел к Меневалю, который продолжал все время этой сцены безостановочно писать. Поглядев с минуту на бумаги, он улыбнулся и с просветлевшим лицом направился к Жозефине.

— Нет, — сказал он, потрепав ее по плечу, — решительно не подыщешь никаких оправданий твоей расточительности. Блестящие наряды и бриллианты необходимы для уродов, а ты в них нисколько не нуждаешься. У тебя не было дорогих костюмов, когда я увидел тебя впервые на улице Шарперен, и однако ни одна женщина на свете никогда не нравилась мне, как ты. Зачем ты, Жозефина, всегда сердись меня и заставляешь говорить тебе неприятности? Ну, поезжай теперь, голубушка, в Пон-де-Брик, да смотри, не простудись.

— А ты будешь на моем вечере, Наполеон? — спросила императрица, просяив при первом любезном слове мужа.

— Конечно, буду. Я сейчас последую за тобой. Констан, посадите дам в экипаж. Бертье, вы отдали приказ о посадке войск на корабли? Не уходите, Талейран, я хочу объяснить вам мой взгляд на испанские и португальские дела. Господин де Лаваль, вы можете проводить императрицу в Пон-де-Брик и оставайтесь там.

У императрицы

Пон-де-Брик был маленьким селением, и проще было бы поместить двор в Булони, но Наполеон пожелал, чтобы императрица жила в Пон-де-Брик, а его желание было законом. Сначала эта скромная деревушка наводнилась лакеями и поварами, затем прибыли придворные особы обоего пола и, наконец, сама императрица. Для нее был отведен соседний замок, а все остальные разместились, как могли, в хижинах, и, конечно, ожидали с нетерпением возвращения в Версаль или Фонтенбло.

Императрица очень любезно предложила мне место в своем экипаже и всю дорогу любезно болтала, как бы совершенно забыв о только что происшедшей неприятной семейной сцене. Она задавала мне сотни вопросов о моем прошлом и о делах, так как всегда добродушно интересовалась всем, что касается окружавших ее лиц. В особенности она много расспрашивала меня о Евгении, и я так расхвалил свою невесту, что она воскликнула:

— Вы должны непременно представить ее ко двору. Такое совершенство добродетели и красоты нельзя оставлять в Англии. Вы говорили о ней императору?

— Ему самому все известно о ней.

— О! Он все знает. Удивительный он человек. Вот вы слышали историю о брильянтах и сапфирах? Лефевр мне обещал никому не говорить об этой покупке и получить деньги лично от меня в рассрочку; но ведь все-таки Наполеон узнал. А что он сказал вам относительно вашей невесты?

— Он сказал, что его дело меня женить.

— Это нехорошо, — сказала Жозефина, качая головой, — он в состоянии выбрать вам невесту и женить через неделю. Это один из тех вопросов, в которых он не допускает возражений. Он не раз устраивал самые удивительные браки. Но я поговорю с ним, прежде чем уехать в Париж, и сделаю все для вас.

Я не успел поблагодарить ее за доброту и любезность, так как экипаж остановился перед дверями замка, у которых стояли часовые и придворные лакеи в красной ливрее. Императрица и госпожа Ремюзан

удалились, чтобы переменить туалет, а меня провели в гостиную, где уже собирались приглашенные.

Это была большая комната, скромно меблированная, как приличествовало жилищу провинциального владельца. Как обои, так и мебель отличались темными цветами, и только многочисленные канделябры с зажженными свечами придавали праздничный вид этой мрачной обстановке. Из дверей комнаты виднелся ряд небольших покоев, в которых расставлены были картежные столы, а двери украшены восточными коврами. Значительное число мужчин и женщин в мундирах и вечерних платьях толпились в большой комнате.

Конечно, я забрался в уголок, боясь, что не встречу никого знакомых, но неожиданно почувствовал, что кто-то ударил меня по плечу. Я обернулся и с неудовольствием увидел дядю Бернака.

— Милый Луи, — сказал он любезным тоном, — надежда увидеть вас заставила меня явиться ко двору, хотя было бы глупо, живя далеко от Парижа, не воспользоваться этим случаем, чтобы представиться императрице. Говорят, что вас принял прекрасно император, и что он назначил вас состоять при себе. Правда, я говорил ему о вас и объяснил, что если он любезно обойдется с вами, то привлечет на свою службу еще многих молодых эмигрантов.

Я был убежден, что он лгал, но из приличия холодно поблагодарил его.

— Я вижу, что вы все еще сердитесь на меня, — продолжал дядя, — но вы совершенно не правы. Я имел в виду только вашу пользу. Вы видите, Луи, что я уже немолод, а мое ремесло опасно. А кому достанется моя дочь, тот и получит мои поместья. Сибилла прелестная девушка, и вы не должны думать о ней дурно по той неприятной сцене, которую она мне устроила. Я должен признаться, что она имела основание быть недовольной мной. Как бы то ни было, я надеюсь, что вы обдумали дело и перемените свой взгляд.

— Я ничего не думаю и не желаю думать об этом, — отвечал я резко.

— Как хотите, — произнес дядя после минутного молчания, — значит, дело кончено. Но вы не можете не согласиться, что я желал вам добра, выбрав вас в свои наследники, и что вас теперь не было бы на свете, если бы я не спас вашей жизни, рискуя своей.

— Вы руководствовались своим собственным интересом.

— Может быть. Но все-таки я вас спас, и не моя вина, что я владею вашим поместьем.

— Совсем не поэтому я отрицательно отношусь к вам.

— А почему?

Я мог бы ответить, что причиной моей ссоры с ним были измена его товарищам, ненависть к нему дочери, дурное обращение с покойной женой и убеждение моего отца, что он был источником всех его несчастий. Но гостиная императрицы не была удобным местом для семейных пререканий, а потому я молча пожал плечами.

— Во всяком случае, — продолжал он, — я очень сожалею, что мы разошлись. Я имел самые лучшие намерения относительно вас и мог бы многое сделать для вашего повышения, так как редкие люди во Франции пользуются таким влиянием, как я. Однако, несмотря на все, я имею к вам просьбу.

— Что такое?

— У меня много вещей, принадлежавших вашему отцу: шпага, печати, ящик с письмами, серебряная посуда... Они для меня не имеют особой цены, но для вас должны быть дороги. А потому я желал бы, чтобы вы заехали в Гробуа, хотя бы даже на одну ночь, и, пересмотрев вещи, взяли то, что захотите. Моей совести было бы тогда легче.

— Хорошо.

— А когда вы приедете? — спросил он быстро, и глаза его заблестели так подозрительно, что я вспомнил о словах Сибиллы, предупреждавшей меня, чтобы я опасался дяди.

— Я не могу приехать раньше, пока не узнаю, на какую должность назначил меня император, а потом увидим.

— Хорошо. Значит, я вас жду с нетерпением на будущей неделе, или через две. Ну, теперь до свидания, Луи, я уверен, что вы сдержите свое слово, так как ни один Лаваль не нарушал данного обещания.

Он крепко пожал мне руку, на что я не ответил ему тем же, и, отойдя от меня, исчез в толпе, наполнявшей зал.

Я остался один и молча стал обдумывать странное

приглашение дяди, как вдруг услышал свое имя. Я поднял глаза и увидел перед собой Коленкура.

— Вы в первый раз при дворе, господин де Лаваль,— сказал он с добродушной любезностью,— но, вероятно, здесь найдется немало друзей вашего отца, которые с удовольствием познакомятся с его сыном. По словам Меневаля, вы здесь никого не знаете даже в лицо.

— Я знаю только маршалов, которых видел в палатке императора. Вон Ней с рыжими волосами, Лэфевр со странными губами и Бернадотт с птичьим носом.

— Да, а вот Рап с круглой головой наподобие бомбы. Он говорит с Жюно, красивым брюнетом. Они оба очень несчастны в эту минуту.

— Отчего?

— Потому что оба простого происхождения, и их пугает придворный этикет более пуль и ядер. Они чувствуют себя дома только в ботфортах со шпорами и под неприятельским огнем, а здесь вечно боятся наступить кому-нибудь на ногу, или разорвать дамский шлейф. Кроме того, император не позволяет им прибегать при дворе к казарменным выражениям, хотя сам часто это делает. Он требует, чтобы они на поле брани были солдатами, а при дворе — царедворцами, а они всюду и везде — старые служаки. Вон посмотрите на Рапа, который ранен был двадцать раз. Он говорит с какой-то девицей, и я уверен, что он сказал какую-нибудь неприличность, иначе она не спаслась бы под крылышко своей матери.

— А кто — красивая женщина в белом платье с брильянтовой тиарой на голове? — спросил я.

— Это жена Мюрата, сестра императора Каролина. Она прелестна, но ее сестра Мария, сидящая вон в том углу, еще лучше. А пожилая дама с черными глазами, разговаривающая с ней,— мать императора. Это просто удивительная женщина, источник силы всей семьи, она умна, энергична, мужественна, и всякий, кто ее знает, питает к ней уважение. Она также экономна, как в прежние времена на Корсике; она так мало доверяет прочности своего величия, что постоянно откладывает деньги на черный день. Император не знает, смеяться ли ему или сердиться на мать за это. Ну, что, Мюрат, скоро вы будете скакать по Кентским полям?

Знаменитый герой в эту минуту проходил мимо нас

и, остановившись, поздоровался с Коленкуром. Его красивое лицо, блестящие глаза и благородная осанка возбуждали всеобщее внимание, а его курчавые волосы и толстые, красные губы придавали ему индивидуальную особенность и скрашивали его, быть может, банальную красоту.

— Говорят, что в этой дьявольской стране очень трудно действовать кавалерии, — отвечал он. — Дороги хороши, но поля все изрезаны канавами и плетнями. Во всяком случае, я надеюсь, Коленкур, что мы скоро начнем поход, если же мы долго здесь простоим, то наши солдаты превратятся в садовников. Они уже и теперь более заботятся о лопатках и лейках, чем о лошадях и саблях.

— Говорят, завтра армию сажают на суда.

— Да, да, но я боюсь, как бы не пришлось вернуться назад. Пока Вильневу не удастся разогнать английский флот, ничего нельзя сделать серьезного.

— Констан говорил мне, что император, одеваясь сегодня утром, все насвистывал «Мальбрука», а это значит, что он решил на важный шаг.

— Молодец Констан, если он умеет разбирать, что насвистывает император, — заметил со смехом Мюрат. — Я же уверен, что он не знает разницы между «Мальбруком» и «Марсельезой». А вот и императрица. Как она хороша сегодня.

Действительно Жозефина вошла в зал в сопровождении нескольких придворных дам, и все присутствующие встали. На ней было розовое тюлевое платье, усеянное серебряными звездами, а на голове колыхались бриллиантовые колосья. Она очень любезно подходила к каждому из гостей и разговаривала с приветливой улыбкой.

— Как она любезна! — воскликнул я. — Ее нельзя не любить.

— Однако есть семья, которая не поддается ее очарованию, — отвечал Коленкур и, убедившись, что Мюрат его не слышит, прибавил. — Посмотрите на сестер императора.

Действительно, я изумился, увидев, с какой саркастической улыбкой следили эти обе красавицы за каждым движением императрицы, а мать императора вторила им, презрительно качая головой.

— Вся семья сознает, что Наполеон принадлежит им, и не хотят уступить никому малейшей его доли, —

продолжал Коленкур.— Они никак не могут примириться с мыслью, что она императрица, а они только короли и королевы, принцы и принцессы. Все родственники императора одинаково ее ненавидят, а так как в их жилах течет корсиканская кровь, то с ними ладить нелегко.

Но несмотря на враждебные чувства к ней семьи императора, Жозефина не обнаруживала ни малейшего смущения, а очаровывала всех приветливым словом и прелестной улыбкой. Рядом с ней шел человек высокого роста, с загорелым лицом и большими усами; по временам она с любовью опиралась на его руку.

— Это ее сын, Евгений Богарне,— сказал Коленкур.

— Как ее сын? — воскликнул я в изумлении, так как по внешности он казался старше ее.

— Вы знаете, что она вышла замуж на шестнадцатом году,— заметил Коленкур с улыбкой,— а потом провела всю свою жизнь в элегантном будуаре, а он исколесил всю Европу, да побывал еще в Египте и Сирии. Вот почему они и кажутся теперь одинаковых лет. Обратите внимание вон на того чисто выбритого господина, который только что поцеловал руку у Жозефины. Это знаменитый актер Тальма. Он однажды в критическую минуту помог деньгами Наполеону, а император никогда не забывает оказанных ему услуг. Такова же причина и влияния Талейрана. Перед отъездом в Египет Наполеон занял у него сто тысяч франков, и хотя теперь он не питает к нему полного доверия, но помнит об этом одолжении. Я не знаю примера, чтобы он забыл друга или простил врагу. Если вы раз оказали ему серьезную услугу, то потом можете целую жизнь ничего не делать. Один из кучеров императора — горький пьяница и никогда не бывает трезвым, но он получил крест за Маренго и может быть спокоен, что его никогда не прогонят.

В эту минуту Коленкур увидел знакомую даму и пошел к ней, а я снова остался один. Невольно мои мысли сосредоточились на странном, удивительном человеке, который представлял такой вечный контраст со своими добрыми качествами и недостатками, что взгляды на него невольно менялись в моей голове каждую минуту. Однако только было достоверно, что он был необходим для Франции, и что, служа ему, я служил бы своей родине. Но был ли он достоин не только повиновения,

но уважения и любви? Этот вопрос оставался для меня неразрешимым, а многие не разрешили его даже за всю свою жизнь.

Мало-помалу все присутствующие, даже военные, перестали стесняться, и все общество приняло веселый, беззаботный вид. Многие уселись в соседних комнатах за картежные столы, а остальные болтали между собой и ухаживали за красивыми дамами. Прямо передо мной стояли Ней, Ланг и Мюрат; они дружески разговаривали и громко смеялись, словно находились в лагере, а не во дворце. Двое из них были впоследствии казнены, а третий убит на поле брани. Но тогда на их жизнерадостных лицах нельзя было прочесть и следа грозившей им роковой судьбы.

Недалеко от меня стоял какой-то господин, который, по-видимому, чувствовал себя неловко и не знал, что делать. Мне стало его жаль, и я, подойдя, заговорил с ним. Он обрадовался случаю с кем-нибудь поговорить и очень любезно отвечал мне, но на ломаном французском языке.

— Вы, может быть, знаете по-английски, — спросил он, — хотя никто в этой стране не знает английского языка.

— Да, я говорю по-английски, так как провел большую часть своей жизни в Англии, но вы не англичанин, так как во Франции нельзя встретить со времени нарушения амьенского мира ни одного англичанина на свободе.

— Я не англичанин, а американец, зовут меня Роберт Фультон, и я бываю на придворных приемах лишь для того, чтобы напоминать о себе императору, который рассматривает мое изобретение, которое должно сделать великую перемену в морском деле.

Имея свободное время и не видя ни одного знакомого лица вокруг себя, я стал расспрашивать его о сделанном им изобретении и с первых же его слов понял, что имел дело с сумасшедшим. Он хотел плавать на кораблях против ветра и течения посредством угля или дерева, которые жгли внутри судна. Уж я не говорю о том, что он болтал о каких-то бочонках пороха, которые можно было подкатывать под неприятельские суда и взрывать их. Я слушал его с презрительной улыбкой, а теперь, вспоминая об этом на старости лет, должен сознаться, что из всех, бывших в этом зале блестящих героев, не исключая самого императора,

никто не повлиял так сильно на историю человечества, как тот американец, казавшийся мне сумасшедшим.

Но неожиданно в зале все стихло: болтовня и смех прекратились, словно в школе, при появлении учителя; даже шелест карт в соседней комнате замолк. Все вскочили со своих мест, как женщины, так и мужчины, и обратили беспокойные взгляды на дверь.

На пороге стоял император с бледным лицом, в зеленом мундире, с красной лентой на белом жилете.

В подобных случаях никто не знал, как он поведет себя. Иногда он был самым веселым и неутомимым собеседником, но бывали минуты, когда он являлся жестоким мучителем, оскорбительно резавшим всех и каждого. Обыкновенно же его настроение являлось средним между этими двумя крайностями, и Наполеон являлся в общество сумрачным, безмолвным, редко произнося какое-нибудь замечание, от которого коробило того, к кому оно относилось. Поэтому неудивительно, что когда он выходил из комнаты, то все с удовольствием переводили дыхание.

На этот раз он находился под влиянием неприятной сцены на главной квартире и, насупив брови, мрачно смотрел вокруг себя. Случайно я находился близ двери, и его глаза неожиданно остановились на мне.

— Подойдите сюда, господин де Лаваль,— сказал он, и когда я приблизился, император любезно положил руку на мое плечо.

— Вот вы, Камбасерес,— произнес он, обращаясь к следовавшему за ним высокому, дородному господину,— вы всегда по своей простоте уверяли меня, что старые аристократические семьи никогда не вернуться, а навсегда поселятся в Англии, как гугеноты. Вы ужасно ошиблись, и вот наследник Лавалей просит принять его на мою службу. Господин де Лаваль, я назначаю вас своим адъютантом и прошу вас всюду следовать за мной.

Я не ожидал подобной удачи и вполне сознавал, что император оказал мне эту милость не ради меня самого, а с целью привлечь к себе других эмигрантов. Хотя я поступил на службу императора не из корыстных видов, а из любви к родине, но теперь, когда я шел за ним по залу, мне было как-то стыдно, и я чувствовал себя пленником, которого ведут за колесницей триумфатора.

Вскоре явилась и другая причина краснеть, именно

невозможное поведение того, на службу к которому я поступил. Его обращение было самое резкое и невольнительное, особенно в отношении дам, так как он не признавал рыцарского к ним отношения. С военными он еще вел себя сносно и каждому кивал головой, приговаривая какую-нибудь шуточку. Сестрам он сказал только несколько слов и то тоном сержанта, обучающего рекрутов. Но его манеры достигли апогея оскорбительной грубости, когда к нему подошла Жозефина.

— Что это у тебя за отвратительная прическа? — сказал он, выходя из себя. — Для женщин нет другой заботы, как туалет, однако, они не умеют прилично и со вкусом одеваться. Если ты еще раз наденешь такую гадость, то я брошу ее в камин, как бросил на днях твою шаль.

— На тебя не угодишь, Наполеон, сегодня тебе это нравится, а завтра противно. Но, конечно, я перемену эту прическу, если ты находишь ее некрасивой.

Жозефина произнесла эти слова с удивительным тактом и терпением.

Император сделал два шага среди расступившейся перед ним толпы придворных и снова остановился.

— Сколько раз я говорил тебе, что не люблю толстых женщин, — сказал он, обращаясь к Жозефине, которая находилась возле него.

— Я всегда это помню, Наполеон.

— Так зачем же мадам де Шевре здесь?

— Она не очень толстая.

— Она толще того, что я допускаю в женщине, и я не желаю ее видеть. А это кто?

Говоря это, он остановился перед молодой девушкой в голубом платье, у которой, видимо, подкосились ноги от устремленного на нее взгляда императора.

— Это дочь Бержера.

— Сколько вам лет?

— Двадцать три, ваше величество.

— Пора вам выйти замуж. В двадцать три года нельзя оставаться в девушках. Почему вы не вышли замуж?

Молодая девушка в смущении не знала, что ответить, и императрица поспешила к ней на помощь.

— Ты спроси об этом у молодых людей, Наполеон, а не у нее.

— А, так дело в женихе! Хорошо, я найду вам жениха.

Он обернулся и, к моему ужасу, устремил глаза на меня.

— Нужно приискать и вам невесту, господин де Лаваль, хорошо, хорошо, посмотрим. Как вас зовут? — прибавил он, обращаясь к скромному господину в черной одежде.

— Я музыкант Гретри.

— Да, да, я помню. Я видел вас сто раз, но всегда забываю ваше имя, а вы кто?

— Жозеф Шенье.

— Ну, конечно. Я видел вашу трагедию. Как ее там название? Я забыл. Но она не хороша. Вы, кроме того, писали еще стихи?

— Да, ваше величество, и вам угодно было принять посвящение последнего тома моих стихов.

— Может быть, но мне нет времени читать стихов. Жаль, что теперь во Франции нет великих поэтов, а то недавние события могли бы вдохновить нового Гомера или Вергилия. Да уж, вероятно, на моем роду написано создавать царства, но не поэтов. Но кого вы считаете величайшим французским писателем?

— Расина, ваше величество.

— Так у вас пустая голова, так как Корнель неизмеримо его выше. Я немного понимаю толк в рифмах и подобных пустяках, и могу оценить дух поэзии. В этом отношении Корнель — величайший поэт. Если бы он жил в мое время, то я сделал бы его первым министром, потому что всего более уважаю в нем его ум и знание человеческого сердца. А вы теперь пишете что-нибудь новое?

— Трагедию о Генрихе IV, ваше величество.

— Бросьте ее. Вы выбрали слишком близкую к нам эпоху, а я не желаю, чтобы политика водворилась на сцене. Напишите лучше пьесу об Александре. А вы кто?

— Я все тот же музыкант Гретри, — отвечал скромный на вид господин, к которому вторично обратился император.

Наполеон вспыхнул, но сдержал свой гнев и быстро направился к группе дам, стоявших у двери в картежную комнату.

— Ну, сударыня, — сказал он, обращаясь к одной из них, — я надеюсь, что вы ведете себя теперь лучше, а то, по последним известиям из Парижа, весь Сен-Жерменский квартал сплетничал на ваш счет.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, ваше величество.

— Вы очень хорошо понимаете, что я говорю о ваших отношениях к полковнику Ласалю.

— Это клевета.

— Может быть. Но не хорошо, чтобы столько клеветали об одной и той же женщине. Недавно у вас был скандал с адъютантом генерала Рапа. Я вам советую положить этому конец. А вы кто? — прибавил он, обращаясь к молодой девушке.

— Девушка Перигор.

— Сколько вам лет?

— Двадцать.

— Вы слишком худощавы и зачем у вас такие красные локти? А вы, госпожа Буамедон, всегда будете являться ко двору в одном и том же сером платье, с красным тюрбаном и брильянтовой луной?

— Помилуйте, ваше величество, я надела этот костюм сегодня в первый раз!

— Ну, так в прошлые разы у вас было нечто подобное. Пожалуйста, разнообразьте ваши наряды. Послушайте, Ремюзан, я, кажется, плачу вам хорошее жалование, отчего вы не расходуете его?

— Я расходую, ваше величество.

— Я слышал, что вы перестали держать экипаж, а имейте в виду, что я вам плачу деньги не для того, чтобы их откладывали на черный день, а чтобы вы достойно поддерживали свое положение. Смотрите, чтобы у вас был новый экипаж, когда я вернусь в Париж. Ну, а ты, негодяй Жюно, опять проигрался?

— Мне чертовски не везло, государь! — отвечал старый товарищ императора фамильярно. — Уверю вас, что четыре раза кряду убили мою карту!

— Ах, ты, глупый ребенок! Никогда ты не будешь знать цены деньгам. Ну сколько ты должен?

— Сорок тысяч!

— Делать нечего, ступай к Леброну. Он устроит твое дело. Что там ни говорят, а мы вместе с тобой были под Тулоном.

— Тысячу раз благодарю вас, государь!

— Довольно. Ты знаешь, что ты, Рап и Ласаль — баловни всей армии. Но, смотри, негодяй, больше в карты не играть. Послушайте, госпожа Пикар, я не терплю очень декольтированных платьев. Они портят самых хорошеньких женщин, но для вас это просто

скандал. Жозефина, я уйду теперь в свою комнату, и ты можешь прийти ко мне через полчаса и почтить мне, пока я засну. Я сегодня устал, но все-таки явился на твой вечер, так как ты желала, чтобы я помог тебе в приеме гостей. Оставайтесь здесь, господин де Лаваль, мне вы более не нужны, а если явится надобность, то я пришлю за вами.

Дверь затворилась за ним, и в зале все легко вздохнули, начиная от императрицы до последнего лакея. Снова послышались веселая болтовня, громкий смех и шелест карт, как было до той минуты, как Наполеон явился, чтобы помочь жене в приеме гостей.

XVI

В замке Гробуа

Я быстро приближаюсь к концу своего рассказа о моих приключениях по прибытии во Францию, и признаюсь, что если они могут иметь какой-либо интерес для читателя, то лишь потому, что над ними лучезарно парит великая фигура императора. Перед ним, перед его действиями и словами моя скромная личность совершенно ступшевуется, и мне как-то стыдно говорить о себе и о том, что случилось со мной. Впрочем, если бы я не начал рассказа о себе, то не было бы случая сказать и об императоре, а потому читатель должен терпеливо последовать за мной на Красную мельницу, а затем и в замок Гробуа.

Спустя два дня после приема у императрицы Жозефины наступил срок, данный Сибилле для поимки страшного Туссака. Что касается лично меня, то я несколько не заботился о том, чтобы она спасла своего презренного жениха, но меня так глубоко трогала эта бедная и великодушная девушка, что я готов был помочь ей в ее предприятии, хотя несколько ему не сочувствовал. Поэтому произошла борьба различных чувств, когда я вечером неожиданно увидел, что в комнату, занимаемую мной в Булони, вошли Сибилла и генерал Савари. Одного взгляда на ее раскрасневшиеся щеки и победоносно сверкавшие глаза было доста-

точно, чтобы убедиться, что она была уверена в своем успехе.

— Я вам говорила, что найду его, Луи! — воскликнула она. — И пришла прямо к вам, потому что вы обещали мне помочь.

— Ваша родственница настаивает, чтобы я не брал с собой солдат, — прибавил Савари, пожимая плечами.

— Нет! Нет! — отвечала она с пламенным оживлением. — В этом деле надо быть очень осторожным, и при виде первого солдата он снова скроется. Я не могу этим рисковать, у меня осталось слишком мало времени.

— Конечно, в таком деле трое полезнее тридцати, но я никогда и не взял бы большого числа солдат. Ну, да, быть по-вашему. Вы еще называли одного вашего друга?

— Жерара, поручика гусарского полка Бершени.

— Да, да! Во всей великой армии нет храбрее офицера, как Этьен Жерар. Нас троих хватит на любое приключение.

— Я к вашим услугам.

— В таком случае, — продолжал Савари, обращаясь к Сибилле, — скажите нам, где скрывается Туссак.

— На Красной мельнице.

— Но мы ее всю обыскали, и я уверяю вас, что его там нет.

— Когда вы производили там обыск?

— Два дня назад.

— Так он приехал туда потом. Я знала, что Жанна Порталь его любит, и зорко следила за ней целых шесть дней. Вчера ночью она ходила на Красную мельницу с корзиной, полной вина и фруктов. Все сегодняшнее утро она не спускала глаз с дороги на мельницу и дрожала от ужаса при появлении каждого солдата. Я убеждена, что Туссак на мельнице.

— В таком случае, нам нечего терять времени, — отвечал Савари. — Если мы пропустим сегодняшнюю ночь, то он, вероятно, убежит на берег, найдет себе лодку и спасется в Англию. Красная мельница на таком открытом месте, что действительно девица Бернак права, отказываясь брать с собой солдат.

— Каков же ваш план?

— Приходите через час к южным воротам лагеря в том самом костюме, в котором вы теперь, и мы вас с Жераром будем там ждать также переодетыми. За-

хватите с собой два пистолета, так как нам придется иметь дело с самым отчаянным головорезом всей Франции. О лошади не беспокойтесь, мы ее вам приготовим.

Заходящее солнце освещало бледным красным светом западный горизонт, и меловые гористые берега розовели вдали, когда я по уговору явился к воротам Булонского лагеря. Моих товарищей еще не было. Стоял только какой-то фермер высокого роста, в куртке с мелкими пуговицами, а немного далее виднелся молодой человек в одежде трактирного слуги; он также держал, но не одну, а двух лошадей, из которых я узнал одну. На этом коне я впервые ехал из замка Гробуа в лагерь. Тогда я пристально посмотрел на этих незнакомцев, и они мне приветливо улыбнулись. Это были Савари и Жерар.

— Я думаю, что мы в этих костюмах не возбудим никаких подозрений, — заметил первый. — Ну, отправимся в путь, а то ведь, пожалуй, и опоздаем.

Моя жизнь была переполнена различными приключениями, но это ночное предприятие занимает первое место среди них. По дороге я невольно всматривался в белевший в тумане берег Англии, где я провел столько тихих мирных лет, и сравнивал свою тогдашнюю спокойную жизнь с теперешней безумной попыткой арестовать самого страшного заговорщика во всей Франции. Только юная кровь, придающая силы и энергию, может решиться на подобное предприятие.

Оставив за собой гористую местность Булона, мы стали пробираться по окраине той болотистой равнины, по которой я странствовал в памятную для меня ночь высадки на французский берег, и наконец увидели по левую руку черный абрис замка Гробуа. Тогда по указанию Савари мы взяли вправо и, проехав некоторое время по изрытой колесами дороге, очутились перед старой ветряной мельницей, верхнее окно которой казалось облитым кровью под лучами заходящего солнца. У двери стояла телега, нагруженная мешками с зерном, возле которой выпряженная лошадь ела траву. Немного далее стояла женщина, которая, прикрыв глаза рукой, смотрела на морской берег.

— Он здесь! — воскликнул Савари. — Иначе эта женщина не караулила бы. Объедем вокруг мельницы по этой дороге, там холмы будут скрывать нас до последней минуты.

— Не лучше ли нам поскакать прямо через вересковую поляну? — заметил я.

— Нет, дорога будет трудная из-за кочек, и мы скорее доедем в обход.

Поэтому мы, как ни в чем не бывало, продолжали свой путь, но вдруг услышали громкий крик. Женщина забралась на один из окружающих холмов и подозрительно смотрела на нас. Очевидно, военная выправка моих товарищей поразила ее и, сорвав со своих плеч шаль, она стала быстро махать ею над своей головой. Савари молча прищпорил свою лошадь и поскакал к мельнице, а мы с Жераром спешно последовали за ним.

Мы находились в ста шагах от нее, как из двери выскочил человек с широкой грудью и громадной головой. Это был Туссак. Одним взглядом он убедился, что не может убежать от наших лошадей, а потому бросился обратно на мельницу, шумно захлопнув дверь.

— В окно, Жерар! Скорее в окно! — воскликнул Савари.

На нижнем этаже, действительно, было небольшое четырехугольное окно, и молодой гусар, соскочив с лошади, прыгнул в него с ловкостью клоуна. Через минуту он открыл нам дверь, но лицо и руки его были окровавлены.

— Он скрылся наверх по лестнице! — закричал Жерар.

— Так нам нечего торопиться, — отвечал Савари. — Он нас не минует. Вы молодец, Жерар. Надеюсь, что вы не серьезно ранены?

— Нет, генерал, пустые царапины.

— А где мельник?

— Я здесь, — отвечал маленький человек, показавшийся неожиданно у двери. — Как вы смеете, разбойники, так являться в мой дом? Я спокойно читал газету и курил трубку, как вдруг окно разлетелось вдребезги, а какой-то негодяй влетел в комнату и отворил дверь своим товарищам. Мне и так надоел один жилец, а тут навязываются еще новых трое.

— У вас в доме заговорщик Туссак.

— У меня нет никакого Туссака, а моего жильца зовут Морис, и он торговец шелковыми материями.

— Его-то нам и надо! Мы явились сюда по приказанию императора.

Лицо мельника вытянулось, но он спокойно продолжал:

— В сущности я не знаю, кто он такой, но он предложил мне хорошую цену за ночлег, и я у него ничего более не спрашивал. В теперешнее время нельзя требовать от каждого жильца свидетельства о нравственности. Но, конечно, если действуете именем императора, то я не стану вам мешать, хотя он был очень спокойный господин до получения письма.

— Какого письма? Говори всю правду, а то, смотри, негодяй, ты ответишь своей головой.

— Я могу сказать только то, что знаю. Письмо принесла ему какая-то женщина, и с тех пор он стал беситься, громко грозя кому-то смертью. Право, я был бы очень рад, если бы он убрался отсюда.

— Ну, господа,— произнес Савари, обнажая саблю,— оставим здесь лошадей и вступим с ним в переговоры. Верхнее окно отстоит от земли на сорок футов, и выскочить он не может, значит, должен будет сдаться.

Он вошел в дом, а мы с Жераром последовали за ним, взведя курки своих пистолетов.

Мы втроем взобрались по узенькой деревянной лестнице на чердак, который оказался пустым, но в углу его лежала груда соломы, на которой, конечно, спал Туссак, но теперь не видно было и следа грозного заговорщика. Мы поднялись по новой лестнице на следующий этаж, но дорогу нам преградила затворенная тяжелая дверь.

— Сдавайтесь, Туссак! — воскликнул Савари. — Вы напрасно будете сопротивляться. Вы от нас теперь не увернетесь.

За дверью послышался грубый хохот.

— Я не такой человек, чтобы сдаться,— отвечал хриплый голос по ту сторону двери,— но готов вступить с вами в сделку. Мне надо докончить одно дело сегодня ночью, и если вы оставите меня в покое, то даю вам слово, что сам приду завтра утром в ваш лагерь и добровольно сдамся. У меня есть должок, который я должен непременно заплатить, и только сегодня узнал, кому должен.

— Невозможно исполнить вашего желания.

— Но вы этим освободили бы себя от больших хлопот.

— Повторяю, это невозможно. Сдавайтесь!

— Берите меня, если можете.

— Полно, всякое сопротивление невозможно. Ну, друзья, наprite все разом!

В эту минуту раздался выстрел, и пистолетная пуля, вылетев из скважины дверного замка, вонзилась в противоположную стену. Мы припали плечами к двери, и она с треском распахнулась под нашими усилиями. Мы вбежали в комнату с оружием в руках, но она оказалась пустой.

— Куда он, дьявол, делся? — воскликнул Савари, озираясь по сторонам. — Это верхний этаж, и выше нет ничего!

Прямо против нас было открыто окно, и на подоконнике лежал дымящийся пистолет. Мы бросились к окну и вскрикнули от удивления.

Спрыгнуть на землю с такой высоты было невозможно, но Туссак воспользовался тем, что прямо под окном стояла телега с мешками, и смело бросился вниз. Но даже и при этих условиях удар при падении был так велик, что он лежал на мешках, тяжело переводя дыхание. Однако, услышав наш крик, он быстро спустился с воза, погрозил нам кулаком и, вскочив на лошадь Савари, поскакал по равнине.

Мы с Жераром выстрелили ему вслед, но промахнулись и, быстро сбежав вниз, вскочили на лошадей и понеслись за ним. Все-таки на это потребовалось столько времени, что Туссак казался вдали игрушечной фигурой. Все благоприятствовало ему: и наступившая темнота, и болота, по которым нам очень трудно его преследовать. Но он повернул в другую сторону и с каждой минутой все более и более отдалялся от болота — единственного его спасения. Мы никак не могли понять его цели и смотрели друг на друга с удивлением.

Хотя у нас всех лошади были одинаково хорошие, но я и Жерар были легче, а потому в конце концов мы должны были настигнуть Туссака, и единственная для нас опасность была — потерять его из виду, а это было очень легко, так как мы постоянно огибали холмы, и он мог, благодаря знанию местности, исчезнуть за одним из них.

Так и случилось наконец. Он исчез за возвышенностью, а когда мы взобрались на вершину, то его и след простыл.

— Вон налево идет дорога! — крикнул Жерар. — Он, вероятно, поскакал к ней.

— Нет, — отвечал я, — направо тянется тропинка, и, конечно, он повернул в ту сторону.

— Так берите вы вправо, а я возьму влево.

— Погодите. Я слышу конский топот.

— Да, да, это его лошадь.

Действительно, из-за кустов выскочила лошадь генерала Савари, но без седока.

— Он нашел тут где-нибудь убежище! — воскликнул я.

Мы оба соскочили с лошадей и, ведя их под узды, побежали по тропинке, которая скоро привела нас к меловой ломке.

— Нигде нет и следа его, — воскликнул Жерар, — он спасся!

Но я в эту минуту неожиданно все понял. Очевидно, любимая женщина открыла ему измену моего дяди, и он решил отомстить. Вот почему он бесился, по словам мельника, просил у Савари отсрочку ареста и прискакал к этой меловой ломке, по всей вероятности, той самой, которая соединялась тайным проходом с замком Гробуа, о чем он узнал от дяди во время тайных встреч.

Я стал старательно отыскивать отверстие в тайный подземный проход, и после долгих усилий это мне удалось. Между тем, Савари догнал нас пешком, и мы все углубились в подземелье. Так как я плохо знал дорогу, и кругом нас была кромешная тьма, мы с трудом продвигались, а Савари на каждом шагу останавливался и постоянно спрашивал, долго ли нам пробираться.

— Ш-ш! — произнес, наконец, Жерар. — Я что-то слышу впереди.

Мы все притаили дыхание, и действительно вдали раздался стук открывшейся двери.

— Скорей, скорей! — воскликнул Савари. — Негодяй нас обогнал, но ему теперь не уйти.

Я, однако, сомневался в успехе нашей погони, так как помнил, что дядя открыл тяжелую железную дверь с помощью какого-то секрета. Поэтому, если Туссак так же открыл ее, то значит, он знал секрет, и, закрыв ее за собой, он окончательно преграждал нам путь. Но, к счастью, мы не успели сделать и несколько шагов, как перед нами в окружающем мраке показалось свет-

лое пространство. Дверь была открыта. Туссак, очевидно, был так поглощен мыслью о мести, что не думал о погоне.

Мы слышали впереди быстрые шаги Туссака, и сами старались изо всех сил настигнуть его. Но он намного опередил нас, и когда мы очутились наконец в стенах замка Гробуа, где горела лампа, то по близости раздался крик ужаса.

— Он его убивает! Он его убивает!.. — закричал кто-то, и в переднюю вбежала служанка. — Помогите, он убивает господина Бернака!..

— Где он? — спросил Савари.

— В библиотеке, вон дверь, за зеленой портьерой.

Снова раздался дикий вопль, но на этот раз за ним следовал глухой стон. Мы бросились к указанной комнате и в ужасе остановились на пороге.

По-видимому, мой дядя сидел за письменным столом, спиной к двери, в ту минуту, когда вошел убийца. В первый раз он закричал, вероятно, заметив странное лицо Туссака, а во второй — когда руки убийцы обвились вокруг его шеи. Он так и не переменял своего положения, но голова его была совершенно свернута, так что лицо очутилось над спиной.

Возле него стоял Туссак и с торжествующим видом воскликнул:

— Ну что, друзья? Опоздали. Я все-таки уплатил свой долг.

— Сдавайтесь!

— Прочь! — произнес Туссак, отмахиваясь руками: — я вам живым не дамся.

Он схватил тяжелый стул и бросился на нас. Мы выстрелили из пистолетов. Туссак, несмотря на полученные раны, размахнулся стулом, однако, не рассчитал удара и только сломал его. Потом он дико заревел, набросился на Савари, свалил его на пол и схватил одной рукой за шею. Я и Жерар всеми силами старались отбить у него товарища, но Туссак был так силен, что мы втроем не могли с ним справиться. Кровь лилась из него ручьем, и он стал ослабевать. Еще одно последнее усилие с его стороны, и он освободился бы от нас, но ноги его подкосились, и Туссак грохнулся на пол. Мы с трудом переводили дыхание и ждали, что вот он вскочит и снова бросится на нас. Но он лежал неподвижно. Все было кончено. Перед нами был не страшный Туссак, а его труп.

Савари, бледный, как смерть, медленно пришел в себя.

— Я точно освободился от лап медведя, — промолвил он. — Ну, как бы то ни было, Франция освободилась от одного из опаснейших людей, а император — от могучего врага. И все-таки это был молодец.

— Какой бы из него вышел солдат! — прибавил Жерар. — Вот бы вахмистр для вашего полка. Но он, должно быть, был глуп, так как иначе не восставал бы против императора.

Что касается меня, то я опустил в кресло; голова кружилась, и нервы были так расшатаны, что я не мог промолвить ни слова.

Савари дал нам обоим глотнуть коньяку из своей фляжки и потом, сорвав с окна портьеру, прикрыл им страшную фигуру дяди.

— Нам тут нечего более делать, — сказал он, — мне надо поскорее вернуться к императору и доложить ему о случившемся. Но нам надо захватить все бумаги Бернака, так как они могут касаться этого и других заговоров.

С этими словами он взял со стола разбросанные на нем бумаги и, между прочим, письмо, которое писал Бернак перед неожиданным появлением Туссака.

— Это что такое! — воскликнул Савари, взглянув на письмо. — Да наш приятель, Бернак, оказывается, также был опасным человеком. Послушайте-ка, что он писал: «Любезный Катул, пришлите мне, пожалуйста, с первой почтой склянку с синильной кислотой. Мне она нужна на будущей неделе, поэтому исполните поскорей мою просьбу, а вы можете рассчитывать на мою протекцию у императора всегда, когда это вам только понадобится». Письмо адресовано аптекарю в Амьен, — прибавил Савари. — Значит, этот почтенный господин вдобавок к своим другим добродетелям был еще отравителем. Но удивляюсь, для кого ему понадобился этот яд?

— И я удивляюсь, — промолвил я.

Он все-таки был мой дядя, расчеты его с жизнью были закончены, и не для чего было мне открывать этой тайны.

Савари прямо отправился в Пон-де-Брик к императору с донесением, а я и Жерар вернулись ко мне на квартиру, где и распили бутылку вина. К моему удивлению, мы не нашли там Сибиллы, она исчезла, не оставив о себе ни малейшего следа.

На следующее утро, очень рано, меня разбудил посланный от императора.

— Его величество желает вас тотчас видеть, господин де Лаваль, — сказал он.

— Где?

— В Пон-де-Брик.

Я знал, что быстрота в исполнении его приказаний была лучшим средством заслужить милость императора, и через десять минут я уже был в седле, а через полчаса входил в замок. Меня прямо провели в одну из комнат верхнего этажа, где я застал императора и Жозефину. Она полулежала на диване в прелестном розовом пеньюаре, украшенном кружевами, а он ходил по комнате в белом сюртуке и турецких туфлях, придававших ему вид вест-индского плантатора. От него сильно пахло одеколоном, а потому можно было заключить, что он только что вышел из ванны. Он находился в прекрасном расположении духа, а Жозефина служила, как всегда, его отражением, и оба они встретили меня самой приветливой, добродушной улыбкой.

— Вы прекрасно дебютировали в роли моего адъютанта, — произнес император. — Савари мне все рассказал, и, признаюсь, лучше нельзя было устроить это дело. Мне самому не время думать о таких пустяках, но жена будет спокойнее спать, зная, что Туссака нет более в живых.

— Да, да! Это был страшный человек, вроде Жоржа Кадудая! — воскликнула императрица.

— Меня охраняет моя звезда, Жозефина, — прибавил Наполеон, глядя рукой ее волосы. — Ничто не может мне повредить, пока я не совершу всего, что мне предназначено. Арабы верят в судьбу, и они правы.

— Так зачем же ты составляешь планы, Наполеон, если все решает судьба?

— Глупая. Да судьбе угодно, чтобы я составлял планы, и чтобы у меня был такой ум, который способен на составление планов. Но, зная, что все зависит от судьбы, я никогда не планирую ничего далее, как на два года. Вот, господин де Лаваль, я сегодня утром составил план событий, которые произойдут осенью и зимой 1807 года. Но вернемся к вашему делу: признаюсь, ваша двоюродная сестра ловко все устроила. Она славная девушка, и жаль отдавать ее такому негодяю, как Люсьен Лесаж, который вот уже целую неделю умоляет о пощаде. Не правда ли, он ее не стоит?

Я не мог с этим не согласиться.

— Так всегда бывает с женщинами,— продолжал Наполеон.— Они — идеалистки и мечтательницы, вечно руководимые своим воображением. Они походят на жителей Востока, которые воображают, что полководец должен быть непременно громадным и сильным человеком. Вот я никак не мог уверить египтян, что я лучший полководец, чем Клебер, который их поражал своим ростом и красивым лицом. Вот то же повторяется и с Лесажем, которого ваша двоюродная сестра воображает героем потому только, что у него овальное лицо и телячьи глаза. Как вы думаете, она разлюбила бы его, если бы увидела в настоящем свете?

— Я в этом убежден. Насколько я ее знаю, она не может выносить грубости и подлости.

— Вы говорите с большим жаром. Уж не пленились ли вы красотой вашей двоюродной сестры?

— Нет, ваше величество, я уже вам говорил...

— Так ведь та красавица за морем, и после того много чего случилось.

В эту минуту в комнату вошел Констан и доложил:

— Привели, ваше величество.

— Хорошо. Пойдемте в другую комнату, и ты, Жозефина, иди с нами, потому что это более твое дело, чем мое.

Комната, в которую мы вошли, была небольшая и узенькая. С одной стороны виднелись два окна, полузакрытые портьерами. У противоположной двери стояли Рустем и тот самый человек, о котором мы только что говорили. При виде императора Люсьен Лесаж вздрогнул и бросил на него умоляющий взгляд.

— Ну, молодец,— сказал Наполеон, останавливаясь перед ним и складывая руки за спиной,— вы обо-

жгли свои пальцы и, полагаю, больше не будете касаться огня; или, может быть, вы намерены продолжать свою политическую карьеру?

— Если, ваше величество, простите меня, — промолвил Лесаж, — то я торжественно обещаю верно служить вам до гробовой доски.

— Гм!.. — произнес император, доставая из табакерки щепотку табаку и роняя его на свою белую одежду. — Действительно, из человека, пережившего большой страх, выходит самый лучший слуга. Но, смотрите, я очень требователен.

— Я на все готов, если только ваше величество простите меня.

— Вот, например, — продолжал Наполеон, — у меня есть привычка женить людей, находящихся на моей службе. Вы против этого ничего не имеете?

Лицо Лесажа выразило внутреннюю борьбу.

— Могу я спросить, ваше величество?

— Ничего вы не можете спрашивать.

— Но ведь есть обстоятельства, ваше величество...

— Довольно! — резко воскликнул император. — Я не рассуждаю, а приказываю. Я желаю найти мужа для девицы Бержеро. Хотите вы быть ее мужем или вернуться в тюрьму? Выбирайте.

Снова на лице Люсьена появилось колебание, и он не был в состоянии произнести ни слова.

— Довольно! — произнес император. — Рустем, позови солдат.

— Нет! Нет! Ваше величество, не посылайте меня обратно в тюрьму!

— Рустем, солдат!..

— Я на все согласен, ваше величество. Я женюсь на ком вам угодно.

— Подлец! — воскликнул какой-то голос, и Сибилла вышла из-за портьеры, полускрывавшей одно из окон.

Она была бледна как полотно, от гнева, а глаза ее сверкали презрением. Она забыла обо всем, не помнила о присутствии императора и императрицы, а видела перед собой только недостойный предмет своей любви.

— Мне говорили, что вы за человек, — воскликнула она, — но я не хотела и не могла верить! Я не думала, что на свете возможна подобная низость. Мне взялись доказать, что вы подлец, и я ручалась за вас; но вы

видите, как я ошиблась. Слава Богу, что я вовремя узнала всю правду. И подумать, что я ради вас предала смерти человека, который во сто раз лучше. Но Туссак отомщен, а я дорого заплатила за свою ошибку.

— Довольно! — произнес резко император. — Констан, проводите девицу Бернак в соседнюю комнату. Что касается вас, — прибавил он, обращаясь к Лесажу, — то я не могу приговорить ни одну из молодых девушек при моем дворе к браку с таким человеком, как вы. Достаточно того, что вы выставили себя в настоящем свете, и бедная ваша невеста вылечилась от своего безумного увлечения. Рустем, уведи узника.

Император прошелся раза два по комнате и потом сказал:

— Ну, господин де Лаваль, мы обделали недурное дельце между кофе и завтраком. Это была твоя идея, Жозефина, и ты можешь ею гордиться. Но, де Лаваль, вы заслужили награду за тот пример, который подаете всем молодым аристократам, и за ваше геройское участие во вчерашнем подвиге.

— Я не желаю никакой награды, — отвечал я, смутно предчувствуя грозившую мне беду.

— Вы говорите это из скромности, но я решил достойно вас вознаградить, назначив вам хорошее содержание и женив на одной из фрейлин императрицы.

— Но, ваше величество, это невозможно, — промолвил я со стесненным сердцем.

— Вам нечего сомневаться в моем выборе. Молодая девушка прекрасного семейства и обладает всеми качествами... Одним словом, это дело решенное, и свадьба назначена на четверг.

— Это решительно невозможно! — говорил я.

— Невозможно? Такого слова я не допускаю на своей службе. Я вам говорю, это дело решенное.

— Я люблю другую и не могу изменить ей!

— В таком случае, вы не можете оставаться на моей службе, — произнес холодно император.

Все мои надежды должны были рухнуть, но я не мог иначе поступить, и потому сказал взволнованным голосом:

— Это самая горькая минута в моей жизни, но я не могу изменить моему слову и скорее буду просить милостыню на больших дорогах, чем женюсь на ком-нибудь другом, кроме Евгении Шуазель.

— Однако, господин де Лаваль, — сказала императрица, — прежде, чем решиться на такой важный шаг, вы лучше бы взглянули на мою фрейлину, от руки которой так презрительно отказываетесь.

И подойдя ко второму окну, на котором портьера была еще полузадернута, Жозефина отдернула ее и обнаружила молодую девушку, которая смотрела на меня смеющимися глазами.

Это была моя Евгения, и я, забыв, где находился, подбежал к ней, схватил ее в свои объятия и осыпал поцелуями.

— Пойдем отсюда, Наполеон, — промолвила императрица, — я не могу смотреть на их счастье: оно слишком напоминает мне наши старые дни на улице Шартрэн.

На этом кончается мой роман, и как все планы императора тогда неминуемо исполнялись, то и моя свадьба произошла в четверг. Конечно, этим браком Наполеон хотел окончательно утвердить меня на его службе и привлечь к своему двору представительницу исторического рода Шуазель.

Что касается Сибиллы, то я когда-нибудь расскажу, как она вышла замуж много лет спустя за Жерара, который сделался бригадным генералом и одним из самых лихих кавалеристов империи. Быть может, я также когда-нибудь расскажу, каким образом я вступил во владение замком Гробуа. Но теперь довольно обо мне. Рассказ о моих приключениях, вероятно, надоел читателю.

Относительно же императора, образ которого я старался хоть бегло начертать на этих страницах, из истории известно, что, потеряв надежду овладеть Ла-Маншем и не решаясь высадить большую армию на берегах Англии, он в конце-концов покинул Булонский лагерь. Известно также, что ту самую армию, которую он предназначал для покорения Англии, Наполеон двинул против Австрии и России, а в следующем году против Пруссии.

С тех пор и до той минуты, когда его звезда померкла, я верно служил ему, и, однако, теперь под старость, вспоминая обо всем, что видел и слышал, все же затрудняюсь сказать положительно, был ли он очень хорошим человеком, или очень дурным. Одно только

я знаю, что он был великий человек и что он совершил великие дела, а потому невозможно применять к нему обычного мерил. Судьба его возвысила, судьба его и стерла с лица земли, но до сих пор память о маленьком человечке в сером сюртуке и треуголке живет, переходя из поколения в поколение.

Много написано в его похвалу и много против него, но я не говорил ни того, ни другого, я старался только передать то впечатление, которое он произвел на меня, когда я его впервые увидел в Булонском лагере.

ЧАРЛЬЗ МАЙОР

В РАСЦВЕТЕ
РЫЦАРСТВА

Э то было весной 1509 года, когда его величество король Генрих VIII взошел на трон Англии и предложил мне занять почетный пост руководителя королевскими развлечениями при своем пышном дворе.

С этой должностью почти или — вернее — вовсе не было связано никакого вознаграждения, но благодаря дедушке-ювелиру я был обеспечен крупным состоянием и мог не заботиться об этой стороне вопроса: я с восторгом довольствовался почетностью своей должности. Это назначение давало мне возможность находиться в близком соприкосновении со всем королевским двором, не исключая и первых женщин страны — самого лучшего общества для мужчины, так как женщины облагораживают его дух лучшими мыслями и пробуждают его сердце к чистейшим стремлениям. Это был пост достойный любого дворянина в стране.

Я провел четыре-пять лет на этом посту, когда пришло известие, что в Суффольке состоялась кровавая дуэль. Говорили, что в поединке уцелел только один из четырех дуэлянтов. В сущности уцелели двое, но состояние одного из них было ужаснее смерти.

Первым из уцелевших был сын сэра Уильяма Брендона, а вторым — некий сэр Адам Джюдсон. Рассказывали, что юный Брендон и его старший брат, только что вернувшись с войны на материк, встретили в одном из ипсвичских кабаков сэра Джюдсона, и тот выиграл у них значительную сумму денег. Несмотря на свою молодость — старшему брату было двадцать шесть лет, младшему, Чарльзу, двадцать четыре, — братья стяжали на войне большую славу и крупное состояние. Было слишком тяжело одним ударом проиграть в кости то, что досталось с таким трудом. Однако Брендоны были достаточно умны, чтобы с достоинством примириться с неудачей. Но вдруг однажды стало известно, что

Джюдсон попросту плутовал в игре. Брендоны подождали, пока им не удалось проверить это, а на следующее утро состоялась дуэль, следствием которой было столько несчастий.

Про этого Джюдсона знали очень немного. Он был шотландским дворянином, слыл опаснейшим забиякой своего времени и любил хвастать, что, дравшись во семьдесят семь раз на дуэли, убил семьдесят пять противников. Сцепиться с ним — значило пойти на верную смерть.

Однако это не испугало Брендонов. Я передаю здесь историю дуэли в том виде, как узнал ее впоследствии от Чарльза.

Джон, как старший брат, отстаивал свое право драться первым. Братья отправились в назначенный час с отцом к месту поединка, где их уже ждал Джюдсон с секундантами.

Было туманное мартовское утро. В самом начале боя стало ясно, что старший Брендон превосходит своего противника по силе и ловкости. Однако через несколько ударов клинок Джона согнулся и сломался по самую рукоятку. Джюдсон со спокойной, злорадной, победоносной улыбкой нацелился прямо в сердце противника и пронзил его своей шпагой; не довольствуясь этим, в дикой кровожадности злодей еще повертел клинком в ране!

Тогда сэр Уильям сейчас же обнажил оружие и стал на место павшего сына, чтобы отомстить за него. Но и его шпага сломалась при ударе, который должен был быть смертельным, и отец пал так же, как сын!

Теперь черед пришел юному Чарльзу. Бесстрашно глядя в глаза верной смерти, двинулся Чарльз на врага. Он отлично сознавал, что Джюдсон слабее в бою, чем он, как был слабее его брата и отца, но рука этого человека несла смерть, несмотря ни на что!

Неудачный поворот Джюдсона дал юному Брендону возможность нанести противнику смертельный удар, но и тут опять клинок согнулся, не проникнув вглубь. Только теперь оружие не сломалось, и Чарльз понял: у Джюдсона под рубашкой была кольчуга!

Теперь Брендон был уверен в своей победе, он знал, что подлый убийца связан в своих движениях, и именно на этом построил свою дальнейшую тактику. Не нападая, ограничиваясь защитой, Чарльз стал ждать, когда Джюдсон устанет; тогда-то он сам отомстит за брата

и отца и убьет Джюдсона, как ему заблагорассудится!

В самом деле его противник начал дышать все тяжелее и тяжелее, наносимые им удары слабели.

— Молодой человек! — воскликнул он. — Я хотел бы пощадить тебя! С меня уже довольно убитых членов твоей семьи! Вложи меч в ножны, мы помиримся!

Брендон ответил:

— Трус! Ты погиб с той минуты, как твои силы ослабели! Если ты попытаешься бежать, я уложу тебя на месте, как собаку! Я не стану ломать оружие о твою кольчугу, а подожду, пока ты не упадешь от истощения! Ну, нападай, собака!

Джюдсон был бледен от усталости, и его хриплое дыхание прерывисто вырывалось из груди, когда он пытался увильнуть от ударов, немилосердно сыпавшихся на него. Наконец, Брендону удалось ловко выбить у Джюдсона оружие из рук. Джюдсон сначала сделал попытку спастись бегством, но сейчас же повернулся снова к противнику и упал на колени, умоляя пощадить его жизнь.

Вместо ответа стальной клинок Брендона молнией прорезал воздух и рассек острием лицо Джюдсона: глаза и нос. Этим шотландец был ослеплен и обезображен на всю жизнь; смерть в сравнении с такой местью была бы милосердием!

Эта дуэль вызвала большую сенсацию во всем королевстве, потому что слава Джюдсона, как дуэлянта, была хорошо известна. Поэтому при дворе много говорили об этом происшествии, и таким образом Чарльз Брендон стал сразу предметом оживленных толков. Интерес к нему возрос еще более, когда лучшие рыцари, вернувшиеся с войны, стали превозносить его отвагу и искусство.

У Чарльза был при дворе дядя, сэр Томас Брендон, шталмейстер короля. Сэр Томас счел момент удобным, чтобы представить племянника ко двору. Генрих дал свое согласие, и Чарльз Брендон, ведомый десницей судьбы, прибыл в Лондон.

II

Мы все были уверены, что юный Брендон скоро добьется благоволения короля. Какие отличия и почести могли ожидать героя, нельзя было представить

себе заранее, так как, широко пользуясь неограниченностью своей власти, король раздавал чины и должности, как ему заблагорассудится. Бывало, король, придя в восхищение от мускулатуры простого солдата, оказывал ему честь, избирая его своим товарищем по турнирному бою. Остроумие и находчивость Генрих VIII тоже чрезвычайно ценил, и счастливчик, одаренный этими качествами, получал выдающуюся придворную должность, удерживавшую его в непосредственной близости к королю. Я тоже был одарен природным остроумием и потому могу льстить себя надеждой, что в кругу королевских собутыльников был не последним.

Король благоволил ко мне по разным причинам. Во-первых, я не брал ни полущки из его кассы; во-вторых, отличался хорошими манерами, которые — смею утверждать это, не боясь показаться хвастуном, — были гораздо тоньше и приятнее, чем у большинства английского общества того времени.

Столица Франции была центром образованности и воспитанности, и я поставил себе за правило ежегодно проводить там несколько недель. Этому-то я и обязан своей придворной должности. Правда, король был очень привязан к моему брату, баронету, но последний никогда не мог простить мне, что отец обеспечил мне изрядный доход, а не завещал всего состояния целиком перворожденному. Я был мал ростом и не мог меряться с рослыми мужами в воинских играх. Зато — говорю об этом совершенно открыто, да и кто не стал бы хвалиться этим? — на мою долю доставалась не одна сладкая улыбка, не один пламенный взгляд красавицы, по которой тщетно страдал иной прославленный турнирный боец.

О прибытии Брендона в Лондон мне стало известно не сразу. В то время мы все находились в Гринвиче, тогда как король ссорился в Вестминстере с парламентом, заседавшим по вопросу об ассигнованиях на новые субсидии.

Принцесса Мэри, любимая сестра короля, гостила в Виндзоре у своей сестры Маргариты Шотландской. В то время ей было восемнадцать лет, и она как раз собиралась развернуться из очаровательнейшего бутона в дивный цветок.

В дни, когда Брендон был представлен королю, произошел турнир, устроенный Генрихом в ознаменование одного из парламентских постановлений, благо-

приятных для его королевских финансов. Король приготовил для этого турнира специальный сюрприз.

На турнир была приглашена королева со своими дамами, да и принцесса Мэри должна была прибыть из Виндзора, чтобы затем отправиться с королем и всем двором в Гринвич.

Не могу не привести здесь описание этого турнира, запечатленного всеми летописцами того времени.

В назначенный день королева со своими дамами отправилась на турнирный плац. Послышались звуки фанфар и появилось большое количество рыцарей и дворян, одетых в драгоценные парчовые и пурпурные одеяния, усеянные драгоценными камнями, и ведущих на поводу богато оседланных коней. За ними следовали оруженосцы в кирпично-красном и желтом шелке в ярко-красных чулках и желтых шапочках. Затем появился король под балдахином из золота и расшитого пурпуром бархата. За ним следовали три боевых сотоварища короля, каждый тоже под балдахином. За балдахинами ехали двенадцать пажей в разноцветных костюмах; чепраки их коней были богато расшиты шелками в цвет одеяния пажей.

Когда все они собрались на турнирном плацу, на арену выехал неизвестный рыцарь в развевающемся одеянии из пурпурного атласа. С глубоким поклоном рыцарь передал королеве прошение, в котором молил о милостивом разрешении принять участие в турнире в ее честь. Его просьба была милостиво удовлетворена. Тогда рыцарь скинул свой плащ и оказался в полном боевом снаряжении. Раздались призывы герольдов, и вскоре земля задрожала под копытами лошадей. Было бы трудно перечислить все военные игрища, совершенные в этот день. Король был в великолепном расположении духа. Как он, так и неизвестный рыцарь стяжали первые призы этого дня.

Так повествует об этом турнире летописец.

Когда королева дала неизвестному разрешение биться в ее честь и он дал шпоры своему коню, на дамских местах раздались громкие аплодисменты, так как даже блестящее появление на арене самого короля не могло затмить прекрасный вид и благородную осанку неизвестного. Волосы рыцаря ниспадали темными волнистыми прядями на плечи, как в то время было в моде во Франции. Его глаза были темно-синие, а лицо, хоть и обветренное и загорелое, могло вызвать зависть

любой девушки своей нежностью. Он не носил бороды, и его благородный профиль с изящно очерченным носом свидетельствовал о кротости, доброте, храбрости и силе.

Я стоял около королевы, и она сказала мне:

— Кто этот прекрасный незнакомец, так изящно просивший наше разрешение на бой?

— Не могу сообщить вашему величеству никаких сведений. Я тоже вижу его в первый раз, и мне кажется, что это — прекраснейший рыцарь, какого я когда-либо встречал!

— Это бесспорно так! — ответила королева. — Нам очень хотелось бы познакомиться с ним. Что скажут на это мои дамы?

Ответом королеве был общий ропот одобрения. Обещав сообщить после турнира все, что мне удастся узнать относительно неизвестного рыцаря, я удалился.

Принцессу Мэри тоже заинтересовал этот рыцарь, и она обратилась ко мне за сведениями. Когда же я не смог дать ей таковые, она спросила короля:

— Братец, скажи, кто твой новый боевой товарищ?

— Это — секрет, красавица-сестренка! — пошутил Генрих. — Но ты без сомнения скоро все разузнаешь и уж наверное влюбишься в него! Императоры и короли тщетно добивались твоего благоволения, а если я был их ходатаем, то недоступная крошка отказывала во что бы то ни стало! Неизвестный рыцарь, способный возбудить королевское противоречие, необыкновенно вырастет в твоих глазах. Но берегись!

— А разве неизвестный кажется тебе неподходящим? — спросила Мэри с лукавой улыбкой и сверкающими глазенками.

— Разумеется, нет! — ответил король.

— Ну, тогда я сейчас же влюблюсь в него! Мне даже кажется, что я уже начинаю любить его!

— О, в этом я не сомневался ни минуты! Если бы я предназначил его для тебя, то, будь он самим Аполлоном, ты все-таки не захотела бы его!

— Не соблаговолите ли вы сказать мне по крайней мере, какого он звания? — продолжала Мэри поддразнивающим тоном.

— Да никакого! Это — простой солдат без титула, даже не рыцарь, по крайней мере, не английский. Кажется, он принадлежит к какому-то испанскому или немецкому рыцарскому ордену!

— Не герцог, не граф, даже не барон и не рыцарь? — улыбаясь, промолвила принцесса. — Теперь он и в самом деле начинает интересоваться мной!

— Похоже на то. Но оставь меня в покое!

— Примет он сегодня вечером участие в танцах?

— Ну, конечно, нет! — ответил король.

Празднество кончилось банкетом и танцами.

На следующее утро все мы, кроме принцессы Мэри, отправились в Гринвич. Через день после этого я вернулся в Лондон и навестил канцлера Вольсея, чтобы взять у него для чтения одну книгу. Там мистер Кавендиш, секретарь Вольсея, представил мне прекрасного незнакомца, который оказался Чарльзом Брендонном, героем кровавой дуэли в Суффолке. По нежному виду юноши трудно было бы предположить в нем такого героя, если бы пламенный взгляд не выдавал, что в его душе отвага и храбрость царили наряду с кротостью.

Мы оба сразу почувствовали какое-то родство душ, верный предвестник истинной дружбы. Общность вкусов, среди которых любовь к чтению, образовала между нами особенно сильную духовную связь, быстро сделала нас друзьями. И Брендон тоже пришел к Кавендишу затем, чтобы выбрать в его богатой библиотеке несколько книг и взять их на время с собой в Гринвич.

Прибыв туда, мы разыскали дядю Брендона, шталмейстера. Тот пригласил племянника поселиться у него, однако Чарльз предпочел стать моим гостем.

На следующий день Брендон был назначен капитаном королевской гвардии и должен был всегда наготове принять приказание своего царственного повелителя, а следовательно, жить в замке. Чарльз постарался устроиться так, чтобы быть моим соседом. Наши спальни выходили в третью, которую мы употребляли в качестве общей приемной.

Здесь мы проводили часы нашего досуга за приятной болтовней и перечитыванием вслух лучших мест из наших книг. Мы говорили обо всем, что волновало наши сердца, и делились всеми секретами и тайными мечтами. Так, Брендон доверил мне свою мечту добыть столько денег, чтобы можно было освободить отцовское имение от долгов. Все движимое имущество Чарльз предоставил своим младшим сестрам, так как для раздела оно казалось слишком ничтожным. Он

хотел лишь выполнить эту задачу и потом направиться через море в Новую Испанию¹. Путешествия вокруг света великого Колумба были известны ему из книг, и будущее стояло в радужных красках перед его глазами. Казалось, что счастье уже улыбается Чарльзу. Но у роз имеются шипы.

III

К этому времени принцесса Мэри развилась в идеальную красавицу. Ее кожа была нежна как бархат: розоватый снег, пронизанный горячей кровью, подобно нежным, озаренным розоватым отсветом лепесткам розы-центифолии. Ее волосы были мягки как шелк и казались почти золотыми. Она была среднего роста и обладала формами, которым могла позавидовать сама Венера. Крошечные ручки и ножки казались созданными с единственной целью очаровывать мужчин, которые все без исключения лежали у ее ног. Но самым привлекательным в принцессе были сверкающие темно-карие глаза, переливчатым блеском горевшие из-под густых черных ресниц. Мягкий, звучный голос Мэри был богат вкрадчивыми интонациями, придававшими ему чарующую силу, если только, что тоже было не в редкость, этот голос не дрожал бешеным гневом. Своей вкрадчивостью Мэри могла добиться всего, чего угодно, и она отлично сознавала свою силу. Но просьбам принцесса отводила лишь самое последнее место, потому что, обладая темпераментом королевского рода Тюдоров, предпочитала приказывать во всех случаях, когда это было возможно.

Такова была эта царственная девушка, под чары которой вскоре должен был попасть мой друг Брендон.

Мэри прибыла в Гринвич лишь через несколько дней после турнира, а тем временем Брендон устроился при дворе. Его служба отнимала не так уж много времени, и мы могли уделять дружеским разговорам целые часы. В этих разговорах немалое место занимала леди Мэри. Я рассказывал Брендону, что знаю принцессу с двенадцатилетнего возраста, что она всегда относится ко мне с большой сердечностью и что однажды я истолко-

¹ Америку.

вал ее симпатию совершенно иначе, чем было на самом деле. Я, тщеславный болван, начал питать смелые надежды! Подобно всем тем, кого мощно притягивал к себе этот очаровательный магнит, я окончательно потерял голову и совершил бесконечную глупость, признавшись принцессе в любви!

Принцесса, в первый момент облекшаяся в броню царственной надменности, сменила затем гнев на милость и сказала:

— Оставьте же мне хоть одного доброго друга, сэр Эдвин, прошу вас! Я ставлю вас слишком высоко, чтобы потерять вас. Не будьте одним из тех дураков, которые возгораются ко мне подобной страстью или вбивают себе в голову, будто они влюблены. Любовь женщины нельзя вымолить, мужчина должен явиться завоевателем. Так давайте же останемся добрыми друзьями, и поклянитесь мне никогда больше не говорить об этой любви!

Я поклялся и, замечу здесь, действительно сдержал свою клятву.

— Если же вы ощущаете непреодолимую потребность любить, — продолжала принцесса, — то рекомендую вам леди Джен Болингброк. Она красива, достойна любви, относится к вам с уважением и со временем...

Но при этих словах леди Джен выскочила из-за занавесок, притаившись за которыми она слышала все, закрыла рукой рот своей повелительницы, чтобы заставить ее замолчать. В то же время она крикнула:

— Не верьте ничему из всего этого, сэр Эдвин, или я никогда не скажу вам ни одного доброго слова!

В ее словах чувствовалось такое пылкое признание, что я ответил:

— Конечно, принцесса ошиблась, так как я недостойн такого счастья.

Из этого ответа легко усмотреть, что я уже начал ухаживать за Джен, не успев как следует подняться с коленопреклонения перед Мэри. Для раны, нанесенной отверженной любовью, лучшим целебным средством является новая любовь, и мне сразу стало ясно, что хорошенькая, изящная Джен — приятнейшее противоядие от пережитой горячки!

Но добиться благосклонности Джен было не так легко, как рисовала мне моя самонадеянность. Мне приходилось быть сначала очень сдержанным, так как Джен слышала мое любовное признание принцессе,

и нужно было сначала изгладить впечатление от него и уверить Джен, будто моя любовь к принцессе Мэри была просто самообманом.

С той поры прошло около года. Рассказывая Брендону о происшедшем, я старался смягчить действительность, чтобы выставить себя в возможно лучшем свете. Точно так же, говоря о Джен, я намекал на такую интимность, которой между нами еще не было.

Когда стало известно, что принцесса приезжает в Гринвич, Брендон спросил меня:

— Да что это за удивительная Мэри, из-за которой поднимается такая суетня? Получено известие, что она сегодня прибудет, и весь двор словно сошел с ума. Повсюду только и слышишь: «Мэри едет! Мэри едет! Мэри! Мэри!» Говорят, что герцог Букингэмский без памяти влюблен в нее, но ведь, насколько мне известно, он женат и годится Мэри в отцы?

Я подтвердил это.

Тогда Брендон продолжал:

— Мужчина, способный наделать такие глупости из-за женщины, позорно слаб. Что за ничтожные создания — это ваши придворные!

— Подожди, пока ты сам увидишь эту Мэри, тогда и ты станешь одним из этих «ничтожных созданий»! — шутливо заметил я. — Могу дать тебе целый час на то, чтобы влюбиться в Мэри по уши, тогда как обыкновенному смертному достаточно на это одной шестидесятой части этого времени. Ты видишь, я возлагаю громадные надежды на твою стойкость!

— Чепуха! — возразил Брендон. — Неужели ты думаешь, что я оставил свой разум в Суффольке? Разве я не знаю, что Мэри — сестра короля и что ее помогают императоры и короли. Я мог бы с равным успехом влюбиться в мерцающую звезду. А кроме того я держу свое сердце в узде. Ты же принял меня за глупца, за бедного, недалекого парня, вроде... ну, вроде вот этих придворных! Нет уж, не ставь меня на одну линию с ними, Каскоден, если хочешь оставаться моим другом!

Наконец к великому торжеству всего двора приехала принцесса Мэри, и я деятельно старался познакомиться ее с Брендонем. При моих дружественных отношениях к принцессе это было нетрудно. Конечно Брендон не принадлежал к аристократии, он не был даже английским рыцарем, тогда как я был и тем, и другим. Но

тем не менее Чарльз происходил из очень древнего рода, которым Англия могла по праву гордиться, да и родственные узы связывали его с благороднейшими семьями Лондона. Помимо того, при тогдашнем дворе этикет соблюдался не особенно строго. Нередко бывало, что кто-нибудь из королевских друзей не только не имел по рождению права принимать участие в придворных развлечениях, но даже еще не был официально представлен их величествам, и тем не менее дело долго обходилось без этого формального штампа. Таким образом, и я не видел ничего невозможного в дружеском знакомстве Брендона с принцессой Мэри.

Их встреча состоялась скорее, чем я ожидал, но едва не приняла очень дурного оборота.

Это случилось на второе утро после прибытия принцессы Мэри в Гринвич. Мы с Бренденом бродили по дворцовому парку, как вдруг нам навстречу попала Джен. Я воспользовался случаем познакомиться между собой этих моих лучших друзей.

— Добрый день, мастер¹ Брендон! — сказала леди Джен и подала моему другу свою маленькую, беленькую руку. — Я очень много слышала о вас от сэра Эдвина, но уже начинала бояться, что буду лишена возможности познакомиться с вами. Надеюсь, что теперь я буду иметь возможность часто видеть вас и буду в состоянии представить вас своей повелительнице! — При этом леди Джен злорадно сверкнула глазами, словно желая сказать: «Еще один, у которого вскоре голова будет не на месте».

Обменявшись еще несколькими фразами, мы расстались, причем Джен убежала, сообщив, что принцесса ждет ее в другой части парка.

Вскоре после этого мы приблизились к беседке у мраморной пристани, где королева с несколькими дамами поджидала остальное общество для поездки по реке. Заметив нас, королева послала меня за принцессой Мэри, и Брендон сообщил ей, что леди Джен только что упомянула, что принцесса находится на другом конце сада. Тогда ее величество попросила Брендона разыскать принцессу и передать ей, что ее ждут.

Брендон сейчас же отправился в указанную сторону

¹ Обращение к лицу, не имеющему сана и звания.

и вскоре застал под тенистым дубом целый рой молодых девушек, сплетавших венки из весенних цветов. Чарльз никогда еще не видел принцессы; несмотря на это, он узнал ее с первого взгляда. Да и то сказать: ее нельзя было не заметить среди тысяч.

Однако из какого-то непонятого упрямого чувства противоречия Брендон не пожелал показать это. Все, что он слышал о чудесной власти принцессы над мужскими сердцами, о добровольном рабстве, с которым все кидались к ее ногам, преисполнило его душу желанием подразнить ее. Поэтому, приблизившись к группе молодых девушек, он грациозно снял шляпу и спросил с изящным поклоном, при котором локоны упали ему на лицо:

— Не имею ли я чести встретить среди дам принцессу Мэри? Я должен от имени и по поручению ее величества передать, что ее величество ожидает ее высочество!

Не поднимая головы, Мэри ответила:

— Разве принцесса Мэри имеет такое ничтожное значение при дворе, что какой-нибудь капитан гвардии не может узнать ее?

С молниеносной быстротой последовал ответ:

— Не могу сказать, какое значение имеет принцесса Мэри при дворе, да и в число моих обязанностей не входит устанавливать это. Но я уверен, что принцессы здесь нет, потому что иначе у нее без сомнения нашелся бы более любезный ответ для посланного самой королевой!

Сказав это, Чарльз собрался уйти прочь, и все дамы, не исключая Джен, подробно рассказывавшей мне потом об этом инциденте, ждали, что вот-вот разразится гроза, которая уже загоралась во взорах Мэри.

Действительно принцесса вскочила и крикнула:

— Наглец! Принцесса Мэри — я, и если у вас имеется поручение, то передайте его и ступайте своей дорогой!

Чем страстнее становился тон принцессы, тем хладнокровнее делался Брендон. Почти повернувшись спиной к принцессе, Чарльз сказал Джен:

— Не соблаговолите ли вы передать ее высочеству, что ее величество королева ожидает ее высочество у мраморной лестницы?

— Не к чему повторять мне это, Джен! У меня

у самой имеются уши, чтобы слышать! — крикнула Мэри, а затем, обратившись к Брендону, продолжала: — Если вашей наглости покажется удобным принять поручение от такой ничтожной особы, как сестра вашего короля, то прошу вас передать королеве, что я сейчас приду.

Брендон снова обратился к Джен, сказав с поклоном:

— Я просил бы еще вашу честь передать ее высочеству, что искренне сожалею, если провинился в невежливости. Как мог я узнать принцессу Мэри, раз мне не выпало счастья быть озаренным сиянием ее высокомиловостивого присутствия? Подумав немного, ее высочество наверное признает, что из нас двоих не я был невежлив и нелюбезен!

Поклонившись еще раз, Чарльз быстро ушел.

— Наглец! — крикнули некоторые дамы.

— Он заслуживает позорной казни! — произнесли другие.

— Ничего подобного! — возразила умная и храбрая леди Джен. — По-моему, не права леди Мэри! Не мог же он ни с того ни с сего узнать ее!

— Джен права! — согласилась принцесса, раздражение которой улеглось так же быстро, как и вспыхнуло. — Я сама заслужила это, потому что действовала, не подумав. Он поступил, как мужчина, и защищался, будучи им. В первый раз я встретила вполне настоящего мужчину. Ты, Джен, как будто знаешь его. Кто он? Расскажи нам! Королева может подождать.

Тогда Джен рассказала о страшном поединке Брендона с Джюдсоном, о его храбрости и приключениях на войне, о великодушном даре сестрам.

— Кроме того, — прибавила она, — сэр Эдвин уверяет, что Брендон — самый начитанный человек при дворе и самый храбрый и честный рыцарь во всем христианском мире!

Вслед за этим дамы направились к мраморной лестнице, и случай привел Брендона встретиться с ними. Чарльз хотел быстро юркнуть в сторону, но принцесса Мэри приказала Джен позвать его. Несмотря на некоторое сопротивление юноши, Джен все-таки привела его к принцессе и сказала:

— Вот, леди Мэри, представляю вам мастера Брендона. Если он хоть чем-нибудь обидел вас, то он смиреннейше просит о прощении!

В сущности такая просьба не входила в планы Брендона, но он не стал противоречить Джен, и награда не заставила себя ждать.

— Не мастер Брендон должен просить о прощении,— ответила принцесса,— я одна была не права и краснею при воспоминании о том, что наговорила. Простите мне, сэр, и давайте познакомимся снова! — и она, подойдя к Брендону, протянула ему руку.

Он рыцарски поцеловал ее, опустившись на одно колено, а затем сказал:

— Вам, ваше высочество, можно спокойно оскорблять людей, раз у вас такая прелестная манера мириться! Мне приходилось слышать, что сознание своей неправоты равно любезности!

Сказав это, Чарльз так пытливо посмотрел в глаза Мэри, что она невольно опустила их.

— Ах,— покраснев и мило улыбаясь, воскликнула она,— благодарю вас; вот это — истинный комплимент, не то, что все эти льстивые речи. Мы собираемся идти к королеве, не проводите ли вы нас, сэр?

Они пошли рука об руку, сопровождаемые роем смеявшихся и перешептывавшихся девушек.

— Наверное и вы ненавидите льстивые комплименты? — сказала Мэри.

— Не могу сказать, чтобы когда-нибудь их выпадало много на мою долю! — ответил Брендон с совершенно серьезным лицом, хотя и с трудом сдерживая улыбку.

— О, неужели нет? Ну, так понравилось ли бы вам, если бы вам каждодневно твердили, что Аполлон — горбатый урод в сравнении с вами, а Эндимион прикрыл бы свое лицо, увидев ваше, и так далее?

— Право, не знаю, но мне кажется, что это понравилось бы мне... в устах некоторых особ! — ответил Чарльз с невиннейшей физиономией.

Это звучало чересчур интимно после такого короткого знакомства и заставило принцессу с изумлением взглянуть на своего спутника, но невинное выражение его лица обезоружило ее.

— Ну, я не хотела бы довести дело до этого! — ответила Мэри, смеясь и искоса поглядывая на Брендона.— Но я сделаю вам более лестный комплимент, искренне поблагодарив за урок, который вы мне дали. О, вы не можете себе представить, как трудно быть принцессой, оставаясь в то же время доброй!

Лоб леди Мэри покрылся угрюмыми складками, и тихий вздох вырвался из ее груди.

— Это, конечно, очень трудно, если решительно все восхваляют нас даже за наши недостатки! — согласился Брендон и смело продолжал: — Сознаваться в своих недостатках всегда неприятно, но стоит нам только мужественно пойти на это, и мы вскоре справимся с самыми дурными сторонами своего характера. Искренне стремиться к добру — почти то же самое, что частично творить добро!

— О! — возразила принцесса. — Но что в действительности хорошо и что дурно? Часто мы не в состоянии сразу разобраться в этом, а когда озираемся на содеянное, то иной раз уже бывает слишком поздно!

— Чтобы легко разобраться в этом, существует очень простое правило, — ответил Брендон. — Помните одно: все, что делает других несчастливymi — плохо, а что делает их счастливее — хорошо. Как безошибочно пользоваться этим правилом, я не знаю. Нужно только пытаться следовать ему, и если даже иной раз вы и промахнетесь, то само стремление творить добро будет добродетелью.

Мэри опустила голову и в глубокой задумчивости пошла дальше.

— Мне уже не раз говорили это, — сказала она затем, — только ничего не помогает. Зло слишком глубоко засело во мне.

— Прошу извинить меня, ваше высочество, но в вас самих нет никакого зла, оно лишь заронено в вашу душу другими! Ваше сердце чисто и прекрасно, или я неправильно сужу о вас!

— Мне кажется, мастер Брендон, что вы — самый тонкий льстец на свете! — сказала Мэри, покачав головой. — Меня засыпали похвалами всех родов, но никто еще не доходил до того, чтобы назвать меня доброй. Может быть, люди думают, что это для меня неважно, а ведь на самом деле быть доброй — мое высшее желание. Красива я или нет, это — дело Божьих рук, но быть доброй — личная заслуга. Хотела бы я знать, действительно ли во мне заложено истинное добро и правильно ли вы оценили меня? — Вдруг принцесса с каким-то испугом взглянула на Брендона и резко спросила: — Или вы только посмеялись надо мной?

— Я твердо уверен, что не ошибся в своей оценке вашего характера! — ответил Чарльз. — У вас дивные

наклонности к добру. В конце концов все будет зависеть от человека, за которого вы выйдете замуж: он может сделать из вас или ангела, или прямую противоположность его!

Снова лицо Мэри выразило изумление, когда она ответила:

— Кажется, вы правы, особенно в отношении «противоположности». А самое главное — то, что я никогда не смогу сама выбрать себе мужа, так как рано или поздно мне придется подчиниться тому, кто заплатит брату за меня наивысшую цену.

— Да сохранит вас от этого Господь! — почтительно сказал Брендон.

Так как разговор стал слишком серьезным, то принцесса Мэри поспешила изменить его направление на более веселое и сказала со вздохом:

— Надеюсь, что вы не ошиблись, приписывая мне склонность к добру, только подождите, пока вы не узнаете меня поближе.

— Я твердо уверен, что мне не придется ждать слишком долго!

— О, нет!.. Но вот и королева!

IV

Я от души смеялся, когда Джен рассказала мне о словесном турнире между Брендонем и принцессой Мэри. Меня это столкновение несколько не удивило, так как я достаточно знал своего хладнокровного друга и был уверен, что заносчивость Мэри встретит у него надлежащий отпор; но это была злосчастная победа, и то, чего не могли добиться красота и веселость принцессы Мэри, довершило ее искреннее признание своих недостатков. И Брендон тоже был очарован ею, его судьба отныне была решена!

Джен спала с принцессой Мэри в одной комнате. Вечером в день встречи с Брендонем принцесса прижалась к подруге и стыдливо шепнула ей:

— Что тебе известно об этом Брендоне? Расскажи мне все! Он интересуется меня, и мне кажется, что я стану лучше, если встречу больше таких людей, как он. Но он дерзок, как никто другой. Он говорит все, что ему заблагорассудится, и, несмотря на всю свою обходи-

тельность, обращается со мной, словно с ребенком!

Джен рассказывала, пока обе девушки не заснули.

Когда Джен сообщила мне обо всем этом, я сильно испугался: вернейшая дорога к сердцу женщины — убедить ее в том, что ее ведут к самосовершенству и пробуждают в ее сердце чистейшие склонности и движения! Было достаточно печально, если сам Брендон влюбится в принцессу, но взаимная любовь только привела бы Чарльза на плаху и навсегда разбила бы сердце Мэри!

Через несколько дней после этого я встретил принцессу в покоях королевы. Мэри поманила меня к себе и сказала:

— Недавно я встретила с вашим другом, капитаном Брендонем. Рассказывал он вам об этом?

— Нет, — ответил я. — Джен сообщила мне о вашей встрече, но Брендон не сказал ни слова.

И в самом деле Чарльз ни словом не обмолвился об этой встрече, я же хотел подождать, долго ли станет он отмалчиваться. При всем дворе не нашлось бы больше ни одного человека, способного упустить случай похвастать победой в споре над принцессой Мэри!

— Вот как? — с некоторым раздражением сказала Мэри. — Может быть, он считает, что это такой пустяк, о котором и говорить не стоит? У меня произошел с ним небольшой словесный турнир, в котором, говоря по правде, я не только потерпела поражение, но еще должна была сознаться в этом! Что вы думаете о своем новом друге? Он в самом деле не хвастал, что одержал надо мной верх? Мне кажется, что это молчание говорит в его пользу! — и принцесса Мэри, отнюдь не рассерженная своим поражением, откинула голову, звонко рассмеялась и захолопала в ладоши.

— Что я думаю о своем новом друге? — повторил я ее вопрос.

Этим для меня открылась тема, на которую я мог говорить долго и подробно. Сначала я хотел быть кратким, но, к своему собственному удивлению, встретил в принцессе такую внимательную слушательницу, что моя речь оказалась очень пространной.

— Ваш друг имеет в вас пламенного ходатая, сэра Эдвин! — сказала принцесса.

— Это — правда, — согласился я, — но ведь, что ни говори о нем, ничто не будет преувеличено! — Я знал, что принцесса имеет громадное влияние на короля,

и решил обеспечить судьбу Брендона вовремя сказанным словом. — Я уверен, что король осчастливит его своей милостью, и надеюсь, что вы найдете случай замолвить за Брендона словечко его величеству!

— Да что же я могла бы сделать для него? — воскликнула Мэри, которая была очень тонким политиком. — Король роздал все, что мог, а теперь, когда война кончилась, являются сотни людей, желающих получить еще что-нибудь. Громадные сокровища моего отца растрчены, дарить больше нечего. Разве вот только следующее: за смертью последнего герцога Суффолькского освободились этот сан и связанные с ним поместья. Может быть, король и наградит тем и другим вашего героя, если только вы сумеете выставить своего друга в таких же привлекательных чертах, как мне! Но спросите об этом короля сами! — смеясь, закончила она свою шутку.

— По сравнению с заслугами Брендона всякая награда окажется слишком малой! — ответил я, подхватывая шутку.

— Значит, решено! — сказала Мэри. — Отныне нет более капитана Брендона, а существует Чарльз Брендон, герцог Суффолькский! Как это нравится вам, сэр Каскоден?

— По-моему, это звучит очень хорошо.

— В самом деле, даже королевская корона была бы в ваших глазах слишком незначительной для вашего друга, ненасытный вы этакий! Такую интересную личность мы непременно должны удержать при дворе, и я позабочусь, чтобы его сейчас же представили королеве. Танцует ли он? Едва ли! Военные упражнения вряд ли оставили ему свободное время для этого! Затем мне интересно было бы знать, играет ли он в карты, то есть я хочу сказать — как играем мы, дамы. Вы говорили, что Брендон долго жил во Франции, где была изобретена карточная игра, но ни минуты не сомневаюсь, что он, одним мановением руки ниспровергающий целые армии, с величайшим презрением взирает на такое глупое занятие.

— Право, не знаю, танцует ли он и играет ли в карты, — ответил я, — но готов держать любое пари, что Чарльз — мастер в том и другом!

— Ставлю десять крон! — поспешно сказала принцесса Мэри, очень любившая биться об заклад.

— По рукам! — ответил я.

— Мы испытаем его завтра вечером у меня, — продолжала принцесса. — Приведите его ко мне, но молчите об этом. Джен будет там со своей лютней, что, насколько мне известно, не отпугнет вас. Мы так и будем вчетвером: вы с Джен и новый герцог Суффолькский со мной. О, это будет так забавно, что я просто не дождусь этого!

Необыденность затеи придавала ей в глазах Мэри особую прелесть, а пари еще усугубляло интерес. Правда, принцесса время от времени принимала у себя молодежь, — но не в таком, как теперь, интимном составе из двух пар, потому что король с королевой обращали большое внимание на соблюдение внешних форм, может быть, для того, чтобы прикрывать ими серьезные грехи.

На следующий вечер я повел Брендона обходным, редко посещаемым путем к принцессе, где мы возможно безумнее постучались в дверь. Нам открыла леди Джен, принцесса тоже стояла у порога. Я уже посвятил Брендона в шуточный разговор о титуле герцога Суффолькского, а теперь входя сказал:

— Милостивые государыни, его светлость герцог Суффолькский!

Девушки скрестили руки на груди и присели в глубоком церемонном реверансе, приветствуя Чарльза:

— Добрый вечер, ваша светлость!

Ответный поклон Брендона был так же глубок и церемонен. Когда же, подражая покойному герцогу, Чарльз надулся и сделал несколько шагов по комнате старчески заплетающейся походкой, принцесса и Джен покатались со смеху, так что сразу создалось надлежащее настроение.

— Садитесь! — скомандовала принцесса. — Будем сегодня без всяких церемоний! Никто не знает, что мы собрались здесь сегодня. Или вы проболтались, сэр Эдвин?

— Как вы могли подумать! — воскликнул я.

Мэри пытливо посмотрела на Брендона и продолжала:

— За вас я совершенно спокойна, вы не выдадите ничего! Я ведь знаю, как молчаливы вы были в другом деле. Наверное, вы не ожидали этого приглашения после того, как недавно я была так неприветлива к вам. Вас очень поразило это приглашение?

— Осмелюсь заметить, что после нашей первой

встречи меня уже ничто не может поразить из того, что благоугодно будет сделать вашему высочеству! — улыбаясь, ответил Чарльз.

— Вот как? — сказала Мэри, удивленно вскинув бровями. — Посмотрим! Но, пока еще вечер не кончился, мы рассчитываем услыхать от вас проповедь, мистер Брендон. Джен нуждается в этом не менее меня!

— Этому я не верю, — возразил Брендон, посмотрев на Джен таким ласковым взглядом, который показался мне, ревнивцу, крайне подозрительным.

Снова Мэри подняла брови и сказала:

— В самом деле? Вы не верите этому? Ну, мне вы не очень-то льстите, мастер Брендон.

Мой друг лишь церемонно поклонился.

Наступило молчание. Наконец Мэри спросила:

— Что мы предпримем? Не предложит ли кто-нибудь из вас чего-либо?

Джен сидела с такой невинной физиономией, что можно было подумать, будто она неспособна ни на какую злую проделку. Но люди с невинным видом — как раз самые опасные. Вот и она словно случайно сказала:

— Не желаете ли потанцевать? Я поиграла бы вам, — и взялась за лютню.

— О, это было бы чудесно! Мастер Брендон, не хотите ли потанцевать со мной? — спросила принцесса, шаловливо засмеявшись.

Мы с Джен тоже присоединились к ее веселости, а к нам примкнул, наконец, и Брендон, который не подозревал, что этот смех относится на его счет.

За смехом он позабыл ответить на приглашение принцессы, и Мэри, во что бы то ни стало хотевшая теперь же разрешить пари, снова переспросила его.

— О! Прошу простить меня! Конечно! — ответил Брендон, вскочив, и встал около Мэри, готовый к танцу.

Теперь принцесса поняла, что она проиграла свое пари.

Взявшись за руки, Брендон и Мэри сделали несколько шагов и стали в позицию. Никогда не забуду я этого момента, как они стояли там! Мэри сияла красотой и грацией, представляя в своей юношеской свежести облик истинной Венеры, а Брендон соединял в себе Аполлона и Геркулеса вместе, так что оба они взаимно дополняли друг друга, давая граничившую с совершен-

ством гармонию. Затем они вступили в танец, шаг вперед, шаг назад, поклоны — все в идеальном ритме.

— Можно ли найти лучшую парочку? — тихо спросил я Джен, сидевшую возле меня.

— Невозможно! — ответила она, продолжая играть, и, как это ни странно, ее ответ опять задел мою ревность.

Мэри и Брендон продолжали танцевать даже тогда, когда Джен устала играть, — так увлеклась принцесса удовольствием, и вместе с тем не переставали болтать и смеяться.

— Играете ли вы в «триумф»? — спросила Мэри среди танца.

— О да! — к моей величайшей радости ответил Брендон, и принцесса кинула мне через плечо выразительный взгляд: пари было окончательно выиграно мной.

— Мало того, — продолжал Брендон, — я знаю еще новую карточную игру, которая гораздо интереснее, чем «триумф».

— Вот чудесно! — воскликнула Мэри. — Это вполне вознаграждает меня за потерянные десять крон. Я уже давно жажду научиться новой игре, только здесь никто не знает такой. Во Франции, как говорят, карточные игры очень в моде, и вы, наверное, научились там. Ну, а новые французские танцы вы знаете? Говорят, они восхитительны!

— О да, я знаю их! — ответил Брендон.

— Но вы бесподобны! Покажите мне их сейчас же. Ну-с, господин танцмейстер, что вы скажете на то, что ваш друг вытесняет вас на вашем собственном поприще?

— Меня это только радует! — ответил я.

— Если леди Джен будет так добра и сыграет быструю мелодию в три четверти, то я научу леди Мэри новому танцу!

Джен снова заиграла в указанном ей такте. Тогда Брендон медленно подошел к принцессе, взял ее за правую руку левой, а своей правой обнял за талию.

Но Мэри испуганно отскочила назад. Это рассердило Брендона, что он тут же дал понять замечанием:

— Мне казалось, что вы хотели познакомиться с новым танцем?

— Да, я хотела, но не знала, что его танцуют так, —

ответила принцесса с полунедоверчивой, полумолящей о прощении улыбкой.

— О! — ответил Брендон и сделал вид, что хочет уйти.

— Но неужели... и в самом деле... вот так... рукой за... талию?.. — смущенно и словно недоверчиво промолвила принцесса.

— Но как же мог бы я позволить себе в ином случае подобную фамильярность? — ответил Брендон с улыбкой.

Заметив эту улыбку, принцесса сказала:

— Боюсь, что с вашей скромностью далеко не уедешь, так как, по-видимому, вы чрезвычайно дерзкий субъект!

— Вы чрезвычайно несправедливы ко мне, — ответил Брендон. — Уверяю вас, я сама скромность, и мне очень больно, что вы думаете обо мне иначе.

— Да вы, кажется, смеетесь надо мною, над моим жеманством, как вы это, конечно, называете? — перебила его принцесса. — И это еще не дерзко с вашей стороны?

Мэри предпочла бы показаться недалекой, чем прослыть жеманной!

Теперь Брендон не мог больше сдержаться и залился громким смехом.

Принцесса сверкнула глазами, топнула ногой и крикнула:

— Сударь, это переходит все границы! Я не намерена ни секунды долее терпеть вашу наглость!

Я думал, что она сейчас же прогонит Чарльза, но этого не случилось. Теперь должно было решиться, кто же из них двоих возьмет окончательный верх.

— Как? — спросил Брендон. — Значит, я хорош лишь для того, чтобы служить предметом издевательства? Я должен был помочь выиграть пари, в основу которого было положено убеждение в моей светской невоспитанности, а теперь, когда пари кончилось в мою пользу, я даже не смею смеяться? Ну уж, говоря по правде, я имел основание чувствовать себя обиженным, но, как видите, нисколько не обижаюсь!

— Каскоден, это вы проболтались? — крикнула Мэри.

— Ни одного звука не проронил он! — вмешался Брендон. — Но я ведь должен был бы быть круглым идиотом, чтобы не понять вашего замечания относи-

тельно десяти крон. Ну, так будем квиты и начнем с начала!

Принцесса с величайшей неохотой должна была признать себя побежденной и сказала:

— Хорошо, но я остаюсь при своем, что вы чрезвычайно дерзки, хотя на этот раз и прощаю вас! В конце концов это вовсе не плохое свойство, и оно еще ни разу не повредило мужчине в глазах женщины. Боюсь даже, что женщинам оно нравится, даже если они и сердятся на дерзость!

Сказав это, Мэри решительно подошла к Брендону и с заалевшими щечками приготовилась танцевать новый танец.

Она снова несколько испугалась, когда Чарльз обнял ее. Ведь для нее это было первое прикосновение мужчины! Сначала принцесса была пуглива и смущена, но вскоре освоилась с новым положением, показала себя понятливой ученицей и с нескрываемым удовольствием носилась по комнате.

Когда танец кончился, Мэри с разгоряченным лицом и сверкающими глазами упала на стул и воскликнула:

— Новый танец восхитителен, Джен! Просто словно летишь по воздуху. Но что бы сказал король и особенно королева? Она упала бы в обморок от ужаса... Но это так прекрасно! — Затем принцесса прибавила в таком смущении, в каком я ее еще никогда не видел: — То есть я хочу сказать, танец великолепен, если можно самой выбирать себе партнера.

Эти слова только ухудшили положение вещей и дали Брендону основание спросить принцессу с почтительным поклоном:

— Значит, в таком случае не смею ли я надеяться?

— О да, смеете! Я без стеснения говорю, что танцевать с вами было восхитительно. Ну-с, довольны теперь вы, «сама скромность»? Джен, просто нельзя даже знать, чего еще мы можем дожидаться здесь!

Принцесса сказала это крайне резко, так как Брендон держал себя непринужденнее и свободнее, чем Мэри привыкла видеть со стороны окружавших ее.

— Ваше высочество изволили потребовать от нас, чтобы на этот вечер мы оставили всякие формальности церемонии, — сказал Брендон. — Если я зашел дальше, чем вам было бы желательно, то прошу извинить мой проступок желанием доставить вам удовольствие.

Впредь же вы можете быть вполне гарантированы от малейшего оскорбления.

Этими словами Чарльз достаточно ясно выразил, насколько ему безразлично, нравится ли он или нет такому капризному созданию.

Мэри промолчала. Мы поговорили еще некоторое время о том о сем, тогда как Мэри сидела с выражением надменного достоинства. Затем мы перешли к картам, и во время игры обычная веселость принцессы снова взяла верх. Однако Брендон оставался непоколебимо холодным; он был чрезвычайно вежлив и почтителен с дамами, но радостное настроение, достигнутое вначале благодаря его непринужденному веселью, теперь бесповоротно исчезло.

— Фу, как это скучно! — сказала Мэри через некоторое время. — Ваша игра несравненно менее интересна, чем новый танец. Сделайте что-нибудь, чтобы я посмеялась, мастер Брендон!

— Боюсь, что вам придется позвать кого-нибудь другого, если вы хотите смеяться, — ответил Чарльз. — Я не могу понравиться вам во всем, а потому предпочитаю остаться при том, который кажется вам более по душе!

— Это звучит почти так, как будто вы хотите понравиться мне! — насмешливо сказала принцесса, сверкнув глазами; по-видимому, у нее на устах было еще одно бестактное замечание, но она вовремя подавила желание высказать его и продолжала: — Королева вечно проповедует мне о необходимости поддерживать на высоте мое «королевское достоинство», как она выражается, и, быть может, она права. Но я откровенно скажу: королевское достоинство — отвратительнейшее наказание! Простите меня, и в будущем, когда мы опять, как сегодня, будем наедине, я прошу вас всех троих обращаться со мной, как с равной. Вы еще раз дали мне хороший урок, сэр, и с этой минуты вы — мой друг, если хотите и пока вы будете достойны...

Мэри протянула Брендону руку, и он, низко склонившись, долгим, сердечным поцелуем приник к ее руке.

В те времена поцелуй руки был еще внове в Англии и практиковался почти исключительно при официальных королевских приемах. Принцесса была удивлена, но, восхитительно зарумянившись, не помешала Чарльзу удержать ее руку дольше, чем это было необходимо.

После того как мы еще некоторое время поиграли в карты, я высказал сожаление, что мы с Джен не можем потанцевать, так как нет музыки.

— Если дамы разрешат, я поиграю, — сказал Чарльз, и, взяв лютню леди Джен, принялся играть и напевать веселые песенки, какие не часто услышишь в Англии.

Затем он выразил желание поучить Джен новому танцу; это сейчас же погрузило меня в ревнивое волнение, потому что я не хотел, чтобы он так танцевал с Джен. Но, к моему величайшему облегчению, она ответила:

— Только не сегодня. Быть может, как-нибудь потом сэръ Эдвин поучит меня, ведь это — его призвание!

Это было первым знаком благоволения, полученным мной от Джен!

Затем принцесса и Джен спели несколько песенок, я тоже дал себя послушать. Мы пели дуэтом, квартетом и соло, и все песенки были прелестны, так как выливались из сердца юности, богатой благословенной небесами радостью. Затем мы принялись болтать, и Мэри вместе с Джен заставили Брендона рассказать о своих поездках и приключениях.

Хотя Чарльзу было всего двадцать пять лет, но он был чрезвычайно богат познаниями, приобретенными при посещении университетов Барселоны, Саламанки и Парижа. Он говорил по-немецки, по-французски и по-испански, а также был знаком с литературой всех этих языков.

О себе он рассказал, что еще шестнадцати лет покинул родину в качестве дядиного оруженосца, чтобы сражаться во Франции. Позднее он попал на голландскую службу, затем — в плен к испанцам, к которым и поступил на службу, так как ему было решительно все равно, где сражаться, лишь бы только иметь случай совершать подвиги да зарабатывать малую толику. Он рассказал, как попал в рабство к маврам в Гренаду, откуда спасся отчаянно смелым бегством. Свой длинный рассказ Чарльз закончил жалобой на то, что скучный мир удерживает его в замке.

Не обдумав своих слов, Мэри сказала:

— О, мастер Брендон, расскажите нам о своем поединке с Джюдсоном!

Джен сморщила лоб и посмотрела на принцессу, приложив палец к губам.

— Боюсь, что не буду в состоянии сделать это, ваше высочество,— ответил Брендон, после чего встал и, подойдя к окну и повернувшись к нам спиной, стал всматриваться в ночную тьму.

Принцесса поняла, что она наделала, и ее глаза стали влажными. Через несколько минут томительного молчания она тихо подошла к окну и сказала, положив свою руку на руку Брендона:

— Сэр, простите меня, я должна была подумать... Но, верьте, я не хотела причинить вам боль!

— Ах, миледи, это просто необдуманное слово, которое не нуждается в прощении! Но вы даете мне новое доказательство доброты своего сердца, и я благодарю вас от души. Мне нужно было только немного времени, чтобы отделаться от мыслей о том ужасном дне!

После обмена этими словами они вместе вернулись в комнату. Я стал рассказывать свои лучшие истории, чтобы развеселить Брендона. Но заинтересовать принцессу Мэри мне не удалось; она сидела в явном нетерпении, пока наконец не вскочила и, раскрасневшись, не попросила Брендона еще раз станцевать.

— С удовольствием,— ответил Чарльз, взяв ее за руку.— Новый танец?

— Да, новый танец!

Они снова принялись танцевать.

Было уже далеко за полночь, когда Мэри наполнила два кубка вином, пригубила из каждого и подала их Брендону и мне. Затем она заплатила мне проигранные десять крон и отпустила нас.

Перед тем как идти спать, Брендон сказал мне:

— Боже мой, до чего она хороша! Но ты не прав, Каскоден, я все еще в состоянии благодарить Господа за то, что не влюбился в нее. Если бы это случилось со мной, я кинулся бы на свой меч!

Я готов был сказать ему, что принцесса отличила его так, как никого еще, но счел за лучшее промолчать. Несчастье вскоре должно было прийти само собой!

V

Через несколько дней после этого Брендону была дана формальная аудиенция у королевской четы. Благодаря этому он получил, так сказать, «все права

гражданства» при дворе, что мне было весьма приятно, так как меньше приходилось опасаться придворных пересудов относительно нашей интимной вечеринки у принцессы Мэри.

Приглашения королевской четы относились обыкновенно ко всему придворному штату без исключений, но у леди Мэри часто бывали маленькие собрания, на которые приглашался лишь самый изысканный круг и которые носили менее церемонный характер. Разумеется, все крайне домогались приглашений на эти собрания.

Однажды днем мне принесли официальное приглашение от леди Мэри пожаловать к ней вечером на маленькое празднество. К этому приглашению была приложена отдельная записочка Брендону, собственно-ручно написанная принцессой. Вот это в самом деле было исключительным отличием!

Но на Чарльза это не произвело особого впечатления, потому что, когда я передал ему записку, он небрежно прочитал ее и отложил в сторону.

Брендон поблагодарил принцессу особым письмом — смелость, от которой у меня почти захватило дыхание. Да и принцессу вначале испугала эта смелость, грозившая вконец уничтожить ее «королевское достоинство». Тем не менее она не уничтожила ответное послание Брендона, забралась в свою комнату, еще раз перечитала письмо и спрятала его в письменный стол. Но вскоре Мэри снова достала бумажку, опять прочитала и, подумав, спрятала ее в карман. Там письмо побывало некоторое время, а затем вновь появилось на свет Божий для нового просмотра. После этого принцесса расстегнула пуговку лифа и спрятала письмо за пазуху. Мэри была так увлечена этим, что даже не заметила Джен, спокойно сидевшей у окна, когда же обернулась и увидела подругу, то рассердилась настолько, что вытаскивала письмо, бросила на пол, наступила на него ногой и закричала:

— Как ты осмеливаешься подсматривать за мной? Ты исподтишка выслеживаешь меня, я должна осматривать каждый уголок, не шпионишь ли ты!

— Я не шпионила, леди Мэри! — сказала Джен.

— Не возражай мне! Я знаю, что ты шпионила, и желаю, чтобы отныне ты не была такой бесшумной, слышишь? Кашляй, пой или делай что-нибудь, но чтобы я слышала тебя!

Джен подняла с пола письмо и подала его своей повелительнице. Та отбросила его одной рукой, а другой закатила Джен здоровенную оплеуху. Джен выбежала, а принцесса в бешенстве закрыла дверь. Но, должно быть, принцесса потом снова сунула письмо к себе на грудь; по крайней мере, вечером, когда Джен, с которой Мэри не сказала больше ни слова, пришла одевать ее к танцам, записка выпала из-за корсажа. Обе девушки залились веселым смехом. Джен поцеловала голенькое плечо Мэри, принцесса поцеловала Джен в лоб, и они стали опять друзьями.

Что касается Брендона, то ему приглашение на вечер к принцессе стоило ссоры с влиятельнейшим аристократом Англии.

Маленькие собрания принцессы Мэри происходили зимой почти еженедельно и обыкновенно объединяли одних и тех же приглашенных, которые встречали новичков крайне недружелюбно. Кроме того, как это ни странно, даже и неприглашенные часто пускались на всякие штуки, чтобы проникнуть на вечер принцессы. Во избежание последнего у дверей ставили двух алебардистов.

С Брендонем тоже так случилось, что алебардисты, никогда не выдавшие его здесь, преградили ему дорогу. Но Чарльз попросту отбросил часовых в стороны.

Поблизости стоял герцог Букингэмский, видевший это. Он принадлежал к числу тех самонадеянных, надменных людей, которые не упускают случая совершить какую-нибудь неловкость. Поэтому он поспешил засвидетельствовать свою преданность принцессе и стал на дороге, говоря Чарльзу:

— Сэр, вам следует уйти отсюда! Вы не на турнирной арене и попали сюда, очевидно, по ошибке!

— Милорду Букингэму угодно и сегодня по обыновению строить из себя осла! — улыбаясь, ответил Брендон и свернул в сторону, направляясь к Мэри.

Принцесса все видела и слышала, но вместо того, чтобы прийти герцогу на помощь, весело смеялась.

Ответ Брендона взбесил герцога Букингэмского. Он бросился на Чарльза, обнажил меч и вне себя крикнул:

— Клянусь небом, еще один шаг — и я прокалю тебя насквозь!

Я был свидетелем всего этого инцидента, но события разыгрались с такой быстротой, что я не успел

опомниться. Словно молния меч Брендона вылетел из ножен, и вслед за этим оружие герцога Букингэмского взметнулось к потолку. Затем с непостижимой быстротой Брендон снова сунул свой меч в ножны и поймал за рукоятку меч герцога.

— Милорд, изволили уронить свой меч! — сказал он с явной иронией, и, ткнув острием в пол, продолжал: — Я хочу затупить кончик, чтобы вы, Боже упаси, не порезались!

Последовал единодушный взрыв смеха, в котором принял участие даже сам король.

Принцесса Мэри тоже рассмеялась и сказала герцогу Букингэмскому:

— Милорд, что это за манера встречать так моих гостей? Кто поручил вам сторожить дверь? В следующий раз нам придется вычеркнуть ваше имя из списка приглашенных, пока вы не усвоите хороших манер! — Это было таким жестоким ударом для герцога, что он не нашел ни слова в ответ. А принцесса продолжала, обращаясь к Чарльзу: — Мастер Брендон, я очень рада видеть вас у себя и сожалею, что наш друг Букингэм так жаждет вашей крови!

Затем она повела Чарльза к королю и королеве, после чего вместе с ним продолжала обход комнаты.

Знакомство Брендона с гостями состоялось.

Затем Мэри еще раз коснулась сцены, разыгравшейся при входе; она сказала Чарльзу:

— Я пришла бы вам на помощь, если бы не была уверена, что вы сами отделаете герцога по заслугам. Это было лучше маскарадного игрища и доставило мне большое удовольствие. Я ведь совершенно не выношу герцога!

Интимные собрания у принцессы Мэри никогда не открывались самим королем, а королева, бывшая значительно старше своего супруга¹, вообще сторонилась

¹ Речь идет об Екатерине Арагонской, первой супруге Генриха VIII. Для упрочения союза Англии с Испанией отец, Фердинанд Католик, выдал ее за старшего сына Генриха VII, Артура, принца Уэльского, а после его смерти — за следующего брата, Генриха VIII. Этот брак, совершенно немыслимый по каноническим законам, был заключен с разрешения папы. Впоследствии Генрих VIII придрался к неканоничности брака, чтобы развестись с Екатериной, и, когда папа не признал этого развода, порвал с католицизмом. Екатерина, некрасивая, угрюмая и ханжа, была на шесть лет старше мужа, так что в описываемое время ей было около сорока лет, а Генриху — тридцать четыре.

этих развлечений. Поэтому Мэри сама открывала свои балы. Быть при этом ее кавалером считалось величайшей честью и просто смешно было смотреть, сколько людей старалось попасться ей на глаза, чтобы быть замеченными и избранными. Что касается Брендона, то он отошел в угол комнаты и погрузился в разговор с канцлером Вольсеем, который очень любил его, и мастером Кавендишем, большим чудаком и маленьким человечком, отличающимся ученостью, добротой и горячей привязанностью к принцессе.

Однако было время открыть бал, и с хора, где помещался оркестр, я мог видеть принцессу Мэри, ходившую среди гостей, видимо, отыскивая партнера. Наконец она увидела Брендона.

Я с самого начала предчувствовал, что принцесса изберет Чарльза для открытия бала, и заранее сожалел об этом, так как такое отличие неминуемо должно было восстановить против него всю знать. Конечно, я оказался прав, так как Мэри сейчас же подошла к моему другу, и я услышал, как она сказала:

— Мастер Брендон, не угодно ли вам танцевать со мной?

Но представьте себе мое изумление, когда я обратился к дирижеру, чтобы назначить танец, а дирижер ответил мне:

— Мастер, на первый танец мы уже получили распоряжение лично от ее высочества!

Теперь представьте мое двойное изумление, даже ужас, когда оркестр заиграл мелодию нового танца, выученного принцессой у Брендона. Я увидел, как вопросительно посмотрел Чарльз на Мэри и как она рассмеялась, утвердительно кивнув ему головой. В следующий момент она уже реяла, словно нимфа, в объятиях Брендона по залу. Это было прелестное зрелище, и ропот восхищения и удивления приветствовал парочку. Раздались даже аплодисменты, в которых принял участие сам король.

Но вскоре на хорах появилась герцогиня Кентская, первая статс-дама королевы, и передала приказание ее величества сейчас же перестать играть. Музыка смолкла.

— Мастер! — раздраженно сказала мне принцесса, когда я по ее вызову подошел к ней: — Разве наши музыканты устали, что перестали играть, прежде чем мы кончили танец?

За меня ответила королева:

— Я приказала музыке замолчать, так как не потерплю долее таких непристойных зрелищ!

Мэри сверкнула глазами и, вспыхнув гневом, крикнула:

— Если вашему величеству не нравятся наше поведение и танцы, то вы можете удалиться к себе, когда вам заблагорассудится. В присутствии вашего величества охота к удовольствию пропадает сама собой!

Королева подскочила к супругу, наблюдавшему за инцидентом, и сердито сказала:

— Неужели вы, ваше величество, допустите, чтобы меня до такой степени оскорбляли в вашем присутствии?

— Вы сами ввязались в историю, ну и выпутывайтесь, как знаете! — ответил ей король. — Я вам достаточно часто твердил, чтобы вы остерегались Мэри: у нее острые коготки!

Генриху VIII надоела угрюмая ворчливость Екатерины еще до того, как он женился на ней. Только своему испанскому золоту она была обязана вторым супругом из дома Тюдоров!

— Разве я не могу иметь на своих балах музыку и танцы по собственному усмотрению? — спросила Мэри брата.

— Можешь, сестричка, можешь, — ответил король и обратился к Брендону. — Продолжайте, мастер, мы тоже желаем научиться этому танцу!

Когда Мэри покончила новый танец, решительно все захотели научиться ему, и даже сам король попросил Брендона показать ему па. Король очень быстро усвоил их и выводил эти па с неуклюжей грацией ученого медведя.

Дамы вначале несколько стеснялись нового танца и старались держаться от кавалера возможно дальше, но тем не менее Мэри ввела новую моду, и все остальные последовали ее примеру. Я тоже успел заранее поупражняться в этом танце, так что теперь мне представился случай поучить даже Джен. Поэтому я отправился к избраннице своего сердца, чтобы пригласить ее на танец. Однако она ответила:

— Благодарю вас, сэр Эдвин, здесь найдутся другие, которые больше стремятся к этому! — Когда же она продолжала отказываться при моих повторных просьбах и увидела, что я рассержен, то шепнула мне

в виде извинения. — Я не могла бы танцевать этот танец с вами на глазах у всех.

Через несколько минут мы очутились одни в соседней комнате, и я предложил Джен попробовать здесь.

Упрямица была теперь загнана в тупик, однако все же покачала головой и ответила:

— Но как же, если я не хочу?

— Миледи, теперь вам придется уже просить меня об этом! — воскликнул я, потеряв терпение, и, насупившись, проводил Джен обратно в зал.

Весь вечер был посвящен упражнению в новом танце. Когда мы собрались уходить, Мэри сказала Брендону:

— Вы доставили королю большое удовольствие этим новым развлечением. Он спросил меня, где я выучилась танцу, и я сказала, что вы показали его Каскодону, а Каскоден — мне!

— Но ведь это неправда! — воскликнул Чарльз. — Разве не лучше было бы сказать правду его величеству?

Мэри слегка покраснела и ответила:

— Чем же я виновата? Если король Генрих узнает, что мы провели такой славный вечерок в моих покоях, то очень рассердится, и... и... пожалуй, вы пострадаете из-за этого. Теперь научите короля новой карточной игре, и тогда ваша карьера сделана. Недавно он выписал нескольких ломбардцев, которые показали ему новые карточные игры, но ваша, наверное, понравится ему больше всех других! — Вдруг принцесса с какой-то торопливой резкостью прибавила: — Я не танцевала нового танца ни с кем, кроме вас, а вы, по-видимому, даже не заметили этого!

Она скрылась, прежде чем Чарльз успел поблагодарить ее.

VI

Принцесса отлично знала своего венценосного братца, утверждая, что новое развлечение или сочинение нового роскошного покроя платья будет скорее вознаграждено им, чем выигранная битва. В позднейшую эпоху главным путем к его благоволению был тот, которым он мог отделаться от надоевшей супруги и раздобыть себе новую. Впрочем, это был в то же время

очень опасный путь, как узнал на себе канцлер Вольсей, звезда которого закатилась вместе с несчастной Анной Болейн.

Брендон понял намек принцессы и сумел дать понять королю, что знает новые французские игры. Вследствие этого его призвали от службы к королевскому карточному столу. Брендон был достаточно умен, чтобы постоянно давать королю выигрывать, иначе новая игра слишком скоро вышла бы из моды.

Игра, показанная Чарльзом, занимала Генриха днем и ночью в течение трех недель; он упивался ею до пресыщения, потому что вообще никогда не умел умерять свои страсти. Таким образом, мы видели Брендона очень редко, и принцесса Мэри раскаивалась, зачем она упомянула о картах. Она тоже с удовольствием позабавилась бы новой игрой, но желания короля шли в первую очередь.

Однажды его величеству взбрело в голову выстроить в Виндзоре новую часовенку; он взял с собой небольшую свиту, в которой, кроме Мэри, были Брендон, Джен и я, и мы отправились в Лондон. Переночевав там, мы в ясное, радостное июньское утро выехали верхами в Виндзор.

Мэри и Джен ехали бок о бок. Я был сердит на Джен и потому умышленно не приближался к ней. Брендон же, видимо, без всякого умысла предоставил это случаю и ехал рядом с Кавендишем и со мной.

Вскоре я заметил, что принцесса Мэри все время оборачивается в нашу сторону, словно опасаясь грозы с этой части горизонта. Я надеялся, что и Джен заподозрит дождь, но ее шея словно окаменела, и моя милая ни разу не обернулась. Мы проехали около трех миль, как вдруг принцесса осадилла лошадь и повернулась в седле. Я слышал, как она что-то сказала, только не разобрал, что именно.

В следующую минуту кто-то крикнул:

— Мастер Брендон к ее высочеству!

Чарльз выехал вперед, я поехал за ним. Когда мы подъехали к девушкам, Мэри сказала:

— Кажется, у меня подруга ослабла!

Брендон сейчас же спешился, а все остальные стали вокруг. Освидетельствовав подругу, Чарльз негромко сказал:

— Миледи, подруга затянута так, как только может выдержать лошадь!

— Она ослабла, говорю я! — с некоторым раздражением воскликнула принцесса, упорно настаивая на своем. — Я чувствую это по седлу! — Затем, с раздражением обернувшись к окружающим, она прикрикнула: — Ну, все непременно должны ротозейничать здесь, словно остолопы? Поезжайте дальше, мы справимся и без такого количества праздных свидетелей!

Следуя недвусмысленному намеку, все отправились далее, в то время как я держал под уздцы лошадь Чарльза, продолжавшего исследовать подпругу.

Тем временем Мэри склонилась через шею лошади и спросила моего друга:

— Надеюсь, вы разрешили с Кавендишем все текущие философские проблемы, которые вас так интересуют?

— Отнюдь нет! — ответил Брендон.

— Но вы были так углублены в свой разговор. Должно быть вы говорили о важных материях?

— Нет, — ответил Брендон, — но подруга все же не ослабла.

— Может быть, это только показалось мне, — небрежно ответила принцесса.

Я взглянул на Джен, в глазах которой играли плутовские огоньки, и вручил Брендону поводья его лошади. Громко рассмеявшись, Джен сказала:

— Эдвин, мне кажется, что и моя подруга ослабла!

— Как у леди Мэри? — с улыбкой спросил я.

— Да, — ответила Джен, весело смеясь.

— Тогда останьтесь со мной, — возразил я.

Принцесса посмотрела на нас и, полусмеясь, полудосадуя, сказала:

— Вы без сомнения считаете себя чрезвычайно остроумными?

— Еще бы! — зло ответила Джен и, выразительно показывая головой на принцессу, выехавшую вперед с Брендонем, тихонько прибавила: — Авось она теперь будет довольна!

— Значит, вы хотите, чтобы я ехал с вами? — спросил я.

— Да!

— Почему?

— Потому что хочу!

— А почему вы недавно не захотели танцевать со мной?

— Потому что не хотела!

— Коротко и неясно, — сказал я, — но для девушки вполне убедительно.

После довольно продолжительного молчания Джен начала:

— Танцевать с вами тот танец и ехать здесь с вами рядом — два совершенно различных положения! Новому танцу я не захотела учиться потому, что не стану танцевать его ни с кем, кроме вас, а пока даже и с вами не стану!

Эти слова преисполнили меня горячей радостью; в устах моей стыдливой Джен они были очень многозначительны. Теперь я знал, что она расположена ко мне и в один прекрасный день станет моей. Но я тут же убедился, что этого вожделенного момента мне придется добиваться очень долго.

— Джен, вы ведь знаете, что мое сердце полно любовью к вам! — сказал я.

— Разве мир собирается разлететься вдребезги? — воскликнула Джен с вызывающей улыбкой.

Тут я с ужасом вспомнил, что, объясняясь Мэри в любви, заявил: «Скорее мир разлетится вдребезги, чем я...» — и так далее. Джен подслушала тогда мое объяснение, и теперь, как уже много раз, положила предел моему стремлению излить ей свою любовь.

— Я чрезвычайно озабочена! — снова заговорила она через некоторое время.

— В чем дело? — участливо спросил я.

— Да в моей повелительнице! Я никогда еще не видела, чтобы она выказала к кому-нибудь столько интереса, как к вашему другу Брендону. Не скажу, что она уже влюблена в него, но серьезно боюсь, что этого не избежать. Она не привыкла отказывать себе в чем-либо, и ей не приходит даже в голову, что это возможно. Она уверена, что все, чего она желает, принадлежит ей по божественному праву. До сих пор ей и не надо было бороться с самой собою в чем-либо, но теперь это необходимо. Я хотела, чтобы ваш друг очутился на противоположном конце земли, да и принцесса сама чувствует, что лучше держаться от него подальше, пока не будет поздно. Но она не может отказать себе в удовольствии быть с ним вместе, и я просто не знаю, что из этого всего выйдет. Вы только посмотрите, как она счастлива! Пока мы ехали одни, она была чрезвычайно угнетена, но вот она придумала свою маленькую хитрость и... Я вообще удивлена, к че-

му она стала подыскивать предлог, а не попросту потребовала к себе Брендона. Ну, а вы не знаете, как обстоит дело с его чувствами?

— Нет, — ответил я, — но мне кажется, что его сердце еще не затронуто. Он сам говорил мне, что никогда не дойдет до глупости влюбиться в сестру короля. Если существует на свете рассудительный мужчина, то это — Чарльз!

— Да, ваш друг Брендон не похож на других! — ответила Джен. — Он наговорил принцессе кучу умных вещей, проповедовал ей мораль и обратил ее внимание на некоторые недостатки. Хотела бы я видеть, кому другому позволила бы она это! Но от Брендона она с радостью выслушает что угодно, и даже утверждает, что он внушает ей высшие, лучшие чувства. Однако до сих пор он ничем не проявлял любви.

— Может быть, это и лучше; это могло бы излечить ее!

— О, нет, нет, теперь уже нет! Сразу — может быть. Я боюсь, что, если он будет молчать еще дольше, Мэри сама возьмется за дело. Она ведь — принцесса, ей придется первой заговорить, или из всего дела ничего не выйдет!

Затем Джен рассказала мне историю с письмом Брендона и о целой куче всяких мелочей, свидетельствовавших слишком ясно, куда подул ветер.

Все, что я услышал, очень взволновало меня, так как это лишь подтверждало мои собственные предчувствия. Но эти тени не могли омрачить солнечное сияние в моем сердце, и поездка верхом в Виндзор стала счастливейшим днем моей жизни. Да и Джен тоже отбросила от себя заботы и принялась весело болтать и смеяться.

Впереди нас ехали принцесса и Брендон. Время от времени до нас долетал звук ее голоса; она то пела, то весело смеялась. Бедная Мэри! Дни твоей беззаботной радости были уже сочтены!

Мы доехали до Виндзора в превосходнейшем настроении. По прибытии многие представители родовитейших английских семей, как например, оба Говарда, герцог Букингэмский, Сеймур и прочие, должны были отступить перед простым Чарльзом Брендоном, которому на долю выпала рыцарская честь принять с седла принцессу Мэри. Чарльз сделал это очень изящно и грациозно; Мэри была слишком легкой ношей для его

сильных рук, и он опустил ее на землю так осторожно, словно ребенка.

Мы пробыли в Виндзоре четыре дня. В течение этого времени король возвел многих из присутствующих в сан рыцаря; это отличие выпало бы также и на долю Брендона, если бы герцог Букингэмский не сумел ловко преподнести Генриху истории с ослабевшей подругой и не возбудил этим подозрений короля. С того момента Генрих непрестанно следил ревнивым взором за Брендонем. Ведь сестра Мэри была для короля сильнейшим дипломатическим орудием, и если ей суждено было полюбить и выйти замуж, то лишь для его личной пользы.

Брендон и Мэри виделись очень часто во время этого краткого пребывания в Виндзоре: у принцессы вечно был наготове какой-нибудь план, чтобы устроить совместное времяпровождение. Как ни приятно было это Брендону, он недоумевал и тревожился от перемены в обращении с ним самого короля. Я мог бы в двух словах разъяснить Чарльзу его недоумение, но мне жаль было смутить его непринужденность в обращении с принцессой. Конечно, королю было бы безразлично, если бы какой-нибудь Брендон без ума влюбился в его сестру, но что она сама начала отличать какого-то Брендона, было ему далеко не все равно, и рано или поздно, а счастливчику не миновать было расплаты за это.

Перед нашим возвращением в Гринвич король собственноручно осмотрел седельную подругу у сестриной лошади.

VII

Однажды при дворе распространился слух, что престарелый король Франции Людовик XII, супруга которого Анна только что умерла, посватался за принцессу Мэри. Это и было тем, что открыло Брендону глаза и заставило его познать, с каким опасным огнем играл он до сих пор. Ему впервые стало ясно, что помимо его воли принцесса стала ему необыкновенно дорога и мила. Теперь он воочию увидел опасность и стал отчаянно бороться, чтобы сбросить обольстительные чары.

Теперь я стал с тревогой смотреть на будущее.

В сердце принцессы Мэри проснулась любовь — в первый раз и со всей необузданностью. Правда, пока еще это не была совершенная страсть, но все же это была любовь — чистая и ясная, как восходящее солнце! Но так как принцесса была капризна, как апрельский день, то нельзя было заранее определить, когда этому солнцу заблагорассудится закатиться!

Мэри едва ли отдавала себе достаточно ясный отчет в силе своего чувства. Брендон интересовал ее, ей было приятно с ним, и она подыскивала всякие способы встречаться с ним как можно чаще. Только и всего! Однако, когда Брендон стал всеми мерами избегать этих свиданий, она обиделась и замкнулась в холодной сдержанности. Но так как на Брендона эта перемена в обращении не произвела ни малейшего впечатления, она опять принялась осаждать его.

Почти уже две недели им не пришлось видеться; Мэри становилась все беспокойнее. И вот судьбе было угодно, чтобы, гуляя вместе с Джен в лесу, она натолкнулась на Брендона.

Чарльз медленно плелся по дорожке, читая книгу, когда они настигли его. Джен рассказывала мне потом, что обращение принцессы с Чарльзом было очень странным: сначала она осыпала его язвительными фразами; когда же Брендон сделал движение, чтобы уйти от них, Мэри стала воплощением любезности и стала придумывать тысячи способов, чтобы хоть на минутку остаться с Чарльзом наедине. То надо было отыскать редкий цветок, то найти четырехлистный трилистник, то разыскать в лесу особенно романтическое место. Джен не сразу поняла, чего добивается ее повелительница, и следовала за ней по пятам, пока принцесса не рассердилась и не воскликнула:

— Да, Бога ради, Джен, не ходи за нами по пятам! Ты вечно торчишь под моей рукой, а тебе ведь известно, как легко эта рука вдруг загорается желанием размахнуться в твою сторону!

Обиженная этим оскорблением, Джен повернула назад.

Как рассказывал потом Чарльз, Мэри не стала терять времени даром и немедленно обратилась к нему:

— Ну-с, сударь, теперь вы должны сказать мне правду! Почему вы постоянно отклоняете мои приглашения и так упорно стараетесь держаться подальше от меня? Сначала я хотела попросту предоставить вам

идти своим путем, но нет... нет, я не хочу! Только без оговорок! Вы ведь не способны на малейшую ложь даже по отношению к женщине! Ну, это уже заправский комплимент, не правда ли? — Мэри рассмеялась нервным смешком и продолжала с поникшей головой: — Скажите, может быть, сестра короля для вас недостаточно знатна?

— Моя служба так всецело занимает мои вечера, что...

— Это неправда! — перебила его Мэри, достаточно знавшая службу в лейб-гвардии, чтобы не понимать, как мало времени может она отнять. — Лучше скажите мне без всяких обиняков, что вам не нравится наше общество.

— Бога ради, леди Мэри, только не это! — воскликнул Брендон. — Я не могу допустить, чтобы вы думали что-нибудь такое, до такой степени не соответствующее истине!

— Тогда выкладывайте эту истину!

— Не могу, не могу и прошу вас, не спрашивайте далее! Оставьте меня или позвольте мне уйти, я отказываюсь от дальнейших ответов! — мрачно крикнул Чарльз, делая величайшее усилие, чтобы сдержать пламенные слова, вырывавшиеся у него из сердца.

Мэри не почувствовала страданий его сердца и воскликнула в величайшем изумлении:

— Оставить вас? Да так ли я слышала? Я никогда не думала, что меня, дочь и сестру короля, осмелится прогнать какой-то... какой-то...

— Ваше высочество! — воскликнул Брендон, но принцесса была уже далеко.

Чарльз не сделал ни малейшей попытки последовать за ней, чтобы объяснить девушке все; он счел за лучшее, чтобы она чувствовала себя обиженной, как ни мучительна была ему эта мысль.

Сидя на камне, Брендон долго-долго смотрел вслед Мэри и желал, чтобы его поглотила земля. В первый раз он почувствовал, как любит эту девушку; именно теперь, когда она ушла, оскорбленная им, она была ему дороже, чем когда-либо. И Чарльзу стало ясно, что скоро настанет время, когда он отбросит всякую осторожность и попытается завоевать эту девушку.

Конечно, стоит королю только проведать о безумном дерзновении Брендона, как он, бедный юноша, сложит голову на плахе, а если ему и посчастливится

удержать голову при себе, то сама Мэри не захочет и не сможет выйти за него замуж, как бы ни любила его. Расстояние между ними было слишком велико, и принцесса слишком хорошо сознавала, что положение обязывает. Ему оставалось лишь одно: уйти прочь отсюда, и в нем тут же созрело решение — уехать за море с первым кораблем.

То, что истинной причиной дерзкого поведения Брендона была любовь, не пришло в голову Мэри. Она была серьезно рассержена, и Джен пришлось теперь чаще, чем обыкновенно, чувствовать на себе тяжесть ее руки. И я тоже испытал долю ее дурного настроения, как это, разумеется, случилось бы и с Бренденом, попадись он ей на глаза. Никто не мог ужиться теперь с Мэри; даже король избегал ее, а королева почти не осмеливалась заговорить с ней. Мэри не сообщила Джен причину своей злобы, а заявила только, что ненавидит Брендона всеми силами души. Но уже через несколько дней сердце взяло верх над злобой, и желание увидеть Брендона победило жажду оскорбить его как можно больнее.

Но Чарльз сам не мог выносить долее такое положение вещей. Узнав, что через три недели из Бристоля уходит корабль в Новую Испанию, он решил отказаться от службы при дворе и уехать в Новый Свет. Я рассказал об этом Джен, и она, конечно, передала это принцессе.

Бедная Мэри! Теперь дело дошло до вздохов! Последние остатки раздражения против Брендона исчезли перед страхом потерять его. Принцесса заперлась в своей комнате и сидела одна, пока не пришла Джен, чтобы раздеть ее ко сну. Но она застала Мэри уже в кровати; принцесса закуталась в одеяло с головой и как будто спала. Тогда и Джен отправилась на покой. Обыкновенно они с Мэри спали на одной кровати, но во время дурного настроения Мэри Джен спала у себя. Некоторое время все было тихо; вдруг Джен услышала вздох, затем всхлипывание.

- Что с тобой, дорогая Мэри? — спросила она.
- Ничего.
- Мне прийти к тебе?
- Да.

Тогда Джен пришла к принцессе и нежно обняла ее за шею.

— Когда он едет? — шепнула Мэри и призналась этим вопросом во всем.

— Не знаю, — ответила Джен, — но прежде чем уехать, он захочет еще раз увидиться с тобой!

— Ты в самом деле так думаешь?

— Я знаю это!

С этим утешением и уснула всхлипывавшая Мэри.

После этого несколько дней принцесса была довольно спокойна; только Джен заметила, что она постоянно находится в ожидании кого-то.

Наконец Мэри и Брендону пришлось встретиться и притом следующим образом. К королевской спальне примыкала роскошно обставленная комнатка с собранием избранных книг. Однажды Брендон зашел сюда, выбрал себе книгу и уселся в нише, полускрытый занавеской. Вдоль стены шла скамейка с мягким сиденьем. Через маленькое шестиугольное окно проникал свет. Брендон недолго просидел там, как вдруг вошла Мэри. Уж не знаю, проведала ли она о присутствии здесь Чарльза, но факт тот, что они оказались здесь вместе и что она, заметив его, подошла к нему, прежде чем он успел заметить ее присутствие.

Брендон в тот же миг вскочил и, почтительно поклонившись принцессе, собрался уходить.

— Мастер Брендон, вам совершенно не к чему уходить. Я не хочу прогонять вас. Если здесь не хватает места для нас обоих, то я лучше снова уйду. Я не хочу мешать вам! — Мэри сказал все это дрожащим, взволнованным голосом и сделала движение, чтобы повернуться и уйти.

— Леди Мэри, как можете вы говорить так! Вы знаете, вы должны знать... о, молю вас!..

Тогда Мэри, взяв Чарльза за руку и, притянув его на скамейку возле себя, сказала:

— Дело в том... я не знаю... но мне хотелось бы узнать... Я хотела бы, чтобы вы сели около меня и рассказали... Тогда я, пожалуй, примирюсь с вами, хотя в последний раз вы обошлись со мной так плохо! Ну, что вы скажете на это?

Слова принцессы сопровождалась нервным смешком, доказывающим, что на ее сердце было далеко не так же светло и хорошо, как она хотела показать словами. Бедный Брендон! Должно быть с ним случилось в первый раз, что он не мог выговорить ни слова

в ответ на обращенную к нему речь и остался в беспомощном молчании!

Мэри скорее овладела собой — ведь женщинам это дается легче, чем нам! — и продолжала:

— Не буду говорить вам о вашем поведении в лесу, хотя было очень дурно с вашей стороны так скверно обойтись со мной. Ну, разве я — не добрая?

Принцесса посмотрела на Чарльза чарующим взором пламенных глаз, которым любовь сообщила двойную прелесть. Нет, наверное, она была осведомлена о пребывании Брендона в этой комнате, так как ее туалет отличался особой изысканностью. И вся она была так прелестна, так бесконечно очаровательна, что, как рассказывал мне потом Брендон, он, внимая звукам ее голоса, думал, нельзя ли ему каким-нибудь необычным образом сбежать — ну, хоть выпрыгнуть в окно, например! Но это было невозможно, и Чарльз прибег к единственному оружию, которое ему еще оставалось: молчанию! Однако и это оружие скоро было выбито из его рук.

После недолгой паузы Мэри полушутя продолжала:

— Однако ответьте же мне! Вы должны относиться ко мне хотя бы с той долей вежливости, которой обязаны по отношению к женщине самого простого звания!

— О, если бы вы были ею!..

— Да, если бы! Но раз я — не простого звания, то тут уже ничего не поделаешь. А отвечать мне вы должны!

— Да ведь на это нет ответа, нет! Ах, дорогая леди... умоляю вас... о, разве вы не видите?

— Да, да! Но все же ответьте на мой вопрос. Разве я не добра к вам больше, чем вы заслуживаете?

— О да, да, в тысячу раз больше! Вы всегда были так добры, так милостивы, так снисходительны ко мне! Я могу только благодарить вас от всего сердца! — ответил Чарльз, не решаясь взглянуть на принцессу.

Мэри сразу овладела положением. В тот же момент к ней вернулась ее обычная шутливая непринужденность.

— Как мы стали скромны! — воскликнула она. — Да куда же девалась наша хваленая смелость? Я была добра? И всегда? Неужели в первый раз, когда я увидела вас, я тоже была добра к вам? И снисходительна? Это слово вы не смеете употреблять между нами!

— Нет, — ответил Брендон, который тоже начал овладевать собой, — нет, я не могу сказать, чтобы в первый раз вы были особенно добры! Как вы тогда вспыхнули! И это вышло так неожиданно, что от изумления я просто не чувствовал ног под собою!

Оба засмеялись при воспоминании о первой встрече.

— Нет, не могу сказать также, чтобы при этом вы выказали чрезвычайную доброту, но зато потом, когда леди Джен снова позвала меня к вам, вы были очень добры, так добры, как только можете быть!

— Значит, вы нетребовательны, если называете это добротой, — улыбаясь ответила Мэри. — Я могу быть еще гораздо добрее, если только постараюсь. Оно, — и Мэри положила руку на сердце, — сегодня просто переполнено добротой!

— Боюсь, что вам лучше стать снова злой, позвольте честно предупредить вас! — сурово заметил Брендон, чувствувавший, что все его силы тают.

Не обращая внимания на это предупреждение, Мэри продолжала после краткой паузы:

— Теперь мы переменились ролями. Обидчиком стали вы!

— Обидчиком? О, вы просто не хотите признать, что я руководствуюсь лучшими намерениями! Во всяком случае, для меня было бы лучше очутиться на противоположном конце земли!

— Вот относительно этого я как раз и хотела спросить вас. Джен говорила мне, что вы собираетесь уехать в Новую Испанию?

Мэри умышленно поспешила переменить разговор, так как сама начала чувствовать, какой опасный оборот принимает он. В то время принцесса Мэри считалась бесспорной наследницей английского трона, так как брак Генриха VIII оставался бездетным (Мария Тюдор, впоследствии получившая прозвище «Кровавой», родилась только в следующем — 1516 — году). Следовательно, как бы пламенны ни были ее чувства к Брендону, Мэри была достаточно разумна, чтобы понимать, что дело не должно, не может дойти у них до объяснения в любви. И все-таки она не могла побороть в себе страсть быть с Чарльзом, слышать его голос. Было так восхитительно находиться у самого края бездны сладчайшей радости и блаженства, но через этот край она не смела переступить! Кто была

она и кто — он? Мэри лучше всякого другого сознавала разделявшую их пропасть.

Брендон ответил на вопрос принцессы:

— Я еще не знаю точно, уеду ли я. Я предложил свои услуги кораблю, который отплывает недели через три из Бристоля, и мне кажется, что уехать следует.

— О, в самом деле? Вы это серьезно? — Мэри почувствовала болезненный укол в сердце, но в то же время не могла не испытать некоторого облегчения при мысли, что решение Брендона избавит ее от искушения.

— Мне кажется, сомневаться в серьезности моего намерения нельзя, — ответил Брендон. — Я охотно остался бы в Англии, пока не будет погашен долг, лежащий на отцовском наследстве, чтобы последнее могло быть обеспечено моим братьям и сестрам. Но я должен ехать и надеюсь добыть там, в Новом Свете, денег.

Мэри кинула на Брендона сверкающий взор и спросила:

— А как велики эти долги? Позвольте мне дать вам эти деньги, у меня их больше, чем надо. Скажите мне, сколько нужно, возьмите у меня деньги. Ну, говорите скорее!

— Вот оно! Вы опять — сама доброта! Искренне благодарю вас! — Говоря это, Брендон так посмотрел Мэри в глаза, что она не могла ни секунды вынести его взор. Опять положение начало становиться опасным, но, быстро овладев собой, Брендон продолжал в поддразнивающем тоне: — Значит, вы хотите заплатить долги моего отца, чтобы у меня не было больше предлога оставаться здесь? Пожалуй, в сущности вы вовсе не так уж добры!

— Нет, нет, вы сами это отлично знаете! Но все-таки позвольте мне заплатить долги! Сколько? Сейчас же скажите мне, приказываю вам!

— Нет, леди Мэри, я не могу!

— Пожалуйста, скажите! Если я не смею приказывать, то должна просить, и теперь я знаю, что вы это сделаете. Ведь не заставите же вы меня вторично просить?

Мэри подсела поближе к Чарльзу и заискивающе положила на его руку свою. Следуя непреодолимому влечению, Чарльз взял ее руку, поднес к своим губам и запечатлел на ней долгий пламенный поцелуй, в смысле которого она не могла ошибиться.

Мэри испугалась, и на короткий миг принцесса снова взяла в ней верх.

— Мастер Брендон! — крикнула она и отдернула руку.

Чарльз отпустил руку и отодвинулся. Он ничего не ответил. Отвернувшись, он смотрел из окна на реку.

Так сидели они оба в молчании.

Мэри поняла, что означало то почтительное движение, с которым Чарльз отпустил руку и отодвинулся. Некоторое время она смотрела на него ласковым взором, затем подняла руку, вложила ее в руку Чарльза и тихо сказала:

— Вот она, если вы хотите ее!

— Хочу?

О, это было уже чересчур! Теперь Брендону уже было мало руки, он должен был иметь все, все! Поэтому он вдруг схватил принцессу в свои объятия с такой необузданностью, что она испугалась.

— Прошу вас, оставьте меня! Не теперь, сжальтесь, Чарльз... о, не надо... не надо... Матерь Божия, прости мне!

Но тут женская стыдливость Мэри уступила бурному натиску его страсти, она упала к нему на грудь, обвила своими белыми руками Чарльза за шею и стала целовать его. Высокорожденная, знатная принцесса платила слепому божку ту подать, как самые простые девушки из народа, словно вовсе не кровь пятидесяти королей сделала ее губы такими красными и сладкими!

Брендон держал некоторое время девушку в своих объятиях, а затем упал перед ней на колени и спрятал лицо в складках ее платья.

— Да поможет мне Небо! — воскликнул он.

Мэри провела рукой по его волосам, ласково откинула волосы с его лба и нежно шепнула:

— Да поможет Небо нам обоим, потому что я люблю вас!

Чарльз вскочил и бросился вон с криком:

— Пустите, пустите меня... молю вас!

Мэри последовала за ним до двери. Когда Чарльз обернулся, то увидел, что она стояла, закрыв лицо руками.

Брендон вернулся и сказал:

— О, я не хотел заводить это так далеко, и если бы вы сами не подтолкнули меня, то никогда... — но тут Чарльз вдруг вспомнил, с каким презрением относился

он всегда к Адаму за то, что тот старался свалить всю вину на Еву, и продолжал: — Нет, это неправда! Тут виноват я один! Я должен был уже давно уехать.

Взор Мэри был прикован к полу, слезы неудержимо лились из ее глаз по разгоряченным поцелуями щекам.

— Никто здесь не виноват, ни вы, ни я, — пробормотала она.

— Нет, нет, тут нет вины, это — судьба. Я — не таков, как другие мужчины; я никогда не смогу пережить это!

— О, я слишком хорошо знаю, что вы непохожи на остальных мужчин. Да ведь и я... тоже... непохожа на других девушек?

— О, еще бы! Нет такой женщины больше во всем громадном, необъятном свете.

И они снова упали в объятия друг друга.

Так прошло несколько мгновений. Наконец, опустив глаза, Мэри задумалась, и Брендон, слишком хорошо зная выражение ее лица, сразу понял, что она чем-то недовольна.

— Вы хотите сказать что-то? — сказал он.

— Я — нет! — ответила она тихо.

— Значит, это я должен сказать что-то?

Мэри медленно кивнула головой и сказала:

— Да.

— Что же это такое? Объясните мне, и я скажу то, что нужно.

— Разве вам не понравилось слышать от меня, что я... вас... люблю?

— О, вы сами знаете! Но... но... вы хотите слышать это и от меня также?

Мэри быстро кивнула несколько раз головой, и при этом ее длинные черные ресницы приподнялись, и из-под них сверкнула пара блестящих страстью глаз.

— Этого совершенно не нужно, — произнес Брендон, — но я слишком охотно скажу вам: «Я люблю вас»!

Мэри прижалась к Чарльзу и спрятала лицо у него на груди.

— Ну, я сказал. А где награда? — спросил он.

Прекрасное лицо принцессы обернулось к нему, и посыпалась награда за наградой.

— Но это хуже, чем безумие! — крикнул наконец Брендон, почти грубо отбрасывая от себя девушку. —

Мы ведь никогда, никогда не можем принадлежать друг другу!

— Нет, — ответила Мэри, с отчаянием тряхнув головой, тогда как слезы снова брызнули из ее глаз, — нет, никогда!

Упав на колени, Чарльз еще раз приник к ее рукам, а затем вскочил и сломя голову кинулся к двери. Слова Мэри еще раз наглядно показали ему непроходимую пропасть, которая сверху казалась еще глубже, чем снизу. Тут оставалось одно: спастись бегством!

Вернувшись в свою комнату, Чарльз принялся метаться взад и вперед в страшном волнении.

— Дурак, дурак! — вопил он. — К чему я взвалил себе на всю жизнь такую смертную муку? К чему я прибыл к этому двору? О, Боже, сжался надо мной, сжался надо мной! — и Брендон кинулся на свою кровать, закрыв лицо руками.

Брендон боролся с собой, стараясь внушить себе твердое решение немедленно уехать в Бристоль, чтобы там дожидаться отплытия судна. Быть может, в Новой Испании ему будет суждено хоть отчасти возродиться к радостям жизни!

К сожалению, Чарльз не мог исполнить это намерение из-за турнира в Ричмонде, где ему непременно надо было присутствовать. Тем не менее он не хотел выходить из своей комнаты, чтобы не видеться с девушкой, сводившей его с ума. Ему казалось, что будет гораздо лучше и умнее уехать, не простившись с ней.

«Если я еще раз увижу ее, то пойду на убийство, даже если это будет только самоубийство!» — сказал он себе.

Я слышал, как всю ночь напролет он метался на кровати, а утром он был бледен и имел очень несчастный вид. Его решение уехать, не увидевшись с Мэри, было теперь крепче, чем когда-либо. Однако Провидение и судьба решили иначе.

VIII

Сначала Мэри вздыхала, не видя Брендона, потом начала плакать, а в конце концов стала раздражаться. Правда, рассудок подсказывал ей, что так будет лучше, но страстное желание видеть Брендона становилось все

настоятельнее. Даже сознание разделявшей их пропасти притупилось у нее, и, как справедливо говорила Джен, неудовлетворенное желание Мэри стало мукой для окружающих ее лиц.

Вечером третьего дня Мэри послала за Бренденом, но Чарльз ответил коротенькой запиской, что не может и не хочет прийти. Он знал, что стоит ему еще раз увидеть Мэри, и он не уедет в Новую Испанию, а останется в Англии, чтобы безнадежно любить и в результате сложить свою голову на плахе. Уже теперь ему нужно было призывать всю свою силу воли, чтобы не отказаться от плана отправиться за море. Брендон был на границе предела самообладания и, умея разбираться в самом себе, отдавал себе отчет в том, что не следует делать.

Зато принцесса Мэри, никогда не занимавшаяся мудрым самопознанием, не могла оценить мотивы Брендона и пришла в необузданную ярость от его ответа. Злоба и уязвленное самолюбие заслонили в этот момент всю ее любовь: она непрестанно твердила себе: «Я ненавижу этого негодяя! О, стоит только мне вспомнить, как далеко я зашла!» — и при этом слезы раскаяния и стыда градом катились у нее.

До тех пор, пока Мэри была уверена, что подарила свою любовь человеку, который платил ей той же страстью, она была рада и горда содеянным, но теперь стала сомневаться и сочла себя обманутой. Ей казалось совершенно ясным, что никакая сила не могла бы удержать Брендона вдали от нее, если бы он питал к ней те же чувства, что и сама она. Поэтому она в конце концов пришла к убеждению, что Чарльз просто пренебрег ею. Воспоминание, что ей пришлось просить его признаться ей в любви, и мысль, что все авансы были сделаны ею самой, усиливали ее подозрения, и она без сомнения считала, что ни с одной женщиной во всем мире никогда не поступали так скверно, как с ней.

А ко всему этому переговоры о браке Мэри с престарелым королем Людовиком XII получили огласку при дворе. Разумеется, саму Мэри даже и не спрашивали, и, по-видимому, на этот раз Генрих решил поступить по всей строгости: по крайней мере при дворе открыто говорили, что теперь просьбы и ухищрения Мэри останутся безрезультатными, и это опасение начала разделять и она сама.

Принцессе была ненавистна даже одна мысль об этом браке, но она ни с кем, кроме Джен, не делилась своими чувствами, приберегая силы к решительному моменту. В первый раз за всю свою жизнь Мэри была вырвана из обычной безоблачности и поставлена лицом к лицу с тяжелыми заботами. И самым невыносимым во всем этом была неизвестность!

В это время в Биллингсгэт-урде, самом мерзком квартале Лондона, поселился астролог и предсказатель Груш, стяжавший широкую известность несколькими прорицаниями, чудесным образом буквально сбывшимися. Побывать у этого Груша было уже давно заветной мечтой Мэри. Ее интерес к кудеснику был подогрев главным образом тем, что король Генрих VIII крайне сурово относился к посещениям аристократией Груша, и, например, леди Честерфильд и леди Ормонт, представительницам весьма почтенных семей, был безжалостно закрыт доступ ко двору, как только стало известно, что они украдкой ходили пытаться свою судьбу.

То, о чем мечтала прежде Мэри только из любопытства, стало теперь для нее насущнейшим вопросом момента. Действительно, ей было крайне важно узнать, удастся ли ей отговорить своего брата короля от его брачных проектов и как ей взяться за это дело, чтобы склонить его отказаться от мысли видеть ее французской королевой. Но еще важнее было для нее, пожалуй, узнать истину о чувствах Брендона. Поэтому Мэри решила тайно навестить Груша.

Я узнал это от Джен, которая, встретившись со мной однажды утром, сказала с озабоченным лицом, что они с Мэри отправляются в Лондон за покупками, остановятся в Бридуэль-хаузе и вечером отправятся к Грушу в Биллингсгэт. Мэри вбила себе это в голову, и Джен не могла отговорить ее.

Двор оставался в Гринвиче, в Бридуэле не было никого, и потому Мэри думала, что, переодевшись фруктовыми, они легко смогут выполнить свое намерение. Между тем даже для мужчины было бы немалой смелостью отправиться после наступления темноты и без спутников по лучшим кварталам Лондона, не говоря уже о Биллингсгэте, этом гнезде мошенников и головорезов. Но Мэри не отдавала себе отчета в опасности и, как всегда, не желала слышать никаких возражений. Она пригрозила Джен жестокой мстостью, если та выдаст ее секрет, и Джен от страха была совсем

несчастной. Но, несмотря на страх перед Мэри, она все же попросила меня тоже отправиться в Лондон и без ведома принцессы пойти на некотором расстоянии следом за ними во время их путешествия к Грушу. Однако мне было невозможно исполнить эту просьбу, так как я должен был в этот вечер функционировать в своей должностной роли на балу в честь французского посольства, явившегося для переговоров по поводу брачного проекта. Мэри категорически отказалась присутствовать на этом балу, и ее своевольное упрямство очень раздосадовало короля.

Однако я предложил Джен послать вместо себя Брендона, который больше подходил к роли защитника, а кроме того предложил, чтобы Чарльз взял с собой еще кого-нибудь. Но Джен из опасений гнева Мэри и слышать не захотела о последнем, так что мы уговорились, что Брендон отправится один.

Джен успела перед отъездом сговориться с Брендонном, и было решено, что Чарльз притаится у ворот, через которые девушки выйдут из Бридуэля. Мэри собиралась отправиться с наступлением сумерек и вернуться еще до ночи.

Так Брендон и сделал. С наступлением темноты он спрятался за группу вековых деревьев и стал ждать. Ввиду того, что лондонские горожане отнюдь не исполняли закона, предписывающего зажигать огни у домов, было темно, хоть глаза выколи. Вдруг Брендон различил в слабом свете угасавших сумерек герцога Букингэмского, вышедшего из ворот вместе с одной из прислужниц принцессы.

— Да, ваша светлость, — сказала служанка, — вот через эти ворота они и собирались уйти. Если вы спрячетесь, то можете выследить их. Только я не знаю, куда они хотят идти; я лишь случайно услышала, что с наступлением сумерек они тайком выйдут из дворца, — и, сказав это, девушка шмыгнула обратно.

Вскоре показались девушки, одетые в короткие юбки и шапочки продавщиц апельсинов. Герцог Букингэмский последовал за ними, а Брендон — за герцогом. Девушки вышли через маленькую дверцу в стене и быстро зашагали через Флит-дич, затем по Леджет-хилю, мимо собора святого Павла; затем они повернули к реке, взяли направление на Беннет-хил, влево по Тайм-стриту, далее через мост, пока не пришли в Фиш-стрит-

хил, где они завернули в аллею, которая вела в Кастчип, вплоть до дома Груша.

Со стороны принцессы было просто геройством направиться этим путем, что доказывало, какой решимостью было полно ее сердце. Не говоря уже о действительной опасности, в этих местах могло повстречаться многое, что было способно отпугнуть женщину. Джен непрерывно хныкала, но Мэри оставалась непоколебимой. На пути им встречались громадные кучи грязи, в которых можно было утонуть. Брендон зачастую сомневался, не потерял ли он следа девушек, так как по временам они совершенно исчезали из вида, а ему еще нужно было не спускать глаз с герцога Бункингэмского.

Так дошли они до дома Груша. Узнав, куда именно шли девушки, герцог удалился, а Брендон стал ждать их.

Прошло немало времени, пока девушки вышли от прорицателя и направились обратно. На обратном пути Мэри очень скоро заметила, что кто-то следует за ними по пятам, и сильно испугалась. Теперь, когда цель ее рискованного путешествия была достигнута, уже не существовало острого побудительного мотива, прищипавшего прежде ее мужество.

— Джен, кто-то преследует нас! — испуганно шепнула Мэри.

— Да, — ответила Джен, с таким равнодушием, которое сильно удивило Мэри, знавшую, что за трусиха ее подруга.

— О, если бы только я последовала твоему совету и никогда не ходила в это ужасное место, где я вдобавок еще наслушалась самых отвратительных вещей! — воскликнула она. — Удастся ли нам живыми добраться до дома!

Девушки ускорили шаги, но их преследователь не отставал от них.

Страх принцессы все возрастал, она судорожно схватила Джен за руку и прошептала:

— Вот когда мы погибли! Я отдала бы все, что имею, и все что когда-нибудь будет моим, за... мастера Брендона!

В этот момент Брендон казался принцессе лучшим защитником на свете.

Это, разумеется, показалось Джен самым благоприятным моментом, чтобы сказать: «Да это и есть мастер

Брендон! Если мы подождем минутку, он нагонит нас!» — и она кликнула Брендона.

Это сообщение произвело на Мэри двойное действие. Дело в том, что «прорицания» Груша усилили ее подозрения относительно фальши Брендона, и теперь, вместе с чувством избавления от большой опасности, она почувствовала глубокий стыд, что Чарльз посвящен в ту самую тайну, которую она хотела скрыть именно от него. Поэтому, загоревшись злобой, она крикнула:

— Джен Болингброк! За такое злоупотребление моим доверием ты уйдешь прочь от меня, как только мы вернемся в Гринвич!

Следуя зову Джен, Брендон поспешил к напуганным девушкам будучи уверен в самом теплом приеме. Но слова, которыми его встретила принцесса, просто огорошили его:

— Мастер Брендон, ваша наглость будет дорого стоить вам! Мы не желаем вашего общества. Не путайтесь в наши дела; мы находим, что вам впору разобратся только в своих собственных!

И это пришлось услышать от девушки, которая неделю назад подарила его столь многим! Бедный Брендон!

Джен горько заплакала.

— Простите мне, — сказала она, обращаясь к Чарльзу, — я не виновата тут! Только что она сама сказала, что...

Но в этот момент рука Мэри шлепнула Джен по губам, и она, рыдая, замолкла.

Девушки направились к Каст-чипу и быстро зашагали далее в этом направлении. Несмотря на оскорбление, нанесенное ему, Брендон продолжал следовать за ними. Он как раз заворачивал за угол маленькой улочки, тянувшейся между рыбными лавками, когда мимо Брендона проехало четыре всадника, очевидно, посланные герцогом Букингэмским вдогонку.

Брендон услышал возгласы ужаса и, завернув в свой черед за угол, увидел, что двое всадников спешили, чтобы задержать девушек. Страх окрылил последних. Так как они были в коротких юбках, то могли свободно бежать, преследуемые двумя негодьями.

Брендон кинулся вдогонку. Оба всадника, оставшиеся верхами, старались предостеречь своих товарищей, но уже в следующее мгновение один из преследователей рухнул на землю, пораженный мечом Брендона.

Второй обернулся, но тоже упал сраженным, не успев вымолвить ни звука. Девушки остановились. Мэри поскользнулась и упала, но сейчас же вскочила на ноги, и обе они прислонились к стене, представляя собой картину воплощенного ужаса.

Брендон кинулся к девушкам, но оба всадника уже устремились к нему и напали на него, оставаясь в седлах. Брендону приходилось напрягать всю свою ловкость, чтобы оберегать девушек от копыт вздымавшихся на дыбы коней и не быть самому изрубленным в куски. Нечто вроде контрафорса в стене давало Чарльзу маленькое преимущество. Он толкнул девушек за этот выступ и прикрыл их своей спиной. Так он встретил превосходящего силой неприятеля с обнаженным мечом. К счастью, в этом месте сразу мог нападать только один всадник, и в темноте нападавший попал мечом по стене, так что брызнул сноп искр. Это была очень счастливая случайность, так как иначе, наверное, наша история здесь и кончилась бы. Но теперь Брендон ударил мечом в шею, так что конь откинулся назад, опрокинулся и похоронил под собой всадника. Крик боли упавшего заставил его спутника кинуться к нему, и Брендон воспользовался этим, чтобы скрыться с девушками. Между прочим ему удалось рассмотреть в упавшем всаднике герцога Букингэмского, у которого с лица свалилась маска. Однако Чарльз рассказал об этом лишь много-много времени спустя, и его молчание чуть не погубило его. К каким роковым последствиям может привести не сказанное вовремя слово!

Девушки были полумертвы от страха, и, чтобы как-нибудь продвинуться вперед, Брендону пришлось нести принцессу, помогая в то же время и Джен, пока они не оказались вне опасности. Джен скоро оправилась, но Мэри даже и не думала переменить положение: она склонила голову на плечо Брендону с видом полного удовлетворения.

Через несколько минут Джен сказала:

— Если вы можете идти теперь, миледи, то время не терпит! Мы скоро дойдем до Фишмонгерс-холла, где в это время, наверное, попадутся прохожие!

Мэри ничего не ответила, но в этот момент Брендон пошатнулся и чуть не упал, и она шепнула ему:

— Простите, о, простите! Я готова вынести любую эпитимию, какую вы наложите на меня, и чувствую себя недостойной выговорить ваше имя! Я обязана вам

своей жизнью и еще больше... о, в тысячу раз больше!

С этими словами принцесса обвила рукою шею Чарльза и только тут заметила, что он ранен. Слезы брызнули у нее из глаз, когда она выскользнула из его объятий на землю. Она пошла вплотную рядом с ним, и вдруг, схватив его руку, поднесла ее к своим губам.

Через полчаса Брендон расстался с девушками у ворот Бридуэля, перешел через мост, взял на постоялом дворе оставленную им лошадь и поскакал обратно в Гринвич.

Так окончилась авантюра Мэри с хождением к прорицателю. Она проклинала себя на чем свет стоит за то, что вообще исполнила свою прихоть. Гаданье прорицателя отнюдь не соответствовало желаниям и надеждам принцессы. Груш сказал девушке, что у нее много поклонников, среди которых имеется один низкого происхождения, а чтобы сделать гаданье поинтереснее, назвал последнего фальшивым. Затем, чтобы польстить ей, он прибавил, что она скоро выйдет замуж за богатого и знатного господина.

Всю ночь напролет Мэри плакала и стонала; посещение Груша только усилило страдание ее сердца и сделало ее окончательно несчастной!

IX

Казалось, что в этот вечер королевский бал никогда не кончится — так восхищены были французы нашими стройными, белокуроыми красавицами. Поэтому я должен был сдержать свое желание поскорее увидеть Брендона и узнать от него об исходе приключения.

Когда наконец под утро я поспешил в наши комнаты, то застал Брендона, лежавшим на кровати. Он был так истощен кровотечением, что даже не в силах был раздеться. Я сейчас же послал за цирульником, и тот снял с Чарльза кольчугу и перевязал раны. После этого Брендон впал в глубокий сон, а я сидел у его ложа весь день и всю следующую ночь. Очнувшись, Брендон рассказал мне все, за исключением участия герцога Букингэмского в ночном деле. Кроме того, он просил меня никому не говорить о его ранении, чтобы возможно лучше скрыть причину последнего.

Я увидел принцессу в послеобеденное время и ждал,

что она осведомится о здоровье своего защитника. Он, вступившийся за нее в минуту величайшей опасности и столько перенесший, заслуживал хоть некоторого участия и заботы. Но Мэри ничего не спросила о Брендоне и, как я заметил, тщательно избегала встречи со мной. На следующее утро она уехала с Джен в Сконтлэнд-палас, ни звуком не заикнувшись о Брендоне.

Насколько я понял, Мэри провела кое-какие новости относительно брачных переговоров и боялась, что брат, узнав о ее проделке и в особенности о злосчастном исходе таковой, во что бы то ни стало пошлет ее во Францию. Страшная участь висела над головой Мэри, и теперь, озираясь назад и принимая все это во внимание, я понимаю, что все прочее должно было отступить для нее на задний план.

В следующую ночь я проснулся от стука в мою дверь. Открыв, я увидел судейского в сопровождении четырех вооруженных стражников. Судейский осведомился, не проживает ли здесь некий Чарльз Брендон, и, когда я ответил утвердительно, потребовал его вызова. Я ответил, что Брендон по нездоровью прикован к кровати, но в ответ на это судейский потребовал, чтобы я провел его в комнату «некоего» Брендона.

Так как всякое сопротивление было бы бесполезным, то я разбудил Чарльза и провел судейского в его комнату. Здесь судейский прочитал приказ об аресте Чарльза Брендона, обвиняемого в убийстве двух лондонских горожан. Около трупов нашли шляпу Брендона, и власти получили из высших сфер подтверждение, что виновным действительно является Брендон. Без сомнения этими «высшими сферами» был герцог Букингэмский!

Хотя Брендон был так слаб, что почти не мог шевельнуть рукой, все-таки приходилось следовать приказу. Я предложил сейчас же отправиться к королю, так как знал, что тот простит этот проступок, если я расскажу ему все. Но Брендон попросил судейского оставить нас на минутку одних и сказал:

— Прошу тебя, оставь это, Каскоден! Если ты расскажешь все королю, то я отрекусь от всего! На всем свете существует только одна особа, которая смеет рассказать о событиях той ночи, и, если она не сделает этого, значит, надо молчать обо всем. Я знаю, что Мэри сейчас же приведет все в порядок, и мне не хотелось бы обидеть ее хотя бы минутным сомнением

в этом. Ты ее не знаешь; порой она кажется эгоисткой, но на самом деле у нее очень хорошее сердце. Я вверяю свою жизнь ее рукам, и если ты проронишь хоть слово, то натворишь больше бед, чем сможешь искупить всей жизнью. Поэтому настоятельно прошу тебя никому ничего не говорить. Если принцесса не захочет освободить меня... Но об этом нечего и думать. У нее золотое сердце!

Я не хотел, чтобы Брендон сомневался, а потому не сказал ему ни слова об отъезде девушек.

Привели конные носилки, и мы все вместе двинулись в путь. Брендона отправили в Ньюгэт, который был в то время самой ужасной тюрьмой Лондона и служил для заключения тягчайших преступников. Здесь Брендона кинули в подземную сырую камеру, сквозь старые стены которой непрерывно просачивалась вода. Окон не было, по стенам, сплошь заросшим плесенью, и полу ползали всевозможные насекомые; ни кровати, ни стула, ни охапки соломы — можно ли было представить себе более ужасное место заключения?

При слабом свете фонаря тюремного сторожа я мог осмотреть камеру, пока туда втаскивали Брендона, и подумал, что проведи я хоть одну-единственную ночь в такой обстановке, то сошел бы с ума. Поэтому я принялся просить сторожа сделать что-нибудь для Брендона, пытался подкупить его, но все было напрасно: сторожа были подкуплены уже раньше!

Хотя это ничем не могло помочь Брендону, но все-таки я счел долгом простоять всю ночь до утра под проливным дождем перед тюрьмой, где томился мой несчастный друг. Я должен был придумать что-либо для его спасения! Разве он не пострадал за Джен так же, как и за Мэри? Было бы верхом неблагодарности с моей стороны, если бы я не был весь проникнут стремлением прийти к нему на помощь!

Как только на следующее утро распахнулись ворота тюрьмы, я снова осадил сторожа бурными просьбами перевести Брендона в лучшую камеру; но он ответил, что с некоторого времени преступления такого рода слишком участились в Лондоне, а потому виновные в них не могут рассчитывать на какое-либо снисхождение и заслуживают тягчайшего наказания. Напрасно пытался я втолковать ему, что истина будет разъяснена в тот же день и Брендона неминуемо освободят!

— Ладно, ладно! — невозмутимо ответил сторож. —

Никто из тех, кто попадает к нам, никогда не бывает виноват и каждый из них может доказать свою невиновность. Тем не менее почти всех их вешают или четвертуют!

Я прождал в Ньюгэте до девяти часов. Уходя отсюда, я столкнулся с герцогом Букингэмским и Джонсоном, его стряпчим, как раз направлявшимся в тюрьму.

Тогда я поспешил в Гринвич, и, узнав, что девушки еще в Скотланд-паласе, сейчас же поскакал туда.

Оставшись наедине с Мэри и Джен, я рассказал им об аресте Брендона по обвинению в убийстве и о том, как он лежит в ужасной камере, изнуренный ранами и потерей крови. Девушки были очень взволнованы моим рассказом, но мне бросилось в глаза, что Мэри совершенно не была изумлена.

— Как вы думаете, он объяснит причину, заставившую его обнажить оружие? — спросила принцесса.

— Я знаю, что он не сделает этого, — ответил я, — но знаю также, что он уверен в вашей защите! — И говоря это, я твердо посмотрел ей в глаза.

— Ну, конечно, мы придем к нему на помощь, — сказала Джен. — Мы сейчас отправимся к королю!

Мэри не присоединилась к уверениям Джен, а продолжала сидеть с отрешенным видом. Ее взор, погруженный в мечты, сверкал слезами.

Когда мы настойчиво попросили Мэри высказаться относительно этого плана, она сказала:

— Мне кажется, так нужно, я не вижу другого выхода. Но, Мать Божья, помоги мне!

Девушки поспешно собрались, и мы отправились обратно в Гринвич. По дороге я остановился у Ньюгэта, чтобы порадовать Брендона вестью о его близком освобождении, но, к величайшему моему разочарованию, мне не позволили повидаться с ним. Тем не менее, будучи убежден, что освобождение Брендона — дело лишь нескольких часов, я радостно поскакал дальше и вскоре нагнал девушек.

После того как я достаточно долго прождал, пока Мэри поговорит с королем, я снова отправился к ней, желая узнать о результатах ее ходатайства. Каково же было мое возмущение, когда я узнал, что принцесса даже не видела короля, так как должна была заняться своим туалетом и пообедать.

— Господи Боже, ваше высочество! Разве я не сказал вам, что человек, спасший вашу жизнь и честь,

покрытый ранами, полученными в то время, как защищал вас, лежит в темной, грязной, мрачной тюрьме на таком полу, на который вы не ступите за все сокровища Лондона? Разве я не сказал вам, что вокруг него кишат насекомые и что он находится под тяжестью обвинения, грозящего смертной казнью? И вы находите время для туалета и еды? Да скажите же, ради всех святых, из какого материала создано ваше сердце, Мэри Тюдор? Если бы Брендон промешкал только одну-единственную секунду и не кинулся с единственным мечом против четырех противников, что было бы теперь с вами? Подумайте об этом, принцесса, подумайте!

Я сам испугался своей смелости, но Мэри отнеслась к моей речи очень спокойно и сказала грустно и медленно:

— Вы правы, я сейчас же пойду, я презираю сама себя за эту эгоистическую небрежность. Другого пути нет. Так должно быть, а что мне это будет стоить — дело второстепенного значения!

— И я пойду с вами! — заявил я.

— Не могу поставить вам в вину, что вы сомневаетесь во мне, но только теперь вы увидите, что я сейчас же иду к королю!

— А я пойду с вами, леди Мэри! — упрямо повторил я.

Принцесса улыбнулась моему упорству и взяв меня под руку сказала:

— Пойдем!

Мы отправились к королю, и вот тут-то улыбка сбежала с лица Мэри, имевшей такой вид, будто ее ведут на казнь. Мэри просто посерела от страха перед объяснением!

Король как раз был занят энергичными переговорами с французским послом. Опасаясь какого-нибудь бурного взрыва со стороны сестры, он отказался принять ее, но, разумеется, противоречие только утвердило решение Мэри; она уселась в приемной и заявила, что не сдвинется с места, пока не увидится с королем. Вскоре явился паж, искавший меня по всему дворцу, чтобы передать мне желание короля немедленно видеть меня. Я отправился в королевский кабинет, оставив Мэри одну в грусти и унынии.

При моем появлении король воскликнул:

— Где вы пропадаете, сэр Эдвин? Я чуть не до

смерти загонял добрую дюжину пажей в погоне за вами! Вы должны сейчас же собраться в путь и отправиться в Париж с посольством к его величеству королю Людовику. Собирайтесь поскорее, потому что через час посольство отправляется.

Мог ли служебный приказ явиться более не вовремя? Я пришел в полное замешательство и отправился в приемную, чтобы рассказать о случившемся принцессе. Но ее уже не было там. Я поспешил в ее апартаменты, но Мэри не было и там, как не было также и в покоях королевы. Я исколесил все старое здание дворца вдоль и поперек, не встретив ни принцессы, ни Джен.

Король сообщил мне, что мое посольство должно оставаться втайне и что я не смею никому, а менее всех — принцессе Мэри, рассказывать о своей командировке. Так как приказания короля нельзя было ослушаться, то я почувствовал даже некоторое облегчение при мысли, что мне не придется изворачиваться, объясняя Мэри или Джен причины, в силу которых я должен буду исчезнуть на некоторое время из поля их зрения.

Итак, надо было скорее укладываться и ехать в Лондон. Я пытался успокоить себя уверенностью, что Мэри во что бы то ни стало объяснится с королем и избавит Брендона еще до ночи от страшного заключения, но какое-то тайное предчувствие твердило мне, что дело не обойдется так просто.

Перед отъездом я успел написать Мэри и Джен по письму, в которых кратко извещал обеих девушек, что по непредвиденным обстоятельствам должен временно покинуть Лондон. В письме к принцессе я сделал следующую приписку:

«Я отдаю в Ваши руки судьбу человека, которому мы все так обязаны, и твердо рассчитываю, что Вы исполните свой долг по отношению к нему».

* * *

Я пробыл в отсутствии около месяца, и так как даже Джен не знала, где я, то я не получил, да и не ждал писем. Король приказал мне молчать, и если

я смею хвалиться хоть единой добродетелью, то это — верностью данному обещанию!

Все это время я не мог отделаться от боязни, что Мэри недостаточно настойчиво вступится за Брендона. Я был твердо убежден, что слухи о брачных намерениях французского короля значительно парализуют ее твердость, но утешал себя сознанием, что там была Джен, чудная, самоотверженная Джен; и в тех случаях, когда принцесса начнет колебаться, Джен не оставит ее в покое.

Однако, вернувшись в Лондон, я застал Брендона все в том же ужасном положении. Во время моего отсутствия суд над Брендонам уже состоялся, и Чарльз был присужден к казни через повешение, утопление и четвертование, которая должна была состояться в самом непродолжительном времени.

Я узнал следующее. Утром после рокового события в Биллингсгэте цирюльник, перевязывавший раны Брендону, был вызван, чтобы перевязать поврежденное колено его светлости герцога Букингэмского. Во время этого занятия цирюльник рассказывал герцогу разные разности и между прочим сообщил, что прошлой ночью ему пришлось перевязывать девять больших и малых ран мастеру Брендону, другу короля. Это дало возможность установить личность спасителя девушек, до того лишь подозреваемую герцогом. Только много позже узнал я, как использовал благородный лорд возможность отплатить за посрамление на балу у леди Мэри.

Сначала он отправился в Ньюгэт, и его указаниям был обязан Брендон тем, что его бросили в самую ужасную из лондонских тюрем. Затем он отправился в Гринвич, зная, что король, узнав об аресте Брендона, сейчас же предпримет шаги для освобождения друга. Когда герцог переступил порог королевской комнаты, Генрих крикнул ему:

— Милорд, вы пришли удивительно кстати! Такой испытанный друг народа, как вы, может быть чрезвычайно полезен нам в это утро. Наш друг Брендон арестован за то, что убил прошлой ночью в Биллингсгэте двух мужчин. Наверное, здесь допущена какая-нибудь ошибка, и добрейший шериф захватил не того, кого следует. Но — ошибся ли шериф или нет — мы желаем выручить Брендона из тюрьмы и полагаемся на вашу добрую помощь в этом случае.

Герцог Букингэмский заявил, что бесконечно сча-

стлив служить своему королю, и сейчас же отправился в Лондон к лорду-мэру. После обеда он вернулся и получил частную аудиенцию у короля.

— Во исполнение желания вашего величества я хотел сейчас же распорядиться об освобождении Брендона, но, ознакомившись с положением вещей, счел необходимым первоначально еще раз выслушать мнение вашего величества,— сказал герцог.— Боюсь, что не может быть сомнения в виновности Брендона. Он шел с двумя девушками, из-за которых поссорился с прохожими, и в результате этой ссоры им были убиты двое. Этот крайне неприятный случай привел горожан в сильное возмущение, так как убийства мирных граждан все учащаются в последнее время. При таких обстоятельствах я подумал, не будет ли разумнее не идти наперекор горожанам и оставить мастера Брендона под арестом, особенно принимая во внимание тот факт, что вашему величеству придется вскоре обратиться к городу с предложением назначить приданое леди Мэри. Когда это приданое будет выдано городом, мы можем спокойно сыграть с горожанами партию.

— Мы уже теперь сыграем партию с благородными горожанами Лондона и заставим их раскошелиться на приданое,— ответил король.— Я желаю, чтобы Брендон был немедленно освобожден, и ожидаю от вас сообщения об исполнении моего желания, милорд!

Герцог почувствовал, что на этот раз возможность мести врагу готова ускользнуть от него, но он был очень упорен в злобе и не хотел складывать оружие. Уходя от короля, он увидел леди Мэри в приемной и подошел к ней. Сначала принцесса рассердилась при виде человека, которого так ненавидела, но тут же ей пришло в голову, что она могла бы использовать влияние герцога на граждан и власти Лондона, а так как она была уверена во всемогуществе своей улыбки, то и решила спасти Брендона, не выдавая своей тайны.

К величайшему изумлению герцога, Мэри приветливо улыбнулась ему, выразила удовольствие видеть его и сказала:

— Милорд, в последнее время вы совсем забыли нас и почти не показывались! Что нового?

— Я, право, не знаю ничего такого, что было бы интересно узнать вашему высочеству. Благоволите принять по крайней мере за новость, что я изучил у Каско-

дена новый французский танец и надеюсь танцевать его на следующем балу с прекраснейшей женщиной мира!

— С удовольствием, милорд, — приветливо ответила Мэри, но не будь герцог тщеславным фатишкой, это неожиданное благоволение показалось бы ему подозрительным.

Однако он не заподозрил никакой хитрости и даже успокоился, увидев, что Мэри, очевидно, не знает, кто напал на нее в Биллингсгэте. Он расплылся в улыбках, восхищенный любезностью принцессы, и они, посмеиваясь, пошли по комнатам.

Между тем Мэри только и ждала удобного случая, чтобы, не возбуждая подозрения герцога, заговорить об интересующем ее деле. Случай представился принцессе тогда, когда герцог высказал удивление, что застал Мэри в приемной короля.

— Я жду его величество, — ответила принцесса. — Брендон, друг нашего Каскодена, арестован в Лондоне из-за какой-то уличной ссоры, и сэр Эдвин, и леди Джен осадили меня просьбами добиться его освобождения. Но, быть может, я смею просить об этом вместо короля вашу светлость, так как вы пользуетесь в Лондоне властью и влиянием не менее его величества, и я просила бы вас немедленно принять меры к освобождению Брендона.

Герцог Букингэмский немедленно изъявил свое согласие, заметив, однако, что только воля ее высочества может принудить его заступиться за такую неприятную личность, как Брендон.

— Боюсь, — прибавил он, — что освобождение Брендона должно совершиться в полной тайне. Лондонцы требуют на этот раз строжайшей справедливости, так как уже немало виновных избежало наказания благодаря защите двора. Лучше всего дать Брендону возможность совершить побег. Он может пожить некоторое время где-нибудь в провинции и обождать, пока все забудется и королевское помилование окончательно избавит его от суда.

— Помилование? Да что вы только говорите, милорд? Ведь Брендон не сделал ничего такого, что вызывало бы необходимость в помиловании. Его следовало бы скорее наградить! — воскликнула принцесса, но тотчас же спохватилась и поспешно добавила. — Конечно, если я правильно осведомлена. Как я слышала, Брендон выступил на защиту двух женщин.

— Кто сказал вам об этом? — спросил герцог.

Мэри после некоторого замешательства ответила:

— Сэр Эдвин Каскоден, ему сообщил об этом сам Брендон.

Герцог обещал сейчас же отправиться в Лондон, чтобы подготовить все для бегства Брендона, за что и был награжден очаровательной улыбкой.

Мэри облегченно перевела дух. Ей не пришло в голову, что она вручила судьбу Брендона его злейшему врагу, и, как это часто бывает, совершив самый неразумный шаг, она была уверена, что поступила умнее всего.

Затем, раздумывая о дальнейшей судьбе Брендона, Мэри пришла к убеждению, что Чарльзу лучше всего будет спрятаться после бегства где-нибудь поблизости от Виндзора. Тогда они смогут ежедневно видеться. И вот Мэри написала Брендону письмо, после чего они с Джен отправились в Виндзор.

Повинуясь приказанию короля, желая заслужить благоволение обожаемой Мэри и намереваясь в то же время удалить от двора своего личного врага и соперника, герцог собирался действительно инсценировать бегство Брендона из тюрьмы. Однако, прибыв в Ньюгэт, он сейчас же изменил свой план действий. Письмо принцессы Мэри было передано ее пажем сторожу, а тот вручил его непосредственно герцогу. И вот, приказав сторожу отправить это письмо прямо к королю, герцог помчался в Гринвич. Здесь он разыграл сцену гнева и досады на городских властей, препятствующих освобождению Брендона и требующих королевского приказа, снабженного печатью и подписью. В то время как король, тоже возмущенный и разгневанный, собирался дать такой приказ, явился посланный из Ньюгэта, представивший королю письмо принцессы Мэри. Генрих вслух прочел следующее:

«Мастеру Чарльзу Брендону. Мой привет прежде всего! Вскоре Вы будете освобождены, быть может, даже раньше, чем это послание попадет в Ваши руки. Во всяком случае я не оставляю Вас надолго в тюрьме. Я сейчас же еду в Виндзор, где надеюсь свидеться с вами. Мэри».

— Что это значит? — с изумлением воскликнул король. — Моя сестра пишет мастеру Брендону? Милорд

Букингэм, подозрение, навеянное вами мне, оказывается вовсе не необоснованным. Мы оставим этого человека в Ньюгэте, предоставив лондонцам расправиться с ним по-свойски!

На следующий день герцог Букингемский отправился в Виндзор и сообщил Мэри, что, как он слышал, Брендон удачно бежал и отправился в новую Испанию.

Мэри поблагодарила герцога, но с тех пор у нее уже ни для кого не было улыбки. Она осталась в Виндзоре, всецело отдаваясь своему горю. По временам ею овладевала сильная злоба на Брендона, который не повидался с ней перед отъездом, но тут же слезы смягчали ее досаду, и Мэри испытывала даже некоторую радость от сознания, что Брендон потому и скрылся, что слишком любит ее.

После того как Брендон так геройски вел себя в Биллингсгэте, вся эта история предстала перед нею в ином свете. Она по-прежнему отдавала себе отчет в громадной пропасти, разделявшей их, но только с тем различием, что теперь уже она смотрела на него снизу вверх. Прежде он был самым простым Чарльзом Брендонном, а она — принцессой Мэри; теперь она все еще была принцессой, но он стал каким-то полубогом. Обыкновенный смертный не мог быть так умен, благороден и храбр. Порой Мэри ночи напролет лежала в объятиях Джен и, подавляя рыдания, шептала ей о возлюбленном своего сердца, о его мужественной красоте и совершенстве. Она утверждала, что теперь ей уже нечего более ждать от жизни, что путь к счастью навсегда закрылся для нее и что годы, еще оставшиеся для нее в этой жизни, будут полны лишь ожиданием конца, но потом вдруг она прониклась радостной уверенностью, что все еще обойдется. Ведь говорил же Брендон, что в Новой Испании бесстрашному человеку открыты широкие пути и возможности, и, конечно, он, лучший и храбрейший из людей, быстро добьется известности и богатства, чтобы вернуться в Англию и откупить любимую девушку у короля за миллионы фунтов стерлингов! О, Мэри готова была ждать его, ждать!

Так и текла жизнь Мэри в Виндзоре среди отчаяния и розовых мечтаний. А тем временем Брендона судили и приговорили к смертной казни за то, что он спас сестре короля больше чем жизнь!

Так обстояли дела по моему возвращению. Какими горькими упреками осыпал я сам себя за то, что уехал, не освободив Брендона из его ужасного положения! Я сам не мог понять, как это мог положиться в таком важном деле на двух девчонок, из которых одна была изменчива, словно ветер, а другая — совершенно бессильна!

Да, Брендон поступил бы совершенно иначе, если бы я оказался на его месте; он освободил бы меня или взял бы приступом лондонские укрепления.

Теперь я уже не стал мешкать и не подумал полагаться на какую-нибудь леди Джен или принцессу Мэри, а решил немедленно отправиться к королю и сказать ему все, пусть хотя обеим им, Мэри и Джен, придется из-за этого выйти замуж за французского короля или же за самого черта! Я хотел как можно скорее исправить свою ошибку, спасти Брендона, а потом высказать в лицо обеим девчонкам, что я о них думаю!

Я застал короля за обедом, и, разумеется, не был допущен к нему. Так как я был не в таком настроении, чтобы позволить чему бы то ни было встать мне поперек пути, то, к всеобщему ужасу, оттолкнул часовых и, ворвавшись к королю, бросился перед ним на колени.

— Справедливости, король! — воскликнул я так, что мой возглас услышали все придворные. — Справедливости для самого обиженного и наиболее благороднейшего человека на свете! Чарльз Брендон, бывший друг вашего величества, брошен в самую страшную, мрачную тюрьму и приговорен к смертной казни за то, что якобы убил двух людей в Биллингсгэте. Но... — Тут слезы брызнули потоком из моих глаз, однако, я заставил себя рассказать королю все, что уже известно читателю, касавшееся посещения принцессой Мэри прорицателя. — И вот этот-то человек, — воскликнул я затем, — присужден к смертной казни! Но я слишком хорошо знаю сердце вашего величества, чтобы не быть уверенным в немедленном освобождении Брендона. Подумайте, король, он спас царственную честь вашей сестры, которую вы так любите, и так ужасно пострадал за свою храбрость и благородство. В день, когда я должен был поспешно выехать во Францию, леди

Мэри обещала мне все сказать вам и освободить от наказания человека, оказавшего ей такую услугу. Но она — женщина и, следовательно, рождена для измены!

Король улыбнулся моей горячности и произнес:

— Да что вы говорите только, сэр Эдвин? Мне известно о том, что Брендон приговорен к смертной казни, но если дело обстоит так, как доказано на суде, если он действительно убил двоих граждан, то я не могу вмешиваться в правосудие, которого вправе требовать мой добрый народ. Вместе с тем, все то, что вы рассказываете про мою сестру, — сущая нелепость. Наверное, вы придумали все это из любви к своему другу, чтобы спасти его. Остерегитесь, друг мой, произносить такие речи в следующий раз! Если бы дело обстояло так, как вы говорите, то сам Брендон сослался бы на это во время следствия!

— Клянусь, ваше величество, что все, сказанное мной, — сама истина, и что леди Мэри и леди Джен подтвердят каждое мое слово! Брендон не хотел объяснения, чтобы не подвергать риску доброе имя спасенной принцессы: вашему величеству известно, что к прорицателю Грушу ходят не только для гаданий. Брендон предпочел лучше умереть, чем подвергнуться нареканиям имя столь любимой вами особы. Но похоже на то, что эти дамы, так обязанные Брендону, готовы лучше дать ему умереть, чем понести последствия собственной глупости. Умоляю ваше величество поспешить... нельзя более терять времени! Не вкушайте ни куска более, пока этот человек, который так честно послужил вам, не выйдет оправданным из тюрьмы. Пойдемте, ваше величество, пойдемте сейчас же, и пусть все, что я имею, мое богатство, моя жизнь, моя честь — все принадлежит вашему величеству!

На минуту король задумался, не выпуская ножа из рук, а затем произнес:

— Каскоден, сколько я вас знаю, я никогда еще не уличал вас во лжи. Вы не велики ростом, но чувством чести не уступите и Голиафу. Мне кажется, что вы говорите правду, а потому я сейчас же отправляюсь и освобожу Чарльза Брендона. А моя сестрица пусть отныне наслаждается жизнью во Франции под эгидой своего престарелого обожателя, короля Людовика. Я не могу лучше наказать ее! Эта история только укрепляет мое решение, и теперь меня не проймешь

лестью! Сэр Томас Брендон, приготовьте моих лошадей, я отправляюсь к лорду-мэру, затем к милорду архиепископу линкольнскому, чтобы договор с французами был немедленно подписан. Объявите во всеуслышание, что принцесса Мэри через месяц станет королевой Франции!

Последние слова короля были обращены к придворным, и еще до вечера новость облетела весь Лондон.

Не дожидаясь приглашения, я последовал за королем, твердо решив не полагаться ни на кого, пока Брендон не будет освобожден. После того как мы переехали через Лондонский мост и завернули по Лоуер-Темз-стрит, король от Фиш-стрит-гиля направился по Грес-черч-стриту к Бишопгэту. Он заявил, что остановится у герцогини Корнуэльской поесть там пудинга и затем направится к канцлеру Вольсею.

Я отлично знал, что стоит королю попасть к Вольсею, как там начнутся пьянство и картеж, прерываемые страстными политическими спорами. Тогда Генрих пробудет у Вольсея всю ночь, а Брендон по-прежнему будет томиться в своей темнице. Я готов был перевернуть небо и землю, чтобы не допустить этого, и, смело подъехав к королю, обратился к нему, обнажив голову:

— Ваше величество дали мне свое королевское слово прежде всего отправиться к лорду-мэру. За все те годы, которые я имею честь чтить вас, как великодушного государя и могущественного короля, это — первая просьба, с которой я решился обратиться к вам, и теперь я заклинаю вас вашей собственной честью исполнить свою обязанность дворянина и короля!

Это была смелая речь, но в данный момент мне было совершенно безразлично, приятны ли были мои слова или нет.

Король вытаращил на меня глаза и сказал:

— Каскоден, вы привязались ко мне, словно репейник, но вы правы, я забыл свое обещание. Вы помешали мне обедать, и мой желудок громко взывал к одному из лакомых пудингов герцогини Корнуэльской. Что вы за прекрасный друг в нужде! Я хотел бы тоже иметь такого!

— У вашего величества имеются два друга, которых я знаю: один — смиренно скачет рядом с вами, а другой — томится в худшей на всем свете темнице!

Король поскакал в Гильд-холл, чтобы без дальней-

шего промедления навестить лорда-мэра. Когда я по приказанию короля рассказал историю защиты Брендона принцессы, лорд-мэр высказал необыкновенную готовность освободить моего друга и только усомнился в правдоподобности моего сообщения. Тогда я предложил посадить меня самого в тюрьму и высказал готовность поплатиться жизнью, если мое показание даст возможность виновному скрыться от суда, а принцесса и ее фрейлина не подтвердят достоверность моего рассказа. Однако лорд-мэр не принял моего поручительства и попросил короля немедленно написать приказ об освобождении Брендона. Заполучив этот приказ и захватив с собой судейского чиновника, я понесся в Ньюгэт, тогда как Генрих отправился к Вольсею, чтобы там окончательно определить судьбу Мэри.

Брендона вывели из темницы в цепях и кандалах. Войдя в комнату и увидев меня, он воскликнул:

— Каскоден, это ты? Я думал, что меня ведут на казнь и радовался окончанию своих мук. Но мне кажется, что ты не станешь помогать палачам, хотя и дал мне здесь почти сгнить!

При виде Брендона я не смог сдержать слезы.

— Твои упреки справедливы, — воскликнул я, — но я не так виноват, как ты думаешь. В день твоего ареста король отправил меня во Францию, и я должен был немедленно уехать. Ах, почему я уехал, не сделав всего для твоего освобождения! Но ты сам приказал мне молчать, да и я положился на... обещание других!

— Так я и думал. Ты не виноват ни в чем, прошу тебя только никогда не говори об этом!

Брендона было почти невозможно узнать — так он был грязен, худ и бледен. Я поспешил отмыть и переодеть его, насколько это было возможно в Ньюгэте, и затем отвез его в носилках в Гринвич, где при помощи своего слуги уложил в кровать.

— О, эта кровать — предвкушение рая, — сказал Брендон, вытягиваясь на своем ложе.

Это была такая жалостная картина, что я едва был в силах подавить рыдания.

Но я вскоре овладел собой и поспешил послать за неким арапом, торговавшим оружием и отличавшимся большой ученостью. К нему относились враждебно, как к чужестранцу, но мы с Брендонем уважали его за доброту и жизненный опыт. Арап был очень сведущ во врачевании восточными средствами и сейчас же приго-

товил Брендону успокоительное питье, погрузившее несчастного в сладкий сон. Затем арап обмыл Брендона укрепляющими жидкостями, пошептал над ним таинственные слова и совершил знамения каких-то знаков. Благодаря лекарствам и заклинаниям Брендон чувствовал себя на следующее утро гораздо лучше, хотя ему было еще далеко до настоящего выздоровления.

XI

Только через неделю мог я отправиться в Виндзор, чтобы высказать девчонкам свое возмущение. Теперь в Виндзоре был также сам король с Вольсеем и Лонгвилем, чтобы предложить принцессе по всей форме счастье стать королевой Франции.

Обстоятельства складывались так, что брак Мэри должен был стать истинной жертвой с ее стороны. Людовик XII был стариком да еще французом с французскими воззрениями на мораль; а кроме того, тут были еще обстоятельства, о которых я не стану упоминать. Скажу только, что Мэри с равным успехом могла выйти замуж за прокаженного. Чему же было удивляться, если Мэри, которая была посвящена в тайну, с отчаянием и страстностью противилась этим брачным планам?

Виндзор расположен в восьми милях от Лондона и был в те времена населен очень мало. Новости проникали туда очень медленно, а вследствие этого случилось так, что Мэри узнала о подписании брачного договора лишь незадолго перед тем, как ей доложили о прибытии короля и французского посланника, собиравшихся формально просить ее руки для короля Людовика XII.

Король со своей свитой, к которой примкнул и я, намеревался известить принцессу Мэри о высокой чести, оказанной ей престарелым Людовиком XII. Однако это было нелегко сделать, так как Мэри забаррикадировалась в своей спальне и отказывалась принять посольство. Король нагнулся к замочной скважине, чтобы заставить юную строптивицу выйти из своего убежища; мы ясно слышали, что он снизошел даже до умильных просьб, и это немало распотешило нас. Затем его величество пришел в ярость и пригрозил взломать

дверь, но прекрасная осажденная упорно пребывала в глубоком молчании, давая королю таким образом полное основание привести свою угрозу в исполнение. Он был взбешен до последней степени и призывал всех нас в свидетели того, как он принудит эту «упрямую ведьму» к повиновению. Увы! он, очевидно, не признавал в полной мере грандиозности этой задачи.

Дверь вскоре взломали, и король первый вошел в комнату, а за ним — Лонгвиль, Вольсей и все мы остальные. Но мы шествовали навстречу позорнейшему поражению, которое когда-либо постигало осаждающее войско, потому что наш враг, как ни мал был он, отличался хитростью и находчивостью.

Мы застали Джен сидящей в углу, напуганной до полусмерти всем этим шумом и скандалом, ее же повелительница лежала в кровати, повернувшись лицом к стене, причем ее платье беспорядочно валялось по середине комнаты.

Не поворачивая головы, Мэри крикнула:

— Иди, иди, братец Генрих, милости просим! Пусть войдут и твои друзья также, я готова принять их, хотя и не в полном параде, как видишь! — с этими словами она взмахнула голой рукой, и герцог Лонгвиль испуганно отступил назад. Затем, по-прежнему не отворачиваясь от стены, Мэри продолжала: — Вот я сейчас встану и приму вас без всяких церемоний.

Одеяло пришло в неистовое волнение, и это вывело Генриха из себя. Не зная, что делать, он испуганно завопил:

— Лежи на месте, ведьма!

— Не будь так нетерпелив, братец, — последовал ответ, — я сию минуточку вскочу с кровати!

Крик Джен всполошил всех. Она кинулась к королю со словами:

— Умоляю ваше величество удалиться, потому что принцесса способна сделать то, что говорит, и выскочит голой перед всеми! Она вне себя! Умоляю, уйдите, я попытаюсь успокоить ее как-нибудь и привести вниз в зал!

— О нет, Джен Болингброк, — слышалось с кровати, — я сейчас приму здесь своих гостей, которые так любезно вломились в мое помещение!

Не знаю, исполнила ли бы Мэри свою угрозу, но она сделала порывистое движение, и Генрих, достаточно хорошо знавший свою сестрицу, выгнал нас всех

из комнаты и повел затем свой разбитый в пух и прах отряд вниз по лестнице. Он сыпал проклятиями и клялся всеми святыми, что Мэри станет женой Людовика или умрет.

Хитрый Вольсей отвел его в сторону, и могущественный король вместе с великим государственным человеком принялись придумывать, как бы им перехитрить несчастную девушку. Затем Генрих грубо рассмехался и приказал нам ехать с ним вместе в Лондон.

Мы сели на лошадей и поехали, но, как только замок скрылся из вида, король окликнул меня; мы с ним, Лонгвилем и Вольсеем отправились другой дорогой обратно в Виндзор и въехали боковыми воротами во двор замка, оставаясь незамеченными. Через час принцесса, предполагая, что все уехали, спустилась вниз и вошла в комнату, где были все мы.

Это была недостойная проделка, и я презираю тех, кто придумал ее. Первой мыслью Мэри было кинуться назад, но по всему своему существу она была очень мало приспособлена к отступлению. Ах, что за мужчина вышел бы из нее! И как прекрасна была она! После первого момента замешательства она гордо вскинула голову и медленно направилась в противоположный конец комнаты, напевая какую-то песенку.

Король полугорделиво, полушутливо улыбнулся, а французский посол явно обомлел от красоты принцессы. Генрих и Лонгвиль шепотом обменялись парой слов, затем последний достал из бокового кармана большой футляр и пошел наперерез к Мэри.

Принцесса взяла со стола книгу, уселась на стул и застыла на месте, словно статуя. Взяв в руки футляр, Лонгвиль подошел к Мэри, склонился в низком реверансе и сказал на ломаном английском языке:

— Разрешите, всемилостивейшая принцесса, поднести вам от имени моего повелителя это маленькое доказательство его восхищения и любви.

Сказав это, он еще раз поклонился и протянул Мэри открытый футляр, очевидно, желая прельстить ее видом чудно сверкавшего бриллиантового ожерелья.

Принцесса кинула на ожерелье презрительный взгляд из-под полуопущенных ресниц, спокойно взяла его и, швырнув его бедному Лонгвилю в лицо, воскликнула:

— Вот мой ответ! Ступайте домой и скажите своему

старому идиоту, что я отвергаю его домогательства и ненавижу его, ненавижу, ненавижу! — Тут слезы бурным потоком хлынули из ее глаз, и Мэри обратилась к канцлеру: — Вольсей, ты — подлая собака! Эта проделка — твое дело; у других не хватило бы ума придумать ее! Как все вы должны гордиться тем, что сумели перехитрить бедную девушку с разбитым сердцем! Но берегись, Вольсей, мы еще посчитаемся с тобой, или я не буду сама собой!

Даже для самых крепких женских нервов существует известная граница, за которой помочь могут только слезы. До этой границы и дошло состояние Мэри. Выпустив в Вольсея свою стрелу, она быстро выбежала из комнаты.

Король просто неистовствовал от бешенства.

— Клянусь Всемогущим Богом, — кричал он, — эта девчонка выйдет замуж за Людовика Французского или я заporю ее до смерти!

Вслед за этим король, Лонгвиль и Вольсей вернулись в Лондон. Я же остался в надежде, что мне все-таки удастся повидаться с девушками. И действительно вскоре пришел паж, который провел меня в комнату принцессы.

— О, сэр Эдвин, — всхлипывая сказала Мэри, — была ли какая-нибудь девушка в таком ужасном положении, как я теперь? Брат приговаривает меня к смерти! Разве он не видит, что я не буду в состоянии выдержать больше двух дней в этом браке? А все мои друзья, кроме Джен, покинули меня!

— Вы знаете, что я не оставляю вас, — сказала Джен.

Стараясь удерживать накипавшие слезы, принцесса продолжала:

— И Брендон тоже... Ведь я не видела его после свиданья в читальной комнате, за исключением лишь того ужасного вечера в Лондоне, когда я была так напугана, что не могла выговорить ни слова!

— Как вы могли рассчитывать повидаться с Брендонном, — ледяным тоном возразил я, — раз он томился в мраке темницы, с часа на час ожидая казни, так как вы из пустого эгоизма не позаботились спасти его, хотя он отдал за вас всю кровь, почти жизнь?

Глаза принцессы расширились и с искренним изумлением остановились на мне.

— Да, леди Мэри, — продолжал я, — никогда не по-

думал бы я, что вы способны оставить Брендона в таком ужасном положении!

— Отец Небесный! — воскликнула Мэри. — Что за сказку придумали вы, чтобы мучить меня? Разве еще недостаточно? Скажите, что вы солгали, или я с корнем вырву ваш подлый язык!

— Я не солгал, принцесса, все это — правда и позор для вас!

Мэри с характерным для нее движением взметнула вверх руки, упала на постель и затряслась в бесслезной судороге; плакать она не могла. Джен подбежала к ней, пытаясь успокоить принцессу. Но в следующий момент Мэри вскочила и крикнула:

— Мастер Брендон приговорен к смерти, а вы и я сидим здесь, болтаем, плачем и скулим? Нет, нет, нам нужно сейчас же пойти к королю! Пойдем пешком, сэр Эдвин, я должна что-нибудь делать, а Джен нагонит нас с лошадьми. Я не стану делать туалет. Принеси мне шляпу, Джен, первую попавшуюся! — Джен подала шляпу и перчатки, а Мэри, схватив их, продолжала говорить: — Я сейчас же поговорю с королем и расскажу ему все, все! Я сделаю все, я готова даже выйти замуж за эту французскую мерзость или хотя бы за сорок других королей. Мне все равно, лишь бы хоть что-нибудь сделать для спасения Брендона! О, стоит мне подумать, что он все это время сидит в тюрьме...

Тут у Мэри хлынули градом слезы, и я смог заговорить. Удержав ее за руку, я сказал:

— Теперь уже ничего не нужно. Вы опоздали! — Отчаяние исказило прекрасные черты принцессы. Я медленно продолжал: — Я только что выпросил освобождение Брендона. Я сделал то, что должны были давно сделать вы, и теперь Брендон находится в нашей гринвичской комнате.

Несколько мгновений принцесса Мэри смотрела на меня каким-то тупым взором, а затем смертельно побледнела, схватилась за сердце и прислонилась к дверям.

После короткого молчания она сказала:

— Эдвин Каскоден, глупец! Почему вы сразу не сказали мне этого? Я уже думала, что это будет стоить мне разума или что у меня разорвется сердце!

— Если бы вы дали мне возможность открыть рот, я уже давно сказал бы вам это! — ответил я и продолжал с последними остатками негодования: — Но стра-

дания, которые вы испытали, я не ставлю ни во что. Вы заслужили еще не то. Даже не знаю, чем вы можете оправдать свое поведение!

Мэри бессильно опустила на стул.

— Вы правы, ничто не извиняет меня. Я — самое себялюбивое, неблагодарное, легкомысленное создание на свете! — и, сказав это, Мэри закрыла лицо руками.

— Выйдите на минутку, Эдвин, подождите пока я не позову вас, — сказала мне Джен. — Нам еще нужно будет поговорить с вами!

По возвращении я нашел Мэри уже более спокойной. Опустив глаза, сидела она в амазонке на кровати.

— Вы правы, сэр Эдвин, — начала она, — мне нет никаких извинений, но все же я объясню вам, как это вышло! — и Мэри рассказала мне о своих переговорах с герцогом Букингэмским и лживых обещаниях этого благородного лорда.

Затем она осведомилась о состоянии Брендона, и я рассказал ей все, до мельчайших печальных подробностей.

Я уже собирался уходить, но вдруг принцесса обратилась ко мне:

— Пожалуйста, передайте мастеру Брендону, что я хотела бы поговорить с ним. Если бы он взял на себя труд навестить меня...

— Боюсь, что он не захочет этого, — сказал я. — Брендона гораздо больше тяжелых условий заключений поразило ваше равнодушие к его судьбе. Он ведь питал к вам неограниченное доверие! Во время ареста он ни в коем случае не хотел позволить мне рассказать обо всем королю, так как был уверен, что вы сами заступитесь за него. Вы ведь, по его словам, — чистейшее золото!

— О, неужели он и в самом деле сказал это? — спросила Мэри, и мечтательная улыбка заиграла на ее лице.

— Его вера в вас была безгранична, и тем ужаснее было для него разочарование. Он уедет за океан, как только оправится настолько, что его здоровье будет в состоянии выдержать переезд.

Это согнало с лица Мэри последние остатки краски, и она, заикаясь, крикнула:

— Ну, так... расскажите... ему... что я вам... Может быть...

— Даже это я не смею обещать вам, леди Мэри,

потому что когда я недавно назвал ваше имя, он запретил мне когда-либо делать это в его присутствии!

— Неужели дело дошло до этого? А на допросе он совершенно умолчал о причинах, заставивших его убить этих людей! И он сделал это лишь потому, что даже ценой своего спасения не хотел компрометировать меня? Что за благородная душа! — Мэри встала; теперь в ее глазах уже не было слез, ее лицо выражало твердую решимость. — Ну, тогда я сама отправлюсь к нему, чтобы там ни было! Я должна добиться его прощения!

Вскоре после этого мы галопом неслись по дороге к Лондону. Не останавливаясь там, проехали дальше, в Гринвич. Все мы были довольно молчаливы, и только Мэри один раз во всю дорогу тихо проронила:

— Я никогда не выйду за французского короля, никогда!

В это время король Генрих находился в Лондоне, так как хотел принудить город выплатить в виде приданого леди Мэри сумму в пятьсот тысяч крон, и в Гринвиче почти никого не было.

Прибыв туда, девушки отправились в апартаменты принцессы, а я — в нашу общую комнату, где нашел Брендона за чтением. Я собирался предупредить его о визите, но при взгляде на него вся моя решимость пропала, и я промолчал.

XII

Прошло немного времени, затем в дверь постучали, и в комнату вошли Мэри и Джен. Брендон заметил их появление уже у самой двери, но не показал вида и даже не поднял головы от книги. Уже темно; только у окна, где сидел Чарльз, было еще довольно светло. Мэри поколебалась одно мгновение, затем подошла к Брендону и сказала:

— Мастер Брендон, я пришла не затем, чтобы оправдываться — для меня нет оправданий! — а для того, чтобы рассказать вам все, как было!

Брендон встал, отметил ногтем место в книге, на котором остановился, и сказал:

— Ваше высочество бесконечно добры и оказываете мне величайшую честь, но так как наши пути слишком

расходятся, то, по моему мнению, было бы лучше, если бы вы воздержались от этого неразумного посещения. Столь высокая особа не может обращаться с речью к такому субъекту, как я, с величайшим трудом избежавшему виселицы.

— Не говорите так, дайте мне рассказать вам все! Я хорошо знаю, что вам было слишком больно думать обо мне так дурно после... после... Ну, да вы знаете, что произошло между нами!

— Да, после того, что произошло между нами, это было особенно трудно перенести, — ответил Брендон. — Если вы способны дарить поцелуи... — при этих словах Мэри вся зарделась, — человеку, который вам совершенно безразличен, настолько безразличен, что вы готовы дать ему умереть, как собаке, тогда как единственное ваше слово могло спасти ему жизнь, на каком основании может он думать, что только он один и пользовался этими лестными знаками вашего расположения?

Мэри очень быстро воспользовалась тем, что Брендон был явно несправедлив к ней.

— Вы знаете, что это — неправда, и поступаете нечестно по отношению не только ко мне, но и к самому себе, потому что сами отлично знаете, что никакой другой мужчина не может похвастать хотя бы ничтожнейшим знаком моего расположения. Легкомыслие не принадлежит к числу моих недостатков. Да ведь и во все не это выводит вас из себя, потому что вы сами уверены во мне... да, боюсь, что слишком уверены! Быть может, это как раз и унижает меня в ваших глазах. Очевидно, вы не очень-то высоко цените то, что я могу дать вам, так как с того момента вы тщательно избегали моей близости. Не толкуйте мне, что это происходило из-за осторожности и доводов разума! Если бы тоска говорила в вас так же мощно, как во мне, то никакой разум в мире не мог бы удержать вас вдали от меня! — Мэри печально поникла головой и замолчала. Затем она твердо продолжала: — Никакой мужчина не имеет права говорить так с женщиной, от которой он получил доказательства ее симпатии. Можете ли вы взвесить, что должна была я испытать при том первом своем поцелуе? Если бы я могла распорядиться всеми коронами мира, я отдала бы их вам тогда. Этот драгоценный дар — поцелуй — я дала вам добровольно, с радостным сердцем, а вы придаете ему так

мало ценности? Неужели вы хотите унижить меня в своем сердце вследствие того самого поступка, которым я так гордилась?

Мэри с ожиданием посмотрела на него. Брендон не разжимал плотно стиснутых губ и упрямо смотрел в книгу. Красота Мэри, никогда еще не сиявшая таким ослепительным светом, как в этот миг самоотречения и самоунижения, и теперь одерживала свою победу. Делай ошибки, но будь красив, и ты получишь прощение! Женщина, подобная Мэри, постоянно имеет на своем лице отпускную всем своим грехам!

В первый раз я начинал понимать удивительную силу этой девушки, и теперь уже не удивлялся, что она умела водить за нос даже короля, этого властнейшего, непреклоннейшего человека в мире. Она придавала совершенно особое, непередаваемое выражение произносимым словам, да и с чисто женской тактикой ухитрилась превратить Брендона в виноватого лишь потому, что он отчасти был не прав.

Теперь Мэри принялась рассказывать ему, как все это произошло, но Брендон продолжал пребывать в упрямом молчании, делая вид, будто лишь вежливо ожидает, когда она уйдет.

В течение некоторого времени принцесса ожидала возражений и замечаний Брендона. Когда же убедилась, что их не последует, ее глаза наполнились слезами, и она разразилась страстной речью:

— Удостойте меня по крайней мере признанием, что вы доверяете моему рассказу! Я всегда верила в вас и теперь прошу вашего доверия. Я не солгала бы перед вами даже тенью мысли, я не сделала бы этого даже ради вашей любви и прощения, как ни дорожу вами. Я хотела бы быть уверенной, что вы доверяете моей правдивости. Вы видите, я откровенно признаюсь, как дорожу вашей любовью. И если то, что я делаю теперь,— позор для меня, а то, что я сделала, было преступно, то все, что я делала и делаю, было навеяно велениями сердца. Ваши слова значат гораздо больше, чем даже вы можете себе представить. Не питай я полного доверия к вашей любви, меня не было бы здесь. Было бы слишком жестоко с вашей стороны затаптывать в грязь чистейшие и лучшие чувства женщины. Мы гордимся способностью отдаваться без остатка,— это наше священнейшее право дарить богатый клад нашего сердца тому, кого мы любим!

Как плавно текли слова с ее уст! Ну, уж это должно было тронуть Брендона. Наверное, он и сам почувствовал, что искусственная стена его негодования до крайности нужна ему, потому что иначе его крепость быстро пала бы!

Теперь заговорил и он:

— Вы поступили удивительно разумно, обратившись за советом и помощью к герцогу Букингэмскому, и дело станет еще интереснее, если я скажу вам, что ведь именно герцог и напал тогда на вас! Я не выпускал его из вида все время, пока он преследовал вас от Бридуэльских ворот, и сразу узнал его, когда в бою с него упала маска. Все ваши шаги были удивительно разумны, как я посмотрю!

— О, Боже, могла ли я подозревать это! Ну, герцог поплатится своей головой за такую выходку! Но ведь, обращаясь к нему за помощью, я чувствовала себя просто бедной, сбитой с толку девчонкой... я так боялась... ваши раны... Поверьте, я больше страдала от них, чем вы. А потом этот ужасный брак! словно жалкая рабыня должна я быть продана этому старому чудовищу. Никакой мужчина не может представить себе ужас женщины, для которой красота становится ее проклятием и низводит ее до степени простого товара, продаваемого на рынке. Но ведь мои чувства были еще ужаснее... — Мэри с трудом подавила приступ слез. — Я как-нибудь свыклась бы с мыслью об этом ужасном браке, другие принцессы нередко испытывали такую судьбу, но... после того дня, когда вы... Ах, словно искра пробежала во мне от вашего прикосновения, и эта искра, попав мне в сердце, вызвала там такой пожар... — Тут уже слезы неудержимым потоком хлынули из глаз принцессы; она распростерла руки к Брендону и, глубоко вздыхая, продолжала: — Я хотела вас, только вас, в супруги, и не могла освоиться с мучительной мыслью, что должна буду потерять вас и принадлежать другому. Я не могла уже отказаться от вас, после того как... было поздно, слишком поздно, мы зашли слишком далеко! — Брендон кинулся к Мэри и хотел прижать ее к своему сердцу, но она отстранила его и сказала: — Теперь вы знаете, что я не оставила бы вас в том ужасном месте, если бы знала об этом. Нет, я не сделала бы этого даже в том случае, если бы ваша свобода стоила мне жизни!

— Я знаю, знаю это... О, я никогда не буду сомне-

ваться в вас. Теперь пришел мой черед просить у вас прощения!

— Нет, нет, простите только вы мне, это — все, о чем я прошу! — и с этими словами Мэри склонила головку на грудь Брендону.

— Пойдем в коридор, Эдвин! — сказала мне Джен.

Когда через некоторое время мы вернулись, Мэри и Брендон сидели у окна на скамейке. Увидев нас, они встали и пошли нам навстречу, взявшись за руки.

Посмотрев Брендону в глаза, Мэри спросила:

— Сказать ли им?

— Как вам угодно, миледи!

Мэри было это угодно, и по ее настоянию Брендон произнес:

— Мы — я и эта женщина, руку которой я держу в своей — поклялись перед Милосердным Богом стать мужем и женой, если это счастье суждено нам!

— Нет, нет, не так! — перебила его Мэри. — Тут нет никаких условий, это должно быть; ничто не должно помешать нам!

С этими словами Мэри поцеловала Джен и протянула мне руку, потому что в этот момент готова была обласкать всех.

Тогда Брендон обратился к нам:

— Что же остается сказать мне, раз особа такого высокого сана хочет оказать мне честь стать моей женой?

— Любите ее, и только ее одну, от всего сердца и всю жизнь. Я уверена, что это — все, чего она хочет! — воскликнула Джен.

— Джен, да ты — истинный Соломон! — сказала Мэри со своей прежней радостной улыбкой. — Уж не дать ли и мне такой же совет кое-кому другому? — и с этими словами она лукаво посмотрела на Джен и на меня.

— Не знаю, — смущенно ответила Джен. — Но если вы так высоко цените мою мудрость, то я хочу уделить вам еще кое-что от ее плодов. Мне кажется, что теперь время нам уйти!

— Нет, Джен, теперь ты снова стала дурочкой! Я еще не хочу уходить! — и, сказав это, Мэри уселась рядом с Брендоном и вступила с ним в милую для них обоих беседу.

Вскоре Чарльз сказал принцессе:

— Мне кажется, что Джен права и что для вас

будет лучше не оставаться здесь долее, хотя я и хотел бы, чтобы вы вечно были около меня!

Мэри выказала готовность сейчас же повиноваться своему милому и, вставая со скамьи и взяв его руки в свои, прошептала:

— Ну, скажи: «Мэри!» Как люблю я слышать это имя из твоих уст!

Мы с Джен пошли вперед, и по пути она сказала мне:

— Теперь готовьтесь к беде. Она скоро настанет, и я больше всего боюсь за Брендона. Он выдержал честную борьбу против Мэри и самого себя. Немудрено, что она так любит его!

Тут я почувствовал укол ревности и воскликнул:

— Джен, да разве и вы способны полюбить его?

— Совершенно безразлично, Эдвин, на что я способна и на что нет. В данном случае я этого не делаю, и с вас этого вполне достаточно!

Тон голоса и выражение сказали мне гораздо больше самых слов, коридор, по которому мы шли был почти темен и... и... Ну, словом, я всегда рассматривал этот момент, как упущенный счастливый случай!

XIII

Брачный договор был подписан, и брак Людовика Валуа с Марией Тюдор стал решенным вопросом. Все, чего еще не хватало, было согласие невесты; разумеется, оно представляло собой обстоятельство крайне незначительное, потому что принцессы на выданье в глазах политики являются лишь товаром и должны соглашаться на все, что порешит глава царственной семьи. Поэтому, хотя согласие Мэри значилось исключительно на бумаге, но оно принималось в расчет, как нечто безусловное.

Искусный канцлер Вольсей со своим вкрадчивым обхождением и кошачьими ужимками был избран Генрихом в качестве самого подходящего парламентаря с принцессой Мэри; однако и ему пришлось потерпеть полное поражение, как мне потом, смеясь, рассказывала Джен. Вольсей навел на принцессу частным образом и открыл кампанию тем, что принялся восхвалять ее красоту. Однако на это Мэри возразила:

— Да, да, милорд, я знаю, как я красива, никто лучше меня не знает этого и не знает, чего стоят мои волосы, глаза, зубы и брови. Лучше оставьте это, благородный лорд, все равно ничего не поможет. Так или иначе, а моего согласия на брак с этим старым зарубежным греховодником вы не добьетесь. Но почему мой братец, великий и могущественный король Генрих, не явился сам ко мне с этим?

— Мне кажется, он побоялся. Впрочем, говоря по правде, и я взялся за это дело не без страха, — посмеиваясь, ответил Вольсей и продолжал: — Его величество не мог бы придумать для меня более неприятное поручение. Вы, наверное, воображаете, будто я стою за этот брак, но на самом деле это не так! — твердо заявил он, хотя... это была величайшая ложь, когда-либо исходившая из уст дипломата. — Я вынужден соглашаться с планами короля. Он вбил себе в голову этот брачный союз, с тех пор как Лонгвиль упомянул о желательности его.

— Значит, эта мумия с кошачьими глазами первая завела речь о браке? — злобно воскликнула Мэри.

— Да, и если вы станете французской королевой, то будете в состоянии с лихвой отплатить ему за это!

— Действительно, уже из-за этого одного мне следовало бы согласиться!

— Говоря по секрету, я нахожу, что в сущности преступление принуждать такую девушку, как вы, выходить замуж за человека вроде Людовика Французского. Но как нам избежать этого?

Этим «нам» хитрый Вольсей очень ловко устанавливал союз и общность планов с Мэри.

— Как нам избежать этого? — повторила Мэри. — Не бойтесь, милорд, я уж покажу вам, как это сделать!

— Дорогая принцесса, вы не знаете его величества нашего короля! Вы не можете долее противиться этому браку. По-моему, король готов даже арестовать вас и посадить на хлеб и воду, лишь бы вынудить ваше согласие. Поэтому вам было бы разумнее дать это согласие добровольно, потому что тогда вы могли бы выговорить себе кое-что. Могу я откровенно говорить в присутствии леди Болингброк?

— У меня нет секретов от Джен! — ответила принцесса.

— Ну, хорошо! Людовик стар и очень слаб; он не проживет долго. Быть может, выказав готовность пови-

новаться своему царственному брату, вы сможете вырвать у него обещание, что при втором браке вам будет предоставлена полная свобода выбора. Таким образом, вы получите то, чего иначе никогда не добьетесь.

— Но откуда вы знаете, что я вообще хочу чего-то добиться, Вольсей?

— Мне ничего неизвестно. Я знаю только, что женщина не всегда может держать свое сердце на привязи и порой ее выбор падает на такого мужчину, который по рождению стоит далеко ниже ее, хотя по величию души и благородству мыслей мог бы померяться с любым человеком на свете. Может быть, и существует такой мужчина, ради которого никакая жертва не покажется слишком большой!

Намек Вольсея был слишком ясен, чтобы не быть понятым, и взор Мэри засверкал радостью.

Вольсей сообразил, что уже одержал победу, и, чтобы припечатать свое торжество, сказал:

— Людовик XII не проживет и года. Разрешите мне передать королю ваше согласие, и я ручаюсь за его обещание относительно второго брака.

Радость сейчас же померкла во взоре Мэри, и на ее челе показались признаки близкой бури.

— Вы хотите передать своему повелителю мое решение, Вольсей? — холодно промолвила принцесса. — Ну, так передайте ему следующее: «Я предпочту, чтобы сам король вместе со всем королевством провалился в ад, но согласия на этот брак не дам. Это — мой ответ ныне и присно, и вовеки веков!» До свидания, милорд Вольсей!

Сказав это, Мэри с высоко поднятой головой вышла из комнаты, представляя собой воплощенную картину твердой, непреклонной решимости.

Джен кинулась за принцессой и сказала ей:

— Разве вы не могли послать брату более мягкий ответ? Я уверена, что вы сумели бы и теперь тронуть его сердце, если бы только заставили себя потрудиться ради этого. Ведь во всей этой несчастной истории вы еще ни разу не сделали попытки к подобному шагу.

— Ты права, Джен, я сейчас же пойду к Генриху!

Мэри подождала, пока не узнала, что король один, и отправилась к нему.

Входя в комнату, она сказала:

— Милый брат, сегодня утром я от излишней го-

рячности послала тебе с Вольсеем необдуманный ответ. Я пришла просить твоего прощения!

— О, сестреночка, я знал, что ты одумаешься! Вот ты и стала опять пай-деткой!

— Не истолковывай ложно моих слов! Я прошу у тебя прощения лишь за эту резкую форму, в которую облекла свой ответ. Что же касается самого брака, то я не хотела сказать тебе, что исполнение твоего намерения будет стоить мне жизни. Я никогда не буду в силах перенести это замужество! О, брат, ты не можешь постигнуть это, не в состоянии понять чувства женщины!

Генрих пришел в ярость и среди проклятий и ругательств приказал сестре немедленно убраться вон и не показываться ему больше на глаза, пока она не даст своего согласия на брак.

Мэри пошла к выходу, но на пороге еще раз обернулась и крикнула:

— Никогда! Слышишь? Никогда!

Несмотря на это, при дворе начались деятельные приготовления к свадьбе. Деньги на приданое принцессе были ассигнованы городом Лондоном, засуетились ювелиры, модистки, портные. Но Мэри все еще не теряла мужества и продолжала настойчиво бороться.

Когда к ней явилась королева с шелковой материей, изящными туалетами, чтобы обсудить с Мэри вопрос о вещевом приданом, что искони кажется наиболее важным для всякой женщины вопросом, принцесса категорически отказалась высказаться относительно этого. Когда же королева стала настаивать, чтобы Мэри примерила одно из платьев, принцесса разодрала платье в клочья и приказала Екатерине немедленно убраться из ее комнаты.

Генрих командировал Вольсея и герцога Букингэмского с официальным извещением к принцессе, что тринадцатого августа назначено совершение таинства бракосочетания во время которого с Мэри будет обвенчан Лонгвиль в качестве представителя Людовика. Но принцесса не дала им договорить до конца и двинулась на послов с вытянутыми вперед пальцами, выказывая явное намерение выцарапать им глаза.

Узнав от Мэри, что герцог тоже сделал попытку склонить ее к браку с Людовиком, Брендон однажды встал герцогу на пути и попытался вызвать его на поединок, считая это единственной возможностью све-

сти их старые счеты. Но герцог Букингэмский уже испытал на себе силы брендоновских ударов, да и судьба Джюдсона отнюдь не улыбалась ему. Поэтому он постарался уклониться от поединка. Однако это лишь еще больше взорвало Чарльза.

— Так как вы, милорд, уже дважды скрещивали со мной оружие, то, наверно, окажете мне эту честь и в третий раз и будете так добры указать, где мои друзья могут найти друзей вашей светлости! — настаивал он.

— Нет ни малейшей необходимости решать поединком такой незначительный вопрос! — ответил герцог. — В тот раз вы с честью вышли из положения, и если я не имею к вам никаких претензий, то вам их уже и вовсе не к чему иметь. Во всяком случае, я был тогда не прав, но ведь я не знал, что сама принцесса пригласила вас на бал!

— Вашей светлости благоугодно играть со мной в прятки, — ответил Брендон. — Дело идет вовсе не о том случае. Но вы, конечно, правы, потому что раз вы довольны исходом нашего столкновения, то мне приходится быть довольным и подавно. Но ваша светлость соизволила именем короля приказать смотрителю ньюгэтской тюрьмы запрятать меня в самую гнусную подземную нору. Вы устроили так, что день суда над мной остался в тайне, чтобы те, кто пожелали бы ходатайствовать за мое освобождение, не могли сделать это. Вы дали обещание леди Мэри добиться моего освобождения и помешали ей самой обратиться с этой просьбой к его величеству; затем далее вы уведомили ее, будто все сделано так, как было обещано, и что я скрылся в Новую Испанию. По этим причинам, милорд, я объявляю вас лжецом, трусом и клятвопреступным рыцарем и требую от вас удовлетворения, которое один мужчина должен дать другому за смертельное оскорбление. Если же вы не примете моего вызова, то я убью вас везде, где только ни встречу вас!

— Мне ровным счетом наплевать на вашу болтовню, но в ответ на воображаемые обвинения могу сказать, что я сделал для вашего освобождения все, что мог. Тюремный смотритель дал мне обещание помочь вам бежать. Но вслед за этим было обнаружено какое-то адресованное вам письмо, которое смотритель отправил прямо в руки короля. Ознакомившись с содер-

жанием этого письма, король приказал усилить тюремный надзор за вами, и это не станет отрицать сам его величество.

Брендон стал в тупик, совершенно не понимая, о каком письме могла идти речь. Но когда герцог собрался уходить, он удержал его, сказав:

— Одну минуту, ваша светлость! Я охотно готов принять за чистую правду все, что вы сейчас сказали, потому что у меня нет возможности опровергнуть ваши утверждения. Но нам нужно разъяснить еще одну историю. В тот вечер вы напали на меня в Беллингсгэте верхом и пытались убить. Это вы не можете отрицать. Я наблюдал за вами, когда вы следили за дамами по дороге к Грушу, да и во время схватки с вашего лица свалилась маска. Дальнейшей уликой является ваше поврежденное колено, ушибленное при падении с лошади и заставляющее вас хромать и до сих пор. Надеюсь, вы проявите себя по отношению ко мне джентльменом? Или, быть может, вы предпочтете, чтобы я рассказал королю и всему миру эту историю? До сих пор я молчал обо всем, так как признавал своим личным правом посчитаться с вами!

Герцог Букингэмский побледнел, но настаивал на своем и воскликнул:

— Я не выхожу на поединок со всяким сбродом и нисколько не боюсь вашего вранья!

Очевидно, он предполагал, что принцессе и Джен неизвестно, кто напал на них, но случаю было угодно вскоре же убедить его в противоположном.

После разговора с герцогом Брендон отправился со мной гулять в лес, и там мы «случайно» встретились с Мэри и Джен. И вот во время прогулки мы нос к носу столкнулись с герцогом Букингэмским и его стряпчим Джонсоном. Наверное, они забрались в этот глухой уголок, чтобы на свободе обсудить создавшееся положение.

Мэри, увидев герцога, гневно крикнула ему:

— Милорд, вы плохо послужили мне! Ваш образ действия будет стоить вам головы! Подумайте об этом, когда очутитесь на эшафоте!

Герцог раскрыл рот, пытаясь что-то объяснить, но Мэри показала ему рукой на дорогу и сказала:

— Ступайте прочь, или я попрошу мастера Брендона проучить вас своим мечом! Выступить одному против двоих покажется ему детской забавой, после того

как в Биллингстгэте ему пришлось отбиваться против подосланных вами четверых. Прочь!

Эта выходка Мэри увеличила число наших врагов, еще одним человеком — Джонсоном, зарабатывавшим свой хлеб всякими каверзами, а потому давшим герцогу Букингэмскому совет, исполнением которого тот нанес нам полное поражение.

Случилось все так: благородный лорд немедленно отправился к королю и с видом глубоко оскорбленного человека сообщил ему об обвинениях Брендона, встретивших сочувствие у принцессы Мэри. Брендона сейчас же вызвали к королю, и тот заставил его повторить свое обвинение.

Брендон так и сделал, но герцог Букингэмский сослался на всю свою прислугу, которая могла подтвердить, будто он в указываемое время присутствовал на богослужении. Так как Брендон не мог утвердительно и категорически сказать, что обе девушки видели и опознали герцога, то обвинение, высказанное им, оказалось беспочвенным. Кроме того, из всех обстоятельств дела было видно, что Мэри горячо заступает за Брендона, а к тому же герцог сумел ловко вернуть, что только что встретил принцессу с Брендоном в самом глухом месте леса. Это усилило подозрения короля, и он начал видеть в лице Брендона главную помеху браку Мэри с французским королем.

В припадке гнева король приказал Чарльзу покинуть двор, прибавив, что только оказанная принцессе важная услуга избавляет его от позорной казни. Так герцог Букингэмский снова восторжествовал над человеком, осмелившимся затронуть его самолюбие.

XIV

Признанный и глубокий эгоист, король Генрих VIII в сущности не любил на всем свете никого, кроме самого себя. Но нечто вроде симпатии вызывалось в его сердце восхищением кем-нибудь. Брендон восхищал и поражал короля всем своим обликом истинного рыцаря, а потому уже в самом непродолжительном времени Генрих смягчил свой приговор. Узнав, что Брендон собирается искать счастья за морем и таким образом сойдет с пути Мэри в самом непродолжитель-

ном времени, король разрешил ему жить у меня в квартире вплоть до своего отъезда.

Однако тучи все еще сгущались над нашими головами. Неизвестно как при дворе узнали о наших встречах в апартаментах принцессы Мэри, а так как среди придворных всегда найдется достаточное количество завистников и сплетников, то об этом было доложено королеве.

В один прекрасный день Джен вызвали к королеве, и та поставила ей прямой вопрос. Джен принадлежала к числу тех редких при дворе субъектов, которые держались оригинального взгляда, будто правда только для того и существует, чтобы говорить ее, поэтому она откровенно рассказала обо всем. Екатерина Аррагонская была известная ханжа; она сначала чуть не упала в обморок от ужаса, а затем побежала к королю и пожаловалась ему, изобразив в его глазах пустую девичью шалость в виде преступно-легкомысленного поведения.

Король пришел в ярость, вызвал всех нас четверых к себе и приказал Джен, Брендону и мне немедленно покинуть двор. Однако Мэри призвала на помощь всю обольстительность своих улыбок и быстро убедила брата, что его супруга сделала из мухи слона и что дело обстояло далеко не так серьезно. Генрих не ставил Екатерину ни в грош, а кроме того был в самом деле рад, что Мэри заговорила с ним, так как со времени их разговора после посещения Вольсея принцесса не разжимала рта и не отвечала брату ни на один вопрос. Поэтому он смягчился, отменил приказ об изгнании, но строго приказал, чтобы встречи более не устраивались.

Оставшись затем наедине с Мэри, Генрих рассказал ей об истории с ее письмом к Брендону в тюрьму и попрекнул вульгарной симпатией к человеку низкого происхождения. Принцесса в тот же день известила Брендона об этом, и Чарльз понял, что его сон кончился навсегда.

Он ответил принцессе тоже письменно, извещая ее, что в самом непродолжительном времени отправится за море. Но все же перед окончательной разлукой он хотел бы еще раз повидаться с ней.

Мэри была не из тех, которые обдумывают решение и выжидают его исполнения. Поэтому еще до наступления темноты она одна отправилась к Брендону в комна-

ту. Сначала она хотела, чтобы я ушел и дал им поговорить наедине, но Брендон удержал меня, сказав:

— Нет, нет, Каскоден, пожалуйста останься! Будет достаточно плохо, если принцессу застанут тут, у нас, но если ее застанут наедине со мной, то это приведет меня еще до наступления утренней зари на эшафот. Опасность и так достаточно велика, потому что за нами наверное следят.

Мы отправились к оконной нише и уселись там.

— Я не могу более терпеть это! — воскликнула Мэри. — Я сегодня же вечером пойду к брату-королю и скажу ему, что умру, если он разлучит меня с вами. Он любит меня, и я могу сделать с ним все, что захочу. Я знаю, мне нетрудно будет добиться его согласия на наш... наш... брак... О, я отлично знаю как приступить к этому! Я усядусь к нему на колени, поглажу его по волосам, поцелую, а потом начну говорить, как он красив и как вздыхают по нем придворные красавицы. Ах, почему я раньше не сделала это!

Мэри была прелестна в сознании своего непобедимого очарования, но Брендон не потерял головы, так как для него на карте стояла жизнь.

— Мэри, разве вы хотите видеть меня завтра мертвым? — спросил он.

— Что это пришло вам в голову? Почему вы ставите такой ужасный вопрос?

— Исполните только что нарисованный вами план, и я не сомневаюсь, что король не станет ждать со своей мезтью даже до утра. Меня в полночь разбудят и убьют тут же, во дворе!

— О нет! Ничего подобного не случится! Я знаю, какое влияние имею на Генриха!

— В таком случае лучше уж я сейчас же прощусь с вами, пусть полночь застанет меня как можно дальше от дворца! Я могу обождать с отъездом еще немного лишь в том случае, если вы обещаете мне не ходить к королю и помнить, что от малейшего слова, сорвавшегося с вашего языка в желаемом вами направлении, зависит моя жизнь. Если вы не обещаете мне этого, я должен сейчас же бежать.

— Обещаю! — вполголоса проронила Мэри, поникнув головой и расставаясь снова со всеми надеждами.

Через несколько минут она спросила Брендона, на каком корабле собирается он отплыть в Новую Испанию.

— Мы отплываем приблизительно через две недели из Бристоля на судне «Королевский слуга».

— Сколько пассажиров берет с собой корабль? Среди них имеются женщины?

— Нет, никакая женщина не сможет вынести переезд через океан, да и вообще на такие суда, полупиратские, женщин никогда не берут. Моряки суеверны; они утверждают, что женщина приносит несчастье судну, на борту которого находится.

— Дурачье! — воскликнула Мэри.

Брэндон продолжал:

— На корабле будет около сотни людей, если капитану удастся завербовать столько.

— А как можно попасть на судно?

— Записавшись у его капитана, старого морского волка по имени Бреджерст, в Бристолье. Я сделал это письменно. Но почему вы спрашиваете?

— О, мне просто хотелось знать!

Затем мы заговорили о всякой всячине.

Но вдруг Мэри перебила нас на полужизне:

— Я все время думала об этом и теперь знаю, что мне делать, и вам не следует отговаривать меня. Я хочу отправиться с вами в Новую Испанию! Это будет превосходно, гораздо лучше, чем скучная жизнь дома.

— Это невозможно, — заявил Брэндон, лицо которого просветлело при таком новом доказательстве любви Мэри. — Прежде всего, как бы крепки и сильны вы ни были, вы не будете в состоянии перенести переезда.

— Нет, буду в силах, и вы не смеете отговаривать меня на этом основании! Лучше я перенесу самые страшные бедствия, чем буду долее терпеть муки последних недель. Да что со мной только будет, если вы уедете, а я стану женой Людовика? Подумайте об этом, Чарльз Брэндон, подумайте! Я — жена Людовика! Да если переезд через океан даже уморит меня, то не все ли равно, каким образом умереть, и не лучше ли умереть около того, с кем даже и смерть не страшна?

Однако Брэндон все еще не сдавался.

— Но ведь я же сказал вам, что женщин на наше судно не берут! Да и как могли бы вы скрыться бегством? К чему строить воздушные замки, которые потом так быстро рушатся?

— О нет, это вполне возможно! Я просто отправлюсь в качестве мужчины. Я уже все продумала до мелочей. Завтра я отправлю в Бристоль большую сумму

денег и потребую отдельную каюту для юного дворянина, собирающегося инкогнито отправиться в Новую Испанию и предполагающего явиться на борт судна в самый последний момент. Я куплю себе полный мужской костюм и вооружение и поучусь носить костюм при вас и Каскодене! — Тут она очаровательно покраснела и продолжала после минутного замешательства: — Само бегство мы устроим следующим образом. Вы уедете отсюда, и за мной уже не станут следить. Я же отправлюсь к своей сестре в Берклей-кестл, откуда сбегу прямо в Бристоль.

Брендон задумчиво сказал:

— Хотел бы я знать, осуществим ли этот план. Если бы бегство удалось, мы построили бы себе прелестное гнездышко в зелени гор и зажили бы вдали от всего света в своем собственном маленьком раю! Что за дивный сон!

— Нет, нет, это — не сон, — решительно перебила его Мэри. — Это станет действительностью! Как дивно мы заживем! Я уже вижу отсюда наш домик, спрятавшийся между холмами за купами тенистых деревьев, среди виноградных лоз и цветов. О, я просто не могу дождаться. Да и кто захочет жить в мрачном дворце, когда ему грезится такой рай около вас!

Брендон закрыл лицо руками, а затем сказал:

— Я думаю только о вашем счастье. Как бы суров ни был переезд, как бы тяжело ни пришлось вам за океаном, но это все же будет лучше, чем жизнь с Людовиком Французским; для нас обоих ничто в мире не могло бы быть ужаснее. Если вы хотите ехать, я готов взять вас с собой, даже если это повлечет за собой гибель для меня. У нас достаточно времени, чтобы внимательно обсудить все, так что мы всегда можем отказаться от этого намерения, если вы захотите.

Мэри схватила руку Брендона, и слезы заструились у нее по щекам. На этот раз это были слезы радости, первые, которые она проливала в течение долгого времени.

XV

Я должен был обратить в деньги часть мэриных драгоценностей. Теперь она уже жалела, что не приняла от Лонгвиля бриллиантов Людовика, которые могли

бы значительно увеличить ее казну. Тем не менее я довел эту казну до довольно значительной суммы, тайно прибавив значительную часть своих собственных денег. По просьбе Мэри я послал некоторую сумму капитану Бредхерсту в Бристоль, а остальное вручил Брендону.

Вскоре из Бристоля пришел благоприятный ответ, в котором «юному дворянину» обеспечивалась отдельная каюта. Теперь надо было позаботиться об экипировке Мэри. Джен сняла с нее мерку, а я вручил своему портному эту мерку и материал. Хитро подмигнув мне, портной сказал:

— Сэр Эдвин, этот мужчина должен иметь изумительнейшую фигуру на свете, судя по этой мерке!

— Не заботьтесь о том, что вас не касается! Если вы дорожите собственной выгодой, держите язык на привязи и беритесь за работу! — ответил ему я.

Время летело быстро. Оставалось уже немного дней до того момента, когда корабль «Королевский слуга» должен был выйти в море. Платье для Мэри было уже готово, и принцессу немало забавляли упражнения, имевшие целью приучить ее носить костюм. Мэри переодевалась с ног до головы и щеголяла так перед Джен. Но этого ей вскоре показалось мало, она решила показаться нам с Брендонам, а потому однажды накинула поверх камзола широкий плащ и отправилась в сопровождении плачущей Джен на нашу половину.

Заперев за девушками дверь, я с любопытством посмотрел на Мэри, которая, скинув плащ, смущенно остановилась посредине комнаты в изящном и богатом наряде знатного дворянина. Она была дивно хороша в этом костюме, но... но кто же мог быть так наивен, чтобы принять ее и в самом деле за мужчину? Женственность слишком ярко просвечивала в каждой складке ее платья, в каждой линии ее форм, в каждом ее движении. Одни перья еще не делают птицы, и мужской костюм Мэри отнюдь не мог обеспечить ей вид мужчины.

Под нашими взглядами Мэри смущалась все больше и больше и наконец спросила:

— Ну, что же вы молчите? Разве что-нибудь не в порядке?

— Все в порядке, — ответил Брендон, улыбаясь против воли. — Все очень хорошо, уверяю вас! Вы — совершенство, то есть в смысле женщины, потому что

если вы воображаете, что хоть чуточку похожи на мужчину, то жестоко ошибаетесь!

— Но как это возможно? — спросила Мэри в комическом замешательстве. — Разве на мне не мужской камзол, не мужская шляпа? Почему же я могу быть не похожей на мужчину?

— Да хотя бы потому, — ответил Брендон, — что ваша ножка мала даже для мальчика! Вам никогда не удастся стать похожей на мужчину, даже если вы станете упражняться в ношении костюма до Страшного суда!

Мэри разразилась плачем и сетованиями, но в конце концов высказала такую твердую решимость рискнуть во что бы то ни стало, что мы стали судить да рядить, как замаскировать слишком уже явные признаки принадлежности принцессы к слабому, но прекрасному полу. В конце концов мы решили, что высокие сапоги и плащ несколько скроют ее женственность.

Затем мы приступили к обсуждению последних деталей плана побега. Надо было обдумать все мелочи, потому что для Брендона неуспех был равносителен смерти: этой выходки король Генрих не простил бы никому!

Обдумав все, что было можно, девушки простились и ушли. Мэри сердечно поцеловала Брендона, и я хотел принудить Джен последовать примеру ее повелительницы, но она осталась холодной и неприступной.

На следующий день Брендон получил прощальную аудиенцию у королевской четы, распростился со своими друзьями и отправился в Бристоль. Могу заверить, что король не выказал особенного огорчения из-за отъезда Брендона!

XVI

Через несколько дней после отъезда Брендона Мэри с согласия короля пригласила небольшой кружок кавалеров и дам для увеселительной поездки в Виндзор, чтобы воспользоваться там стоявшей в то время чудной погодой.

Под вечер дня, назначенного для бегства, Мэри предложила отправиться на соколиную охоту. К принцессе присоединились трое мужчин и три дамы. Ко-

нечно, Мэри взяла то направление, которое вело ее к встрече с Бренденом в условленном месте.

Несколько раз я умышленно обращался к ней с предупреждением, указывая ей на упорный дождь и надвигающуюся темноту. Но никого из ничего не подозревавших остальных спутников не удивило, что известная своим своенравием принцесса отнюдь не склонна была внять голосу благоразумия. Конечно, Мэри сумела устроиться так, что в нужный момент мы опередили с ней остальных на порядочное расстояние.

— Момент настал,— сказала мне принцесса.— Постарайтесь минут на пять отвлечь остальных от моих следов, и я буду в полной безопасности. Прощайте, Эдвин! Вы и Джен — единственные люди, с которыми мне жаль расставаться. Я люблю вас, как брата и сестру, и если мы устроимся в Новой Испании как следует, то вы приедете к нам. Ну, Эдвин, теперь я скажу вам еще одно: не давайте Джен долее водить вас за нос! Она любит вас,— так сказала мне она сама. Прощайте, друг мой! Поцелуйте Джен от меня тысячу раз!

Сказав это, Мэри бешеным галопом помчалась вперед.

Я подождал немного и, кинувшись назад к остальному обществу, объяснил, что принцесса увлеклась охотой за цаплей и скрылась из моих глаз. Мы поспешили на поиски ее, причем я, разумеется, навел всех на неправильный след. Мы изъездили всю местность вдоль и поперек, но не обнаружили ни малейшего следа принцессы. Тогда один из мужчин поехал провожать дам домой, мы же остальные всю ночь напролет провели в поисках.

Трудно описать, какой переполох поднялся на следующий день в замке! В конце концов все решили, что исчезновение принцессы — дело рук банды разбойников, которых в то время было очень много в этой местности.

Что было тут делать? Прежде всего мы послали королю доклад о случившемся и остались ждать, не прикажет ли он содрать с нас живых кожу с тела. Затем был командирован конный воинский отряд на новые поиски Мэри. Так как всем было известно, что я малоопытен в военном деле и что всю прошлую ночь я провел в поисках принцессы под дождем, то никто не считал подозрительным, что я воздержался от участия в этих новых поисках. Зато все остальные примкнули

к отряду. Я же хотел использовать свидание с Джен наедине, чтобы исполнить поручение леди Мэри.

Только тысяча поцелуев! Я хотел бы, чтобы их был целый миллион, и готов был добросовестно передать их все до последнего. Я был уверен, что Джен пожелает узнать от меня подробности бегства Мэри, и послал ей записку, приглашая прогуляться по саду.

Что за сказочная прогулка была эта! Как бесконечно богат человек, имеющий подобные воспоминания! Все обращение Джен со мной резко изменилось, и казалось, будто она была готова робко и смущенно уцепиться за меня, как за последнее утешение во всех своих страданиях.

Сообщив ей все подробности бегства Мэри и высказав уверенность, что принцесса теперь уже находится на дороге к раю своих грез, я счел благовременным замолвить словечко также и за самого себя. Поэтому я непринужденно высказал Джен все, что чувствовал и желал.

— О, сэр Эдвин, — ответила девушка, — будем теперь думать исключительно о моей повелительнице и о тех заботах, которыми она теперь полна!

— Нет, нет, Джен, принцесса теперь отрешилась ото всех забот. Разве она не добилась всего, к чему влекло ее сердце? Займемся теперь устройством нашего собственного рая, раз мы помогли принцессе и Брендону обрести его!

Затем я хотел приступить к передаче поручения Мэри, но Джен отскочила от меня и заявила, что немедленно вернется домой, если я буду продолжать в том духе. Все мои просьбы не привели ни к чему. Наконец я рассердился и не спрашивая уже о разрешении, передал Джен поручение Мэри или, по крайней мере, значительную часть такового. Затем я развязно спросил, что предполагает Джен делать далее.

Бедная маленькая Джен! Она воображала, что стала несчастной на всю жизнь. Смягченная и плачущая, опустила она на скамейку, говоря, что не знает, куда ей теперь деваться, раз даже я, ее единственный друг, так обращаюсь с ней.

— Куда вам деваться, Джен? — подхватил я. — Да сюда, ко мне не грудь! Знайте, что отныне я не намерен позволять вам долее играть со мной и предполагаю обращаться таким образом с вами всю нашу жизнь. Я знаю, что вы любите меня. Вы много раз давали мне

понять это, а ведь вы не способны на ложь. Кроме того, мне сказала сама принцесса, что вы признались ей в этом.

— Этого она наверное не сделала!

— Разве вы не говорили ей этого? Я знаю, вы говорите только правду; ну, так отвечайте, Джен!

Моя милая кивнула головой и пробормотала, не отпуская рук от лица:

— Ну, да... конечно...

Тогда я немедленно же приступил к передаче остатка поручения Мэри, не встречая теперь уже сопротивления со стороны Джен. Таким образом, моя голубка была наконец-то побеждена после долгой борьбы!

Я спросил Джен о том, когда мы поженимся, но она не хотела ничего слышать об этом, пока не будем знать, что Мэри в безопасности. Затем мы пошли обратно в замок. На прощание Джен смущенно шепнула мне:

— Я рада, что наконец призналась вам, Эдвин; рада, что это уже миновало!

По-видимому, Джен очень боялась объяснения, но и я тоже был рад, очень рад!

XVII

Когда принцесса умчалась от меня, ночь уже вступала в свои права. Так как шел дождь, темнота наступала очень быстро, и скоро всю местность окутал тот зловещий мрак, когда ведьмы любят приступать к своим воздушным экспедициям и все злые духи выходят на волю для своих проделок.

Копыта лошади Мэри так громко шлепали по лужам, что принцессе казалось, что шум ее бегства достигает до самого Лондона. Ветер пронзительно завывал, уныло перекликались совы, потоки дождя забирались под платье, всюду, куда только могли. Мэри, не привыкшую к таким эскападам, вдруг все более и более стал одолеваеть страх.

Хорошо еще, что Брендон ждал ее неподалеку. Но даже рядом с любимым человеком эта ночная поездка осталась в памяти Мэри как нечто бесконечно страшное. Впоследствии принцесса не могла без смеха вспом-

нить, с какой жадностью накинулась она в грязной, мрачной таверне на черствый хлеб и пожелтевший старый сыр. Но она была голодна, усталость разломала все ее юное тело. Тем не менее, после краткого отдыха она в полночь бодро двинулась дальше в путь, и первые лучи утренней зари застали ее с Бренденом перед самым Бристолем. Тут они отправились в гостиницу, позавтракали, к величайшему удовольствию Мэри, и затем отправились на борт корабля «Королевский слуга». Казалось, что смелый до нелепости план обещал, вопреки всякому правдоподобию, все-таки осуществиться, и Мэри была счастлива до глубины души.

Конечно, нашим путникам прежде всего нужны были отдых и покой. Поэтому Мэри поспешила пройти прямо к себе в каюту, да и Брендон отправился на розыски своей койки. Оба они оплатили свой переезд, хотя и считались завербованными, и таким образом принадлежали к команде корабля. Но ведь от них и не ждали матросской работы, они должны были лишь оказать содействие в случае битвы.

Они прибыли на борт корабля около семи часов утра, и Брендон надеялся, что к тому времени, когда они выспятся, судно уже пройдет Бристольский канал. Но ветер, отчаянно завывавший перед тем всю ночь напролет, вдруг окончательно спал в тот момент, когда был именно нужен. Настал полдень, а корабль все еще грелся в гавани под лучами яркого солнца. Капитан уверял, что к закату ветер обязательно поднимется, но солнце зашло, а паруса продолжали беспомощно болтаться как тряпки. Брендон знал, что всякая дальнейшая отсрочка должна означать полную неудачу, потому что, наверное, Генрих сразу же, при помощи хитрого Вольсея, угадал истину. Его тревога все усиливалась.

Он спустился к Мэри в каюту и с замирающим от страха сердцем думал о том, что ей придется выйти на палубу. Нельзя было продолжать упорно оставаться в своей каюте, как она делала с самого утра, но в то же время появление ее сразу выдало бы ее истинный пол и все было бы кончено.

С первого взгляда на Мэри Брендон окончательно понял, что ее инкогнито должно действительно сразу раскрыться. Во всем ее внешнем виде не было ничего мужского, все выдавало в ней женщину. В конце концов Чарльз с отчаянием сказал:

— Ты никого не обманешь своим переодеванием. В чем тут дело, что, несмотря ни на что, ты имеешь несомненно женственный вид? Что же нам делать? Лучше всего тебе будет под предлогом недомогания оставаться в каюте, пока мы не выйдем в открытое море, а там я уже все открою капитану!

Не успел Брендон договорить эти слова, как в дверь каюты постучали и раздалась команда: «Все на палубу для осмотра!»

Брендон сейчас же направился к капитану и сообщил ему относительно своего юного спутника:

— Милорд занемог и просит освободить его от осмотра!

— Занемог? Ну, так ему лучше будет как можно скорее сойти с корабля! Я верну ему его деньги обратно, потому что мы не можем делать из корабля больницу! — ответил Брецхерст и, обращаясь к одному из судовых офицеров, приказал: — Распорядитесь, чтобы лорд сейчас же съехал с корабля!

Это уже было хуже всего, и Брендон поспешил сказать, что дело, может быть, не слишком плохо и что он постарается уговорить лорда показаться на палубе.

Он вернулся к Мэри, помог ей прицепить шпагу, и затем они поднялись на палубу.

Впоследствии Брендон не раз говорил, что ему было трудно удержаться от слез при виде того, как Мэри тщетно старалась придать себе мужскую осанку. Должно быть, и в самом деле это была забавная картина, когда принцесса поднималась по лестнице вслед за Бренденом: ее шпага постоянно путалась между ног, а сапоги чуть не свалились. Во всяком случае ее вид был настолько странен, что матросы, встречавшиеся им на пути, при взгляде на Мэри бросали работу и застывали на месте с раскрытыми ртами.

Увидев Чарльза и Мэри, капитан подошел к ним.

— Надеюсь, что вашему лордству стало лучше? — спросил он, а затем, пытливо осмотрев Мэри с ног до головы, прибавил: — Но я нахожу, что вы — само здорье! Сколько вам лет?

— Четырнадцать! — поспешно ответила Мэри.

— Четырнадцать? — повторил Бредхерст. — Ну, так мне кажется, что вы прольете немного крови. Вы похожи на хорошенькую девчонку больше, чем на воина!

Общество, находившееся на палубе и состоявшее из профессиональных искателей приключений, расхохота-

лось от этих слов капитана. Большинство уже успело порядком напиться, и Мэри было не по себе под наглыми, пытливыми взорами.

Вдруг один из них подошел к Мэри и со скабрезным замечанием ударил ее по плечу так, что девушка упала на колени. Брендон кинулся на оскорбителя, схватил его за шиворот и столкнул с лестницы. Но в это время какой-то пьяница крикнул: «Да ведь это — девчонка!» — и, прежде чем Брендон мог помешать ему, схватил Мэри за камзол и отодрал одним движением рукав. Он махнул по воздуху своим трофеем, но в тот же момент этот трофей упал на палубу вместе с рукой, отсеченной Брендонем по локоть.

Несколько приятелей раненого кинулось на Чарльза. Мэри разразилась рыданиями, что окончательно выдало все.

Поднялся ожесточенный рукопашный бой, в котором многие приняли сторону Брендона. Но капитан быстро положил конец свалке и увел Брендона с Мэри к себе в каюту для допроса. Там, разразившись проклятьями, он крикнул:

— Вполне очевидно, что вы привели на борт переодетую девчонку, ну, так и будьте готовы убраться с ней восвояси! Посмотрите сами, что вы наделали за те несколько минут, которые пробыли на палубе! Да ведь наш корабль погиб бы еще раньше, чем добрался бы до конца канала!

— Я не виновата, — всхлипывая, ответила Мэри, — я ничего не сделала. Но эти бестии, — крикнула она, сверкая глазами, — поплатятся мне за это! Они меня еще попомнят! Или, по-вашему, капитан Брендон не должен был заступиться, когда этот негодяй оторвал у меня рукав?

— Капитан Брендон, говорите вы? — спросил Бредхерст и сорвал с себя шапочку.

— Да, — ответил тот, — я по важным причинам записался под ненастоящим именем, и вы, конечно, не откажетесь соблюсти мою тайну!

— Если не ошибаюсь, вы — сэр Чарльз Брендон, друг короля?

— Да.

— Тогда я должен просить у вас извинения за тот прием, который вы у нас встретили. Для меня было бы крайне важно, чтобы с нами отправился такой испытанный, храбрый рыцарь, как Чарльз Брендон, и я на-

деюсь, что сцена на палубе не отпугнет вас. Что же касается этой дамы, то ее мы никак не можем оставить. Не говоря уже о том, что женщина всегда приносит несчастье, из-за нее взбунтуются все мои матросы!

Брендон понял, что их предприятие с позором провалилось. Он накинул Мэри на плечи плащ, и они съехали с корабля, провожаемые криками и ироническими возгласами команды. Что за положение для принцессы крови!

С корабля вся эта история перекинулась в гавань и вскоре стала известна также и в гостинице, куда отправились Брендон и Мэри и куда Бредхерст послал их багаж вместе с честно возвращенной проездной платой.

Мэри снова оделась в женское платье и позвала к себе в комнату Брендона. Когда он явился, она, заперев дверь, положила ему свою голову на грудь и прошептала:

— Когда мы уезжали с корабля, я думала, что достигла вершины горя и несчастья. Но теперь я нашла, что для меня возможно еще большее горе, которого я не перенесла бы!

— Что же угнетает тебя? — спросил Брендон.

— О, я подумала о том ненавистном браке и о том, что я потеряю тебя, а затем... я подумала, что и ты... когда-нибудь... можешь назвать своей другую. Я готова умереть от одной мысли об этом, и ты должен поклясться мне...

— Я охотно готов поклясться тебе, что никогда не назову своей другой женщины, — ответил Брендон, обнимая принцессу. — Во всем мире для меня существует только одна.

Мэри стала на цыпочки и протянула Чарльзу губки для поцелуя, сказав:

— Даю тебе то же самое обещание! Как страдал ты, должно быть, при мысли, что я выйду замуж за другого!

Брендон не проронил ни слова о своей уверенности, что теперь ему уже не миновать плахи. Конечно, он мог бы убежать из Англии на судне «Королевский слуга», потому что вскоре после того, как они сошли с корабля, задул ветер, и из окон гостиницы они могли видеть скрывавшиеся вдали паруса. Но Брендон не мог покинуть Мэри в таком положении и твердо решил проводить ее обратно в Лондон.

В полночь того же дня гостиницу окружил отряд вооруженных людей, которые арестовали Брендона и отвезли его в Лондон — прямо в Тауэр. Мэри узнала обо всем только на следующее утро, когда ей сообщили о повелении короля вернуться в Гринвич.

Теперь с Брендонем уже не церемонились. Приговор к смертной казни был подписан королем, палач уже точил свой топор, а Мэри даже не подозревала об этом.

Вечером следующего дня, после прибытия принцессы в Гринвич, ее позвали к королю. Генрих сидел с Лонгвилем и некоторыми придворными за карточной игрой. Мэри была встречена пытливыми взорами всех присутствующих. Но здесь она была у себя дома, здесь уже ничей взор не мог смутить ее, а потому, не обращая ни на кого внимания, она прямо направилась к королю.

Генрих избавил ее от труда говорить первой. Он был сильно раздражен и встретил сестру словами:

— Как, бессовестная потаскушка? Ты решаешься, словно ни в чем не бывало, показаться мне на глаза?

Мэри была оскорблена в самом чувствительном месте своей гордости.

— Замолчи! — крикнула она, с пылающим взором подошла вплотную к королю, так что тот почти с испугом отшатнулся от разгневанной сестры. — Ты оскорбляешь меня и хочешь, чтобы я видела в тебе брата? Да ведь существуют слова, за которые даже мать может возненавидеть своего первенца, и ты сказал одно из них! Скажи, чем я заслужила такое обращение? Я ждала, что ты заговоришь о моем непослушании, но, несмотря на то, что в последнее время я и потеряла всякую веру в тебя, как в короля и человека, надеялась, что в тебе скажется хоть искра братских чувств.

Это больно задело Генриха, потому что в это время уже начали открыто говорить, что он сдал Вольсею все государственные дела, а сам проводит время в забавах.

— Да разве бегство в мужском платье, шатание по гостиницам в обществе простого капитана гвардии не оправдывает и не подтверждает моих обвинений? —

крикнул он, но тотчас же по искреннему изумлению сестры понял сам свою неправоту.

Один момент в комнате царила глубокая тишина, а затем зазвенел смущенный голос принцессы:

— Конечно, весьма возможно, что необдуманый шаг может стоить мне доброго имени, но я невинсна и не сделала ничего дурного. А если вы мне не верите, то спросите Брендона!

Услышав это, король разразился громким хохотом, который был, разумеется, подхвачен также всеми придворными.

— Смейтесь, сколько хотите, но Брендон не солгал бы даже за твою королевскую корону, брат! — крикнула Мэри. — А много ли среди всей этой челяди, смеющейся лишь потому, что смеется король, найдется таких людей, о которых можно сказать то же самое?

Генрих знал, что Мэри права, и насмешливо посмотрел на придворных.

Между тем принцесса продолжала:

— Я говорю сущую правду. Мое доверие к Брендону было так глубоко, что мне даже и в голову не приходила мысль о возможности обесчещения. Я знала, что он любит и уважает меня, я доверилась ему и не обманулась в своей доверии! — Затем, опустив глаза, она прибавила: — В одном отношении ты, пожалуй, прав: меня спасла его порядочность, а не моя собственная!

— Послезавтра в Тауэр-гиле мы публично объявим ему свою благодарность за это! — сказал король с присущей ему осторожностью и нежностью чувств, объявляя сестре о предстоявшей казни Брендона.

— Как? — крикнула Мэри с выражением несказанного ужаса во взоре. — Чарльза Брендона... вы... его убьют?

— По-видимому так, — ответил Генрих. — Насколько мне известно, после отделения головы от туловища и четвертования последнего, человек редко выживает! Послезавтра мы возьмем тебя с собой в Лондон, и ты сама убедишься в этом!

— Мэри пыталась сказать что-то, но долго слова не шли у нее из горла. Наконец, она промолвила:

— Вы не посмеете убить его, он невиновен! Выгони всю эту челядь за дверь, и я скажу тебе все.

Король приказал, чтобы все, за исключением Вольсея, Джен и меня, вышли из комнаты.

Тогда Мэри сказала:

— Брат Генрих, этот человек невиновен ни в чем, я одна виновата... виновата в том, что он полюбил меня, виновата, что он хотел убежать со мной. С первого взгляда в моем сердце загорелось такое мощное влечение к Брендону, которое я не могла победить. Брендон честно боролся, старался отрезвить, охладить меня, однако, я завлекала его все дальше и дальше. Он любил меня, но, сознавая отделявшую нас пропасть, отталкивал меня. Однажды он даже прогнал меня. О, теперь я знаю, как дорого стоила ему эта напускная суровость! Но я ничего не могла поделать с собой, и однажды, застав Брендона в читальне, сама бросилась к нему на шею и объяснилась в любви. Когда он был освобожден из Ньюгэта, я опять тайно отправилась к нему и снова, как нищенка подавания, стала вымаливать его любовь! Он хотел тайно сбежать от меня в Новую Испанию, я же уговорила его взять меня с собой. Мне пришлось долго молить его об этом, пока он не согласился. Но скажи мне, Генрих, найдется ли еще один человек на свете, который смог бы так долго отвергать мою любовь?

— Нет, такого не найдется, клянусь Небом! — воскликнул Вольсей, который был очень расположен к Брендону и готов был спасти ему жизнь, лишь бы только Чарльз не мешал его политическим планам.

— Ты вела себя очень глупо, — произнес Генрих, несколько смягченный. — Ты оказала неповиновение своему брату и королю, поставила на карту свое доброе имя и, по всей вероятности, еще вызовешь недоразумение между Францией и Англией. Если Людовик после всего случившегося не пожелает взять тебя в жены, мне придется оружием заставить его сделать это. Но не странно ли, что Брендон мог возыметь на тебя такое влияние? Вольсей, здесь, наверное, дело не обошлось без колдовства!

— Да, ваше величество, — произнес Вольсей. — Здесь дело не обошлось без колдовства и властных чар — чар сверкающих женских глазок, розовых щечек и всего того, что пленяет нас в женщине! Но только сам Брендон стал жертвой этих могущественных чар. Достаточно вашему величеству посмотреть на свою сестру, чтобы убедиться насколько Брендон был бессилен против этого колдовства!

— Ну, конечно он ничего не мог поделать, — без

стеснения повторила Мэри. — Брендон совершенно ни при чем!

Генрих рассмеялся этой наивной самоуверенности сестры и увел Вольсея в оконную нишу, где они принялись шепотом обсуждать что-то. Вскоре они вернулись на прежнее место, и король сделал Мэри следующее предложение:

— Если я обещаю тебе, сестренка, подарить Брендону жизнь, согласишься ли ты без всякого скандала, как подобает порядочной девушке, выйти замуж за Людовика Французского?

Мэри громко вскрикнула:

— Да, да, с радостью! Я сделаю все, что ты прикажешь!

— Ну, так ладно, его жизнь будет сохранена!

Генрих осклабился с довольным видом, свидетельствовавшим о том, что он считал этот момент высшим проявлением и доказательством своего добросердечия и великодушия. Бедная Мэри! Двум могущественным королям и их великим министрам удалось наконец победить девушку!

Джен повела принцессу в ее комнату, а король приказал объявить Лонгвилю и остальным, что игра продолжается. Вольсей подошел к Генриху и спросил, не прикажет ли его величество немедленно изготвить указ о помиловании Брендона. Король согласился, но приказал все-таки не выпускать Чарльза из Тауэра, пока Мэри не выедет во Францию.

XIX

Мэри хотела сейчас же известить Брендона обо всем, но Тауэр был уже заперт, и потому пришлось ждать утра. На следующий день, снабженный объемистым письмом Мэри к узнику, я перед открытием ворот тюрьмы уже находился возле Тауэра.

Брендон с восторгом ухватился за чтение письма, однако сразу же заметил, что принцесса не упоминает ни слова о том, какой ценой она добилась его помилования, и прямо спросил меня:

— Она обещала выйти замуж за французского короля и этой ценой купила мою жизнь?

— Не думаю, — уклончиво ответил я. — Я видел

принцессу только мельком и ничего не слышал об том.

— Ты обходишь мой вопрос, Эдвин!

— Но я ничего не знаю!

— Эдвин Каскоден, ты — или дуралей, или лгун!

— Ну, так скажем, лгун! — покорно ответил я.

Брендон дал мне для Мэри не менее объемистое письмо, в котором между прочим написал, что угадал все, но что был бесконечно рад узнать о своем помиловании от нее первой.

Между прочим Брендон рассчитывал, что его сейчас же отпустят на свободу; однако ему было заявлено, что некоторое время он должен будет оставаться в Тауэре в почетном заключении. Тогда Чарльз сказал мне:

— По-видимому, меня боятся освободить, пока Мэри не уедет во Францию. Король Генрих льстит мне, считая меня очень опасным!

Конечно, Мэри ответила Брендону весьма отчаянным письмом, в котором уверяла, что иной ценой она не могла бы добиться помилования. Тем не менее она заявляла, что ее клятва остается в силе: замуж она выйдет, но принадлежать не будет никому, кроме Брендона.

Однако вскоре Мэри опять стала делать попытки отговорить как-нибудь Генриха от этого брачного проекта. Король не отличался светлым умом. Мэри же была редкой умницей, она знала, как тает всегда ее царственный брат от ее ласк, а потому снова выдвинула весь арсенал своих чар.

Часто навещая Генриха и разыгрывая из себя бесконечно любящую сестру, Мэри стала жаловаться на ту муку, которой будет для нее жизнь со старым развратником-французом. Правда, она согласилась на этот брак, но ведь она дала это согласие только из любви к своему доброму брату, хотя и чувствует, что за это согласие заплатится жизнью.

— Бедный Людовик, — рассмеялся король, — что только ему придется вынести! Он воображает, что сделал хорошее дело, однако, да сохранит его Господь, когда ему придется познакомиться с шипами этой розы! Ведь ты, сестреночка, уж позаботишься, чтобы у него не было недостатка в огорчениях?

— Я сделаю все, что в моих силах, для этого! — серьезно ответила принцесса.

— В этом не усомнится сам черт! И ты сумеешь, сумеешь! — подтвердил Генрих, от души смеясь над

западной, в которую, не ведая того, попадет старый селадон.

Недели две Мэри выдержала комедию любви и послушания, а затем перешла к открытому нападению. Она выбрала удобный момент когда ее брат был в благодушном расположении духа, и только этим объясняется следующий его милостивый ответ:

— Вот оно, наконец! Значит, моя сестричка желает во что бы то ни стало своего Брендона, а не Людовика, хотя и готова повиноваться своему милому, доброму брату? Ну-с, так мы поймаем ее на слове! Будь добра принять к сведению, что так или иначе, а во Францию ты отправишься. Ты обещала добровольно сделать это, если я пощажу Брендону жизнь, и я заявляю тебе теперь, что, если услышу от тебя еще хоть одну жалобу, этот молодчик будет немедленно казнен, а ты все же будешь отправлена во Францию!

— Хорошо, я поеду во Францию, еще раз обещаю тебе это. Ты не услышишь больше ни одной жалобы, если дашь свое королевское слово, что Брендону ничего не сделают!

— В тот самый день, когда ты отплывешь во Францию, Брендон выйдет на свободу и займет свое прежнее место при дворе. Я люблю его, как веселого компаньона, и сам уверен теперь, что во всем была виновата ты, а не он.

— Я одна виновата во всем и одна должна заплатить за все! — подтвердила Мэри, с трудом сдерживая слезы.

Должно быть, король пожаловался Вольсею на то, что Мэри не оставляет мысли как-нибудь избежать брака; по крайней мере, вечером того же дня Вольсей пожелал видеть меня и сказал мне следующее:

— Милейший Каскоден, я знаю, что на вас можно положиться, в особенности если то, что я собираюсь доверить вам, касается счастья вашего друга. Прошу вас только никогда не связывать моего имени с тем предложением, которое я вам сделаю и выдать подсказываемую вам мысль за свою собственную! — Я поспешил уведомить его в том, что он может быть спокоен за мою скромность. Тогда хитроумный канцлер продолжал: — Так слушайте! Людовик Французский — конченный человек. Сам король Генрих, по-видимому, не знает, что его будущему зятю едва ли прожить больше полугода. Внушите принцессе, что ей никогда не отго-

ворить своего брата от этого брачного проекта. Поэтому она должна постараться превратить печальную необходимость в дело добровольной добродетели. Это поможет ей выторговать у Генриха кое-что к своей выгоде, а именно: обещание свободного выбора при втором браке.

— Милорд, — сказал я, быстро сознав всю важность этой мысли, — нет никакого чуда, что вы правите всей страной. У вас не только великий разум, но и полное любви сердце!

— Благодарю вас, сэр Эдвин, — ответил канцлер. — Надеюсь, что и то, и другое мне удастся всегда употреблять с пользой для вас самих и ваших друзей!

Конечно, я поспешил сообщить Мэри эту мысль и посоветовал ей обратиться к королю с просьбой в присутствии Вольсея. Так она и сделала, и по настоянию канцлера Генрих дал Мэри требуемое разрешение.

Теперь Мэри снова излила свое сердце в объемистом послании к Брендону. Однако мне было довольно затруднительно вручить это письмо ему. Лонгвиль усиленно сторожил соперника своего государя и вечно досаждал Генриху с жалобами на непрекращающийся обмен письмами. Король каждый раз давал обещание положить этому конец, но на самом деле не принимал никаких мер. Договор был заключен, Мэри дала свое согласие, до остального ему не было никакого дела. Поэтому за охрану взялся сам Лонгвиль.

* * *

Мне пришлось уехать на несколько дней из Лондона. По возвращении я застал Брендона в Таузере веселым, словно жаворонок.

— Ты видел ее? — спросил я.

— Кого «ее»? — равнодушно спросил Брендон, словно на всем свете для него не была только одна «она»!

— Да, разумеется, принцессу!

— С того времени, как мы расстались в Бристолле, — нет!

Это была явная ложь — для Брендона нечто необычное. Но, должно быть, у него были свои основания для этой лжи.

У Чарльза на лице было какое-то странное выраже-

ние, которого я никак не мог разгадать. Вдруг он стал рассеянно чертить что-то на клочке бумаги, валявшемся на столе, и я прочел слова: «Будь осторожен!» Теперь я понял: за нами наблюдали.

И Мэри, встреченная мной во дворце, сияла радостью не меньше Брендона. Что же значило все это? Могло быть лишь одно объяснение: они виделись и выработали новый план. Но что они могли задумать, я никак не был в состоянии догадаться. Впрочем, непонятно было уже то, каким путем могли они увидеться: как Брендона в Таузере, так и Мэри во дворце стерегли днем и ночью!

Я решил обратиться за сведениями к Джен, которая была настолько же грустна, насколько Мэри весела. На мой вопрос, виделись ли принцесса и Брендон, она озабоченно ответила:

— Не знаю. Вчера мы были в Лондоне, и на обратном пути остановились в Бридуэль-хаузе, где застали короля и Вольсея. Принцесса вышла из комнаты, сказав, что вскоре вернется, а вслед за ней вышел и Вольсей, оставив меня наедине с королем. Мэри вернулась только через полчаса, и возможно, что в это время повидалась с Брендоном.

Сказав это, Джен медленно поникла головой на мое плечо и принялась жалобно плакать.

— Что случилось? — испуганно спросил я.

— Я не могу и не смею сказать вам! — ответила девушка.

— Но вы должны, должны!

Я так настойчиво стал уговаривать Джен, что в конце концов она, хотя и с трудом, произнесла:

— Король!

— Король? Что такое? Господи Боже! Джен, да рассказывайте поскорее!

Я уже заметил, что с некоторого времени король стал преследовать жадными взглядами мою маленькую, хорошенькую Джен. Его величество Генрих VIII вообще не любил оставлять в покое привлекательные женские личики!

— Он хотел поцеловать меня, — вздыхая, стала рассказывать Джен. — Все время, пока Вольсея не было, он был очень настойчив. Может быть, мной и воспользовались лишь для того, чтобы отвлечь внимание короля, пока Брендон будет с Мэри. Но, если это так, то сама Мэри, верно, ничего не знала!

— А что вы сделали?

— Я оттолкнула короля, обнажила вот этот кинжал и крикнула, что если он приблизится ко мне хоть еще на один шаг, то я пронжу себе сердце. Тогда он обозвал меня душой.

— А сколько времени продолжается все это? — спросил я.

— Вот уже несколько недель. Но прежде мне всегда удавалось вывернуться. С некоторого времени король стал смелее, и как раз в этот день я купила себе кинжал! — ответила мне Джен, а затем, вложив свою руку в мою, смущенно пролепетала: — Если хочешь, давай поженимся, прежде чем вернемся из Франции!

Джен была рада, что могла укрыться от Генриха у меня, я же был доволен оказаться для нее меньшим из двух зол.

Виделись ли действительно наши друзья в тот день, я не могу сказать с уверенностью, потому что ни Брендон, ни Мэри никогда впоследствии не говорили об этом ни слова. Но судя по их поведению, я могу с уверенностью предположить, что эти свидания действительно происходили под покровительством Вольсея, вероятно, взявшего с них обоих слово, что они никогда и никому не упомянут об этом.

13 августа 1514 г. Мэри Тюдор была обвенчана с Людовиком Валуа в лице его представителя, герцога Лонгвиля.

XX

Должно быть, ни одна невеста в мире не затягивала так своей поездки к жениху, как то делала Мэри Тюдор. Она не только не торопилась, а даже мешкала всюду, где только это было возможно. Впрочем, могу сказать, что она действительно чувствовала себя очень плохо; ей даже два раза в течение путешествия пришлось слечь в постель, так как она заболела сильным нервным расстройством от бесконечных слез, непрерывно проливаемых в пути.

Впрочем и переезд от Дувра в Кале был крайне тяжел. Корабль, на котором ехала Мэри, бурей загнало в Булонь, и она высадилась. Отдохнув в Булони, Мэри двинулась дальше к Аббевиллю, где предполагалась тор-

жественная встреча французским королем своей невесты.

Не доезжая мили до Аббевиля, мы встретились с Людовиком XII. Увидев эту развалину, ясно прочитав на челе супруга печать близкой смерти, Мэри несколько оживилась. Теперь она была уверена, что старый муж будет обязательно воском в ее руках.

Завидев нас, Людовик поехал навстречу, но Мэри галопом пронеслась мимо него, уполномочив меня обратиться к его величеству с просьбой не быть таким бурным в проявлении своих чувств, потому что она, Мэри, очень робка и застенчива.

Французские придворные были возмущены в наивысшей степени, но сам Людовик только осклабился до ушей, показав желтые остатки зубов, и сказал мне:

— О, благородная дичь стоит всяких хлопот! Передайте ее величеству, что я буду ждать ее в Аббевиле.

Дряхлый король выехал навстречу невесте верхом, чтобы казаться как можно бодрее, но обратно его пришлось увезти в носилках, потому что верховая езда совершенно утомила его.

Вскоре Мэри была обвенчана с Людовиком, но, хотя брак был заключен по всей законной форме, его женой она все-таки не стала.

Итак, на голове Мэри засверкала корона. Казалось, что она поднимается все выше и выше над Бренденом, увеличивая пропасть между ними, но сердцем она все ближе и ближе прикидала к своему милому. Сначала она еще сильно тревожилась, не получая вестей об освобождении Брендона, но наконец запоздавшее в пути письмо пришло, и к Мэри опять вернулись утраченные ясность и веселье. Вообще могу сказать, что брак с дряхлым, больным королем, которого Мэри порой не видела по целым дням, совершенно не угнетал ее.

Таким образом, тучки рассеялись, и мы с Джен могли заняться своими собственными делами. Я напомнил ей о ее словах, сказанных мне перед отъездом из Англии, и, смущенно поникнув головой, она ответила:

— Я... готова, если... вы хотите!

Так был решен день нашей свадьбы, и она состоялась в маленькой дворцовой часовне. Свидетелями нашего бракосочетания были королева Мэри, еще два человека ее свиты, в присутствии которых священник соединил меня с Джен неразрывными узами. Поздрав-

ляя нас, Мэри надела на шею моей женушки бриллиантовое ожерелье, стоившее добрых десять тысяч фунтов.

Освоившись с жизнью в Париже, Мэри быстро взялась за исполнение обещания, данного Генриху, и вскоре же Людовику пришлось очень солоно от молодой и красивой жены.

С первых дней Людовик выказал перед Мэри восторг и поклонение, она же отвечала супругу холодностью и высокомерием. Когда бы Людовик ни пожелал видеть ее, молодая королева не находила возможным принять супруга. То и дело она представлялась больной или вдруг накидывалась на Людовика, со слезами обвиняя его в том, что он безбожно тиранит ее, беззащитную женщину, и угрожая обратиться к брату Генриху за помощью и защитой. Однажды она заставила короля целое утро продежурить у ее двери, сама же вылезла из окна и уехала со мной кататься верхом. Вернувшись обратно опять через окно, она накинулась на бедного старикашку с упреками, что он продержал ее целое утро взаперти в ее комнате. Конечно, старикашке пришлось униженно молить о прощении!

По английскому обычаю, обед королевы Мэри происходил поздно вечером; она заставляла больного короля наедаться на ночь самыми неудобоваримыми, тяжелыми кушаньями и непрерывно подливала ему вина, пока Людовик не сваливался под стол. Это доставляло забавное зрелище всему двору.

Однажды Мэри взяла с собой супруга на прогулку верхом в такой холодный день, что Людовик все время зяб и трясся, и слезы текли по его заострившемуся носу, застывая и повисая на кончике сосульками.

Поведение Мэри было возмутительно, но она оправдывалась тем, что это — необходимая самозащита. Она заранее заявила Лонгвилю, что не желает Людовика в мужья, и если Франция все же настояла и принудила ее к этому, то она, Мэри, будет бороться и защищаться всеми доступными ей средствами.

Конечно, все видели и понимали, чего добивается Мэри, нарочно втягивая Людовика в опасный для его возраста и здоровья режим. Но никто даже не пытался обратить внимание Людовика на интригу. Со старым, дряхлым королем не считались, все видели, что он доживает последние дни, и взоры придворных были обращены на новое светило — юного герцога Франци-

ска, племянника и наследника короля. Так как это «светило» заметно пылало к Мэри, то среди придворных нашлось немало добровольных пособников, помогавших королеве постоянно выставлять своего супруга на потеху и разрушать его слабое здоровье.

Однако в этом «пылании» герцога Франциска мы с Джен усматривали немалую опасность. Мэри уж слишком кружила ему голову, слишком легкомысленно играла с сердцем герцога Валуа, а ведь последний был смел, решителен, самонадеян и считал себя неотразимым! Поэтому легко могло случиться, что после смерти короля Людовика король Франциск пойдет на все, чтобы удержать Мэри при своем дворе и сделать ее своей фавориткой. Тут уж ей труднее будет отвертеться! И вот, обсудив положение на все лады, мы с Джен решили напомнить королеве о существовании на свете Чарльза Брендона.

— Эх вы, хитрецы! — смеясь, ответила она нам. — Да ведь герцог Франциск — почти такой же болван, как и братец Генрих! — Затем у Мэри вдруг навернулись слезы на глазах, и, судорожно хватая меня за руку, она продолжала: — Неужели вы так плохо понимаете меня? Я отдала бы свою жизнь, если бы могла в этот момент опуститься на колени перед Чарльзом Брендоном! Неужели вы не знаете, что женщина с такой любовью на сердце, какую испытываю я, ограждена ото всего другого? Такая любовь — самый верный и надежный оплот!

— Да, но герцог Франциск — опасный субъект, — заметил я, — и мне от души жаль видеть вас постоянно в таком скверном обществе!

— Конечно, герцог — плохой человек, но здесь, во Франции, по-видимому, существует своя мода на нравственность. Однако ко мне ничего не пристанет!

— О нет, легко может пристать! Нельзя ходить в дом, где имеется больной оспой, потому что заболевают не от желания или нежелания, а от заразы, — возразил я. — Здесь же — опасность нравственной заразы!

— Но неужели у меня недостаточно чистая, здоровая натура, чтобы я могла противостоять любой нравственной заразе, сэр Эдвин? Скажите мне откровенно! Если во мне нет этой добродетели, значит, во мне нет вообще ничего хорошего, потому что у меня ведь много других недостатков!

— Нет, государыня, вы — чистейшая из женщин, олицетворение всего, что заставляет мужчину падать ниц перед нею! — пламенно ответил я, припадая на одно колено и почтительно целуя руку Мэри. — Но... осторожность нужна и вам!

Как показало будущее, я был прав в своих опасениях. Однако мне не пришлось присутствовать при дальнейшем течении этой истории, не считая разве ее развязки. Действительно, вскоре я и Джен получили разрешение вернуться в Англию и сейчас же принялись за сборы.

На прощание Мэри вручила мне письмо к Брендону. Размеры и вес этого послания заставили меня воскликнуть:

— Ваше величество, не лучше или будет мне заказать для этого маленького письмеца специальный сундук?

Смеясь сквозь слезы, королева ответила:

— Я знаю человека, которому это письмо ни в коем случае не покажется слишком длинным! До свидания, друзья!

Так мы расстались с Мэри, с прекрасной, очаровательной, грациозной королевой-девственницей, оставив ее среди чужих с одной только англичанкой — маленькой семилетней девочкой — Анной Болейн!

XXI

По возвращении в Англию я оставил Джен в Суффольке, у ее дяди лорда Болингброка, потому что решил по возможности не показывать своей женушки королю Генриху. Затем отправился в Лондон с двойкой целью: повидать Брендона и подать в отставку от своего придворного звания.

Когда я сообщил королю о своей женитьбе, он пришел в сильную ярость из-за того, что мы не позаботились спросить его согласия. По счастью, у Джен не было ни поместий, ни состояния, так как и то, и другое было украдено у нее еще в детстве отцом Генриха; поэтому королю только и осталось, что отвести душу ворчанием и бранью. Затем я попросил уволить меня от исполнения придворных обязанностей. Генрих согла-

сился не сразу, но я настоял на своем и ушел от него уже частным человеком.

Затем я оправился к Брендону и застал его в нашем старом помещении. Как начальник королевской гвардии и друг короля, он мог располагать несравненно более роскошными и удобными апартаментами, но предпочел оставаться там, где протекала весна его любви.

Брендон был очень рад видеть меня и еще более рад внушительному письму от Мэри. В этом письме Мэри сообщала между прочим, что дофин Франции, герцог Валуа, смертельно влюбился в нее и преследует ее своей любовью. Пока старый король жив, ей, Мэри, ничто не может грозить, тем более, что герцог Франциск Валуа женат на дочери короля Клавдии; но со смертью Людовика дело может принять более опасный оборот. Поэтому Брендон должен быть готов в любой момент, по первому знаку Мэри, поспешить к ней на выручку; от его поспешности может зависеть вся дальнейшая судьба их обоих.

Это письмо я вручил приблизительно в середине декабря, а уже через две недели прибыл гонец из Парижа, привезший следующее послание Мэри:

«Мастер Чарльз Брендон! Дорогой друг, приветствую тебя! Время не ждет. Король умрет еще до восхода солнца. Подумай о том, что я уже писала тебе. Правда, у меня имеется слово Генриха предоставить мне свободу выбора во втором браке, но не будем полагаться на вторичное разрешение. Лучше будет, если ты сейчас же сделаешь меня своей женой. Не говорю больше ничего. Приезжай, как можешь скорее! Мэри».

Едва ли нужно прибавлять, что мы с Брендонем немедленно кинулись в Париж. Под предлогом желания навестить меня Чарльз приехал в Ипсвич, а оттуда мы отправились под парусами.

Король Людовик умер еще раньше того, как послание Мэри прибыло в Лондон. Он скончался под Новый год. Когда мы прибыли в Париж, на троне восседал уже Франциск I. Все мои дурные предположения всецело оправдались. Не успел старый король закрыть глаза, как молодой явился к Мэри с объяснениями в любви. Он предлагал через три дня после смерти Людовика

развестись с Клавдией и сделать Мэри своей королевой.

Каково же было его изумление, когда Мэри решительно отклонила это лестное предложение.

— Да понимаете ли вы сами, от чего вы отказываетесь, — крикнул он. — Я хочу сделать вас королевой над пятнадцатью миллионами славнейших на земле подданных, а вы собираетесь отклонить такой подарок.

— Да, ваше величество, я отклоняю это и с полным сознанием! Я — королева Франции и без вашей помощи, хотя за эту честь я не дала бы даже гроша медного! Быть английской принцессой куда почтеннее! Что же касается любви, в которой вы мне признаетесь, то вам будет гораздо лучше подарить ее своей верной жене, потому что для меня эта любовь — ничто. Мое сердце уже отдано другому, и я заранее заручилась согласием брата располагать своим сердцем по собственному выбору.

— Другому? Так назовите мне его имя, чтобы я мог пронзить этого человека своим мечом!

— Ну нет, это вам не удастся, даже если бы вы были так храбры и сильны, как воображаете! В сравнении с избранником моего сердца вы — просто мальчишка!

Франциск пришел в ярость и приказал сторожить Мэри, чтобы она не могла убежать, а сам решил пуститься на все средства, лишь бы удержать ее при своем дворе. С этой целью он решил обвенчать ее со своим слабоумным двоюродным братом, графом Савойским. Для осуществления этого плана он послал курьера к Генриху VIII с заявлением, что в случае бракосочетания Мэри с Савойским он согласен выплатить обратно ее приданое в размере четырехсот тысяч крон и помочь Генриху добиться императорской короны после смерти Максимилиана. Далее он предлагал укрепить за Генрихом все его французские владения, отказавшись от своих личных притязаний на таковые.

Нечего и говорить, что Генриху было бы достаточно половины предложенного, чтобы нарушить данное сестре обещание. Поэтому он торопился послать в Париж посольство, чтобы поскорее принять предлагаемые условия и закрепить их.

Франциск и Генрих действовали быстро, но и Мэри тоже не дремала. Она привлекла себе в союзницы королеву Клавдию, которой, конечно, было на руку,

чтобы Мэри как можно скорее очутилась за пределами Франции. И вот с ее помощью в той самой маленькой дворцовой часовенке, где венчались мы с Джен, состоялось бракосочетание Мэри и Брендона.

Перед венчанием Мэри с хитрой улыбкой посмотрела на своего жениха, а затем распустила волосы, и они пышным каскадом упали на ее плечи. Увидев это, Брендон упал на колени и благоговейно поцеловал подол платья Мэри¹.

Итак, наконец-то Мэри была обвенчана с тем самым человеком, ради спасения жизни которого она вышла замуж за французского короля. Теперь оставалось самое важное: укрыться от гнева и мести короля Франциска.

Но это было не так уже трудно. Мы с Брендонem тщательно обдумали и приготовили весь план бегства. После венчания мы немедленно сели верхом на лошадей и помчались к Дьеппу, где нас уже ожидало готовое к отплытию судно. Мы не боялись погони, так как королева Клавдия предварительно распустила слухи, будто Мэри тяжело больна и не встает с кровати.

Мы благополучно добрались до Дьеппа. Все нам благоприятствовало, даже ветер. Однако возможность бури все еще не была исключена — по крайней мере, со стороны Генриха, который едва ли мог так легко помириться с крушением своих планов! Конечно, самой Мэри ничего не грозило, но Брендон? Вдруг Генрих обрушит на него всю тяжесть своего гнева!

Считаясь с этой возможностью, мы решили, что Чарльз отправится на маленький островок у Суффолка, где и будет ждать решения своей участи. Впрочем, если Генрих окажется непоколебимым в своем гневе, то можно будет снова оснастить корабль, снабдить его всем необходимым и двинуться за океан, в Новую Испанию!

Мы с трудом могли представить себе, как сможет избалованная Мэри перенести жизнь при тех скромных ресурсах, которые останутся им в случае королевской немилости. Но самое важное было достигнуто, в остальном же приходилось положиться на судьбу!

Прибыв в Лондон, Мэри отправилась к королю.

¹ По обычаям того времени только девственницы шли к венцу с распущенными волосами. Как венчаемая вторично Мэри не должна была делать это; но этим жестом она хотела показать Брендону, что ее первый брак оставался фиктивным.

Я постарался, чтобы при их свидании присутствовал Вольсей. Генрих, ничего не подозревая, встретил сестру с большой радостью и несколько раз поцеловал ее в обе щеки, а затем спросил:

— Что тебе в сущности понадобилось здесь? Разве Людовика уже похоронили?

— Этого я, по правде сказать, не знаю, — ответила Мэри. — Да и не интересовалась этим вопросом. Я вышла за него замуж, лишь на срок его земной жизни и не собиралась продлить брак хоть на одно мгновение больше. Поэтому я и уехала, а его подданные могут похоронить его или набить из него чучело — как им будет угодно!

Затем Мэри принялась рассказывать о домогательствах Франциска, о его угрозах, о том, как он осмелился запереть ее, английскую принцессу крови, под замок, заставляя выйти замуж за этого идиота. Однако о том, что Франциск предлагал развестись с Клавдией и жениться на ней, Мэри, она умолчала, отлично понимая, что Генрих может счесть это предложение слишком заманчивым.

Мэри сумела изобразить оскорбительный образ действия Франциска в таких выпуклых очертаниях и ярких красках, что Генрих почувствовал сильный гнев на молодого короля Франции и громко крикнул:

— Собака, подлая собака! Как? он осмелился обращаться так с моей сестрой, дочерью моего отца, первой принцессой Англии, французской королевой! Я проучу этого пса, так, что он вззоет, клянусь своей короной!

История показывает, что эту клятву Генрих сдержал не более, чем вообще все остальные.

Затем Мэри стала рассказывать о том, как к ней на помощь прибыл я и как с помощью королевы Клавдии ей удалось обвенчаться втихомолку с Бренденом, а потом сбежать из Франции.

— Господи Боже! — загремел Генрих. — Да будь у меня еще одна такая сестра, я повесился бы, клянусь всеми святыми! Обвенчалась с Бренденом? Дура, идиотка! Что это значит? Обвенчалась с Бренденом! Ты сведешь меня с ума! Достаточно, чтобы в Англии завелась еще одна такая женщина, как ты, и все проклятое королевство полетит ко всем чертям! Обвенчалась с Бренденом без моего согласия!

— Нет, нет, дорогой братец, — мягко ответила Мэри, любовно прижимаясь к громоздкой фигуре коро-

ля.— Неужели ты думаешь, что я способна на нечто подобное? Но ты, должно быть, забыл, что четыре месяца назад дал мне свое согласие на это! Ты сам знаешь, что без этого я никогда не решилась бы на такой отчаянный шаг!

— Еще бы! Не решилась бы! Да ты, кажется, все сделаешь, что только захочешь! Ад и дьяволы!

— Ну, милый братец, в таком случае я призываю милорда Вольсея в свидетели того, что вот в этой самой комнате, почти на этом же самом месте, ты обещал мне, что после смерти Людовика я буду вправе выйти замуж по собственному выбору. Основываясь на этом, я вошла с Бренденом в маленькую часовню, распустила волосы, нас обвенчали, и теперь никакая сила на земле не может разлучить нас!

Генрих с изумлением посмотрел на сестру и затем разразился громким хохотом.

— Так ты венчалась с Бренденом, распустив волосы? — воскликнул он, давясь от хохота и хватаясь за бока.— Ну, матушка, тебе видно и вправду сам черт — не брат! Бедный Людовик! Вот это я называю славной шуткой! Значит, ты жарила его на медленном огне? Ручаюсь, что он с удовольствием умер! Наверное, ты порядком отравила ему остаток дней?

— Ну,— пожимая плечами, отозвалась Мэри,— ведь он хотел во что бы то ни стало иметь меня!

— Бедный Брендон! Каково-то придется теперь ему! Ей Богу, мне его даже жалко!

— О, это — совсем другое дело,— ответила Мэри, вся просветлев при имени Брендона.

Между тем Генрих обратился к Вольсею:

— Слышали вы что-нибудь подобное, милорд? Что же теперь делать?

Вольсей сказал в ответ несколько смягчающих слов, и они подействовали на короля, как масло на волны, так что Мэри в душе пожалела, что некогда назвала его «проклятой собакой».

Помолчав немного, Генрих спросил:

— Где Брендон? В сущности он — отличный компаньон, и раз мы тут уже ничего не можем изменить, значит, надо примириться. Брендон найдет в тебе свое наказание и без нас! Скажи ему, чтобы он явился ко мне — наверное, ты припрятала его где-нибудь! А там мы посмотрим, что можно будет для него сделать!

— Что ты хочешь сделать для него, братец? —

поспешно спросила Мэри, торопясь использовать милостивое расположение духа короля.

— Об этом уж, пожалуйста, не беспокойся! — сурово ответил Генрих, но Мэри стала ластиться к нему, и он продолжал: — Ну, чего ты хочешь? Говори! Лучше уж я заранее откажусь от сопротивления тебе, потому что ты все равно добьешься того, чего захочешь! Ну, так говори!

— Не мог ли бы ты сделать его герцогом Суффолькским?

— А! Ну, что же, я думаю, что мог бы. Что вы скажете на это, милорд Вольсей?

Канцлер заявил, что считает это пожалование Брендона самым лучшим и подходящим.

— Ну, так пусть так и будет! — решил Генрих и обратился к сестре: — Но теперь я иду на охоту и не желаю слышать больше ни слова от тебя, иначе ты своими льстивыми улыбочками оттягаешь у меня в пользу Брендона добрую половину моего королевства! — Он повернулся, собираясь уйти из комнаты, но на пороге остановился и спросил: — Мэри, не мог ли бы твой муж быть здесь к будущему воскресенью? Я устраиваю турнир, и Брендон мне очень нужен!

* * *

Вскоре Брендон получил титул герцога Суффолькского, однако, герцогские поместья король удержал для самого себя.

Тем не менее Брендон искренне считал себя богатейшим и счастливейшим человеком на свете. Да и наверное он был одним из самых счастливых. Такая жена, как Мэри, очень опасна, если только не находится в полном подчинении. Но Мэри руками и ногами запуталась в шелковых петлях собственной сети, и могла теперь расточать любимому все свои богатые дары любви и блаженства.

С этого момента прекрасная, чарующая, своенравная Мэри исчезает со страниц истории — вернейшее доказательство того, что она воздвигает незыблемый трон в сердце Чарльза Брендона, герцога Суффолькского!

СОДЕРЖАНИЕ

ЖАН ДЕЛАГИР	
<i>Дорога на эшафот</i>	5
ЖОРЖ ОНУ	
<i>Смерть консулу</i>	89
АРТУР КОНАН ДОЙЛЬ	
<i>В булонском лагере</i>	261
ЧАРЛЬЗ МАЙОР	
<i>В расцвете рыцарства</i>	375

Д69 **Дорога на эшафот/Малый авантюрный ро-**
ман.— СПб. Печатный Двор, 1993.—494 с.
ISBN 5-7062-0042-4

В сборник вошли романы:

Жан Делагир «Дорога на эшафот» — история великой женщины Марии Антуанетты — королевы Франции, которая хотела быть больше женщиной, чем королевой...

Жорж Ону «Смерть консулу» — такой приговор вынесли приверженцы монархии Наполеону в период его консульского правления во Франции.

Артур Конан Дойль «В булонском лагере» — идет подготовка армии Наполеона к нападению на Англию. Главный герой Наполеон — человек, политик, военный.

Чарльз Майор «В расцвете рыцарства» — роман о доблестном рыцаре и своенравной принцессе и, конечно, о любви, которой, казалось бы, не суждено состояться.

ББК84.3(0)

Малый авантурный роман

ДОРОГА НА ЭШАФОТ

Художник *С. Маликова*

Корректоры *М. Данцова, Т. Санфирова*

OCR - Давид Титиевский, сентябрь 2017 г., Хайфа

Н/К

ЛР № 040272 06.02.92. Сдано в набор 04.11.93. Подписано в печать 21.12.93. Формат 84×108/32. Гарнитура «Мысль». Печать высокая. Усл. печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 28,3. Тираж 50 000. Заказ № 2094. 3С30.

Издательство «Печатный Двор». 197110, Санкт-Петербург,
Чкаловский пр., 15

ГПП «Печатный Двор». 197110, Санкт-Петербург,
Чкаловский пр., 15

МАЛЫЙ
АВАНТЮРНЫЙ
РОМАН